
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4(17)/2018

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры межнародных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

Издатель

ООО «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

тел. (499) 270 73 00

Заказ № 000

Дата подписания в печать 00.00.2018

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 11 *«Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом*
- 22 **ДЖЕФФРИ К. ОЛИК** *Коллективная память: две культуры*

Память о Красном мае и Пражской весне

- 50 *«Есть не просто память, а история памяти о Мае 68-го». Беседа Евгения Блинова с Патрисом Маниглие о коммеморативных практиках и наследии Мая 68-го*
- 71 *«Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию*
- 96 *«Бурные шестидесятые» противостояли мировому порядку, где два империалистических центра разделили сферы влияния и договорились меряться силами только на периферии». Беседа Александра Шубина и Александра Стыкалина о 1968 годе как феномене мировой истории и об актуальности его наследия и опыта в наши дни*
- 113 **В. В. ДАМЬЕ** *«Долгий 1968-й»: глобальный бунт за самоуправление*
- 135 **А. С. СТЫКАЛИН** *«Мы поставили крест на советской системе. 1968 год изменил нас». Размышления о книге об отклике в СССР на подавление Пражской весны*

Национальная память

Средние века в национальной памяти

- 153 **А. И. ФИЛЮШКИН** *Медиевализм: почему нам сегодня нужны средние века?*
- 163 **Д. Д. КОПАНЕВА** *Средневековые и отечественная игроиндустрия*
- 173 **Е. А. РОСТОВЦЕВ** *Допетровская Русь в жанре интернет-анекдота*
- 185 **А. В. СИРЕНОВ** *О феномене удревления городов в России постсоветского периода*

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран: Италия

- 194 *«Италия – страна городов и регионов, и мне кажется, что надо смотреть на это не как на “слабость”, а как на ресурс». Интервью с Дж. Савино*
- 207 **В. П. ЛЮБИН, Н. Г. ТЕРЕХОВА** *Дуче, фашизм и политика памяти в Италии*
- 224 **ГВИДО БАРТОЛИНИ** *Итальянская память о вторжении в Советский Союз в годы Второй мировой войны*

Размножение делением: Исторические парки «Россия моя — история»

- 242 **В.А. ШНИРЕЛЬМАН** *История России для народа – 2: Выставки в Московском манеже о советском и постсоветском времени*
- 273 **А.А. ГРОСС** *Одна Россия – две истории. Неожиданные впечатления от исторического парка «Россия – моя история» в Ростове-на-Дону*

Музей как место памяти

- 283 **В. С. СТАФ, В. А. ЯКОВЕНКО** *Репрезентация Гражданской войны на Юге России в музеях Ростовской области*

Региональная память

- 293 **С. А. ПАНАРИН** *Игра в четыре руки, или Творчество, профессионализм, бюрократия и историческая память: пьеса в двух актах с открытым финалом*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 313 **Е.А. НЕСТЕРОВ** *Старостиха Василиса: формирование патриотического мифа из эпохи Отечественной войны 1812 г.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 332 **И.Е. КОЧЕДЫКОВ** *Иные истоки тоталитаризма. Рец.: Колеров М. Тоталитаризм. Русская программа для западной доктрины М.: Издание книжного магазина Циолковский, 2018. 152 с.*
- 336 **А.Г. ГОТОВЦЕВА** *Искусство непонимания. Рец.: Балакин А. Ю. Близко к тексту: разыскания и предположения: [статьи 1997–2017 годов]. СПб.: ООО «Издательство Пальмира», 2017. 357 с.*

- 341 **А. Г. ЛОЖКИН** *Рец.: Дедков Н. И., Бордюгов Г. А., Щербаклова Е. И. и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / под ред. А. Д. Некипелова и С. Н. Катырина. М.: АИРО-XXI, 2016–2018. Т. 1. 928 с. Т. 2. 1056 с., с илл.*
- 348 **А. Р. ТОМИЛИН** *Новый взгляд на военно-политическую историю России. Рец.: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга // Русский Сборник. Т. XXVI. М., 2018.*

Мир

- 353 **Б. С. НОВОСЕЛЬЦЕВ** *Рец.: Пивоваренко А. А. Хорватия. История, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М., 2018.*
- 358 **В. А. СОЛОНАРЬ** *Моральные дилеммы одной церкви. Рец.: Pora Ion. The Romanian Orthodox Church and the Holocaust. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017, xi + 239 p.*

Российская империя

- 368 **А. С. ШЕШНЁВ** *Деятельность Саратовской городской думы в области управления ландшафтом. Рец.: Зайцев М. В. Саратовская дума (1871–1917). Саратов: Техно-Декор, 2017. 408 с.: ил.*
- 374 **М. В. БАТШЕВ** *Россия глазами немецкого «экспата» конца XVIII века. Рец.: «У меня в Москве есть повод быть довольным». Переписка Христиана фон Шлецера с семьей. Жизненные миры университариев, трансфер знаний и культуры в России начала XIX века / введение комментарии, общая редакция А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 576 с.: ил. (Серия «История науки»).*
- 378 **В. А. КИТАЕВ** *Рец.: Российский либерализм: Идеи и люди. 3-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. Т. 1 (XVIII–XIX вв.). Т. 2 (XX в.). М.: Новое издательство, 2018.*

СССР

- 389 **М. Ю. НЕМЦЕВ** *Из кухни на площадь. Рец.: Весёе С. За нашу и вашу свободу. Диссидентское движение в России / пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой. Н. Мавлевич. М.: НЛО, 2015.*

САМООРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

403

«Хочется структурировать поле, объединяющее исследователей постсоциалистической памяти, чтобы происходило не просто аккумулятивное бесконечного числа эмпирических кейсов, но и обсуждение разных научных подходов». Интервью с М. Е. Габовичем

ИСТОРИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

411 **Н. П. ТАНЬШИНА**

Здравствуй, Школа! О Школе молодых ученых в ГАУГН (3–7 сентября 2018 г., Москва, ГАУГН-ИВИ РАН)

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

Русские в Америке

422

«Если человек считает, что для его страны принципиально важно избавиться от “чужаков”, то в какой-то момент он примиряется с жестокостью на пути к этой цели». Интервью с В.А. Солонарем

440

«Я считаю себя человеком отсюда и чувствую себя дома в России». Интервью с Ю.Л. Слезкиным

453

«Все в моей академической жизни довольно случайно». Интервью с С.А. Ушакиным

472

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

- 11 “Memory is not a thing, it is not an object. Memory is an ongoing process”. Interview with J.K. Olick
- 22 **J.K. OLICK** *Collective Memory: The Two Cultures*

The memory of Red May and the Prague spring

- 50 “There is not only a memory, but a whole history of the memory of May 68”. Conversation of Patrice Maniglier with Evgeny Blinov about the commemorative practices and the heritage of May 68
- 71 “The use of military force is usually a sign of weakness”. Conversation of Timur Jalilov with Aleksandr Stykalin about the problems of studying the Prague spring and August 1968 intervention in Czechoslovakia
- 96 The “stormy sixties” opposed world order, where two imperialist centers divided spheres of influence and agreed to measure themselves only on the periphery. Conversation of Aleksandr Shubin with Aleksandr Stykalin about 1968 as a phenomenon of the world history
- 113 **V. V. DAMIER** *The “long 1968”: global revolt for self-governance*
- 135 **A. S. STYKALIN** “We have put an end to the Soviet system. 1968 changed us”. Reflections on the book about the response in the USSR to the suppression of the Prague Spring

National memory

The middle ages in the national memory

- 153 **A. I. FILYUSHKIN** *Medievalism: why do we need in the Middle ages today?*
- 163 **D. D. KOPANEVA** *Middle ages and russian videogame industry*
- 173 **E. A. ROSTOVITSEV** *Russia before Peter the Great in the genre of an online joke*
- 185 **A. V. SIRENOV** *On the phenomenon of urban aging in Russia of the post-Soviet period*

Actual problems of national memory of foreign countries: Italy

- 194 *“Italy is a country of cities and regions, and it seems to me that it is necessary to look at this not as a “weakness”, but as a resource”.* Interview with Giovanni Savino
- 207 V. P. LUBIN, N. G. TEREKHOVA *Duce, Fascism and Historical Memory in Italy*
- 224 GUIDO BARTOLINI *The Italian memory of the invasion of the Soviet Union during the Second World War*

«Russia is my history»: the network of historical parks

- 242 V.A. SHNIRELMAN *Russian history for the people-2. Exhibitions in the Moscow Manege about the Soviet and post-Soviet time*
- 273 A.A. GROSS *One Russia - two histories. Unexpected impressions of the Historical Park «Russia is my history» in Rostov-on-Don*

Museum as a place of memory

- 283 V. S.STAF, V.A. YAKOVENKO *Representation of the Civil War in the South of Russia in the museums of the Rostov region*

Regional memory

- 293 S.A. PANARIN *Game in Four Hands or Creativity, Professionalism, Bureaucracy and Historical Memory: piece in two acts with open final*

AS IT ACTUALLY WAS

- 313 E.A. NESTEROV *“Starostikha Vasilisa”: the formation of a patriotic myth from the age of the Patriotic War of 1812*
-

REVIEWS

Generalizing studies

- 332 I. E. KOCHEDYKOV *Other origins of totalitarianism. Rev.: Kolerov M. Totalitarizm. Russkaia programma dlia zapadnoi doktriny Moscow: Izdanie knizhnogo magazina Tsiolkovskii, 2018*
- 336 A. G. GOTOV'TSEVA *The art of misunderstanding. Rev.: Balakin A.Iu. Blizko k tekstu: razyskaniia i predpolozheniia: [stat'i 1997–2017 godov]. St. Petersburg: OOO «Izdatel'stvo Pal'mira», 2017*

- 341 **A. G. LOZHKIN** *Rev.: Dedkov N.I., Bardiugov G.A., Shcherbakova E.I. i dr. Istoriia dlia ekonomistov. Integrirovannyi uchebnyi kompleks dlia studentov ekonomicheskikh spetsial'nostei vuzov Rossiiskoi Federatsii, pod red. A.D. Nekipelova i S.N. Katyrina. Moscow: AIRO-XXI, 2016–2018. Vol. 1. 928 p. Vol. 2. 1056 p., ill.*
- 348 **A. R. TOMILIN** *A new look at the military-political history of Russia. Rev.: Rossiia i Voina: Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik v chest' 75-letii Briusa Menninga. Russkii Sbornik. Vol. XXVI. Moscow, 2018*

The world

- 353 **B. S. NOVOSELTSEV** *Rev.: Pivovarenko A.A. Khorvatiia. Istoriia, politika, ideologiya. Konets XX – nachalo XXI veka. Moscow, 2018.*
- 358 **V. A. SOLONARI** *The moral dilemmas of one church. Rev.: Popa Ion. The Romanian Orthodox Church and the Holocaust. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017, xi + 239 p.*

The Russian Empire

- 368 **A. S. SHESHNEV** *Activities of the Saratov City Duma in the field of landscape management. Rev.: Zaitsev M.V. Saratovskaia дума (1871–1917). Saratov: Tekhno-Dekor, 2017. 408 p.: il.*
- 374 **M. V. BATSHEV** *Russia through the eyes of the German expat of the late 18th century. Rev.: «U menia v Moskve est' povod byt' dovol'nym'. Perepiska Khristiana fon Shletsera s sem'ei. Zhiznennye miry universitariu, transfer znanii i kul'tury v Rossii nachala XIX veka, vvedenie kommentarii, obshchaia redaktsiia A. Kaplunovskogo; per. s nem. K. Levinsona. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 576 p.: il. (Seriia «Istoriia nauki»)*
- 378 **V. A. KITAEV** *Rev.: Rossiiskii liberalizm: Idei i liudi, 3-e izd., ispr. i dop., pod obshch. red. A.A. Kara-Murzy. Vol. 1 (XVIII–XIX vv.). T. 2 (XX v.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2018*

URSS

- 389 **M. Yu. NEMTSEV** *From the kitchen to the square. Rev.: Vess'e S. Za nashu i vashu svobodu. Dissidentskoe dvizhenie v Rossii, per. s frants. E. Baeuskoi, N. Kislovoi. N. Mavlevich. Moscow: NLO, 2015*

SELF-ORGANIZATION OF SCIENCE

- 403 *“It would be desirable to structure the field uniting researchers of the postsocialist memory, which would allow not only the accumulation of an infinite number of empirical cases, but also discussions regarding different research approaches”. Interview with Mikhail E. Gabovich*
-

HISTORY AT UNIVERSITIES

- 411 N. P. TANSHINA *Hello, School! About the School of Young Scientists in GAUGN (September 3–7, 2018, Moscow, GAUGN – IVIRAN)*

HISTORIAN’S TIME

Russians in the USA

- 422 *“If a person believes that it’s fundamentally important for his country to get rid of “outsiders”, then at some point he reconciles himself to the cruelty on the way to this goal”. Interview with V. A. Solonari*
- 440 *“I consider myself a man from here and feel at home in Russia”. Interview with Yu. L. Slezkin*
- 453 *“Everything is rather random in my academic life”. Interview with S. A. Ushakin*

- 472 **REQUIREMENTS FOR PUBLICATION OF ARTICLES AND DOCUMENTS**

«ПАМЯТЬ — ЭТО НЕ ВЕЩЬ И НЕ ПРЕДМЕТ. ПАМЯТЬ — ЭТО НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС»

Интервью с Дж. К. Оликом

Ключевые слова: Джеффри К. Олик, семейная память, фигурация памяти, политика раскаяния, «сложное прошлое» США, Ассоциация исследований памяти.

Аннотация. В интервью Джеффри Олик рассказывает о своей семейной памяти, о том, что его побудило заняться исследованиями памяти, о различных подходах к памяти социологов и историков, о своем концепте «фигурация памяти», почему Германия не является образцом «проработки прошлого», почему в современном мире развивается «политика раскаяния», почему США не входят в число лидеров «политики раскаяния», о планах Ассоциации исследований памяти, о своих творческих планах.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-11-21

Джеффри К. Олик, профессор социологии и истории и заведующий кафедрой социологии в университете Виргинии, сопредседатель Ассоциации исследований памяти. Автор книг: *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection* (ed.).

© Историческая Экспертиза, 2018

Олик Джеффри К. — профессор социологии и истории, зав. кафедрой социологии в университете Виргинии, сопредседатель Ассоциации исследований памяти (США); jko3k@virginia.edu

Durham, NC: Duke University Press, 2003; *In the House of the Hangman: The Agonies of German Defeat, 1943–1949*. Chicago: University of Chicago Press, 2005; *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007; *The Collective Memory Reader* (ed.). New York: Oxford University Press, 2011. With Vered Vinitzky-Seroussi and Daniel Levy; *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago: University of Chicago Press, 2016.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Америка — нация иммигрантов. Разнообразие культур является одним из источников успешного развития вашей страны. Могли бы вы немного рассказать о вашей семейной истории? Кто были ваши предки? Когда они приехали в США?

Дж. О. О моей семейной истории я знаю очень мало. Моя мать была удочерена, и мы ничего не знаем о ее предках. Мой дед по отцовской линии умер до моего рождения, а бабушка с этой стороны рассказывала очень мало. Конечно, мне было любопытно узнать о моих семейных корнях. Известно только, что одна часть нашей семьи приехала из Киева, а другая — из Литвы. Все они перебрались в США на рубеже XIX–XX вв. Но в семье об этом говорили очень мало. В этом смысле моя семья во многом является образцовой американской семьей, которая смотрит вперед, не оглядываясь назад.

С. Э. Марианн Хирш в интервью нашему журналу¹ заявила, что семейная память и травматический опыт Второй мировой войны, испытанный ее родственниками, в значительной мере повлияли на ее интерес к исследованиям памяти и разработку концепта «постпамяти». Каковы были причины вашего обращения к исследованиям памяти?

¹ URL: istorex.ru/page/hirsh_m_ya_deystvitelno_schitayu_chno_lichniy_opit_mozhet_sluzhit_laboratoriyey_dlya_issledovaniy_i_teoreticheskikh_rassuzhdeniy.

Дж. О. Я думаю, что мы все тем или иным образом исследуем прежде всего себя. Иногда это происходит напрямую, как в случае Марианн Хирш. В моем случае надо скорее прибегнуть к психоанализу. Мой путь к исследованиям памяти связан прежде всего с научной деятельностью. Мой интерес к памяти во многом был порожден состоянием американской социологии в те годы, когда я находился в аспирантуре. В конце 1980-х — начале 1990-х американская социология, по моему мнению, стала очень «стерильной». Она носила выраженный «количественный» характер и в основном занималась вопросами социальной стратификации и социальной организации. В то же время развивалась другая социология, которая интересовалась тем, что происходит в философии и исследованиях литературы. Например, тогда происходили поворот к философии обыденного языка и так называемый нарративный поворот в историографии, а также развивалась культурная история. Прослушав курсы истории и другие курсы в аспирантуре, я заинтересовался нарративом. Как ни странно, нарратив меня заинтересовал раньше памяти. Когда я обсуждал проблему нарратива с одним из моих наставников, он посоветовал прочесть книгу долгое время забытого французского социолога Мориса Хальбвакса, ученика Эмиля Дюркгейма. Чтение Хальбвакса стало одним из величайших моментов моей биографии, потому что он предложил те понятия, которые позволили мне узаконить мои исследования внутри американской

социологии, дали возможность заявить: «Я не хочу заниматься математическими моделями, я не хочу исследовать неравенство. Я хочу исследовать нарративы и их воспроизведение в памяти». Коллеги могли возразить: «Это не имеет прямого отношения к социологии». Я мог ответить: «Подождите! Есть выдающийся социолог, ученик самого Дюркгейма, и он говорит, что это имеет непосредственное отношение к социологии». Таким образом Хальбвакс предоставил мне основания, чтобы заявить, что то, чем я занимаюсь и что мне действительно интересно, в полной мере является социологией. Есть и персональные причины моего вовлечения в исследования памяти. Я происхожу из еврейской семьи, а моя жена — немка. Когда мы вместе учились в аспирантуре, мы много говорили о памяти. Мы спорили по поводу обязанностей молодого поколения в отношении национального прошлого, являются ли обиды поколения моих дедушек и бабушек моими обидами и должны ли они вызывать чувства вины и стыда у дедушек и бабушек моей жены? Этот сплав психологии и семейных отношений объясняет мой интерес к Германии и немецкой памяти.

С. Э. Исследования памяти носят междисциплинарный характер. Вы являетесь одним из ведущих социологов, который специализируется на «коллективной памяти» или, как вы предпочитаете называть это поле, «социальной памяти». Подходы социологов и историков к памяти заметно различаются. Могли бы вы указать специфику социологического

подхода и как этот подход может помочь историкам лучше понять природу коллективной (социальной) памяти?

Дж.О. Здесь я должен опять вернуться к Морису Хальбваксу и напомнить, что память, даже если она кажется наиболее приватной и индивидуальной вещью, в действительности всегда носит социальный характер. Мы как индивиды не можем вспоминать без социальных рамок памяти, поскольку вспоминаем социальные объекты как социальные существа, живущие в социальном контексте. Поэтому я считаю, что для обоснования исследований памяти мы скорее должны признать социальную, культурную или коллективную перспективы памяти, чем подходить к ней с точки зрения обыденного языка как к приватному и индивидуальному феномену, который существует только в мозгах или в головах людей. Память существует во внешнем мире в социальном контексте, и это социальный феномен. Историки часто понимают память самым обыденным способом как индивидуальное припоминание. Например, я способен вспомнить свой номер телефона, день рождения моей матери и то, что Трамп является президентом США. На самом деле большинство наших действий как «вспоминателей» (rememberers) представляют собой социальный акт. Признание этого чрезвычайно важно для меня. Исследования памяти основаны на признании ее социального характера. Поэтому я часто пишу в своих работах, что исследования памяти и социология памяти, о чем ранее писал Хальбвакс, противостоят двум

оппонентам. Первый оппонент — это психология, которая исходит из редукционистских и индивидуальных предпосылок памяти и других феноменов. Я бы также сказал, что историки часто используют слишком простой подход к памяти и рассматривают ее как индивидуальное воспоминание, в то время как коллективная память в большей мере имеет отношение к историческому наследию, культуре и широкому ряду символов. Вторая проблема, на мой взгляд, более свойственная историкам, чем социологам, — это идея, что между памятью и историей существует глубокий эпистемологический разрыв. Что история — это истина о прошлом, что она объективна, в то время как память субъективна, ошибочна и частична. Я склонен принять подход Патрика Хаттона (Patrick Hutton), который в своей знаковой книге «История как искусство памяти» утверждает, что история — это только один из путей постижения прошлого и что существует широкий набор подходов, включая те, что мы относим к концепту памяти. В своих работах я стараюсь показать, что концепт «коллективной памяти» слишком широк, что он стирает очень важные различия и что нам необходим другой, пусть и такой неуклюжий термин, как «множество мнемонических практик», который использую я, чтобы различать, как мы взаимодействуем с прошлым. Вспоминаем ли мы номер телефона, какую-нибудь дату, что-либо, испытанное нами индивидуально, обсуждаем с друзьями опыт прошлого, ставим памятник для публичных церемоний, пишем книгу об истории либо создаем музей — все это раз-

ные виды мнемонических практик. Нам необходимо исследовать как их взаимные различия, так и то, что их связывает друг с другом.

С.Э. Один из рецензентов вашей «Политики раскаяния» (Akiko Hashimoto. Social Forces. Volume 87. Issue 1. 2008. Pp. 603–604) отмечает вашу оригинальную концепцию, которая представляет структуру коллективной памяти как «совокупность четырех компонентов: поле, посредник (medium), жанр и профиль». Это звучит интригующе. Не могли бы вы сказать несколько слов об этой концепции?

Дж.О. В «Политике раскаяния», особенно в главе пятой, я представил модель, которую назвал «фигурациями памяти». Термин «фигурации» я заимствовал у социолога Норберта Элиаса. Под «фигурациями» я понимаю наше обращение с памятью как с вещью или местом. То есть у меня есть память, если я помню, как в детстве продал свой велосипед, или, если речь идет о свойствах памяти, у меня хорошая память, если я помню много номеров телефонов. Память — это не вещь и не предмет. Память — это непрерывный процесс. Поэтому нам следует перестать говорить о памяти, необходимо относиться к ней как процессу «памятования» (rememberate). Я пытаюсь «схватить» эту идею с помощью элиасовского понятия «фигурации» как непрерывного процесса, как деятельности. Так как деятельность представляет собой сеть с разветвленной структурой, то под понятиями «поле», «посредник», «жанр»

и «профиль» я подразумеваю различные стороны этой сети, образующие структуру, внутри которой протекают эти виды деятельности.

С.Э. Вы один из главных экспертов национальной памяти Германии. Существует общепринятое мнение, что Германия является образцом преодоления травматической памяти, так называемой «проработки прошлого». Но ваши исследования показывают, что реальная ситуация намного сложнее, что официальная память о Холокосте и других преступлениях нацистов сформировалась под сильным американским давлением. Рядовые граждане не перечат правительству открыто, но, как пишет в одной из своих недавних работ Алейда Ассманн, в узком кругу немцы вместо Холокоста предпочитают обсуждать «ковровые бомбардировки», насилия солдат армий союзников, принудительные депортации из стран Восточной Европы и другие страдания своих предков. Как вы объясните причины, по которым официальная немецкая политика памяти оказывает ограниченное влияние на массовое сознание? Не находите ли вы, что она непредусмотренным образом провоцирует национальный ре- сентимент?

Дж.О. Я думаю, что один из величайших вызовов для нас как людей состоит в понимании того, как незначительны наши страдания и боли в сравнении со страданиями и болями всего человечества. Это естественно, что испытания, выпавшие на нашу долю, представля-

ются нам более важными, чем страдания далеких людей. Я могу узнать об ужасных страданиях какой-либо группы людей, но если у меня сегодня болит голова, то моя головная боль будет для меня гораздо важнее. Один из величайших моральных вызовов нашего мира состоит в способности суметь оказаться в «чужой шкуре». Неудивительно, что для всех нас сложно это делать. Поэтому легко представить, почему рядовые немецкие граждане сосредоточены на том, что произошло с ними и их предками. Они потеряли свои дома, членов своих семей, подвергались изнасилованиям, на их долю выпали всевозможные бедствия какие только можно представить. В этой ситуации сложно заявлять: «В самом деле мои страдания и страдания моего покойного мужа или отца не имеют значения в сравнении со страданиями других людей». Мы должны проявлять осторожность и не ожидать слишком многого от людей, т.к. мы все смотрим с нашей эгоистической точки зрения. Я признателен за ваше указание на то, что мои исследования оспаривают широко распространенное убеждение, что Германия является образцом проработки прошлого, в результате которого была учреждена правильная «хорошая» память. Случай Германии гораздо сложнее, т.к. существует разрыв между официальными нарративами и тем, чем озабочены простые граждане. Я считаю, что это естественно, при этом я полагаю, что германские власти поступают правильно, когда публично говорят правильные вещи, поскольку таким способом они задают верный тон для национальной идентичности.

Следовательно, расхождение между официальным и частным поведением является неизбежным. Проблемы возникают, когда люди не понимают или не соглашаются с различием между их собственным опытом и общественной ситуацией в целом. В социологии это противоречие между собственным жизненным опытом и широким фоном социальных изменений рассматривается как серьезная проблема. Например, я могу считать: «Я не могу найти работу, поскольку я недостаточно сообразительный, или я обязательно найду работу, поскольку я смывленный и усердно работаю». Но реальными причинами того, сможете ли вы найти работу, в значительной мере являются уровень безработицы и экономическая ситуация в целом, находится ли она в стадии роста или переживает рецессию. Человеку очень сложно сопоставить свою ситуацию с широкими социальными изменениями: «Если мне хорошо, то хорошо должно быть всем. Если мне плохо, значит ситуация в целом плохая». Поэтому я считаю, что один из основных вызовов для исследователей памяти а также политических лидеров состоит в способности ненавязчиво побуждать и помогать людям мыслить, выходя за пределы личной ситуации. Я думаю, что это очень хорошо, когда политические лидеры способны напоминать населению о прошлом и отвечать на возникающее при этом чувство обиды. Мы должны понимать, откуда возникают эти обиды, и не считать их исключительным злом. Это правда, что иногда эти обиды распространяются гораздо шире, чем следовало. Я имею в виду ситуацию,

когда личные обиды выплескиваются в политическую сферу. Эти ситуации требуют энергичного отпора.

С.Э. Ваш термин «политика раскаяния» (*politics of regret*) удачно описывает современную ситуацию растущего числа внутренних и внешних политических извинений. Существует любопытный «Хронологический список политических извинений», составленный профессором Грэхэмом Доддсом². Согласно этому списку, до начала XX в. было всего 13 извинений, с 1901 и до конца Второй мировой войны (1945) еще 14, с 1946 и до падения Берлинской стены (1989) — 64, и с 1990 до 2016 г. — 546 извинений. Профессор Доддс уточняет, что список не полон. Тем не менее тенденция очевидна. Как бы вы объяснили этот тренд?

Дж.О. Не существует единого объяснения извинений, поскольку извинения бывают разных видов. Вы можете вспомнить, как дрались в школе и ненавидели того, с кем деретесь, тем не менее учитель требовал от вас сказать «извини» и пожать руку вашему противнику. Поэтому есть фальшивые извинения и неискреннее раскаяние. Я обратил внимание на интересный феномен, часто извиняются не преступники перед жертвами, а представители второго или третьего поколения. Мы видели это в Германии конца 1960-х, когда молодое поколение, пребывающее в студенческом возрасте, взяло на себя

² URL: www.humanrightscolumbia.org/ahda/political-apologies?page=33.

груз долга и вины за преступления нацистов. Разумеется, что они сами не несли ответственности за это. Когда вам двадцать лет в 1968 г., легче извиняться за то, что делала ваша страна в 1940-е гг., поскольку вас тогда и на свете не было. Поэтому извинения имеют сложную геометрию и различаются между собой, т.к. подразделяются на несколько видов. В этом смысле я считаю, что есть причины для существования нормы извинений и сожалений, которые действительно получили широкое распространение. Действительно, это один из великих моральных вопросов нашего времени. В этой связи я часто противопоставляю две цитаты. Американский философ Джордж Сантаяна утверждает: «Те, кто забыл уроки прошлого, будут вынуждены их повторить». А Фридрих Ницше считает: «Прошлое должно быть забыто, с тем чтобы не стать могильщиком настоящего». Поэтому вопрос формулируется следующим образом: «Как много памяти нам необходимо и что нам следует с ней делать?» Одни считают, что мы слишком много извиняемся. Другие полагают, что мы извиняемся недостаточно. Я бы привел пример из обыденной жизни. Если вы извиняетесь и делаете это искренне, то риск от чрезмерных извинений гораздо меньше, чем недостаточные извинения. По моему мнению, если в личных отношениях вы готовы признать: «Может, я поступил неправильно, и может, я должен что-то сделать, чтобы исправить положение», ваш партнер будет счастливее, чем в ситуации, когда вы неправы и отказываетесь это признать. В таких случаях отношения рушатся. Поэтому

не надо бояться чрезмерных извинений.

С. Э. Следующий вопрос представляет собой «русское вмешательство» в американскую политику памяти. По всему миру растет количество политических извинений, но США, которые считают себя «градом на холме», маяком демократии, свободы и прав человека, не входят в число лидеров «политики раскаяния». Достаточно напомнить лишь несколько случаев, настоятельно требующих извинений со стороны американского правительства. Количество музеев Холокоста в США превышает число музеев рабства афроамериканцев и геноцида индейцев. Ряд экспертов объясняют это несоответствие тем, что американское правительство не несет ответственности за Холокост, в отличие от рабства и истребления индейцев, и, следовательно, тем, что легче обвинять в жестокости других. В действительности американское правительство несет ответственность за жесткие ограничения на въезд еврейских иммигрантов накануне и в годы Второй мировой войны. Как вы знаете, семья Анны Франк не получила от Государственного департамента разрешения на въезд в США из Нидерландов, оккупированных нацистами. В 1939 г. США, Канада и Куба отказались принять корабль с 907 еврейскими беженцами на борту. Вынужденные вернуться в Европу, многие из них погибли во время Холокоста. В этом году канадский премьер-министр Джастин Трюдо принес извинение за судьбу этих

еврейских беженцев³. Как вы считаете, вдохновит ли поступок канадского премьера американских официальных представителей на извинение за безразличие к судьбам еврейских беженцев накануне и в годы Второй мировой войны? Как долго следует ждать американских извинений за такие очевидные преступления против человечности, как ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и ковровые бомбардировки Дрездена и других германских городов, не имевших значительной военной инфраструктуры?

Дж.О. Предполагаю, что простой ответ — еще долго или никогда. На самом деле, говорить так — это большой риск для меня, т.к. люди верят, что извинения подрывают наши идентичность и мощь. Я согласен с приведенным вами списком сложного прошлого США и считаю, что должно быть больше извинений за это. Единственным значительным исключением в американской политике раскаяния является признание ответственности за интернирование американских граждан японского происхождения во время Второй мировой войны. В этом случае американское правительство признало свои правонарушения и выплатило компенсации. Недавно я выступил с лекцией: «Шарлоттсвилл и конец американской исключительности: перспективы исследований памяти»⁴.

³ URL: www.cbc.ca/news/politics/trudeau-apology-st-louis-1.4654516.

⁴ URL: player.fm/series/ucd-humanities-institute-podcast/jeffrey-olick-charlottesville-and-the-end-of-american-exceptionalism-memory-studies-perspectives.

Я сказал, когда закончится наша исключительность, тогда наступит политика раскаяния. Сейчас мы стараемся меньше извиняться, меньше сожалеть и меньше критиковать наше прошлое. Тем не менее в последние годы политика раскаяния получила большее развитие в США. Я имею в виду памятники деятелям Конфедерации на Юге. Весь мир видел настоящий бунт, который разгорелся в моем родном городе Шарлоттсвилле, где располагается мой университет, после того, как городской совет решил переместить статую генерала Конфедерации Роберта Ли с одной из центральных площадей в один из парков. Протестующие заявляли, что это попытка разрушить и скрыть нашу историю. Их критики утверждали, что Роберт Ли является символом несправедливого, незаконного и высшей степени ужасного дела, которое невозможно прославлять. Важно, что этот памятник стоял в течении десятилетий и никто не обращал на него внимания. Сейчас стали замечать. Есть множество подобных случаев. Джорджтаунский университет обнаружил, что его финансовое благополучие было обеспечено продажей рабов, которыми этот университет владел. В Йельском университете были дебаты по поводу одного из колледжей, названного в честь Джона Кэлхуна (John C. Calhoun), который был вице-президентом США и занимался работорговлей. Первая реакция была: «Изменить название, значит, изменить историю этой институции». Потом все-таки решили переименовать колледж. В моем университете одно из зданий медицинской школы было названо в честь Харви

Джордана (Harvey E. Jordan), бывшего сторонником евгеники. В результате прошлым летом здание решили переименовать. Поэтому, возможно, что в США наступит время большего признания ответственности за «темное прошлое» и американская исключительность исчезнет из политики памяти. По крайней мере я надеюсь на это.

С.Э. Мы уже публиковали интервью вашей коллеги по Ассоциации исследований памяти (MSA) Алин Зирп (Aline Zierp)⁵. Я уверен, что русским историкам будет интересно узнать ваше мнение, как сопредседателя MSA

Дж.О. Ассоциация исследований памяти — это очень интересное начинание. На наш взгляд, множество ученых по всему миру занимаются изобретением колеса. Поэтому возникла идея собрать вместе разных исследователей, представляющих разные дисциплины, из разных стран мира, чтобы они могли поговорить друг с другом. Это вовсе не попытка установить одну единственную модель исследований памяти или стремление контролировать дискурс. Это намерение начать общение, приобрести новых друзей, познакомиться с новыми идеями, узнать друг друга. Мне знакома такая вещь, присущая небольшим конференциям, где все говорят: «Да, знаю я, что такое исследование памяти, но здесь говорят о ка-

кой-то другой памяти». MSA — это возможность для понимания как уникальности ситуации с изучением памяти в различных местах, так и того, что для них является общим. MSA, по моему мнению, является исключительно успешным проектом. Сейчас мы готовим третью конференцию, которая состоится в Мадриде в июне 2019 г. Мы ожидаем большого числа участников замечательных пленарных заседаний и панелей. Мы надеемся, что MSA — проект, который будет успешно развиваться в течение многих лет.

С.Э. На сайте вашего института сообщается, что вы сейчас работаете над шеститомной «Культурной историей памяти». Могли бы вы сказать несколько слов об этом проекте и других ваших творческих планах?

Дж.О. Проект «Культурная история памяти» возник по инициативе лондонского издательства Блумсбери (Bloomsbury). Идея принадлежит моему немецкому коллеге Штефану Бергеру (Stefan Berger) из Рурского университета в Бохуме, на основе которой мы вместе разрабатывали этот проект. Одно из ограничений состояло в том, что структуру издания определяло издательство. Всего будет шесть томов, каждый из которых посвящен отдельной эпохе:

1. Культурная история памяти в период Античности (800 год до РХ — 500 год после РХ). Редактор Сюзен Оллок (Susan Alcock), университет Браун, США.

2. Культурная история памяти в Средние века (500–1450).

⁵ URL: istorex.ru/page/alin_zirp_assotsiatsiya_issledovaniy_pamyati_nadeetsya_stat_po_nastoyaschemu_vsemirnim_obedineniem_sposobstvuyuschim_vidayuschimsya_issledovaniyam_inauchnomu_obmenu.

Редактор Джеральд Шведлер (Gerald Schwedler), Цюрихский университет, Швейцария.

3. Культурная история памяти в Раннее Новое время (1450–1700). Редакторы Марек Тамм (Marek Tamm), Таллиннский университет, и Алессандро Арканджели (Alessandro Arcangeli), Веронский университет, Италия.

4. Культурная история памяти в семнадцатом веке (1700–1800). Редактор Джон Саттон (John Sutton), университет Маккуори, Австралия.

5. Культурная история памяти в девятнадцатом веке (1800–1900). Редактор Сюзен Крэйн (Susan Crane), университет Аризоны, США.

6. Культурная история памяти в долгом двадцатом веке (1900–2000+). Редакторы Штефан Бергер, Рурский университет в Бохуме, Германия, и Билл Найвен (Bill Niven), университет Ноттингем Трент, Великобритания.

Каждый том разбит на восемь глав с общей структурой: 1) Политика; 2) Время и пространство; 3) Медиа и технологии; 4) Наука и образование; 5) Философия, религия и история; 6) Высокая и народная культура; 7) Общество; 8) Воспоминание и забывание. Это позволяет читателю либо следить за развитием одной темы на протяжении всей истории, либо тщательно обозреть все темы одного периода. В электронных ридерах предусмотрена возможность, позволяющая, в зависимости от целей читателя, расположить 48 глав либо вертикально, либо горизон-

тально. Это очень сложный проект, который порождает множество организационных проблем. Это был серьезный вызов, сейчас поступают последние главы, надеюсь, что через год он станет доступен для читателей.

Другой большой проект, в котором я сейчас участвую, — это новое английское издание перевода работ Мориса Хальбвакса, посвященных памяти. Хальбвакс только частично переведен на английский. Так, его знаменитая работа 1925 г. «Социальные рамки памяти» переведена Льюисом Козером (Lewis Coser) в издании 1992 г. в объеме примерно 40 %. Из «Легендарной евангельской топографии Святой земли» (1941) переведено только «Заключение», которое опубликовано в том же издании 1992 г., в переводе Козера. Недавно Жерар Намер (Gérard Namer) подготовил критическое переиздание сборника статей Хальбвакса «Коллективная память», впервые изданного в 1951 г. На английском языке этого сборника, который серьезно отличается от первого издания, нет. Издательство Оксфордского университета собирается подготовить новый перевод этих трех работ Хальбвакса. Мой австралийский коллега Джон Саттон отвечает за «Социальные рамки памяти», а моя коллега Сэйра Дэйнс (Sara Danes) и я — за «Легендарную евангельскую топографию Святой земли» и «Коллективную память». Я считаю, что это издание изменит представления о Хальбваксе и о происхождении исследований памяти. Но это долгая и сложная работа. Надо не только перевести непростые тексты, но также

необходимо подготовить критическое введение, помещающее вклад Хальбвакса в исследования памяти в более широкий контекст французской социологии 1920–1930-х гг. Тем не менее я, как оптимист, на-

деюсь, что мы закончим эту работу в ближайшие полгода и через год книга выйдет в свет.

С.Э. Большое спасибо за интервью.

“MEMORY IS NOT A THING, IT IS NOT AN OBJECT. MEMORY IS AN ONGOING PROCESS”
Interview with Jeffrey Olick

Olick J. K. — Professor of sociology and history, Head of sociology Department, University of Virginia, co-chair of the Association for memory studies (USA)

Key words: Jeffrey K. Olick, family memory, the figuration of memory, politics of regret, German national memory, “difficult past” of the United State, Memory Studies Association.

Abstract. In the interview Jeffrey Olick tells about his family memory and why he is engaged in memory studies, what is the difference between the sociological and historical approaches towards memory, what is the essence of his concept “the figuration of memory”, why Germany is not a model case of “working through the past”, why the ‘politics of regret’ is a current growing trend, what are the obstacles for the United States to be a part of the ‘politics of regret’s leaders, what are the plans of Memory Studies Association, what are the publishing projects of professor Olick.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ДВЕ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: индивидуальная память, коллективная память, совокупность индивидуальных памятей, политическая культура, травма.

Аннотация. Что является коллективным в коллективной памяти? Существуют два конкурирующих подхода к коллективной памяти: один рассматривает совокупность социально обусловленных индивидуальных памятей, другой обращается к коллективному феномену *sui generis*, при этом различие этих подходов редко формулируется в литературе. В этой статье рассматриваются различия и связи между индивидуалистским и коллективистским подходами к феномену коллективной памяти. Первый из них открыт психологическому рассмотрению, он включает нейрологический и когнитивный факторы, но пренебрегает технологиями памяти, прямо не связанными с функциями мозга, а также теми процессами, когда когнитивные и даже нейрологические структуры частично формируются под влиянием социальных факторов. Второй подход подчеркивает социальные и культурные предпосылки функционирования публичной и личной памяти, но не уделяет должного внимания психологической динамике этих процессов. В этой статье на травматических примерах отстаиваются многомерные сближения индивидуалистского и коллективистского подходов.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-22-49

Можно привести убедительные аргументы в пользу того, что коллективная память играет важную роль в политике и общественной жизни. Подобные заявления стали общим местом в научных и политических рассуждениях: фотографии Вьетнамской войны ограничивают общественную поддержку военных действий Америки, память о периоде нацизма ограничивает германскую внешнюю и внутреннюю политику, воспоминания о диктату-

ре формируют деятельность переходных и постпереходных режимов Восточной Европы и Латинской Америки, Уотергейт постоянно упоминается в ходе всех политических скандалов в Вашингтоне. Это только некоторые из приводимых в подобных случаях примеров. Понятие коллективной памяти действительно стало могущественным символом многих современных политических и социальных процессов, что, по видимости, свидетельствует о всеобъемлющем интересе к памяти, свойственном нашей эпохе. Новые режимы ищут, каким образом следует «поместить» наследие своих предшественников, в то же время устоявшиеся обществен-

© Олик Дж. К., 2018

Олик Джеффри К. — профессор социологии и истории, зав. кафедрой социологии в университете Виргинии, сопредседатель Ассоциации исследований памяти (США); jko3k@virginia.edu

ные системы сталкиваются с подъемом исторического сознания и с растущими требованиями «политики раскаяния»¹.

В любом случае недавний всплеск интереса к коллективной памяти и активное использование этого понятия представляет серьезный вызов для ученых, исследующих феномены, которые этим понятием обозначаются. Прежде чем представлять вышеупомянутые гипотезы, мы должны установить точное значение этого понятия. Я не считаю, что необходимо «операционализировать» коллективную память в духе позитивизма, создавая эмпирически верифицируемые законы, которые охватят всю реальность, обозначаемую этим понятием. Скорее я полагаю, мы должны выяснить, какую ценность добавляет это понятие, уточнить, какие феномены мы способны «осязать» с его помощью, а также определить, о какого рода «осязании» идет речь².

¹ Я использую этот термин применительно к исторически сложившемуся набору специфических идей, относящихся к восстановлению коллективной справедливости. Представляется, что общая готовность признать преступления прошлого лишь недавно стала распространяться по миру. Она приводит к росту официальных и неофициальных извинений перед внутренними и, в еще большей степени, перед внешними жертвами. Ожидание признания преступлений стало решающим фактором в процессе «переходной юстиции» и в еще большей мере — во внутренней и во внешней политике.

² Это различие между «операционными» и «сензитивными» концептами было предложено Гербертом Блумером (*Blumer* 1969: 153–182). Блумер рассматривал «операционные» концепты в качестве разграничителей устойчивых и измеряемых феноменов, а под «сензитивными» концептами он понимал наблюдение над развивающимися сферами

Ряд критиков подозревают, что коллективная память — это убогое замещение таких давних понятий, как политическая традиция или миф. Геди и Элам, рассматривают использование этого понятия как «акт насильственного вторжения, <...> подобного тому как расплавленная порода проникает в более ранние слои, <...> в результате которого неизбежно стираются тонкие различия» (*Gedi, Elam* 1996: 30). Другие беспокоятся о разрыве, который возникает при адаптации понятия индивидуального уровня (памяти) к уровню коллективному. Фентресс и Уайкем, например, с подозрением относятся к «понятию коллективного сознания, удивительным образом отделенного от мыслительных процессов конкретной личности» (*Fentress, Wickham* 1992: 1). Учитывая происхождение данного термина из дюркгеймовской традиции, озабоченность этих авторов нельзя считать полностью необоснованной. С другой стороны, Берк считает, что «если мы отказываемся использовать подобные понятия, мы утрачиваем способность указать пути, которыми идеи индивидов подвергаются влиянию групп, к которым эти индивиды принадлежат» (*Burke* 1989: 98).

Разумеется, что мы интересуемся не понятием «коллективная память» самим по себе, а тем, каким образом подобные этикетки структурируют (т.е. одновременно помогают и ограничивают) нашу теоретическую и эмпирическую работу. Каковы преимущества и недостатки

реальности и способами восприятия общих направлений социального процесса.

«коллективной памяти» в сравнении с такими понятиями, как «коммеморация», «традиция», «миф» и т.д.? Что означает утверждение, что память индивидов формируется под влиянием тех групп, к которым они принадлежат? Относятся ли идеи к феноменам индивидуально- или коллективного уровня или же представляют комбинацию того и другого? Или изучение социальной памяти свидетельствует о бесполезности такого различения?

ИСТОКИ

Современное употребление понятия «коллективная память» в значительной мере восходит к Эмилю Дюркгейму (*Durkheim* [1915] 1961), который в «Элементарных формах религиозной жизни» много писал о ритуалах коммеморации, а также к его ученику Морису Хальбваксу, опубликовавшему в 1925 г. свое основополагающее исследование «Социальные рамки памяти»³. Дюркгейма и его последователей часто критиковали за органицизм, который пренебрегает различиями и конфликтами. Дюркгейм действительно писал «Общество» с заглавной буквы, и «коллективные представления» в его труде действительно живут собственной жизнью. Хальбвакс был осторожней и использовал «группы» вместо дюркгеймовского «Общества». Это позволило продемонстрировать многообразие коллективных памятей и показать, что общая память явля-

³ Марк Блок (*Bloch* 1925; [1939] 1974) также использовал термин «коллективная память», и не только в 1925 г., но и позднее в своей книге о феодальном обществе.

ется важным маркером социальных различий (*Coser* 1992; *Wood* 1994).

Тем не менее, с моей точки зрения, в трудах Хальбвакса о коллективной памяти присутствует неразрешенное противоречие между индивидуальным и коллективным, которое в значительной мере зависит от различия аргументов, на которые он отвечает. Для Хальбвакса, который исходит из дюркгеймианской критики философии, изучение памяти — это не вопрос специфики индивидуального сознания, как полагал Бергсон (*Bergson* [1896] 1991). Это скорее вопрос о том, как индивидуальные сознания работают вместе, как их операции структурируются социальными установками: «Свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе» (*Хальбвакс* 2007: 28; *Halbwachs* [1925] 1992: 38). Хальбвакс показывает, что индивид не может вспоминать сколько-нибудь связным образом вне своего группового контекста. Среди его любимых примеров присутствует невозможность с уверенностью судить о детских воспоминаниях: являются ли они индивидуальными или основаны на намеках и подсказках семейного окружения.

Однако Хальбвакс приводит эти аргументы, не столько анализируя социальную память саму по себе, сколько рассматривая *социальные рамки* памяти. Он везде рассуждает о различиях между индивидуальной и коллективной памятью. Хальбвакс подчеркивает, что только индивиды вспоминают, даже если они вспоминают вместе. Членство

в группе представляет материал для памяти и подталкивает вспоминать одни события и забывать другие. Группы даже могут порождать у индивидов память о событиях, которые они не могли «переживать» в прямом смысле слова. Таким образом Хальбвакс сопротивляется крайнему субъективизму Бергсона, а также общепринятому взгляду на воспоминание как чисто индивидуальное деяние. В то же время возникает впечатление, что он стремится сохранить понятие индивидуальной памяти, которая вместе с тем формируется социальными рамками и идентичностями.

С другой стороны, у Хальбвакса присутствует гораздо более радикальный коллективистский момент, прежде всего это относится к его реакции на Фрейда, а также к попытке различения коллективной памяти и истории. Фрейд, предложивший одну из наиболее влиятельных теорий памяти, доказывал, что бессознательное является хранилищем всего прошлого опыта. Забывание, в большей мере чем воспоминание, является тем, что работает в виде вытеснения и замещения на «экране» памяти, блокируя доступ к наиболее беспокоящим событиям прошлого. Хальбвакс, напротив, доказывал, что память никоим образом не является хранилищем всего прошлого опыта. Со временем память становится собранием обобщенных «*imagos*» (образов — лат.), и для сохранения этих образов необходим социальный контекст. В этом смысле память является прежде всего продуктом коллективных нарративов и символов, находящихся в распоряжении индивидов, а также

социальных инструментов для их хранения и передачи. Поэтому «не нужно доискиваться, где они [воспоминания] находятся, где сохраняются в моем мозгу или в каком-либо уголке моего ума, куда я один лишь имею доступ, — ведь мне напоминают о них извне, и те группы, к которым я принадлежу, в любой момент предоставляют мне средства для их реконструкции» (Хальбвакс 2007: 28; *Halbwachs* [1925] 1992: 38)⁴.

Это самый аутентичный дюркгеймианский момент теории социальной памяти Хальбвакса, в которой *imagos* являются коллективными представлениями *sui generis*. В отличие от «Социальных рамок памяти», где индивидуальные воспоминания определяются принадлежностью к группе, но в итоге располагаются в нашем индивидуальном сознании, в таких работах, как «Евангелическая легендарная топография Святой земли», и в других исследованиях Хальбвакс сосредоточивается на публичных коммеморативных символах, ритуалах и технологиях⁵. Эта дюркгеймианская дискуссия поддерживает идею противоположности «истории» и «коллективной памяти», но не как публичного и частного, а как подходов различающихся взглядом на прошлое

⁴ Это заявление может быть воспринято как сильное предложение, согласно которому мы должны исследовать чисто социальные технологии памяти: архивы, музеи и библиотеки. Далее я детально рассмотрю этот вопрос.

⁵ Разумеется, что с нашей сегодняшней точки зрения представления о публичной доступности являются, как правило, более сложными, они предлагают различные подходы и «подрывные» (subversive) прочтения. См.: (Johnson et al. 1982).

с точки зрения настоящего. История, так же как и коллективная память, является собранием доступных публике социальных фактов. В этом смысле Хальбвакс поочередно рассматривает автобиографическую память, историческую память, историю и коллективную память. Автобиографической является память о тех событиях, которые были нами пережиты на личном опыте (хотя этот опыт формируется под влиянием принадлежности к группе), тогда как историческая память формируется только под влиянием исторических свидетельств⁶. История — это воспоминание того прошлого, к которому мы больше не имеем «органического» отношения, прошлого, которое не является больше важной частью нашей жизни, в то время как коллективная память — это активное прошлое, которое формирует нашу идентичность.

Таким образом у Хальбвакса «коллективная память» указывает по меньшей мере на два различных и лишь частично взаимодополняющих типа феноменов: социально обусловленную индивидуальную память, а также коллективные коммеморативные представления и мнемонические «следы». Проблема состоит в том, что Хальбвакс не предоставил нам целостную парадигму, которая бы идентифицировала уникальные структуры,

⁶ Последние исследования (напр., *Schuman, Corning* 1999) демонстрируют различные способы обретения опыта о современных событиях — либо через непосредственное участие, либо через масс-медиа, а также разные пути, которыми этот опыт входит в память, как индивидуальную, так и коллективную.

участвующие в этом процессе, и показывала бы, как они соотносятся между собой. Хотя он действительно предложил несколько полезных соображений по всем этим вопросам. В этом смысле Хальбвакс остается теоретиком девятнадцатого века, одним из тех, кто рассматривал проблемы индивидуального и коллективного уровней как проблемы разного порядка. При таком дихотомическом подходе возможно выделить либо один, либо другой из уровней, предложить великую теорию соединения их в одно целое, а также перевода с одного уровня на другой, или представить продуктивную порой мешанину наблюдений по поводу того или иного круга проблем. Хальбвакс, по моему мнению, избрал последний путь для работы с коллективной памятью. На мой взгляд, с тех пор это направление исследований преобладает, хотя и не всегда оказывается благотворным.

ДВЕ КУЛЬТУРЫ

Представляется, что два вида феноменов, к которым может быть отнесено понятие коллективной памяти у Хальбвакса и у других исследователей, радикально отличаются онтологически и требуют разных эпистемологических и методологических подходов. Понимание этого отсутствует в неразборчивом (в буквальном смысле) использовании термина «коллективная память»⁷. Коллективная память используется

⁷ Существует несколько обзоров литературы, посвященной коллективной памяти. См.: (*Olick, Robbins* 1998; *Thelen* 1989; *Kammen* 1995; *Zelizer* 1995).

при описании совокупности индивидуальных воспоминаний, официальных коммемораций, коллективных представлений и отдельных свойств, определяющих коллективную идентичность. Получается, что коллективная память помещается в пространство смутных воспоминаний, личных свидетельств, устной истории, традиции, мифа, стиля, языка, искусства, народной культуры и выстроенного нами мира. Что мы выигрываем и что теряем, именуя все это «коллективной памятью»? Пьер Нора — один из наиболее выдающихся практиков в области исследований социальной памяти (*Olick, Robbins* 1998), в частности, пытается обозначить все это как «места памяти» французского общества. Таким образом возникли семь томов, включающих такие разделы, как «Виши», «Правые и левые», «Различения времени и пространства», «Земля», «Названия улиц», «Гастрономия», «День Бастилии», «Жанна д'Арк» и «Французский язык» (*Nora* 1992). В результате возникает вопрос, а что в таком случае не является местами памяти? То же самое можно сказать о коллективной памяти. Так как социальное действие и социальное производство имеет дело с продуктами, передающимися из прошлого, коллективная память становится синонимом хранения образцов деятельности *per se*.

Но даже если мы ограничим понятие коллективной памяти явными выражениями коммеморативной активности и ее продуктами, что является популярной аналитической стратегией, проблема выбора между индивидуалистическими и коллективистскими подходами оста-

ется без внятной формулировки. Здесь сталкиваются два радикально различающихся понятия культуры. Одно рассматривает культуру как субъективную категорию значений, содержащихся в сознании индивида. Другое представляет культуру как совокупность объективированных символов, находящихся в распоряжении общества. Каждое из этих понятий культуры порождает различные методологические стратегии и производит разные формы знания. Для лучшего осознания «чувствительности» понятия коллективная память нам необходимо точно понять, каким образом две этих концепции культуры проявляют себя. Я начинаю подозревать, что гипотезы о роли памяти в политике сильно зависят от того, как мы определяем феномен коллективной памяти, к какому роду процессов и вещей мы ее относим.

Недавно состоявшаяся дискуссия о понятии «политическая культура» благоприятствует решению нашей задачи. Изучение коллективной памяти может рассматриваться как часть исследований политической культуры в связи с тем, что оно затрагивает культурное устройство политической идентичности и деятельности. Понятие политической культуры известно прежде всего благодаря серии работ, посвященных политическому развитию, начало которой в 1950-х и 1960-х положили такие исследователи, как Габриэль Алмонд, Люсьен Пай и Сидней Верба. В их трудах это понятие обозначало совокупность образцов психологической ориентации для достижения политических целей (*Almond, Verba* 1963; 1980). В наиболее,

пожалуй, известной книге, относящейся к этой исследовательской традиции, Алмонд и Верба выдвигают гипотезу, что набор субъективных ориентаций, который они именуют «гражданской культурой», является насущной необходимостью для производства и поддержания политических институтов демократии (*Almond, Verba* 1963).

Теоретики политической культуры, принадлежащие к этой традиции, рассматривают культуру скорее как среду обитания, нежели как набор идей и символов, присутствующих в публичном пространстве. Поэтому они применяют те методы, прежде всего социологические опросы, которые позволяют обнаружить и сгруппировать источники образцов социальной деятельности, скрытые в индивидуальных сознаниях. С этой точки зрения анализ политической культуры является разновидностью коллективной политической психологии, индивидуалистической как в политическом, так и в онтологическом смыслах. При этом «черный ящик» сознания рассматривается как источник институциональных целей. Политическая культура и другие феномены, вроде общественного мнения, являются не более чем совокупностью способов поведения и мнений индивидов, из которых образуется общая картина. Разумеется, макросоциальные и «объективные» переменные влияют на эти индивидуальные взгляды и действия, но они не рассматриваются как самодостаточные феномены. Хотя бихевиористские (т.е. исключительно наблюдающие) методы объявляются «научным» ответом

политической философии, при интерпретации данных социологических опросов неизбежно возникает онтологическая проблема: являются ли они признаками культурных структур или это культурные структуры сами по себе?

В последнее время социальные исследователи, многие из которых принадлежат дюркгеймианской традиции, переизобрели концепцию политической культуры (*Baker* 1990; *Berezin* 1994; *Brint* 1994; *Hunt* 1984; *Somers* 1995; *Olick, Levy* 1997). В противоположность и к вышеупомянутому подходу к политической культуре, и к различным инструменталистским стратегиям, которые отвергают культурное измерение политики, новый анализ политической культуры рассматривает культуру не в узком смысле субъективных ценностей и поведения, но в широком понимании как символическое измерение всех социальных ситуаций. Культура рассматривается как межсубъектное и даже объективное явление, которое воплощается в виде символов и образцов смысла. Отказываясь от отождествления политической культуры с коллективной политической психологией, новая теория политической культуры подчеркивает дискурсивное измерение политики, показывает, что политический язык, символизм и формулировка требований образуют основу интересов и идентичностей. Таким образом, политическая культура структурирует политический дискурс, и анализ политической культуры является попыткой понять шаблоны и логику этого дискурса. Таким образом политическая культура может лишь в первом приближении

быть измерена с помощью социологических опросов. Ее необходимо исследовать, рассматривать и интерпретировать в ее собственных понятиях как культуру (*Olick, Levy* 1997). Именно здесь находится онтологический разрыв между данными опросов и политической культурой, между совокупностью мнений и «общественным мнением»⁸.

СОВОКУПНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПАМЯТЕЙ (COLLECTED MEMORY) VS КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Эти споры о понятии политической культуры и о приемлемых стратегиях ее анализа чрезвычайно уместны для обсуждения вопроса о коллективной памяти: две те же самые конфликтующие концепции культуры лежат в основе различных работ, посвященных коллективной памяти, хотя практики исследований памяти не сталкивались подобным образом в обсуждении этой проблемы. Исследования социальной памяти носят трансдисциплинарный характер и не обладают общей парадигмой. Они осуществляются независимым образом в различных исторических, географических, дисциплинарных и других контекстах (*Olick, Robbins* 1998). Концептуаль-

⁸ Эти вопросы восходят по меньшей мере к Руссо, который пытался различать «волю всех» (сумму индивидуальных предпочтений) и «общую волю» (наиважнейшие интересы коллектива). Дюркгейм, несомненно, испытал сильное влияние коммунитаризма Руссо. В современных дискуссиях и работах, посвященных публичному мнению, также концептуализируется сущностное различие между совокупностью индивидуальных мнений и общественным мнением *per se*. См.: (*Blumer* 1969:195ff.; *Herbst* 1993; *Noelle-Neumann* 1984).

ные и методологические проблемы коллективной памяти до сих пор не стали предметом больших дискуссий. Хотя весьма пронизательные наблюдения осуществляются в различных контекстах, эта работа с систематической «научной» точки зрения скорее выглядит как бесполезная мешанина. Поэтому в последующей части статьи я буду различать два базовых понятия «коллективной памяти» не для того, чтобы доказывать преимущество одного из них над другим, и не для того, чтобы отрицать их реальные различия, но с целью дать продуктивное исходное описание для понимания их взаимных отношений.

Совокупность индивидуальных памятей

Первый вид коллективной памяти основан на индивидуальном принципе и представляет совокупность индивидуальных памятей членов какой-либо группы⁹. Разумеется,

⁹ Наиболее значительные социологические примеры работ такого рода предоставили Говард Шуман и другие коллеги, которые используют опросы для измерения поколенческих эффектов и осведомленности об исторических событиях представителей различных национальных сообществ. См.: (*Schuman, Scott* 1989; *Schuman, Rieger* 1992; *Schuman, Coming* 1999; *Schuman et al.* 1997), а также (*Pennebaker et al.* 1997). См. также (*Vinitzky-Seroussi* 1998), который подходит к коллективной памяти через «автобиографические случаи», в частности встречи школьных выпускников. Историки Рой Розенцвейг и Дэвид Телен (*Rosenzweig, Thelen* 1998) также используют опросы и глубинные интервью для создания общей картины того, что я называю американской «совокупностью индивидуальных памятей». Индивидуалистическая ориентация этой работы очевидна, когда они цитируют знаменитое эссе Карла Беккера «Собственная история обычного человека» (*Ibid.*:178).

что при этом не исключается, что некоторые трансформации могут произойти при собирании индивидуальных памятей в одну совокупность, то ли благодаря деятельности людей, чьи памяти стали объектом исследования, то ли в процессе собирания и измерения ее силами социальных исследователей. Но главной предпосылкой является центральная роль индивида: только индивиды вспоминают, неважно, делают они это в одиночестве или совместно, и любые доступные публике коммеморативные символы могут быть интерпретированы только в той степени, в какой они вызывают реакции у индивидов, входящих в ту или иную социальную группу. Такая онтология памяти не исключает того, что различные воспоминания оцениваются членами группы по-разному, что воспоминания одних привлекают больше внимания, чем воспоминания других, при этом некоторые исследовательские стратегии носят демократический характер либо благодаря своей технике (опросы, которые предусматривают равную ценность каждого респондента), либо даже благодаря перераспределению внимания (таковы проекты устной истории, которые часто стремятся восстановить утраченные или пренебрегаемые памяти бесправных людей)¹⁰.

С этой точки зрения, которую я бы назвал «совокупностью индивидуальных памятей» (*collected memory*), понятие коллективной

¹⁰ Исследователи опросов и устной истории, разумеется, могут разделить свои выборки и сосредоточиться, например, на различиях в поведении элит и «народа» (*Converse 1964*).

памяти как набора объективированных символов или глубоких структур, которые выходят за пределы индивидуального, рискует соскользнуть в метафизику группового сознания. При таком подходе несомненно, что социальные рамки формируют то, что индивиды вспоминают, но в конечном счете только индивиды обладают способностью вспоминать. Общие символы и глубинные структуры реальны лишь в той мере, в какой индивиды (хотя порой и являющиеся членами организованных групп) используют их на практике. С индивидуалистической точки зрения бессмысленно относиться к коммеморативным объектам, символам или структурам как обладающим, подобно людям, «собственной жизнью».

Одно из преимуществ совокупности индивидуальных памятей состоит в том, что она позволяет избегать потенциальной реификации и политической предвзятости, свойственных подходам, которые исходят из идеи коллективности и ее свойств. Во-первых, как уже было сказано, рассказ о коллективной памяти любой группы или же общества в целом является рассказом о памяти лишь части этой группы, прежде всего той ее части, которая обладает средствами производства культуры, или мнения которой наиболее влиятельны. Противодействовать искушению единой коллективной памяти можно, выступая в поддержку представления о множестве разновидностей коллективной памяти, производимых в различных сегментах общества. С этой точки зрения исследователи многожат отличия между «официальной»

и «народной», публичной и приватной, исторической и фольклорной и многими другими видами памяти (Schudson 1992; Bodnar 1992). Однако простое дробление коллективной памяти на мелкие категории коллективности не всегда позволяет избежать тенденций к реификации этих категорий. Последнее часто встречается в исследованиях устной истории, которая противопоставляет «аутентичность» народной памяти как «правде» исторической памяти, так и стерильности и монохромности официальной памяти. Хотя этот подход позволяет избежать реификации на макроуровнях, он приводит к реификации индивидуального. (Я далее буду детально обсуждать это, имея в виду ранее упомянутое предположение о демократичности метода социологических опросов.)

Во-вторых, концепция совокупности индивидуальных памятей часто подразумевает позицию бихевиористской нейтральности, которая подразумевает скорее гипотетическое, чем категориальное представление об объекте исследования. Другими словами, этот подход не всегда начинается с предположения о существовании коллектива, который обладает коллективной памятью. Вместо этого может исследоваться вопрос, насколько значимым является общепринятое понятие коллектива? Хорошим примером такого подхода может являться Западная Германия 1970-х (Schweigler 1975). В центре западно-германской внешней политики того времени было поддержание германской национальной идентичности в условиях разделения страны.

Но вместо того, чтобы рассматривать германскую идентичность как нечто, имеющее неизменную природу и опирающееся на связи крови и почвы, как утверждали идеологи романтического национализма, правительство Вилли Брандта поручило провести опрос и исследовать субъективное чувство национальной идентичности: действительно ли значительная часть населения предана идее германской нации? Вместо того, чтобы рассматривать германскую нацию как готовую и неизменную характеристику, этот подход усматривал в ней продукт коллективной (точнее собирательной) воли. Такая концептуализация продемонстрировала решительный сдвиг в основах германской идентичности, по меньшей мере в некоторых кругах немецкого общества.

Обращение подобным образом с коллективной памятью и с коллективной идентичностью препятствует осознанному или неосознанному одобрению некоторых категорий, особенно тех, что обращаются к индивиду (например — национализма). Подобное усилие происходит из мангеймианской традиции социологии знания, которая определяет поколения не как объективные периоды, а как субъективно определяемую когорту: поколение существует только в том случае, когда люди, рожденные в одной когорте, разделяют общий исторический опыт, который создает сообщество восприятия. В этой традиции Говард Шуман и его коллеги (Schuman, Corning 1999; Schuman et al. 1997; Schuman, Rieger 1992; Schuman, Scott 1989) осуществили многочисленные опросы в различных

контекстах, чтобы измерить различия в восприятии тех или иных исторических событий представителями разных возрастных когорт. Каким образом индивиды, рожденные в разные периоды времени, оценивают события прошлого? В значительной мере отношение зависит от того, испытывали ли опрашиваемые его на личном опыте, а также от того, сколько лет им было в то время. Исторические события более памятны тем, кто находился в возрасте формирования личности. Эти исследования демонстрируют, что значимость исторических воспоминаний в значительной степени формируется под влиянием поколенческих эффектов, понимаемых следующим образом: поколения и памяти взаимно обусловлены. Это происходит не под влиянием объективных характеристик социальной или культурной структуры, но под воздействием общего опыта и сходных черт индивидуальных памятей об исторических событиях. Несмотря на роль объективированных поколенческих структур, индивидуальный опыт остается главным посредником.

Подход с точки зрения совокупности индивидуальных памятей размещает разделяемые воспоминания в индивидуальных сознаниях и рассматривает коллективные результаты как совокупность индивидуальных процессов. Тем не менее он формально открыт для исследования психологических и даже нейрологических факторов, производимых социальной памятью, хотя бихевиористский подход, декларируемый в методологии опросов или устной истории, «просто» пред-

ставляющей право голоса тем, кого этого права лишали, стремится рассматривать человеческое сознание как нечто вроде черного ящика. С этим в сущности, но не формально контрастируют представители когнитивного и поведенческого подходов и даже исследователи физической психологии, которые подчеркивают важное значение как сознания, так и мозга в деятельности индивида и, в расширительном смысле, процессов, протекающих в социальной памяти. Возможно, главное преимущество подхода совокупности индивидуальных памятей состоит в том, что оно оставляет открытой возможность диалога между физическими, поведенческими и социальными науками. Эта формальная открытость дает возможность преодолеть внешнюю несовместимость нейрологических и психологических исследований памяти, с одной стороны, и социологических и культурных подходов — с другой.

Действительно, даже краткий обзор физической и когнитивной психологий памяти, двух автономных, объемных и растущих областей исследований, демонстрирует наличие соблазнительных точек потенциального взаимодействия. Во-первых, даже внутри наиболее физикалистских исследовательских парадигм, исследующих биохимические, клеточные и нейрологические основания памяти, существуют очевидные точки соответствия с социологическими и политическими исследованиями памяти. Лабораторные исследования, например, показали, что способность вспоминать зависит как от стиму-

лов (сообщение испытуемому слова, находящегося в списке перед или после спрашиваемого слова, позволяет пройти тест с лучшими результатами), так и от состояний (тщательное воспроизведение обстоятельств первоначального воздействия позволяет индивиду вспоминать предметы легче и с большей точностью). «Точность воспоминания», сообщает Дэниэль Шахтер (*Schachter* 1996: 61), «всегда зависит от сходства или близости между процессами кодирования и восстановления». Нейропсихологи предполагают, что это связано с сочувственным «зажиганием» сетей нейронов в тех разделах мозга, где расположены куски памяти.

Более того, нейробиологические исследования убедительно демонстрируют, что воспоминания не являются целостными сущностями, которые хранятся в виде последовательных блоков и последовательно вызываются памятью, начиная с наиболее ранних вплоть до самых недавних. Нейронные сети распределяют «отпечатки» воспоминаний, называемые «энграммами», по разным участкам мозга и собирают их вместе разнообразными путями. Следовательно, процесс воспоминания не является «возрождением» или «воспроизведением» опыта в его оригинальной форме, но собиранием воедино «новой» памяти. Люди не воспринимают все детали той или иной ситуации, они не сохраняют в памяти все воспринятые детали и они не вспоминают все детали, которые они сохранили в памяти. Шехтер пишет, что «нейронная сеть комбинирует информацию из настоящего с образца-

ми, в которых хранится прошлое. Получаемая в итоге смесь из двух этих составляющих и является тем, что сеть вспоминает. <...> Когда мы вспоминаем, мы заполняем образец наиболее подходящими деталями памяти, которые нам доступны, мы не высвечиваем готовый образ, хранящийся в памяти (*Ibid.*: 71)¹¹.

Когнитивные психологи извлекли из этих исследований психологии мозга важные уроки для понимания работы сознания. Так как способность вспоминать чрезвычайно зависит от стимулов и состояний, то процесс воспоминания, очевидно, находится в большой зависимости от факторов контекста, т. е. от факторов, которые сами постоянно находятся в процессе изменения. В итоге когнитивные психологи включили в свои исследования проблему социальных переменных, хотя обычно они не используют понятия социологии. В духе этого подхода когнитивный психолог Ульрих Найссер подверг критике лабораторные исследования памяти за пренебрежение формальным и сущностным влиянием естественных настроек воспоминания (*Neisser* 1982). Работы, созданные в этой традиции, изучают, каким образом такие социальные факторы, как, например, раса и класс, влияют на воспоминания индивидами тех или иных исторических событий. В частности, если события оцениваются ими как в той или иной степени «логически вытекающие», то люди в большей или меньшей мере

¹¹ Очевидны сближения этого подхода с подходом феноменологической социологии, которая подчеркивает сочетание типизации со стратегиями *ad hoc*.

расценивают их в качестве имеющих решающее значение. Когда они создают так называемые «воспоминания-вспышки» (flashbulb memories), они в большей степени стремятся вспомнить детали, сопровождавшие их опыт. Многие, например, вспоминают (не всегда точно) огромное число подробностей, в каких обстоятельствах они услышали о покушении на президента Кеннеди. Социальные факторы вроде расы и класса влияют на вероятность того, что индивид будет кодировать и хранить свой опыт в виде «воспоминания-вспышки» (см. также: *Pillemer 1998*).

Индивидуальный подход к памяти обладает большим потенциалом для понимания продуктов социальной памяти. Проблема состоит в том, что большинство таких психологических исследований выполнены в очень ограниченном формате независимых-зависимых переменных, в котором способность вспоминать является зависимой переменной. При этом социальный контекст остается недостаточно осмысленным. Общие продукты памяти остаются в значительной мере нерелевантными для физической и когнитивной психологии, чья работа состоит в объяснении индивидуального поведения. Разумеется, что работа индивидуальных мозгов и сознаний влияет на общие продукты памяти. Раса и класс влияют на «память-вспышку», но столь же вероятно, что «вспышка» и другие виды памяти формируют отчетливую групповую идентичность, как это показывают работы Шумана, посвященные памяти поколений. И не только психологические процессы влиятельных индивидов,

например, политических лидеров, влияют на последующие действия представителей поколения. Общие психологические настроения могут влиять на то, как большие группы людей реагируют на общий опыт. Документированные тенденции когнитивной логики, основанной на нейробиологической и когнитивной организации, свидетельствуют, что она может ограничивать некоторые коллективные действия или порождать сопротивление требованиям тех или иных политических программ (хотя мы располагаем широкими способностями для обхода этих ограничений и сопротивления). В то же время психологически обусловленные аналогии и типологии, очевидно, играют важную роль в том, как группы интерпретируют новые ситуации.

Коллективная память

Однако традиция коллективной памяти, как противоположности совокупности индивидуальных памяти, предлагает ряд убедительных аргументов, которые демонстрируют недостаточность чисто психологических, как индивидуальных, так и совокупных (aggregated), подходов. Существуют три главных группы значимых аргументов. Во-первых, не все виды социального взаимодействия (sociation) могут быть редуцированы к индивидуальным психологическим процессам, как это неявно предусматривает концепция «естественного окружения» Ульрика Найссера (*Neisser 1982*). Такая точка зрения заложена в «социальных рамках памяти» Хальбвакса: социальные группы предоставляют индивиду как понятия, так и классификации, с помощью которых раз-

рожденные события субъективно рассматриваются как взаимосвязанные, эти понятия запускают различные когнитивные и нейрологические процессы хранения информации. Более того, как показывают многие историки политической памяти, современные обстоятельства являются ключевыми для ряда образов прошлого. С нейропсихологическим образом воспоминания как в первую очередь процесса активного конструирования, согласуются выводы социологов, которые показывают, какими способами прошлое преобразуется в соответствии с задачами настоящего (*Olick, Robbins* 1998). Социологические наблюдения могут быть достаточно успешно усвоены индивидуальным подходом, хотя их фокусы несколько различаются. Другие аргументы, однако, зависят от более радикального онтологического разрыва между индивидуальным и коллективным.

Проделана большая работа, чтобы, например, доказать, что символы и их взаимодействие в значительной мере автономны от субъективного восприятия индивидов¹². Разумеется, характер и степень этой автономии сильно зависят от подхода. Но независимо от того, основана ли она на соссорианском

¹² Подход к языку и, расширяя, к коллективной памяти как явлениям в этом смысле трансцендентным не обязательно равносильно обращению с ними, как переходящими в другую область, от феномена к ноумени. Как доказывает Норберт Элиас (*Elias* 1991), есть разница между трансцендентальным и трансцендентным. Если язык — это система, обладающая независимой логической реальностью, то это потому, что мы сконструировали ее таким образом. Подобные аргументы можно найти у Бергера и Лукманна (*Berger, Luckmann* 1967).

различении языка и речи, на дюркгеймианском понятии коллективного сознания, на герменевтическом подходе к истории идей или на общепринятых идеях национального характера и наследия, достаточно часто утверждается, что коллективы обладают памятью и идентичностью и что идеи, стили, жанры, дискурсы и тому подобное представляют собой нечто большее, чем собрание индивидуальных субъективностей. Пока дискурсы демонстрируются с помощью индивидуальных высказываний, такой подход выглядит обычным трюизмом, утверждающим, что без мыслящих индивидов идеи не существуют. Более радикальные разновидности такого подхода неизбежно порождают экстравагантные метафоры, которые воспринимаются часто неверно, а иногда намеренно глупо, например, что тексты пишут авторы. Тем не менее что-то есть в аргументе, что идеи и институты являются субъектами давления и принимают формы, которые невозможно объяснить интересами, способностями или действиями индивидов иначе как в наиболее тривиальном смысле.

На основании подобных большей частью неявных аргументов многие исследователи и комментаторы используют концепт коллективной памяти¹³. С этой точки зрения

¹³ Может показаться, что коллективистский подход преобладает в социологических работах, использующих термин «коллективная память», но это впечатление может быть обманчивым. Остаточный индивидуализм иногда скрывается, например, за повышенным вниманием, которое уделяется идеологическим продуктам, символам, памятникам и другим феноменам, являющимся

собираемый подход упускает многое из происходящего с памятью. В самом деле можно утверждать, исследования социальной памяти путем опросов исключают многое из того, что является по-настоящему социальным в структуре памяти. Прежде всего известен хорошо документированный «эффект скопления», который не может быть предсказан индивидуальными ответами, группы, например, склонны к более радикальным действиям, чем индивиды. Кроме того, существуют отчетливые долговременные структуры общественных воспоминаний и коммемораций, которые упорно не поддаются попыткам индивидов удалить их из памяти. Влиятельные институты недвусмысленным образом оценивают те или иные истории как более важные, предоставляют образцы и примеры того, как индивиды могут и должны вспоминать, и стимулируют память такими средствами, которые не имеют ничего общего с индивидуальными или совокупными нейрологическими данными. Без коллективной точки зрения мы неспособны предложить убедительные объяснения мифологии, традиции, наследия и т. д., а также рискуем реифицировать индивидуальность.

общественным достоянием, но сосредоточение исследователей на индивидуальных памятях о коллективных событиях не означает, что они придерживаются онтологии коллективизма. Многие социологи (Барри Шварц (*Schwartz* 1991; 1996), Эдвард Шилс (*Shils* 1981), Эвиатар Зерубавель (*Zerubavel* 1996), я (*Olick, Levy* 1997; *Olick* 1999)) и другие внутри и за пределами социологии действительно используют подлинно коллективистский подход. Но мы часто используем коллективную природу объекта нашего анализа как аргумент в пользу того, что именно поэтому наш исследовательский подход также имеет коллективную природу.

Коллективные подходы к памяти бросают вызов самой идее индивидуальной памяти. Это не просто означает, что мы вспоминаем как члены группы, а подразумевает, что мы образуем эти группы и одновременно членство в них через действие воспоминания. Роберт Белла и другие коллеги считают, что «подлинное сообщество является сообществом памяти», и подчеркивают роль «конституирующего нарратива». С этой точки зрения индивидуальная и коллективная идентичности скорее представляют две стороны одной монеты, чем различные феномены.

Существует дополнительный аргумент в пользу коллективной памяти как противоположности совокупности индивидуальных памятей, который необязательно упирается в метафизические и онтологические материи. Я его называю «аргументом технологий памяти». Говоря по-простому, за пределами мозга существуют мнемонические технологии. Историки памяти, например, демонстрируют важность различных форм записи для наших мнемонических способностей (*Le Goff* 1992). Это влияет как на запоминающего индивида, так и на общество в целом. Способность индивида написать сообщение или сделать фотографию широко простирает способность «вспоминать», не только создавая хранилища за пределами мозга, но стимулируя особым образом наши нейрологические процессы хранения, таким образом мы становимся настоящими киборгами, обладающими, по мнению некоторых авторов, «протезами» памяти («prosthetic» memories). Это никак не связано с компьютерны-

ми технологиями, средневековые ораторы обладали легендарными мнемоническими способностями, которые зависели от концептуальных приемов, известных под общим названием *ars memoriae*, искусство памяти (Yates 1966).

Возможно, наиболее явным доказательством неподдельности коллективной природы воспоминания является его осуществление посредством языка, нарратива и диалога. Язык, например, используется обща как важнейший пример индивидуального феномена (см. примечание 12). И это не сводится к факту, что индивид кодирует с помощью языка свой опыт и вспоминает его посредством языка. Язык сам по себе может рассматриваться как система памяти. Этот подход предложил литературный критик Михаил Бахтин (Bakhtin 1963; 1986), подчеркивавший, что язык диалогичен по своей природе. Под этим он подразумевал не только язык, используемый в общении между реальными людьми, но и в сознании отдельных индивидов, не только слова, содержащие ответ на текущую ситуацию, но и, используя его неподражаемые слова: «Каждое отдельное высказывание — звено в цепи речевого общения. <...> В действительности, повторяем это, всякое высказывание кроме своего предмета всегда отвечает (в широком смысле слова) в той или иной форме на предшествующие ему чужие высказывания» Бахтин 1996: 198, 199; Bakhtin 1986: 93–94). Согласно Бахтину, высказывания содержат «следы памяти» более ранних употреблений, подразумевая не то, что любое высказывание

может быть расшифровано как проявление более ранних употреблений, но что особенности каждого понятия являются продуктом долгого исторического развития. Это развитие, доказывает Бахтин, происходит посредством жанров, каждый из которых «живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития» (Бахтин 2002: 120; Bakhtin 1963: 121).

Более того, различные формы социальной организации явно зависят от различных технологий памяти. Существует знаменитый социологический аргумент о важности приходно-расходных бухгалтерских книг для развития коммерции. Особые формы записи, как известно, ассоциируются с государственной администрацией. Европейские государства девятнадцатого века значительно усилили свою власть и легитимность, развивая новые мнемонические формы вроде музеев, архивов и профессиональной историографии. Возвращаясь к гипотезам, с которых мы начали, необходимо упомянуть о важной роли масс-медиа в развитии норм международного права. Арье Найер (Neier 1998), например, доказывает, что решительный момент в развитии принципов политики раскаяния связан с военными корреспондентами, появившимися в середине девятнадцатого века, которые сообщали своим читателям об ужасах современной войны. Наша нынешняя озабоченность политическим использованием памяти прямо порождена технологиями памяти, существующими вне мозга.

Один пример: Индивидуальное и коллективное измерения травмы

Чтобы показать важность как индивидуального, так и коллективного концептов культуры для нашего понимания коллективной и собирательной социальных памятей, необходимо кратко рассмотреть центральную проблему недавних дискуссий, проблему травмы. Одна из причин обращения к памяти, которая в последнее время чрезвычайно нагружена моральными соображениями, состоит в ясно ощущаемой нами ответственности перед жертвами травмы. Существуют различные способы понимания этого расплывчатого термина. Что же мы имеем в виду, когда говорим о травме?

В исходном смысле под травмой понималась и продолжает пониматься физическая рана, например, «травма из-за применения грубой силы». Когда мы применяем этот термин к психологическим, не говоря уже о социальных, обстоятельствам, мы переходим к переносным значениям этого слова. В психологическом контексте под травмой понимается «психологическая рана, порожденная эмоциональным шоком памяти, которая подавляется и остается неисцеленной». Такое понимание ведет по меньшей мере в двух направлениях. В первом случае психологи предполагают, что эмоции в данном случае обладают мощной разрушительной силой, приводящей к нейробиологическим изменениям мозга, эмоциональный шок, подобно электрошоку, нарушает нормальное функционирование мозга. Во втором случае внимание сосредоточивается на потребности сознания

произвести связанный нарратив, психоанализ понимает травму как камень преткновения для нашей способности сделать это, что ведет к невротическому состоянию, которое длится, пока не будет снята репрессия сознания. В обоих случаях остатки «психической травмы» порождают, как Уильям Джеймс писал в 1894 г., «шипы в душе».

Неважно, с какой точки зрения, либо физики мозга, либо познавательных способностей сознания, описываются эти «шипы души». В любом случае они приводят к серьезным последствиям как на персональном, так и на совокупном уровнях. Нас беспокоят так называемые «ходячие мертвецы», страдающие от травм насильственного перемещения, диктаторских режимов, пыток и войн. С одной стороны, мы знаем, что они чрезвычайно уязвимы, и мы должны предоставить им не только защиту от страхов, но и помощь для исцеления. В ряде случаев это подразумевает материальное и символическое возмещение, компенсацию, извинение и т.п. Порой это просто означает доброжелательное слушание, предоставление помощи в проговаривании своего опыта и обещание не забыть о нем. С другой стороны, мы хорошо знаем, какие опасности могут проистекать из невыносимого ужаса и отсутствия примирения: персональное насилие, месть, непрерывные войны, кровная вражда и склонность к крайним политическим решениям. Сейчас много спорят о том, какие меры могут смягчить психические травмы истории наилучшим образом. Хотя некоторые призывают к прощению

и забвению, другие возражают им, что данная пара представляет собой оксюморон, прощение требует признания в совершенных преступлениях (Shriver 1995). Разумеется, существует много видов признания ответственности, от персональных и коллективных извинений до настоящей «работы с памятью», которую многие критики отстаивают с помощью психоаналитических и этических моделей.

Очевидно, что груз травмы не пребывает исключительно на персональном уровне. Как уже было сказано, страдающие индивиды могут изливать свою агрессию на окружающих, которая может принимать различные формы, от цинизма до терроризма. Ряд психоаналитически ориентированных критиков, включая такие фигуры, как Александр и Маргарет Митчерлих (Mitscherlich, Mitscherlich 1967) и Теодор Адорно (Adorno [1959] 1986), указывают на риск коллективных (согласно моей терминологии здесь более приемлем термин «собирабельных») синдромов, порожденных «непроработанным прошлым». Адорно был обеспокоен живучестью фашистских тенденций, которые не просто направлены против демократии, но существуют внутри демократии, и которые, по его мнению, вызваны неудачей немцев в «проработке прошлого» Ранее Адорно и его коллеги (Adorno et al. 1950) отмечали нарастание феномена «авторитарной личности», частично проистекавшего из непреодоленных детских травм, которые обострялись устройством прусской семьи. Митчерлихи диагностировали коллективный (согласно моей

терминологии «собирабельный», в их работе это различие размыто) невроз, порожденный присущей немецкому народу «неспособностью скорбеть» по поводу утраты своего всемогущего лидера. Эта неспособность скорбеть является помехой для нравственного и терапевтического противостояния наследию объекта их преданности.

Разумеется, что многие обозреватели легко переходят от таких собирабельных диагнозов к коллективным диагнозам в полном смысле слова.

Беспокоит, что иногда это осуществляется с помощью облегченных концептов национального характера или антропоморфных подходов к коллективности, когда коллективу приписываются общие стремления, потребности и воля. Но существуют и более приемлемые версии подобных диагнозов, прежде всего те, которые формулируются в терминах коллективных нарративов. Если подлинное сообщество — это сообщество памяти, которые постоянно рассказывают и пересказывают свои конституирующие нарративы, как утверждает выше упомянутый Белла, то возможны подлинное коллективные травмы, вызванные тем, что те или иные исторические события не могут быть с легкостью включены в связанные и созидательные нарративы.

Это именно то, что мы имеем в виду, когда говорим, например, о Гражданской войне в США как травме американского общества или о памяти о Вьетнаме как длящейся до наших дней проблеме. В первом случае это касалось множества индивидов

и в результате возникло собрание тяжелых травм. Но последние индивиды, которые лично испытали на себе это событие, давно исчезли. Мы можем говорить об остатках этих травм, поскольку предки рассказывали потомкам истории, связанные с их жизненным опытом, но психологические травмы не могут передаваться из поколения в поколение подобно плохим генам. Сам факт, что память о персональном травматическом опыте проявляется и объективируется в нарративе, свидетельствует, что роль не идет об исключительно индивидуальной психологической материи. В то же время продолжающиеся дискуссии о природе травмы в терминах передачи персональных нарративов не улавливают, что мы имеем в данном случае в виду, а именно неустранимую брешь в коллективном нарративе относительно Вьетнама. Существует множество травмированных индивидов, которые ходят по нашим улицам, страдая от широкого спектра нервных расстройств, из которых посттравматический стресс является лишь наиболее известным. Но Вьетнам был травмой не только для американских индивидов, не говоря уже о вьетнамских индивидах, но и для легитимации нарратива, который мы, как индивиды, производим для нас как коллектива. По этой причине травма, например, Аушвица не исчезнет со смертью его последнего узника и не станет достоянием исключительно их детей и последующих потомков, лично ощущавших пульсирующие последствия этой травмы. Аушвиц, наравне с другими травмами, останется травмой для нарративов модерна и морали (Bauman

1989). Это ясно показывает, что этический и концептуальный смысл проговаривания этой травмы невозможно редуцировать как к индивидуальной, так и суммирующей индивидуальный опыт психологии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Какие выводы можно сделать о ценности понятия «коллективная память» и об его использовании? На мой взгляд, возможны три ответа. Первый, согласно процитированному в начале этой статьи совету Геди и Элама (*Gedi, Elam 1996*), сводится к тому, что мы можем отказаться от этого термина, являющегося недостаточным замещением таких более разработанных понятий, как миф, традиция, меморация и т.д. Преимущество этого подхода состоит в том, что он позволяет избежать чрезвычайной унификации, которая стирает все важные различия. Но в этом также состоит и его недостаток. Это не позволяет увидеть сходные черты в различных формах исторических явлений и мнемонической активности. Например, хорошо известно, что в те или иные эпохи различные формы мнемонической активности соотносятся между собой на индивидуальном, собирательном и коллективном уровнях. Значительные социальные изменения, произошедшие в девятнадцатом веке, включали, например, изобилие монументов, изобретение новых традиций, распространение народных генеалогий и развитие психоанализа и других тому подобных «наук о памяти» (*Hacking 1995*). Немецкое слово для обозначения

модерна буквально значит «Новое время» (*Neuzeit*), социальное развитие в эту эпоху обеспечивалось изменениями как коллективных, так и индивидуальных форм восприятия и выражения (*Koselleck* 1985). Известны многочисленные другие примеры подобных взаимосвязей (*Olick, Robbins* 1998). Более того, на основе почти всех выше обсуждавшихся подходов можно сделать концептуальный вывод, что различные мнемонические формы, как политические, так и когнитивные, взаимосвязаны в высочайшей степени.

Вторая возможность состоит в использовании этого термина применительно только к тому, что я называю подлинной коллективной памятью, а именно к публичным рассуждениям о прошлом в целом, а также к нарративам и образам прошлого, говорящим во имя коллективности. Преимущество этого подхода состоит в том, что он обладает необходимой концептуальной ясностью и сопротивляется искушениям методологического индивидуализма, преобладающего в социальных науках. В некоторых разновидностях физической и когнитивной психологии это искушение приводит к полномасштабному социобиологическому редукционизму, один из этих подходов подразумевает, что социология, с возможным исключением направлений, связанных с рациональным выбором, в значительной мере излишня. Разумеется, что причины сопротивляться этому не вызваны необходимостью защищать социологию любой ценой, но подобная позиция связывает большую часть истории

с категорией, остающейся необъясненной: в связи с тем, что главные эволюционные предпосылки являются постоянными, нейрологические процессы памяти не изменяются со временем. Недостаток резервирования коллективной памяти только за социальной памятью, рассматриваемой с коллективистской точки зрения, состоит в том, что, поступая подобным образом, мы отвечаем на один редукционизм другим редукционизмом. На самом деле способность человеческого сознания к изменениям доказана по меньшей мере в параметрах человеческой истории.

Третье возможное решение, сторонником которого я являюсь, состоит в использовании понятия «коллективная память» для разнообразных мнемонических процессов и практик, рассматриваемых с нейрологической, когнитивной, персональной, собирательной и коллективной точек зрения. Лучшим термином для обозначения этого подхода были бы «исследования социальной памяти». В отличие от «исследований коллективной памяти» «исследования социальной памяти» не порождают путаницы по поводу того, с какими объектами реальности они соотносятся. И в отличие от другого термина-кандидата «социальные исследования памяти», который подразумевает, что социальная компонента является внешней по отношению к памяти, отстаиваемый мной термин остается принципиально открытым, поскольку утверждает, что все виды воспоминания являются в определенном смысле социальными, независимо от того, происходят ли они

во снах либо в ходе публичных выступлений, в мемуарах либо учебниках.

Разумеется, попытки изменить общепринятые обозначения являются пустой тратой времени. Реальная проблема состоит в необходимости открыть наше мышление разнообразным мнемоническим процессам, практикам, их продуктам и их взаимодействию. Это вовсе не призывает сложить в один мешок разрозненные концепты и исследовательские направления и объявить их легитимными в равной степени. Очевидно, что редуccionистские стратегии, возможно полезные в краткосрочной перспективе, не могут быть признаны последним словом. Мы нуждаемся в стратегии, которая не просто поставит в один ряд нейрологические, когнитивные, поведенческие и культурные исследования, но создаст возможности для диалога между этими направлениями.

Для нашей теоретической работы это означает, во-первых, начать исследование того, каким образом каждый из названных видов мнемонических структур, которые являются способами организации воспоминаний, формируется другими структурами и сам, в свою очередь, формирует другие структуры, а во-вторых, разработать теории об их взаимодействии. Это задача не так проста, как кажется. Один из уроков социальной памяти заключается в том, что названные процессы невозможно, даже аналитически, полностью разделить. Не бывает индивидуальной памяти без социального опыта, так же как не бывает коллективной памяти без

индивидуального участия в общественной жизни. Мыслить воспоминание подобным образом означает преодоление тенденции, внушенной нам как социальными учеными, так и современными общественными деятелями рассматривать индивидов и общество как отдельные явления, или, говоря словами Норберта Элиаса (*Elias* 1978), как «кастрюли и сковородки».

В нашей эмпирической работе, особенно в таких исследованиях, как, например, роль памяти в политике, мы должны быть готовы к разнообразным по форме и смыслу вопросам. Необходимо помнить, что память присутствует как в публичном, так и приватном пространствах, среди общественных «верхов», а также «низов», как в виде мемуаров, так и коммемораций, личных свидетельств и национальных нарративов, и каждая из этих форм важна. Также необходимо помнить, что эти различные формы воспоминания не всегда в равной степени важны одна для другой (например, при определенных обстоятельствах, но не всегда, опыт лидеров имеет большее значение, чем опыт «простых» людей), хотя они всегда в той или иной степени соответствуют действительности (мы уже убедились, что не существует персональной памяти вне группового опыта, которая не выражала бы определенную позицию относительно «официальной» и «неофициальной» коллективных версий). Мы не можем говорить ни об изолированной коллективной памяти, ни о досоциальной индивидуальной памяти, даже если будем рассматривать их совмест-

но. Бессчетные социальные и нейронные сети постоянно находятся во взаимодействии, указывая, что структуры разных видов всегда соответствуют друг другу, а также что их соответствие непрерывно изменяется.

Возможно, самое важное, что в качестве исследователей памяти мы также влияем на предмет нашего исследования. Подобно тому, как атомный детектор изменяет частицы в ходе наблюдения за ними, различные техники, используемые нами, неизбежно объявляют существующими или даже формируют некоторые виды памяти. Результаты опроса по проблемам памяти не тождественны коллективной памяти, но знание, полученное путем этого опроса, имеет шансы стать ее частью. Изучение травматического опыта индивидов может быть попыткой исследовать влияние памяти на действия, но оно часто вызывает воспоминания, которые бы не возникли и не были бы объективированы в виде записей без стимулирования индивидов исследователями. Эти записи, в свою очередь, становятся отправной точкой для будущих воспоминаний и будущих восприятий, влияя на то, каким образом новый опыт будет закодирован в нейронных сетях и нарративах. Главный урок всей превосходной работы, выполненной в разных областях исследований памяти, заключается в том, что мы не можем больше избегать этих очевидных обстоятельств. В этом также стоит урок памяти, особенно памяти травматической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин* 1996 — *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5.* М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Бахтин* 2002 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6.* М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
- Хальбвакс* 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Adorno* [1959] 1986 — *Adorno T.W.* What Does Coming to Terms With the Past Mean? // *Bitburg in Moral and Political Perspective* / edited by Geoffrey Hartman. Bloomington: Indiana University Press, [1959] 1986. P. 114–129.
- Adorno et al.* 1950 — *Adorno T.W., Else Frenkel-Brunswick, Levinson D.J., Sanford R.N.* *The Authoritarian Personality.* New York: W.W. Norton, 1950.
- Almond, Verba* 1963 — *Almond G., Verba S.* *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Boston: Little, Brown, 1963.
- Almond, Verba* 1980 — *Almond G., Verba S., eds.* *The Civic Culture Revisited.* Newbury Park, CA: Sage, 1980.
- Baker* 1990 — *Baker K.M.* *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century.* New York: Cambridge University Press, 1990.
- Bakhtin* 1963 — *Bakhtin M.* *Problems of Dostoevsky's Poetics* / edited and translated by Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963.
- Bakhtin* 1986 — *Bakhtin M.* *Speech Genres and Other Essays* / translated by W. McGee. Austin, TX: University of Texas Press, 1986.
- Bauman* 1989 — *Bauman Z.* *Modernity and the Holocaust.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989.

- Berezin 1994 — Berezin M. Fissured Terrain: Methodological Approaches and Research Styles // *The Sociology of Culture: Emerging Theoretical Perspectives* / edited by Diana Crane. Cambridge: Basil Blackwell, 1994. P. 91–116.
- Berger, Luckmann 1967 — Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. Garden City, N. Y.: Doubleday Anchor, 1967.
- Bergson [1896] 1991 — Bergson H. *Matter and Memory* / translated by N. M. Paul and W. S. Palmer. New York: Zone Books, [1896] 1991.
- Bloch 1925 — Bloch M. “Mémoire collective, tradition, et coutume: a propos d’un livre // *Revue Synthèse* 1925. № 40.
- Bloch 1925, [1939] 1974 — Bloch M. *Feudal Society*. Chicago: University of Chicago Press, [1939] 1974.
- Blumer 1969 — Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Bodnar 1992 — Bodnar J. *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Brint 1994 — Brint S. Sociological Analysis of Political Culture: An Introduction and Assessment // *Political Culture and Political Structure: Theoretical and Empirical Studies* / edited by Frederick D. Weil and Mary Gautier. Vol. 2 of *Research on Democracy and Society*. Greenwich, Conn.: JAI, 1994. P. 3–41.
- Burke 1989 — Burke P. History as Social Memory. // *Memory: History, Culture, Mind* / edited by Thomas Butler. New York: Blackwell, 1989. P. 97–113.
- Converse 1964 — Converse P. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // *Ideology and Discontent*, edited by David E. Apter. New York: The Free Press, 1964. P. 206–261.
- Coser 1992 — Coser L. Introduction // *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 1–34.
- Durkheim [1915] 1961 — Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. Translated by Jay Swain. New York: Collier, [1915] 1961.
- Elias 1978 — Elias N. *What is Sociology?* New York: Columbia University Press, 1978.
- Elias 1991 — Elias N. *The Symbol Theory*. London: Sage, 1991.
- Fentress, Wickham 1992 — Fentress J., Wickham C. *Social Memory*. Oxford: Blackwell, 1992.
- Gedi, Elam 1996 — Gedi N., Elam Y. “Collective Memory—What is It?” // *History and Memory*. 1996. № 8 (2). P. 30–50.
- Hacking 1995 — Hacking I. *Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory*. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Halbwachs [1925] 1992 — Halbwachs M. *On Collective Memory* / edited by Lewis Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Herbst 1993 — Herbst S. The Meaning of Public Opinion: Citizen’s Constructions of Political Reality // *Media, Culture, and Society* 15. 1993. P. 437–454.
- Hunt 1984 — Hunt L. *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Johnson et al. 1982 — Johnson R., McLennan G., Schwarz B., Sutton D. (eds.). *Making Histories: Studies in History-Writing and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Kammen 1995 — Kammen M. Review of *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*, by Iwona Irwin-Zarecka // *History and Theory*. 1995. № 34 (3). P. 245–261.
- Koselleck 1985 — Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* / translated by Keith Tribe. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
- Le Goff 1992 — Le Goff J. *History and Memory*. New York: Columbia University Press, 1992.

Mitscherlich, Mitscherlich 1967 — Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. Munich: Piper, 1967.

Neier 1998 — Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice*. New York: Times Books, 1998.

Neisser 1982 — Neisser U. (ed.). *Memory Observed: Remembering in Natural Contexts*. New York: W. H. Freeman, 1982.

Noelle-Neumann 1984 — Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion—Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Nora 1992 — Nora P. (ed.). *Les lieux de mémoire*. Seven volumes. Paris: Gallimard, 1992.

Olick 1999 — Olick J. K. Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany // *American Sociological Review* 64. 1999. P. 381–402.

Olick, Levy 1997 — Olick J. K., Levy D. Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics // *American Sociological Review* 62. 1997. P. 921–936.

Olick, Robbins 1998 — Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From ‘Collective Memory’ to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology* 24. 1998. P. 105–140.

Pennebaker et al. 1997 — Pennebaker J. W., Paez D., Rim B. (eds.). *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives*. Mahwah, New Jersey: Erlbaum Associates, 1997.

Pillemer 1998 — Pillemer D. B. *Momentous Events, Vivid Memories: How Unforgettable Moments Help Us Understand the Meaning of Our Lives*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

Rosenzweig, Thelen 1998 — Rosenzweig R., Thelen D. *The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life*. New York: Columbia University Press, 1998.

Schachter 1996 — Schachter D. L. *Searching for Memory: The Brain, the Mind, and the Past*. New York: Basic Books, 1996.

Shriver 1995 — Shriver D. W., Jr. *An Ethic for Enemies: Forgiveness in Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Schudson 1992 — Schudson M. *Watergate in American Memory: How We Remember, Forget, and Reconstruct the Past*. New York: Basic Books, 1992.

Schuman, Corning 1999 — Schuman H., Corning A. Collective Knowledge: Nine Soviet Events from the Great Purge to Glasnost // *American Journal of Sociology*. Forthcoming, 1999.

Schuman, Rieger 1992 — Schuman H., Rieger Ch. Historical Analogies, Generational Effects, and Attitudes toward War // *American Sociological Review* 57. 1992. P. 315–326.

Schuman, Scott 1989 — Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory // *American Sociological Review* 54. 1989.

Schuman et al. 1997 — Schuman H., Belli R. F., Bischooping K. The Generational Basis of Historical Knowledge // *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* / edited by J. W. Pennebaker, D. Paez, and B. Rimé. Erlbaum Associates. 1997. P. 47–77.

Schwartz 1996 — Schwartz B. Memory as a Cultural System: Abraham Lincoln in World War II // *American Sociological Review* 61:5 (Oct.). 1996. P. 908–927.

Schwartz 1991 — Schwartz B. Social Change and Collective Memory: The Democratization of George Washington // *American Sociological Review* 56. 1991. P. 221–236.

Schweigler 1975 — Schweigler G. *National Consciousness in Divided Germany*. Beverly Hills, CA: Sage, 1975.

Shils 1981 — Shils E. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

Somers 1995 — Somers M. R. What’s Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology of Concept Formation // *Sociological Theory* 13:2 (July). 1995. P. 113–144.

Thelen 1989 — Thelen D. Introduction: Memory and American History // *Memory and American History* / edited by David Thelen. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. vii–xix.

Vinitzky-Seroussi 1998 — Vinitzky-Seroussi V. *After Pomp and Circumstance: High School Reunion as an Autobiographical Occasion*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Wood 1994 — Wood N. Memory's Remains: *Les lieux de mémoire* // *History and Memory*. 1994. 6:1. P. 123–150.

Yates 1966 — Yates F. *The Art of Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

Zelizer 1995 — Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication* 12. 1995. P. 214–239.

Zerubavel 1996 — Zerubavel E. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past // *Qualitative Sociology* 19:3. 1996. P. 283–300.

COLLECTIVE MEMORY: THE TWO CULTURES

Olick J. K. — Professor of sociology and history, Head of sociology Department, University of Virginia, co-chair of the Association for memory studies (USA)

Key words: individual memory, collective memory, collected memory, political culture, trauma.

Abstract. What is collective about collective memory? Two different concepts of collective memory compete—one refers to the aggregation of socially framed individual memories and one refers to collective phenomena sui generis—though the difference is rarely articulated in the literature. This article theorizes the differences and relations between individualist and collectivist understandings of collective memory. The former are open to psychological considerations, including neurological and cognitive factors, but neglect technologies of memory other than the brain and the ways in which cognitive and even neurological patterns are constituted in part by genuinely social processes. The latter emphasize the social and cultural patternings of public and personal memory, but neglect the ways in which those processes are constituted in part by psychological dynamics. This article advocates, through the example of traumatic events, a strategy of multidimensional rapprochement between individualist and collectivist approaches.

REFERENCES

Adorno T. W. What Does Coming to Terms With the Past Mean? *Bitburg in Moral and Political Perspective*, edited by Geoffrey Hartman. Bloomington: Indiana University Press, [1959] 1986, pp. 114–129.

Adorno T. W., Else Frenkel-Brunswik, Levinson D. J., Sanford R. N. *The Authoritarian Personality*. New York: W. W. Norton, 1950.

Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Boston: Little, Brown, 1963.

Almond G., Verba S., eds. *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park, CA: Sage, 1980.

Baker K. M. *Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century*. New York: Cambridge University Press, 1990.

- Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh*, vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002, pp. 6–300.
- Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh*, vol. 5. Moscow: Russkie slovari, 1996, pp. 159–206.
- Bakhtin M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*, edited and translated by Caryl Emerson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963.
- Bakhtin M. *Speech Genres and Other Essays*, translated by W. McGee. Austin, TX: University of Texas Press, 1986.
- Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989.
- Berezin M. Fissured Terrain: Methodological Approaches and Research Styles. *The Sociology of Culture: Emerging Theoretical Perspectives*, edited by Diana Crane. Cambridge: Basil Blackwell, 1994, pp. 91–116.
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor, 1967.
- Bergson H. *Matter and Memory*, translated by N.M. Paul and W.S. Palmer. New York: Zone Books, [1896] 1991.
- Bloch M. “Mémoire collective, tradition, et coutume: a propos d'un livre. *Revue Synthèse*, 1925, no. 40.
- Bloch M. *Feudal Society*. Chicago: University of Chicago Press, [1939] 1974.
- Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Bodnar J. *Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Brint S. Sociological Analysis of Political Culture: An Introduction and Assessment. *Political Culture and Political Structure: Theoretical and Empirical Studies*, edited by Frederick D. Weil and Mary Gautier. Vol. 2 of *Research on Democracy and Society*. Greenwich, Conn.: JAI, 1994, pp. 3–41.
- Burke P. History as Social Memory. *Memory: History, Culture, Mind*, edited by Thomas Butler. New York: Blackwell, 1989, pp. 97–113.
- Converse P. The Nature of Belief Systems in Mass Publics. *Ideology and Discontent*, edited by David E. Apter. New York: The Free Press, 1964, pp. 206–261.
- Coser L. Introduction. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 1–34.
- Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. Translated by Jay Swain. New York: Collier, [1915] 1961.
- Elias N. *What is Sociology?* New York: Columbia University Press, 1978.
- Elias N. *The Symbol Theory*. London: Sage, 1991.
- Fentress J., Wickham C. *Social Memory*. Oxford: Blackwell, 1992.
- Gedi N., Elam Y. “Collective Memory—What is It?” *History and Memory*, 1996, no. 8 (2), pp. 30–50.
- Hacking I. *Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory*. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Halbwachs M. *On Collective Memory*, edited by Lewis Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Herbst S. The Meaning of Public Opinion: Citizen's Constructions of Political Reality. *Media, Culture, and Society* 15, 1993, pp. 437–454.
- Hunt L. *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Johnson R., McLennan G., Schwarz B., Sutton D. (eds.). *Making Histories: Studies in History-Writing and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Kammen M. Review of *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*, by Iwona Irwin-Zarecka. *History and Theory*, 1995, no. 34 (3), pp. 245–261.

- Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamiati*, per. s fr. i vstup. stat'ia S.N. Zenkina. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p.
- Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, translated by Keith Tribe. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
- Le Goff J. *History and Memory*. New York: Columbia University Press, 1992.
- Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. Munich: Piper, 1967.
- Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice*. New York: Times Books, 1998.
- Neisser U. (ed.). *Memory Observed: Remembering in Natural Contexts*. New York: W.H. Freeman, 1982.
- Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Nora P. (ed.). *Les lieux de mémoire*. Seven volumes. Paris: Gallimard, 1992.
- Olick J.K. Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany. *American Sociological Review* 64, 1999, pp. 381–402.
- Olick J.K., Levy D. Collective Memory and Cultural Constraint: Holocaust Myth and Rationality in German Politics. *American Sociological Review* 62, 1997, pp. 921–936.
- Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From 'Collective Memory' to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology* 24, 1998, pp. 105–140.
- Pennebaker J.W., Paez D., Rimé B. (eds.). *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives*. Mahweh, New Jersey: Erlbaum Associates, 1997.
- Pillemer D.B. *Momentous Events, Vivid Memories: How Unforgettable Moments Help Us Understand the Meaning of Our Lives*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- R., Thelen D. *The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life*. New York: Columbia University Press, 1998.
- Schachter D.L. *Searching for Memory: The Brain, the Mind, and the Past*. New York: Basic Books, 1996.
- Shriver D.W., Jr. *An Ethic for Enemies: Forgiveness in Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Schudson M. *Watergate in American Memory: How We Remember, Forget, and Reconstruct the Past*. New York: Basic Books, 1992.
- Schuman H., Corning A. Collective Knowledge: Nine Soviet Events from the Great Purge to Glasnost. *American Journal of Sociology*. Forthcoming. 1999.
- Schuman H., Rieger Ch. Historical Analogies, Generational Effects, and Attitudes toward War. *American Sociological Review* 57, 1992, pp. 315–326.
- Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memory. *American Sociological Review* 54, 1989.
- Schuman H., Belli R. F., Bischooping K. The Generational Basis of Historical Knowledge. *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives*, edited by J.W. Pennebaker, D. Paez, and B. Rimé. Erlbaum Associates. 1997, pp. 47–77.
- Schwartz B. Memory as a Cultural System: Abraham Lincoln in World War II. *American Sociological Review*, 61:5 (Oct.), 1996, pp. 908–927.
- Schwartz B. Social Change and Collective Memory: The Democratization of George Washington. *American Sociological Review* 56, 1991, pp. 221–236.
- Schweigler G. *National Consciousness in Divided Germany*. Beverly Hills, CA: Sage, 1975.
- Shils E. *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Somers M.R. What's Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology

of Concept Formation. *Sociological Theory*, 13:2 (July), 1995, pp. 113–144.

Thelen D. Introduction: Memory and American History. *Memory and American History*, edited by David Thelen. Bloomington: Indiana University Press, 1989, pp. vii–xix.

Vinitzky-Seroussi V. *After Pomp and Circumstance: High School Reunion as an Autobiographical Occasion*. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Wood N. Memory's Remains: *Les lieux de mémoire*. *History and Memory*, 1994, 6:1, pp. 123–150.

Yates F. *The Art of Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1966.

Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies. *Critical Studies in Mass Communication* 12, 1995, pp. 214–239.

Zerubavel E. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology* 19:3, 1996, pp. 283–300.

«ЕСТЬ НЕ ПРОСТО ПАМЯТЬ, А ИСТОРИЯ ПАМЯТИ О МАЕ 68-го».

Беседа Евгения Блинова с Патрисом Маниглие о коммеморативных практиках и наследии Мая 68-го

Ключевые слова: Май 1968-го, студенческие бунты, Жиль Делез и Феликс Гваттари, философия события, теория революции, Бруно Латур, Мишель Де Серто, Мишель Фуко, политическое представительство.

Аннотация. Беседа Патриса Маниглие с Евгением Блиновым посвящена анализу коммеморативных практик, связанных с пятидесятилетним юбилеем событий Мая 1968 года во Франции. Она также затрагивает вопросы организации и целей студенческих выступлений и последовавшей за ними всеобщей забастовки, которые привели к серьезному политическому кризису Пятой Республики. По мнению Маниглие, Май 68-го стал прообразом современных политических движений, не стремящихся к захвату власти, что ставит под вопрос актуальность как классического понятия политического представительства, так и марксистского учения о классовой борьбе. Для представителей французского постструктурализма, таких как Жиль Делез и Феликс Гваттари, кризис Мая 68-го стал ценным материалом для анализа социально-политических процессов и позволил им дать формулировку новой «философии события». Технократам, пришедшим к власти после окончания холодной войны, выступления Мая 68-го позволили переосмыслить практики управления и теоретически обосновать глобальный проект неоллиберализма, направленный на восстановление ранее утраченного контроля над обществом.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-50-70

Основные работы Патриса Маниглие: *Maniglier P. La vie énigmatique*

© Блинов Е. Н., Маниглие П. 2018

Маниглие Патрис (Patrice Maniglier) — доктор философии, доцент философского факультета Университета Париж XI Нантер, член

редколлегии журнала *Les Temps Modernes* (Франция); patrice.maniglier@gmail.com
Блинов Евгений Николаевич — PhD, ассоциированный сотрудник лаборатории Социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва); moderator1979@hotmail.com

des signes, Saussure et la naissance du structuralisme, Léo Scheer, Paris, 2006; *Maniglier P.* La Perspective du Diable. Figurations de l'espace et philosophie de la Renaissance à Rosemary's Baby, Actes Sud, Arles, 2010; *Maniglier P.* (ed.) Le Moment Philosophique des années 60 en France. PUF, Paris, 2011; *Maniglier P., Zabunyan D.* (eds.) Foucault va au cinéma, Paris, Bayard, 2011; *Maniglier P.* (ed.) Nuit debout et notre monde // Les Temps Modernes. Novembre — décembre 2016.

Основные работы Евгения Блинова: *Блинов Е.* Речь как первое установление общества: Жан-Жак Руссо и революционная политика язы-

ка // Лорос. 2013. 6 (96). С. 67–96; *Blinov E.* L'Ancien régime des signes: Deleuze et Lyotard en deça et au-delà du structuralisme // Enaudeau C., Fruteau de Lacroix F. (eds.) Différence, différend: Deleuze et Lyotard. Paris, Encre Marine, 2015. P. 49–67; *Blinov E.* Social engineering of the future: Evgeniy Polivanov on the principles of early Soviet language building // Epistemology and Philosophy of Science. 2016. 4 (L). P. 187–203; *Делез Ж.* Мая 68-го не было / перевод, составление и предисловие Е. Блинова. М.: Ад Маргинем, 2016; *Blinov E.* The New Scientific Policy: The Early Soviet Project of State-Sponsored Evolutionism // Social Epistemology. 2017. Vol. 31, 1. P. 51–65.

Е. Б. Я начну с прямого вопроса: с вашей точки зрения, был ли Май 68-го?

П. М. Вопрос кажется очевидным: конечно да! Но на самом деле, в случае с Маем 68-го сразу возникает другой вопрос: а не было ли все это каким-то невероятным сном или дымом без огня, в зависимости от того, с какой стороны баррикад вы находитесь. Вплоть до того, что Делез и Гваттари могли написать текст, который называется «Мая 68-го не было»¹. Интересно, что в самом вопросе можно выделить два момента. Первый — это вопрос о событии как таковом, второй — это вопрос даже не о последствиях определенного события, а о его субъективации. Что касается события как такового (и это важный тезис Делеза, который остается постоянным мотивом

его философии), то оно не является простым фактом, подлежащим констатации. Потому что природа события состоит в том, что оно изменяет сам режим опыта.

Е. Б. То есть это вопрос появления новых субъективностей?

П. М. Далеко не сразу: вначале возникают изменения в режиме опыта, а затем встает вопрос о его субъективации². Еще до такого, как начинается некий процесс субъективации, событие является не просто реализацией некоторой имеющейся возможности, оно задает рамку для новых

² Позаимствованный из психоанализа и распространенный во французском постструктурализме термин, связанный с представлением о том, что субъект (как индивидуальный, так и групповой) формируется в значительной степени под воздействием внешних факторов (детского травматизма, социальных отношений и различных техник власти).

¹ См. (*Делез, Гваттари* 2016: 69–73).

возможностей. Это означает, что нечто находится за пределами этой рамки. Что отсылает к прочтению Делезом Канта и к идее отсутствия универсальной рамки опыта. Изменяются сами рамки опыта и «трансцендентальные» структуры в терминологии Канта. События являются изменением этих трансцендентальных рамок. То есть в нашем опыте мы переживаем нечто такое, что не может быть его частью. Можно сказать, что мы что-то ощущаем, но еще не понимаем, что именно. Это и есть событие в прямом смысле слова. Май 68-го был подобным событием, безусловно. Но это не реализация определенной возможности, а создание нового поля возможностей.

Е.Б. То есть вопрос состоит не в том, готовы ли мы к определенному типу событий. Потому что важнейшие события двадцатого века не имели прецедентов: никто не был готов ни к Первой мировой, ни к Русской революции, ни к Холокосту, ни к распаду СССР. В этом смысле Май 68-го не кажется чем-то исключительным.

П.М. Нет, он столь же исключителен, как и другие исключения. Если бы мы были готовы к событиям, то они не были бы событиями. Именно события опрокидывают горизонты ожиданий.

Е.Б. Делез и Гваттари много говорят о насилии, которое порождает мысль. Был ли Май 68-го насилием в этом смысле?

П.М. Да, это открытие опыта новых возможностей. Если более конкретно, то некоторые вещи, кото-

рые казались абсолютно нормальными, внезапно перестают казаться нормальными, или, по их выражению, они становятся невыносимыми. Очень простые вещи, на самом деле: работать в грязи, необходимость постоянно сносить оскорбления начальства как стандартная практика управления, невозможность обсуждать с преподавателями выбор предметов. Все эти незначительные вещи, которые казались *нормальными*, начинают казаться невыносимыми. По этому изменению статуса можно судить о том, имело ли место то или иное событие.

Е.Б. В интервью памяти Фуко Делез говорит, что функция интеллектуала заключается именно в том, чтобы почувствовать нечто, внезапно ставшее невыносимым. Связано ли это с Маем 68-го?

П.М. Есть прекрасный текст Бодлера, который является комментарием к римской поговорке *vates irritabilis*, т.е. поэт раздражителен. Бодлер говорит, что это происходит совсем не потому, что поэт больше других чувствителен к несправедливости, а потому, что он видит ее там, где не видят остальные. Это не вопрос определенного порога, а изменение чувствительности, которое сопровождает любое событие, поэтому событие всегда кажется чем-то нереальным. Именно поэтому Делез в тексте о Фуко³ говорит, что необходимо изобрести заново представление об интеллектуале: он должен не задавать нормы, а следовать за событием. Оно заставляет нас перемещать рамку, отделяющую

³ См. (Делез 2016: 74–86).

реальное от нереального. Именно поэтому можно задаваться вопросом, был ли на самом деле Май 68-го и подобные ему события.

Е. Б. Или все происходило во сне...

П. М. Это как раз случай Чжуан-цзы: мне ли приснилось, что я был бабочкой, или бабочке приснилось, что она была мной. Сталкиваясь с событием, мы всегда оказываемся в подобной ситуации: приснилась ли нам какая-то иная реальность или же это по-прежнему наша реальность, которая в определенном смысле становится нереальной из-за какого-то события. Я думаю, мы всякий раз переживаем нечто подобное. Во время недавних арабских революций внезапно изменилась идея, на основе которой была выстроена наша реальность. Мы внезапно сказали себе: смотрите-ка, и в наши дни возможны революции. Это могут быть события наподобие кризиса 2008 г., американского вторжения в Ирак, которые изменяют представление о том, что может стать реальным, а что нет. Даже избрание Обамы, а затем Трампа. Так что это два разных уровня: совсем необязательно это должен быть внезапный взрыв физического насилия. Насилие события состоит именно в том, что оно насильственно изменяет горизонт ожиданий. Но это только часть проблемы. Есть еще одно любопытное замечание Делеза и Гваттари относительно второго аспекта Мая 68-го: они утверждают, что событие нельзя мыслить в терминах причин и следствий не только потому, что события непредсказуемы, а именно потому, что это неподходящая

рамка для анализа событий. Вопрос заключается не в причинах и последствиях событий, а в том, можем ли мы оказаться на высоте, когда происходит некое событие, способны ли мы ресубъективировать и реконструировать новые рамки. Что мы делаем в конечном итоге: всего лишь пробиваем брешь, нормализуем исключение, собираем заново уютную рамку, доставшуюся нам из прошлого? Или же на основе этого исключения пересматриваем само представление о рамках. В этом вся проблема субъективации. Ведь событие — это всегда вторжение снаружи, извне, нечто противоположное эволюции.

Е. Б. Таким образом мы выходим за рамки марксизма, который в некотором смысле представляет революцию как естественное следствие эволюционного процесса.

П. М. Да, этот вопрос стоит уточнить. С этой точки зрения интересно их отношение к марксистской или любой социоисторической традиции. Идея Делеза и Гваттари рассматривать Май 68-го как «молекулярную революцию» заключается не в том, что его нужно считать проявлением чего-то ранее скрытого и раскрывшегося благодаря этому событию. Все как раз наоборот: тот факт, что некоторое событие имело место, позволяет нам вернуться к предшествующей ситуации и понять, что она была частью единого целого. Поэтому «историческая правда» в некотором смысле приходит извне. Так событие становится оператором изменения исторического знания. На самом деле событие — это вызов.

Е. Б. И Май 68-го явился вызовом, на который не было дано ответа.

П. М. Да, это стало понятно уже после Мая 68-го. Именно поэтому его в некотором смысле не было. Потому что не произошло преобразования опыта, которое позволило бы рассматривать предшествующий период как часть более широкого набора возможностей. Можно задаться вопросом, так ли это на самом деле, потому что многие думают, что после 1968 г. произошла существенная трансформация субъективностей без смены правительства.

Е. Б. Шестой Республики так и не появилось.

П. М. Не было даже смены кабинета министров, поменялся только министр внутренних дел. Который был крайне недоволен этим, его поменяли по тактическим соображениям, но все прочие остались на своих местах, да и политики по большей части. С точки зрения последствий, можно сказать, что в Мае 68-го действительно ничего не произошло. Или эти изменения были крайне незначительными, с учетом общенациональной забастовки, которая стала самой масштабной не только во Франции, но в истории индустриальных стран. Единственное изменение произошло в образовательной политике: появилось много новых университетов. А также в управлении полицией. Можно сказать, что полиция всего мира опиралась на опыт 1968 г. Техники подавления массовых беспорядков родились в Мае 68-го. Полиция как раз занесла это событие в свой протокол.

Е. Б. Если говорить о гипотетическом развитии событий, то, как известно, де Голль был готов использовать армию и обсуждал это с генералом Масю.

П. М. На самом деле, это стало известно совсем недавно, т.к. были открыты архивы полиции, по прошествии обязательных пятидесяти лет. Теперь мы можем судить о том, что за внутренние обсуждения там велись. Мой коллега Жан-Пьер Лоран⁴ изучал полицейские архивы, которые были открыты лишь частично. Теперь мы знаем, что де Голль хотел стрелять по толпе и он предлагал этот вариант. Но этого не хотел Помпиду, который был за переговоры, именно он смог убедить Де Голля в том, что есть другое решение. Президент был за жесткое решение, и никто не знает, что могло бы произойти в этом случае.

Е. Б. Потому что с другой стороны были люди, готовые взять в руки оружие? Мог ли Май 68-го перерасти в новую Парижскую коммуну?

П. М. Вполне, потому что был высок уровень солидарности против полицейских репрессий. Одним из стержней Мая 68-го была заразительность бунта, солидарность сначала охватила жителей Латинского квартала, затем крестьян, рабочих и буквально всю страну. Есть масса подобных историй о крестьянах, которые приносили студентам еду, как в осажденную крепость. Эту ненависть к полицейским образца Мая 68-го можно понять, поместив ее в исторический контекст, во-пер-

⁴ (Laurent 2018: 246–248).

вых, Второй мировой и коллаборационизма, но особенно — Алжирской войны, которая закончилась за шесть лет до этого в 62-м и сопровождалась репрессиями. Именно тогда сформировались радикальные техники активистского иллегализма⁵.

Е. Б. Как говорит Делез, незначительные изменения накапливаются и вступают в резонанс.

П. М. Совершенно верно. Но я настаиваю, что слова Делеза о незначительных изменениях и разрывах, вступающих в резонанс, не подразумевают наличие некоторой виртуальности, которая делает его возможным. Это идея о том, что они вступают в резонанс с тем, что приходит извне. Она делает статус-кво неустойчивым, она вскрывает его конечность и ограниченность.

Е. Б. То есть это даже не антимарксизм, а своего рода а-марксизм. Без каких-либо необходимых условий и революционной ситуации.

П. М. Да, ведь основная идея марксизма состоит в том, что историческая реальность имеет свои характерные внутренние черты, которые, как мы знаем, являются диалектическими и создают революционную ситуацию. Идея Делеза в том, что системы, как он выражается, являются метастабильными и открыты внешнему, но это в определенном смысле их нормальное состояние, поэтому событие в любом случае является абсолютно непред-

сказуемым. Событие для Делеза — это, если угодно, не извержение [irruption] определенной ситуации в каком-то пространстве, а тот факт, что ситуация взрывается изнутри и демонстрирует свою внутреннюю сторону, развороченную этим взрывом, спровоцированным ее конечностью. То есть она не может все понять, предвидеть и структурировать. Поэтому вопрос состоит не в том, чтобы понять, является ли ситуация революционной, а в том, возможно ли субъективировать событие. Май 68-го интересен именно своей двусмысленностью, потому что многие думают, что в области нравов как раз были последствия или конкретные ресубъективации, закрепленные законодательно. Изменилось поведение и зоны чувствительности, что связывают непосредственно с Маем 68-го.

Е. Б. Поэтому многие считают, что Делез был не прав относительно Мая 68-го.

П. М. Поэтому многие уверены, что Делез был не прав, т. к. произошло немало важных событий. Действительно, многое изменилось, но все эти возможности себя в конце 70-х — начале 80-х исчерпали, т. е. все практически закончилось к 1985 г., когда они писали свой текст. Разумеется, многое изменилось в области нравов, но Май 68-го был не просто антиавторитарной революцией в области нравов, он был антиавторитарен во всех аспектах. Особенно был важен союз интеллектуалов, студентов и рабочих. Сегодня интеллектуалы и рабочие находятся как никогда далеко друг от друга. Есть еще одна проблема:

⁵ Течение в анархистских и крайне левых группах, делавших акцент на противозаконных методах революционной борьбы. — Е. Б.

обычно принимается в расчет только очень незначительная часть Мая 68-го, а именно его либертарианский аспект, тогда как был и пролетарский Май 68-го, вот он как раз не произвел никакого изменения субъективности.

Е.Б. А что произошло по другую сторону баррикад? Для правительства что-то изменилось?

П.М. Я думаю, что на самом деле Май 68-го года был кризисом гувернаментальности [gouvernementalité]⁶, потому что люди больше не хотели, чтобы ими управляли по-прежнему в самых разных сферах жизни: в семье, в школе, на заводе, на политическом уровне. Но ответ состоял не в замене тех методов управления, которые стали невыносимыми, а в преобразовании механизмов подчинения. Я думаю, именно это называют неолиберализмом, учитывая самые различные критерии. Полагаю, Делез и Гваттари думали именно об этом.

Е.Б. То есть неолиберализм — это изменение режима гувернаментальности. Понимание того, что управлять по-старому нельзя.

П.М. Совершенно верно. Это показано в книге Люка Болтански и Эв Кьяпелло «Новый дух капитализма»⁷, которая хорошо задокументировала данный процесс. Например, проблематика индивидуальной автономии, которая на самом де-

⁶ Термин Мишеля Фуко, означающий новые техники власти, сформировавшиеся в рамках либеральной политической парадигмы. — Е.Б.

⁷ (Болтански, Кьяпелло 2011).

ле является техникой управления, заставляющей людей работать, если под управлением мы понимаем власть делать что-то с людьми, как выражался Фуко. И потом, сам по себе проект мондиализации, который должен позволить капиталу покончить с национальным пролетариатом и создать пролетариат международный, что мыслилось в триединстве Япония — Европа — США. Это хорошо продуманный проект, возникший в правящих элитах в семидесятые годы, когда они столкнулись с неуправляемыми массами. Он как раз предполагал возвращение контроля над обществами, которые стали в значительной степени неуправляемыми. В самых разных частях света.

Е.Б. С другой стороны, когда говорят о Мае 68-го, часто упоминают символическое «взятие слова», которое сравнивают с взятием Бастилии.

П.М. Это выражение Мишеля де Серто: в Мае 68-го слово было взято, как Бастилия⁸. Де Серто хотел этим сказать: хорошо, режим не поменялся, т.е. исторических последствий как будто не было. Но доказательством того, что Май 68-го был специфическим событием, является то, что он принципиально изменил пространство восприятия на символическом уровне, сам способ придания смысла вещам и окружающему миру. Де Серто по сути остается структуралистом. Он считает, что нет никакого грубого опыта, любой опыт полон смысла, все зависит от системы знаков.

⁸ (De Certeau 1968).

И Май 68-го был именно кризисом способов придания миру смысла, т.е. кризисом символическим, который подразумевает взятие слова, попытку как-то заполнить или заново сконструировать это символическое пространство.

Е. Б. Можно ли сказать, что так называемая «новая антропология» девяностых и двухтысячных годов, тот же Эдуарду Вивейруша де Кастру, который хотел предоставить слово индейцам, или Латур с его республиканской риторикой, «заставлявшей говорить вещи», это пролонгированный эффект Мая 68-го, с его требованием «дать слово» тому-то и тому-то?

П. М. Я бы и тут не стал говорить о некоем «эффекте», потому что не стоит рассуждать о нем в терминах причинно-следственной связи. Нужно задаться вопросом, способна ли та или иная философская или теоретическая конструкция зафиксировать своеобразие события, подобного Маю 68-го. Я думаю, что до известной степени да. У того же Вивейруш де Кастру есть ощущение, что его работа вполне созвучна этому событию. Потому что в конечном счете это вопрос о меньшинствах. Идея заключается в том, что наиболее важная историческая и политическая задача состоит не в формировании нового большинства, которым несмотря ни на что был пролетариат, согласно марксистской доктрине. В случае рабочих мы находим целое семейство политических субъектов, которые плохо согласуются с большим нарративом об их исторической роли: они становятся молодежью,

студентами, женщинами и т.д. Я думаю, Вивейруша де Кастру, Латура и подобных им авторов интересуют в событиях именно трансформации, которые не произведены новым историческим субъектом, становящимся самим собой в результате некоего протестного действия или революции. Проблема не в том, чтобы сделать их субъектами, а в том, чтобы отделить каждое из действующих лиц от определенного отношения, например, от отношения колониальности. Тогда в новом разделении проявится смена перспектив, которая предполагается антропологической процедурой.

Е. Б. Не потому ли может возникнуть ощущение, что празднование пятидесятилетнего юбилея умножает эти перспективы ad pauseam: Май 68-го с точки зрения женщин, полицейских, иезуитов, булочников и т.д.? Это постоянная смена точек зрения производит впечатление карнавала.

П. М. Отчасти это так. Но как раз умножение точек зрения, которые отсылают к уже сложившимся идентичностям, доказывает, что события в делезианском смысле не было, потому что Делез полагал, что событие осуществляет преобразование групп и идентичностей.

Е. Б. В таком случае, если событие имело место, то должно произойти переформатирование групп: как только женщины, алжирцы, представители ЛГБТ и т.д. берут слово и получают права, группа перестает существовать в прежнем виде. Например, если гомосексуальность больше не преследуется,

гомосексуалисты могут голосовать за правых. Потому что «женщин» или «гомосексуалистов» больше не существует как угнетаемых меньшинств.

П. М. В этом отчасти состоит парадокс Мая 68-го. Когда Мишель де Серто говорил о «взятии слова», он не имел в виду, что миноритарные группы получают признание в той среде, которая управляется большинством. Наоборот, должно произойти изменение кодов, определяющих границы дозволенного, того, что имеет или не имеет смысла. Поэтому взятие слова не имеет отношения к представительству уже существующих групп.

Е. Б. То есть Май 68-го помог зафиксировать кризис старой модели представительства?

П. М. Совершенно верно. Именно поэтому он, несмотря ни на что, все-таки был событием, в плане переживания события как такового. То есть мы можем высмеивать Май 68-го и все эти празднования и отрицать его важность, говоря: слушайте, ничего же на самом деле не произошло. Но я все же думаю, что Май 68-го стал шоком для всего мира, особенно для Франции, но в конечном счете для самосознания в мировом масштабе. И тот факт, что он стал шоком, необходимо принимать в расчет. Если люди до сих пор об этом говорят и ощущают потребность как-то соотносить себя с этим событием, то для этого есть веские причины. И главная причина состоит в том, что Май 68-го заложил основы для нового режима функционирования события. Тра-

диционные категории исторической науки не позволяли осмыслить это событие. Потому что Май 68-го показал, что событие не является прямым нарушением непрерывности, разделяющим до и после, особенно на уровне политического представительства. Он показал, что событие может быть скрытым, можно сказать молекулярным. Необходимо переосмыслить сам механизм функционирования события, чтобы понять, что Май 68-го все-таки был событием. И в этом состоит его оригинальность. Он был важным событием именно по причине своей незначительности и парадоксальности. Он был важным событием из-за того, что в нем было много нелепого.

Е. Б. Что-то вроде карнавала по Бахтину? Потому что в бахтинском карнавале есть скрытый ницшеанский момент ниспровержения ценностей, пусть даже временного и ритуализированного.

П. М. Именно так считал Раймон Арон, который в своей книге «Неуловимая революция»⁹ доказывал, что Май 68-го — это карнавал. Он хотел показать, что это некое трансгрессивное отклонение от нормального хода событий. Ведь он считал, что требования 1968 г., выдвигавшиеся сторонниками самоуправления и противниками технократии, обречены на провал в условиях индустриальных обществ. Поэтому их жест мог быть только карнавальным, сиюминутным заклиниванием против тягот индустриализованной жизни, к которым предстоит вер-

⁹ (Aron 1968).

наться в нормальном режиме. Но я так не думаю: Арон делает внутреннее трансформации вещей критерием реальности события. То есть в конечном счете то, что не делает историю, не является событием. Тогда как произошедшее просто не укладывается в привычную историческую схему.

Е. Б. То есть изменилась сама идея «того, что происходит» в историческом смысле.

П. М. Да, изменилась идея события, даже само понятие истории стало иным. История — это больше не некоторое множество, которое становится субъектом путем слияния с противостоящей ему группой по классической схеме, восходящей к восемнадцатому веку. Появилось нечто новое. И это момент потери ориентиров, которым и является событие. Событие — это не осознание чего-либо, а именно момент, в котором мы внезапно перестаем узнавать самих себя. Как выражаются Делез и Гваттари, в этот самый момент очевидности становятся невыносимыми. Именно так можно отследить событие: это не утверждение субъекта, а нечто куда более негативное, когда многие вещи становятся невыносимыми. То есть мы внезапно можем посмотреть на внутреннюю ситуацию извне, как если бы она внезапно предстала перед нами во всей своей ужасающей контингентности.

Е. Б. Возвращаясь к сказанному, радикальное изменение перспективы, которое изменяет рамку опыта.

П. М. Да, это переключение [switch] опыта. Он может изменить эти

рамки навсегда. А может и нет... Возможность является реальной, но будет ли она понята? В этом проблема события. Не как в традиции, восходящей к греческому *Kairos*¹⁰, когда событие действительно имело место. Дело не в том, чтобы использовать благоприятные обстоятельства и подтолкнуть судьбу, а в том, чтобы оказаться на высоте события. Важно понимать, способны ли мы постоянно наблюдать извне и составить отчет об опыте нахождения в этой точке, т.к. наши перемещения вовне совершенно хаотичны и непредсказуемы. Можем ли мы это выдержать? В состоянии ли мы, как выражаются Делез и Гваттари, произвести новые «устройства коллективного высказывания» [agencements collectifs d'énonciation]. Поэтому я считаю, что история Мая 68-го, уместившаяся в те пятьдесят лет, которые нас от него отделяют, это столкновение различных устройств коллективного высказывания.

Е. Б. К вопросу о конфликтующих интерпретациях Мая 68-го, который интересует русских читателей. Как объяснить феномен ревизионистов и ренегатов, которые, вслед за Солженицыным, стали ярыми антикоммунистами: «новых философов», Глюксмана и т. д.? Ведь этот ревизионизм проявился уже в конце семидесятых годов, едва успели отпраздновать десятилетний юбилей.

П. М. Прежде всего не стоит придавать излишнего значения некоторым известным активистам Мая

¹⁰ Греч., здесь: подходящий момент. — Е. Б.

68-го, как, например, Глюксману, Кону-Бенедиту или Роману Гупило, который был студенческим вожаком, а теперь стал режиссером и голосует за Макрона, призывая к этому остальных. Я оставляю в стороне таких персонажей, как Бернар Анри-Леви, который никогда не был активистом Мая 68-го. Хотя он и утверждал обратное, это было ложью. Он называл себя маоистом, но всем известно, что он никогда им не был. Анри-Леви обвинял сам себя, чтобы его обвинения в адрес других звучали более убедительно. Но есть масса активистов Мая 68-го, и необходимо понять, что произошло в их жизни. Эта проблема находится в центре важнейших и интереснейших исследований Жюли Пажи или Бориса Губия¹¹, они как раз изучают истории обычных людей. Их можно было бы назвать поколенческими, но с оговоркой, что они фиксируются на микробиографическом уровне: жизнь этих людей серьезно изменилась, и за этим не последовало никакого ревизионизма. Они обращались к этому радикальному опыту, чтобы как-то иначе построить свою жизнь: стать профессором, разводить коз, найти новую форму брака. Это было конкретным содержанием их борьбы, в этих устройствах личных биографий проявляется реальность Мая 68-го.

Е. Б. То есть пресловутый ревизионизм Мая 68-го — это всего лишь раскрученная прессой история?

П. М. В какой-то степени да. Об этом нужно помнить, когда го-

¹¹ (Pagis 2014; Gobille 2018).

ворят, что все деятели Мая 68-го стали ревизионистами. Не забывая также о том, что через этот опыт забастовочного энтузиазма прошли рабочие, которых буквально сломала дезиндустриализация, произошедшая в последние пятьдесят лет. Напомню, что во Франции максимальное количество рабочих было в 1975 г. — семь с половиной миллионов. Это пик, если можно так выразиться, популяции рабочих, а затем глобализация запустила процесс дезиндустриализации, которая была вписана в неолиберальный проект. Эти люди были буквально сломлены. У них когда-то была надежда на пролетарскую цивилизацию, которая изменит что-то в отношениях между классами. У вас в России был опыт подобного проекта. Они же не видели ничего подобного. Я не думаю, что они поменяли свое мнение, просто они были глубоко разочарованы. Они оставили коммунистическую партию и пошли голосовать за крайне правых.

Е. Б. Есть еще один аспект теоретической работы, связанной с Маем 68-го. Размышляя над этим событием, многие обратились к изучению норм. У Де Серто был проект по изучению политики языка, Фуко исследовал способы функционирования норм в рамках социальных институтов. Потребовался новый язык, новая теоретическая схема.

П. М. Безусловно, они пытались понять событие там, где оно что-то изменяло, этого определенно не произошло в случае политических институтов. Но некоторые институты

все же были затронуты Маем 68-го, и для некоторых социально-политических движений это было действительно важно, именно интенсивность события придала людям силы для того, чтобы заниматься подобной проблематикой. Для Фуко это были тюрьмы и психиатрические клиники. Разумеется, это позволило заключенным и пациентам задать определенные вопросы. Это означает, что необходимо создать концепт власти, которая проявляется не в представительстве и политических институтах. Возвращаясь к ревизионизму, я думаю, что люди вроде Анри-Леви не проделали работу Делеза, Фуко и Де Серто, они просто констатировали неудачу и сделали из этого выводы, что раз мы верили в революцию, а она не произошла, то она невозможна. Не пытаюсь увидеть событие в его позитивности, не понимая, что событие должно создать новую позитивность, новое измерение реальности, отбрасывая схемы прошлого. Не удивительно, что именно такие авторы, как Делез и Фуко, важны сегодня. Именно они помогли нам прийти в себя после ужасных восьмидесятых. Анализируя все эти коммеморативные практики, важно понимать, что есть не просто память, а история памяти Мая 68-го.

Е.Б. Каждая круглая дата задает какую-то новую тенденцию. Можно ли сказать, что последние два юбилея прошли под знаком альтермондиализма?¹²

¹² Альтермондиализм — политическое движение, представляющее альтернативу идеологии классического мондиализма как мирового господства свободного рынка.

П.М. Повторюсь, я не считаю, что мы должны рассуждать в категориях причин и следствий. Необходимо мыслить в категориях субъективаций, возобновлений, борьбы за придание смысла. Не выяснять, породил ли Май 68-го альтермондиализм, а понять, возобновил ли он вопросы, поставленные в 1968 г. Если бы я писал свою версию этой истории, то я бы сказал, что 1978-й был годом траура. Революции не произошло, этот факт констатировали и сожалели о нем. Именно тогда появились книги Анри-Леви и Режиса Дебре¹³. 1988 — это уже очарование либерализмом. Когда все говорили: «Май 68-го — это было здорово, потому что нравы французского общества стали куда либеральнее, и это прекрасно».

Е.Б. И при этом не было пролито крови и обошлось без репрессий.

П.М. Именно! Революция радостная, бодрящая и ликующая, без жертв. Что на самом деле не правда: если быть совсем точным, в столкновениях с полицией погибло семь человек. В 1988 г. происходит реапроприация Мая 68-го, которая совпадает с его мистификацией. Рабочий и антикапиталистический элемент Мая 68-го как раз подвергается жесточайшим репрессиям. Я тогда был подростком и помню книгу Ротмана и Амона¹⁴, это момент выхода на сцену Сержа Жюли, главного редактора Либерасьон. 1998-й — это как раз момент возвращения

¹³ (Henri-Lévi 1977; Debray 1978).

¹⁴ (Rotman, Hamon 1987, 1988).

к более увриеристскому¹⁵ анализу, когда снова возникла идея о том, что Май 68-го был протестом против мондиалистского капитализма, когда появилась идея постколониальной и антикапиталистической мондиализации. Девизом этого движения была фраза «другой мир возможен». Я думаю, она вполне подходила Маю 68-го: как сказал Де Серто, тогда утверждалась возможность иного мира. Протест против того, что альтернатива была уничтожена. 2008 — это период исторических исследований: когда история Мая 68-го противопоставлялась всевозможной болтовне.

Е. Б. Мы подходим к 2018-му...

П. М. Что касается 2018-го, то я вижу два важных момента. Во-первых, это время синтеза большого количества исследований, во-вторых, практически полное вытеснение полицейского вопроса. Потому что именно инсurreкционистское¹⁶ измерение Мая 68-го сегодня привлекает наибольшее внимание, т. к. мы во Франции вступаем в период мощных социальных движений, когда возвращаются все эти практики мятежа и существует серьезный запрос на иллегализм, особенно в той среде, из которой вышли тексты, подписанные так называемым Невидимым Комитетом, имеющие влияние на молодых активи-

¹⁵ Увриеристский — от франц. «ouvrier» — рабочий — здесь: исследования, отдающие приоритет проблемам рабочего класса. — Е. Б.

¹⁶ Инсurreкционистский — от франц. «insurrection» — восстание, течение левой мысли, считающее вооруженное восстание главным способом свержения действующего строя. — Е. Б.

стов. Поэтому сегодня Май 68-го затрагивает очень чувствительные и смущающие общество проблемы. Именно поэтому его сегодня так сложно вписать в нашу историю.

Е. Б. В официальной российской прессе наследие Мая 68-го часто обсуждается в контексте так называемых цветных революций в Восточной Европе и на Украине, Арабской весны. Их представляют как нечто управляемое извне, фондами «поддержки демократии», которые, разумеется, финансирует ЦРУ. Ретроспективно Май 68-го представляют именно как организованный США заговор против Де Голля, который мечтал о Европе «от Лиссабона до Владивостока». Обсуждается ли нечто подобное во Франции?

П. М. Эти теории заговора не новы, они появились практически сразу. В какой-то момент Раймон Арон тоже подозревал заговор. Но это очень старые теории, которые неоднократно высмеивались. Сегодня их никто не обсуждает всерьез, т. к. они весьма далеки от истины. Но я могу сказать, что Май 68-го определенно вписывается в историю народных ассамблей. Я думаю об «Окупай Уолл Стрит», о том, что произошло в Египте, на Тайване, в Испании. То, что произошло на Украине, возможно, несколько сложнее. Но первые три страны объединяет именно то, что движения там не были организованы, и в этом смысле Май 68-го был их прообразом.

Е. Б. Не породил ли Май 68-го новую разновидность утопии? Спон-

танно возникшего социального движения, якобы независимого от существующих политических партий, прессы, лоббистских групп, глобальных игроков?

П. М. Тот факт, что движение не организовано как таковое, совершенно не означает, что в нем не принимают участие какие-то небольшие (или вполне значимые) организации. Это как раз случай Мая 68-го, который не стал бы чем-то значительным, если бы не профсоюзные организации. Однако профсоюзы никогда бы не вмешались, если масса рабочих, особенно молодых, немедленно не продемонстрировала бы свою солидарность со студентами. Это вопрос вполне стратегический. То же нантерское движение Кон-Бенедита, известное как «Движение 22 марта», вне всякого сомнения, было организовано, хотя это была небольшая организация. Но только она не ставила своей стратегической целью возглавить протест, она не могла вдохнуть в него жизнь, т. к. это была всего лишь небольшая группа. Она довольствовалась тем, что, по ее собственным словам, пробила брешь, в которую устремилось движение масс, и совершенно не собиралась его возглавлять. Наоборот, она провозглашала максимальную безответственность. И это сработало! Но все это не значит, что определенные организации именно за счет своей организованности не могут воспользоваться ситуацией. Что и произошло, к примеру, в Египте, где этим воспользовались Братья Мусульмане. Я считаю, что не нужно высмеивать идею спонтанного движения, за ней стоит что-то реальное, а от-

нюдь не заговор, рассчитанный на дурачков.

Е. Б. В России любят говорить о двойных стандартах. В случае Украины «роевропейские» манифестации подавались в западной прессе как спонтанные, а их противники как «агенты Кремля». В репортажах российской официальной прессы все было с точностью до наоборот. Можно ли сказать, что именно Май 68-го придал исключительно позитивный смысл «спонтанности» политических движений?

П. М. Я думаю, что здесь вы правы. Но стоит провести различия между отдельными случаями. В общем и целом да, Май 68-го стал предвестником этой тенденции. Это политические движения, которые демонстрировали свое недоверие самому процессу захвата власти. Например, в случае участников сапатистского восстания в мексиканском штате Чьяпас или субкоманданте Маркоса, которые много рассуждали о том, что не стоит брать власть, и даже наоборот, надо всячески этого избегать. Или движений типа Окупай, которые хотели держаться в стороне от политических и институциональных процессов. Но, к примеру, на Украине это было не так, потому что имел место захват власти. Хотя я и убежден, что Путин в дальнейшем послал войска, чтобы дестабилизировать Украину. Но так или иначе для нас важно не это: там, где происходит захват власти, мы выходим за рамки Мая 68-го. Его наиболее интересным аспектом была именно попытка прийти к политическому активизму нового типа,

который не обязательно направлен на захват власти. Во всяком случае, он не является первоочередной задачей. Здесь действительно важна идея самоуправления. Возможно, она является иллюзорной, утопической, мы это видели на примере «Ночного стояния», которое умышленно отказалось от идеи централизованного управления, даже со стороны делегированных лиц. Это можно назвать утопией, но задача состоит в том, чтобы понять, почему она возникает снова и снова. Потому что недоверие по отношению к власти распространяется и на оппозиционные партии. И это проблема вообще *всех* институтов, не только политических, но и, например, профсоюзов и любых ассоциаций. Сегодня мы видим, что это происходит во Франции, Испании или США. На мой взгляд, существует одно серьезное недоразумение: люди все еще верят в представительство. Потому что институты нужны не для того, чтобы представлять кого-либо. Они нужны, чтобы их использовали, с ними спорили, перенаправляли и т.д. Я не знаю, что происходило на Украине, для меня это довольно сложно. Но я также думаю, что движения самоорганизации во Франции, Испании или США вполне реальны и не являются продуктом какой-то скрытой манипуляции Путина.

Е.Б. Возникает параноидальный дискурс недоверия к благим намерениям молодежи, которая не верит в захват власти.

П.М. Как я уже говорил, если захват власти провозглашается первоочередной задачей, то мы уходим

от Мая 68-го. Его оригинальность состоит в вопросе: как можно заниматься политикой, не имея организации, которая ставит своей целью приход к власти. Из чего вытекает вопрос, что за организацию необходимо создать и в каких отношениях она будет с государством. Если государство больше не является главной стратегической точкой пересечения интересов, определяющей наши политические действия, означает ли это, что оно нам безразлично? Я так не думаю. Но как изменяются наши отношения с государством? Фуко, Делез и Гваттари в семидесятые годы говорили только об этом. Что бы им ни приписывали, они не пытались всего лишь представить себе политику без государства. Они стремились найти новые сочетания. У Делеза и Гваттари это принимает форму рассуждений о сочетании молярного и молекулярного, у Фуко — поисков между микрополитикой и биополитикой и т.д.

Е.Б. Это интересный момент. По прошествии времени можно говорить о парадоксальной устойчивости политической системы, которая необходима для движения по образцу Мая 68-го. Там, где проявляется институциональная слабость, происходит обычный захват власти.

П.М. Разумеется, если не брать в расчет крупные катаклизмы и обрушение государственной власти, то Май 68-го стал предвестником политического процесса, в рамках которого перспектива упразднения государства выглядит неразумной. Что несколько парадоксально, т.к. Май 68-го сопровождался крайне

революционной риторикой. Это была всего лишь риторика революции без какой-либо реальной ее перспективы, однако все стали свидетелями внезапного упразднения некоторых старых институтов. Это должно было произвести впечатление! Но их внезапное упразднение за считанные дни — это одно, а вот если бы процесс развивался, существовала реальная перспектива гражданской войны. Чего боялись люди вроде Раймона Арона.

Е. Б. То есть вы считаете, что во Франции была возможна гражданская война, а не просто городские бунты?

П. М. Я считаю, что она была вполне возможна. Еще в 1961 г. армия хотела устроить путч против Де Голля и установить в Алжире режим апартеида. Но его легитимность была восстановлена именно потому, что тогда удалось избежать гражданской войны. Хотя люди в 1968 г. не воспринимали это именно так, они не были готовы пережить гражданскую войну. Но история показывает, что иногда подобные вещи могут нагреть неожиданно.

Е. Б. То есть возвращение Де Голля — это необходимый компромисс во имя мира, что-то вроде «Да здравствует король Анри»?

П. М. Отчасти да, но это не объясняет событие и не в этом состоит его урок. К тому же де Голль всего через год проиграл референдум и вынужден был уйти, т. е. последствия все-таки были. Государственная власть окончательно перестала быть тем, чем она являлась в XIX в. Сейчас мы

находимся в совершенно иной ситуации. Я думаю, что Май 68-го является одной из многих попыток изобретения политических практик, если можно так выразиться, революционного типа, зачастую экстра-легальных, которые не направлены на захват государственной власти прямым путем, и именно по этой причине возникает необходимость каким-то образом с государством договариваться. В определенном смысле Май 68-го надолго делегитимировал огромное количество политических институтов. Они остались, но их смысл оказался выхолощен, они как бы повисли в пустоте. Это во многом напоминает произошедшее после кризиса 2008 г. Его следствием стала ситуация разрыва между существующими представлениями о легитимности и окружающей реальностью, что и подтолкнуло людей к бунту. Появилась моральная пропасть между правящим классом и значительной частью населения. Что создало ситуацию перманентного, хотя и скрытого бунта. У этого бунта появились разные стратегии, например «Индигнадос»¹⁷ в Испании или «Ночное стояние» во Франции. Есть стратегии более революционного или инсургентистского типа, как в случае с «Невидимым комитетом», которые состоят в том, чтобы существовать подобно сорнякам в зазорах, возникающих в системе, извлекая максимальную выгоду из не использованных ей участков. Наконец, существуют стратегии революционной борьбы, которые практически

¹⁷ Букв. «движение возмущенных» — испанское антикапиталистическое движение, использующее тактику, схожую с «Займи Уолл Стрит». — Е. Б.

отсутствуют в западных странах (но их можно найти, к примеру, в Мексике или в Индии). В целом можно констатировать ситуацию утраты доверия и разрыва определенного договора.

Е.Б. К вопросу о вооруженной борьбе. Можно ли вписать в это движение политический исламизм, который, как мы знаем, очень часто приобретает весьма радикальные формы?

П.М. Нет, я так не думаю. У исламизма есть своя собственная глубинная история, которая, с одной стороны, связана со всем этим, а с другой — весьма гетерогенна. Он возникает в начале XX в., тянется через всевозможные движения деколонизации и вновь возникает после падения Берлинской стены в виде последнего активного интернационального движения. Он в состоянии мобилизовать процессы, вызванные ощущением несправедливости, которое связано с колониальной историей, но все же мы находимся в ситуации империи, которая мечтает взять реванш у другой империи. Проблема заключается в том, что во Франции слово «мусульманин» в конечном счете вобрало в себя значения таких слов, как «иммигранты», связанного с проблематикой нации, «магрибинцы», связанного с этническим вопросом, а теперь и собственно со словом «мусульмане», т.е. вопросом религии. Раса, нация, религия: нас сразу сталкивают в эту выпребную яму. В итоге все это является метонимией «расового» вопроса или различия, которое очень сложно правильно интерпретировать во Франции: с одной стороны, его понимание как в «расо-

вых», так и в «культурных» терминах встречается повсюду, с другой — он постоянно отрицается: у нас как бы нет ни рас, ни расизма. Это действительно проблема.

Е.Б. Именно к этому призывают группы вроде «Туземцев Республики» [Indig nes de la R publique]. Можно ли представить в этом случае «конвергенцию различных типов борьбы»?

П.М. Я не согласен с их выводами, но Франции действительно не удается принять себя такой, какая она есть, что создает серьезные проблемы. В действительности она является бывшей колониальной империей с шестью миллионами мусульман, в которой уживаются самые различные формы культуры со своими корнями, это страна большая и богатая, которая хочет, чтобы ее граждане могли спокойно перемещаться по всему миру. Но, в отличие от США, национальный миф Франции связан не с эмиграцией, а с революцией. Мне попадалась информация, что Франция является страной с наибольшим количеством смешанных браков, в смысле браков между людьми разных конфессий, этнических групп или стран происхождения. Удивительная разница между практиками французов и их рассуждениями, например, выступлениями Эрика Земмура с его пугающим этническим национализмом или Уэльбека, который воображает приход к власти некой гладко причесанной исламистской партии¹⁸. Поэтому я думаю, что вопрос «расизации социальных отношений»,

¹⁸ (Zemmour 2014; Уэльбек 2015).

я говорю так, чтобы не употреблять выражение «расовый вопрос», которое я нахожу оскорбительным, представляет серьезнейшую проблему для наших обществ. Я вижу единственную надежду в появлении в будущем движения эмансипации, которое смогло бы преодолеть эти расовые барьеры. Мне кажется, что сегодня во Франции есть две части населения, которым пока сложно найти общий язык, но которые его ищут и однажды могут вступить в некоторый резонанс. Если обобщать, то это протестующие студенты и молодежь из неблагополучных пригородов, которую у нас сегодня называют «расизированной». Я не знаю, возможна ли конвергенция в их случае. Но какие-то процессы определенно происходят в настоящий момент, особенно это касается солидарности против полицейского насилия. Оно становится одинаково неприемлемым для двух этих групп молодежи. Но, разумеется, это будет не союз между крайне левыми и исламистами. Они являются политическими противниками, и «Туземцы Республики» совершают ошибку, пытаясь приуменьшить эти различия.

Е. Б. Я читал, что сегодня во Франции старый добрый лозунг Мая 68-го «СРС — это СС»¹⁹ не пользуется популярностью, если верить опросам.

П. М. Да, согласно опросу *Магазин Летефет*²⁰, его поддерживают всего

¹⁹ CRS, фр. «Compagnies républicaines de sécurité» — специальное подразделение французской полиции по борьбе с массовыми беспорядками, приблизительный аналог российского ОМОНа. — Е. Б.

²⁰ (Le Nouveau 2018).

двадцать процентов французов, тогда как восемьдесят выступают за «Занимайтесь любовью, а не войной» и пятьдесят семь — «Запрещено запрещать». Я не совсем понимаю, как им удастся быть в согласии с собой. Но если посмотреть, что происходит в Нотр-Дам-де-Ланд и на схожих фронтах борьбы, какое-то подобие конвергенции в неприятии полицейского насилия все же имеет место.

Е. Б. Но при этом массовые забастовки, наподобие тех, что происходили в июне 68-го, маловероятны.

П. М. Если брать в целом, то начиная с 1995 г. забастовки в основном происходят на госпредприятиях и на транспорте. Это «делегированные забастовки», работники частных предприятий их поддерживают, но сами на это не решаются. Но забастовка, произошедшая прошлой весной, во многом напоминала забастовку 1995-го. При этом она потерпела поражение. Это означает, что мы подходим к концу эпохи протеста, основой которой были забастовки на железной дороге.

Е. Б. То есть французская ситуация напоминает Великобританию эпохи Тэтчер и ее борьбы с шахтерским движением.

П. М. Да, я думаю, Макрон стремится реализовать тот же самый проект, что и Тэтчер: уничтожить сопротивление символически, унижить его, чтобы люди пришли в отчаяние. Но я не думаю, что это надежная ставка для правительства.

Во-первых, как показала Англия, люди становятся значительно беднее, а во-вторых, отчаявшиеся люди будут так или иначе склонны к бунту. И многие из них пойдут голосовать за крайне правых.

Е.Б. *Есть что-то внушающее вам оптимизм в современной французской политике, возможно, вне всякой связи с «наследием Мая 68-го»? Что за проблемы сегодня стоят на повестке дня?*

П.М. Я думаю, все очень просто, ведь, как говорит статистика, если весь мир будет жить как Европа и Америка, то нам потребуется пять планет. Пределы нашего развития вполне очевидны. Поэтому я считаю, что на первый план выйдет вопрос глобального экологического кризиса, хотим мы этого или нет. Это сегодня архитектурный вопрос политики. Так или иначе, мне кажется, что центральным вопросом станет именно Земля. Именно Земля, а не пролетариат сегодня является главным действующим лицом истории, и я считаю, что Латур — один из тех авторов, которые лучше всего позволяют нам ориентироваться в будущем. Мы задавались вопросом, был ли Май 68-го, стал ли он событием? Сегодня событием является глобальное потепление. Это событие в делезианском смысле, которое было абсолютно непредсказуемым и продемонстрировало провал рациональности глобальной капиталистической системы. В итоге все зависит от способности определенных групп заново определить свою субъективность, ориентируясь на это событие.

Е.Б. *Таким образом, как сказал бы Делез, решение «придет извне».*

П.М. Конечно, решение всегда приходит извне. Необходимо испытать внешнее влияние, чтобы как-то выйти из этой ситуации, это основы основ. Но вы спросили, где я вижу проблески надежды. Лично для меня, как и для многих, наиболее интересным (причем с большим отрывом) политическим движением во Франции на сегодняшний момент является движение «задистов»²¹, возникшее в ответ на строительство аэропорта в Нотр-Дам-де-Ланд. Потому что они изобрели альтернативные, при этом новые и вполне аутентичные образы жизни, связанные с Землей и требованием прямой демократии. Они как раз возвращаются к тому, что мы называем наследием Мая 68-го, и к движению народных ассамблей. У них есть свои туземцы — местные крестьяне, на которых они могут опереться, как мои бразильские друзья, которые опираются на мудрость амазонских племен, защищающих свой образ жизни и формулирующих таким образом глобальную экологическую повестку. В Нотр-Дам-де-Ланд студенты защищают крестьян. А те, в свою очередь, защищают их. Макрон всячески стремится положить конец этому политическому эксперименту. Но я сомневаюсь, что ему это удастся, потому что по своей сути это движение, ориентированное на сопротивление. Оно отличается от экологического «сурвивализма»²² семидесятых годов

²¹ ZAD — «Zone à défendre», *фр.*, «зоны, подлежащие защите», неологизм, означающий практики захвата активистами экологически «чувствительных» зон, предназначенных для строительства инфраструктурных или промышленных объектов.

²² Сурвивализм — от фр. «survivre», выживать — сформировавшееся в семидесятые годы движение, занимающееся подготовкой к выживанию в чрезвычайных ситуациях.

и является скорее политическим актом, который одновременно подразумевает отступление на «освобожденную» территорию, чтобы на ней производить нечто стоящее того, чтобы его защищали, и наступление из этого бастиона на инфраструктуру и символические объекты нашего общества. Что-то подобное уже происходило в семидесятые годы в Ларзаке, но это было нечто другое. Современное движение базируется на понятии, которое я называю «комонизмом» [*commonisme*], оно обращается к общему [*commun*], а не к совместной собственности, как в коммунизме. Если оно получит распространение, то это, с моей точки зрения, будет способом оказаться на высоте события. Как глобального потепления, так и Мая 68-го. И тогда, отвечая Делезу и Гваттари, мы могли бы сказать: Май 68-го действительно был.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Le Nouveau 2018 – Le Nouveau Magazine Littéraire. 2018. № 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болтански, Кьяпелло 2011 – Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Делез 2016 – Делез Ж. Фуко и тюрьмы // Делез Ж. Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем, 2016. С. 74–86.

Делез, Гваттари 2016 – Делез Ж., Гваттари Ф. Мая 68-го не было // Делез Ж. Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем, 2016. С. 69–73.

Уэльбек 2015 – Уэльбек М. Покорность. М.: Corpus, 2015.

Aron 1968 – Aron R. La Révolution introuvable: Réflexions sur la révolution de mai en réponse à des questions posées par Alain Duhamel. Paris: Fayard, 1968.

De Certeau 1968 – De Certeau M. La Prise de parole, pour une nouvelle culture. Paris: Desclée de Brouwer, 1968.

Debray 1978 – Debray R. Mai 68. Une contre-révolution réussie. Paris: Mille et Une Nuits, 1978.

Gobille 2018 – Gobille B. Mai 68. Paris: La Découverte, 2018.

Henri-Lévi 1977 – Henri-Lévi B. La Barbarie à visage humain. Paris: Grasset, 1977.

Laurent 2018 – Laurent J. 9 juillet 1968. Les leçons de Christian Fouchet // Philippe Artières P.; Giry E. (dir.), 68. Les Archives du pouvoir. Chroniques inédites d'un État face à la crise. Paris: Archives nationales/L'Iconoclaste, 2018. P. 246–248.

Pagis 2014 – Pagis J. Mai 68, un pavé dans leur histoire: Événements et socialisation politique. Paris: Les presses des sciences Po, 2014.

Rotman, Hamon 1987, 1988 – Rotman P., Hamon H. Génération, Les années de rêve (1958–1968). Paris: Seuil, 1987, vol. 2 Les années de poudre (1968–1975). Paris: Seuil, 1988.

Zemmour 2014 – Zemmour E. Le Suicide français. Paris: Albin Michel, 2014.

“THERE IS NOT ONLY A MEMORY, BUT A WHOLE HISTORY OF THE MEMORY OF MAY 68”.

Conversation of Patrice Maniglier with Evgeny Blinov about the commemorative practices and the heritage of May 68.

Blinov Evgeny N. – PhD, associate employee of the laboratory of Social Epistemology, Institute of Philosophy, RAS (Moscow)

Key words: May 68, student revolts, Gilles Deleuze and Felix Guattari, philosophy of event, theory of revolution, Bruno Latour, Michel de Certeau, Michel Foucault, political representation.

Abstract. The conversation of Patrice Maniglier with Evgeny Blinov is focused on the analysis of commemorative practices related to the events of May 1968 in France. It addresses questions concerning the aims and the principles of organization of the student revolts and the subsequent general strike that led to the severe political crisis of the Fifth Republic. According to Maniglier, May '68 was in many respects a prototype of contemporary political movements that refuse to proclaim the seizure of power as their primary goal and thus question the actuality of the modern notion of political representation as well as Marxist teaching about class struggle. For the French poststructuralists, such as Gilles Deleuze and Félix Guattari, the crisis of May '68 was a valuable source for the analysis of ongoing socio-political processes, helping them to formulate what is now known as the new philosophy of the event. To the technocrats who came to power after the end of the Cold War, the protests of May '68 provided an opportunity to establish a theoretical basis for the global project of neo-liberalism.

REFERENCES

Aron R. *La Révolution introuvable: Réflexions sur la révolution de mai en réponse à des questions posées par Alain Duhamel.* Paris: Fayard, 1968.

Boltanski L., K'iapello E. *Novyi dukh kapitalizma.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

De Certeau M. *La Prise de parole, pour une nouvelle culture.* Paris: Desclée de Brouwer, 1968.

Debray R. *Mai 68. Une contre-révolution réussie.* Paris: Mille et Une Nuits, 1978.

Delez Zh. Fuko i tiur'my. Delez Zh. *Maia 68-go ne bylo.* Moscow: Ad Marginem, 2016, pp. 74–86.

Delez Zh., Gvattari F. *Maia 68-go ne bylo.* Delez Zh. *Maia 68-go ne bylo.* Moscow: Ad Marginem, 2016, pp. 69–73.

Gobille B. *Mai 68.* Paris: La Découverte, 2018.

Henri-Lévi B. *La Barbarie à visage humain.* Paris: Grasset, 1977.

Laurent J. 9 juillet 1968. Les leçons de Christian Fouchet. Philippe Artières P.; Giry E. (dir.), 68. *Les Archives du pouvoir. Chroniques inédites d'un État face à la crise.* Paris: Archives nationales/L'Iconoclaste, 2018, pp. 246–248.

Pagis J. *Mai 68, un pavé dans leur histoire: Événements et socialisation politique.* Paris: Les presses des sciences Po, 2014.

Rotman P., Hamon H. *Génération, Les années de rêve (1958–1968).* Paris: Seuil, 1987, vol. 2 Les années de poudre (1968–1975). Paris: Seuil, 1988.

Uel'bek M. *Pokornost'.* Moscow: Sorpus, 2015.

Zemmour E. *Le Suicide français.* Paris: Albin Michel, 2014.

«ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ СИЛЫ ЭТО, КАК ПРАВИЛО, ПРИЗНАК СЛАБОСТИ».

Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию

Ключевые слова: Пражская весна, реформы социализма, международный кризис 1968 г., августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии, политика СССР в Восточной Европе, советско-чехословацкие отношения, межблоковые отношения, Брежнев, Дубчек, Гусак, архивные источники.

Аннотация. Предмет беседы — проблемы изучения на архивных источниках Пражской весны и августовской 1968 г. интервенции в Чехословакии.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-71-95

А.С. Давайте поговорим об осуществленных РГАНИ проектах по публикации документов по истории чехословацких событий 1968 г. Я имею в виду прежде всего подготовленный совместно с австрийскими коллегами сборник «Пражская весна и международный кризис 1968 г. Документы», а также внушительный том, вышедший в издательстве РОССПЭН, «Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС» (все — 2010). Насколько можно судить даже при довольно беглом ознакомлении с этими изданиями, в них вошел широкий круг источников — записи заседаний Политбюро ЦК КПСС

и встреч представителей «братских партий», посвященных обсуждению чехословацкого вопроса (начиная с дрезденской встречи 23 марта), переписка с КПЧ и другими партиями, постановления ЦК, дипломатические донесения из Праги, отчеты наших функционеров о поездках в Чехословакию, информационные письма для местных парторганизаций и многое другое. *А какие еще новые документы вы собираетесь ввести в научный оборот, есть ли новые проекты, планы новых изданий?*

Т.Д. *Стоит еще назвать сборники документов, в состав которых вошли многие материалы из фондов РГАНИ: «Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сборник документов», «Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970. Dokumenty*

© Историческая Экспертиза, 2018
Джалилов Тимур Агабаевич — кандидат исторических наук, зав. отделом Российского государственного архива новейшей истории (Москва); slavikal@yandex.ru

UV KSSS 1966–1969». Не будем забывать и о многочисленных журнальных публикациях. Благодаря усилиям сотрудников РГАНИ за последнее десятилетие в научный оборот введен значительный объем ранее недоступных документов. Сравнивая ситуацию 2008 г. (сорокалетняя годовщина Пражской весны) с тем, как дело обстоит ныне, мы увидим разительную перемену. Как нам это удалось?! Вы упомянули «Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС». Работа над этим проектом продолжалась более 10 лет. Томительная процедура рассекретивания, мучительные поиски финансирования, что уж скрывать, споры с чешскими коллегами... Сегодня может создаться впечатление, что все уже издано. Это иллюзия. Каждый раз мы находим все новые и новые пласты документов. Большой интерес представляют материалы о советско-чехословацком экономическом сотрудничестве (на двухсторонней основе и в рамках СЭВ) как в период Пражской весны, так и во время последовавшей «нормализации». Мы работаем над серией «Наследники Коминтерна», в рамках которой публикуются материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий – события 1968 г. серьезно отразились на международном коммунистическом движении. Уже опубликованы стенограммы переговоров на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. – тема Пражской весны занимает в них немалое место. В следующем году начнем работу над изданием стенограмм переговоров на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. Читатели узнают много интересного о позиции, занятой Я. Кадаром в 1968 г. Одним словом, работы непочатый край...

А.С. Сборник «Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР» вызвал в свое время критические отзывы специалистов, вспоминаю, например, отклик Г.П. Мурашко, но это касалось прежде всего концепции составителей, рассматривавших те события сквозь призму своих стереотипов о «цветных революциях», специально организованных Западом в целях ослабления российского влияния в отдельных странах. Однако некоторые документы РГАНИ, представленные в этом сборнике, действительно весьма ценны. Обратимся к раннему этапу Пражской весны. Л.И. Брежнев, посетивший Прагу в декабре 1967 г., довольно спокойно отреагировал на планы смещения А. Новотного, которого не любил, считая (вероятно, не без оснований) ставленником Н.С. Хрущева. Не вызывала поначалу больших опасений и кандидатура А. Дубчека, хотя сильной и в полной мере подходящей фигурой в Москве его не считали. **Когда, судя по записям заседаний Политбюро и другим документам, проявилась обеспокоенность ситуацией в стране? Это произошло в результате того, что из Праги стали приходить вести об отмене цензуры, освобождении от своих должностей множества функционеров, которых в Кремле привыкли считать своими надежными партнерами?**

Т.Д. В научной литературе долго было распространено мнение о том, что советское руководство «проспало» зарождение чехословацкого кризиса и события Пражской весны стали для Кремля полной неожиданностью. По словам российского исследователя М. Латыша,

Брежнев, появившийся в Праге 8 декабря 1967 г., «так и не усвоив существа разногласий “чехословацких товарищей” <...> усмотрел главную причину этих трудностей в том, что тов. Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми». Правда, возникает вопрос: как согласовать подобный постулат с общепризнанным представлением о тотальном контроле Москвы над общественно-политическими процессами, протекавшими в странах народной демократии. Документы РГАНИ представляют все точки над «i». Начиная с 1965 г. словосочетание «кризисные явления» все чаще и чаще используется в материалах ЦК КПСС для описания ситуации в Чехословакии. В аппарате ЦК располагали исчерпывающей информацией и не могли не понимать, в каком направлении развиваются события.

К 1967 г. на Старой площади все больше склонялись к мысли, что первый секретарь ЦК КПЧ «упустил идеологическую ситуацию». В политическом письме за второй квартал 1967 г. советское посольство информировало ЦК КПСС: «В сложной политической обстановке устранения последствий культа личности и преодоления экономических трудностей <...> партии не удалось успешно претворить в жизнь свои решения по идеологическим вопросам. У части партийных и государственных кадров стали наблюдаться проявления растерянности и либерализма. <...> Руководство ЦК КПЧ видело, что аппарат Центрального комитета не обеспечивает организационного проведения идеологической линии <...> процессы, вызывающие беспокойство партии, развивались <...> уже многие годы, а нездоровые явления приобретали хронич-

еский характер...». Виновный прямо в документе не назывался, однако вывод напрашивался. Речь шла о первом лице в КПЧ – Антонине Новотном.

Встает ключевой вопрос – как же товарищ Новотный «докатился до жизни такой». Конечно, первый секретарь ЦК КПЧ не был ни тайным либералом, ни завзятым сторонником реформ. Новотный был правоверным коммунистом и абсолютно лояльным Москве политиком, чье мировоззрение сформировалось в условиях сталинизма. Суть этого мировоззрения очень точно сформулировал в беседе с советским дипломатом первый секретарь компартии Словакии в 1953–1963 гг. Кароль Бацилек: «Что они от меня хотят [интеллигенты], я ведь всегда делал то, что мне говорили советские советники...»

И Новотный, и Бацилек были типичными восточноевропейскими деятелями, способными под присмотром советских советников четко реализовывать линию, выработанную в ЦК КПСС, но не способными проводить самостоятельный политический курс. Однако в 1956 г. система советских советников была ликвидирована, в сравнении со сталинскими временами структура подчинения становилась сложнее, а сигналы, поступающие из Москвы, носили весьма неоднозначный характер. Именно этим и объясняются идеологические метания чехословацкого руководства.

Советский фактор сыграл важнейшую роль. В аппарате ЦК КПСС накапливалась информация о, говоря цеховским языком, «негативных явлениях в Чехословакии». Документы свидетельствуют о том, что там все прекрасно знали и не могли не понимать, в каком направлении развивается ситуация.

Однако на большинстве документов мы находим характерную резолюцию: «материал информационный, использован в работе отдела ЦК». В некоторых случаях: «Ознакомить секретарей ЦК» и сведения о рассылке документа вышеступающему партийному руководству. Однако если подняться на уровень выше в партийно-аппаратной иерархии – уровень секретариата и Политбюро ЦК КПСС, то мы увидим иную картину. За рассматриваемый нами период было принято более двух сотен постановлений Политбюро и секретариата ЦК КПСС по ЧССР, готовились материалы к встречам на высшем партийном уровне, велись стенограммы встреч первых лиц КПЧ и КПСС. Так вот, во всех этих документах мы не найдем ни слова о «кризисных явлениях». Это очень красноречивое молчание...

Применительно к «чехословацким событиям» поведение Брежнева, как нам представляется, обуславливалось отнюдь не непониманием природы процессов, разворачивавшихся в Праге, а отсутствием внятной программы действий, которая могла бы быть позитивно принята входившими в постиндустриальную стадию развития обществами социалистических стран. Методы и практики сталинизма уже не соответствовали духу времени и были осуждены еще XX съездом КПСС. Несмотря на определенный «неосталинистский тренд», всерьез возможность полномасштабной реставрации никто не рассматривал. Однако полноценной альтернативы сталинизму не было создано. Взамен «брежневское руководство» лишь предложило эклектичный набор во многом противоречивших друг другу идеологем. В качестве «модели будущего» провозглашались малопонятная концепция построения развитого

социализма и задача неуклонного роста благосостояния граждан. Проблема заключалась в том, что, идя по этому пути, социалистическая социально-экономическая модель мобилизационного типа была изначально обречена на поражение в конкуренции с развитым капиталистическим обществом потребления. Консюмеризм, хоть и отвечал общественному запросу, никак не сопрягался с коммунизмом.

Именно поэтому советский лидер попытался сменить способ интерпретации нафаставшего чехословацкого кризиса. Говоря о том, что «Новотный не знает, что такое коллективное руководство и как общаться с людьми», Брежнев представлял события таким образом, будто речь идет исключительно о противоречиях внутри чехословацкой элиты, которые будут с легкостью преодолены путем замены одних «руководящих товарищей» на других. Нарождавшуюся Пражскую весну было решено рассматривать через призму Октябрьского пленума (1964 г.) ЦК КПСС, приведшего к отставке Хрущева, а Дубчеку отводилась роль «чехословацкого Брежнева». Подобный подход, как нам кажется, стал следствием попытки уклониться от разрешения назревших проблем путем замены реальной «повестки дня» «вымышленным» видением ситуации. Расплата пришла незамедлительно...

А. С. В начале апреля в Праге была обнародована Программа действий КПЧ, которую в Москве сочли ревизионистским документом. Советская партийная элита понимала, что осуществление подобного рода системных реформ в СССР лишило бы ее властных позиций. Программа действий была подвергнута жесткой критике на апрельском

пленуме ЦК КПСС, где в центре внимания находились проблемы идеологии и мирового коммунистического движения. Насколько знаю, уже там была впервые озвучена готовность прийти на помощь чехословацкому народу, если «империалисты и контрреволюционеры» попытаются оторвать страну от советского блока. Из опубликованных еще в конце 1990-х гг. мемуаров генерала армии А. М. Майорова, в то время командовавшего Прикарпатским военным округом и активно участвовавшего в августовской акции, и из других мемуарных свидетельств известно, что именно с конца марта — начала апреля активизировалась проработка в армейских штабах планов военной операции в Чехословакии. А что говорят на этот счет документы партийного архива? Какие установки давались генералам из Кремля и со Старой площади? Прослеживается ли по документам связь между принятием Программы действий и ужесточением советской политики на чехословацком направлении? В Москве именно в это время всерьез обеспокоились возможной утратой контроля над стратегически важным союзником по блоку и начали военные приготовления? Можно ли говорить о том, что начиная примерно с апреля одновременно шла проработка двух вариантов действий — политического и силового (на случай менее благоприятного развития событий)?

Т. Д. Прежде всего, необходимо отметить, что основной массив документов, отражающих подготовку и проведение «силового варианта», до сих пор

недоступен исследователям. Поэтому мы вынуждены базировать свои выводы на косвенных свидетельствах. Известные на данный момент материалы РГНИ не подтверждают воспоминания Майорова. По моему мнению, учения войск стран-участниц ОВД под названием «Шумава», состоявшиеся 20–30 июня 1968 г., а также последовавшие за ними учения «Неман» и «Небесный щит» были не столько подготовкой к вторжению (хотя генералы всегда держат в уме такой вариант и используют любую возможность для отработки возможного «силового сценария»), сколько, как это ни парадоксально, были призваны подкрепить линию на политическое решение кризиса. Начиная с марта советское руководство принимает целый ряд маневров с целью воздействовать на Президиум ЦК КПЧ (это и мартовская встреча в Дрездене, и июльское совещание в Варшаве, и переговоры в Чьерне-над-Тисоу). Судя по всему, в представлении цэковских деятелей демонстрация силы должна была стать еще одним аргументом, способным «вразумить» чехословацких товарищей, придать «убедительности» советским доводам. Что же касается Программы действий, то, по словам посольства СССР в Праге, «в этом документе каждый может найти подтверждение своим устремлениям». Точнее не скажешь. Программа действий, действительно, получилась очень противоречивой. Характерно, что в дальнейшем на нее ссылались как чехословацкие консерваторы, так и реформаторское крыло КПЧ. Именно так ее и воспринимали в ЦК КПСС: с настороженностью, однако поначалу без резкого неприятия. Критика Программы действий стала нарастать позже, когда этот документ превратился в «символ» Пражской весны.

А. С. Не так давно мы с вами опубликовали уже упомянутый вами том, куда вошли записи встреч и переговоров руководителей СССР и Югославии за весь «брежневский» период вплоть до кончины Тито в мае 1980 г. 29 апреля 1968 г. Л. Брежнев встретился в Кремле с И. Брозом Тито, посетившим Москву после своего многодневного азиатского турне. В центре внимания собеседников находился чехословацкий вопрос, и советский лидер был весьма откровенен. «Нужны какие-то радикальные шаги с нашей стороны с тем, чтобы помочь Чехословакии устоять на позициях социализма. Не следует бояться слово “вмешательство”. Ведь мы пролетарские интернационалисты и нам безразличны судьбы социализма в других странах. Есть вопросы, которые нельзя рассматривать как чисто советские или чисто югославские. У нас есть общие задачи и обязанности, вытекающие из принципов пролетарского интернационализма. Нас очень волнует и нам не безразлично, как идут дела у наших друзей, в том числе и в Югославии», где экономическая реформа, «по-товарищески говоря, как нам кажется, пока не дала положительных результатов». Понятно, что Тито отреагировал на это крайне негативно. Важнее, однако, другое: в словах советского лидера уже тогда в сжатом виде сформулировано то, что, собственно говоря, и составляет суть так называемой «доктрины Брежнева», доктрины «ограниченного суверенитета» стран советского блока, предполагавшей право на вмешательство союзников во внутренние дела каждой из стран. Позже те же положения

об интернациональном долге и т. д. нашли отражение в документах варшавской (середина июля, без участия КПЧ) и братиславской (начало августа) встреч компартий, в целом ряде статей «Правды», опубликованных начиная с 22 августа и призванных обосновать мотивы вторжения, наконец, в речи Брежнева на съезде ПОРП в ноябре. Чехословакия, собственно говоря, и не рассматривалась в этом дискурсе как в полной мере суверенное государство. **В какой мере процесс выработки этой доктрины, ход работы над аргументацией нашел отражение в документах идеологических отделов ЦК КПСС?**

Т. Д. *Относительно выработки и реализации «доктрины Брежнева», применительно к чехословацким событиям, сошлюсь на статью М. В. Латыша «Доктрина Брежнева и Пражская весна 1968 года (реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию)». Эта работа, в значительной мере написанная на основе изучения архивных фондов РГНИ, хотя и опубликована в 1995 г., но и по сей день не потеряла актуальности. С другой стороны, для меня остается открытым вопрос – не слишком ли мы увлекаемся, когда говорим о «доктрине Брежнева» как о чем-то принципиально новом в советской политике? В первом томе упомянутого нами сборника материалов встреч лидеров СССР и Югославии опубликована стенограмма знаменитых переговоров Тито с Хрущевым в мае 1955 г. Уже из нее хорошо видно, что советский лидер проводит различие между «обычными» межгосударственными отношениями и особыми нормами, существующими в «отношениях между братскими*

партиями». В докладе Н. С. Хрущева на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС «Об итогах советско-югославских переговоров» говорилось: «огромное значение приобретает деятельность Центрального комитета по линии связей с братскими коммунистическими и рабочими партиями... Эта работа должна быть поднята на более высокий уровень, значительно расширена. Следует учитывать, что теперь, когда нет Коминтерна, работа нашей партии имеет особенно важное значение». Еще более определенно во время советско-югославских переговоров 1–22 июня 1956 г. высказался тогдашний премьер-министр Н. А. Булганин: «Мы имеем контакты с англичанами, французами, норвежцами. Но есть контакты и контакты. Мы, например, не можем поставить на одну доску французских социалистов и румынских коммунистов. Значит, мы должны видеть разницу между нашими связями с французской социалистической партией и контактами с коммунистическими партиями. В одном случае – речь идет о контактах, в другом – о братском сотрудничестве на базе марксизма-ленинизма, о совместной борьбе за общее дело». Эти особые «братские отношения» подразумевали, по мнению ЦК КПСС, право на вмешательство в политику стран народной демократии. Собственно разногласия Тито и Хрущева во многом объяснялись их различными представлениями о допустимых границах «братского участия / вмешательства». Термин «ограниченный суверенитет» в рамках подобной концепции «братских отношений» хоть и не озвучивался, однако в определенной мере являлся как бы само собой разумеющимся. С другой стороны, идеологические построения, призванные подкрепить «право» ЦК КПСС на вмешательство

во внутренние дела социалистических стран, порой оборачивались самым неожиданным образом, и уже руководители «братских партий» начинали заговаривать о своем праве на участие в обсуждении советской внутренней политики. Как известно, в октябре 1964 г. лидер венгерских коммунистов Я. Кадаф занял «особую позицию» по вопросу об отставке Хрущева. Во время переговоров с Брежневым 9–10 ноября 1964 г. Кадаф заявил: отставка Хрущева – «внутреннее дело КПСС. Но тем не менее мы не можем подходить к этому вопросу как буржуазные адвокаты. Еще во времена Коминтерна наша партия рассматривалась как венгерская секция Коммунистического Интернационала, т. е. единой мировой партии. Коминтерна сейчас нет, но мы по-прежнему считаем себя частью единой мировой партии коммунистов. <...> Мы исходим из того, что такова уж участь КПСС и советского народа. Любой их шаг находит отклик во всем мире. Об этом, как нам кажется, советские товарищи забывать не должны. По уставу это выглядит вроде бы как внутреннее дело КПСС. Но и политически, и эмоционально вопрос касается и нас. <...> Есть партии, которые ставят вопрос о том, почему с ними не проконсультировались ранее. Мы считаем такую постановку вопроса глупостью. Но речь идет, прежде всего, о резонансе, который получило ваше решение». Трудно не отметить противоречивости позиции Кадафа: получалось, что решения октябрьского Пленума ЦК КПСС хоть и внутреннее дело КПСС, но рассуждать так могут только «буржуазные адвокаты» – этот вопрос, напрямую затрагивающий ВСРП, следовало бы обсудить с ее руководством (хоть такая постановка вопроса и является, по словам того же Кадафа, «глупостью»).

Все эти видимые «нестыковки» могут быть объяснены, если допустить, что Кадар говорил не только и не столько о конкретном факте – отставке Хрущева, сколько об общем принципе: необходимости согласования решений ЦК КПСС с братскими партиями в той их части, которая может отразиться на странах мировой системы социализма.

Судя по всему, Брежнев хорошо понял своего венгерского визави. Относительно отставки Хрущева он предельно четко заявил: «со всей откровенностью, которую, как нам представляется, вполне допускают братские отношения между нашими партиями, хотели бы сказать, что этот вопрос является внутренним делом КПСС <...> она, решая вопрос подобным образом, исходила из своих внутренних интересов». Обсуждение этой темы в дальнейшем он, очевидно, считал бессмысленным: поблагодарив Кадара «за откровенный характер высказываний, за подробное разъяснение обстоятельств», он в то же время предостерег: «мне также не хотелось бы превращать нашу беседу в дискуссию». В то же время вопрос о мере вовлеченности лидеров «братских партий» в процесс принятия решений, затрагивающих интересы стран народной демократии, Брежнев оставлял открытым. «Жизнь не стоит на месте, – философски заметил он, – поэтому возникает много вопросов. В качестве личного мнения я мог бы сказать, например, что обмен партийно-правительственными делегациями, происходящий один раз в 3–4 года, является, пожалуй, недостаточным. Полезно было бы поддерживать более регулярные, более систематические связи. Видимо, надо находить и другие формы связей, которые могли бы способствовать нашему общему делу».

А.С. В конце мая Прагу посетил советский премьер А.Н. Косыгин. По итогам встреч с представителями партэлиты он пришел к выводу о том, что позиции тех, кого советское посольство называло «друзьями Москвы» и на кого предлагало делать ставку, очень слабы. В этих условиях решено было влиять на довольно популярных Дубчека и премьера О. Черника, которых в Москве в это время считали скорее заложниками враждебных элементов, требовать от них более твердой позиции в интересах сохранения монополии КПЧ на власть. **Когда, судя по документам, в Москве окончательно разочаровались в Дубчеке? После того как в конце июня в пражском литературном еженедельнике были опубликованы «2000 слов», написанный писателем Л. Вацуликом программный документ интеллигентской некоммунистической оппозиции, в котором увидели прямой призыв к захвату власти? (Фактическая неподцензурность и бесконтрольность к этому времени чешской прессы, конечно, резко расходились с привычными для кремлевских верхов и советского посольства представлениями о дозволенном в социалистической стране.) А может быть, главную роль сыграл отказ Дубчека приехать на варшавское совещание, где он не хотел оказаться жертвой очередной грубой проработки?**

Т.Д. Судя по всему, не было какого-то одного события, после которого в ЦК КПСС «поставили крест» на Дубчеке. Раздражение накапливалось постепенно. Определенную роль в этом сыграла тактика, выбранная чехословацким

лидером в отношениях с Москвой: он многое обещал, часто соглашался с оценкой советских политиков, но не предпринимал практически никаких реальных шагов, порой даже не ставя в известность членов Президиума ЦК КПЧ о достигнутых договоренностях (а это тут же становилось известно на Старой площади). Все это создавало у советского руководства впечатление: либо Дубчек не контролирует ситуацию, либо, что еще хуже, попросту «водит за нос». Уже 29 апреля 1968 г. Брежнев скажет Тито: «Дубчек пытается что-то предпринять, но у него уже ничего не получается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, несмотря на то, что он и Черник договорились добиваться того, чтобы Пражская партконференция отклонила требование о созыве внеочередного съезда партии, – тем не менее такое решение все же было принято. Где же их власть? <...> Разве это авторитетный лидер, если с ним не считаются? Он без конца выступает, но эти выступления не имеют никакого значения». Видимо, уже в это время Брежнев не особенно верил в способность Дубчека «взять ситуацию под контроль».

А.С. Программные документы предполагаемого «нового правительства», призванного жесткой рукой «навести порядок», по сути были подготовлены, судя по вашим публикациям, еще во второй половине июля, однако акция состоялась месяцем позже. Почему ее отложили? Чем это было вызвано? Колебаниями и нерешительностью Брежнева, который вопреки давлению Ульбрихта и некоторых собственных «ястребов» (в том числе Шелеста) решил все-таки дать Дубчеку «последний

шанс» («все ли мы сделали до того, как принять крайние меры», вопрошал Брежнев на заседании Политбюро 19 июля)? А может быть, на отсрочку повлияли также разногласия среди союзников? (В отличие, например, от Гомулки, очень боявшегося гипотетической германской угрозы западным границам Польши и к тому же переживавшего в 1968 г. острый кризис доверия в собственной стране, Кадар, как отчетливо видно и из записей варшавской встречи, занимал более умеренную позицию, фактически выступая до середины августа за политическое решение.) Или желание отсрочить интервенцию объяснялось прежде всего неготовностью так называемых «здоровых сил» взять власть?

Т.Д. Безусловно, позиция союзников серьезно влияла на Москву. Лидеры стран народной демократии упорно боролись за свое право принимать участие в обсуждении важнейших внешнеполитических акций Советского Союза и к 1968 г. далеко в этом продвинулись. Брежнев вынужден был учитывать позицию и Ульбрихта, и Гомулки, и Кадара. Между прочим, это вызывает соблазн переложить часть ответственности за августовскую акцию на советских «сателлитов». И все же необходимо понимать: окончательное решение принималось в Москве... Это решение далось советскому руководству крайне не просто. И дело тут, конечно, не в «мягкотелости» Леонида Ильича. У Брежнева, как мы уже говорили, не было четкого представления о том, что он может предложить чехословацкому обществу. Так называемые «здоровые силы» были невероятно решительно настроены в разговорах

с советским послом С. Червоненко, но теряли всякую способность к действию, как только покидали территорию советского посольства. Это очень хорошо видно по документам, которые поступали в ЦК КПСС из Праги. «Наши друзья», как именовали В. Биляка, А. Индру, Д. Кольдера и др., в основном рассчитывали на советские штыки. Однако в советском руководстве были не столь наивны, чтобы не понимать: одних штыков будет недостаточно. Негативные последствия «силового решения» легко просчитывались, так же как и то, что «расхлебывать кашу» придется именно советскому высшему партийному руководству. Именно поэтому, как представляется, Брежнев не торопился принять решение о вводе войск, мучительно «выискивая», на кого он сможет опереться в ЧССР.

А. С. Вы не МИДовский архив, однако документы партийного архива дают представление и о деятельности советского посольства. Выбор Москвой крайних мер в отношении Чехословакии напрямую был связан с тем, какими сведениями о ситуации в стране располагали те, кто принимал решения. Информационную базу для руководства КПСС формировало (наряду со спецслужбами) посольство СССР, дававшее, насколько можно судить по опубликованным дипломатическим донесениям, весьма одностороннюю информацию о происходившем в ЧССР, почерпнутую главным образом из бесед с представителями так называемых «здоровых сил» — функционерами, опасавшимися остаться не у дел вследствие задуманной демократизации аппарата управления. Круг информаторов, так называемых «друзей Москвы»,

был крайне узок, что было в принципе характерно для деятельности советских посольств за рубежом (вспомним и публиковавшиеся нами документы по Венгрии 1956 г.). Участвовавшая критика в чехословацкой прессе отдельных сторон жизни в СССР, насмешки над не слишком качественной советской продукцией и т. д. могут быть поняты лишь в контексте безудержного восхваления всего советского, которое имело место в Чехословакии в предшествующие, особенно в 1950-е гг., когда даже на фасаде всемирно известной карандашной фирмы «Кох-и-Нор» висел плакат «советский карандаш — наш образец». Как заметил в своих мемуарах журналист В. М. Кривошеев, в 1960-е гг. работавший корреспондентом «Известий» в Праге и отозванный в августе 1968 г. за «неправильную» оценку происходящего, «жертвы оголтелой необдуманной пропаганды советского образа жизни восстали против многолетней лжи. Они ничего против нас не имели, они действительно восстанавливали правду о себе». Однако в посольских донесениях и это, и многое другое преподносилось как злостная контрреволюция, требовавшая скорейшего советского вмешательства. При этом (что самое важное) посольство формировало в корне искаженные представления о социальной базе и общественной поддержке реформ, о соотношении сил в КПЧ, общественных настроениях, переоценивало так называемые «здоровые силы», способные «навести порядок» в стране. Ставка Кремля на «здоровые силы», как известно, полностью провалилась уже в ночь на 21 августа, превратив

все последующее в позорный фарс: в возникшей тупиковой ситуации Дубчек и ряд других политиков были освобождены из-под ареста и усажены, привезенные в Москву под конвоем, за стол переговоров. Вопрос: **насколько велика ответственность посольства СССР за плохую политическую подготовку задуманной акции по смене власти в Чехословакии?**

Т. Д. Советское посольство в Праге, вне всякого сомнения, сыграло далеко не лучшую роль в событиях 1968 г. И советский посол в ЧССР С. В. Червоненко, и очень влиятельный в посольстве советник-посланник И. И. Удальцов, мягко говоря, не симпатизировали чехословацким реформаторам. К тому же, как справедливо заметил Ч. Цисарж, сами деятели Пражской весны совершили ошибку, избегая общения с советскими дипломатами (походы в советское посольство в среде чехословацких либералов считались чуть ли не постыдными). В результате они оставили этот важнейший способ воздействия на политику ЦК КПСС в руках консерваторов, которые, напротив, «дневали и ночевали» в посольстве. Сработал и классический принцип советских бюрократов «говорить то, что хочет начальство», не «тревожа слух вышестоящих» «неприятной» информацией. А уж настроения, царящие в «инстанции» (как называли ЦК КПСС), тот же Удальцов, долгие годы проработавший в аппарате ЦК, знал превосходно. С другой стороны, нельзя изображать картину работы советского посольства исключительно в черных красках. Ситуация была намного сложнее. Так, например, советский генконсул в Братиславе И. С. Кузнецов, в свое время «сделавший ставку» на Дубчека, направлял в Москву гораздо более

взвешенную информацию. Да и сама по себе точка зрения, что Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию только под воздействием их взглядов, не верна. «Визави ЦК КПСС» были очень разные люди, в том числе реформаторы: А. Дубчек, Й. Смирковский, Ч. Цисарж, О. Шик, Э. Гольдштюкер и многие другие. Кроме того, в аппарат ЦК КПСС стекались сведения, собираемые советскими людьми, занимавшими разные посты при представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений (т. е. это был очень широкий круг источников, который можно дополнить упоминанием о советских деятелях науки и культуры, писавших отчеты о пребывании за границей, о чехословацких общественных и политических деятелях, напрямую общавшихся в ЦК КПСС, дипломатах соцстран, регулярно информировавших сотрудников Отдела ЦК по тем или иным вопросам, и т. д.). При этом речь идет не только о документах, направлявшихся в ЦК в силу служебных обязанностей. Многие как советские, так и чехословацкие граждане считали своим долгом «в неофициальном порядке» проинформировать Старую площадь по тем или иным вопросам, поделиться своими соображениями. Так что, несмотря на определенный «крен» в работе советского посольства, аппарат ЦК КПСС от недостатка информации о происходящем в ЧССР не страдал. Проблема заключалась в том, каким образом «препарировалась» поступающая информация.

А. С. 50-летие подавления Пражской весны дает нам повод поговорить лишний раз о Л. И. Брежнев, человеке, с именем которого

был связан довольно длительный период в нашей отечественной новейшей истории. Ваш архив принимал участие в подготовке выставки, посвященной Брежневу, как и в издании его записных книжек — это издание, очевидно, вышедшее очень маленьким тиражом, давно уже стало не просто бестселлером, но библиографической редкостью. Этот недалновидный в стратегическом плане, но очень сильный в подкованной аппаратно-кулуарной борьбе политик прекрасно понимал, что утрата Чехословакии как союзника СССР будет стоить ему по меньшей мере занимаемого поста, и это в решающей степени определяло его позицию. Вместе с тем для Брежнева были характерны не только консерватизм, аллергия на все новое, органическое неприятие системных реформ, но и осторожность, нерешительность, которые, порождая застойные явления, в то же время предохраняли иногда от скоропалительных ошибочных шагов (таких как, например, размещение ракет на Кубе, предпринятое в 1962 г. Хрущевым и едва не приведшее к войне). В сравнении со своим предшественником Хрущевым Брежнев отличался значительно большим политическим реализмом, в нем было куда меньше склонности к политическим авантюрам (мне могут возразить, напомнив об Афганистане, но создается впечатление, что решение о вмешательстве в Афганистане было принято в условиях, когда больной Брежнев все меньше влиял на внешнеполитический курс). Кроме того, в отличие от Сталина или Мао Брежнев, по справедливому замечанию его многолетнего совет-

ника академика Г. А. Арбатова, явно не был любителем «острых политических блюд» (показательных судебных процессов и т. д.), стремился решать внутрипартийные конфликты тихо и по возможности бескровно. Его умеренность и осторожность заставляли его на протяжении нескольких месяцев искать компромисс с Дубчеком вопреки сильному давлению как лидеров ряда братских партий (особенно В. Ульбрихта), так и некоторых более жестких соратников по Политбюро ЦК КПСС. **Можно ли говорить о том, что эти не самые худшие качества Брежнева позволяли в ряде случаев смягчать силовое давление, что предотвращало дополнительные неприятности, которые легко могли произойти, учитывая невысокий интеллектуальный уровень и определенные политические настроения тогдашних лидеров?** Здесь вспоминается зафиксированное в записи одного из заседаний высказывание Брежнева о целесообразности открыть западные границы Чехословакии — пусть, дескать, все «контрреволюционеры» убегают, иначе окажемся в затруднительном положении: интернируем людей и не будем знать, что с ними делать — проблема, кстати говоря, никогда не существовавшая для Сталина. Журналист Л. Шинкарев, написавший неплохую книгу на основании бесед с участниками тех событий, приводит свидетельство тогдашнего члена Политбюро К. Т. Мазурова, командированного в Прагу, о пауптствии Брежнева: туда должен выехать один из нас, «а то военные натворят такое!». Вопрос ребром: **можно ли говорить о том, что решение по Чехословакии**

продиктовала отнюдь не склонность к авантюрам, а, напротив, не в последнюю очередь именно чувство политического реализма, подсказывавшее Брежневу, что Запад по большому счету не вмешается в ход событий в советской сфере влияния и что военного конфликта с НАТО не будет? Ведь советский лидер резонно исходил из своих вполне реалистических представлений о сохранявшейся прочности ялтинско-потсдамской системы. З. Млынарж вспоминает, как на известной встрече советских и чехословацких лидеров в конце августа, завершившейся подписанием так называемых «московских протоколов», «Брежнев давал нам, коммунистам-реформаторам, поистине полезный урок: мы, фантазеры, рассуждаем о какой-то модели социализма, которая подошла бы для Европы, в том числе и Западной. Он, реалист, знает, что это вот уже 50 лет не имеет никакого смысла. Почему? Да потому, что граница социализма, т.е. граница СССР пока проходит по Эльбе».

Т.Д. Кстати говоря, книга Млынаржа – прекрасный образчик того, сколь осторожно надо относиться к воспоминаниям современников. Млынарж достаточно подробно описывает ход московских переговоров, однако опубликованная РГАНИ стенограмма рисует совершенно иную картину... Возвращаясь к фигуре советского лидера, надо сказать, что знакомство с «фондом Брежнева», хранящимся в нашем архиве, оставляет впечатление о генеральном секретаре как о крайне прагматичном, жестком политике, великолетном тактике, который «не любил острые блюда» именно в силу того, что умел

добиваться своих целей, не прибегая к крайним мерам (а это дорогого стоит). В этом смысле акция 21 августа 1968 г. – одно из самых серьезных поражений Брежнева-политика. Думаю, обусловлено оно было тем, что советский лидер оказался в гораздо большей степени именно тактиком, а не стратегом. Было ли у Брежнева понимание того, что в ответ на «силовую акцию» условный Запад ограничится лишь пропагандистским шумом? Вне всякого сомнения – да. На основании документов, поступавших в ЦК КПСС, у советского политического руководства сложилось убеждение – НАТО не предпримет никаких действий, военной эскалации не последует. Справедливости ради надо сказать, что ожидать от стран Запада военного вмешательства было в высшей степени наивно – это стало бы самоубийственным решением. Именно ощущение своего могущества во многом сыграло с советским руководством злую шутку. Судя по всему, стало складываться впечатление, что мы настолько сильны, что можем позволить себе «простые» решения, не заботясь о побочных последствиях.

А.С. Понятно, что при принятии решения о силовом подавлении Пражской весны сыграли свою роль как идеологические мотивы (опасения, что советское общество, особенно интеллигенция, будет инфицировано реформаторскими идеями), так и геостратегические соображения. Л.И. Брежнев, как и другие советские лидеры, судя по всему, довольно остро воспринимал определенную оголенность «общих границ соцлагеря» на чехословацком участке, рядом с Баварией, где было дислоцировано немалое количество западногерманских и американских

войск (зафиксированы его высказывания о том, что если бы на границе с ФРГ в ЧССР стояло 10 советских дивизий, разговор с нами был бы «совершенно другой»). Маневры объединенных войск стран ОВД, состоявшиеся на чехословацкой территории в первой половине лета, лишний раз убедили советское командование в невысокой боеготовности чехословацкой армии, что также, насколько можно судить по воспоминаниям советских генералов, было аргументом в пользу размещения в Чехословакии советских войск на постоянной основе. В более общем плане неготовность Москвы защищать свою сферу влияния могла создать во всем мире впечатление слабости ее позиций, особенно на фоне недавнего полного провала фактических союзников СССР на Ближнем Востоке в «шестидневной войне». «Если упустим Чехословакию, соблазн великий для других», — заметил А. Громыко на одном из заседаний партийного руководства. **Что стало все-таки «последней каплей» для Москвы и прежде всего для Брежнева, в силу своего характера предпочитавшего, чтобы к окончательному решению его подталкивали веские обстоятельства, — может быть, вести о подготовке чрезвычайного съезда КПЧ, на котором со всей неминуемостью было бы обновлено руководство партии? И почему в 1968 г. Москва сделала выбор в пользу именно коллективной акции, предпочла разделить с союзниками ответственность за принятое решение? Что изменилось за 12 лет, прошедших после Венгрии-56, когда Советский Союз, как известно, предпо-**

чел действовать собственными силами?

Т. Д. Судя по всему, переломными стали переговоры 29 июля – 1 августа 1968 г. в Черне-над-Тисоу и особенно 3 августа в Братиславе. К этому моменту у советского руководства сформировалось убеждение – если не будут приняты решительные меры, логика развития политического процесса неминуемо приведет к краху социализма в Чехословакии, что, в свою очередь, нанесет непоправимый урон всей мировой системе социализма. Для советских лидеров речь шла о выживании. Насколько верна была подобная точка зрения, сказать трудно: с одной стороны, опыт горбачевской перестройки в СССР говорит нам о вероятности подобного сценария, с другой – подобное сравнение не вполне корректно. Информация, поступавшая в это время из Праги в Москву, носила однозначно негативный характер: чехословацкому руководству ставили «всяко лыко в строку». И опубликованный 27 июня манифест «Две тысячи слов», и кадровые перестановки, и даже религиозный вопрос – отношения между греко-католиками и православными в Восточной Словакии, где, по информации советского посольства, при попустительстве национальных комитетов и органов милиции «дошло до организованного преследования православных священников, граничащего с террористическими актами». Из таких вот донесений, часто весьма далеких от истины, складывалась общая картина. В ходе переговоров конца июля – начала августа советское руководство предприняло последнюю попытку добиться «исправления ситуации» политическим путем. Перед Дубчеком была поставлена альтернатива: либо он предпринимает решительные меры (список прилагался)

либо... Что подразумевалось под «либо», напрямую не говорилось, но догадаться было не сложно. В Братиславе чехословацкое руководство взяло на себя достаточно серьезные обязательства, однако, вернувшись в Прагу, в свойственной ему манере Дубчек не предпринял фактически никаких действий, видимо, в надежде на то, что ситуация разрешится как-то «сама собой». Для Брежнева это был «последний сигнал», после чего ввод войск стал фактически предрешен. То, что к участию в военной акции были привлечены союзники по ОВД – свидетельство неуверенности советской стороны в правильности принятого решения. Конечно, СССР располагал достаточным количеством пушек и танков, чтобы с легкостью справиться с не самой сильной армией ЧССР (если бы она вдруг начала сопротивляться). С военной точки зрения помощь советским войскам не требовалась, но политически было необходимо разделить груз ответственности. С другой стороны, участие ГДР, ВНР, ПНР и НРБ в акции 21 августа, как это ни странно прозвучит, – свидетельство определенной демократизации взаимоотношений стран народной демократии. Начиная с XX съезда лидеры «братских компартий» добивались права участвовать в обсуждении важнейших внешнеполитических шагов СССР, стремились из безгласных исполнителей воли Москвы превратиться в партнеров. В августе 1968 г. Брежнев предоставил им такую возможность, привлек к обсуждению «чехословацкого вопроса», однако взамен потребовал консолидированного участия в реализации принятых решений. С «аппаратной» точки зрения это был очень умелый тактический маневр. Однако в дальнейшем стало очевидно, что цена подобных «аппаратных игр» – по-

теря авторитета правящих партий в глазах обществ своих стран и, как следствие, усугубление кризиса социалистической системы.

А. С. Тогдашний посол СССР в Чехословакии Степан Червоненко в своем интервью «Парламентской газете», опубликованном в августе 1998 г., следующим образом описывает события вечера 20 августа: «Руководство КПЧ разделилось. Часть утверждала неприемлемые для нас перемены, а часть писала письма в Москву с просьбой оказать помощь. Когда мы с (советником-посланником) Иваном Удальцовым узнали о предстоящем вводе войск, то поняли, что нужно как-то отвлечь тех руководителей, кто мог поднять вакханалию против этого. Мы скрытно встретились в лесу с некоторыми из членов Президиума (ЦК КПЧ), напомнили о их просьбах о помощи и сказали, что, возможно, ее окажут. В свою очередь попросили как можно дольше затягивать заседание Президиума КПЧ, которое должно состояться вечером 20 августа. Наши союзники постарались внести в повестку дня столько вопросов, что заседать – не пересидеть». Президент страны Л. Свобода обладал надпартийным статусом и участия в заседании Президиума не принимал. Ближе к полуночи С. Червоненко посетил его в резиденции, сообщил о начале через сорок минут операции по вводу войск в страну и попросил, связавшись с министром обороны М. Дзуром, дать приказ о несопротивлении во избежание многочисленных жертв. Заседание Президиума еще не закончилось, когда ворвавшиеся советские десантники увели под

конвоем А. Дубчека и еще несколько членов руководства КПЧ. **Насколько детально, судя по документам, был проработан весь этот план в наших партийных инстанциях? Какой простор для самостоятельных действий предоставлялся советскому послу? В какой момент в Москве выяснили, что затея с формированием альтернативного правительства сорвалась, и в документах, готовившихся к публикации, пришлось указывать, что ввод войск состоялся не по настоянию нового «революционного правительства», а по просьбе неких партийных и государственных деятелей ЧССР?**

Т. Д. Видимо, детально проработанного плана вовсе не существовало. Казалось, военная акция окажет на членов Президиума ЦК КПЧ столь сильное впечатление, что дальше все пойдет по накатанной. Отказ руководства чехословацкой компартии проголосовать за «подсунутый» ему документ и последовавший за тем Высочанский съезд явились для советской стороны полной неожиданностью. По документам очень хорошо видно, в какой растерянности пребывали в ЦК КПСС. «Козырная карта» (военная сила) была предъявлена и оказалась битой. К концу 21 – началу 22 августа было совершенно не ясно, что еще возможно предпринять. Московские переговоры 24–27 августа, по результатам которых члены чехословацкой делегации (кроме Ф. Кригеля) поставили свои подписи под Московским протоколом, без преувеличения, стали для ЦК КПСС спасением.

А. С. Поговорим теперь о пропагандистском обеспечении акции и об

общественных настроениях. В сравнении с осенью 1956 г. (кануном венгерского восстания) в 1968 г. руководством КПСС была избрана совсем иная тактика в деле информирования населения о происходящем в одной из стран советского блока. В 1956 г. граждан СССР долгое время держали в неведении относительно положения в Венгрии, что объяснялось прежде всего недооценкой остроты ситуации и сохранявшимся вплоть до дня начала восстания 23 октября расчетом на то, что венгерское партийное руководство сумеет собственными силами выйти из внутривосточного кризиса. В 1968 г. структуры агитпропа КПСС должны были считаться с резко усилившейся возможностью (особенно для жителей Москвы, Ленинграда, западных районов СССР) получения информации от западных радиостанций, и это коренным образом меняло тактику, заставляя заботиться о контрпропаганде. Население загодя, фактически начиная с апреля, подготавливалось к тому, что Советский Союз может прибегнуть к силовым методам решения «чехословацкого вопроса» в случае, если будет признано существование реальной угрозы «завоеваниям социализма» (выступления в центральной прессе, зачитка на местных партактивах информационных писем ЦК КПСС). Хотя Запад фактически не вмешивался в чехословацкие дела, события стали хорошим поводом для того, чтобы наполнить конкретным содержанием привычные пропагандистские штампы о перманентной империалистической угрозе. **Какие аргументы приводились в пользу силового вмешательства? Го-**

ворилось о решающем участии советских войск в освобождении Чехословакии в 1945 г., о понесенных при этом жертвах, об общих интересах социалистического лагеря? О том, что СССР несет на себе главное бремя экономических забот в соцсодружестве, оказывая бескорыстную помощь другим странам, а потому любые попытки дистанцироваться от Советского Союза нельзя воспринимать иначе как проявления неблагодарности? Насколько эффективной была пропаганда? Из документов известно о неудобных вопросах на собраниях трудящихся, например, где был Дубчек в первые дни после ввода войск и почему о его приезде в СССР ничего не сообщалось. Официальная пропаганда не могла скрыть, что приглашение советских войск состоялось не от имени коллективного органа, а от имени неназванных партийных и государственных деятелей ЧССР, что сразу ставило под сомнение легитимность акции. Занимаясь советско-румынским конфликтом, вызванным острыми разногласиями двух стран в период августовского международного кризиса, я узнал, например, что в Советской Молдавии пропагандисты, не обладая необходимой информацией, иногда, чтобы дать публике ответы на все вопросы, черпали ее из сообщений румынского радио, не менее тенденциозных, но все же дававших некоторые подробности, замалчивавшиеся советской прессой.

И тесно связанная с пропагандой проблема реальных общественных настроений. Источники личного происхождения (мемуары, дневни-

ки и т. д.) свидетельствуют о довольно широкой палитре общественных настроений в СССР в связи с вводом войск в Чехословакию. Открытых протестных проявлений было мало, среди интеллигенции куда сильнее проявилось пассивное, молчаливое неприятие. Иногда оно неожиданно вылезало на поверхность. Так, письмо руководства Союза писателей в поддержку акции от 21 августа вышло в начале сентября в «Литературной газете» без подписей А. Твардовского, К. Симонова, Л. Леонова, и многие читатели, привыкшие добывать информацию между строк и обращать внимание не только на то, кто подписал письмо, но и на то, чьи подписи отсутствовали, не могли этого не заметить. С другой стороны, публиковавшиеся вами отчеты о повсеместно организованных по определенной схеме собраниях дают картину почти всеобщего конформизма. Если и имелись отклонения от официальной точки зрения в выступлениях, то они далеко не всегда были в пользу чехословацких реформ, часто в речах ораторов, напротив, содержались призывы к своему правительству не либерализироваться, расправляться с «контрреволюцией» «по-ленински», решить заодно с чехословацкой проблемой и «проблему Румынии» и т. д., а у себя дома выявить и наказать всех, кто симпатизирует чехословацкому «ревизионизму». Сформированная тоталитарной системой модель сознания, отдававшая предпочтение фактору силы, оставалась, судя по всему, доминирующей. Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что как митинги, так и коллективные письма в поддержку власти были

не выражением общественного мнения, а продуктом политической технологии, по которому нельзя судить обо всей гамме имевшихся в обществе настроений. Всеобщее одобрение проводимой политики, полное единение общества и власти были в сущности «фантомом», целенаправленно создававшимся идеологическими органами. Партийные функционеры стремились отнюдь не дать объективную картину состояния умов, а прежде всего отрапортовать центру о благополучии положения дел в подведомственных им регионах, о том, что все находится под контролем и не следует ждать никаких эксцессов. В первую очередь этим были озабочены главы пограничных или проблемных регионов, где в силу тех или иных причин было больше оснований для обеспокоенности неприемлемыми для властей внешними влияниями, был выше градус оппозиционных настроений либо имелась более благоприятная почва для их активизации. Это касается, в частности, Западной Украины, Прибалтики.

Попробуем также подойти к общественным настроениям и с несколько иной стороны. В 1968 г. не только старшие, но и средние поколения помнили тяготы Великой Отечественной войны. Большой войны, разумеется, никто не хотел. **В какой мере в августе 1968 г. в условиях дефицита информации существовали опасения развала системы социализма, большой войны и ее неминуемых последствий (массовых мобилизаций, голода, перебоев со снабжением)? Сформировавшаяся у многих людей в силу жизненного опыта склонность всегда**

готовиться к худшему заставляла ли запастись провизией и предметами первой необходимости на «черный день»? И что говорят ваши источники о настроениях многих тысяч солдат, участвовавших во вторжении? Судя по воспоминаниям, они явно не ожидали такой реакции населения Чехословакии на свою акцию по «защите завоеваний социализма». В какой мере они вообще понимали смысл происходившего? Ведь, каковы бы ни были усилия политработников, у солдат, вошедших в Чехословакию в 1968 г., явно не было выстраданных, осознанных стимулов, какие были у людей поколения их отцов, освобождавшего Европу в 1945 г. (ведь тогда у многих в буквальном смысле «враги сожгли родную хату», а что ужасного, возбуждающего ненависть к врагу сделали призывнику из российской глубинки чешские и словацкие «ревизионисты» 1968 г.?).

Т.Д. Вы затронули целый комплекс проблем, тесно связанных между собой. По большому счету речь идет о реакции советских граждан на ввод войск в Чехословакию. Увы, несмотря на обилие документов на эту тему, трудно дать какой-либо однозначный ответ. В свое время Ю. Андропов произнес сакрентальную фразу о том, что мы не знаем общества, в котором живем. Чем больше знакомишься с цеховскими документами, тем лучше понимаешь искушенного партийного деятеля. В аппарат ЦК КПСС ежедневно поступали сводки Министерства обороны о положении в ЧССР; горкомы, обкомы, ЦК компартий союзных республик направляли информацию о реакции населения...

Шаблонные документы, написанные словно под копирку. Если верить этим материалам, в августе-сентябре была проведена «большая разъяснительная работа», по всей стране прошли партсобрания, собрания трудовых коллективов, на которых, согласно поступившим директивам из ЦК, гражданам была объяснена суть произошедших событий: оказана братская помощь, предотвратившая попытку уничтожить социалистический строй в ЧССР. Советский народ повсеместно одобрял политику партии и правительства, «каверзных вопросов» практически не задавали. Но так ли это? Судить по документам о подлинном настроении советского общества крайне трудно. Мы не знаем о фактах массового дезертирства или отказе выполнять приказы в рядах войск, задействованных в операции «Дунай». Даже в среде интеллигенции, явно не принявшей акцию 21 августа, нашлось лишь восемь человек, 25 августа 1968 г. открыто выразивших на Красной площади протест. Остальные промолчали. Никаких панических настроений, никаких акций, которые можно было бы считать выражением протеста, наши документы не фиксируют. Было ли это тем, что Пушкин назвал «безмолвием народа», или выражением простого равнодушия к судьбе Пражской весны? Сказать однозначно сложно.

А. С. Есть ли в архивах свидетельства того, как видели в Москве оптимальное решение проблемы чехо-словацкого федерализма в рамках единого государственного проекта и какое значение придавали этой проблеме? Надо при этом иметь в виду, что в качестве защитников словацких национальных интересов позицио-

нировали себя люди совершенно разные — и реформатор А. Дубчек, и В. Биляк (главный из тех, кто обращался с просьбой о вторжении), и Г. Гусак, с именем которого связан период 20-летней «нормализации». В 20-х числах августа на заседании руководителей двух стран, где обсуждались условия компромисса, выступление Гусака, откровенно сказавшего кремлевским лидерам об очень плохом восприятии населением страны военного вторжения, было расценено ими как «нехорошее». Тем не менее довольно быстро ставка была сделана именно на Гусака. **Когда и почему выбрали именно его? И в какой мере выбор фигуры Гусака объяснялся стремлением Кремля разыграть против пражских реформаторов карту словацкого национализма?**

Т. Д. Тема «федерализации» появилась в документах ЦК КПСС во второй половине 1968 г. и, хотя это не говорилось прямо, была прочно увязана с темой «нормализации». По данным, поступившим в ЦК КПСС, в Братиславе на ввод войск отреагировали значительно сдержаннее, нежели в Праге. **Советские политики явно рассчитывали за счет предоставления больших национальных прав привлечь словацкое общество на свою сторону. До некоторой степени эта «ставка» сработала.** Думаю, все же розыгрыш «словацкой карты» не связан с фигурой Гусака. «Словацкий проект» был во многом делом аппарата ЦК КПСС, Гусак — креатурой лично Брежнева. Судя по всему, выбор Гусака был обусловлен тем, что он не был связан со «здоровыми силами», скорее мог считаться умеренным реформатором. В то же время, даже находясь в тюрьме во времена Новотного, Гусак

оставался убежденным коммунистом, человеком просоветской ориентации. Он был в глазах людей в гораздо большей степени, чем трусоватые «Капеки и Индры», реальным политиком, «несгибаемым борцом», готовым жертвовать собой ради достижения цели. Превращение Гусака в «главного нормализатора» – почти шекспировский сюжет. Видимо, какие-то договоренности были достигнуты уже в ходе московских переговоров, в августе 1968 г. Связь Гусака с Брежневым осуществлялась не через посольство, а по линии КГБ, посредством личного эмиссара Брежнева в Праге. В этой истории до сих пор не все ясно, хотя благодаря исследованиям чешского историка Михала Махачека многие вещи встают на свои места¹.

А. С. Как видно из записей обсуждения на Политбюро ЦК КПСС «чехословацкого вопроса», разногласия касались лишь частных моментов. Можно предполагать, что в ходе дискуссий выходили также на поверхность личностные трения между отдельными членами руководства, а также ведомственные интересы, представленные людьми, лоббировавшими точку зрения силовых ведомств, ВПК и т.д., и вы можете привести тому конкретные примеры. Однако никакого «кризиса власти» в Кремле, очевидно, не было, все без исключения члены советского руководства хотели положить конец реформаторским процессам в соседней стране, и конечное решение о применении силы было принято без дискуссий. Вместе с тем во многих источниках лично-

го происхождения (прежде всего мемуарах) говорится о том, что и в аппарате ЦК, и в МИДе, и среди сотрудников центральных газет на более «низких этажах» в те месяцы звучали мнения о неоправданности или преждевременности силовой акции. Известны прецеденты перевода на другую работу функционеров, выразивших особую позицию. Подтверждается ли архивными документами эта разногласия мнений?

Т. Д. В свое время Иржи Валента написал целую книгу, стремясь найти в Политбюро ЦК КПСС «ястребов» и «голубей», она вышла и в русском переводе. Сегодня это исследование ничего, кроме улыбки, не вызывает. В воспоминаниях бывших сотрудников аппарата ЦК КПСС, «либералов со Старой площади» – А. Е. Бовина, А. С. Черняева, Г. А. Арбатова – можно прочитать о том, как они противились вводу войск. Никакого документального подтверждения этому пока не найдено. Зато «зубодробительных» материалов, разработанных «аппаратными либералами», известно немало. Так же не удастся выявить какой-то особой позиции по чехословацкому вопросу, занимаемой представителями «силового блока». Вообще подходы, выработанные западноевропейской политологией, оказываются малоприменимы для анализа политических процессов в высших эшелонах власти Советского Союза. Несмотря на все аппаратные игры, кухонное диссидентство, в принципиальных вопросах советская элита брежневской поры была удивительно монолитна. Никакой деятельности «системной оппозиции» по документам проследить не удается.

¹ См.: (Марфина 2018: 95–108).

А. С. До сих пор в литературе нет ясности относительно реального участия в акции войск ГДР. Известно, что Ульбрихт был самым решительным сторонником силового варианта и что формально ГДР была среди участников акции. Некоторые наши свидетели тех событий пишут и говорят о том, что видели восточногерманских солдат на улицах чешских городов, иногда даже противопоставляя жесткости немцев миролюбие советских солдат. Согласно другим свидетельствам, в Москве все-таки вовремя осознали, что новый приход немецких войск в Судеты вызовет слишком явные реминисценции с 1938 г. и спровоцирует в чешском обществе взрыв негодования. А потому войска ГДР были лишь пододвинуты к границе на случай обострения конфликта, но не переступили ее, не считая представителей структур, ответственных за коммуникации с союзническими армиями. **А что говорят об этом ваши документы?**

Т. Д. Рассекреченные и введенные в научный оборот Сводки Министерства обороны СССР о положении в Чехословакии, ежедневно направлявшиеся в ЦК КПСС с 21 августа 1968 г., не оставляют сомнения: восточногерманская армия находилась на территории ЧССР. Точная численность, места дислокации, распределение зон ответственности, боевые задачи – это уравнение со многими неизвестными не только по отношению к армии ГДР, но и ко всем задействованным силам в операции «Дунай».

А. С. Из записей заседаний партийного руководства вырисовывается

очень жесткая позиция Ю. В. Андропова, который при этом часто апеллировал к своему опыту работы в Венгрии в качестве посла во время драматических событий осени 1956 г. А поскольку он имел за плечами такой опыт, к его мнению всерьез прислушивались, при том что он пока еще был лишь кандидатом в члены Политбюро. В литературе мне встретилась версия о том, что он якобы предлагал даже инициировать судебный процесс (по образцу суда по делу Имре Надя 1958 г.) над Франтишеком Кригелем, членом Президиума ЦК КПЧ, в 1968 г. председателем Национального фронта ЧССР, единственным участником переговоров конца августа, отказавшимся поставить подпись под так называемыми «московскими протоколами». **Прослеживается ли что-нибудь подобное в документах? И более широкий вопрос: какие, судя по документам, у советского руководства были запасные варианты на случай, если бы не только Кригель, но и другие члены чехословацкой делегации не подписали «московские протоколы»?**

Т. Д. Стенограмма московских переговоров показывает: Кригель был единственным в составе чехословацкой делегации, кто занимал последовательно жесткую позицию неприятели военной акции. Если бы за столом переговоров находился только он, советская сторона оказалась бы в практически безвыходном положении, т. к. никакого «запасного плана “Б”» в тот момент не существовало. В то же время ситуация зашла столь далеко, что и «сыграть на пятую» уже было невозможно. Видимо, в таком случае ЧССР ждала бы ничем не прикрытая оккупация –

сценарий из разряда «страшных снов» членов Политбюро ЦК КПСС.

А. С. Судя по записям, на заседаниях Политбюро ЦК КПСС и совещаниях лидеров «братских партий» не так уж много внимания уделялось планам экономических реформ в ЧССР, все заикливалось на комплексе оборонных и политических проблем. **Не совершил ли тактической ошибки Дубчек, не перенеся вовремя центр тяжести в своей программе с политики на экономику? Может быть, в этом случае его команде, пойдя на далеко идущие компромиссы с Москвой, вместе с тем удалось бы сохранить власть?**

Т. Д. Тема чехословацкой экономической реформы и то, как она воспринималась Москвой на различных этапах, – крайне интересна. Эта история началась задолго до Пражской весны, став в некотором роде ее предвестником. Если мы обратимся к периоду, предшествовавшему Пражской весне, к 1964–1967 гг., то увидим, что из общего числа постановлений Политбюро, в той или иной степени касающихся Чехословакии, более двух третей посвящено оказанию экономической помощи (причем из года в год количество подобных решений возрастало). В некоторых случаях взаимосвязь «политики и экономики» просто вопиюща. Так было, например, в 1964 г., когда Новотный проявил колебания в оценке октябрьского Пленума ЦК КПСС, а через несколько дней советское правительство согласилось значительно увеличить поставку зерна в ЧССР в 1965 г. Очевидно, что щедрость новых советских лидеров должна была помочь чехословацким товарищам «правильно» воспринять про-

изошедшие в СССР перемены. Советское руководство все чаще и чаще получало сигналы из Праги о нарастающих трудностях в экономике, преодолеть которые, по словам «чехословацких друзей», без помощи Советского Союза было невозможно. Практически за каждым постановлением Политбюро об оказании экономической помощи Чехословакии, принятым в рассматриваемый период, можно увидеть «политическую мотивацию», что не удивительно: вопросы дальнейшего экономического развития становились важнейшим фактором, определявшим и развитие политического процесса в ЧССР.

Значительные надежды чехословацкие политики возлагали не только на поставки из СССР, но и на объявленную январским Пленумом ЦК КПЧ (проходил с 27 по 29 января 1965 г.) экономическую реформу. Суть ее состояла в предоставлении большей самостоятельности предприятиям, стимулировании экономической заинтересованности хозяйствующих субъектов, создании реалистичной системы ценообразования и т. п. Трудно не заметить определенного сходства чехословацкой экономической реформы со стартовавшими в сентябре-октябре 1965 г. в СССР косыгинскими реформами. Возможно, именно в силу этого обстоятельства советское руководство встретило начинания чехословацких товарищей вполне благосклонно.

С другой стороны, в самом руководстве ЧССР вовсе не было единства в отношении дальнейших перспектив начатой реформы. Реформаторское крыло теоретиков-экономистов (которое персонально олицетворял в первую очередь О. Шик – на тот момент директор Института экономики ЧАН, член

ЦК КПЧ с 1962 г.) в решениях январского Пленума видело лишь первый шаг, за которым в ближайшее время должны были последовать новые меры, усиливающие рыночные механизмы, и в конечном счете всесторонняя либерализация не только народного хозяйства, но всей социально-политической системы. Политикам этого толка ЧССР в конечном счете виделась частью мировой глобальной экономики, СССР же отводилась «всего лишь» роль хоть и значимого, но далеко не единственного партнера. Иной точки зрения придерживались не только консерваторы (будущие «столпы нормализации», такие как В. Биляк, Й. Ленарт), но и центристы – экономисты-практики, группировавшиеся в значительной мере вокруг Госплана ЧССР (председатель – О. Черник) и экономического отдела ЦК КПЧ. Они в большей мере делали ставку на «мировой социалистический рынок», повышение эффективности работы СЭВ и углубление экономической интеграции стран-членов СЭВ, поскольку опасались, что слишком быстрое движение по пути экономических реформ приведет к нежелательным политическим изменениям, с одной стороны, и лишь усилит диспропорции в народном хозяйстве ЧССР – с другой. При этом иной раз не стеснялись прибегать к завуалированной форме шантажа – ЦК КПСС ставился перед дилеммой: либо советское руководство усилит помощь ЧССР, создаст полноценно функционирующую экономическую систему в рамках СЭВа, либо Прага будет вынуждена искать способы решения своих проблем, «интегрируясь в международное капиталистическое разделение труда», тем самым выходя из сферы влияния Москвы... Однако в Москве до некоторой степени понимали, что чрезмерное открытие внутреннего рынка СССР для

стран народной демократии может подорвать целый ряд секторов советского народного хозяйства и снизить темпы его развития. С этой точки зрения оказывалось «выгодней» оказывать экономическую помощь нуждающимся в ней партнерам, нежели углублять разделение труда в рамках СЭВ. Ввод войск в ЧССР и последовавшая за этим «нормализация», с одной стороны, сняли с повестки дня тему чехословацкой экономической реформы в трактовке Шика, а с другой – потребовали от Москвы нового вкладывания в чехословацкую экономику миллионов инвалютных рублей, по сути речь идет о «заливании пожара» в наиболее проблемной точке соцлагеря мощным потоком советских вложений. Жизнь показала эффективность этих мер в краткосрочной перспективе, но обернулась полным провалом в долгосрочном плане.

А. С. Как мы уже отмечали, политика уходящей американской администрации Л. Джонсона в чехословацком вопросе была подчинена задаче сохранения диалога с СССР на основе поддержания межблокового равновесия (показательно, что до 21 августа в Вашингтоне не хотели неосторожными действиями спровоцировать СССР, а после 21 августа, осуждая акцию, не хотели вместе с тем сжигать мостов к Москве). Однако многолетний посол СССР в США А. Ф. Добрынин пишет в мемуарах о предпринятом на него в ходе встреч с Джонсоном и госсекретарем Д. Раском давлением с тем, чтобы Советский Союз отказался от гипотетических планов нападения на диссидентскую национал-коммунистическую Румынию. Таких планов, согласно известным документам, собственно говоря,

и не было. Румыния не граничила со странами НАТО, и там не существовало угрозы коммунистической диктатуре. **А Ваши документы что-нибудь говорят о подобного рода давлении Вашингтона на Москву?**

Т.Д. Я не встречал подобного рода документов. В Румынии «раскручивался маховик» «ожидания советского вторжения», но, мне кажется, даже сами румынские партийные деятели мало в это верили. В ЦК КПСС проявляли немалое удивление (думаю, искренне), когда слышали о советской угрозе Румынии. Нет никакого подтверждения тому, что подобные планы существовали. Да и сам по себе опыт «силового решения» в Чехословакии отнюдь не представлялся советским политикам «образцом», который следует тиражировать.

А.С. Можно ли говорить о том, что безнаказанность действий официальной Москвы в Чехословакии повлияла на последующую советскую внешнюю политику: в дальнейшем было проще поддаваться новым соблазнам решать сложные международные проблемы силовым путем и в этом смысле без Чехословакии-1968 могло бы не быть Афганистана-1979? Мы помним, правда, что советским лидерам все-таки (скорее всего, с учетом и чехословацкого опыта 1968 г.) хватило здравого смысла воздержаться от применения войск в Польше в 1980–1981 гг., они предоставили В. Ярузельскому возможность «навести порядок» собственными силами. Тот же Ю.В. Андропов, если верить свидетельству В.Л. Мусатова, долгое время работавшего в аппарате ЦК КПСС, в но-

вых условиях говорил уже о том, что «лимит военных решений» в европейских социалистических странах исчерпан: необходимо искать политические средства разрешения польского кризиса. Война в Афганистане уже шла, не предвещая скорого и успешного исхода. Развязанный одновременно вооруженный конфликт в Польше, учитывая численность и боеспособность Войска Польского и общественные настроения в этой стране, мог иметь самые роковые (скорее в плане внутренней политики) последствия для СССР, и в Москве это поняли. **А когда в Москве окончательно пришли к мнению о том, что политическое решение по Чехословакии в 1968 г. было бы предпочтительнее, ибо слишком велики издержки? Только осенью 1989 г.?**

Т.Д. Применение военной силы – это, как правило, признак слабости. То, что Гусаку не дали возможности стать «чехословацким Кадаром», а определенные предпосылки для этого были, стало дурным знаком для социалистического лагеря. Советское руководство хотело бы найти политический выход из чехословацкого кризиса, не прибегать «к последнему доводу королей», но не смогло. Была утрачена способность «генерировать смыслы». Оставалось только «держаться и непускать». Тот же Андропов, при всей одиозности его репутации, судя по всему, сознавал опасность сложившейся ситуации, пытался найти какой-то выход. Однако все разговоры о теории конвергенции, приписываемые шефу Лубянки, все попытки собрать дееспособную прогрессивную команду, придать динамику советской системе оборачивались ничем. Зато по поводу ввода войск в Афгани-

стан Политбюро снова проявило поразительное единодушие. Признать же допущенные ошибки осенью 1989 г. было уже поздно, хотя, с моральной точки зрения, и необходимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Марфина 2018 — Марфина В.В. Книга чешского историка М. Махачека о последнем президенте социалистической Чехословакии Густаве Гусаке // Славяноведение. 2018. № 5. С. 95–108.

"THE USE OF MILITARY FORCE IS USUALLY A SIGN OF WEAKNESS".

Conversation of Timur Jalilov with Aleksandr Stykalin about the problems of studying the Prague spring and August 1968 intervention in Czechoslovakia

Jalilov Timur A. — candidate of historical Sciences, Head of The Department, Russian state archive of contemporary history (Moscow)

Key words: Prague Spring, reforms of socialism, international crisis of 1968, August intervention of 1968 in Czechoslovakia, Soviet policy in Eastern Europe, Soviet-Czechoslovak relations, interblock relations, Brezhnev, Dubček, Husák, archival sources.

Abstract. The subject of the conversation is the researches of the Prague Spring and the August 1968 intervention in Czechoslovakia, based on the archives sources.

REFERENCES

Mar'ina V.V. Kniga cheshskogo istorika M. Makhacheka o poslednem prezidente

sotsialisticheskoi Chekhoslovakii Gustave Gusake. *Slavianovedenie*, 2018, no. 5, pp. 95–108.

«БУРНЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ» ПРОТИВОСТОЯЛИ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ, ГДЕ ДВА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРА РАЗДЕЛИЛИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ И ДОГОВОРИЛИСЬ МЕРЯТЬСЯ СИЛАМИ ТОЛЬКО НА ПЕРИФЕРИИ».

Беседа Александра Шубина и Александра
Стыкалина о 1968 году как феномене
мировой истории и об актуальности его
наследия и опыта в наши дни

Ключевые слова: Пражская весна, августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии, молодежное протестное движение на Западе, реформы социализма, гражданское общество, биполярная система, перспективы социализма, перспективы демократии.

Аннотация. 1968 год как феномен мировой истории и актуальность его наследия и опыта в наши дни — тема беседы с известным историком и левым политическим мыслителем Александром Шубиным.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-96-112

А. С. 10 лет назад, осенью 2008 г., когда отмечалось 40-летие чехословацких событий 1968 г., видный деятель Пражской весны коммунист-реформатор Ч. Цисарж в своем заочном обращении к участникам большой юбилейной научной конференции

© Историческая Экспертиза, 2018
Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);
historian905@gmail.com

в Институте славяноведения РАН писал о том, что истоки тех событий восходят к временам окончания Второй мировой войны, когда державы-победительницы договорились о разделе сфер влияния в Европе. Будучи включенной в советскую сферу интересов, Чехословакия разделила судьбу ряда других стран. Особенно негативные последствия конкретно для развития Чехословакии имела ее реиндустриализация

начала 1950-х гг. в соответствии с выпавшей на долю этого государства определенной функцией в системе экономических связей в формирующемся советском блоке. Вследствие отказа от участия в плане Маршалла страна фактически исключается из западной системы экономических связей. Известно, в частности, что торговый оборот Чехословакии с западными странами начиная с 1947 г. за считанные годы сократился примерно с 70 до 20 %. Все это сопровождалось волонтаристской ломкой традиционной структуры ее индустрии и в конечном итоге привело к торможению развития, к резкому отставанию от стандартов уровня жизни населения тех развитых стран, с которым чехи и, может быть, в меньшей степени словаки привыкли себя сравнивать. В результате были во многом и быстро утрачены притягательность советского опыта и авторитет СССР в глазах немалой части чехов и словаков, обусловленные решающим вкладом Советского Союза в разгром нацистского вермахта, поработившего Чехословакию в 1938–1939 гг. Согласны ли вы с тем, что вследствие раздела сфер влияния в условиях биполярной системы стране была со всей неминуемостью навязана сталинская модель и, таким образом, именно к 1945 г. генетически восходит ее стагнация, сделавшая необходимой предпринятую в 1968 г. попытку коренного реформирования системы? Никакой иной альтернативы развития для страны после 1945 г. фактически не было?

А.Ш. Цисарж — часть политического поколения, травмированного поражением «социализма с челове-

ческим лицом». Это явление хорошо известно и нам — после неудачи перестройки многие видные шестидесятники бичевали себя за «наивные» идеи демократического социализма, которые их вдохновляли в прошлом. Теперь они предпочитали обсуждать события в более простых категориях геополитической борьбы и национальных интересов. Демократический социализм и идейный потенциал 1968 г. (не только чехословацкого, но и западного) — это проблематика более высокого порядка, поиск пути в будущее, который преодолет проблемы индустриального общества как в западном, так и в восточном его вариантах. Суть феномена массовых движений 1968 г. и «бурных шестидесятых» в целом была не в разделе сфер влияния в 1945 г., который чехословацкие реформаторы воспринимают теперь как негативный фактор. А ведь значительная часть граждан Чехословакии поддержала коммунистов в 1945–1948 гг.

В 1968 г. люди, жившие в западном варианте индустриального общества, тоже были им недовольны. В 1968 г. отставание ЧССР от таких европейских капиталистических стран, как Португалия или Греция, а в чем-то и Италия или Франция, было не очевидно. А уж для Словакии модернизация, по поводу которой так печалится Цисарж, была воротами в индустриальное общество, плодами которого она пользуется и сейчас, несмотря на частичную деиндустриализацию в рамках ЕС. Если бы линия раздела сфер 1945–1948 гг. прошла восточнее, Чехословакия вряд ли обогнала бы Германию. В этом случае ей

предстояло стать полупериферийной капиталистической страной, и в 1968 г. Цисарж тоже был бы недоволен ситуацией — как и миллионы жителей Европы и Америки к западу от Судет и Эльбы.

Трудно согласиться и с тем, что к 1968 г. в ЧССР и СССР существовала сталинская модель. Общество «государственного социализма» эволюционировало и с 1953 г. проделало большой путь — в том числе и в направлении расширения сфер свободы. В 60-е гг. обе системы индустриального общества вошли в полосу кризиса, и люди искали альтернативу своим системам по обе стороны от ржавеющего «железного занавеса».

А. С. Большинство из «архитекторов Пражской весны» были изначально убежденными коммунистами. Их привело в коммунистическое движение (что признавали в своих мемуарах З. Млынарж, О. Шик и др.) разочарование в ценностях западных демократий вследствие их мюнхенского соглашения (или, как у нас было более принято говорить, «сговора») с Гитлером, рокового для судеб Первой Чехословацкой республики, едва ли не наиболее совершенного детища в целом очень несовершенной Версальской системы. Эти люди поддерживали (иногда пассивно, но чаще очень активно) февральский путч 1948 г., приведший в конечном итоге к установлению в стране жесткой диктатуры сталинского типа. Но осознав тупиковость избранной модели, а тем более ее полное несоответствие национальным демократическим традициям, интеллектуа-

лы социалистической ориентации (включая наиболее просвещенную часть партократии) взяли на себя ответственность за развитие страны на новой основе, стали инициаторами и важнейшей движущей силой реформаторских процессов. Не порывая при этом с идеей социализма. В то время «никто из нас не требовал возврата к капиталистической системе, поскольку мы сами еще застали и испытали на себе ее недостатки», — писал позже О. Шик. *Можно ли говорить о том, что реформизм Пражской весны явился серьезным актом самокритики и расчета с прошлым для того поколения чешской демократически настроенной интеллигенции, которое, разочаровавшись в прежнем опыте воплощения социалистических доктрин, предприняло свою собственную попытку «обвенчать» идею социализма с демократическими ценностями и институтами?* Есть ли аналогии в истории других стран?

А. Ш. Пражская весна — это поздняя попытка соединить демократические и социалистические начала. Изначально социалистическая идеология и была демократической. Большинство социалистов до 1917 г. не мыслили социализм без демократии, считали, что если нет демократии, то нет и социализма. Когда социалисты приходили к власти, будь то Парижская коммуна 1871 г. или дооктябрьский период революции в России в 1917 г., — они были демократами. Капитализм трудно преодолеть по демократическому пути, но без демократии социалистическое общество невозможно по определению. В этом отношении провозглашение Ста-

линым построения в СССР социализма было актом самозванства. Возникшее там общество имело мало общего с социалистической моделью бесклассового общества. В СССР и ЧССР возник не социализм, а индустриальное общество с основами социального государства. В этом отношении Пражская весна — возвращение к основам социалистической теории, попорченным в 20–30-е гг. XX в. Реформаторы хотели не потерять достигнутого уровня социальной защиты, дополнив ее тем, что в теории является обязательным критерием социалистического общества — народовластием, эффективностью, высоким уровнем благосостояния.

А. С. Исходным импульсом Пражской весны стало стремление рационализировать экономику. Правда, этим партийные реформаторы не ограничивались. Программа действий КПЧ, разработанная ими и уже весной 1968 г. начавшая внедряться в практику, включала в себя расширение свободы печати, активизацию общественных организаций, перенесение многих функций с центральных органов власти на местные. Не думая о демонтаже однопартийной системы, а тем более о выходе страны из советского блока, инициаторы Пражской весны вместе с тем стремились сделать систему более эффективной, отвечающей запросам общества и его демократическим традициям. Причем начавшиеся реформы быстро породили общественные процессы, далеко перешагнувшие рамки компартии и подрывавшие ее прежнюю монополию на выражение многообразных обществен-

ных интересов. Возникают внесистемные дискуссионные клубы и форумы не просто для критики прежней политики, но для инициирования реформаторских предложений. В некоторых случаях они стали артикулировать точки зрения, альтернативные коммунистической идеологии. *Процесс регенерации имевшихся в Чехии традиций гражданского общества, придавленных в конце 1940-х гг. коммунистической диктатурой, но не уничтоженных, набрал летом 1968 г. собственную, независимую от партийного руководства динамику, а лидеры КПЧ во главе с А. Дубчеком, охваченные своей популярностью, невиданной в этой стране для коммунистических политиков, не хотели идти против течения даже под сильным давлением Кремля.* Даже такой всегда дистанцировавшийся от коммунистической идеологии человек, как Вацлав Гавел, говорил в своих интервью, вошедших в книгу «Заочный допрос», что развитие гражданского общества с характерным для него плюрализмом объединения людей снизу как фиксации многообразных общественных интересов (фиксации совсем не обязательно на политическом уровне) не только подталкивало власть к реформам, но на определенном этапе могло стать гарантом необратимости перемен. «Именно потому, — писал он, — что процессу обновления не хватило времени для того, чтобы это поле возникло в такой широкой, а значит, и неуправляемой пестроте, которая бы соответствовала реальному потенциалу общества, могло быть все так быстро и так сурово подавлено». Процессы обновления охватили и компартию. Она, конечно, не поспедала за все более

радикализирующимся обществом, но, дав толчок к размыванию тоталитарных основ системы, все же и сама медленно трансформировалась под давлением снизу в партию парламентского типа, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими политическими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной роли партии). Качественные изменения в КПЧ отразил ее так называемый «высочанский» съезд, осудивший военную акцию 21 августа. *Хотелось бы поговорить о нереализованных возможностях Пражской весны как массового спонтанного и незаформализованного общественного движения. Каков был главный вектор разбуженной политической активности масс и каковы были перспективы поступательного внутриполитического развития Чехословакии, пресеченные грубым вмешательством союзников? Какой социальный проект возник на горизонте общественных ожиданий и мог быть реализован в случае невмешательства? Возобладали бы со временем в развитии антисоциалистические тенденции? Были бы коммунисты-реформаторы в скором времени со всей неминуемостью сметены более радикальной и уже антикоммунистической волной? А с другой стороны, правы ли были Дубчек и люди его команды, пойдя под диктатом Москвы (пусть в интересах спасения части реформ) на компромисс и тем самым способствовал демобилизации и деморализации гражданского общества, в течение первой недели после ввода войск, по словам Гавела, «демонстрировавшего чудеса изобретательности»*

в пассивном сопротивлении громадной военной силе? Было ли правильным с прагматической точки зрения, говоря языком революционной теории, термидоризировать массовое демократическое движение?

А.Ш. Попытки повысить эффективность экономики предпринимались в ЧССР, да и в СССР до 1968 г. Позднее такая же последовательность возникла во время перестройки — сначала советское руководство пыталось проводить авторитарную модернизацию, и когда она стала заходить в тупик — обратилось к ресурсу демократических преобразований, которые должны были вдохновить интеллигенцию. Без интеллигенции нельзя решать задачи нового этапа преобразований, связанные уже с постиндустриальной проблематикой, а заинтересовать интеллигенцию можно свободой творчества, информации, участием в решении дел страны. Но этот путь связан со множеством опасностей и трудностей, которые реформаторы в ЧССР и СССР плохо себе представляли. И Горбачев, и «опьяненный» Дубчек были хорошими аппаратными игроками, но не умели работать с массами, которые стали быстро выходить из-под контроля. Регенерация гражданского общества произошла в СССР достаточно быстро, хотя традиция была разрушена еще в 20-е гг. Дело, видимо, не в давности традиции. Интеллигенция думала, что она — это общество, а общество оказалось сложнее, многофакторнее. Другой силой, которая в СССР повела себя не так, как виделось реформаторам, была бюрократия. Горбачев

переиграл консервативную часть бюрократии, но другая была радикальнее его, стремясь распилить государственную собственность на частные кусочки, а центральную власть — на региональные куски. В этом смысле Дубчеку даже повезло, что его «перестройка» была искусственно сорвана. В случае ее углубления образ Пражской весны не был бы таким красивым — начался бы неизбежный кризис реформ. Кризис реформ, проводившихся по такому пути, мы видели в СССР, а в 1968 г. по этому пути шла ЧССР.

Альтернатива была та же: или демократический социализм, т.е. вариант принципиально нового, по сути постиндустриального общества, либо — капитализм. Но не зрелый капитализм, а периферийный, маргинальный, вечно догоняющий и обслуживающий капиталистическое «ядро». Срыв пути к постиндустриальному обществу ведет к откату, но это может быть откат и к периферийному капитализму. Такой вариант развития событий был весьма вероятен, если бы ЧССР развивалась не в сфере влияния СССР.

Если бы советское руководство было более открыто смелым экспериментам, у ЧССР был шанс создать «вторую Финляндию» и «вторую Швецию» в одном лице, показав путь всему социалистическому лагерю к более гибкому и эффективно-му социальному государству. Но такое общество стремится к политической нейтральности в холодной войне. То есть условием успеха проекта была другая международная ситуация (Горбачев через двадцать лет ее создал). Если бы в Москве

сидели смелые игроки, они бы активно помогли революционным движениям во Франции, Италии и ФРГ и могли бы разменять нейтрализацию ЧССР на нейтрализацию, например, ФРГ. Это была бы рискованная игра. Но кремлевские руководители мыслили не категориями мировой революции, а мотивами имперской безопасности. После ввода войск ОВД в Чехословакию уже не было перспективы создания альтернативной модели социализма, а просто сопротивление при таком соотношении сил было бесперспективно. Чехословакия и при капитуляции Дубчека показала миру пример ненасильственного сопротивления. В 1989–1990 гг. Дубчек снова был популярен — ему простили прошлую слабость.

А.С. В Кремле хотя и экспериментировали в середине 1960-х гг с половинчатыми экономическими, так называемыми «косыгинскими реформами», вместе с тем, несомненно, опасались любых далеко идущих системных реформ, способных пересмотреть прежний бесконтрольный характер власти узкого руководства КПСС, а потому ставили всевозможные преграды проникновению в СССР разного рода идей «социализма с человеческим лицом». Л.И. Брежнев, еще за два года до Пражской весны, летом 1966 г. присутствовавший на XIII съезде КПЧ, уже в то время сделал свои выводы из звучавшей критики А. Новотного. По свидетельству А.Е. Бовина, он говорил тогда в узком кругу работников аппарата ЦК КПСС: «Вы видите, что атаки идут не столько на Новотного, сколько затрагивают совершенно другие

вопросы: какая-то свобода, демократия, либерализация... Нам и себя оградить надо». *Однако помимо охранительно-идеологических соображений существовали геостратегические*, и позицию Москвы в ходе эскалации чехословацкого кризиса нельзя рассматривать в отрыве от баланса сил между двумя противостоящими военными блоками. Специфика Чехословакии заключалась в том, что, непосредственно гранича с западными странами, прежде всего с ФРГ, она не имела на своей территории частей Советской армии: советские войска стояли по флангам — в Польше, ГДР, Венгрии, а по центру, как образно заметил один из исследователей, «зияла дыра», по мнению советских лидеров, «опасно открывая коридор к границам оплота социализма». Речь, таким образом, должна была идти о выравнивании рубежей обороны советского лагеря. Так вот, говоря о мотивах действий советских лидеров, *чего все-таки было больше: боязни инфицировать советское общество идеями пражского реформизма или все же желания заполнить «чехословацкую брешь» в оборонительной системе, и Пражская весна явилась прежде всего удобным поводом и идеологическим прикрытием для ввода войск в Чехословакию в целях решения сугубо военно-стратегических задач?* А может быть, Советскому Союзу для поддержания имиджа великой державы было необходимо время от времени демонстрировать свою силу, а утрата влияния на Ближнем Востоке вследствие «шестидневной войны» 1967 г. делала эту задачу особенно насущной?

А. Ш. «Бесконтрольная власть узкого руководства КПСС» к середине

60-х гг. уже была изрядно размыта и распределена по разным слоям и секторам бюрократии. В этом состояла брежневская «забота о кадрах». И реформы в ЧССР сначала воспринимались не только с тревогой, но и с интересом, как возможность локально поэкспериментировать с более радикальным вариантом советской экономической реформы и с умиротворением интеллигенции вдохновляющими лозунгами обновления социализма. Условие эксперимента — он должен был проходить без угрозы Варшавскому договору.

«Инфицировать» советское общество было поздно — там уже были диссиденты и шестидесятники, которым Дубчек не мог сообщить что-то новое. Уже существовала и Югославия как радикальный вариант «косыгинских» реформ.

Дубчеку сначала благоволил Брежнев, экспериментам не были чужды Кадар и Гомулка. Ближневосточный конфликт в судьбе ЧССР, на мой взгляд, не играл существенной роли. Тогда войска нужно было вводить не в ЧССР, а в Румынию. Главным мотивом ввода войск была несовместимость чехословацкого эксперимента с ОВД. В середине 1968 г. он был признан неудачным как в Москве, так и в ряде других восточноевропейских столиц. Стало ясно, что политические процессы идут быстрее экономических, и возникает оппозиция, которая ставит внешнеполитические вопросы и которой Дубчек не может управлять.

А. С. Недавно наткнулся в РГАЛИ на запись беседы в Союзе писате-

лей СССР с английским писателем-коммунистом Дж. Олдрижем, посетившим Москву в октябре 1968 г. Смотря на «взволнованные лица молодых демонстрантов, жаждущих перемен», говорил писатель, я думаю о том, что «мы, на Западе, сыты по горло вульгарной и пошлой погоней за материальными ценностями. Нас пытаются ослепить “вещами”, как будто человек только этим и живет. Мне кажется, что нам уже становится тошно от переизбытка “вещей”, и наша молодежь чувствует это острее, чем кто бы то ни было. Она тревожно и пытливо заглядывает за ослепительную завесу материальных подачек, чтобы найти то простое, правдивое и высоконравственное, чему стоит посвятить свою жизнь». Так вот *западная молодежь, бунтовавшая в Париже и других городах, выступала против той системы и того миропорядка, того потребительского общества и того «культы вещей», которые в целом отнюдь не казались неприемлемыми польской и чехословацкой молодежи, сталкивавшейся в своих странах с совсем иными проблемами и, напротив, как правило, выступавшей под лозунгами, рожденными в русле либеральной идеологии*, и прежде всего за приближение общественной жизни своих стран к определенным стандартам политического плюрализма и потребительского благоденствия либерально-западного образца. Я говорю о *разновекторности политических устремлений*. Хотя шум выступлений молодежи против истеблишмента был услышан «за Берлинской стеной» и обладал силой примера, западные «леваки» при посещении в 1968 г. Праги, насколько можно судить по воспоми-

нениям, нелегко находили общий политический язык даже с наиболее «продвинутой» и восприимчивой к западной «антикультуре» чешской молодежью, слишком велика была разница между политическими идеалами и программами. А все-таки было хоть что-то общее между молодежным бунтарством 1968 г., условно говоря, по обе стороны Берлинской стены? И прав ли известный венгерский историк и левый политолог Тамаш Краус, который на одной из конференций в Москве по проблемам «1968 года» говорил о том, что восточноевропейский 1968 г. был скорее приспособлением к условиям и ценностям западного буржуазного мира, «капитализма центра»? А как же тогда быть с идеей «социализма с человеческим лицом»? И *почему, собственно говоря, свобода СМИ и электоральные технологии развитой демократии западного типа не могут стать неотъемлемым атрибутом общества, построенного, насколько это возможно, по законам социальной справедливости?* Вспоминается в этой связи высказывание европейски известного венгерского политического мыслителя Иштвана Бибо, относящееся еще к первым месяцам после восстания осени 1956 г. в Будапеште: «все здание свободы, покоящееся на разделении властей, на многопартийных свободных выборах, на гражданских правах и свободах, особенно на свободе печати и мнений, а также на независимости судей и системе правового государства — это не какая-то “буржуазная” надстройка, а просто объективная техника, до сих пор непревзойденная, наиболее развитая техника свободы, преимущество которой

рано или поздно можно признать точно так же, как признается преимущество западной шариковой ручки и теории наследственности Моргана, без того, чтобы поставить под угрозу дело социализма». Разве это удивительно, что сытые по горло «техникой» угнетения и подавления мысли молодые люди в Восточной Европе должны были обратиться к такой «технологии» общественной жизни, которая дает институциональную защиту против всего этого, независимо от приверженности или неприверженности этих людей социалистическим идеалам?

А. Ш. На мой взгляд, 1968 г. во Франции и ЧССР имел один вектор, но из разных точек. Борьба шла против существующей модели индустриального общества. Французы (далеко не только студенты) боролись с западной моделью, а чехи и словаки — с восточной. Французы не собирались отказываться от потребления, они по итогам событий добились больших зарплат и социальных гарантий. Чехи и словаки не готовы были соглашаться на колбасу без свободы. Брежнев был не против того, чтобы в ЧССР потребляли больше, его не устраивала политическая составляющая Пражской весны, борьба за реальную независимость. Ею, кстати, в XXI в. чехи и словаки опять пожертвовали — в обмен на потребительские ценности.

Если «Красный май» сражался за общество, которого пока нет, за утопию, то Пражская весна стремилась к конвергенции всего лучшего, что есть на Западе и Востоке. Сама концепция конвергенции тоже бы-

ла выдвинута Сахаровым в 1968 г. Потом на эти грабли наступил Горбачев, и выяснилось, что если смешать все лучшее — получится смесь худшего. Худшее смешивается, а соединять лучшее куда сложнее.

Естественно, что, уходя от своей модели, чехи и словаки смотрели на Запад, но в отличие от 90-х гг. еще не хотели его копировать. Надеялись соединить социальные гарантии, государственное регулирование и «свободу СМИ» (этот высокий идеал в реальном западном обществе далек от воплощения) и западные электоральные технологии (только не демократии, а плюралистичного элитаризма). Это возможно? Конечно — вот в Швеции до некоторой степени соединилось.

Являются ли институты многопартийности, разделения властей, независимость судей и т.д. «фундаментом свободы»? Полагаю, что И. Бибо не там нашел фундамент. Фундамент свободы — в силе гражданского общества, в готовности граждан перманентно защищать свои права — в том числе и против многопартийного государства с разделенными властями. Бибо прав, что многопартийность — не только буржуазная технология. Она — и бюрократическая тоже. И гражданское общество, хотя и с большим трудом, может ей пользоваться. Но все-таки при многопартийности властные и имущественные элиты имеют явное преимущество над обычными гражданами. Хотя государство реальной многопартийности дает больше пространства для борьбы за права обычных людей против властных элит, нельзя путать техни-

ку отбора элит с техникой свободы. Например, никто не сомневается в том, что Макрон был избран в соответствии с процедурами плюрализма, но массы французов сегодня бьются на улицах и дорогах против его реформ. И вот это — как раз техника свободы. В 1968 г. ее символом стал «Красный май» во Франции.

А. С. К 1968 г. биполярная ялтинско-потсдамская система еще не утратила прочности, продолжая оставаться в силе вплоть до конца 1980-х гг. По замечанию одного из исследователей, довольно вялая реакция на подавление Пражской весны со стороны США, по сути ограничившаяся моральным осуждением, показала, что «Вашингтон на тот момент смирился с разделом мира на сферы влияния и был до поры до времени готов уважать их границы — вне зависимости от того, нарушались ли за этими границами принципы международного права, не говоря уже о правах человека». Дробление советского блока, усиление полицентризма могли бы при тогдашнем соотношении сил между Москвой и Вашингтоном повести только к нежелательной, в том числе и для Вашингтона, дестабилизации в Европе. В свою очередь и западноевропейские политические элиты, с настроенностью наблюдавшие за реакцией Москвы на события в Чехословакии, также в конечном итоге проявили готовность пожертвовать этой страной во имя сохранения стабильности в Европе. Сравнение с Мюнхеном-1938 было бы слишком грубым, однако факт остается фактом: демонстрация несогласия с акцией пяти стран никак не должна была, согласно общим

установкам западных лидеров, довести дело до обострения холодной войны. Скажем больше, президент Франции генерал де Голль хотя и выражал публично свои симпатии демократическим устремлениям в Чехословакии (ставшим, по его словам, «новым фактором» в Европе), все-таки, находясь под впечатлением грандиозных майских студенческих выступлений в Париже, скорее всего, в глубине души даже несколько опасался чехословацкого эксперимента, связывая с его возможным успехом дальнейшее укрепление влияния левых сил в своей стране. Вопрос: более жесткая позиция Запада могла бы предотвратить военное вторжение?

А. Ш. Вашингтон в 60-е гг. не «смирился с нарушениями международного права», а был одним из активных его нарушителей. Вспомним Индокитай, вторжение в Доминиканскую республику. Так что не Вашингтону было судить СССР. «Бурные шестидесятые» противостояли мировому порядку, где два империалистических центра разделили сферы влияния и договорились меряться силами только на периферии. Ни СССР не собирался помогать Доминикане и тем более революционным парижанам, ни США — вмешиваться в кризисы за ялтинской линией. При этом я согласен, что сравнение с Мюнхеном 1938 г. было бы слишком грубым. В 1968 г. Чехословакию оставили в прежнем положении и не поделили. Это государство было разделено только в 1993 г.

А. С. Чехословацкие события четче обозначили ранее наметившиеся

существенные расхождения между линией ЦК КПСС на откат от идеалов XX съезда и настроениями советской интеллектуальной элиты. Многими своими идеями перекликалась с программными выступлениями пражских реформаторов завершенная в апреле 1968 г. работа А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», ставшая своего рода идейной альтернативой курсу апрельского пленума ЦК КПСС 1968 г. на идеологическое ужесточение, тем более что в самой этой работе говорилось о необходимости поддержать «смелую и очень ценную для судеб социализма инициативу», исходящую из Праги. Разница в ситуациях между двумя странами заключалась в том, что если в Чехословакии реформаторские поиски интеллектуалов были поддержаны в 1968 г. немалой частью партийной элиты, возглавившей движение за реформы, то в СССР (как свидетельствуют среди прочих источников мемуары Г. А. Арбатова, А. Е. Бовина) подобные настроения с определенным сочувствием были встречены лишь наиболее продвинутой частью партюкратии, не относившейся к самым верхним этажам номенклатуры. А как повлияло подавление Пражской весны на идейную эволюцию наиболее мыслящих представителей тех поколений советской интеллигенции, которые явились непосредственными свидетелями военного вторжения?

А. Ш. Сомнительно, что можно говорить о явном отходе советского руководства от идеалов XX съезда. Это был съезд мирного сосуществования, социальных программ

и осуждения репрессивного единовластия главы партии-государства. Все эти основные направления политики сохраняли силу и во второй половине 60-х гг. Брежнев не стал новым Сталиным, взял курс на стабилизацию кадров. Столкновение интеллигенции и власти в середине 60-х гг. по поводу понимания сферы дозволенной свободы не привело к массовым чисткам. Например, после того, как часть фильмов в 60-х гг. оказались на полке, их творцы в большинстве своем остались в профессии. Настроения советской интеллектуальной элиты по этому поводу были различными, и не было единой степени расхождения интеллигенции с позицией власти. Сама эта официальная позиция воспринималась как скорее ритуальная и не соблюдалась даже номенклатурой, которая, как и интеллигенция, то и дело действовала в серой зоне права. Подавление Пражской весны, как и ряд событий в самом СССР (дело Синявского и Даниэля, например), создавало неприятный диссонанс этому поиску консенсуса в советском обществе. Но в большинстве своем вольномыслящие предпочли не идти на прямую диссидентскую конфронтацию, а работать в имеющемся обществе, постепенно подготавливая изменения, которые считали необходимыми. И брежневское общество подходило для этого часто даже больше, чем хрущевское. Достаточно напомнить, что при Хрущеве гораздо больше сажали за «клевету на советский государственный строй». «Наиболее мыслящие представители» советской интеллигенции в большинстве своем прекрасно освоили эзопов язык. В обычном разговоре

в конце 70-х вам могли с улыбкой сказать: «Чехословакия решила уплыть из Варшавского договора, и тогда мы протянули ей руку помощи».

Различие чехословацкой и советской элит было не принципиальным, а стадийным. Когда потенциал индустриальной модернизации в СССР был исчерпан, когда большинство советских людей стали горожанами во втором поколении, интеллектуальная элита и партийные руководители в СССР стали вести себя, как в ЧССР в 1968 г. Чехословацкий опыт был востребован, но — наряду со многими другими источниками реформаторских и оппозиционных идеологий.

Главное, что было в опыте Пражской весны — угроза финала, что в какой-то момент появятся танки и Горбачев станет Дубчеком. Но когда нечто похожее случилось в 1991 г., события пошли по другому сценарию. Соотношение сил было уже совсем другим, чем в Праге и вокруг нее в 1968 г.

А. С. Мы уже коснулись определенной взаимной заинтересованности великих держав в сохранении в условиях острого международного кризиса того биполярного равновесия, которое установилось в 1945 г. Поставим снова чехословацкие события в контекст социальных потрясений 1968 г. на Западе. Западная молодежь бунтовала не только против консервативного мировоззрения родителей, патерналистского государства, но и против основанного на соглашении сверхдержав биполярного мирового порядка, начавшего, по ее виде-

нию, сдерживать поступательное развитие мировой цивилизации (отсюда и симпатии части политически активной молодежи не только на Западе, но, кстати, и на Востоке Европы к маоизму именно как к своего рода антисистемной силе). Суть происходящего на Западе хорошо осознавалась за «железным занавесом». Советское руководство явно не было заинтересовано (тем более в условиях чехословацких событий) в том, чтобы в СССР перекинулись протестные настроения западной молодежи, поскольку они в одинаковой мере могли противостоять и демократии западного типа, и государственному социализму советского образца. Властными структурами СССР любые стремления где бы то ни было (будь то в Париже или в Праге) к свободе воспринимались прежде всего как потенциальная угроза дестабилизации собственного режима, а потому им были поставлены преграды. Но левые протестные движения на Западе не были поддержаны Советским Союзом и в качестве инструмента ослабления противоположного лагеря. Интересы советского и западного политического истеблишмента здесь объективно совпадали. Как де Голль у себя дома во Франции, так и Брежнев вопреки всем нормам международного права в союзнической Чехословакии своими силовыми акциями поддерживали status quo послевоенного мирового порядка. Это отвечало и интересам США, чьи лидеры, как мы уже отмечали, не предприняли никаких серьезных шагов для противодействия военной акции стран-участниц ОВД. Таким образом, обеим сверхдержавам (СССР и США)

было гораздо важнее сохранить существующую систему международных отношений, нежели оказать поддержку антисистемным, бунтарским движениям в противоположном стане. Так вот, *можно ли говорить о том, что именно повсеместный подъем в 1968 г. протестных движений снизу в более долгосрочном плане подтолкнул правительства сверхдержав к укреплению и совершенствованию биполярной системы, к тому, чтобы добиваться стабилизации мирового порядка сверху, причем из этого процесса не исключался и Советский Союз?* Мы говорим здесь не только об охранительной по духу взаимной заинтересованности элит в нейтрализации антисистемных движений, способных изменить существующий миропорядок, но и о чем-то вполне конструктивном — укреплении безопасности в Европе. *Идет ли речь о факторе, подтолкнувшем так называемый «общеевропейский процесс» и способствовавшем быстрейшему налаживанию отношений между СССР и Западом в первой половине 1970-х гг., что нашло выражение в подписании договора об ОСВ и соглашения по Западному Берлину, в заключении договоров ФРГ с СССР, ГДР, Польшей и Чехословакией, но прежде всего в проведении в 1975 г. в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе? И существует ли связь между Парижем-68, Прагой-68 и Хельсинки-75?*

А.Ш. Кремлевские старцы не имели оснований симпатизировать радикальным идеям «бурных шестидесятых», а руководители НАТО — Пражской весне. И то, и другое было альтернативой как «реально-

му социализму», так и «капиталистической системе». Кремль был напуган и «культурной революцией» в Китае, которая вдохновляла часть молодежи и интеллектуалов на Западе своим антибюрократическим пафосом. Я обнаружил в РГНИ документы о том, что в 1965 г. этот коммунистический радикализм выплеснулся на улицы Москвы — перед американским посольством прошла агрессивная манифестация китайских, вьетнамских и кубинских студентов, которая была разогнана милицией. Это привело к международному конфликту внутри «социалистического лагеря».

Конечно, «бурные шестидесятые» были не единственной причиной «разрядки», но одной из них. Мировые элиты от Москвы до Вашингтона и от Вашингтона до Пекина решили договариваться перед лицом волнений и новых идей. Властным элитам стало ясно, что сейчас желательно обеспечить стабильность не только в Европе, но и в мире, четче разделить сферы влияния, пойти на взаимные уступки.

Впрочем, земного шара им все-таки было мало, и в конце 70-х конфронтация возобновилась. Новому витку холодной войны способствовало и то, что последствия «бурных шестидесятых» на Западе оказались необратимыми. Гражданское общество крепло, приобрела широкую популярность правозащитная тематика. С ней уже нельзя было не считаться. «Третья корзина» Хельсинки напрямую вытекала из «бурных шестидесятых». Кремлевские руководители не поняли, с чем имеют дело, санкционировав «третью кор-

зину» в Хельсинки. А Запад сделал ставку на борьбу за права человека в Восточном блоке. Советским дипломатам и идеологам было чем ответить, но это подрывало «разрядку», создавало дух недоверия между начальниками Запада и СССР. Это не было причиной нового витка холодной войны, но способствовало ему. По сути мы и здесь имеем дело со стадийным различием: Запад уже был обществом «после шестидесятых», а СССР — еще «до перестройки». Им было трудно понять друг друга.

А. С. Известно, что еще подавление венгерского восстания 1956 г. оттолкнуло от СССР многих западных симпатизантов леволлиберальной ориентации, привело к кризисным явлениям во многих компартиях Западной Европы, в том числе в наиболее сильных — итальянской и французской. Что касается августовской 1968 г. интервенции, то ее последствия для международного коммунистического движения были еще более велики. *В мире создано впечатление, что СССР окончательно отказался от поиска новых путей социалистического развития.* Даже преданный Советскому Союзу венгерский лидер Янош Кадар сказал в сердцах осенью 1968 г. на своем Политбюро: «если создается впечатление, что СССР защищает вчерашний день, это будет означать конец мировому коммунистическому движению». Безусловная поддержка советской внешней политики перестала быть аксиомой для многих европейских компартий, парламентарии-коммунисты нередко голосуют за военные расходы стран-членов НАТО, французская

компартия поддерживает программу укрепления ядерных сил Франции. *«Вторжение в Чехословакию стало для нас последней каплей. Идея интернационализма теперь для нас умерла»*, — признал лидер испанской компартии С. Карильо. Про отношение к агрессии 21 августа чешского и словацкого общества мы здесь уже и не говорим. Крушение надежд советской интеллигенции на позитивные перемены в стране, окончательное разочарование многих левых интеллектуалов как на Западе, так и на Востоке Европы в социалистической идее и возможности реформировать реальный социализм, падение авторитета СССР, ослабление веса его сторонников, а с другой стороны, укрепление фронта его противников и критиков (после 1968 г. создаются предпосылки для ранее немыслимого китайско-американского сближения, начавшегося в 1972 г.) — каким образом в Кремле пришли со временем к пониманию того, что все это было несопоставимо с достигнутыми вследствие интервенции результатами, т.е. с приведением к общему знаменателю и без того довольно лояльного во внешнеполитическом плане союзника, с размещением войск на стратегически важном с точки зрения интересов безопасности СССР плацдарме?

А. Ш. Подавление Пражской весны было одним из многих событий в ряду. Компартии и до 1968 г. уже могли не поддерживать советскую внешнюю политику. Первыми были коммунисты Югославии, а к 1968 г. действия СССР на международной арене осуждали уже очень многие компартии, с учетом

КПК — большинство коммунистов мира. Истоки еврокоммунизма тоже лежат в XX съезде КПСС и подавлении революционной Венгрии. Для кого-то «последней каплей» стал 1968 г., но важнее было даже не подавление Пражской весны, а выход на авансцену новых идей, устремленных в будущее, в то время как Кремль полностью потерял футурологический потенциал, отказавшись после свержения Хрущева от планов достижения коммунизма в обозримом будущем. «Реальный социализм» нельзя было предъявить человечеству как итоговую модель соревнования с капитализмом. Теперь СССР мог искать союзников только на прагматической основе, «ты мне — я тебе». Нагрузка на бюджет становилась больше, а союзников было все меньше. Нервная реакция на этот тренд стала одной из причин ввода войск в Афганистан и нового витка холодной войны.

Кстати, вторжение в Афганистан показало, что в Кремле не пришли к выводу, что ввод войск в ЧССР имел больше негативных последствий, чем предположительное предоставление Праге свободы внешнеполитического самовыражения. Вот Афганистан — да, был одним из факторов, которые сдерживали СССР от вторжения в революционную ПНР в 1981 г.

А левые интеллектуалы начиная с 60-х гг. уже не отождествляли социалистическую идею с СССР (в крайнем случае считали СССР неким несовершенным вариантом ее воплощения). Социализм в 60–70-е гг. был популярен, а советский «реальный социализм» уже нет.

А.С. Крупный чешский (а позже французский) писатель Милан Кундера в одном из эссе, написанных еще до отъезда в эмиграцию, отмечал мировое значение предпринятых в Праге попыток, выйдя из порочного круга «бюрократического социализма», противопоставить ему принципиально иную модель, способную придать новые импульсы цивилизационному развитию. Однако его пытался охладить полемизировавший с ним Вацлав Гавел, который предостерегал от поисков «той свободы, которой мир еще не знал», и от «провинциального» подчеркивания собственной значимости. Он замечал при этом, что большинство программных требований пражских реформаторов сводилось к установлению (а применительно к Чехословакии с ее демократическими традициями точнее даже сказать: восстановлению) тех свобод, которые реализуются на практике в любом «нормальном» социуме. Чья позиция, на ваш взгляд, ближе к истине?

А.Ш. Исторически в этом споре прав оказался Кундера. Он предлагал осмыслить выбор между журавлем в небе и синицей в руках. А Гавел пытался выдать синицу за журавля, западную политическую систему за свободу. А это — совсем не одно и то же. После 1989 г. гражданские свободы в Чехии и Словакии расширились, особенно для элит, а вот по поводу социальных прав приходится слышать разные мнения. В любом случае после перехода от восточноевропейского уровня свободы к западноевропейскому — еще нельзя говорить, что достигнута некая «нормальная свобода». Это лишь этап на пути борь-

бы за свободу, расширения сферы свободы. А если происходит откат в части социальных гарантий — то сфера свободы даже сужается. Если не бороться за свободу, которой «мир не знал» — это значит отказаться от борьбы за свободу, которая есть. Потому что сфера свободы — не замороженное состояние. Ее становится либо больше, либо меньше. Смириться с имеющимся уровнем свобод можно было и в ЧССР 70-х гг. Гавел тогда не смирился. А потом, победив своих противников, устал и почил на лаврах. Но даже если в многопартийном обществе ты смирился с наступлением на твои свободы — рабство будет возвращаться в новом обличи.

А. С. «Повторяется шепот, / Повторяем следы. / Никого еще опыт / Не спасал от беды», — написал в августе 1968 г. крупный русский поэт Александр Галич. В какой мере, по вашему мнению, нынешнее российское руководство учитывает опыт чехословацких событий 1968 г. в своей внешней политике и прежде всего на украинском, на постсоветском направлении?

А. Ш. Основная проблематика Пражской весны далека от уровня понимания нынешнего российского руководства — для этого мышление нынешних кремлевских начальников слишком архаично. Они мыслят в категориях «национальных интересов», «геополитики», а в неофициальном общении — «распила» и «нагибания». Некоторые видные представители нынешних властных и имущественных элит уже мечтают о «скрепах» крепостного права. Понятно, что таким людям трудно

задуматься о демократическом социализме или постиндустриальном обществе. Социализм для них — это советские традиции, демократия — это ритуал переназначения через выборный фарс с заранее известным результатом, а постиндустриальное общество — заграничные гаджеты. Наши полуфеодалные правители рады, если это можно использовать в целях укрепления своего господства, но оно само по себе, архаичная социальная структура не дают возможность остановить деградацию. Зато нынешний уровень политического мышления и социальная структура периферийного капитализма вполне способствуют участию в локальных территориальных конфликтах, характерных для третьего мира. С ЧССР тут мало общего — ведь в 2014 г. шла борьба не за возвращение Украины в сферу влияния Москвы. Скорее наоборот — ради небольшого территориального приобретения Украину превратили во враждебное России государство. Территориальный конфликт стал средством отвлечения людей от их социальных и гражданских прав.

Возвращение к идеям 60–80-х гг. может помочь остановить происходящую социально-политическую и культурную деградацию. Во время перестройки мы не смогли решить задачи, которые стояли перед развитым индустриальным обществом, и теперь общество пятится от них. Если хотим вернуться от регресса к движению вперед — нужно осознать эти задачи и решить их.

Пражская весна осталась в прошлой эпохе, но ее историческое значение — в ее ценностях, которые

актуальны и для нашей страны. Прежде всего это соединение рынка и общественного регулирования,

мирного сосуществования и политического ненасилия, демократических свобод и социальных прав.

THE “STORMY SIXTIES” OPPOSED WORLD ORDER, WHERE TWO IMPERIALIST CENTERS DIVIDED SPHERES OF INFLUENCE AND AGREED TO MEASURE THEMSELVES ONLY ON THE PERIPHERY.

Conversation of Aleksandr Shubin with Aleksandr Stykalin about 1968 as a phenomenon of the world history

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: Prague Spring, August intervention of 1968 in Czechoslovakia, youth protest movement in the West, socialism reforms, civil society, bipolar system, prospects for socialism, prospects for democracy.

Abstract. The year 1968 as a phenomenon of world history and the relevance of its heritage and experience today is the subject of a conversation with the well-known historian and left-wing political thinker Alexander Shubin.

«ДОЛГИЙ 1968-Й»: ГЛОБАЛЬНЫЙ БУНТ ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ

Ключевые слова: бунт, молодежь, «новые социальные движения», протест, самоуправление, «социальное государство», студенты.

Аннотация. Социальные протесты, начавшиеся в конце 1960-х гг. и вошедшие в историю как «бунт 1968 года», охватили многие страны мира, по обе стороны линии, которая разделяла оба противоборствовавших военно-политических блока. Они стали реакцией трудящегося населения и молодежи на обозначившийся кризис модели «социального государства», причем протестующие пытались более или менее осознанно противопоставить ей альтернативу, основанную на общественном самоуправлении. Новый протест натолкнулся на сопротивление не только со стороны правящих элит и истеблишмента, но и со стороны традиционных оппозиционных партий и организаций. Хотя основополагающие цели «глобального 1968-го» не были достигнуты, формы, методы и идеи, которые сформировались в ходе этого протеста, до сих пор оказывают влияние на социальные протестные движения современности.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-113-134

События, которые обычно именуют «1968 годом», были, по существу, глобальным явлением. Оно стало проявлением глубокого кризиса той модели общественного развития, которая окончательно сложилась после Второй мировой войны и известна под именем «социального государства», или «welfare state».

К концу 1960-х гг. выяснилось, что система общественного компромисса, лежавшая в основе модели

«социального государства», может успешно функционировать лишь в условиях стабильного экономического роста — такого, какой происходил в ведущих промышленных развитых странах в первые послевоенные десятилетия. Как справедливо замечал в 1968 г. американский политолог Гарри Гирвец, она существует, когда «общество или группы, которые принимают в нем решения, приходят к убеждению, что благосостояние индивида... слишком важно для того, чтобы предоставить его обычаю, неформальным договоренностям и частным договоренностям, и потому является заботой правительства» (цит. по: *Kaufmann* 2015: 30). Как только

© Дамье В. В., 2018

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Высшей школы экономики (Москва); foristademeryamaa@gmail.com

экономический рост замедлился, борьба в обществе вокруг проблем распределения обострилась.

Предприниматели, представители либеральных и консервативных политических кругов стали все громче сетовать на то, что политика «социального государства» неэффективна, ведет к росту инфляции и дефицита государственного бюджета, ослабляет экономику и ее конкурентоспособность, поощряет социальное «иждивенчество». Они утверждали, будто общество живет «не по средствам» и следует сузить систему социальных гарантий, ограничив ее помощью только самым нуждающимся слоям. Девизом было предоставление большего простора свободной игре рыночных сил (см., напр.: Conservative Party 1966; Parodi, Cayrol 1968: 104). «Жизненным элементом» развития, заявляли, например, промышленные круги ФРГ, служит «как можно более свободный от дирижизма экономический строй, здоровый в финансовом отношении и воздерживающийся от вмешательств <...>». Чем больше дирижизма есть в стране, тем более неудовлетворительно» состояние хозяйства (Verband der Automobilindustrie 1967: 7). Уже в 1970-х гг. многие правительства экономически развитых стран, столкнувшись с ростом бюджетного дефицита, приступили к замораживанию или сокращению расходов на социальные нужды.

Если недовольство промышленных кругов вызывала в первую очередь рыночная неэффективность «социального государства», а точнее, недостаточность, с их точки зрения, полу-

чаемой ими при перераспределении доли «общественного пирога», то рядовых граждан все больше волновала именно бюрократическая неповоротливость созданных институтов и механизмов, их удаленность от общества и неспособность общества действительно контролировать их. Выразителями этих настроений стали в 1950–1960-е гг. социальные философы, анализировавшие процесс рекрутирования «властвующей элиты» из верхушки корпоративных организаций, писавшие о «тоталитарной эпохе» и «одномерном» обществе, «инволюции демократии» и т.д., такие как Ч.Р. Миллс (*Миллс* 1959), Г. Маркузе (*Маркузе* 1994/1964), Й. Аньоли (*Agnoli, Brückner* 1967), Г. Андерс (*Anders* 1956) и др.¹ Широкое ощущение недовольства в связи с «бюрократизацией общества» стало одним из важнейших мотивов молодежного движения конца 1960-х гг., которое и вошло в историю как «студенческий бунт 1968 г.». По существу, это было широкое социальное и культурное движение, захватившее многие страны мира (*Ebbinghaus, van der Linden* 2009).

События середины и второй половины 1960-х гг. дали основание говорить о «новом молодежном движении», активно влиявшем на социально-политическую жизнь. В США движение протеста началось со студенческих выступлений в калифорнийском университете Беркли в 1964 г. Их участники требовали свободы политической агитации против войны во Вьетнаме и расо-

¹ Об особенностях и кризисе советской модели «социального государства» и «молчаливого социального компромисса» в СССР см. (*Дамье* 2013: 194–248).

вой сегрегации в стране. Полиция изгнала учащихся из захваченного ими университета, но вскоре власти вынуждены были признать право на политическую деятельность в его стенах. Из Беркли выступления распространились по всей стране; возникла организация «Студенты за демократическое общество», которая выступила с требованиями широких социальных преобразований. Борьба учащихся перекликалась с подъемом антивоенного движения и выступлениями за равноправие расовых меньшинств. В качестве альтернативы официальным университетам учащиеся пытались организовать независимые курсы и центры обучения («свободный университет»). Пик протестов пришелся на весну 1968 г., когда студентами были захвачены университеты в Вашингтоне и Нью-Йорке и проводилась забастовка в основных высших учебных заведениях против расизма и войны (Hamilton 2002: 244–246; Brinkley 1998).

В Великобритании студенческие протесты вспыхнули первоначально в престижной Лондонской школе экономики (ЛШЭ) в октябре 1966 г.: учащиеся потребовали смещения ректора, известного своими связями с расистскими режимами ЮАР и Южной Родезии. В марте 1967 г. студенты на некоторое время захватили ЛШЭ и попытались организовать «свободный университет». В конце того же года студенческие выступления с захватами или митингами захватили учебные заведения Лондона, Халла (Гуля), Бристоля, Кила, Кройдона, Бирмингема, Ливерпуля, Гилфорда и других городов. Крупнейшие де-

монстрации британского студенчества в 1967–1968 гг. были направлены против Вьетнамской войны и сопровождались ожесточенными столкновениями с полицией (Hoefflerle 2013: 47–134).

В Бельгии весной 1968 г. студенты вышли на улицы, протестуя против войны во Вьетнаме и требуя реформы университетской системы; они на время заняли брюссельский университет и объявили его «открытым для населения» (Despy-Meyer et al. 1988).

В Италии захваты университетов студентами распространились с 1967 г., сопровождаясь столкновениями с полицией (особенно мощные волнения произошли при занятии полицией Римского университета в феврале 1968 г. и его архитектурного факультета) (Hilwig 2009).

Во франкистской Испании стачки и захваты университетов студентами побудили власти в январе 1968 г. ввести полицию во все высшие учебные заведения страны. Более 20 тысяч студентов были исключены из учебных заведений (Cómez Oliver 2008).

Наиболее массовый характер в Западной Европе имели студенческие выступления конца 1960-х гг. в ФРГ и Франции, где они приобрели и наибольший общественно-политический резонанс. В Западной Германии они совпали с общественными протестами, которые проводились движением «Внепарламентской оппозиции» против предложенных правительством законов,

которые позволяли в «чрезвычайной ситуации» ограничивать или отменять действие конституционных гарантий и некоторых гражданских прав. В учебных заведениях созывались студенческие ассамблеи и создавались дискуссионные группы; в качестве альтернативы «университету истэблишмента» студенты объявили об образовании «критического университета». С 1965 г. студенты проводили также демонстрации, направленные против войны во Вьетнаме, политики США и диктаторских режимов. Их подавление побудило студентов выступить с обличением «полицейского характера» государства и существующей системы. Конфронтация с властями особенно обострилась после того, как 2 июня 1967 г. в ходе манифестации против визита иранского шаха в Западный Берлин полицейские убили студента Бенно Онезорга. Правые СМИ развернули массированную кампанию против студенческого движения, результатом чего стало покушение на студенческого лидера Руди Дучке в апреле 1968 г. За этим последовали новые волнения и столкновения (Die Studentenproteste 2000)

Во Франции студенты с 1967 г. вели борьбу против правительственных планов реформы образования, которые предусматривали ограничение возможности для поступления в университеты (особенно для наименее обеспеченных слоев) и централизацию управления ими. Возмущение учащихся вызывали и авторитарные порядки, введенные администрацией в студенческих общевитиях. Они требовали автономии университетов. Однако пик сту-

денческих выступлений наступил после 22 марта 1968 г., когда в знак протеста против арестов студенты захватили университет в Нантере. В нем возникло постоянно действовавшее общее собрание протестующих, в котором участвовало более 1 тыс. человек. «Движение 22 марта» с самого начала носило антисистемный характер. «Мы отказываемся быть будущими кадрами капиталистической эксплуатации...» — заявил студенческий лидер Даниэль Кон-Бендит (Révolte et société 1989: 274). Стимул протестам придали выступления учащихся в Западной Германии. После ожесточенных стычек протестующих с неофашистами власти объявили о закрытии университета, и студенты решили перенести протесты в Парижский университет (Сорбонну). Разгон полицией студенческого митинга в Сорбонне 3 мая 1968 г. положил начало многодневным уличным боям между молодежью и полицией в Парижском районе Латинский квартал. В манифестациях участвовали десятки тысяч человек, десятки полицейских были ранены, сотни демонстрантов арестованы. Общественность выражала растущее возмущение полицейским произволом и солидарность со студентами. 13 мая правительство пошло на уступки и объявило о возобновлении работы Сорбонны. В тот же день занявшие ее студенты объявили Сорбонну «автономным народным университетом». Она управлялась общим собранием студентов, преподавателей и трудящихся, которое избирало соответствующие специализированные комитеты. Это стало примером и для многих других высших учебных заведений

Франции, а также детонатором для острого общеполитического кризиса. Выйти из него властям удалось только в июне 1968 г. 16 июня полиция снова заняла Сорбонну, положив конец эксперименту с самоуправлением (хронику событий см.: *Gomez* 1998). Тем не менее правительство вынуждено было пойти на определенные уступки: оно отказалось от прежних планов реформ и пошло на известную демократизацию системы управления университетами. Органы студенческого представительства (без права решающего голоса) были образованы и в ряде других стран.

Студенческие протесты конца 1960-х гг. захватили не только США и Западную Европу, но и другие страны и континенты. В Японии они совпали с начавшимися в 1963 г. выступлениями учащихся против войны США во Вьетнаме и ядерных вооружений в мире. Весной 1968 г. студенты и школьники стали проводить собрания и манифестации по примеру французских коллег. В октябре 1968 г. в ходе столкновений между студентами и полицией в Токио, Осака и Киото было ранено 80 и арестовано 188 человек. Репрессии привели к массовой демонстрации протеста. Студенты захватили Токийский университет; его штурм полицией сопровождался настоящими уличными боями и вызвал стачку 6 тыс. студентов. Властям удалось подавить движение только в начале 1969 г. (*Andrews* 2016: 65–98)

В Бразилии студенческие протесты вылились в выступления против военной диктатуры, которая управляла страной с 1964 г., и сопровожда-

лись демонстрациями, забастовками и захватами университетов (*González* 2018). В Мексике бунты и стачки студентов летом — осенью 1968 г. (прямо перед Олимпиадой 1968 г. и почти на глазах всего мира) были подавлены военной силой, причем было убито, по неподтвержденным данным, от нескольких десятков до нескольких сотен человек (*Rivas Ontiveros* 2018; *Carey* 2016). Крупные студенческие и молодежные выступления прокатились по Сенегалу (*Germain* 2016: 43–47), Тунису (*Hendrickson* 2012) и другим странам.

Характерно, что «новое молодежное движение» конца 1960-х гг. распространилось не только на Западный мир, но и на страны, в которых у власти находились компартии. В Польше в марте 1968 г. студенты, возмущенные цензурой властей, организовали демонстрации и захватывали университеты, пока их выступления не были подавлены (*Garsztecki* 2008). В югославской столице Белград студенты в июне 1968 г. после крупной антиправительственной демонстрации захватили философский факультет университета и удерживали его в течение недели. Учебное заведение было провозглашено «Красным университетом имени Карла Маркса»; студенты провозгласили антибюрократический лозунг: «Долой красную буржуазию!» (*Kanzleiter* 2008: 141). Волнения произошли также в университетах Загреба, Любляны и Сараево. Однако и в Югославии выступления учащейся молодежи были подавлены властями.

Хотя непосредственным поводом для студенческих протестов конца

1960-х гг. в различных странах служили различные обстоятельства (положение в университетах, состояние образования, война во Вьетнаме, проблемы империализма и расизма, борьба за расширение гражданских прав и свобод и т. д.), почти повсюду звучал новый социально-политический лозунг — общественного самоуправления. Он противопоставлялся бюрократическому всевластию государства, все меньше считающегося с интересами и нуждами «простых людей» и «рядовых граждан». «...Это общество, где каждый раз, когда люди больше потребляют, их все больше продают, — провозглашала французская газета “Аксон”, орган студенческих “комитетов действия” в мае 1968 г., — является обществом, в котором есть лишь один выбор, лишь одно право — быть управляемым: в школе, на предприятии, в партиях, на выборах» (Action 1968). Во Франции в ходе событий мая 1968 г. требование самоуправления стало почти всеобщим; его выдвигали самые различные общественные группы и представители разных профессий: студенты и преподаватели в университетах и школах, рабочие на заводах, служащие в бюро, медики в больницах и т. д. и т. п. Напротив, «окостеневшие» традиционные политические институты и партии вызывали у граждан все меньшее доверие, что побудило, например, видного западногерманского социального философа Юргена Хабермаса говорить в 1970-х гг. о возникновении «кризиса легитимации», т. е. «законности», «обоснованности» системы власти в глазах граждан (Habermas 1973).

Движение протеста конца 1960-х гг. выступило независимо от большинства «традиционных» политических партий или даже в открытой конфронтации с ними. Социал-демократические и коммунистические партии осудили его и нередко открыто призывали к его подавлению. Среди политических организаций выступления были поддержаны только небольшими группировками «новых левых», крайне левых и анархистов.

К началу 1970-х гг. методами репрессий и уступками правительствам удалось сбить накал «нового молодежного движения». Однако в отдельных странах его отзвуки были слышны до конца 1970-х гг. Так, в Италии в 1975–1977 гг. молодежь пыталась бороться за «свободные пространства» для «детей большого города». Под этим лозунгом выступило движение «городских индейцев»; его участники нападали на кино и театры, требуя бесплатного входа, а также врывались в рестораны, кафе и магазины, чтобы конфисковать продукты и есть бесплатно. Другой темой молодежного протеста стало противоборство с неофашистами, в ходе которого использовалось огнестрельное оружие. В феврале — марте 1977 г. почти все университеты и другие высшие учебные заведения страны были захвачены учащимися. Движение координировалось общими собраниями и избираемыми ими комитетами; в его акциях участвовали десятки тысяч человек, несмотря на активное противодействие со стороны коммунистов и профсоюзных лидеров. Однако вскоре в движении наметился раскол: од-

ни выступали за создание организованного политического течения «Рабочей автономии», другие добивались сохранения молодежной и контркультурной специфики борьбы («творческое крыло», спонтанеисты, «городские индейцы»...). Воспользовавшись противоречиями, власти подавили движение, хотя многотысячные манифестации и вооруженные уличные бои с полицией продолжались около 2 месяцев, а университеты Рима, Болоньи и ряда других городов неоднократно переходили из рук в руки (подробнее см.: *Edwards* 2009).

Взлет «нового молодежного движения» в 1960–1970-х гг. повлек за собой оживление и других общественных движений. Хотя реакция большинства профсоюзов и особенно их руководства на студенческий радикализм оказалась, как и следовало ожидать, отрицательной, многие наемные работники и рядовые активисты профсоюзов проявили свою солидарность с бунтовавшей молодежью.

Во Франции под нажимом снизу 13 мая 1968 г. ведущие профцентры провели всеобщую забастовку и крупнейшие за послевоенную историю демонстрации протеста против насилия властей и полиции в отношении студентов. Стачка охватила 10 из 14 млн наемных работников страны. После манифестаций многие молодые рабочие присоединились к студентам и приняли участие в захвате университетов. На следующий день рабочие завода «Сюд-Авиасьон» в Нанте начали стихийную забастовку и захватили предприятие. После этого за-

хват фабрик, заводов и учреждений распространился на всю Францию. В некоторых местах трудящиеся задерживали хозяев и управляющих и устанавливали на предприятиях самоуправление. Покончить с этой волной властям удалось только в июне после достижения соглашения с профсоюзным руководством (*Vigna, Vigneux* 2010). Требование «самоуправления наемных работников» было настолько популярным, что Французская демократическая конфедерация трудящихся (один из ведущих французских профцентров) на некоторое время включила в свои программные положения принцип «социализма самоуправления».

Поддержали студенческие протесты также рабочие в Японии, Испании и некоторых других странах. В Западной Германии в сентябре 1969 г. началась забастовка 140 тыс. рабочих в Руре, которая не была одобрена руководством профсоюзов. Стачки этой «горячей осени» сопровождалась массовым захватом предприятий рабочими (*Birke* 2010: 220–249)

В Италии почти одновременно со студенчеством на общественную сцену выступило новое поколение рабочих, преимущественно выходцев из вновь индустриализированных районов. В 1967–1968 гг. вспыхнули стихийные выступления рабочих на ряде предприятий, где профсоюзы не пользовались большим влиянием. Стачка на венецианской фабрике «Марцотто» в апреле 1968 г. стала началом «красного двухлетия». Под давлением рядовых членов профсоюзное руководство

вынуждено было в феврале и ноябре 1969 г. провести две всеобщие забастовки, добиваясь не только более выгодных условий коллективного договора, но и проведения ряда реформ в области жилищной политики, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. После «жаркой осени» 1969 г. им удалось добиться удовлетворения большей части своих требований и сокращения рабочего времени (*Trentin* 1999). Однако среди молодых трудящихся все больше распространялись идеи самоуправления и «рабочей автономии». «Рабочие больше не хотели быть рабами, — вспоминал левый активист А. Негри. — Они требовали новых форм организации труда, культуры, жизни... Были целые районы... куда полиции не было ходу. Не потому, что там происходили какие-то беспорядки, нет: полиция не совалась туда потому, что мы могли организовать социальную структуру» (*Lotringer, Negri* 2008). В первой половине 1970-х гг. в Италии возникло рабочее движение, независимое от профсоюзов и политических партий. Оно было связано со стихийными забастовками на предприятиях (включая символический захват заводов «Фиат» в 1973 г.), захватом пустующих домов и самостоятельным понижением цен на коммунальные и транспортные услуги. Характерно, что большую популярность среди молодых рабочих приобрели идеи социального равенства: так, в ходе забастовок на «Фиате» они требовали равного повышения зарплаты для всех работников. Самоорганизованное, «автономное» рабочее движение в Италии пошло на спад только во второй половине 1970-х гг., когда

профсоюзам и политическим партиям снова удалось взять выступления трудящихся под свой контроль.

Хотя «новое рабочее движение» конца 1960-х — 1970-х гг. просуществовало недолго, оно наложило глубокий отпечаток на формы организации и борьбы наемных работников. Во Франции практика созыва общего собрания трудового коллектива как самоуправления в борьбе стала с 1968 г. обычной для забастовочных выступлений. Во многих странах стали нередко применяться такие методы, как захват предприятий бастующими и продолжение ими работы на началах самоуправления. Время от времени происходят так называемые «дикие» стачки — забастовки, не санкционированные или не одобренные официальными профсоюзами, но руководимые общими собраниями трудящихся и избираемыми ими комитетами, советами и т.д.

Своеобразным восточноевропейским откликом на «новое рабочее движение» стало массовое независимое рабочее движение в Польше. Еще в декабре 1970 г. в балтийских портах Гданьск, Гдыня, Эльблонг и Щецин вспыхнули рабочие демонстрации и забастовки против повышения цен на продукты питания. Они были подавлены, равно как и стачка рабочих в Радоме в июне 1976 г. Новые стачки вспыхнули по всей стране в июле 1980 г., после очередного повышения цен. Рабочие требовали повышения зарплаты, предоставления прав на создание независимых организаций и гражданских свобод. После того,

как прибалтийские районы страны охватила всеобщая забастовка, власти вынуждены были удовлетворить требования рабочих. Возник независимый профсоюз «Солидарность», в рядах которого объединилось несколько миллионов польских рабочих. Внутри нового профдвижения развернулась острая борьба между умеренным крылом, близким к католической церкви и склонным ограничиться вопросами политических реформ, и более радикальными течениями, провозгласившими лозунг превращения Польши в «республику самоуправления». Выдвигалось требование передать предприятия под управление рабочих комитетов и союзов, которые должны были избирать техническую администрацию. Власти, настаивавшие на своем праве назначать директоров предприятий из «центра», подавили движение после введения военного положения в декабре 1981 г. (Morauski 1982; Nawojczyk 1993).

Свидетельством разрыва между общественными чаяниями и их выражением в рамках системы западной демократии («кризиса легитимации») стал подъем в 1970–1980-х гг. так называемых «новых социальных движений» — экологического (в широком смысле слова — от выступлений в защиту окружающей среды, против строительства вредных для природы и людей промышленных и транспортных объектов и до постановки проблем градостроительства и местного развития), против ядерной энергии, антимилиитаристского, женского, «альтернативного» (включая попытки создать островки нового образа жизни,

коммуны, кооперативы, развивать некоммерческую культуру и т.д.). Многие их участники были убеждены в том, что существующее государство и модель «представительства» интересов не отражают их нужды. Как проявление такого равнодушия государственных органов и институтов к пожеланиям рядовых граждан было воспринято развитие программ ядерной энергетики и решение правительств ряда западноевропейских стран о размещении на их территории в начале 1980-х гг. американских ракет средней дальности.

Экологическая проблематика стала предметом растущей заботы общественности с конца 1960-х — начала 1970-х гг. В ФРГ, Франции, США, Великобритании, Японии и других странах в этот период появились и стали крепнуть группы и комитеты в защиту окружающей среды. Они выступали против конкретных промышленных, энергетических, транспортных и т.п. объектов, первоначально нередко вдохновляясь чисто локальными мотивами и не рассматривая негативные моменты в контексте общества в целом. Одна из первых демонстраций против ядерной энергетики (которую ее противники считают опасной по причине ненадежности атомных электростанций и невозможности обеспечить длительную безопасность захоронения ядерных отходов) была проведена во французском Эльзасе в апреле 1971 г. Проблема «мирного» атома вскоре соединилась с проблемой атома «военного». В ноябре 1971 г. в Ларзаке (Франция) состоялась массовая манифестация протеста против

расширения военной базы. В последующие годы Ларзак стал объектом многочисленных выступлений сторонников защиты среды обитания (Terral 2011). Мощный толчок развитию экологического («зеленого») движения придал нефтяной кризис 1973–1974 гг., вызванный политической напряженностью на Ближнем Востоке. В качестве меры, которая была призвана обеспечить большую независимость от импортируемых энергоисточников, правительства западных государств приняли программы форсированного строительства атомных электростанций, невзирая на протесты экологов и жителей местностей, где предполагалось построить АЭС. В глазах общественности это стало свидетельством того, что даже демократическая система ставит интересы «центра» выше потребностей и опасений конкретных людей «на месте», нередко принося их в жертву общеполитическим, стратегическим или экономическим соображениям.

Во всех основных странах Запада появились десятки тысяч общественных групп, комитетов, ассоциаций и объединений «зеленых». Во Франции пик движения протеста пришелся на конец 1970-х гг. В июле 1977 г. в Мальвиле произошла 50-тысячная демонстрация против строительства нового ядерного реактора, которая вылилась в жестокие столкновения с полицией; один из демонстрантов погиб. В ФРГ эпицентрами движения протеста стали строящиеся ядерные объекты (АЭС, заводы по переработке радиоактивных отходов или места их захоронения) в Вюле

(1975), Калькаре (1976–1977), Брокдорфе (1976–1977, 1981), Гронде, Горлебене (1977, 1980, 1990 и т.д.), Ваккерсдорфе (1986–1987). Некоторые из этих проектов удалось предотвратить или заморозить. В выступлениях, которые сопровождались массовыми захватами стройплощадок и ожесточенными столкновениями с полицией, участвовали десятки и сотни тысяч человек. В марте 1980 г. демонстранты ненадолго заняли стройплощадку завода по переработке отходов в Горлебене и объявили эту территорию «Свободной республикой Вендланд». В начале 1980-х гг. население вело активную борьбу, пытаясь предотвратить постройку новой Западной взлетной полосы в аэропорту Франкфурта-на-Майне (Дамье 2014: 441–442). В Италии кульминацией антиядерных протестов стали выступления 1977 г. (Diani 1990; Giugni 2004: 53–54). В Японии острейшей борьбой экологов в конце 1970-х гг. было нацелено против расширения аэропорта Нарита (Apter, Sawa 1984).

О «новом антивоенном движении» заговорили после того, как в 1979 г. блок НАТО принял решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности. Против их дислокации, согласно данным опросов общественного мнения, высказывалось большинство жителей «старого континента». В ФРГ, Нидерландах и других странах в демонстрациях, маршах и иных формах протеста приняли участие в общей сложности многие миллионы людей. В Западной Германии, где движение приобрело наибольший размах, в нем участвовали как тра-

диционные антивоенные и левые организации, так и новые группы, воспринимавшие себя как преемники протеста 1960–1970-х гг.: Федеральный конгресс автономных инициатив за мир, Федерация групп за ненасильственные действия, Координационный комитет гражданского неповиновения, группы экологического движения и радикальные организации верующих. Новые течения выступали под лозунгами «равноудаленности» от обоих противоборствующих блоков — и НАТО, и Варшавского договора. Общее число активистов антивоенного движения в ФРГ достигало 1,5–3 млн человек. Они собирали подписи под обращениями противников размещения ракет, проводили массовые демонстрации, акции «гражданского неповиновения» (включая блокады военных объектов) и «дни национального сопротивления». Для объединения движения был образован Координационный комитет. Одним из требований протестующих было проведение референдума по вопросу о ракетах (подробнее см.: *Brand et al.* 1986: 118–153; *Wasmuth* 1987: 109–133).

В Великобритании против размещения американских ракет средней дальности в Европе выступили профсоюзы, Лейбористская партия, Движение за ядерное разоружение, церковные круги и другие общественные группы. Особенно активное участие в выступлениях протеста приняли женщины, которые с 1982 г. регулярно проводили «лагеря мира» около базы ВВС в Гринэм-Коммоне. Аналогичные лагеря организовывались у бри-

танских и американских военных баз по всей стране. Крупнейшими акциями протеста британского движения против вооружений стали «Звездный марш мира» (июль 1982 г.; 250 тыс. человек), демонстрация и блокада военных объектов в Беркшире (апрель 1983 г.; 100 тыс. человек); акции в международный день «Женщины за мир» (25 мая 1983 г.; несколько сотен тысяч человек); демонстрация в Лондоне 22 октября 1983 г. (до 500 тыс. человек). Ряд регионов и городов были символически объявлены «зонами мира»; на некоторых предприятиях состоялись кратковременные антивоенные забастовки (подробнее см.: *Wittner* 2003: 131–139).

На международном уровне координации «нового антивоенного движения» пыталась достичь организация «Европейское ядерное разоружение» (ЕЯР), основанная в 1980 г. и выступившая за «безъядерную Европу от Польши до Португалии». Она возлагала вину за гонку вооружений и агрессивные действия на оба военных блока. С 1982 г. ЕЯР проводились ежегодные европейские конвенты по ядерному разоружению, на которых обсуждались планы кампаний протеста в отдельных странах и взаимодействие с оппозиционными группами в Восточной Европе. Движение призывало к «разрядке снизу». Организация ЕЯР работала в тесном контакте с Международным центром связей и координации за мир — созданным в 1981 г. пацифистским объединением (с участием в том числе британского ДЯР). Мощные выступления протеста не помешали

правительствам западных государств отвергнуть идею «ракетного референдума» и провести решение о размещении ракет через парламенты. «Правит не улица», – таков был характерный аргумент государственных деятелей и лидеров ведущих партий.

Заметное место в ряду социальных движений 1970–1980-х гг. принадлежало «новому женскому движению». Оно существенно отличалось как от женского движения конца XIX – начала XX в., выступавшего главным образом за предоставление женщинам основных гражданских и демократических прав (включая избирательное право), так и от женских организаций основных политических партий и течений. «Новое женское движение» подвергло критике все существующие формы политических организаций, объявило о своей «автономии» от них и выступало преимущественно с позиций радикального феминизма. Согласно этим теориям, современное патриархальное общество разделено на два «класса» – мужчин и женщин, причем первый из них угнетает второй во всех областях жизни, включая не только политику и профессиональную деятельность, но также общественные роли, быт, семью и сексуальность. Феминистки утверждали, что такое же подавление женщин мужчинами и половая иерархия имеют место в левых организациях и инициативах «новых социальных движений», а потому женщинам необходимо иметь собственные группы, инициативы, издательства, журналы, общежития, «дома-убежища» для пострадавших от семейного насилия и т. д. Боль-

шое внимание они уделяли таким темам, как право на аборты («мой живот принадлежит мне»), домашнее насилие, признание домашнего труда профессиональным и оплачиваемым, равная заработная плата, сексуальное преследование, дискриминация и сексуальное насилие. При этом различные течения «нового женского движения» выдвигали разные политические цели и ориентиры. Большинство из них выступало за общество, в котором мужчины и женщины будут обладать подлинным равноправием, независимо от половой принадлежности человека. Однако некоторые склонялись к радикально-антимужским позициям, возлагая на мужчин как таковых вину за угнетение, войны, социальную несправедливость, агрессию и т. д. (подробнее см.: *Brand et al.* 1986: 118–153).

Формы действий «нового женского движения» основывались преимущественно на акциях гражданского неповиновения и демонстративном внесении выдвигаемых им проблем в тематику деятельности общественных учреждений и организаций (под лозунгом «личное является политическим»).

Участники «альтернативного» и «коммунитарного» движения стремились на практике осуществить разрыв с существующим строем и государством. Они критиковали традиционное кооперативное движение, считая его интегрированным в существующую систему. Наиболее далеко идущей разновидностью «альтернативизма», в которой соединялись общественные формы жизни и труда, стали комму-

ны (общины). В этих поселениях, основанных на совместно организованном быте и общей собственности, люди вели общее хозяйство, коллективно (на основе отсутствия бюрократии и иерархии между членами) принимали основные решения и обобществляли свое имущество. Рыночные и денежные отношения внутри коммун отсутствовали. Процесс широкого создания подобных структур развернулся с 1960-х гг. Коммуны имели разную степень устойчивости (некоторые быстро распадались) и сильно отличались друг от друга по своему характеру. Так, сложились эгалитарные, политические, кооперативные, контркультурные, духовные и религиозные общины (последние нередко формировались вокруг какого-либо духовного лидера и зачастую утрачивали неиерархический характер). В большинстве коммун насчитывалось по несколько десятков членов, хотя имелись и более крупные. Многие из них пытались вести преимущественно натуральное и экологическое хозяйство, другие развивали у себя определенные виды производства и услуг, которые они могли продавать вовне, так что прибыль шла в общее имущество коммуны (о коммунах в Германии см., напр.: *Das KommuneBuch* 1996).

Помимо коммун, в которых участники обобществляли как сферу повседневной жизни, так и сферу труда, появилось намного большее число проектов, основанных на обобществлении лишь какой-то одной области человеческого существования. Так, в 1970–1980-х гг. получили широкое распространение так называемые «жилищные сообще-

ства», преимущественно с молодежным составом членов. Иногда это было ответом на острую нехватку жилья и жилищные спекуляции, не дававшие молодым людям возможности обеспечить себя жильем. Так возникло движение «сквоттеров» — занимающих пустующие дома. Оно было особенно развито в таких странах, как Западная Германия, Нидерланды, Италия, Франция и т.д., но захваченные дома («сквотты») можно было встретить во многих городах по всему миру. В отдельных городах их число достигало нескольких десятков или даже сотен (Западный Берлин). В занятых домах «сквоттеры» создавали общины или «жилищные сообщества», пытаясь совместно организовать быт, коммунальное и домашнее хозяйство. При этом в большинстве случаев участники сохраняли собственные источники доходов (зарплаты, пособия и т.д.), лишь создавая общий фонд для совместных нужд «сквотта». Созывались местные, региональные и даже общенациональные конгрессы «сквоттеров» (см.: *Koопmans* 1995).

Движение за захват пустующих домов бросало прямой вызов установившимся отношениям собственности, и неудивительно, что власти всех государств приложили максимум усилий для того, чтобы подавить его. Накал активности «сквоттеров» в большинстве стран мира был сбит только в 1980-х гг.

Более «спокойный» характер имели «жилищные сообщества», создаваемые молодежью с целью совместной аренды жилья (такая аренда и кооперация в быту оказывалась

выгоднее в материальном отношении). Например, в ФРГ в середине 1980-х гг. таких объединений насчитывалось от 40 до 100 тыс. (*Brand et al.* 1986: 159).

Новой формой производственной кооперации стали «альтернативные проекты» — небольшие по размеру, децентрализованные и самоуправляющиеся кооперативы, группы взаимопомощи и самопомощи, товарищества, предприятия, проектные организации и службы. В начале 1980-х гг. их общая численность, например, в Западной Германии составляла до 12 тыс. Стали складываться «сети», координирующие деятельность проектов, «сетевые предприятия самопомощи» и т.д.; входившие в них проекты пытались развивать «общественные формы хозяйства», основанные на гибком сочетании принципов плана и низовой инициативы. В ФРГ, по статистике, около 4 % проектов работали в сфере сельского хозяйства, 8 % — в области мелкого производства и ремесел, 9 % — в торговле и транспорте, 9 % — в сфере организации свободного времени, 17 % — в информационной области, 5 % — в координации самоуправленческой деятельности, 22 % — в сфере социальных услуг, 8 % — в области культуры и 18 % занимались политической работой (*Huber* 1980: 28). Многие из них страдали от невысокой производительности труда, хронической нехватки денежных средств, зависели от дотаций властей и благотворителей. Эти факторы делали положение «альтернативных проектов» неустойчивым и способствовали развалу большинства из них в 1990-х гг., когда социальный кли-

мат и экономическая конъюнктура изменились.

В целом участники «новых социальных движений» считали необходимым, чтобы общество оказало на власть прямое давление, заставив ее действовать так, как хотят и требуют члены социума. «...Мы придем снова, мы совершаем долгий марш... нас будет становиться все больше и больше, и мы будем вести борьбу против атомного государства... потому что мы боремся за жизнь и выживание, — объяснял один из активистов настроения, царившие среди демонстрантов, протестовавших против сооружения АЭС в северогерманском местечке Брокдорф. — Наша борьба, навязанная нам государством и атомной индустрией, которые почти идентичны... наша борьба легитимна, она основана на праве на сопротивление, которое становится долгом там, где у власти стоит несправедливость...» (*Schmid* 1981: 29).

Основной формой организации «новых социальных движений» в 1970–1980-х гг. стали так называемые «гражданские инициативы» на местах и их объединения. Эти группы и союзы работали в самых различных сферах — экологической, социальной, культурной, экономической и т.д. Нередко они воспринимали себя как альтернативу модели представительной демократии и требовали большего участия граждан в решении общественных вопросов — политики «от первого лица». «В настоящее время в гражданских инициативах и экологических объединениях организова-

но около 5 млн человек, количество членов партий истеблишмента не достигает и половины этого количества... — отмечал в 1984 г. член Правления Федерального союза гражданских инициатив в защиту окружающей среды в ФРГ Петер Шотт. — Эта цифра отражает осознание того факта, что парламента, как инструмента политической игры, закрепленного в Основном законе, уже недостаточно, чтобы разрешать общественные противоречия на политическом уровне». Представители властей, продолжал он, совершенно верно понимают «причины постоянного роста внепарламентских движений», когда «ведут речь об утрате или изменении функций классических инстанций представительства граждан», т.е. парламента и партий, в результате чего возник «кризис доверия между государством и частью граждан» (Schott 1984: 47).

Леворадикальное крыло «новых социальных движений» (известное также под названием «автономного движения») открыто выступило за разрыв с парламентской демократией и замену ее системой автономных «свободных пространств», самоуправляющихся групп, коллективов и Советов (Schultze, Gross 1997).

Процесс развития «новых социальных движений» прошел несколько последовательных этапов: ощущение кризиса в обществе; осознание последствий кризисных явлений гражданами, непосредственно затронутыми их проявлениями (на этом этапе обычно следовало обращение к властям с призывом разрешить проблему и их отказ удовлетво-

рить чаяния граждан); распространение информации о последствиях кризиса; переход к протесту; интенсификация движения; выработка собственной идеологии (или ее элементов); расширение и распространение движения; создание более прочной организации (в том числе на региональном и страновом уровне); наконец, «институционализация» движения (принятие его требований или поражение). Характерно, что в недрах «новых социальных движений» (как и в рабочем движении XIX — начала XX в.) происходило формирование собственной системы ценностей и собственной культуры. В их основе лежали идеи общественного самоуправления и гражданского участия в принятии всех значимых решений в социуме. «Всем, кого относят или кто сам причисляет себя к альтернативистам, — замечал западногерманский социолог М.Винтер, — свойственна одна ценностная ориентация: стремление к целостности и отрицание системы и ее институтов, разделяющих людей по различным социальным ролям и делающих их несовершенными и отчужденными». Отвергая такие принципы современного индустриального общества, как материальный рост, производительность, потребительство, стремление к прибыли, участники движений в той или иной степени выдвигали собственные: самоопределение и самоуправление (жизнь, свободная от диктата других), децентрализация и стремление «сделать жизнь проще», сократить разрыв между трудом и свободным временем, добиться свободного развития индивидуальности, личности каждого человека (Winther 1982: 12–13).

Но «смена ценностей», которую возвещали социологи, оказалась непрочной. Это стало проявляться уже в 1980-х гг., когда на волне социальных движений сформировались новые партии («зеленые» и др.), вернувшие выражение гражданского недовольства в сферу государственных институтов. А с конца 1980-х гг. антибюрократический пафос «новых социальных движений» и рост интереса к индивидуальному послужили фоном и оправданием для наступления «неолиберализма» (неоконсервативной идеологии в соединении с либеральными постулатами «свободного рынка»). Однако, как замечает немецкий политолог Кристоф Буттервеге, «за неолиберальной критикой социального государства и бюрократии скрывалось такое понимание свободы, которое ориентировалось не на общие представления о свободе радикальных демократов, рабочего и профсоюзного движения (свобода от эксплуатации и угнетения)» (Butterwegge 2018: 115)

Существующая система интегрировала тенденции «новой субъективности», выросшие из бунта 1960–1970-х гг. Трудящиеся добивались права более гибко распоряжаться рабочим временем и большего влияния на процесс производства — предприниматели воспользовались этим, чтобы настоять на отмене законодательных ограничений на продолжительность рабочего времени, увольнения и т.д. и создать новые производственные формы («гибкое производство», «тойотизм» и др.). Граждане выражали недовольство бюрократией «социального государства» — ей

на смену пришло дерегулирование и расширение принципов «свободного рынка».

В 1980–1990-х гг. практически во всех странах мира произошел поворот к политике, получившей название «неолиберализма». Сужение сферы социального государства способствовало распаду остатков прежних «новых социальных движений», прежде всего «альтернативного», поскольку для его участников резко сократилась возможность получать субсидии или жить на сокращающиеся социальные пособия. На смену им пришли новые социальные протестные движения — сперва «альтерглобалистское», а в 2000-х гг. — движение «возмущенных», «Оккупай» и т.д. Они заимствовали многие традиции, формы и тенденции движений 1960–1970-х гг., такие как самоорганизация «снизу», общие собрания, работа на основе принципов самоуправления и добровольности и т.д. Но они соответствовали уже иному, новому этапу социальной борьбы (см.: Дамье 2015: 257–258).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дамье 2013 — Дамье В.В. Стальной век: Социальная история советского общества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Дамье 2014 — Дамье В.В. Экологическое движение в ФРГ и политическая власть: от гражданских инициатив к партии «зеленых» // XIV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Книга 4-я. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. С. 439–448.

Дамье 2015 — *Дамье В.В.* Социальные движения протеста начала XXI века // Социальные движения и социальная политика в XX веке. Сборник статей / отв. ред. В.В. Дамье. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 214–259.

Маркузе 1994/1964 — *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследования идеологии Развитого Индустриального Общества / пер. с англ. М.: REFL-book, 1994 (впервые опубликовано в 1964).

Миллс 1959 — *Миллс Р.* Властвующая элита / пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Action 1968 — Action. 13.05.1968. № 2.

Agnoli, Brückner 1967 — *Agnoli J., Brückner P.* Die Transformation der Demokratie. Berlin: Voltaire-Verlag, 1967.

Agnoli, Brückner 1967 — *Anders G.* Die Antiquiertheit des Menschen: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. München: C. H. Beck, 1956.

Andrews 2016 — *Andrews W.* Dissenting Japan: A History of Japanese Radicalism and Counterculture, from 1945 to Fukushima. London: Hurst & Co, 2016.

Apter, Sawa 1984 — *Apter D.E., Sawa N.* Against the State: Politics and Social Protest in Japan. Cambridge; London: Harvard University Press, 1984.

Birke 2010 — *Birke P.* Wilde Streiks im Wirtschaftswunder: Arbeiterkämpfe, Gewerkschaften und soziale Bewegungen in der Bundesrepublik und Dänemark. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2010.

Brand et al. 1986 — *Brand K.-W., Büsser D., Rucht D.* Aufbruch in eine andere Gesellschaft. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1986.

Brinkley 1998 — *Brinkley A.* 1968 and the Unraveling of Liberal America // 1968: The World Transformed / ed. by C. Fink, P. Gassert, D. Juncker. Cambridge; Washington: Cambridge University Press; German Historical Institute, 1998. P. 219–236.

Butterwegge 2018 — *Butterwegge C.* Krise und Zukunft des Sozialstaates. 6. Auflage. Wiesbaden: Springer V.S., 2018.

Carey 2016 — *Carey E.* Mexico's 1968 Olympic Dream // Carey E. et al. Protests in the Streets: 1968 Across the Globe. Indianapolis: Hackett Publishing Co, 2016. P. 91–120.

Conservative Party 1966 — Conservative Party General Election Manifesto 1966: Action not Words: the new Conservative programme // Conservative Party General Election Manifestos, 1900–1997 / ed. by I. Dale. London; New York: Politico's Publishing, 1999. P. 161–174.

Das KommuneBuch 1996 — Das KommuneBuch: Alltag zwischen Widerstand, Anpassung und gelebter Utopie. Göttingen: Die Werkstatt, 1996.

Despy-Meyer et al. 1988 — *Despy-Meyer A., Pollet I., D'Hoore M.* Mai 68, 20 ans déjà. Bruxelles: Université libre de Bruxelles, 1988.

Diani 1990 — *Diani M.* The Italian Ecology Movement: From Radicalism to Moderation // Green Politics One / ed. by W. Rudig. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. P. 153–176.

Die Studentenproteste 2000 — Die Studentenproteste der 60er Jahren / Hrsg. von T. P. Becker, U. Schröder. Köln: Bohlau Verlag, 2000.

Ebbinghaus, van der Linden 2009 — *Ebbinghaus A., van der Linden M.* 1968 — ein Blick auf die Protestbewegungen 40 Jahre danach // 1968: Ein Blick auf die Protestbewegungen 40 Jahre danach aus globaler Perspektive. 1968: A view of the protest movements 40 years after from a global perspective / Hrsg. von A. Ebbinghaus, M. Henninger, M. van der Linden. Wien: Akademische Verlaganstalt, 2009. S. 7–20.

Edwards 2009 — *Edwards P.* "More work! Less pay!": Rebellion and Repression in Italy, 1972–1977. Manchester; New York: Manchester University Press, 2009.

Garsztecki 2008 — *Garsztecki S.* Die Bedeutung des Jahres 1968 für Polen — ein Überblick // Die letzte Chance? 1968 in Osteu-

ropa / Hrsg. A. Ebbinghaus. Hamburg: VSA-Verlag, 2008. S. 94–106.

Germain 2016 — *Germain F.* Student Protests in the Black Atlantic of May 1968: Remembering Paris, Dakar, and New York // Carey E. et al. Protests in the Streets: 1968 Across the Globe. Indianapolis: Hackett Publishing Co, 2016. P. 36–60.

Giugni 2004 — *Giugni M.* Social Protest and Policy Change: Ecology, Antinuclear and Peace Movements in Comparative Perspective. Lanhan; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2004.

Gomez 1998 — *Gomez M.* Mai 68 au jour le jour. Paris: L'esprit frappeur, 1998.

Gómez Oliver 2008 — *Gómez Oliver M.* El Movimiento Estudiantil español durante el Franquismo (1965–1975) // Revista Crítica de Ciências Sociais. Coimbra. 2008. № 81. P. 93–110.

González 2018 — *González J.I.* El año breve. Los estudiantes brasileños en su 1968 // Los '68 latinoamericanos. Movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia / editores: P. Bonavena, M. Millán. Buenos Aires: UBA, 2018. P. 105–142.

Habermas 1973 — *Habermas J.* Legitimation-probleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a.M.: Edition Suhrkamp, 1973.

Hamilton 2002 — *Hamilton N.A.* Rebels and Renegades: A Chronology of Social and Political Dissent in the United States. New York: Routledge, 2002.

Hendrickson 2012 — *Hendrickson B.* March 1968: Practicing Transnational Activism from Tunis to Paris // International Journal of Middle East Studies. 2012. № 44. P. 755–774.

Hilwig 2009 — *Hilwig S.J.* Italy and 1968: Student Protest and Democratic Culture. London: Palgrave Macmillan, 2009.

Hoefflerle 2013 — *Hoefflerle C.M.* British Student Activism in the Long Sixties. New York; London: Routledge, 2013.

Huber 1980 — *Huber J.* Wer soll das alles n- dern: Die Alternative der Alternativbewegung. Berlin: Rotbuch, 1980.

Kanzleiter 2008 — *Kanzleiter D.* “Nieder mit der roten Bourgeoisie!” Die Studentenproteste von 1968 in Jugoslawien // Die letzte Chance? 1968 in Osteuropa / Hrsg. A. Ebbinghaus. Hamburg: VSA-Verlag, 2008. S. 134–146.

Kaufmann 2015 — *Kaufmann F.-X.* Sozialstaat als Kultur. Berlin: Springer Verlag, 2015.

Koopmans 1995 — *Koopmans R.* Democracy from Below: New Social Movements and the Political System in West Germany. Boulder: Westview, 1995.

Lotringer, Negri 2008 — *Lotringer S., Negri A.* A Revolutionary Process Never Ends // Artforum. 2008. Vol. 46. № 9. May.

Morawski 1982 — *Morawski W.* Employees` self-management and economic reform // The Polish Sociological Bulletin. 1982. № 1/4. P. 173–198.

Nawojczyk 1993 — *Nawojczyk M.* Rise and Fall of Self-Management Movement in Poland // Polish Sociological Review. 1993. № 104. P. 343–354.

Parodi, Cayrol 1968 — *Parodi J.-L., Cayrol R.* Le centrisme: deux ans après // Revue française de science politique. 1968. № 1. Février. P. 93–106.

Révolte et société 1989 — Révolte et société: actes du IVe colloque d'Histoire au présent, Paris, mai 1988 / Publiés par F. Gambrelle, M. Trebitsch. T. 2. Paris: Histoire au present, 1989.

Rivas Ontiveros 2018 — *Rivas Ontiveros J.R.* Antecedentes, desarrollo y repercusiones del '68 mexicano // Los '68 latinoamericanos. Movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia / editores: P. Bonavena, M. Millán. Buenos Aires: UBA, 2018. P. 53–78.

Schmid 1981 — *Schmid H.* Der Marsch auf Brokdorf. Tübingen: Typoskript Werkstatt, 1981.

Schott 1984 – Schott P. Weg mit der Heiligkeit des Parlaments // Die Macht und ihr Preis: Grün-Alternative Bewegung und Parlamentarismus / Hrsg. H. Adamaschek, A. Sprau. Berlin: Edition Ahrens im Verlag Zerling, 1984. S. 47–53.

Schultze, Gross 1997 – Schultze T., Gross A. Die Autonomen: Ursprünge, Entwicklung und der Profil der Autonomen Bewegung. Hamburg: Konkret Literatur Verlag, 1997.

Terral 2011 – Terral P.-M. Larzac: De la lutte paysanne à l'altermondialisme. Toulouse: Privat, 2011.

Trentin 1999 – Trentin B. Autunno caldo: il secondo biennio rosso 1968–1969. Roma: Editori riuniti, 1999.

Verband der Automobilindustrie 1967 – Verband der Automobilindustrie e.V. Jahresbericht 1966/1967. Frankfurt a.M.: VDA, 1967.

Vigna, Vigneux 2010 – Vigna X., Vigneux J. Mai – juin 1968: huit semaines qui ébranlèrent la France. Dijon: Editions universitaires de Dijon, 2010.

Wasmuth 1987 – Wasmuth U. C. Die Entstehung und Entwicklung der Friedensbewegungen der achtziger Jahre // Neue Soziale Bewegungen in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. R. Roth, D. Rucht. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1987.

Winther 1982 – Winther M. Begreifen was ist: Das Verhältnis von SPD und Alternativen // Neue Gesellschaft, 1982. H. 1. S. 12–13.

Wittner 2003 – Wittner L.S. The struggle against the bomb. Vol. 3. Toward nuclear abolition: A history of the world nuclear disarmament movement, 1971 to the present. Stanford: Stanford University Press, 2003.

THE “LONG 1968”: GLOBAL REVOLT FOR SELF-GOVERNANCE

Damier Vadim V. – Doctor of Sciences (History), Professor, senior researcher of the Institute of General history, RAS, Professor at the Higher school of Economics (Moscow)

Key words: «new social movements», protest, revolt, self-governance, students, «welfare state», youth.

Abstract. Social protests that began in the late 1960s and are known in history as the “1968 revolt” swept many countries of the world, on both sides of the line that divided both opposing military-political blocs. They became the reaction of the working population and the youth to the crisis of the “welfare state” model, and the protesters tried more or less consciously to oppose it an alternative based on social self-governance. A new protest met resistance not only from the ruling elites and the establishment, but also from the traditional opposition parties and organizations. Although the fundamental goals of the «global 1968» have not been achieved, the forms, methods and ideas that emerged during this protest still influence the social protest movements of modern times.

REFERENCES

Action, 13.05.1968, no. 2.

Agnoli J., Brückner P. *Die Transformation der Demokratie*. Berlin: Voltaire-Verlag, 1967.

Anders G. *Die Antiquiertheit des Menschen: ber die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution*. München: C. H. Beck, 1956.

Andrews W. *Dissenting Japan: A History of Japanese Radicalism and Counterculture, from 1945 to Fukushima*. London: Hurst & Co, 2016.

Apter D.E., Sawa N. *Against the State: Politics and Social Protest in Japan*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1984.

Birke P. *Wilde Streiks im Wirtschaftswunder: Arbeiterkämpfe, Gewerkschaften und soziale Bewegungen in der Bundesrepublik und Dänemark*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2010.

Brand K.-W., Büsser D., Rucht D. *Aufbruch in eine andere Gesellschaft*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1986.

Brinkley A. 1968 and the Unraveling of Liberal America. *1968: The World Transformed*, ed. by C. Fink, P. Gassert, D. Juncker. Cambridge; Washington: Cambridge University Press; German Historical Institute, 1998, pp. 219–236.

Butterwegge C. *Krise und Zukunft des Sozialstaates*. 6. Auflage. Wiesbaden: Springer V.S., 2018.

Carey E. Mexico's 1968 Olympic Dream. Carey E. et al. *Protests in the Streets: 1968 Across the Globe*. Indianapolis: Hackett Publishing Co, 2016, pp. 91–120.

Conservative Party General Election Manifesto 1966: Action not Words: the new Conservative programme. *Conservative Party General Election Manifestos, 1900–1997*, ed. by I. Dale. London; New York: Politico's Publishing, 1999, pp. 161–174.

Dam'e V.V. Ekologicheskoe dvizhenie v FRG i politicheskaja vlast': ot grazhdanskikh initsiativ k partii "zelenykh". *XIV aprel'skaia mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po problemam razvitiia ekonomiki i ob-*

shchestva. V chetyrekh knigakh. Kniga 4-ia. Moscow: Izdatel'skii dom VShE, 2014, pp. 439–448.

Dam'e V.V. Sotsial'nye dvizheniia protesta nachala XXI veka. *Sotsial'nye dvizheniia i sotsial'naiia politika v XX veke*. Sbornik statei, otv. red. V.V. Dam'e. Moscow: IVI RAN, 2015, pp. 214–259.

Dam'e V.V. *Stal'noi vek: Sotsial'naiia istoriia sovetskogo obshchestva*. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013.

Das KommuneBuch: Alltag zwischen Widerstand, Anpassung und gelebter Utopie. G ttin-gen: Die Werkstatt, 1996.

Despy-Meyer A., Pollet I., D'Hoore M. *Mai 68, 20 ans déjà*. Bruxelles: Université libre de Bruxelles, 1988.

Diani M. The Italian Ecology Movement: From Radicalism to Moderation. *Green Politics One*, ed. by W. Rudig. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990, pp. 153–176.

Die Studentenproteste der 60er Jahren, Hrsg. von T.P. Becker, U. Schr der. K In: B hlau Verlag, 2000.

Ebbinghaus A., van der Linden M. 1968 – ein Blick auf die Protestbewegungen 40 Jahre danach. *1968: Ein Blick auf die Protestbewegungen 40 Jahre danach aus globaler Perspektive*. 1968: A view of the protest movements 40 years after from a global perspective, Hrsg. von A. Ebbinghaus, M. Henninger, M. van der Linden. Wien: Akademische Verlaganstalt, 2009, pp. 7–20.

Edwards P. "More work! Less pay!": *Rebellion and Repression in Italy, 1972–1977*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2009.

Garsztecki S. Die Bedeutung des Jahres 1968 für Polen – ein Überblick. *Die letzte Chance? 1968 in Osteuropa*, Hrsg. A. Ebbinghaus. Hamburg: VSA-Verlag, 2008, pp. 94–106.

Germain F. Student Protests in the Black Atlantic of May 1968: Remembering Paris, Dakar, and New York. Carey E. et al. *Protests in the Streets: 1968 Across the Globe*. In-

- dianapolis: Hackett Publishing Co, 2016, pp. 36–60.
- Giugni M. *Social Protest and Policy Change: Ecology, Antinuclear and Peace Movements in Comparative Perspective*. Lanhan; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2004.
- Gomez M. *Mai 68 au jour le jour*. Paris: L'esprit frappeur, 1998.
- Gómez Oliver M. El Movimiento Estudiantil español durante el Franquismo (1965–1975). *Revista Crítica de Ciências Sociais*. Coimbra. 2008, no. 81, pp. 93–110.
- González J.I. El año breve. Los estudiantes brasileños en su 1968. *Los '68 latinoamericanos. Movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia*, editores: P. Bonavena, M. Millán. Buenos Aires: UBA, 2018, pp. 105–142.
- Habermas J. *Legitimationsprobleme im Spät-kapitalismus*. Frankfurt a.M.: Edition Suhrkamp, 1973.
- Hamilton N.A. *Rebels and Renegades: A Chronology of Social and Political Dissent in the United States*. New York: Routledge, 2002.
- Hendrickson B. March 1968: Practicing Transnational Activism from Tunis to Paris. *International Journal of Middle East Studies*, 2012, no. 44, pp. 755–774.
- Hilwig S.J. *Italy and 1968: Student Protest and Democratic Culture*. London: Palgrave Macmillan, 2009.
- Hoefflerle C.M. *British Student Activism in the Long Sixties*. New York; London: Routledge, 2013.
- Huber J. *Wer soll das alles ändern: Die Alternative der Alternativbewegung*. Berlin: Rotbuch, 1980.
- Kanzleiter D. “Nieder mit der roten Bourgeoisie!” Die Studentenproteste von 1968 in Jugoslawien. *Die letzte Chance? 1968 in Osteuropa*, Hrsg. A. Ebbinghaus. Hamburg: VSA-Verlag, 2008, pp. 134–146.
- Kaufmann F.-X. *Sozialstaat als Kultur*. Berlin: Springer Verlag, 2015.
- Koopmans R. *Democracy from Below: New Social Movements and the Political System in West Germany*. Boulder: Westview, 1995.
- Lotringer S., Negri A. A Revolutionary Process Never Ends. *Artforum*, 2008, vol. 46, no. 9, May.
- Markuze G. *Odnomernyi chelovek: Issledovaniï ideologii Razvitogo Industrial'nogo Obshchestva*, per. s angl. Moscow: REFL-book, 1994 (v pervye opublikovano v 1964).
- Mills R. *Vlastvuiushchaia elita*, per. s angl. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959.
- Morawski W. Employees' self-management and economic reform. *The Polish Sociological Bulletin*, 1982, no. 1/4, pp. 173–198.
- Nawojczyk M. Rise and Fall of Self-Management Movement in Poland. *Polish Sociological Review*, 1993, no. 104, pp. 343–354.
- Parodi J.-L., Cayrol R. Le centrisme: deux ans après. *Revue française de science politique*, 1968, no. 1. Février, pp. 93–106.
- Révolte et société: actes du IVe colloque d'Histoire au présent, Paris, mai 1988*, Publiés par F. Gambrelle, M. Trebitsch. T. 2. Paris: Histoire au present, 1989.
- Rivas Ontiveros J.R. Antecedentes, desarrollo y repercusiones del '68 mexicano. *Los '68 latinoamericanos. Movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia*, editores: P. Bonavena, M. Millán. Buenos Aires: UBA, 2018, pp. 53–78.
- Schmid H. *Der Marsch auf Brokdorf*. Tübingen: Typoskript Werkstatt, 1981.
- Schott P. Weg mit der Heiligkeit des Parlaments. *Die Macht und ihr Preis: Grün-Alternative Bewegung und Parlamentarismus*, Hrsg. H. Adamaschek, A. Sprau. Berlin: Edition Ahrens im Verlag Zerling, 1984, pp. 47–53.
- Schultze T., Gross A. *Die Autonomen: Ursprünge, Entwicklung und der Profil der Autonomen Bewegung*. Hamburg: Konkret Literatur Verlag, 1997.
- Terral P.-M. *Larzac: De la lutte paysanne à l'altermondialisme*. Toulouse: Privat, 2011.

Trentin B. *Autunno caldo: il secondo biennio rosso 1968–1969*. Roma: Editori riuniti, 1999.

Verband der Automobilindustrie e.V. *Jahresbericht 1966/1967*. Frankfurt a.M.: VDA, 1967.

Vigna X., Vigreux J. *Mai – juin 1968: huit semaines qui ébranlèrent la France*. Dijon: Editions universitaires de Dijon, 2010.

Wasmuth U.C. Die Entstehung und Entwicklung der Friedensbewegungen der achtziger Jahre. *Neue Soziale Bewegungen*

in der Bundesrepublik Deutschland, Hrsg. R. Roth, D. Rucht. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1987.

Winther M. Begreifen was ist: Das Verhältnis von SPD und Alternativen. *Neue Gesellschaft*, 1982. H. 1, pp. 12–13.

Wittner L.S. *The struggle against the bomb. Vol. 3. Toward nuclear abolition: A history of the world nuclear disarmament movement, 1971 to the present*. Stanford: Stanford University Press, 2003.

А. С. Стыкалин

«МЫ ПОСТАВИЛИ КРЕСТ НА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ. 1968 ГОД ИЗМЕНИЛ НАС».

Размышления о книге об отклике в СССР на подавление Пражской весны

Рец.: Вторжение: Взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / сост. Йозеф Паздерка. М.: НЛО, 2016. 304 с.

Ключевые слова: Чехословакия, Пражская весна, система социализма, советский блок, интервенция 1968 г. в Чехословакии, Брежнев, Дубчек, внешняя политика СССР, общественное мнение в эпоху социализма.

Аннотация. Рецензируется книга, содержащая обилие свидетельств о реакции советских граждан на Пражскую весну и августовскую интервенцию 1968 г. в Чехословакии.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-135-152

21 августа 1968 г., после растянувшихся на несколько месяцев колебаний брежневского руководства СССР, совместная военная акция пяти стран-участниц Варшавского договора пресекла попытку чехословацких реформаторов сделать более привлекательным лицо реального социализма. Пражская весна 1968 г. явилась не просто конкретно-историческим феноменом, она имеет глубокий метафорический смысл, символизируя запоздалое возникновение в коммунистическом движении 1960-х гг. некоего

творческого начала, пытавшегося (как оказалось, тщетно) придать ему новый импульс на основе симбиоза социалистических ценностей с рациональной экономикой и механизмами современной развитой демократии. Подавление Пражской весны явилось по грандиозности последствий одним из ключевых событий современной истории, во многом предопределившим необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, дискредитировавшим позитивное содержание самой идеи социализма в марксистском понимании.

Рецензируемое издание представляет собой скорректированную

© Стыкалин А. С., 2018

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); zhurslav@gmail.com

с учетом специфики российской читательской аудитории версию книги, вышедшей в 2011 г. на чешском языке в Праге (Invaze 1968. Rusk Pohled) и ставившей своей целью представить чешской и словацкой публике (в таком объеме, пожалуй, впервые, так что значение чешского издания книги в этом плане трудно переоценить) широкую палитру мнений о Пражской весне и августовской интервенции 1968 г. россиян, ставших непосредственными свидетелями и третьестепенными участниками тех событий (прежде всего военнотружущих и журналистов) либо внимательно наблюдавших за ними – при всей скудности получаемой информации – из советского далека. Предмет книги – не события «большой истории» (споры в Политбюро ЦК КПСС, дискуссии в ходе межгосударственных переговоров и на заседаниях в ООН, подготовка масштабной силовой акции по пресечению «пражского эксперимента»), а реакция на них людей, не обремененных властью и не влиявших на принимаемые политические решения. Многообразие настроений, эмоций и размышлений, вызванных как реформаторскими процессами в соседней Чехословакии, так и жестким их подавлением, предпринятым под знаменем ложно понятого интернационализма.

По признанию составителя книги Йозефа Паздерки, понять истоки Пражской весны невозможно без учета импульсов, шедших из СССР в период оттепели и хрущевской десталинизации. Даже совсем небольшое ослабление диктата тоталитарной власти на культуру, стрем-

ление нового поколения советской интеллигенции расширить для себя пространство интеллектуальной и творческой свободы, нисколько не подвергая сомнению устои системы, не остались незамеченными в странах советского блока. Будучи запоздалой в Чехословакии, оттепель переросла к весне 1968 г. в настоящий паводок, в бурный процесс далеко идущей либерализации, явно контрастировавшей с «подмораживанием», начавшимся к этому времени в СССР (финальную же черту под советской оттепелью подвело, как уже становится принятым считать, именно вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г.).

В статье Д. Поволны предпринята попытка на основе источников личного происхождения, прежде всего мемуарных свидетельств, проанализировать взгляд советских военнотружущих, участвовавших в акции, на вторжение. Статью дополняет целый ряд развернутых интервью. Насколько советские солдаты были информированы о целях интервенции? Как они внутренне переживали происходившее? Чувствовали ли несоответствие между тем, что говорили им политруки, и увиденным своими глазами? Судя по отзывам, знания советских солдат о Чехословакии были скудными, не выходя за рамки школьной программы по географии, репортажей хоккейных комментаторов и упоминаний в центральных СМИ, впрочем, с весны 1968 г. заметно участвовавших. Знали прежде всего то, что это одна из стран социалистического лагеря. Лишь некоторые наиболее продвинутые из недавних школьников держали в руках книгу Я. Гаше-

ка о Швейке и могли судить о чехах по ее ярким образам.

С начала 1968 г., но особенно с марта на политзанятиях стали упоминать о том, что в Чехословакии (которой ранее мало интересовались) что-то происходит. Складывалось впечатление, что лидеры СССР и ЧССР имеют по каким-то вопросам разногласия, не могут о чем-то договориться, однако полной ясности не было, ибо армейские политуки повторяли общие места официальной пропаганды, не дававшей ответов на многие вопросы. Акцент делался на остроте международного положения, подрывной деятельности Запада и попытках внести раскол в единый соцлагерь, столкнув Чехословакию с «правильного пути», говорилось о военных передвижениях войск НАТО в ФРГ, угрожающих и соседней Чехословакии. С лета пропаганда интенсифицируется, становится острее, создавая всеми средствами образ наступления антисоциалистических сил, постепенного захвата ими власти в Чехословакии. «Я и сам в это не только верил, но и, будучи руководителем группы политзанятий, убежденно разъяснял это своим подчиненным», — вспоминает Э.А. Воробьев, в то время капитан, командовавший ротой, а впоследствии генерал-полковник. «Возможность выработать собственную точку зрения была очень ограниченной, да никто к этому особо и не стремился... Я ехал в ЧССР абсолютно убежденный в том, что мы находимся на первом рубеже обороны против контрреволюции», создающей угрозу всему социалистическому блоку (с. 60–61).

Б.В. Шмелев, в 1968 г. простой солдат-десантник, вспоминает о том, что где-то в апреле, осторожно, скорее намеками, командиры стали говорить о возможных учениях в братской Чехословакии (они состоялись в конце июня). А «с наступлением лета в дивизии нарастала нервозность. Многим начало казаться странным, что нас то и дело приводят в состояние боевой готовности», и что всего из-за одних-единственных заграничных маневров надо призывать людей на службу из запаса, увеличивать личный состав частей, не говоря уже о срочном возвращении офицеров из отпусков (с. 76–77). С каждым месяцем личный состав воинских частей подвергался все более массивной пропагандистской обработке. К возможному участию в военной акции политработники морально готовили солдат уже с середины июля. Прозвучавшая в ряде мемуаров версия о том, что советские солдаты, войдя 21 августа в Чехословакию, зачастую даже не знали, в какой стране они находятся, не выдерживает серьезной критики. Однако речь шла именно о превентивной акции по вводу войск в целях недопущения отрыва Чехословакии от стран социализма, что вовсе не означало неизбежности большой войны, ни солдат, ни общество в целом к ней не готовили, пропаганда не забывала подчеркивать, что мудрая политика партии позволит избежать большой войны. Из скудных источников военнослужащим было известно о советско-чехословацкой встрече конца июля (на границе, в Чьерне над Тисой), и при всех неясностях существовала надежда на то, что,

при всей очевидности военных приготовлений, удастся все же договориться и решить проблемы без применения силы. Поэтому для многих солдат подъем по боевой тревоге в ночь на 21 августа и ускоренная дислокация огромной массы войск за рубеж явились достаточно неожиданными.

Впрочем, по свидетельству А. Б. Рогинского, например, в Эстонии, где он как раз в 1968 г. закончил Тартуский университет и пытался устроиться на работу, силовая акция удивления не вызвала. Более того, после 21 августа там были довольно сильны ощущения неотвратимой большой войны (с. 213–214). Причем многими эстонцами старших и средних поколений, пережившими 1940 г., вторжение в Чехословакию воспринималось как новое доказательство агрессивной природы советской власти, ранее уже лишившей независимости страны Балтии. Пережив в свое время собственную драму, они в массе своей если и не открыто, но сочувствовали чехам и словакам. Кстати, архивные документы, в этой книге не приведенные, свидетельствуют о том, что как в СССР, так и Польше в августе 1968 г. проявилось подспудное стремление населения самостоятельно (без всяких на то команд) подготовиться на всякий случай к затяжной войне — раскупалось рассчитанное на длительное хранение продовольствие и т. д.

Советские солдаты, вступившие 21 августа в Чехословакию, воспринимали происходящее в этой стране сквозь призму стереотипов официальной пропаганды, которая

внушала им, что «Чехословакия дружественная, братская и коммунистическая страна и что мы не хотим ни оккупировать, ни захватывать ее, что она просто нуждается в помощи». Сопrotивления чехословацкой армии не ожидали, вспоминает генерал-майор П. Д. Косенко, но ожидали провокаций со стороны «контрреволюционеров», к которым надо быть готовыми и вовремя их пресекать, особенно в местах массового скопления людей (с. 42). Солдаты были подготовлены к возможному разгону демонстраций. Не исключалось и противодействие вооруженному противнику, однако открывать огонь разрешалось только в качестве ответного, при нападении, либо по особому приказу.

Как вспоминает свое ощущение тех августовских дней будущий вятский доцент-историк Ю. М. Кузьмин, участвовавший в акции в качестве рядового солдата, «мы не сомневались в том, что в стране пытаются ликвидировать социализм, и не хотели оставить братский чехословацкий народ» в беде (с. 27). Политпропаганда внушила бойцам, что нынешнее чехословацкое правительство якобы «не способно» без помощи извне навести порядок в стране. Внушалась также полная уверенность в том, что именно СССР несет на себе главное бремя экономических забот в соцсодружестве, оказывая бескорыстную помощь другим странам. Из этого логически вытекало, что любые попытки дистанцироваться от СССР следовало воспринимать не иначе как проявления неблагодарности («помогали, помогали им и вот благодарность за все») и соответствующе

щим образом реагировать. Однако первые же впечатления тех молодых солдат, чьи представления были сформированы советской пропагандой, резко отличались от того, что они ожидали увидеть. Им сразу же пришлось столкнуться с совсем иной реальностью: с эмоциональным выражением массового протеста и с разными формами, казалось бы, стихийного, но на самом деле продуманного до мелочей и организованного, и при этом, как правило, пассивного и ненасильственного сопротивления, направленного на то, чтобы дезориентировать оккупантов. Сразу же возникли трудности со взятием Праги под контроль: у здания радио возводятся баррикады, «снятые или повернутые не в ту сторону указатели на дорогах, снятые или перепутанные таблички с наименованиями улиц в городах» (с. 42). Впрочем, за всем этим стояло не только стремление затруднить передвижение непрошенных гостей (к тому же плохо обеспеченных картами Праги, ведь операция готовилась в немалой спешке и в расчете на поддержку широких масс в Чехословакии), но в определенной мере и символический протест. Конфронтация с враждебным окружением иногда приводила к несчастным случаям, так было, в частности, когда женщины и дети образовали живой щит, преграждавший наступление войск: в результате перевернулся БТР с советскими солдатами.

Чешские историки, как правило, решительно отрицают любые факты вооруженного сопротивления оккупантам. Российские свидетели событий, в том числе признающие

право чехов и словаков на сопротивление вторгшейся иноземной силе, говорят о редких случаях обстрела позиций интервенционистских войск, поджога танков. Инцидент со стрельбой (к счастью, без человеческих жертв) имел место 21 августа в самом центре Праги, на Вацлавской площади, у здания Национального музея.

Мародерство пресекалось командами. Однако фотоаппараты тех, кто пытался вблизи солдат фотографировать, нещадно разбивались — что не помешало, впрочем, фотографам запечатлеть яркие сцены ввода войск и пассивного сопротивления (особенно широко известны в мире фотографии Йозефа Коуделки — многие из его и других фотографов работ приведены в книге в качестве иллюстраций).

Такого резкого и массового сопротивления мы не ожидали, вспоминает Б. Шмелев, было очевидно, что люди не понимают, зачем мы приехали и ни в какой такого рода «помощи» они не нуждаются. «Первые две недели открыли нам глаза. Мы поняли, что положение в ЧССР совсем не такое простое, как нам говорили политруки. Мы оказались тут незваными гостями» (с. 82). Это были молодые, напуганные и усталые парни — рассказывает о своих встречах с советскими солдатами журналист «Известий» В. М. Кривошеев: «То, что им сказали, и то, что они увидели в Праге, совершенно противоречило друг другу» (с. 137). У другого общавшегося с бойцами свидетеля событий, В. Лукина (в то время сотрудника журнала «Проблемы мира и социализма», а позже

видного политика посткоммунистической России) также сложилось впечатление непонимания теми, кто выполнял приказ, зачем они сюда явились (с. 119). Но особенно дорогого стоит позднее свидетельство генерала армии И.Г. Павловского, командовавшего всей (надо сказать, с военной точки зрения весьма успешно осуществленной) операцией. В интервью «Известиям» в августе 1989 г. он говорил: «Честно говоря, я бы не сказал, что отношение населения к нам было дружелюбным... Сами понимаете, если я, непрошенный гость, приду к вам домой как незваный гость и начну распоряжаться, это не очень понравится» (с. 30).

Интересно, что этот острый диссонанс между ожидавшимся и реальным смогли почувствовать в те месяцы вопреки всей массивированной пропаганде и некоторые выдающиеся представители творческой интеллигенции, которые в Праге в это время не были. «Где взять слова, чтоб рассказать о том, Как в сорок пятом нас встречала Прага, И как встречает в шестьдесят восьмом», — с горечью написал в сентябре 1968 г. Александр Твардовский.

При этом, как впервые обратил внимание, наверно, журналист Л. Шинкарев, многие солдаты из российской, а тем более из среднеазиатской или кавказской глубинки получили настоящий культурный шок от встречи с незнакомой цивилизацией, с незнакомым народом, иной культурой общения¹. На основании

¹ Книга Л. Шинкарева «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году»

архивных материалов (стенограмм пленума Иркутского обкома КПСС за август 1968 г.) он показал, что в российской глубинке проживало немало юношей призывного возраста, которые не могли быть призваны в армию просто по причине их малой грамотности. Областное начальство, в своих донесениях в Москву приукрашивавшее истинное положение дел, вместе с тем признавало, что призывной возраст зачастую не удавалось обеспечить положенным 7-летним образованием, и это надо, несомненно, учитывать при анализе особенностей восприятия многотысячной армейской массой происходившего в соседней стране. Главное же заключалось, пожалуй, не в этом, а все же в другом: в отсутствии у солдат, вошедших в 1968 г. в Чехословакию, тех выстраданных стимулов бороться с врагом, какие были у поколения 1945 г., пережившего опыт Второй мировой войны. За что, в самом деле, предстояло умирать или становиться инвалидами? За изгнание со своих постов ревизиониста Цисаржа и «сиониста» Кригеля, за возвращение в Чехословакию цензуры и запрет студенческих демонстраций? Не мало ли?

Политрукам (иногда тоже до известной степени растерявшимся) было трудно объяснить солдатам, почему отношение к ним чехов да и большей части словаков настолько вра-

(Шинкарев 2008) — добросовестное журналистское расследование, реконструкция обстоятельств вторжения, исследование реакции на него в различных кругах советского общества и более поздних взглядов на события людей, к ним причастных. В 2016 г. книга была опубликована и в переводе на чешский язык.

ждебно и в чем причина столь разительного несоответствия ожиданий реальности. Акцент делался на том, что «контрреволюция» в стране проникла глубже и закрепилась прочнее, чем первоначально предполагалось. Однако эти объяснения не всегда позволяли понять смысл происходившего. Впрочем, времени и возможности предаваться рефлексиям, разбираясь в ситуации, не было. Не доставало и информации о событиях «большой политики», происходивших в те же дни. Военнослужащим надо было сосредоточиться прежде всего на решении конкретных задач. Как вспоминает будущий генерал-полковник Э.А. Воробьев, «я был уверен, что это временно. Людей обидело, что войска вошли без их согласия, но постепенно это пройдет, особенно если никаких боев не будет» (с. 63). Настроения массового неповиновения и общественного протеста чехов и словаков удивляли, удивляла и холодность в общении со стороны официальных представителей Чехословацкой народной армии. Однако закрадывавшиеся сомнения не стали доминирующими. Не до конца понимая происходившее, советские офицеры больше думали о том, что хорошо подготовленным враждебным элементам удалось все-таки ввести тысячи людей в заблуждение. Ходить далеко за примерами было не надо. Перепутанные указатели на улицах Праги создавали некоторое впечатление целенаправленности и системности «вражеской» деятельности. Мысли же о том, что люди просто не нуждаются в подобной советской «помощи», оказывались где-то на периферии сознания. «Я был тогда абсолютно

советским человеком, верил, что наше вмешательство было нужно, так что никакого пространства для перелома», для психологического надлома не существовало, вспоминает Э. Воробьев (с. 64). Ему вторит Ю. Кузьмин, входивший со своей воинской частью из Венгрии в Южную Словакию: независимо от того, как мы оцениваем те события сегодня, в то время «мы возвращались домой с гордо поднятой головой», с чувством успешно выполненного долга: «Мы помогли братскому народу, защитили социализм, вновь продемонстрировали, что не бросаем друзей в беде» (с. 33).

Как бы то ни было, солдатам, вошедшим в Чехословакию, бросалось в глаза явное несоответствие увиденного красочным газетным описаниям о том, как чехи и словаки встречают хлебом-солью советские войска. «Нас страшно интересовало, что о нас пишет советская печать, как родина ценит наш героизм, — вспоминает Б. Шмелев. — Но статьи оказались странные, утомительные, какие-то торжественные и абсолютно не соответствовали реальности. Они были о том, как якобы радуются нашей помощи чехи и словаки и как горячо нас приветствуют. Забавнее всего были тексты про то, как чешские девушки влюбляются в советских солдат... Сначала мы это читали, но потом нам надоело» (с. 83). Механизмы советской пропаганды раскрывает в своих воспоминаниях журналист, а впоследствии ученый-экономист В.М. Кривошеев, который, будучи в августе 1968 г. корреспондентом «Известий» в Чехословакии (много сделавшим для

освещения экономической составляющей реформ), был довольно быстро отозван из этой страны с обвинением в нежелании «правильно» отражать суть происходившего².

В. Кривошеев не забывает при этом о роли советского посольства в ЧССР в создании прессой и политинформаторами в СССР образа наступающей контрреволюции: «после отмены цензуры [в посольстве] буквально воцарилась паника. Начали искать “доказательства”, что контрреволюция существует, что она активна, агрессивна и опасна» (с. 135). Когда фактов не доставало, их надо было фальсифицировать или соответствующим образом интерпретировать, для этого присылали в качестве журналистов людей со спецзаданиями и потом в результате появлялись статьи о якобы найденных складах с оружием, готовым к использованию. Когда Кривошеев отказался писать заказанный ему текст «Второе освобождение Праги», прибыли три человека из Москвы, чтобы написать вместо него «как надо». За «неправильные» настроения были отозваны и другие шедшие против течения журналисты: Б. С. Орлов (впоследствии видный историк-германист), В. П. Лукин, в записке, адресованной начальству, расценивший акцию 5 стран как провал с политической, а не военной точки зрения. Выступления советской прессы после 21 августа отличались лишь мерой негодования по поводу деятельно-

сти чехословацких «ревизионистов» и степенью напора, с которым вбивались в читательские головы идеологические клише.

Факт остается фактом: немногочисленные введенные до сих пор в научный оборот архивные источники, отражающие настроения солдат (в том числе донесения по линии спецслужб), явно не создают картины сколько-нибудь широкого распространения в действующей армии протестных настроений (примерно 10 случаев дезертирства). В книге, однако, приводятся свидетельства о том, что для предотвращения морального разложения бойцов командование старалось ограничить до минимума их контакты с населением. Были случаи передислокации некоторых подразделений в более спокойные места, это коснулось, в частности, солдат, причастных к трагическому инциденту в Либереце, когда в результате беспорядочной стрельбы, открытой вследствие опасений провокации, погибло 9 юных чехов.

Многие из участников военной акции, по их собственному признанию, пересмотрели свои прежние оценки. Среди них генерал-полковник Э. А. Воробьев, последний командующий Центральной группой советских войск, дислоцированной в Чехословакии и выведенной в 1990 г. Однако, по его же словам, переоценка роли Советской армии и ее союзников далась нелегко. Некоторые ветераны и по прошествии немалой исторической дистанции стоят на своих прежних позициях, находясь в плену старых пропагандистских стереотипов и мифов

² Конкретные обстоятельства его выдворения довольно откровенно описывает в своих мемуарах непосредственно осуществлявший эту акцию офицер КГБ Н. П. Семенов: (*Семь нов* 2004: 150).

об «освободительной миссии». Так, генерал-майор П. Д. Косенко, интервью с которым приводится в книге, считает, что вмешательством в Чехословакии был нанесен превентивный удар по империализму и мир в результате был спасен от новой мировой войны. Позиция аргументируется фактами изъятия со складов оружия, способного оказаться у «контрреволюционеров» (действительно, конфисковывалось оружие со складов МВД, поскольку в Москве помнили о том, как осенью 1956 г. начальник будапештской полиции Ш. Копачи перешел на сторону повстанцев и помог им вооружиться).

В книге приводится ряд интервью как с представителями реформаторски настроенной интеллигенции (В. Лукин, В. Кривошеев и др.), так и с участниками диссидентского движения (покойные уже к настоящему времени А. Рогинский, Л. Алексеева, Н. Горбаневская), рассуждающими о влиянии Пражской весны и августовской интервенции на формирование своего мировоззрения, о месте тех событий в пережитом духовном опыте. «Интерес к Чехословакии, — вспоминает Н. Горбаневская, — был невероятный. После Венгрии 1956 года снова зашла речь о попытке вырваться из стилия и риторики тоталитарного режима. Это было стремление предложить альтернативу. И Пражская весна продолжалась относительно долго», так что было время что-то узнать о ней и за пределами Чехословакии (с. 244–245). Мы чувствовали, что в Чехословакии происходит что-то важное, свидетельствует Л. Алексеева. А. Рогинский вспоми-

нает о том, с каким неподдельным интересом попытки реформ в Чехословакии воспринимались в кругу его общения. В. Лукин, вернувшийся из Праги в сентябре, замечает, что при всей массивности пропаганды, начиная с апреля настойчиво создававшей образ ревизионистского наступления, а потом и «контрреволюции», в советском обществе существовал огромный спрос на любую информацию и личные свидетельства о происходившем в этой стране (с. 121). По свидетельству Э. Филипович (биолог по профессии, была замужем за чехом, ее дневники включены в рецензируемое издание), в советских учреждениях уже в начале 1967 г. приходилось иной раз слышать из уст политинформаторов колкости по поводу готовящихся в Чехословакии демократических экспериментов. Уже к этому времени становилось ясно, что там больше свободы прессы, прорабатываются планы реформ, идут дискуссии. Еще более очевидным это стало через год, но, соответственно, более наступательной стала и советская пропаганда. После 23 марта 1968 г., когда положение в Чехословакии впервые стало предметом обсуждения на совещании лидеров компартий соцстран в Дрездене, на советские предприятия и в учреждения зачастили лекторы с докладами о происках империалистов и антисоциалистических вылазках. Чуть позже с критикой процессов, происходивших в Чехословакии, начинает выступать и советская пресса. Создавался образ А. Дубчека как слабого руководителя, не способного противостоять «ревизионистскому наступлению». По свидетельству

той же Э. Филипович, западные «голоса» уже с начала января, с поворотного пленума ЦК КПЧ и избрания Дубчека, стали шире комментировать положение в Чехословакии, а советские слушатели в естественном желании преодолеть дефицит информации все активнее прибегали к этому же источнику. Причем стойкий интерес и внимание к чехословацким реформам отнюдь не ограничивались гуманитарной интеллигенцией: «если удастся, то и у нас потеплеет, социализм “человечнее станет”, а нет... Время покажет», — приводит Филипович характерное мнение молодых «технарей» (с. 270).

Чехословацкая пресса поступала в советские киоски (особенно регулярно в киоск при московской гостинице «Националь») вплоть до 21 августа и быстро раскупалась. Люди, умевшие читать по-чешски, пользовались особой популярностью и вниманием в интеллигентской среде. Чехословацкие газеты создавали впечатление хода реформ. «Много интересного в “Руде право”, хочется читать и читать», — записала в дневнике Э. Филипович. Причем даже в номере от 20 августа не в пример тогдашней советской прессе не было ни малейшего намека на какую бы то ни было «контрреволюцию». Самые интересные статьи из «Руде право» и газеты «Литерарны листы», согласно воспоминаниям, перепечатывались в самиздате. Внимание советского самиздата к Пражской весне вообще было весьма велико. Так, знаменитый программный манифест внепартийной интеллигентской оппозиции «2000 слов» Л. Вацулика

сразу же был переведен и стал читательским достоянием.

Н. Горбаневская признает, что большинство людей в СССР в 1968 г. искренне разделяло коммунистическую идеологию, но тем сильнее многие из них жаждали реформ, что только усиливало их интерес к Пражской весне. Само понятие «социализм с человеческим лицом» было созвучно их идеалам, четко передавало то, что они хотели видеть в собственной стране. И даже те, кто скептически относился к коммунистическим иллюзиям и, как сама Горбаневская, уже не верил ни в какое гуманное лицо социализма, все-таки надеялись на положительное влияние чехословацкого эксперимента на ситуацию в СССР. Советская и коммунистическая власть воспринималась ими как данность и казалась вечной, и вдруг во главе «братской страны» оказались люди, которые искренне хотят что-то изменить в лучшую сторону, исправить самые явные несовершенства. Это можно было только приветствовать, тем более если что-то получится там, есть шанс на позитивные перемены и в СССР.

Как П. Питхарт, так и В. Лукин вспоминают находившуюся в Праге редакцию международного журнала компартий «Проблемы мира и социализма» как изолированный «островок критического мышления» в мире коммунизма, возникший во многом благодаря его первому редактору (в 1958–1964 гг.) академику А. М. Румянцеву, самому либеральному из советских идеологов хрущевской и брежневской эпохи. Но при этом отнюдь не крепость,

отгороженную стеной от внешнего мира. Через эту редакцию прошли многие советские «шестидесятники», в пражской редакции царила довольно вольная атмосфера, на показы новых фильмов И. Бергмана и др. приходили и чешские интеллектуалы, происходило неформальное общение с идеологами западных компартий (особенно итальянской), воспринявшими Пражскую весну как шанс обновления социализма. Либерально настроенные советские сотрудники редакции, проявляя осторожность в контактах, вместе с тем, как и их единомышленники в Москве и Ленинграде, следили за процессом чехословацких реформ с симпатией и надеждой на их успех, считая, что они могут быть полезны для дальнейшего развития «коммунистического проекта» в мировом масштабе, придания ему большей открытости. В отличие от советского посольства, в редакции «Проблем...» угрозу главной роли КПЧ в политсистеме страны мало кто был склонен переоценивать (до августа требования политического плюрализма и многопартийности не созрели, а после 21 августа для их реализации не было уже никаких условий). Речь шла о том, чтобы сделать более эффективной экономику и придать социализму атрибуты реальной демократии со свободой слова, печати, критики снизу, выборностью функционеров и их ответственностью перед избирателями. Иной раз, правда, в беседах с чехами выражалось недоумение: понятно, что ранее, в безудержном восхвалении всего советского, партийная пропаганда не знала никаких тормозов и это зачастую унижа-

ло чешских тружеников, желающих просто восстановления справедливости. И все-таки, зачем надо злить Москву, особенно уколами прессы в адрес не слишком совершенной советской продукции? Соседи-венгры идут по пути тех же экономических реформ, но при этом мудро воздерживаются от критики советского опыта. Разве такая тактика не более мудра?

Что предпримет Москва? Решится ли силовым путем прервать развернувшийся в Чехословакии эксперимент? Вопрос этот летом широко обсуждался в среде либеральной советской интеллигенции — несмотря на отпускные месяцы, во время отдыха в Крыму, на Кавказе и т. д., где продолжали изыскивать возможности получения информации. Острая критика ревизионистов в прессе сменилась после братиславской встречи начала августа некоторым затишьем, что говорило о неопределенности ситуации и некоторой растерянности верхов. Брежнев, как справедливо заметил один из интервьюируемых, боялся не только перемен, но и излишних потрясений и предпочитал заматывать проблемы под ковер. Возникли надежды на то, что худшего удастся избежать. И тем сильнее потрясло военное вторжение.

Особый шок испытали люди реформ-коммунистических убеждений. «Негативные аспекты военного вмешательства представлялись мне настолько очевидными, что я его попросту исключал», думал, что СССР ограничится сильным давлением, искренне вспоминает В. Лукин (с. 118). Постоянно

общаясь с представителями западных компартий, он знал их позицию и не верил, что СССР не посчитается с мнением Запада, в том числе даже коммунистов. Более информированный В. Кривошеев, по его признанию, ждал, что войска будут рано или поздно введены. Примерно также думали и некоторые советские диссиденты. Отставной к тому времени генерал П.Г. Григоренко, как выясняется, адресовал в Прагу для передачи А. Дубчеку записку с советами опытного военного о том, как лучше выстраивать оборону города.

Посольство, на протяжении нескольких месяцев представлявшее происходящее как «контрреволюцию», требовавшую незамедлительного пресечения, вместе с тем, как известно, неадекватно оценивало соотношение сил в КПЧ. Переоценка «здоровых сил», способных «навести порядок», возобладала и в Кремле, и на Старой площади. Однако ставка на здоровые силы полностью провалилась и ситуацию пришлось разруливать вместе с теми, кто в ночь на 21 августа был увезен советскими десантниками из Пражского града под конвоем. Хотя политинформаторы делали акцент на реальном успехе военной операции, довольно грамотно проведенной советскими генералами во главе с И.Г. Павловским, не забывая также упоминать об обилии оружейных складов, превентивно захваченных в ходе «освободительной миссии», что позволило «обезвредить контрреволюцию», политический провал акции по смене власти был многим очевиден. Чувство стыда за произошедшее

было доминирующим, вспоминает В. Лукин, по его словам, не скрывавший своей позиции от чешских друзей. Чувство стыда (ср. строки Н. Горбаневской: «когда на площадь гонит стыд»), позора, острого разочарования и при этом бессилия, утраты перспективы и иллюзий в отношении судеб собственной страны и народа проявилось, судя по источникам личного происхождения, и в сознании многих советских интеллигентов, наблюдавших за происходившим из СССР, и в том числе представителей творческой интеллигенции, отразивших эту тему в своих произведениях. Это показывает чешский литературовед-русист Т. Гланц в своей основательной статье о восприятии интервенции в советских литературных и гуманитарных кругах (им был добросовестно изучен и представлен как чешскому, так и российскому читателю не только литературный «мейнстрим», но и поэзия андерграунда). Причем обращение поэтов к историческим параллелям и аллюзиям (с освобождением Праги в 1945 г. у А. Твардовского, с выходом декабристов на площадь с протестом против власти у А. Галича) лишь усиливало ощущение безысходности.

С одной стороны, мыслящие и творческие люди, совершенно разные по своим взглядам и background'у, объединялись в неприятии вторжения в Чехословакию. С другой стороны, Е. Евтушенко, написавший в те дни о том, как «танки идут по соблазнам жить не во власти штампов», вполне отдавал себе отчет в том, что основная масса граждан пребывает именно во власти

штампов, разделяя с большей или меньшей искренностью представления, навязанные пропагандой. Это касалось в полной мере и непосредственных свидетелей событий. В канун или в самый момент интервенции в Чехословакии находилось большое количество советских граждан (не только сотрудников разных ведомств, работавших в «братской стране» на постоянной основе, но и временно командированных). Многие из них, включая крупного актера, в то время 33-летнего Сергея Юрского, посетившего молодежный театральный фестиваль, оставили мемуары. «Советский человек в Чехословакии 1968 г.», «Пражская весна и ее подавление глазами граждан СССР, находившихся в Чехословакии» — тема большого отдельного исследования. Надо лишь заметить, что убежденность в правоте политики партии и правительства многие из свидетелей событий пронесли через десятилетия. Так, офицер КГБ Н. Семенов, несмотря на дежурные (очевидно, вставленные по настоянию издательства «Международные отношения») фразы в предисловии о вводе войск как верхе глупости, на протяжении всей своей вышеупомянутой книги не скрывает неприязни к чехословацким «ревизионистам». Вообще в рецепции советского общества в своей массе к акции 1968 г. проявился, по наблюдению автора предисловия к рецензируемому сборнику, видного журналиста К. Эггерта, парадокс, который можно наблюдать и сегодня. Люди, недовольные властью, системой, постоянной промывкой мозгов, а в 60-е гг. еще и вечным дефицитом, тем не менее готовы (иногда и без всяких огово-

рок) поддержать любые внешнеполитические авантюры этой власти. Поддержать в уверенности, что это надо делать в условиях вражеского окружения.

Как бы то ни было, вторжение 21 августа не просто оставило неизгладимый след в сознании многих советских граждан разных поколений, но стало для них (как и для миллионов чехов и словаков) переломной, рубежной датой. Это событие повлияло на основы мировосприятия, заставив задуматься о профанации прежних идеалов. В результате пережитой духовной драмы заронилось сомнение в верности идеологии, произошло глубокое разочарование в возможностях построения социализма с человеческим лицом, особенно сильный удар был нанесен по сознанию людей старших поколений, выросших в условиях более сильной индоктринации, особенно идеалистов-ленинцев, стремившихся очистить идею социализма от сталинистских наслоений и надеявшихся на плавную эволюцию СССР и всего лагеря к большей свободе и реальной демократии. У поколения 20-летних, вспоминает А. Рогинский, в массе своей не было слишком уж глубокой веры в идеалы коммунизма, а потому слабее было и разочарование. Правда, молодые люди тоже воспринимали социализм как данность, потому что ничего другого не знали. В этой среде усилилось представление о том, «что от этой власти мы уж точно ничего хорошего никогда не дождемся» (с. 212), она абсолютна чужая. Так что в данном случае речь шла о прощании не столько с реформаторскими политическими иллюзиями,

сколько, в более общем плане, с надеждами на лучшее, на перемены в жизни.

В утрате веры сквозь толщу времени проглядывался будущий крах советской модели коммунизма. «Мы поставили крест на советской системе. Часть людей внутренне приняла решение, что с этого момента не хочет иметь с ней ничего общего. 1968 год изменил нас. Все попытки реформ остановились. И в конце концов все это взорвалось — через 20 лет, в эпоху М. Горбачева», — говорит В. Лукин (с. 122). Академик А.Д. Сахаров писал о том, что именно оккупация Чехословакии бесповоротно похоронила идею социализма. Заместитель А. Твардовского по «Новому миру» А. Кондратович, не доживший несколько месяцев до перестройки, написал в дневнике о крахе в 1968 г. последних иллюзий и надежд: разрыв между властью и огромной частью интеллигенции произошел окончательно и бесповоротно.

Л.И. Шинкарев, в 1960–1970-е гг. работавший корреспондентом «Известий» в Восточной Сибири и много общавшийся с населением, опроверг создающееся на основе многих публикаций впечатление, будто лишь очень узкий сегмент советского общества (прежде всего правозащитное движение в среде столичной — московской и питерской — интеллигенции плюс активисты внесистемных национальных движений в союзных республиках) осуждал подавление чехословацких реформ, народ же привычно и сонно безмолвствовал. По его наблюдениям, несмотря на явный дефицит

информации о происходившем, значительная часть не только гуманитарно-творческой интеллигенции, но и производственной технократии на периферии России в силу скорее нравственных представлений, нежели идеологических понятий испытывала чувство неловкости за внешнеполитические действия властей и часто не скрывала этого. Причем потрясение от всего произошедшего, интенсивное его обсуждение с теми, кому доверяли, в течение последующих нескольких лет оставалось в центре умственной и эмоциональной жизни значительной части социума. Это усиливало разбалансированность существующего строя и стало одним из толчков к ожиданиям социально-политических перемен (уже отнюдь не обязательно в рамках коммунистической парадигмы), в полной мере проявившимся к концу 1980-х гг.

Но это произошло гораздо позже, а духовную атмосферу в СССР рубежа 1960–1970-х определяли совсем иные настроения. Все время жить в чувстве стыда противно человеческой природе. Тот же Е. Евтушенко, о политически «безответственном поведении» которого во время августовских событий (телеграмма в Кремль с выражением протеста и пр.) Ю. Андропов докладывал Л. Брежневу, уже через полгода, в связи с советско-китайским конфликтом и гибелью советских солдат на Даманском, отреагировал на происходящее на Дальнем Востоке в духе созвучия официальной линии. В отношениях поэта и власти началась новая, достаточно беспроблемная полоса, чего никак нельзя сказать про активистов

диссидентского движения, людях, не пльвших по течению и не просто усомнившихся в правоте системы и сопереживавших ее жертвам, но шедших этой системе наперекор. Именно их акция на Красной площади 25 августа, вызвавшая довольно широкий резонанс, была наилучшим свидетельством того, что энтузиасты Пражской весны не были одиноки в своем стремлении к свободе.

Не у каждого есть силы на публичные протесты, страх — вполне законная и серьезная причина что-то не сделать, признает участница той акции Н. Горбаневская. Причем предел страха — у каждого свой. Вообще протест на Красной площади она называет разовым эмоциональным поступком, всплеском, имевшим нравственный смысл как проявление внутренней свободы (двигало чувство обостренной совести, самоуважения, стыда за причастность, пусть опосредованную, общей вине, чувство долга протестовать против насилия), однако куда важнее было налаживание механизма самиздата, противостоящего политике репрессий. В принципе публичный протест был делом личного выбора, за которым всегда стояли индивидуальные, конкретные мотивы. Известны слова А. Солженицына о том, что он пересилил в себе желание выступить с таким протестом: после этого его непременно заставили бы замолчать, и это помешало бы ему произвести свой «главный выкрик», связанный с «Архипелагом ГУЛАГом».

Духовные процессы в чешском обществе после 1968 г. имели тот же

вектор, что и в советском, хотя и проявились гораздо рельефнее. Из воспоминаний В. Лукина, В. Кривошеева и др. предстает довольно симпатичный образ А. Дубчека. Убежденный коммунист, как и многие люди его генерации, разочаровавшиеся в западной демократии после Мюнхена, но при этом далекий от коррупции, с очень человеческим, личным подходом к делу. Постоянно напоминавший соратникам о том, что без критики снизу невозможно руководить. При этом человек довольно осторожный и в принципе не хватающий с небз звезд. Политический вес ему придала именно Пражская весна. О разногласиях Дубчека с А. Новотным Кривошеев знал от самого Дубчека, искреннего в общении с советским журналистом. В сравнении с советскими функционерами Дубчек да и другие деятели Пражской весны казались очень демократичными руководителями, это был совсем другой тип партийных руководителей, возможно, сказывались и демократические традиции Первой Чехословацкой республики, когда даже компартия могла набраться парламентского опыта. В Дубчеке было много идеализма в ущерб политическому реализму. В середине августа на приеме по случаю приезда в Прагу Чаушеску он жаловался Кривошееву, что Москва ему не доверяет. Подозревал, что планируется ввод войск. «Внутренне он был убежден, что если доходчиво объяснить, что именно, на его взгляд, происходит в Праге — у него, мол, все под контролем, Прага послужит остальным примером, — все кончится хорошо», — отмечает В. Лукин (с. 118). В конце концов, он стал

жертвой огромного политического унижения, и это был конфликт человеческих чувств с грубой силой танков.

Образ Дубчека-идеалиста предстает и со страниц воспоминаний чехов, в которых описывается состояние эйфории, охватившей общество весной-летом 1968 г. «Мы тогда ни капельки не боялись. Это значит, что мы были наивны», — вспоминает П. Питхарт (с. 126). Эту эйфорию до известной степени разделяли и те, кто был старше него, коммунисты-реформаторы поколения 45–50-летних, исполненные чувства самокритики и ставшие на путь исправления того, что не без их непосредственного участия загубили и извратили в 1950-е гг. Однако начиная с конца августа, после того, как, по жесткому выражению журналиста, впоследствии диссидента К. Хенкина, «опьяненную небывалой свободой страну засунули в вонючий мешок и начали душить», возобладали иные настроения. Газета «Руде право», которая, не по своей воле перестроившись, с 8 сентября вновь стала исправно приходить к советскому читателю, произвела на Э. Филипович впечатление «побитой сучонки». Присутствие иностранных войск как новой реальности, в условиях которой предстояло спасти хотя бы часть реформ, осознавалось теми же журналистами, которые за месяц до этого были исполнены эйфории. Состояние шока опять-таки не могло быть длительным, потрясение постепенно сменялось некоей «стабильностью нормализации», люди привыкали к новым политическим практикам и к своим новым ролям.

На смену эйфории приходила апатия. Попытку встряхнуть общество, пробудить его от спячки своим жертвенным поступком предпринял в январе 1969 г. пражский студент Ян Палах, выбравший самый радикальный из всех мыслимых видов протеста — самосожжение (на его поступок, как показывает Т. Гланц, откликнулись и поэты русского андерграунда, обратившись к образу «огненного вознесения»). Л. Копелев в связи в том числе и с поступком Палаха писал о моральной победе побежденных. Вообще же август 1968 г. стал моментом выбора и самоопределения для целой генерации чехов и словаков. Одни избрали путь протестов, другие, напротив, сделали ставку на карьеру в условиях послеавгустовской «нормализации», превратившей не сотни, а тысячи интеллигентов в дворников, чернорабочих и истопников и приведшей к настоящему геноциду всего свежего, талантливого и нестандартного в духовной жизни чешской нации. Что же касается некогда мощных чешско-русских интеллектуальных, духовных, культурных связей, то по ним был нанесен удар сокрушительной силы (об этом пишет Т. Гланц). Советская интеллигенция проявляла огромный интерес к чехословацкой культуре 1960-х, но отнюдь не периода «нормализации». Прерываются ранее интенсивные неформальные связи ученых-гуманитариев. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулась от русской культуры едва ли не во всех ее проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 70-е гг. выставки корифеев искусства русского модернизма и авангар-

да (материалы об этом содержатся в РГАЛИ). Мало интереса друг к другу проявляли творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, — их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А. Солженицына и И. Бродского). Произошел по сути дела коллапс культурных связей сверхзапротокольного официоза. Нарушение естественного диалога культур привело к той ситуации, которую имеем сегодня. «Мы хотим видеть Россию в самых черных тонах — и нам это удастся», — заметил П. Питхарт (с. 130).

Количество ошибок и неточностей в книге не велико. Странно читать в аннотации к серьезному изданию, а также и в статье инициатора русского издания книги, А. Даниэля, об участии Румынии в силовой акции 21 августа. На самом деле национал-коммунистический режим Чаушеску от этого, как известно, дистанцировался. Кроме того, второй человек Китая Чжоу Эньлай не мог выступить с «провокационной», с точки зрения советских идеологов, речью в Бухаресте (с. 159), августовскую интервенцию он публично осудил в Пекине на приеме по случаю румынского национального праздника 23 августа. Такое давно известное явление, как «махаевщина», смешно связывать с антиинтеллигентской позицией гипотетического коллеги Э. Филипович по работе (с. 278), оно полу-

чило свое название гораздо раньше и в честь другой реально действовавшей персоны.

Пережитый в 1968 г. в том числе и многими нашими соотечественниками опыт позволяет лучше понять, почему стремление к отмежеванию от России стало в странах бывшей советской сферы влияния доминирующим после распада системы социализма. Как отмечает один российский инженер-авиаконструктор, командированный в Чехословакию на авиазавод и проводивший там длительное время, заставший там августовскую интервенцию: хотя мне тоже не нравится продвижение границ НАТО непосредственно к России, «давайте быть честными перед самими собой. Если к вам в дом входит сосед, которого ты считал — а он при этом все время старался казаться — лучшим другом, и говорит: а теперь ты будешь жить только так, как я тебе велю, что вы на это скажете? И я, видевший в конкретном натуральном выражении всю мерзость попрапия веры в мудрость и искренность “старшего брата”, могу сказать: нет у них оснований верить нам. Ну нет! Как бы мы того ни хотели» (с. 207–208).

Однако уроки из прошлого, очевидно, извлекла не преобладающая часть российского общества. До сих пор для огромного количества россиян величие государства по-прежнему ассоциируется со способностью сильной державы, не особо считаясь с нормами международного права, держать под контролем целые страны вопреки воле их народов. Настроения, в соответствии с которыми уважать Россию

можно заставить только силой, тем более живучи, что они активно культивируются современной российской властью. В сегодняшней России не менее сильны, чем в СССР в 1968 г., и комплексы враждебного окружения и осажденной крепости.

При всей привязанности программы пражских реформаторов 1968 г. к конкретно-историческому моменту, события 50-летней давности способны сегодня представить интерес не только для профессионалов-историков. Ведь требование создания

общества с «более человеческим лицом» не утрачивает актуальности и с полным правом может быть адресовано и политикам новых генераций, в том числе и в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Семенов 2004 — Семенов Н.П. Тревожная Прага. Воспоминания советского вице-консула в Чехословакии (1968–1972). М., 2004.

Шинкарев 2008 — Шинкарев Л. «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.

“WE HAVE PUT AN END TO THE SOVIET SYSTEM. 1968 CHANGED US”.

Reflections on the book about the response in the USSR to the suppression of the Prague Spring

Rev.: Vtorzhenie: Vzgljad iz Rossii. Chekhoslovakiia, avgust 1968 / sost. Iozef Pazderka. Moscow: NLO, 2016.

Stykalin Aleksandr S. — candidate of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Czechoslovakia, Prague Spring, the system of socialism, the Soviet bloc, intervention in Czechoslovakia in 1968, Brezhnev, Dubček, USSR foreign policy, public opinion in the era of socialism.

Abstract. The book containing evidence of the reaction in its variety of Soviet citizens to the Prague Spring and the August 1968 intervention in Czechoslovakia is being reviewed.

REFERENCES

Semenov N.P. *Trevozhnaia Praga. Vospominaniia sovetskogo vitse-konsula v Chekhoslovakii (1968–1972)*. Moscow, 2004.

Shinkarev L. *"Ja eto vse pochti zabyt..." Opyt psikhologicheskikh ocherkov sobytii v Chekhoslovakii v 1968 godu*. Moscow, 2008.

А. И. Филюшкин

МЕДИЕВАЛИЗМ: ПОЧЕМУ НАМ СЕГОДНЯ НУЖНЫ СРЕДНИЕ ВЕКА?

Ключевые слова: медиевализм, модерн, постмодерн, темпоральный режим, историческая имагология.

Аннотация. В середине XIX в. возникает культурный феномен медиевализма — обращения к символам и образам средневековья для описания, истолкования и интерпретации явлений и процессов нового и затем новейшего времени. Он проявляется во всех сферах жизни и культуры, от декора бытовых предметов и коммерческой рекламы до высокой культуры и искусства. В статье рассматриваются причины обращения к средневековым сюжетам и образам. Автор видит их прежде всего во внутренних тенденциях развития культуры: кризисе темпорального режима модерна, развитии исторической имагологии, дигитализации культуры, коммерциализации культуры и т. д. Развитие медиевализма также связано с психологической потребностью в мечте о красивом, чудесном, чистом мире и с политической риторикой, когда к медиевальным терминам прибегают для дефиниции современных политических процессов.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-153-162

Понятием «медиевализм» называют направление в культуре и истории идей, в котором для формирования образа современности используются символы и топосы, восходящие к средне-

вековью (*Chaganti* 2011: 147–162). История термина «медиевализм» восходит к середине XIX в. Ученые называют 1844, 1847, 1853 гг. как даты его первого употребления (*Matthews* 2011: 704–705). Поскольку

© Филюшкин А. И., 2018

Филюшкин Александр Ильич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); a.filushkin@spbu.ru

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

интеллектуальная жизнь XIX, XX и XXI вв. серьезно различается, возникло деление на «старый медиевализм» и «новый медиевализм» (Freedman, Spiegel 1998: 677–704; Фридман, Спигел 2000: 125–164; Weisl 2003; Haydock 2008; Bloch 2014).

В Западной Европе данный феномен возник и развивался прежде всего как явление культуры, литературы и искусства. Наибольшее распространение он получил в Англии с ее «артуровским циклом» (MacDougall 1982; Крамасюк 2002: 145–153; Wawn 2002; Simmons 2006; Kevin 2010; Cruise 2010: 121–140; Alexander 2017), в несколько меньшей степени — во Франции (Glencross 2000: 337–349; Morowitz 2005: 224–241), Германии (Classen 2001: 67–79; Fuhrmann 2010; Werner 2013: 239–258), скандинавских странах (Wilson 2013: 111–138; Andr n 2013: 139–158) и т. д.

Медиевализм воплощал в себе потребность в красивых легендах о прошлом, в романтическом восприятии древних времен, в красочных благородных героях прошлого и т. д. Кроме того, в XX в. он активно использовался (и используется) в политической риторике. В XIX в. слово «средневековье» изначально употреблялось с негативным оттенком, как обозначение «темной эпохи» (Matthews 2011: 696–699). Оно было даже чем-то вроде ругательства, использовалось в инвективах, когда политиков критиковали за ретроградство и грубые, дикие меры. Сегодня к образу средневековья апеллируют современные мыслители, когда надо указать на какие-то (чаще негативные, ретроградные) черты в культуре, политическом

строе, социальных отношениях в современном мире. Как писал в 1970-х гг. Умберто Эко: «С недавнего времени с разных сторон начали говорить о нашей эпохе как о новом Средневековье. Встает вопрос, идет ли речь о пророчестве или о констатации факта. Другими словами: мы уже вошли в эпоху нового средневековья, или, как выразился Роберто Вакка в своей тревожной книге, нас ожидает “ближайшее средневековое будущее”?» (Эко 1974: 259–260).

Параллели современного мира, как пишет У. Эко, со Средневековьем очевидны: те же кризис и падение империй, казавшихся вечными и определяющими мироздание на века, неуверенность в будущем, ожидание апокалипсиса (судя по господствующему сюжету в современной фантастике — зомби-апокалипсиса), экологические проблемы, кочевничество и неокочевничество, массовые исходы населения и миграции, автономизация территориальных анклавов по национальному и религиозному принципу, непонятная ситуация гибридных войн, когда война вроде бы и не объявлена и тем не менее идет постоянно, «по этим обширным территориям, где царит неуверенность, перемещаются банды асоциальных элементов, мистиков или искателей приключений». Дж. Раплей обратил внимание на то, что в странах третьего мира сегодня формируется своего рода «новое средневековье» — ослабление государства при борьбе господствующих кланов и группировок, базирующихся в сельской местности (Rapley 2006: 95–103). В качестве примера приводятся общества,

в частности, Шри-Ланки или Ямайки (Olsen 2003: 94–120; Norell 2003: 121–137). Ряд ученых связывают современный терроризм с влиянием медиевализма (Berzins, Cullen 2003: 8–32; Diken 2012: 26–44).

Эти параллели побуждают пристально взглянуть в средневековье в поисках исторического опыта. Б. Холсингер раскрыл влияние медиевализма на формирование модернистских политических концепций холодной войны (Holsinger 2010: 900–910). Дискурс средневековья привлекается в апокалиптических концепциях (например, книга Р. Вакки) (Vacca 1974) при обсуждении проблемы, что же будет после катастрофы человеческой цивилизации. Причем данная идея получила практическое воплощение в так называемой Принстонской группе, которая работала в 1950-е гг. с Центральным разведывательным управлением в США и давала консультации по выработке приоритетов в направлениях работы — в том числе и с позиций медиевализма (Holsinger 2010: 898–899).

В гносеологическом плане в построениях ученых средневековье часто играет роль своего рода «чужой страны» (по заголовку знаменитой книги Д. Лоуэнтала) (Лоуэнталь 2004), т.е. рассматривается через призму исторической имагологии. Для постижения «своего», своей идентичности необходимо наличие «чужого», которое выступает в роли «анти-Я», своего рода кривого зеркала, в котором видятся гипертрофированные черты. Можно сравнить себя с этим отражением и через выявленные отли-

чия постичь себя. Этот культурный механизм был великолепно показан в знаменитой книге Э. Саида об ориентализме как инструменте самопознания Европы (Said 1978). Медиевализм многими учеными сближается с ориентализмом в контексте имагологии как метода (Holsinger 2002: 1195–1227; Ganim 2008; Davis, Altschul 2009). Впрочем, именно в этой роли медиевализм выступал и в сфере практической политики — вспомним, что Петр I легитимацию своих реформ в общественном сознании строил на противопоставлении «России новой» и «отсталой и кондовой» Московской Руси. При этом ретроградность Руси гипертрофировалась и не соответствовала действительности, но Петру было нужно привлечь именно средневековые образы, чтобы оттенить прогрессивность своих преобразований.

В современном медиевализме отразились и некоторые актуальные культурные и психологические процессы. По словам А. Ассман, «...к двухтысячному году наметились контуры новой темпоральной ориентации, которые проявляются ныне в глобальных масштабах». Сегодня мы переживаем конец темпоральной эпохи модерна (Ассман 2017: 197). Ее главной характеристикой было линейное понимание времени по схеме: *прошлое – настоящее – будущее*, при этом будущее выступало главной целью функционирования социально-политических систем. Категория будущего придавала смысл существованию, при этом оно понималось в основном в оптимистическом, позитивном ключе, обусловленном прежде

всего неизбежным научно-техническим прогрессом (восторг социальных утопий и пессимизм антиутопий мы здесь не рассматриваем как отдельные явления). История в эпоху модерна оказывалась необычайно актуальной наукой, востребованной в качестве прежде всего науки о будущем. Именно в истории, в прошлом и в настоящем, переживаемом моменте искали обоснования будущего, корни и задатки грядущих перемен и преобразований. Собственно, история писалась как оправдание характеристик будущего развития.

Особенностью постмодерной эпохи, в которой сегодня существует человечество, является, помимо всего прочего, исчезновение будущего как значимой социокультурной категории. Все происходит сегодня и сейчас. Даже у развитых обществ отсутствует внятное представление, что будет завтра. Характерно, что планы на будущее, исключая только прогнозы по экономическому развитию и НТР (как правило, пугающие, вроде массовой безработицы из-за распространения роботов), практически исчезли не только из актуального политического и социального дискурса, но и из его культурной рефлексии. Кинематограф, литература, искусство, компьютерные игры рисуют нам в основном различные варианты апокалипсиса (катастрофы, космические войны, вымирание человечества из-за эпидемий или изменения климата, нашествие зомби и т.д.). Среди значимых и популярных фильмов, художественных и литературных произведений очень сложно обнаружить позитив-

ный образ будущего, к которому предлагается стремиться.

Зато во всем мире наблюдается значительный рост интереса к средневековью. Средневековые сюжеты востребованы в кинематографе, компьютерных играх. Расцвело фэнтези как особый литературный жанр, основанный на сказочном токовании средневековых сюжетов. Распространяются мемы в Интернете на тему «страдающего средневековья». Бурно растет историческая реконструкция, ролевые игры, базирующиеся на средневековой фабуле (толкиенисты, портериана и т.д.). Людей привлекает чудесный, простой и естественный мир средневековых людей, живущих в гармонии с природой, связанных благородными отношениями и т.д. Они играют в это, хотят видеть такой мир на страницах любимых книг и на экране кино. Обращением в прошлое они заменяют мечту о будущем.

Конечно, людей в прошлых эпохах интересует не только средневековье. Но оно обладает важным преимуществом — у него точно есть будущее в виде нового времени. Как отметил Д. Лоуэнталь, завершенность делает прошлое понятным, поскольку нам видны последствия событий (Лоуэнталь 2004: 120). Можно реконструировать цепочку: что было причиной произошедшего (прошлое) — как оно происходило (настоящее) — что было последствием (будущее). При обращении к средневековью реабилитируется линейная схема, и разбалансированная ментальность постмодерной эпохи вновь обретает темпоральное равновесие.

Еще одна современная культурная тенденция, стимулирующая обращение к медиевализму — дигитализация исторического знания. А. Ассман развивает мысль Г. Гумберта, что современные возможности оцифровки исторических источников привели к тому, что забвение стало столь же затруднительным, как и селекция по-настоящему значимых вещей: люди стремятся сохранить *все*. Отсюда общество теряет способность отбирать и оценивать информацию (Ассман 2017: 204–205). Стремительно стирается разница между научным историческим знанием, социальной и культурной памятью и конструированием реальности в компьютерных сетях. Раз границы прошлого и настоящего стираются, люди предпочитают обращаться к устоявшемуся, свершившемуся и умершему прошлому, потому что там есть хоть какие-то твердые основы и ориентиры. Увлечение медиевализмом (в числе многих других последствий дигитализации культуры) вытекает из данной культурной тенденции.

Особенность современной эпохи в достижении реальной осязаемости прошлого. Его можно не просто вообразить, но увидеть и даже в нем поучаствовать. Зритель XIX–XX вв., посещая спектакли в театре или вставку картин художников на исторические темы, отдавал себе отчет, что актеры на сцене, равно как и художники, передают в первую очередь образ средневековья и достоверны лишь в некоторых деталях. То же относилось к первым историческим фильмам (о средневековых образах в историческом кино см.: *Kevin* 1999; *Aberth* 2003;

Bildhauer 2011). Как отметил Л. Д’Арсенс, положение начало меняться при появлении мультипликации: она создает мощный эффект непосредственного контакта с исчезающими мирами (*D’Arcens* 2009: 2). В XXI в. благодаря ГИС-технологиям, компьютерной графике и моделированию мы достигли почти абсолютно достоверного воспроизведения облика объектов прошлого — мы уже совсем не ограничены техническими возможностями, и дело только за историками, которые не всегда могут обеспечить всей необходимой информацией. Прошлое в самом деле стало можно увидеть, причем не только увидеть, но благодаря компьютерному моделированию и играм еще и поучаствовать в нем. Средневековье можно больше не вообразить достаточно нажать Enter.

В этом плане особое значение приобретает сравнение Михаэля Сексона отношений «между искусством памяти, которые известны как Медиевализм, и что становится известным как “киберпространство” в современных компьютерных технологиях» (*Sexson* 1994: 15–16). Медиевализм удивительно вписывается в мышление современных поколений прежде всего своей образностью, которая по механизму возникновения очень похожа на мышление создателей виртуальных реальностей.

И самый последний аспект медиевализма связан с развитием одной из современных функций истории — функции развлекательной и коммерческой. Как заметил Д. Лоуэнгаль: «Интимная привязанность

к прошлому позволяет даже успешно им торговать» (*Лоуэнталь* 2004: 39). Медиевализм — неперменный компонент рекламы (*Ростовцев, Сосницкий* 2017: 398–416), туристического, ресторанного, гостиничного бизнеса, развлекательных постановок, праздничных гуляний (вроде «Ганзейских дней»), фестивалей исторических реконструкторов и т.д. Здесь его присутствие стабильно, начиная с нового времени, хотя в разные эпохи отличалось большей или меньшей интенсивностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.

Кратасюк 2002 — *Кратасюк Е.Г.* Присвоение Средневековья: легенды артуровского цикла в рекламе и кинематографе конца XX века // *Средние века*. 2002. Вып. 63. С. 145–153.

Лоуэнталь 2004 — *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 623 с.

Ростовцев, Сосницкий 2017 — *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Русское средневековье в коммерческой рекламе: Постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX — начало XXI вв.) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2017. № 7. С. 398–416.

Фридман, Спигел 2000 — *Фридман П., Спигел Г.* Иное Средневековье в новейшей американской медиевистике // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2000. С. 125–164.

Эко 1974 — *Эко У.* Средние века уже начались // *Иностранная литература*. 1974. № 4. С. 258–267.

Aberth 2003 — *Aberth J.* Knight at the Movies: Medieval History on Film. New York & London: Knight at the Movies, 2003. 332 p.

Alexander 2017 — *Alexander M.* Medievalism: The Middle Ages in the Modern England. New Haven: Yale University Press, 2017. 281 p.

Andrén 2013 — *Andrén A.* Medieval and Neo-Medieval Buildings in Scandinavia // *Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe* / Ed. By P. Geary and G. Klaniczay. Leiden; Boston, 2013. P. 139–158.

Berzins, Cullen 2003 — *Berzins C., Cullen P.* Terrorism and Neo-Medievalism // *Civil Wars*. 2003. Vol. 6, issue 2. P. 8–32.

Bildhauer 2011 — *Bildhauer B.* Filming the Middle Ages. London: Reaktion Books, 2011. 264 p.

Bloch 2014 — *Bloch H.* Rethinking the New Medievalism. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2014. 280 p.

Chaganti 2011 — *Chaganti S.* Under the Angle: Memory, History, and Dance in Nineteenth-Century Medievalism // *Australian Literary Studies*. 2011. Vol. 26, issue . P. 147–162.

Classen 2001 — *Classen A.* The Never-Ending Story of the (German) Middle Ages: Philology, Hermeneutics, Medievalism, and Mysticism // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 67–79.

Cruise 2010 — *Cruise C.* “Sick-sad dreams”: Burne-Jones and Pre-Raphaelite Medievalism // *The Yearbook of English Studies*. 2010. Vol. 40. No. . P. 121–140.

D’Arcens 2009 — *D’Arcens L.* Screening early Europe: premodern projections // *Screening the Past*. 2009. No. 26. P. 1–18.

Davis, Altschul 2009 — *Davis K., Altschul N.* Medievalisms in the Postcolonial World: The Idea of «The Middle Ages» Outside Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 444 p.

Diken 2012 — *Diken B.* The war against terror, Neo-medievalism and the Egyptian Revolution // *New Formations*. 2012, issue 75. P. 26–44.

Freedman, Spiegel 1998 — *Freedman P., Spiegel G.* Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies // *The American Historical Review*. 1998. Vol. 103. No. 3. P. 677–704.

Fuhrmann 2010 — *Fuhrmann H.* Überall ist Mittelalter: Von der Gegenwart einer Vergangenen Zeit. München: C. H. Beck, 2010. 328 s.

Ganim 2008 — *Ganim G.* Medievalism and Orientalism: Three essays on literature, architecture and cultural identity. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 156 p.

Glencross 2000 — *Glencross M.* Relic and Romance: Antiquarianism and Medievalism in French Literary Culture, 1780–1830 // *The Modern Language Review*. 2000. Vol. 95. No. 2. P. 337–349.

Haydock 2008 — *Haydock N.* Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages. Jefferson, London: McFarland and Company Publishers, 2008. 234 p.

Holsinger 2002 — *Holsinger B.* Medieval Studies, Postcolonial Studies, and the Genealogies of Critique // *Speculum*. 2002. Vol. 77. No. 4. P. 1195–1227.

Holsinger 2010 — *Holsinger B.* Medievalization Theory: From Tocqueville to the Cold War // *American Literary History*. 2010. Vol. 22. No. 4. P. 900–910.

Kevin 1999 — *Kevin J.* The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian Films About Medieval Europe. New York: McFarland, 1999. 316 p.

Kevin 2010 — *Kevin J.* Cinema Arthuriana: Twenty Essays. Jefferson; London: McFarland & Company Inc., 2010. 307 p.

MacDougall 1982 — *MacDougall H.* Racial Myth in English History: Trojans, Teutons and Anglo-Saxons. Montreal: Harvest House; Hanover, N. H.: University Press of New England, 1982. 146 p.

Matthews 2011 — *Matthews D.* From Medieval to medievalism: A new semantic history // *The Review of English Studies*. New Series. 2011. Vol. 62. No. 257. P. 696–705.

Morowitz 2005 — *Morowitz L.* Medievalism, Classicism, and Nationalism: The Appropriation of the French Primitifs in Turn-of-the-Century France // *Studies in the History of Art*. 2005. Vol. 68. P. 224–241.

Norell 2003 — *Norell M.* A New Medievalism? The Case of Sri Lanka // *Civil Wars*. 2003. Vol. 6, issue 2. P. 121–137.

Olsen 2003 — *Olsen G.* Neo-Medievalism in Africa: Whither Government-to-Government Relations Between Africa and the European Union? // *Civil Wars*. 2003. Vol. 6, issue 2. P. 94–120.

Rapley 2006 — *Rapley J.* The New Middle Ages // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 3. P. 95–103.

Said 1978 — *Said E.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Sexson 1994 — *Sexson M.* Miranda's Attendants: Memory, Medievalism, Cyberspace And the Soul // *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. 1994. Vol. 77. No. . P. 12–26.

Simmons 2006 — *Simmons C.* Reversing the Conquest: History and Myth in Nineteenth-Century British Literature. New Brunswick: Rutgers Univ. Pr., 2006. 271 p.

Vacca 1974 — *Vacca R.* The Coming Dark Age. St. Albans: Panther, 1974. 176 c.

Wawn 2002 — *Wawn A.* The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain. Woodbridge: D. S. Brewer, 2002. 434 p.

Weisl 2003 — *Weisl A.* The Persistence of Medievalism: Narrative Adventures in Contemporary Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 277 p.

Werner 2013 — *Werner M.* Medievalism and Modernity: Architectural Appropriations of the Middle Ages in Germany (1890–1920) // *Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe* / Ed. By

P. Geary and G. Klaniczay. Leiden; Boston, 2013. P. 239–258.

Wilson 2013 – Wilson D. The Roots of Medievalism in North-West Europe: National Romanticism, Architecture, Literature //

Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe / Ed. By P. Geary and G. Klaniczay. Leiden; Boston, 2013. P. 111–138.

MEDIEVALISM: WHY DO WE NEED IN THE MIDDLE AGES TODAY?

Filyushkin Alexander I. – doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of history of Slavic and Balkan countries, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: medievalism, modern, postmodern, temporal regime, historical imagology.

Abstract. In the middle of the XIX cent. arised a cultural phenomenon of mediaevalism. It is appealing to symbols and images of the Middle Ages for describing, interpreting and interpreting the phenomena and processes of a Modern and Contemporary Times. It manifests itself in all spheres of life and culture, from the decoration of household items and commercial advertising to high culture and art. In the paper the reasons of the reference to medieval subjects and images are considered. The author sees them primarily in the internal tendencies of the development of culture: the crisis of the temporal regime of modernity, the development of historical imagology, the digitalization of culture, the commercialization of culture, etc. The development of mediaevalism is also associated with the psychological need for a dream of a beautiful, wonderful, clean world and with political rhetoric, when medieval terms are used for the definition of modern political processes.

The work was supported by the RNF, project 16-18-10080.

REFERENCES

Aberth J. *Knight at the Movies: Medieval History on Film*. New York & London: Knight at the Movies, 2003, 332 p.

Alexander M. *Medievalism: The Middle Ages in the Modern England*. New Haven: Yale University Press, 2017, 281 p.

Andrén A. Medieval and Neo-Medieval Buildings in Scandinavia. *Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe*. Leiden; Boston, 2013, pp. 139–158.

Assman A. *Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Mos-

cow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, 267 p.

Berzins C., Cullen P. Terrorism and Neo-Medievalism. *Civil Wars*, 2003, vol. 6, issue 2, pp. 8–32.

Bildhauer B. *Filming the Middle Ages*. London: Reaktion Books, 2011, 264 p.

Bloch H. *Rethinking the New Medievalism*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2014, 280 p.

Chaganti S. Under the Angle: Memory, History, and Dance in Nineteenth-Century Medievalism. *Australian Literary Studies*, 2011, vol. 26, issue , pp. 147–162.

- Classen A. The Never-Ending Story of the (German) Middle Ages: Philology, Hermeneutics, Medievalism, and Mysticism. *Rocky Mountain Review of Language and Literature*, 2001, vol. 55, no. 2, pp. 67–79.
- Cruise C. “Sick-sad dreams”: Burne-Jones and Pre-Raphaelite Medievalism. *The Yearbook of English Studies*, 2010, vol. 40, no. ½, pp. 121–140.
- D'Arcens L. Screening early Europe: pre-modern projections. *Screening the Past*, 2009, no. 26, pp. 1–18.
- Davis K., Altschul N. *Medievalisms in the Postcolonial World: The Idea of “The Middle Ages” Outside Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009, 444 p.
- Diken B. The war against terror, Neo-medievalism and the Egyptian Revolution. *New Formations*, 2012, issue 75, pp. 26–44.
- Freedman P., Spiegel G. Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies. *The American Historical Review*, 1998, vol. 103, no. 3, pp. 677–704.
- Fridman P., Spigel G. Inoe Srednevekov'e v novejshej amerikanskoj medievistike. *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*, 2000, pp. 125–164.
- Fuhrmann H. *Überall ist Mittelalter: Von der Gegenwart einer Vergangenen Zeit*. München: C. H. Beck, 2010. 328 s.
- Ganim G. *Medievalism and Orientalism: Three essays on literature, architecture and cultural identity*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008, 156 p.
- Glencross M. Relic and Romance: Anti-quarianism and Medievalism in French Literary Culture, 1780–1830. *The Modern Language Review*, 2000, vol. 95, no. 2, pp. 337–349.
- Haydock N. *Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages*. Jefferson, London: McFarland and Company Publishers, 2008, 234 p.
- Holsinger B. Medieval Studies, Postcolonial Studies, and the Genealogies of Critique. *Speculum*, 2002, vol. 77, no. 4, pp. 1195–1227.
- Holsinger B. Medievalization Theory: From Tocqueville to the Cold War. *American Literary History*, 2010, vol. 22, no. 4, pp. 900–910.
- Jeko U. Srednie veka uzhe nachalis'. *Inostrannaja literatura*, 1974, no. 4, pp. 258–267.
- Kevin J. *Cinema Arthuriana: Twenty Essays*. Jefferson; London: McFarland & Company Inc., 2010, 307 p.
- Kevin J. *The Reel Middle Ages: American, Western and Eastern European, Middle Eastern and Asian Films About Medieval Europe*. New York: McFarland, 1999, 316 p.
- Kratasjuk E. G. Privoenie Srednevekov'ja: legendy arturovskogo cikla v reklame i kinematografe konca HH veka. *Srednie veka*, 2002, vol. 63, pp. 145–153.
- Loujental' D. *Proshloe – chuzhaja strana*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2004, 623 p.
- MacDougall H. *Racial Myth in English History: Trojans, Teutons and Anglo-Saxons*. Montreal: Harvest House; Hanover, N.H.: University Press of New England, 1982, 146 p.
- Matthews D. From Medieval to medievalism: A new semantic history. *The Review of English Studies*. New Series, 2011, vol. 62, no. 257, pp. 696–705.
- Morowitz L. Medievalism, Classicism, and Nationalism: The Appropriation of the French Primitifs in Turn-of-the-Century France. *Studies in the History of Art*, 2005, vol. 68, pp. 224–241.
- Norell M. A New Medievalism? The Case of Sri Lanka. *Civil Wars*, 2003, vol. 6, issue 2, pp. 121–137.
- Olsen G. Neo-Medievalism in Africa: Whither Government-to-Government Relations Between Africa and the European Union? *Civil Wars*, 2003, vol. 6, issue 2, pp. 94–120.
- Rapley J. The New Middle Ages. *Foreign Affairs*, 2006, vol. 85, no. 3, pp. 95–103.

- Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. Russkoe srednevekov'e v kommercheskoj reklame: Postanovka problemy i perspektivy issledovanija (vtoraja polovina XIX – nachalo XXI vv.). *Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah*, 2017, no. 7, pp. 398–416.
- Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978, 368 p.
- Sexson M. Miranda's Attendants: Memory, Medievalism, Cyberspace And the Soul. *Soundings: An Interdisciplinary Journal*, 1994, vol. 77, no. ½, pp. 12–26.
- Simmons C. *Reversing the Conquest: History and Myth in Nineteenth-Century British Literature*. New Brunswick: Rutgers Univ. Pr., 2006, 271 p.
- Vacca R. *The Coming Dark Age*. St. Albans: Panther, 1974, 176 p.
- Wawn A. *The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-Century Britain*. Woodbridge: D.S. Brewer, 2002, 434 p.
- Weisl A. *The Persistence of Medievalism: Narrative Adventures in Contemporary Culture*. New York: Palgrave Macmillan, 2003, 277 p.
- Werner M. Medievalism and Modernity: Architectural Appropriations of the Middle Ages in Germany (1890–1920) *Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe*. Leiden; Boston, 2013, pp. 239–258.
- Wilson D. The Roots of Medievalism in North-West Europe: National Romanticism, Architecture, Literature *Manufacturing Middle Ages. Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe* Leiden; Boston, 2013, pp. 111–138.

Д. Д. Копанева

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИГРОИНДУСТРИЯ

Ключевые слова: средневековье, фэнтези, русский фольклор, Русь, видеоигры, медиевализм, массовая культура, современное искусство, история, РФ.

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественных видеоигр, содержащих элементы медиевализма. Рассматриваются этапы развития этой области игровой индустрии начиная с 90-х гг. XX в. по 2018 г. Установлено, что данные игры условно можно подразделить на три группы: первая из них включает игры в антураже классического средневекового фэнтези, вторая – его славянскую версию, третья – исторические игры без или с минимальной примесью фантастики. Показана важность исторических видеоигр как инструмента презентации собственной истории вовне, формируя ее образ не только среди «своих», но и «других». Отмечено влияние игр на историческое образование путем формирования встречающихся в них сюжетов на отношении игроков к тем или иным событиям, эпохам и лицам.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-163-172

В современном мире тема интерактивных развлечений с каждым годом получает все большее развитие. Среди них отдельно можно выделить видеоигры, которые в настоящее время занимают значительную нишу в мировой массовой культуре. Благодаря своему уникальному формату видеоигры позволяют челове-

ку не только взглянуть со стороны на придуманные автором вселенные и сюжеты, но и принять в них непосредственное участие. Таким образом, к настоящему моменту видеоигры могут являться мощным инструментом передачи информации, по эффективности воздействия иногда даже превосходя литературу и кино. Однако в отличие от ситуации с литературоведением и киноведением, широко развитой специальной научной сферы, целиком посвященной видеоиграм, до сих пор не сформировано. Вместе с тем в сфере исторической науки, как отмечают исследователи, компьютер постепенно становится главным источником знаний о прошлом, в особенности для молодого

© Копанева Д. Д., 2018

Копанева Дина Дмитриевна – кандидат исторических наук, ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); d.smirnova@spbu.ru
Исследование проведено при поддержке РФФ, проект 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

поколения (Ростовцев, Сосницкий 2018: 42). В то же время видеоигра зачастую выходит за рамки сферы развлечений, превращаясь в серьезный проект, моделирующий исторические события и представляющий не только развлекательный, но и научный интерес. В этой связи жанр исторических игр может быть весьма интересен для современного историка, но тем не менее посвященных этой теме трудов к настоящему моменту крайне мало (напр.: Яблоков 2005).

Обращение к опыту средневековья, его мобилизация в современных российских условиях на сегодняшний день становится все более актуальной. Не обошло это стороной и сферу видеоигр. В этой связи внимание игровой индустрии к средневековой истории, в том числе к событиям, происходившим на территории Руси, стал побудительным мотивом для написания настоящей статьи. Ее основной целью является анализ развития разработанных в России видеоигр, содержащих элементы медиевализма, для привлечения внимания исторического сообщества к этому разделу массовой культуры.

Данные игры условно можно подразделить на несколько групп. Первую представляют собой видеоигры в антураже классического фэнтези. Они основывались на западных произведениях данного жанра, с 90-х гг. все больше проникавших на российскую почву. Их сюжеты по большей части не затрагивали реальные исторические эпохи или личности, но зато активно использовали различную мифологию и средневе-

ковую стилистику, в основном западноевропейскую. Другую группу представляют собой игры в жанре так называемого славянского фэнтези, являющиеся попыткой создания миров, которые основывались бы не на западной, а на отечественной истории и мифологии. Сюда же можно отнести игры, посвященные традиционному русскому фольклору. Наконец, последнюю группу представляют исторические игры, ставящие своей целью моделирование реальных исторических эпох и событий, с большей или меньшей степенью достоверности.

Появление отдельных видеоигр от русских разработчиков относится еще ко временам СССР, однако массового распространения они в тот период не получили по причине отсутствия у большинства населения доступа к компьютерам или иным платформам для их запуска. Ситуация постепенно начинает меняться с приходом 1990-х гг., когда, с развитием технологий и их большей доступностью на российском рынке, появляется спрос на видеоигры. В этот период в отечественных играх начинает развиваться и средневековая тематика, выраженная, впрочем, по большей части во внешних ее атрибутах или же фольклорных мотивах. К одному из самых ранних подобных примеров можно отнести игру, посвященную русскому рукопашному бою «Соборъ» (1991), а также вышедшую в 1992 г. игру «Ворона», героями которой выступают Иван-Дурак и персонажи русских сказок. В следующем году увидела свет головоломка «Sadko» (1993). Ее действующим лицом, как сле-

дует из названия, стал известный былинный персонаж. В 1994 г. появилась игра «Tsarevna: a Medieval Russia Quest», сеттинг которой прямо позиционировался как средневековый. Данный проект, судя по обещанию игроку во вступлении показать не ту Россию, «которой вас пугали, когда вы были помоложе», а средневековую, был больше рассчитан на западную аудиторию. Возможно, по этой причине мир игры изобилует архетипическими и стереотипными образами. Подобные средневековые элементы использовались и в первой российской компьютерной игре жанра шутера от первого лица «Подземелья Кремля» (1995). Так, например, одним из видов врагов здесь выступали призраки бояр, а ковш живой воды повышал уровень здоровья персонажа. В последующие два года вышли еще две игры на основе русского фольклора — «Алмазный птах» (1996) и «Сказки на бересте: Хожение за тридевять земель» (1997), где снова использовалась сказочно-древнерусская тематика. В 1998 г. средневековые русские элементы были даже включены в игру «Битвы империй: Ацтеки», посвященную фантастическому противостоянию Ацтекской империи, Руси и Китая.

Таким образом, стоит отметить, что в большинстве игр периода ранних девяностых элементы медиевализма носили скорее декоративный характер и использовались для придания им «русского колорита», часто в сатирическом смысле. Во многом на это влиял тот факт, что концепции, а иногда и многие технические элементы большинства отечествен-

ных игровых проектов брались у западных популярных аналогов. Традиционные же русские элементы должны были подчеркнуть их самобытность и оригинальность. По этой же причине в играх того времени часто встречаются тематика и элементы, связанные с СССР и эпохой холодной войны.

С развитием операционной системы Windows у разработчиков появилось больше возможностей для улучшения графической составляющей. В 1998 г. была создана любительская игра «Аркона», посвященная древнеславянской языческой тематике, выраженной, впрочем, скорее в авторской, чем исторической интерпретации. Однако произошедший в том же году дефолт, который сильно ударил по всей игровой индустрии, повлиял на выход игры, для широкого круга пользователей она стала доступна только в середине 2000-х гг. Тем не менее тема славянской мифологии получила свое развитие в игре «Орда: Северный ветер» (1999) и ее продолжении «Орда 2: Цитадель» (2001). В 1999 г. также вышла стратегия «Сварог», посвященная борьбе славянского племени с врагами, в которых угадываются черты немцев. Наиболее же ярким примером жанра славянского фэнтези стала игра «Князь: легенды лесной страны» (1999), которая была выпущена российской компанией 1С, существующей до сих пор. Игра имела успех, издаваясь как в России, так и за рубежом, и впоследствии получила целый ряд продолжений: «Князь 2: Кровь титанов» (2003), «Князь 2: продолжение легенды» (2004) и «Князь 3: новая династия»

(2009). Относясь к жанру ролевых игр, где игроку предлагается взять на себя роль персонажа, которого можно развивать в соответствии с собственными предпочтениями, игра сосредотачивалась вокруг героев (славянина, викинга и византийца), путешествующих по вымышленному миру, имеющему множества отсылок к реальному средневековому прошлому славянских земель. Она также содержала и элементы стратегии, позволяя игроку не только исследовать мир, но и встать во главе собственных поселений, управляя их развитием.

Помимо серии «Князь», в жанре славянского фэнтези с 2001 по 2003 г. вышло несколько игр серии «Златогорье». Так же как и «Князь», они представляли из себя ролевые игры с изометрической перспективой, но на этот раз без элементов стратегии. Аналогичный пример представляли собой игры «Закрытие» (2002) и «Талисман» (2003), посвященные сказочной русской мифологии и славянскому фольклору. Такое обилие схожих игр в славянском языческом антураже отчасти было связано с общей популярностью в мире жанра ролевых игр. По своей механике и внешнему виду вышеупомянутые отечественные серии были похожи на знаменитые во всем мире американские игровые вселенные «Arcanum» и «Fallout». Таким образом, добавление славянских средневековых мотивов здесь могло быть отчасти обусловлено теми же причинами, что и в играх девяностых — прежде всего, приданием отечественным играм оригинальности и русского колорита.

Подобные тенденции в игровых вселенных отечественных авторов также могут быть отражением общего интереса к славянскому языческому прошлому, наблюдавшемуся в тот момент в массовой российской культуре. Одним из его проявлений была серия книг М.В. Семеновской «Волкодав». После выхода в 2006 г. фильма «Волкодав из рода Серых Псов», созданного по мотивам книг, были выпущены сразу две игры: «Волкодав: Последний из рода Серых Псов» (2006) и «Волкодав: Путь воина» (2007). Эти произведения являются классическим примером жанра славянского фэнтези. Их действие происходит в вымышленном мире, где без труда угадываются раннеславянские элементы. Несмотря на то, что фильм целиком окупился в прокате (хотя и получил множество негативных отзывов от критиков), игры о Волкодаве не приобрели особой популярности, в основном по причине слабой технической и сюжетной составляющей.

Стоит сказать, что выпуск видеоигр по мотивам крупнобюджетных фильмов и мультфильмов является устоявшейся мировой практикой. Данные игры, как правило, не имеют особой оригинальности, полностью или частично копируя мир и персонажей своего первоисточника, а цель их выпуска заключается по большей части в коммерческой прибыли. В середине 2000-х большой популярностью тема отечественного фольклора и средневековья пользовалась в мультипликации. Это способствовало развитию данной тематики и в игровой индустрии. В 2006 г. вышла

игра по мультфильму «Князь Владимир» о крестителе Руси Владимире. С выходом известных отечественных серий мультфильмов студии «Мельница» про богатырей и Ивана Царевича, увидел свет целый ряд одноименных игр по их мотивам, рассчитанных в основном на детскую аудиторию. Однако образ богатырей использовался в этом время и при создании авторских проектов. Подобным примером может служить вышедшая в 2008 г. игра «Три Богатыря» (Fairy Tales: Three Heroes), действие которой происходит в мире древнерусского средневековья, при наличии фольклорных мотивов.

Выход игр по книгам отечественных авторов также является характерным явлением для отечественной игроиндустрии. Помимо уже упоминавшихся книг М. В. Семеновой, в 2007 г. для создания онлайн-игры в древнерусском фэнтези-сеттинге под названием «Троецарствие» был использован цикл книг Ю. А. Никитина. В том же 2007 г. появилась игра «Трудно быть богом». Несмотря на совпадающее с известным произведением братьев Стругацких название, игра не повторяет, а продолжает его сюжет. Как и в книге, действие происходит на вымышленной планете, мир которой представлен в классическом средневековом антураже. В 2008 г. игровую адаптацию получила книга известного российского писателя С. В. Лукьяненко и его соавтора Ю. С. Буркина «Остров Русь». Ее действие происходит в классическом древнерусско-сказочном мире, где исторические персонажи соседствуют с фольклорными. В 2018 г.

была выпущена отечественная игра «Ash of Gods: Redemption», сценарий для которой также был написан российским писателем-фантастом — С. В. Малицким. На этот раз мир игры отражает вымышленное западноевропейское средневековье, со значительными фэнтези-элементами. Примечательно, что саундтрек для «Ash of Gods: Redemption» был сочинен польскими композиторами, участвовавшими в создании музыки для многих успешных видеоигр, среди которых «Ведьмак» — одна из наиболее известных игровых серий в сеттинге средневекового фэнтези.

Необходимо отметить, что в последние годы игровая индустрия демонстрирует менее стойкий интерес к тематике славянского фэнтези. Подобная ситуация стала одним из мотивов создания артбуков серии «Сказки Старой Руси», где автор изображает персонажей отечественного фольклора в образе героев гипотетических видеоигр в жанре РПГ (ролевой игры) (Пансуев 2018). В целом эти образы напоминают стереотипные представления о героях классического западноевропейского фэнтези, которые на протяжении долго времени не теряют своей актуальности, в том числе и для российских разработчиков. Ярким примером создания игр в подобном антураже служит серия «King's Bounty», которая имеет интересную историю. Оригинальная игра, автором которой была американская студия New World Computing, вышла в 1990 г. Игра была полностью англоязычной, что затрудняло ее распространение в странах СНГ, однако на их

территории, в том числе и в России, огромную популярность получило ее неофициальное продолжение, выпущенное в 1993 г. украинским программистом С.В. Прокофьевым. Русскоязычная «King's Bounty 2» воспринималась автором как хобби-проект, разрабатывалась им практически в одиночку (при поддержке знакомого А. Сало) и не планировалась для коммерческого выпуска (Рытиков 2013: 9). Тем не менее ее успех послужил платформой для целого цикла продолжений, также не имеющих никакого отношения к оригинальной игре 1990 г. Официальные права на серию позднее были выкуплены упомянутой выше российской компанией 1С, в 2008 г. выпустившей игру «King's Bounty. Легенда о рыцаре». Сама игра, а также ее продолжения («King's Bounty: Принцесса в доспехах» (2009), «King's Bounty: Перекрестки миров» (2010), «King's Bounty: Воин севера» (2012), «King's Bounty: Темная сторона» (2014)) получили довольно высокие оценки критиков. В 2011 г. была даже выпущена особая версия «King's Bounty: Legions» для мобильного платформ и социальных сетей. В 2015 г. уже российским программистом С. Маркиным¹, который, как и С.В. Прокофьев, не имел коммерческого интереса, был создан ремейк оригинальной «King's Bounty».

Кроме вышеупомянутой серии, большой успех не только в России, но и мире имела отечественная

¹ Сам С. Маркин (под псевдонимом Oulenspiegel) рассказывал об истории создания ремейка на одном из интернет-ресурсов: URL: habr.com/post/266805/ (дата обращения: 10.08.2018).

игровая фэнтези-вселенная «Аллоды», в рамках которой вышло множество игр на разнообразных платформах. Ее разработчики – российская студия Nival – были авторами многих подобных проектов, выполненных в антураже классического фэнтези.

Игры жанра фэнтези, хоть и по большей части не содержат исторически достоверных персонажей и сюжетов, могут служить примером того, как элементы средневековья проникают в современную массовую культуру. Как отмечал Ф.М. Панфилов, «даже если вместо полноценного псевдосредневекового мира в игре присутствуют только его внешние черты, они уже могут служить свидетельством спроса на Средние века» (Панфилов 2016: 75). Тем не менее наибольший интерес для нас представляют видеоигры исторического жанра.

Одним из наиболее ранних примеров российской игры, ближе всех подходящей под определение исторической, стала военная стратегия об эпохе феодальной раздробленности на Руси «Третий Рим: борьба за престол» (1997). Жанр стратегий был и остается популярной формой для игр со средневековым уклоном, поскольку позволяет легко и наглядно моделировать военный и экономический аспект любой эпохи, как в локальных, так и в глобальных масштабах. Это во многом роднит его с традиционными настольными играми. Большинство военных стратегий сосредотачивается на управлении войсками и захвате территорий, однако «Третий Рим: борьба за престол» содержала так-

же элементы градостроительства, дипломатии и экономики. Управление происходило на карте, воспроизводящей реальные границы того времени, что, несмотря на скромное оформление, позволяло игроку погрузиться в исторические реалии.

Как было сказано выше, на рубеже XX–XXI вв. тема исторического средневековья в играх не занимала какой-либо значительной ниши, уступая место фэнтезийным вселенным. Ситуация изменилась лишь в конце 2000-х гг., когда в среде отечественных разработчиков постепенно начал пробуждаться интерес к историческим играм без примеси фантастических элементов. В 2008 г. вышла стратегия, посвященная временам татаро-монгольского нашествия, под названием «Золотая орда». Ее авторами были разработчики из воронежской студии World Forge. Стоит отметить, что данная игра стала третьей частью их серии «Войны Древности», однако первые две игры не имели никакого отношения к отечественной истории и средневековью, а их действия разворачивались на территории Древней Греции. В «Золотой орде» игроку предлагается выбрать одну из сторон — монголов, русичей или тевтонцев. В зависимости от выбора стороны конфликта сюжет предложит соответствующие реальные исторические события. Так, например, при игре за монголов можно увидеть эпизоды нашествия на Русь, а линия русичей предлагала поучаствовать в Невской битве и Ледовом побоище. Немаловажным аспектом было внимание к деталям, благо-

даря которым каждая из представленных в игре наций кардинально отличается друг от друга, имея ряд особенностей, которые также были исторически обоснованы.

В 2009 г. свет увидел еще один исторический проект российских авторов — «Империя: Смутное время». Разработчики взяли за основу сравнительно небольшой, по меркам стратегических игр, промежуток времени, сосредоточившись на событиях 1350–1650 гг. из истории Руси, Польши и Великого Княжества Литовского. Игрок может выбрать одну из 26 сторон, в число которых входят многочисленные Русские княжества, Ливонский орден, Тевтонский орден, Королевство Шведское, Речь Посполитая, Силезское воеводство, Галицийское воеводство и т.д. Многие из представленных в игре исторических фракций и сторон являются уникальными, не встречаются в других играх, в связи с чем данная игра, даже не отличаясь особой оригинальностью, представляет большой интерес. Также важно отметить наличие так называемых «исторических заданий»: во время игры на глобальной карте игрок может сталкиваться с определенными игровыми сюжетами, имеющими под собой реальные исторические события, которые происходят сообразно реальным территориям и датам.

Интерес к средневековым играм в этот период постепенно стал выходить за рамки кругов профессиональных студий и разработчиков. Так, появлялось немало неофициальных дополнений (модификаций или «модов»), где в качестве

фундамента брались программные коды и графические наработки высокобюджетных игр, а сверху уже надстраивались новые сюжетные линии, карты и т. д. Авторами таких модификаций чаще всего становились любители и энтузиасты, не связанные с крупными студиями, а сами проекты распространялись в основном через Интернет. Хотя такую продукцию нельзя назвать в полной мере оригинальной, она свидетельствует об интересе к теме средних веков среди широких кругов населения.

Любопытный околоисторический проект представляет из себя вышедшая в 2017 г. игра от калининградской студии HeroCraft «Strategy & Tactics: Dark Ages». Мир игры представляет собой альтернативное средневековье, где игрок может комбинировать армии разных стран и периодов, чтобы привести свое войско к победе.

Стоит отдельно отметить жанр многопользовательских игр, который предполагает одновременное участие в игровом процессе сразу нескольких игроков. В последние годы этот жанр очень популярен среди разработчиков, т. к. предполагает неограниченные финансовые вложения со стороны игрока. Часто встречается в них и средневековая тематика. Однако в основном миры этих игр являются преимущественно фэнтезийными или же используют незначительные элементы медиевализма. Тем не менее наиболее свежим примером отображения реалистичного средневековья в видеоиграх является отечественная «Life is Feudal», вышедшая в 2018 г.,

представляющая из себя мультиплеерную онлайн-игру. Несмотря на то, что ее мир представляет собой вымышленную, а не реальную страну, фантастические элементы в нем отсутствуют, что позволяет игроку погрузиться в относительно историчные средневековые реалии. Игровой процесс не ограничен сюжетными рамками и по большей части заключается в необходимости выжить и достичь успеха в постоянно развивающемся и меняющемся мире. Стоит отдельно отметить, что другие жители этого мира управляются не искусственным интеллектом, а реальными людьми, максимально, насколько это возможно, приближая игровой опыт к реальной жизни.

Таким образом, проведенное исследование показало, что развитие медиевализма в отечественной игровой индустрии проходило несколько этапов. В девяностые годы разработчики часто обращались к средневековью ради придания своим играм исконно русского колорита, а сами элементы медиевализма заключались в основном в стереотипах и архетипах. В конце девяностых – начале двухтысячных на фоне интереса к западному фэнтези и раннеславянской истории стали появляться игры с фантастическим сеттингом, основанные на мифах и быте древних славян. К сожалению, на их фоне игры с достоверным историческим сюжетом и окружением представляют меньшинство. Наибольшее количество игр, опирающихся на реальные исторические эпохи или же их близкие аналоги без примеси фантастических элементов, выходит только

в конце 2000-х гг., причем основное внимание уделялось жанру военных стратегий. В настоящее время все большую популярность набирает сфера онлайн-игр, где также появляются проекты на средневековую тематику. Можно отметить, что среди проектов отечественных разработчиков мы не наблюдаем таких крупных, посвященных средневековой игр, как польский «Ведьмак» или чешский «Kingdom Come: Deliverance», которым удалось приобрести мировую известность и тем самым популяризовать историю и культуру своих стран. Тем не менее отечественная индустрия демонстрирует определенный потенциал. Примечательно, что видеоигры, распространяясь посредством сети Интернет, чаще всего имеют возможность выйти на глобальный уровень. Соответственно, важность исторических видеоигр заключается еще и в том, что они могут нести элемент презентации собственной истории вовне, формируя ее образ не только среди «своих», но и «других».

Важно осознавать, что встречающиеся в видеоиграх исторические сюжеты и элементы во многом формируют отношение к тем или иным событиям, эпохам и лицам. Из-за их широкой распространенности в среде школьников и студентов нельзя игнорировать тот факт, что они оказывают определенное влияние на сферу образования. Можно согласиться с высказываемым в литературе суждением, что одна из уникальных особенностей исторических игр заключается

в возможности показывать не то, что происходило, но как это происходило, создавая у потенциальных игроков представление о логике исторического процесса, не навязывая его содержание. (Черный 2017: 79). В этой связи для современного историка крайне важно учитывать многоплановый потенциал исторических видеоигр (в том числе и на средневековую тематику) для его последующего использования в своей работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Панфилов 2016 — Панфилов Ф. М. Средневековые песочницы: медиэвализм в компьютерных играх начала XXI века // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. №3 (107). С. 64–77.

Пансуев 2018 — Пансуев Р. В. Сказки Старой Руси. М.: Издательство «Э», 2018. 272 с.

Ростовцев, Сосницкий 2018 — Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // Историческая перспектива. 2018. №1. С. 41–58.

Рытиков 2013 — Рытиков В. От King's Bounty 2 до героев Мальгрии и дальше: интервью с Сергеем Прокофьевым // Downgrade. №8. 2013. С. 8–10.

Черный 2017 — Черный С. Ю. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis IV») // Шаги / Steps. 2017. Т. 3. №2. С. 77–97.

Яблоков 2005 — Яблоков К. В. Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг.: проблемы интерпретации исторической информации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 23 с.

MIDDLE AGES AND RUSSIAN VIDEOGAME INDUSTRY

Kopaneva Dina D. – PhD in history, Senior Lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: medieval age, fantasy genre, Russian folklore, Rus', videogames, medievalism, mass culture, modern art, history, Russian Federation.

Abstract. The article is focused on the analysis of Russian videogames that include elements of medievalism. Different development stages of this area of videogame industry are observed, beginning up from 1990's until 2018. It's concluded that we could divide these games into three categories: the first one contains games in classic medieval fantasy setting, the second – its Slavic version, and the third – historical medieval games with no or very little fantastical features. It is shown that videogames can be a very important instrument of presenting a country's own history to the outside world, forming an image of itself not only for "the own" but also for "the others". The article notices the influence of videogames on historical studies in the way of constructing through storytelling the attitude of players towards different historical events, ages and individuals.

REFERENCES

Cherny`j S.Yu. Konstruirovaniye proshlogo v videoigrax: igrok kak potrebitel` i soavtor istoricheskogo narrativa (proekt «Europa Universalis IV»). *Shagi / Steps*, 2017, vol. 3, no 2, pp. 77–97.

Panfilov F.M. Srednevekovy`e pesochnicy: medievalizm v komp`yuterny`x igrax nachala XXI veka. *Neprikosnovenny`j zapas. Debaty` o politike i kul`ture*, 2016, no. 3 (107), pp. 64–77.

Papsuev R.V. *Skazki Staroj Rusi*. Moscow: Izdatel`stvo "E", 2018, 272 p.

Rostovcev E.A., Sosniczkii D.A. Srednevekovy`e geroi i soby`tiya otechestvennoj istorii v setevy`x resursax. *Istoricheskaya perspektiva*, 2018, no. 1, pp. 41–58.

Ry`tikov V. Ot King's Bounty 2 do geroev Mal`grimii i dal'she: interv`yu s Sergeem Prokof`evy`m. *Downgrade*, no. 8, 2013, pp. 8–10.

Yablokov K.V. *Komp`yuterny`e istoricheskie igry` 1990–2000-x gg.: problemy` interpretacii istoricheskoy informacii: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk*. Moscow, 2005, 23 p.

ДОПЕТРОВСКАЯ РУСЬ В ЖАНРЕ ИНТЕРНЕТ-АНЕКДОТА

Ключевые слова: историческая память, средневековая Русь, анекдоты, сетевые ресурсы, Иван Грозный.

Аннотация. В фокусе статьи современные анекдоты, связанные с объектами памяти допетровской Руси, представленные в сетевом пространстве. Исследуются вопросы, связанные с ролью интернет-анекдотов в формировании карты памяти российского общества, рассматривается потенциал анекдотов как инструментов политики памяти. Отмечается значение изучения анекдотов в рамках *memory studies*, выдвигаются предположения об анекдотах как маркерах идеологического конструирования истории. В частности, анализируются анекдоты об Иване Грозном как первом по времени значимом конфликтном объекте на карте памяти современного российского общества.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-173-184

Тематика, связанная с ролью народной смеховой культуры в формировании пространства исторической памяти, так или иначе затрагивалась в историографии (см., напр.: *Монахова* 2007; *Карасев*, *Смагулов* 2015). Другое дело, что проблемное поле, которое оказывается в фокусе исследования

подобного рода, очевидно, носит междисциплинарный характер, находясь в контексте штудий филологии, философии, истории, культурологии, этнологии, социологии (*Карасик* 1997; *Лендваи* 2001; *Шмелева*, *Шмелев* 2002; *Мельниченко* 2011 и др.). Этим обусловлены определенные методологические сложности в формулировании исследовательских вопросов и в поиске ответов на них. Предмет рассмотрения настоящей статьи ограничен изучением *современных интернет-анекдотов* о героях допетровской Руси. В рамках серии исследований, посвященных механизмам мобилизации образов средневековья в современной культуре, для нас важно понять роль и место этого источника в общем информационном потоке, фор-

© Ростовцев Е. А. 2018

Ростовцев Евгений Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); e.rostovtsev@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в курсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080. Выражаю искреннюю признательность за помощь в работе над статьей канд. ист. наук Д. А. Солицкому.

мирующем историческую память о допетровской Руси (библиографию работ по проекту см.: (Карточка проекта 2018)).

Современные анекдоты как жанр стали предметом кодификации и интенсивного изучения начиная с рубежа 1980–1990-х гг., когда это позволили цензурные условия советской/российской действительности (1001 избранный советский политический анекдот 1986; Вот такой вот анекдот 1990; Анекдот – улыбка жизни 1990; Советский анекдот 1991; 1992 и др.). Перед составителями таких изданий, ориентированных на определенную читательскую аудиторию, как правило, не стояла непосредственная задача репрезентативной выборки популярных анекдотов, бытующих в обществе. В этой связи наиболее адекватным инструментом для выявления круга как интересующих нас нарративов, так и объектов ис-

торической памяти, с ними связанных, является современная интерактивная информационная среда Рунета (как явление интернет-анекдоты также являются предметом междисциплинарного изучения (Сычев 2018; Лутовинова 2007; Тарасенко 2009; Ерофеев 2010; Дементьев 2017)). В нашей работе мы использовали три сетевых ресурса, интегрированные данные которых дают достаточно объективную картину. Их краткая характеристика представлена в табл. 1.

Как показывают данные табл. 2, порядка 30 % упоминаемых исторических лиц относится к допетровскому периоду, однако большинство из них имеет очень малочисленные (а иногда и единичные) упоминания.

Эта ситуация в целом отражает картину популярности героев русской истории допетровского

Таблица 1

Характеристика сетевых ресурсов / коллекций интернет-анекдотов

	Анекдоты из России https://www.anekdot.ru	Nekdo.ru. Свежие анекдоты, шутки, приколы https://nekdo.ru	Приколы https://prikol.i.ua
Хронологические рамки	8.11.1995 – по настоящее время	? – по настоящее время	2006 – по настоящее время
Принципы формирования контента	Носит интерактивный характер (пополняется пользователями)	Пополняется администратором ресурса	Носит интерактивный характер (пополняется пользователями)
Специфические особенности ресурса	Самый популярный ресурс, имеет относительно большие группы в соцсетях. Есть версии для мобильных устройств	Большая аудитория у одноименной группы в социальной сети «Одноклассники», что позволяет сделать предположение о ориентации ресурса на представителей старшего поколения	Основное содержание ресурса занимает различный мультимедийный контент, а не анекдоты

Сост. по: (Свежие анекдоты, шутки, приколы 2018; Анекдоты из России 2018; Приколы 2018)

Таблица 2

**Объекты исторической памяти в анекдотах
(по данным сетевых ресурсов)**

Рей- тинг	Объект (герой или событие)	Наименование сетевого ресурса		
		Анекдоты из России https://www. anekdot.ru	Nekdo.ru. Свежие анекдоты, шутки, приколы https:// nekdo.ru	Приколы https://prikol.i.ua
1.	Путин	1000	371	425
2.	Ленин	557	89	206
3.	Ельцин	307	10	38
4.	Сталин	287	55	113
5.	Брежнев	193	9	66
6.	Горбачев	128	7	10
7.	Хрущев	74	18	25
8.	Менделеев	65	20	37
9.	Достоевский	62	3	30
10.	Иван Грозный	59	4	10
11.	Петр Первый	56	1	точный подсчет затруднителен
12.	Гагарин	54	9	36
13.	Кутузов	44	14	41
14.	Лев Толстой	29	1	точный подсчет затруднителен
15.	Суворов	26	7	9
16.	Андропов	25	2	5
17.	Пушкин	22	36	159
18.	Ломоносов	17	4	11
19.	Александр Нев- ский	16	0	6
20.	Екатерина II	15	1	точный подсчет затруднителен
21.	Юрий Долгору- кий	12	0	0
22.	Минин и Пожар- ский	11	0	0
23.	Князь Владимир Святой	10	0	0
24.	Рюрик	8	2	0
25.	Борис Годунов	6	0	4
26.	Столыпин	5	1	0
27.	Николай II	5	0	0
28.	Вещий Олег	4	0	0
29.	Степан Разин	4	1	0
30.	Емельян Пугачев	4	0	4
31.	Дмитрий Дон- ской	2	0	1
32.	Малюта Скуратов	2	0	0

Рейтинг	Объект (герой или событие)	Наименование сетевого ресурса		
		Анекдоты из России https://www.anekdot.ru	Nekdo.ru. Свежие анекдоты, шутки, приколы https://nekdo.ru	Приколы https://prikol.i.ua
33.	Княгиня Ольга	1	0	0
34.	Владимир Мономах	1	0	0
35.	Иван Калита	1	0	0
36.	Павел I	1	0	0
37.	Николай I	1	0	0
38.	Александр II	1	0	0
39.	Александр III	1	0	0

Сост. по: (Свежие анекдоты, шутки, приколы 2018; Анекдоты из России 2018; Приколы 2018)

времени в кругу источников памяти и социологических опросах (см. табл. 3). Как показано в литературе, средневековая Русь в целом занимает второстепенную позицию в ландшафте национальной исторической памяти, в том числе в сетевом контенте (Ростовцев, *Сосницкий* 2018).

Как видно из данных табл. 3, единственный средневековый объект первой десятки общего рейтинга национальных героев – Иван Грозный. В хронологическом порядке персонажи, имеющие статистически значимые показатели, выстраиваются следующим образом: *Рюрик, Олег Вещий, Владимир Святой, Юрий Долгорукий, Александр Невский, Иван Грозный, Борис Годунов, Минин и Пожарский, Степан Разин*. Какой же образ этих героев дает рассматриваемый контент?

Разумеется, как источник формирования исторических представлений анекдоты имеют жанровую специфику. Как известно, одним из свойств народной смеховой

культуры является десакрализация того, что в официальной культуре возносится на пьедестал и музеефицируется. В полной мере эта особенность отражена и в таком проявлении этой культуры, как анекдоты, тем более что они в своей основе диалогичны, имеют разговорную природу. Очень часто в анекдотах, независимо от предмета и идейной направленности, присутствуют вульгаризмы, нецензурные выражения. Распространены они и в отношении сакральных для официальной исторической культуры и безусловно положительных («консенсусных») объектах национальной памяти. Характерны в этом смысле анекдоты о Владимире Святом / Красно / Ясно Солнышко. Приведем типичный пример:

Пришел как-то посол к князю Владимиру Великому и спрашивает:

– Скажи-ка князь, а почему тебя все кличут «Владимир Ясно Солнышко»?

Тот ему и отвечает:

– Тут понять-то не мудрено... Вот по правую руку от меня сидит воievo-

**Рейтинг локальных объектов исторической памяти
в проанализированных источниках (1990-е — 2018 г.)**

Место в рейтинге	Исторические анекдоты	Художественная/публицистическая литература	Рейтинг популярности страниц героев истории России в русскоязычном сегменте «Википедии»	Всероссийский социологический опрос (2009)	Социологический опрос, наиболее значимые объекты (2011)
1.	Путин	Петр I	Путин В. В.	Петр I	Петр I
2.	Ленин	Пушкин	Пушкин А. С.	Ленин	Сталин
3.	Ельцин	Сталин	Екатерина II	Сталин	Ленин
4.	Сталин	Ленин	Сталин И. В.	Екатерина II	Иван Грозный
5.	Брежнев	Иван Грозный	Петр I	Суворов	Менделеев
6.	Горбачев	Екатерина II	Ленин В. И.	Ломоносов	Пушкин
7.	Хрущев	Толстой	Николай II	Пушкин	Ломоносов
8.	Менделеев	Николай II	Иван Грозный	Менделеев	Екатерина II
9.	Достоевский	Елизавета Петровна	Брежнев Л. И.	Александр II	Кутузов
10.	Иван Грозный	Пугачев	Ломоносов М. В.	Екатерина I	Суворов
11.			Горбачев М. С.	Кутузов	Путин
12.			Достоевский Ф. М.	Николай II	Николай II
13.			Ельцин Б. Н.	Иван IV Грозный	Александр Невский
14.			Хрущев Н. С.	Александр Невский	Ельцин
15.			Александр II	Пугачев	Гагарин
16.			Александр I	Минин и Пожарский	Горбачев
17.			Александр Невский	Лев Толстой	Александр II
18.			Николай I	Юрий Долгорукий	Столыпин

Сост. по: (Сосницкий 2015; Цыпкин и др. 2009; Анекдоты из России 2018 (рейтинг подсчитан по материалам за период с 09.11.1995 по 30.08.2018); Википедия 2018 (рейтинг подсчитан по материалам за период с 1.07.2015 г. по 30.08.2018 г.))

да, он руководит всем моим войском, он моя правая рука. А по левую руку сидит князь Олег, он держит всех бояр и руководит экономикой. А передо мной сейчас стоишь ты... И если будешь мне дурацкие вопросы задавать, я тебя в ж@пу вы@бу! Ясно, салмышко? (Пришел как-то посол... 2018).

Надо отметить, что абсолютное большинство (около 60%) анекдотов о допетровских героях имеет идеологизированный характер (в отличие от анекдотов о героях Нового времени), скорее отличаясь по культурным горизонтам аудитории. Трудно, например, выявить

идеологический посыл таких анекдотов про Рюрика или Александра Невского:

Разговор двух потомственных аристократов:

– Я смог установить своих предков вплоть до Рюрика! А как обстоит дело с твоим генеалогическим деревом?

– К сожалению, ничего не могу сказать – наши родовые бумаги утонули во время Всемирного потопа (Разговор двух потомственных аристократов... 2018).

Меня в турецком отеле назвали Александром Невским, потому что я победил шведский стол (Меня в турецком отеле... 2018).

– Да-а, перевелись на Руси настоящие рыцари.

– Давно, последних разбил на Чудском озере еще Александр Невский (Перевелись на Руси настоящие рыцари... 2018).

Вопрос армянскому радио:

– Почему Юрий Долгорукий не мог пройти еще пару недель и основать Москву южнее?

Ответ:

– Потому что он Долгорукий, а не Долгоногий (Вопрос армянскому радио... 2018).

В то же время около 40 % анекдотов все же очевидно несут определенную идейно-политическую нагрузку. Большинство из них скорее «радикально-либеральны» (порядка 2/3), по крайней мере, их вполне можно интерпретировать как критически относящиеся к существующему режиму и его политике памяти. Приведем два примера, где упомянуты

сразу несколько средневековых героев (большинство из которых в официальном дискурсе безусловно положительно):

Николай II, печально известный автор Кровавого воскресения и других, не менее добрых дел, Дмитрий Донской, сделавший нарушение заповеди «Не убий» своей основной профессией, княгиня Ольга, двадцать старейшин древлян закопавшая живьем и порубившая тысячи древлян, справляя тризну по мужу, и прочие святые в законе содержатся в Раю Строгого Режима для особо опасных святых (Николай II, печально известный автор... 2018).

Следственный Комитет России окончательно перестанет заниматься расследованиями неважных дел – убийств, краж, грабежей и изнасилований, а займется по-настоящему важными для россиян расследованиями – убийством Николая II, установлением личности Лжедмитрия, убийством сына Ивана Грозного, князей Бориса и Глеба и, наконец, убийством Каином Авеля (Следственный комитет России... 2018).

Немало анекдотов актуализирует прошлое «по аналогии» с настоящим или обыгрывает имя нынешнего президента России:

Во всем виноваты бабы. Иван Грозный развелся – устроил опричнину. Петр Первый развелся – пробурил окно в Европу. Сталин развелся – устроил репрессии. Даже боюсь продолжать аналогии (Во всем виноваты бабы... 2018).

– Мне кажется, большинство российской молодежи считает, что князь Владимир жил и правил в Москве.

– Да, и многие, скорее всего, уверены, что его сын до сих пор живет и правит там же (Мне кажется, большинство российской молодежи... 2018).

В обоих приведенных примерах основным объектом анекдота является современный политик, образ которого мобилизует персонажей прошлого. Надо отметить, что эта ситуация типична для конструкции анекдотов не только «либерально-оппозиционного», но и национально-патриотического дискурса. Вот характерный пример подобного нарратива:

– Владимир Владимирович! Мы же 3 года назад хотели наградить фрау Меркель за укрепление немецко-российской дружбы. Как же теперь?

– Мы и сейчас можем – орденом Александра Невского... (Владимир Владимирович! 2018).

Табл. 2 и 3 показывают, что наиболее рейтинговым объектом памяти средневековья (единственным вошедшим в десятку самых популярных героев современных анекдотов) выступает Иван Васильевич Грозный, который, как показывают современные исследования, является первым по времени конфликтным объектом исторического сознания (см., напр.: Сосницкий 2011). Действительно, Иван IV – единственный персонаж из популярных средневековых героев, анекдоты о котором в большинстве своем имеют ярко выраженную идеологическую коннотацию. Некоторые из них приведены в табл. 4.

Нетрудно заметить, что либеральная-ироническая интерпретация

царя в смысловом отношении несет скорее критическое к нему отношение, а национально-ироническая – уважительное и дружеское. Иван IV примечателен именно тем, что он как персонаж в жанре анекдота получает различные оценки – с определенной коннотацией, связанной с положительной или отрицательной оценкой самого героя. В случаях с другими героями средневековья идеологическая конструкция анекдота связана не столько с самим персонажем, сколько с его современной актуализацией и другими субъектами, присутствующими в тексте анекдота. В качестве примера приведем три образчика разных «идеологических» по структуре анекдотов, в которых принимают участие Рюрик, Александр Невский и Борис Годунов.

Приезжает такой Рюрик в Новгород, а ему там говорят:

– Слава Украине! (Приезжает такой Рюрик в Новгород 2018).

«Лед тронулся, господа крестоносцы», – сказал Александр Невский (Лед тронулся, господа крестоносцы 2018).

– А я читал, что Борис Годунов не убивал царевича Димитрия. И Ричард III своих племянников на самом деле не убивал.

– Ну ты историк! Ты еще скажи, что Ленин не любил детей! (А я читал... 2018).

Интересно, что про Ивана IV почти нет идеологически нейтральных анекдотов, в то время как про других деятелей средневековья, которые являются консенсусными, их очевидное большинство. Таким

Иван IV в интернет-анекдотах

Либерально-ироническая интерпретация	Национально-ироническая интерпретация
<p><i>В детстве любимой оценкой Ивана Грозного был кол</i></p> <p><i>Бюст Сталина открыли в Сургуте. В Орле установлен памятник Ивану Грозному. В Ростове группа местных патриотов планирует установить памятник Андрею Чикатило. «Андрей Романович Чикатило, конечно, не достиг таких успехов, как Иосиф Сталин или Иван Грозный, – заявил РИА “Новости” ростовский патриот Иван Потерфилов, – но ведь наш земляк действовал один, без помощников. И он очень старался!»</i></p> <p><i>Со времен Ивана Грозного в России с переменным успехом борются друг с другом два зла: nepopядочные законы и незаконный порядок</i></p> <p><i>2500 год. Учебник по истории для 6 класса средней школы. «Темные века России: от Ивана Грозного до Владимира Отморозного»</i></p> <p><i>– В России всегда все делали через жоту.</i> <i>– Точно. При Иване Грозном даже казнили так</i></p>	<p><i>Американец утверждает:</i> <i>– Радио изобрел американец.</i> <i>Француз:</i> <i>– А мин@т придумал барон Де Мин@т.</i> <i>Англичанин:</i> <i>– А рентген придумал наш лорд Рентген.</i> <i>Поднимается разгневанный русский:</i> <i>– Радио изобрел Попов! По поводу мин@та, еще Иван Грозный говорил: «X@й вам в рот бояре». И англичанам по поводу рентгена ответу тоже словами царя Грозного: «Я вас, б@@дей, насквозь вижу»</i></p> <p><i>Мало кто знает, что с тверкингом боролись еще на древней Руси. Недаром Иван Грозный говорил:</i> <i>– Государство блюсти – не мудрjami трясти!</i></p> <p><i>В Казани прошел митинг защитников Казани в 1552 году от войск Ивана Грозного. Скоро будут отмечать победу над мамонтом в ледниковом периоде!</i></p> <p><i>В ответ на заявление правительства Татарстана, что им надоело кормить Москву, в Москве создан институт по клонированию Ивана Грозного</i></p> <p><i>Найден исторический документ, обосновывающий идиотизм, происходящий на Украине. Из указа царя Ивана Грозного: «...а всех юродивых и убогих ссылат на Окраину, там им, дуракам, место»</i></p>

Сост. по: (Свежие анекдоты, шутки, приколы 2018; Анекдоты из России 2018; Приколы 2018)

образом, анекдот как источник довольно четко маркирует именно конфликтный объект карты памяти российского общества.

Приведенные наблюдения дают возможность выдвинуть некоторые предположения относительно роли анекдотов как жанра в исторической памяти и об их значении для мобилизации средневекового прошлого. Очевидно, что анекдоты как материал формирования, прежде всего, коммуникативной памяти общества не могут рассматриваться

как значимый источник конструирования исторического сознания в длительной перспективе в отличие от «больших нарративов» (учебные тексты, литература, публицистика), киношедевров, памятников монументального искусства, формирующих культурную память. Очевидно, что привлечение героев прошлого в текст анекдота в большинстве случаев носит прикладной характер, связанный с актуализацией проблем современности. Средневековые персонажи в этих условиях, разумеется, обречены на периферийные позиции в ряду востребованных объектов памяти.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

В то же время наш обзор показывает, что в рамках *memory studies* изучение анекдотов как источника может быть весьма продуктивным в нескольких отношениях. Во-первых, анекдоты маркируют наиболее актуальных персонажей прошлого, отражая ландшафт памяти современного поколения — в этом смысле их можно рассматривать как своеобразный слепок исторического сознания общества определенного периода. Во-вторых, можно предположить, что изучение анекдотов — поле, на котором наиболее ярко отражается конфликтность (противоречивость для общественного сознания) того или иного объекта исторической памяти. Наконец, в-третьих, очевидно, что анекдоты могут в этом контексте служить инструментом политики памяти, «настройки исторического сознания». В этом смысле народная культура анекдота является существенным раздражителем для различных социальных акторов (в том числе государства) не только с точки зрения «десакрализации» и осмеяния авторитетов, но и с точки зрения идейного содержания тех исторических представлений, которые транслируются в ее рамках.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

1001 избранный советский политический анекдот 1986 — 1001 избранный советский политический анекдот / сост. и ред. Юлиус Телесин. Tenafly (N.J.), 1986.

А я читал... 2018 — А я читал, что Борис Годунов... // Anekdot.ru. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81+%D0%93%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2&ch%5Bj%5D=

on&mode=any&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Анекдот — улыбка жизни 1990 — Анекдот — улыбка жизни / сост. Р.Л. Шацкий. Тула, 1990.

Анекдоты из России 2018 — Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru (дата обращения: 17.08.2018).

Википедия 2018 — Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 18.09.2017).

Владимир Владимирович! 2018 — Владимир Владимирович! Мы же 3 года... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80+%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Во всем виноваты бабы... 2018 — Во всем виноваты бабы... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD+%D0%93%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Вопрос армянскому радио... 2018 — Вопрос армянскому радио... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9+%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Вот такой вот анекдот 1990 — Вот такой вот анекдот: Советский политический анекдот / сост. Е. Орлов. Рига, 1990.

Лед тронулся, господа крестоносцы 2018 — «Лед тронулся, господа

крестоносцы»... // Anekdot.ru. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80+%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Меня в турецком отеле... 2018 — Меня в турецком отеле... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80+%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Мне кажется, большинство российской молодежи... 2018 — Мне кажется, большинство российской молодежи... // Anekdotov.net. URL: anekdotov.net/anekdot/all/hprzhvtprvtmzh.htm (дата обращения: 04.09.2018).

Николай II, печально известный автор... 2018 — Николай II, печально известный автор... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9+%D0%94%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Перевелись на Руси настоящие рыцари... 2018 — Перевелись на Руси настоящие рыцари... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80+%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Приезжает такой Рюрик в Новгород 2018 — Приезжает такой Рюрик в Новгород... // Anekdot.ru. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80+%D0%9D%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%0D%0A&ch%5Bj%5D=on&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

anekdot.ru/search/?query=%D0%A0%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%BA&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Приколы 2018 — Приколы. URL: prikol.i.ua (дата обращения: 04.09.2018).

Пришел как-то посол... 2018 — Пришел как-то посол к князю Владимиру Великому и спрашивает... // Anekdotov.net. URL: anekdotov.net/anekdot/all/bvzhpvsnslnshk.htm (дата обращения: 04.09.2018).

Разговор двух потомственных аристократов... 2018 — Разговор двух потомственных аристократов... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/id/585805/ (дата обращения: 04.09.2018).

Свежие анекдоты, шутки, приколы 2018 — Свежие анекдоты, шутки, приколы. URL: nekdo.ru/ (дата обращения: 17.08.2018).

Следственный комитет России... 2018 — Следственный комитет России... // Анекдоты из России. URL: www.anekdot.ru/search/?query=%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD+%D0%93%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=phrase&xcnt=20&maxlen=0&order=0 (дата обращения: 04.09.2018).

Советский анекдот 1991 — Советский анекдот: Антология. М., 1991.

Советский анекдот 1992 — Советский анекдот: Книга для взрослого читателя. М., 1992.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дементьев 2017 — *Дементьев В. В.* Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // *Жанры речи.* 2017. №1 (15). С. 118–135.

Ерофеев 2010 — *Ерофеев Ю. В.* Интернет-анекдот как особый вид юмористического дискурса // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2010. Т. 12. №3 (35). С. 163–169.

Карасев, Смагулов 2015 — *Карасев И. Е., Смагулов Б. К.* Историческая личность

в народном анекдоте // Проблемы и перспективы развития легкой промышленности и сферы услуг. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса». Омск, 2015. URL: elibrary.ru/item.asp?id=24266481 (дата обращения: 27.08.2018).

Карасик 1997 — Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 144–153.

Карточка проекта 2018 — Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом // РНФ. URL: rscf.ru/prjcard_int?16-18-10080 (дата обращения: 04.09.2018).

Лендваи 2001 — Лендваи Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

Лутвинова 2007 — Лутвинова О.В. Анекдот в смеховом мире Интернета // Аналитика культурологии. 2007. № 7. С. 60–71.

Мельниченко 2011 — Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 гг. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Монахова 2007 — Монахова М.О. Отражение памяти в культурологических стереотипах (на материале анекдотов) // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 6. С. 341–351.

Ростовцев, Сосницкий 2018 — Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Средневековые ге-

рои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 41–58.

Сосницкий 2011 — Сосницкий Д.А. Иван Грозный в исторической памяти русского народа (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (на материалах художественной, публицистической и учебной литературы). СПб., 2011. С. 471–474.

Сосницкий 2015 — Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX — начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

Сычев 2018 — Сычев А.А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: www.ict.edu.ru/ft/004098/sychev.pdf (дата обращения: 15.08.2018).

Тарасенко 2009 — Тарасенко Т.В. Анекдот сквозь призму Интернета // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 52. С. 78–81.

Цыпкин и др. 2009 — Цыпкин Д.О., Шibaев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ. СПб., 2009.

Шмелева, Шмелев 2002 — Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.

RUSSIA BEFORE PETER THE GREAT IN THE GENRE OF AN ONLINE JOKE

Rostovtsev Eugeny A. — doctor of historical sciences, associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: historical memory, medieval Rus, anecdotes, network resources, Ivan the Terrible.

Abstract. The modern anecdotes related to objects of memory of the pre-Petrine Russia which present in the network space are in the focus of the article. The role of Internet anecdotes in the formation of the memory space of Russian society, the jokes as tools for the policy of memory are explored. The importance of studying anecdotes within the framework of memory studies is noted. Suggestions about anecdotes as markers of ideological construction of history are put forward. In particular, the anecdotes about Ivan the Terrible are analyzed as he is the earliest significant conflict object on the memory map of modern Russian society.

REFERENCES

- Dement'ev V.V. Internet-anekdoty: nekotorye strukturnye tipy. *Zhanny rechi*, 2017, no. 1 (15). pp. 118–135.
- Erofeev Iu.V. Internet-anekdot kak osobyi vid iumoristicheskogo diskursa. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, vol. 12, no. 3 (35), pp. 163–169.
- Karasev I.E., Smagulov B.K. Istoricheskaia lichnost' v narodnom anekdote. *Problemy i perspektivy razvitiia legkoi promyshlennosti i sfery uslug. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. FGBOU VPO "Omskii gosudarstvennyi institut servisa". Omsk, 2015. URL: elibrary.ru/item.asp?id=24266481 (data obrashcheniia: 27.08.2018).*
- Karasik V.I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniia. *Zhanny rechi. Saratov*, 1997, vyp. 1, pp. 144–153.
- Kartochka proekta, podderzhannogo Rossiiskim nauchnym fondom. *RNF*. URL: rscf.ru/prjcard_int?16-18-10080 (data obrashcheniia: 04.09.2018).
- Lendvai E. *Pragmalingvisticheskie mekhanizmy sovremennoogo russkogo anekdota*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2001.
- Lutovinova O.V. Anekdot v smekhovom mire Interneta. *Analitika kul'turologii*, 2007, no. 7, pp. 60–71.
- Mel'nichenko M.A. *Sovetskii politicheskii anekdot 1918–1953 gg. kak istoricheskii istochnik*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2011.
- Monakhova M.O. Otrazhenie pamiati v kul'turologicheskikh stereotipakh (na materialakh anekdotov). *Voprosy gumanitarnykh nauk*, 2007, no. 6, pp. 341–351.
- Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Srednevekovye geroi i sobytiia otechestvennoi istorii v setevykh resursakh. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, no. 1, pp. 41–58.
- Shmeleva E.Ia., Shmelev A.D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoi zhanr*. Moscow, 2002.
- Sosnitskii D.A. *Istoricheskaia pamiat' o dopetrovskoi Rusi v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XXI vv.:* dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2015.
- Sosnitskii D.A. Ivan Groznyi v istoricheskoi pamiati russkogo naroda (na materialakh khudozhestvennoi, publitsisticheskoi i uchebnoi literatury). *Lichnost' v istorii v epokhu novogo i noveishego vremeni (na materialakh khudozhestvennoi, publitsisticheskoi i uchebnoi literatury)*. St. Petersburg, 2011, pp. 471–474.
- Sychev A.A. *Iumor v internet-kommunikatsii: sotsiokul'turnyi aspekt*. URL: www.ict.edu.ru/ft/004098/sychev.pdf (data obrashcheniia: 15.08.2018).
- Tarasenko T.V. Anekdot skvoz' prizmu Interneta. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 52, pp. 78–81.
- Tsyppkin D.O., Shibaev M.A., Karbainov N.I., Balachenkova A.P., Rostovtsev E.A., Solov'ev D.V., Khokhlova A.M., Shilov D.N., Kincharova A.V., Pavlov S.V., Petrova E.V., Rzheshvetskaia A.Iu., Rosugubu I.A., Sidorchuk I.V., Sosnitskii D.A. *Strukturnye konflikty v istoricheskom soznanii rossiiian kak potentsial'naia ugroza natsional'noi bezopasnosti: istoriko-sotsiologicheskii analiz*. St. Petersburg, 2009.

О ФЕНОМЕНЕ УДРЕВНЕНИЯ ГОРОДОВ В РОССИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: историческая память, юбилей городов, история Древней Руси.

Аннотация. В статье рассматриваются случаи фальсификации юбилеев российских городов Владимира, Белгорода, Курска, Старой Руссы и Дубны. Процесс удревления городов имел место еще в XIX–XX вв., но наиболее активно начал развиваться в постсоветский период. Ключевую роль здесь играет ложно понимаемый патриотизм.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-185-193

В наше время принято отмечать юбилеи. Праздничные торжества сопровождают любую сколько-нибудь значимую дату нашей истории. С неизменным чувством уважения и симпатии пишутся статьи в юбилейные сборники. Можно даже сказать, что мы мыслим круглыми датами, раскладывая жизнь на простые и круглые числа. Было ли это присуще человеку средневековья, который свое образование начал отнюдь не с арифметики? Очевидно, что юбилейные торжества русского средневековья не носили столь масштабного характера, как

ныне, поскольку соответствующих свидетельств в источниках не находим. Для нового и новейшего времени идея юбилея стала одной из любимых в деле инструментализации исторической памяти. И все же как в имперский период российской истории, так и в советское время к юбилеям относились внимательно, неизменно аргументируя каждый случай таких празднеств.

Ситуация изменилась в постсоветскую эпоху. С начала 90-х гг. XX в. с завидной периодичностью празднуются более чем сомнительные с исторической точки зрения юбилеи городов. Основным трендом данного процесса является удревление даты основания города. Юбилейные мероприятия обусловлены получением городскими властями дополнительного финансирования и воспринимаются как положительное явление для развития города. Историческая наука в данном случае призвана обеспечить

¹ © Сиренов А. В., 2018

Сиренов Алексей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); a.sirenov@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время», проект № 16-18-10080.

видимость достоверности очередной даты. С точки зрения местного патриотизма удревнение города также воспринимается как исключительно положительное явление. Рассмотрим некоторые наиболее характерные случаи удревнения даты основания городов.

В 1992 г. отпраздновали 1000-летний юбилей города Владимира. Парадоксальность этого юбилея состояла в том, что за 34 года до этого торжественно праздновался 850-летний юбилей Владимира. Это событие было увековечено в названии главного городского парка и центрального городского путепровода (как бы сейчас сказали, виадук). Получается, что с 850-летнего юбилея до 1000-летнего прошло 34 года — такой парадокс арифметики. Празднованию юбилея предшествовало создание специальной комиссии при горсовете, объединившей краеведов и местных общественных деятелей. Комиссия обратилась с письмами к авторитетным ученым — акад. Д. С. Лихачеву и проф. МГУ О. В. Рапову, а также воспользовалась докладом архиепископа Владимирского и Суздальского Валентина (Мищука), прочитанным им на праздновании 1000-летия крещения Владимиро-Суздальской земли. Это столь же сомнительный юбилей, который тем не менее был отпразднован РПЦ в 1990 г. В докладе архиеп. Валентина (Мищука) по существу была повторена аргументация владимирских краеведов XIX в. Результатом работы комиссии стала брошюра собранных ею материалов, опубликованная в том же 1992 г. (К вопросу о дате... 1992). На основании этих материалов администрация г. Вла-

димира приняла решение о праздновании 1000-летнего юбилея.

Проблема «двойного» основания города Владимира осознавалась русскими книжниками еще в XV в., когда в летописях круга Новгород-Софийского свода появилось известие о Суздальском походе князя Владимира Святого, который после крещения Руси в 990 г. якобы предпринял поход в Словенскую землю (Смоленскую или Суздальскую — в разных летописях встречаются различные чтения), основал город Владимир на Клязьме и крестил местных жителей. Во внелетописной статье «А се князи русстии», которая датируется началом XV в., утверждается, что город Владимир основан в начале XII в. князем Владимиром Мономахом. Это известие позднее было вставлено в Львовскую летопись под 1108 г. Так появилось две версии основания города. Следует отметить, что археологические исследования, проводившиеся во Владимире начиная с первой половины XX в. и до настоящего времени, не подтверждают датировку основания города концом X в., поэтому в исследованиях археологов предпочтение отдается 1108 г. В середине XX в. наиболее крупным специалистом, изучавшим историю древнего Владимира, был археолог и историк древнерусской архитектуры Н. Н. Воронин, который категорически высказывался за 1108 г. как дату основания Владимира. Однако вопрос не столь очевиден. Летописи XV в. воспроизводят легенду, бытовавшую, можно думать, еще в домонгольское время. Единственное раннее указание на князя-основателя города Владимира содержится в ле-

тописях, отразивших владимирские летописные своды XII в. — Лаврентьевской, Радзивилловской и Летописце Переяславля Суздальского. Древнейшей из них, как известно, является Лаврентьевская летопись. В ней под 1176 (6684) г. приведен спор владимирцев с ростовцами и суздальцами, которые утверждали старшинство и главенство Ростова и Суздаля в Северо-Восточной Руси. Владимирцы на это отвечали: «Постави бо преже градо съ великий Володимер и потом князь Андрей» (Лаврентьевская летопись 1926: Стб. 378). Остается неясным, какой Владимир имеется в виду — креститель Руси или Мономах? Скорее всего, первый, поскольку в источниках XII в. Владимир Мономах не называется великим. Другое дело, что апелляция к Владимиру Святославичу может рассматриваться всего лишь как полемический прием, поскольку в споре следовало приводить аргументы — в данном случае древности Владимира относительно Ростова и Суздаля. Владимирский летописец не указал, как отреагировали на этот аргумент ростовцы и суздальцы. Неудивительно, что к легенде об основании Владимира крестителем Руси обратились в XV–XVI вв., когда московским книжникам было необходимо «приватизировать» почитание святого Владимира, объявив его российским святым. Весьма закономерно, что в XVIII–XIX вв. этой легенде не уделялось серьезного внимания. Она «спустилась» на уровень местной истории и закрепилась в церковно-краеведческих исследованиях. Закономерно и то, что в советское время ее изъяли из обращения как недостоверную. Таков нормальный ход развития историографии.

И вдруг миф об основании Владимира в конце X в. оказался воскрешен сначала в церковной среде (организовано празднование 1000-летия крещения Владимиро-Суздальской земли в 1990 г.), а затем в светской, на уровне городской общественности г. Владимира. По воспоминаниям председателя Владимирского отделения Союза краеведов А.К. Тихонова, решение о правомерности праздновать 1000-летний юбилей Владимира решалось в горсовете демократическим путем: «Я помню, как на сессии горсовета шло голосование: “Кто за то, что город основан в 990 году?”, и большинство депутатов проголосовало “За”» (Интервью 2013). В качестве аргумента в пользу достоверности 1000-летнего юбилея была использована книга О.М. Рапова «Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства», изданная как научная монография издательством «Высшая школа» в 1986 г., но по существу являющаяся научно-популярной книгой, причем построенной на весьма сомнительных и уязвимых с историковедческой точки зрения построениях автора. Так, О.М. Рапов утверждает достоверность рассказа летописей XV–XVI вв. о Суздальском походе 990 г. и основании города Владимира. Определенный интерес представляет позиция историка относительно 1000-летнего юбилея города Владимира, которую он изложил в письме, адресованном упомянутой выше юбилейной комиссии Владимирского горсовета. Это письмо было написано в ответ на просьбу комиссии прокомментировать мнение Д.С. Лихачева, который рекомендовал комиссии всецело доверять позиции Н.Н. Воронина. Вот

что пишет на это О. М. Рапов: «Разве можно основываться на чьем-либо мнении, даже если это мнение академика Д. С. Лихачева или профессора Н. Н. Воронина? Это ведь просто ненаучно. В науке опираются на факты, а не на мнение авторитетов. А факты прямо свидетельствуют в пользу того, что г. Владимир был основан в 990 г. Поэтому владимирцы с полным правом могли праздновать два года назад 1000-летний юбилей города. Город Суздаль также был основан не в 1024 г., а в конце X в. В пользу этого свидетельствуют и татищевское известие, и археологические материалы. Что касается даты — 1108 г., то она была практически не обоснована Н. Н. Ворониным. Думаю, что когда он выдвигал эту дату, то преследовал весьма определенную цель — отметить 850-летие Владимира в 1958 г. Ведь под юбилей города получают всевозможные блага, а начальство — ордена. Поэтому с мнением Н. Н. Воронина в данном случае можно было бы и не считаться. Полагаю, что в глубине души и сам Николай Николаевич был уверен в том, что Владимир возник не в начале XII, а в конце X века, но он выполнял социальный заказ, и этим все сказано» (К вопросу о дате... 1992: 6). Источниковедческая парадигма О. М. Рапова сводится к тому, что достоверным можно объявить любой факт, который упоминается в источнике. Задача верификации источника вообще не ставится. В последующие годы с этих же позиций проблему основания г. Владимира рассматривал историк архитектуры С. В. Заграевский, занимаясь подсчетом количества летописей, повествующих об основании Владимира в X в. и в XII в. Установив,

что упоминаний первой версии больше, исследователь счел версию об основании Владимира в X в. доказанной (Заграевский 2015). Поэтому 1000-летний юбилей Владимира фальсифицированным признают в настоящее время далеко не все. В 2007 г. во Владимире поставлен памятник князю Владимиру Святославовичу и епископу Феодору — персонажам легенды о крещении Суздальской земли и основании города Владимира в конце X в.

В 1995 г. был организован 1000-летний юбилей города Белгорода. При этом факт фальсификации несомненен, поскольку древнерусский Белгород находился в другом регионе. Существующий Белгород на Северском Донце был основан как крепость Засечной черты в 1596 г. и оказался всего лишь соименным древнерусскому Белгороду (ныне село Белгородка под Киевом). Это обстоятельство не отрицалось ни историками, ни краеведами, ни церковными и общественными деятелями. При этом 1000-летний юбилей был официально объявлен, профинансирован и отпразднован. Данному случаю посвящена обстоятельная статья А. И. Раздорского (Раздорский 1997: 192–199; Солоджин 1994: 46–47), на основании которой можно заключить, что 1000-летний юбилей Белгорода демонстрирует рассматриваемое явление необоснованного удревнения российских городов в наиболее завершенном виде. Единственная попытка аргументировать тождество древнерусского Белгорода и Белгорода на Засечной черте была предпринята белгородским краеведом Ю. Н. Шмелевым, но критики эти построения не выдержива-

ют (Шмелев 1995). Так, Ю.Н. Шмелев полагает, что поскольку в Повести временных лет упоминается как Белгород, так и город Бел, то это суть разные города (Там же: 75–77). Еще один аргумент белгородского краеведа – наименование места основания Белгорода в конце XVI в. «Белгородьем», которое встречается в Разрядной книге 1475–1598 гг. (Там же). Как справедливо указывает А.И. Раздорский, это чтение само по себе не имеет доказательного веса, тем более что в других делопроизводственных документах того времени местность называется «Белогорьем» – по Меловой горе. Примечательно, что дальнейшее рассуждение Ю.Н. Шмелева опирается на материалы XX в., а именно на письмо известного археолога акад. Б.А. Рыбакова первому секретарю Белгородского горкома КПСС В.И. Путивцеву от февраля 1983 г.: «Наименование места (“словет Белогородье”) свидетельствует о возведении нового Бел Города на древнем городище... Кроме этого, Белгород стоит на Северском Донце... на древнем пути (“гостинце”) из Киева в Булгар на Волге, известном с IX в. Следовательно, Белгородское городище, на котором стоит современный город Белгород, возникло в X в.». Это вполне умозрительное рассуждение Б.А. Рыбакова привело Ю.Н. Шмелева к убеждению, о тождестве современного Белгорода и Белгорода домонгольского (Там же: 80). Характерны подготовительные мероприятия к 1000-летию юбилею Белгорода. Городская администрация послала письма Б.А. Рыбакову и Д.С. Лихачеву, а также в Отделение истории РАН, и везде нашла поддержку

своему стремлению отпраздновать 1000-летний юбилей (раздавались и критические отзывы, но они были проигнорированы). После этого было инициировано и 14 марта 1995 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации за №246 «О праздновании 1000-летия основания города Белгорода», подписанное В.С. Черномырдинным. В то же время выпущена памятная серебряная медаль «Белгород – 1000 лет со дня основания» достоинством три рубля. Таким образом, белгородский юбилей стал событием всероссийского масштаба, по своему значению превзойдя юбилей владимирский. Отметим, что действия по организации 1000-летнего юбилея Владимира и Белгорода во многом совпадают, и мы можем говорить даже о выработанном алгоритме легализации фальсифицированных юбилеев.

К этой же группе псевдоюбилеев, когда данные письменных источников, недостоверные или неверно истолкованные, противопоставляются всем другим свидетельствам, в том числе археологическим, относится казус Старой Руссы. Один из древнейших городов Руси, Русса известна по летописям с середины XII в., а по данным археологии ее основание надежно датируется временем не позднее первой половины XI в. (Торопова и др. 2011: 155–166). Однако группа местных энтузиастов в вопросе о времени основания родного города отдает предпочтение не аутентичным свидетельствам XI–XII вв., а Сказанию о Словене и Русе – памятнику русской литературы XVII в. Это сочинение построено на рецепции польских хроник XVI в., в частности

Хроники Мартина Бельского. Присущие западноевропейскому историописанию этногенетические легенды оказались через Хронику Бельского заимствованы в Сказание о Славене и Русе. Более того, автор Сказания сочинил по образцу своих источников новые легенды, в частности, об основании Руссы легендарным князем Русом, который жил ранее Александра Македонского (*Гальдберг* 1982: 50–62; *Лаврентьев, Турилов* 1996: 19–25). Эти литературные фантазии XVII в. противопоставляются надежным свидетельствам источников XI–XII вв. (*Лантев, Яшкичев* 2007). В результате подобных «штудий» в центре Старой Руссы был установлен камень с цитатой из Сказания о Славене и Русе об основании города князем Русом. Само основание Старой Руссы в местной прессе зачастую относят к древнейшим временам. Правда, до официального признания Старой Руссы одним из древнейших городов Европы пока не дошло, но установка упомянутого камня — тревожный сигнал.

Несколько иначе дело обстоит с 980-летним юбилеем Курска, который местные власти и курская общественность отпраздновали в 2012 г. Курск действительно существовал в домонгольское время. Помимо упоминания «курян» (жителей Курска) в Слове о полку Игореве, Курск фигурирует в Житии Феодосия Печерского, и это вполне достоверное свидетельство существования Курска в XI в., что, впрочем, подтверждается и данными археологии (*Енуков, Раздорский* 2015: 39–59). После татаро-монгольского нашествия Курск опустел, и вторично на этом месте город был построен только

в 1596 г., при строительстве Засечной черты. С этого времени, т. е. с конца XVI в., прослеживается непрерывная история города Курска. Здесь встает проблема континуитета Курска домонгольского и Курска российского при единстве территориальном и топонимическом. Однако налицо отсутствие единой социальной и культурной традиции — и данный юбилей вызывает сомнения и представляется недостаточно аргументированным.

К этой же категории юбилеев (с перерывом в культурной традиции) следует отнести попытку удревнения города Дубны Московской области. Первые этапы истории города Дубна хорошо известны. В 1954 г. построенный незадолго до этого поселок физиков получил официальное наименование «рабочий поселок Дубно», а 24 июля 1956 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был преобразован в город Дубно. Это связано с образованием в 1956 г. международного Объединенного института ядерных исследований. 8 января 1958 г. издан указ Президиума Верховного Совета РСФСР: «Город Дубно Московской области впредь именовать городом Дубна». В 1956 г. к Дубне присоединены соседние деревни, в том числе Ратмино, и в результате этого в черте Дубны оказалось место древнерусского городища, впоследствии изученного археологами (*Петров* 2017). Городище было предположительно отождествлено с неким топонимом, фигурирующим в летописи под 1134 г. (*Белецкий и др.* 1988: 50–51; *Белецкий* 1987б: 35–37; 1987а). В начале XXI в. в Дубне был учрежден Музей археологии и истории,

и сотрудники этого музея, прежде всего его директор Ф.Н. Петров, выступили инициаторами установки памятного знака Юрию Долгорукому как основателю Дубны. Такой знак в виде декорированного дикого камня с соответствующей надписью («Отсюда Дубна стала есть. 1134. Основана Юрием Долгоруким») был установлен, и началось противостояние представителей общественности г. Дубна, объединившихся в группу «Дубна-XX», и руководства музея и их сторонников. Первыми была заказана экспертиза в Институте российской истории РАН, которую выполнил В.А. Кучкин, а вторыми результаты этой экспертизы были оспорены. В итоге появилась научная статья В.А. Кучкина, где аргументированно доказывается негородской характер поселения на устье Дубны (Кучкин 2015: 308–319), и целый ряд материалов в сети Интернет, касающихся спора разных общественных группировок современной Дубны по вопросу о времени основания города (Беляев, Зиновьева 2014; Кучкин 2017; Петров 2017). Ситуация с юбилеем Дубны нетипична, поскольку против фальсификации выступила городская общественность, которая в других случаях оказывается на стороне фальсификатора. Причина этого видится в высоком образовательном уровне жителей наукограда Дубны, что опять же нетипично для современной России.

Подводя итоги, следует отметить, что фальсификация городских юбилеев имела место в историографической традиции уже в XIX в. Однако как в имперское, так и в советское время основным цензо-

ром, не допускавшим легализацию таких фальсификаций, выступало государство. В постсоветское время идеологическая функция государства заметно ослабла, ее заменили церковные и общественные организации, которые в данном вопросе должны взять на себя роль цензоров. Однако в большинстве случаев такого не происходит. Напротив, те структуры и движения, которые должны выступить против фальсификатов, оказываются их сторонниками, а иногда и творцами самих фальсификаций, не справляясь с возложенной на них функцией. Пожалуй, общественное движение только в одном случае воспрепятствовало фальсификации, и этот случай по целому ряду показателей типичным назвать нельзя.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Беляев, Зиновьева 2014 – Беляев А. В., Зиновьева Л. Л., представители группы «Дубна-XX». Надуманный юбилей // Площадь мира. 23.04.2014. URL: pressdubna.ru/news_full_pm.php?nid=12680 (дата обращения: 21.11.2017).

Интервью 2013 – Интервью с А.К. Тихоновым 13.09.2013 // Региональный портал «За Владимирскую область». URL: zavlاديمir.ru/?p=11759 (дата обращения: 12.11.2017).

Кучкин 2017 – Кучкин В. А. Ответ музейным оппонентам. URL: pressdubna.ru/pdf/otvet_opponentam_03.pdf (дата обращения: 21.11.2017).

Петров 2017 – Петров Ф. Н. Древнерусская Дубна: историческая дискуссия или клевета на оппонентов? // Дубненский общественный фонд историко-краеведческих инициатив «Наследие». URL: nasledie.dubna.ru/item.asp?idcate gory=172&id=172&iditem=1212&idparent=172 (дата обращения: 21.11.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белецкий 1987а — *Белецкий С. В.* Когда основан город? // Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. 1987. № 1.

Белецкий 1987б — *Белецкий С. В.* О времени основания летописной Дубны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. М., 1987. С. 35–37.

Белецкий и др. 1988 — *Белецкий С. В., Фролов А. С., Крымов Е. Ю.* Разведка в окрестностях Дубны // Археологические открытия. 1986. М., 1988. С. 50–51.

Гольдберг 1982 — *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 50–62.

Енуков, Раздорский 2015 — *Енуков В. В., Раздорский А. И.* О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. № 2. С. 39–59.

Заграевский 2015 — *Заграевский С. В.* Историческая топография домонгольского Владимира. М., 2015. URL: rusarch.ru/zagraevsky45.htm (дата обращения: 4.09.2018).

К вопросу о дате... 1992 — К вопросу о дате основания г. Владимира / ред. С. В. Шевченко. Владимир, 1992.

Кучкин 2015 — *Кучкин В. А.* Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 308–319.

Лаврентьев, Турилов 1996 — *Лаврентьев А. В., Турилов А. А.* «Повесть о Словене

и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и руси // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени: Тезисы докладов. М., 1996. С. 19–25.

Лаврентьевская летопись 1926 — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Стб. 378.

Лантев, Яшкичев 2007 — *Лантев А. Ю., Яшкичев В. И.* Старая Русса апостола Андрея. М., 2007. URL: gushanin.narod.ru/1.html (дата обращения: 02.09.2018).

Петров 2017 — *Петров Ф. Н.* История возникновения Дубны: краткий очерк // Музей истории науки и техники ОИЯИ. URL: museum.jinr.ru/dubna/dubna-history.htm (дата обращения: 20.11.2017).

Раздорский 1997 — *Раздорский А. И.* По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192–199.

Солодкин 1994 — *Солодкин Я. Г.* О времени основания и первоначальном местоположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической и географии Центрального Черноземья. М.; Курск. 1994. С. 46–47.

Торопова и др. 2011 — *Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е.* Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник РГНФ. 2011. № 1 (62). С. 155–166.

Шмелев 1995 — *Шмелев Ю. Н.* Тайны Белгородского треугольника, или страницы жизни из трех тысячелетий истории русов: Расследование краеведа. М., 1995.

ON THE PHENOMENON OF URBAN AGING IN RUSSIA OF THE POST-SOVIET PERIOD

Sirenov Alexey V. — doctor of historical Sciences, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Key words: historical memory, anniversaries of cities, Oldrussian history.

Abstract. The paper is about falsifications of anniversary dates of Russian towns such as Vladimir, Belgorod, Kursk, Strarja Russa and Dubna. These towns were made more ancient in 19th and 20th centuries but the most active process of making the towns more and more old began in the post-Soviet period. The crucial part in the process belongs to false patriotism.

REFERENCES

- Beletskii S.V. *Kogda osnovan gorod? Dubna. Nauka. Sodruzhestvo. Progress*, 1987, no. 1.
- Beletskii S. V. O vremeni osnovaniia letopisnoi Dubny. *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS: Tezisy dokladov vsesoiuznoi arkheologicheskoi konferentsii*. Moscow, 1987, pp. 35–37.
- Beletskii S.V., Frolov A.S., Krymov E.Iu. Razvedka v okrestnostiakh Dubny. *Arkheologicheskie otkrytiia*. 1986. Moscow, 1988, pp. 50–51.
- Enukov V.V., Razdorskii A.I. O vremeni osnovaniia i pervogo upominaniia drevnerusskogo Kurska. *Rossiiskaia istoriia*, 2015, no. 2, pp. 39–59.
- Gol'dberg A.L. Legendarnaia povest' XVII v. o drevneishei istorii Rusi. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1982, vol. 13, pp. 50–62.
- K voprosu o date osnovaniia g. Vladimira*, red. S.V. Shevchenko. Vladimir, 1992.
- Kuchkin V.A. Gorod Dubna na reke Dubne. *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: arkheologiia, istoriia, kul'tura: k 60-letiiu N.A. Makarova*. Moscow; Vologda, 2015, pp. 308–319.
- Laptev A.Iu., Iashkichev V.I. *Staraiia Russa apostola Andreia*. Moscow, 2007. URL: rushanin.narod.ru/1.html (data obrashcheniia: 02.09.2018).
- Lavrent'ev A.V., Turilov A.A. "Povest' o Slovene i Ruse" ("Skazanie o Velikom Slovenske") o proiskhozhdenii i rannei istorii slavian i rusi. *Slaviane i ikh sosedi: Mif i istoriia. Proiskhozhdenie i ranniiaia istoriia slavian v obshchestvennom soznanii pozdnego Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni: Tezisy dokladov*. Moscow, 1996, pp. 19–25.
- Lavrent'evskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Leningrad, 1926, vol. 1, stb. 378.
- Petrov F.N. Istoriia vzniknoveniia Dubny: kratkii ocherk. *Muzei istorii nauki i tekhniki OIiA.I*. URL: museum.jinr.ru/dubna/dubna-history.htm (data obrashcheniia: 20.11.2017).
- Razdorskii A.I. Po povodu "1000-letii" Belgoroda. *Otechestvennaia istoriia*, 1997, no. 5, pp. 192–199.
- Shmelev Iu.N. *Tainy Belgorodskogo treugol'nika, ili stranitsy zhizni iz trekh tysiacheletii istorii rusov*. Rassledovanie kraevedy. Moscow, 1995.
- Solodkin Ia.G. O vremeni osnovaniia i pervonachal'nom mestopolozenii Belgoroda. *Problemy istoricheskoi demografii i istoricheskoi i geografii Tsentral'nogo Chernozem'ia*. Moscow; Kursk. 1994, pp. 46–47.
- Toropova E.V., Samoilov K.G., Toropov S.E. Arkheologicheskie issledovaniia v Staroi Russe. *Vestnik RGNF*, 2011, no. 1 (62), pp. 155–166.
- Zagraevskii S.V. *Istoricheskaiia topografiia domongol'skogo Vladimira*. Moscow, 2015. URL: rusarch.ru/zagraevsky45.htm (data obrashcheniia: 4.09.2018).

«ИТАЛИЯ — СТРАНА ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ, И МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО НАДО СМОТРЕТЬ НА ЭТО НЕ КАК НА “СЛАБОСТЬ”, А КАК НА РЕСУРС»

Интервью с Дж. Савино

Ключевые слова: Италия, историческая память, локальная память, античное наследие, Ренессанс, Рисорджименто, Гарибальди, Муссолини, Грамши.

Аннотация. В центре внимания беседы с итальянским историком новой генерации находится широкий круг проблем современной итальянской исторической памяти.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-194-206

Джованни Савино — доцент ИОН РАНХиГС и ИИЯ МГПУ, Ph.D., выпускник Университета Неаполя им. Фридриха II. Состоит в редколлегиях научных журналов по истории «Zapruder. Rivista di storia della conflittualità sociale» и «Локус: люди, общество, культуры, смыслы». Автор работ по истории итальянских и российских социальных и политических движений, среди них: From Evola to Dugin: The Neo-Eurasianist Connection in Italy // М. Laruelle (ed.), Eurasianism and the European

Far-Right: Reshaping the Europe–Russia Relationship, Rowman & Co., Lanham Maryland-London 2015. P. 97–124; Итальянский марксизм и российский социализм: А. Лабриола, А. Грамши и философско-культурные вопросы революционного движения (1890–1937) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. №2. С. 99–117; Che dire? Appunti sulla storiografia italiana sul 1917 // Zapruder. Vol. 44. 2017. P. 138–144; Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши // Социология власти. 2017. 29 (2). С. 84–96; Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в пред-

© Историческая Экспертиза, 2018
Савино Джованни — PhD, доцент ИОН РАНХиГС и ИИЯ МГПУ(Москва); dzhovanniS@mgpu.ru

ставлениях русских националистов начала XX века // Логос. 2017. № 4 (119). С. 67–88; La Russia ostaggio del nazionalismo // MicroMega. 2/2014.

Вопросы формулировал А. Стыкалин

А. С. На какие глубины восходит итальянская историческая и культурная память? На глубины Римской империи? Или все-таки Древний Рим — это некая праистория, говорить же о собственно итальянской истории и культуре можно только применительно к истории и культуре начиная с раннего средневековья?

Д. С. Конечно, программа «отечественной истории» (хотя в Италии такое название в школе не используется — предмет называется просто «история») уделяет немало внимания и древним грекам, которые жили на Юге Италии, и римской истории. Была ли Римская империя предшественницей итальянского государства? Ответ — очевиден и банален — нет, но попытки использовать образ и наследие Древнего Рима были. Вспомним о нынешнем национальном гимне, который написал патриот Гоффредо Мамели в 1847 г., где образы великого римского прошлого существуют в первом и во втором куплетах: шлем Сципиона; победа — рабыня Рима; объединимся в когорте. Мамели умер во время защиты Римской республики (и здесь опять возникает образ древнего прошлого!) в 1849 г. Для республиканцев (а Мамели был именно таковым) пример доимперского Рима с его институтами играл большую роль. Но «римская респуб-

Р. 176–188. Книги: Il nazionalismo russo e le okrainy occidentali (в печати); Антонио Грамши и российская революция (в печати).

ликанская традиция» происходила и от французской революции, как миф свободы и равноправия граждан, выступающих против тирана/короля.

Средневековье оказало большее влияние и сыграло более долговременную роль в построении национальной идентичности Италии. Причины этого весьма разные, но есть один важный фактор: язык. Зарождение «volgare», т. е. прототипа простонародного итальянского языка, ставшего со временем литературным, в раннее средневековье не ограничивалось только лишь Флоренцией. Во второй половине X в., в 960–963 гг. появились первые официальные документы на этом языке, *Placiti caruani*, которые возникли из судебного разбирательства вокруг земель монастыря Монтекассино. Сицилийская школа при дворе Фридриха II кардинально изменила отношение к поэзии и литературе, освободила их от религиозного влияния и стала так популярна, что Данте Алигьери писал: «всякое стихотворение, сочиняемое итальянцами, именуется “сицилийским”» (О народном красноречии, I. XII, 2). Но, несомненно, именно Данте поднял статус итальянского языка, сделал его «престижным» — не только своей «Божественной комедией», но и трактатом «О народном красноречии» (*De vulgari eloquentia*).

Интересно заметить, что Данте не указывал, какое из наречий нужно было выбирать, но описал процесс распространения народного языка. Именно (письменный) итальянский язык стал первопричиной рождения и развития национального движения в конце XVIII — начале XIX в. Хотя, как подчеркнул Альберто Марио Банти в своих исследованиях, такой выбор в пользу языка и литературы, их богатейших традиций не был лишен противоречий. Данные лингвистических исследований первых лет после объединения страны дают такую картину: италянофоны (те, кто говорили на этом языке, использовали формировавшийся литературный язык в повседневной жизни) составляли от 2,5 до 9,5% населения, и это при неграмотности 22% населения.

А сейчас вернемся к значению средневековья для Рисорджименто. Итальянский историк-медиевист Дуччо Балестраччи в своей работе «Средневековье и Рисорджименто» (*Medioevo e Risorgimento*) показывает, подробно и убедительно, как в те века существовали «создатели современности» для патриотов XIX в. Из средневековья, пишет Балестраччи, могли черпать что-то для себя все: умеренные католики находили в нем триумф христианского общества; прогрессивные либералы — корни свободной экономической инициативы; более радикальные республиканцы — «свободные города» в борьбе с «германским» императором в защиту своих прав. Я согласен с такой интерпретацией, потому что еще в Древнем Риме вопросы гражданства и лояльности

не были связаны с этническим или языковым принципом.

Для меня, как исследователя нации и национализма в России и в Восточной Европе, реконструирование прошлого в истории национального движения в Италии очень интересно и полезно, потому что дает возможности сравнивать опыт восточноевропейского региона с другими кейсами, среди которых итальянский является одним из самых важных. На занятиях я всегда цитирую стихи национального поэта и писателя Алессандро Мандзони из цикла «Март 1821»: «одна (нация) по орудию, языку, алтарю/памяти, крови и сердцу» — мне кажется в этих словах есть все «ингредиенты» национализма XIX и XX вв.

А.С. Помимо культурных традиций есть еще традиции государственных. Какие традиции следует считать значимыми для современной итальянской государственности? Традиции Рисорджименто и того единого итальянского государства, которое возникло в результате объединения Италии в начале 1860-х гг. или, может быть, также государственные традиции Пьемонта, вокруг которого шло объединение итальянских земель? Слово «пьемонт», как мы знаем, стало даже в определенной мере нарицательным, вошло в другие языки, символизируя тот центр, вокруг которого объединяется нация.

А как быть с более древней традицией римской папской государственности? Она имеет только

косвенное отношение к вашим национальным и государственным традициям? А венецианская традиция? Ведь не будет преувеличением сказать, что Венеция была великой торговой и крупной морской державой в средние века. Или вот то, что вам как неаполитанцу ближе. Королевство обеих Сицилий. Это наследие имеет лишь местное региональное значение или все-таки общенациональное?

Д. С. Вопрос очень острый, потому что опция Пьемонта возникла только в 1850-х гг., и даже после объединения не все участники национального движения поддерживали Савойскую династию. Самый известный пример — Джузеппе Мадзини, который до конца жизни остался верным идеалам республики (и умер в Пизе под псевдонимом). Пьемонт еще был самой «не-итальянской» областью в стране, поскольку элита в большинстве своем была франкоязычной, и вплоть до 1840-х гг. это королевство было одним из самых верных «исполнителей» Реставрации 1815 г. Тогда почему именно Пьемонт стал движущей силой процесса национального объединения? Исследователь Манлио Грациано выдвигает аргумент, что Пьемонт успешно смог использовать сложную геополитическую ситуацию на итальянском полуострове. В 1848 г. король Карл Альберт создал конституцию и осуществил попытку вторжения в Ломбардию, которая тогда находилась под властью Австрии и где произошло восстание в Милане, которое также стремилось перехватить инициативу из рук либеральных па-

триотов. И принятие конституции, если посмотреть на биографию короля, явилось неожиданностью, потому что Карл Альберт был человеком далеко не либеральных взглядов. После поражения в войне с Австрией и отречения Карла Альберта Виктор Эммануил II не отменил конституцию, несмотря на огромное давление с австрийской стороны. Конституционный строй в Пьемонте привлекал немало патриотов, которые бежали сюда из других итальянских государств.

Была ли альтернатива? Туринский священник и философ Винченцо Джоберти в своей работе «Моральное и гражданское превосходство итальянцев» в 1843 г. предлагал создать итальянскую федерацию государств под лидерством римского папы. Книга сразу попала в Индекс запрещенных.

С избранием Пия IX в 1846 г. возник момент, когда «неогвельфская» опция показалась возможной, но понтифик является высшим авторитетом для всех католиков, и проект Джоберти не мог бы работать. Интересно заметить: хотя сегодня имеются сильные региональные идентичности и иногда даже некоторые организации выступают за реставрацию королевства Бурбонов в Неаполе и на Юге или за воссоздание Серениссимы в Венеции и в Венето, такой «ностальгии» нет в регионах бывшего папского государства, и это показатель — универсальность католицизма не предоставляет больших возможностей для реконструирования ностальгического представления о прошлом.

Италия — страна городов и регионов, и это хорошо, поскольку дает разнообразие и множество идентичностей. Наследие прошлых государств заметно и в архитектуре городов: мой родной Неаполь устроен как столица (и он был ей с 1266 до 1861 г.) и имеет сильную идентичность; Венеция была великой морской державой, у истоков рыночных отношений была Флоренция.

То, что в последние 25 лет в итальянском обществе наблюдали рождение и развитие Лиги Севера (сейчас только Лига и занимается процессом построения общенациональной партии), больше отвечает на вопросы и вызовы современности, чем указывает на какие-то исторические идентичности. Например, Лига Севера ставила задачей добиться независимости Падании, территории, которая до 1866 г. не была объединена и где существовало как минимум 8 государств с разными традициями.

Есть организации в Венето, которые требуют независимости. В 2014 г. там проходил референдум, который имел резонанс и в российских СМИ. Однако в сообщениях о референдуме не говорилось, что он проводился онлайн.

Но, например, я говорю по-неаполитански, как многие в моем регионе; и есть те, кто говорит по-сицилийски, по-венециански... и это даже естественно, если считать, что существует литература на этих наречиях. Джамбаттиста Базиле, Карло Гольдони, Джузеппе Джоаккино Белли писали не на итальянском,

а на неаполитанском, на венецианском, на римском.

Есть и так называемый «южный вопрос», который до сих пор отражает проблему экономической отсталости Юга Италии, кроме незначительного подъема в 1960–1980-х гг. Этот вопрос не только не теряет актуальности, но и становится намного острее из-за отсутствия плана развития этого региона. Именно на Юге сейчас происходят такие политические процессы, на которые из центра смотрят с подозрением.

Нужно заметить, что Антонио Грамши видел в объединении Италии «внутреннюю колонизацию» — но такие проблемы он анализировал и на примере родной Сардинии (которая была под владычеством Пьемонта уже с 1720 г.).

А.С. Не будем заикливаться на древности и средневековье, перейдем сразу в XIX в., великий век итальянской истории. Мне очень понравилось оброненное кем-то из наших историков недавно услышанное мной неожиданное сравнение: Гарибальди был Че Геварой XIX в. Действительно, хотя отцом новой итальянской государственности в не меньшей, а наверно в большей мере может считаться Кавур, слава Гарибальди и мода на его изображения далеко перешагнула в его время итальянские границы, он становится едва ли не одним из символов зарождавшейся в XIX в., в том числе и под знаменами национализма, массовой культуры. А как сегодня в Италии хранится память об этом великом соотечественнике?

Д.С. Гарибальди был Че Геварой XIX в. — «герой двух миров», революционер, который воевал за свободу в Южной Америке, в Италии и во Франции (где стоял во главе добровольцев, сражавшихся против прусских войск, а затем поддерживал Парижскую коммуну). Его имя долго было символом свободы и не только: он был «моральным лидером» левых в Италии после объединения. Большинство бывших гарибальдийцев находились у истоков итальянского рабочего движения; добровольцы в красных рубашках воевали за мир и за свободу народов.

Авторитет Гарибальди был таким колоссальным, что и во время фашизма использовали его образ, но одновременно были партизанские бригады «им. Гарибальди», а на знаке Народно-демократического фронта левых сил (Итальянская коммунистическая партия и Итальянская социалистическая партия) находились звезда и портрет героя. Как подчеркнул историк Андреа Поссиери, Гарибальди был личностью уникальной в истории Италии, потому что хотя он не был таким политиком, как Кавур, или теоретиком, как Мадзини, но представлял «действие нации». Единственной политической традицией, которая сдержанно рассматривала Гарибальди (и даже выступала против него), была католическая церковь во всех своих нюансах — но это было вполне естественно, потому что генерал никогда не скрывал своего антиклерикализма.

кого героя — Лига Севера видела в герое двух миров авантюриста; более радикальные католики — чуть ли не орудие дьявола; ностальгирующие по Бурбонам относятся к нему как к агенту Англии и масонства. Сейчас часто встречаются на Фейсбуке высказывания о нем как о «конокраде», и при этом игнорируется разносторонность позиций Гарибальди: так, его обвиняют в том, что он был колонизатором Юга, однако он часто негативно отзывался о политике Савойской династии в бывшем Королевстве обеих Сицилий; еще до начала XX в. нередко в деревнях Калабрии и Сицилии висели портреты Гарибальди в кабаках и в читальнях. Транслировать на Гарибальди историческую вину других политических актеров (Савойская династия, бюрократия и т.д.) — очень упрощенно, но и очень удобно, именно потому, что личность героя везде известна.

А.С. Первая мировая война была не слишком удачна для Италии. Хотя формально страна оказалась в стане победителей, боевые действия с традиционным врагом — монархией Габсбургов на альпийских фронтах не принесли славы итальянскому оружию. Но еще важнее другое: Италия оказалась обделенной другими державами-победительницами, особенно Францией, при формировании Версальской системы международных отношений. Как трактуются сегодня итоги Первой мировой войны и ее последствия для Италии?

Тема Версальской системы в итальянской современной историографии не является центральной.

А что сегодня думают итальянцы о Гарибальди? С 1990-х гг. произошла «десакрализация» образа вели-

Образ «уведенной победы» и «предательства» союзников, которые не сдержали слово Лондонского договора 1915 г. (согласно которому Далмация и часть хорватского побережья должны были бы войти в состав Италии после войны), играли немалую роль в формировании фашизма. Председатель Совета министров Витторио Эмануэле Орландо покинул Парижскую конференцию и ушел в отставку, чтобы не подписывать договор. Первая мировая война до сих пор является чувствительным предметом исторической дискуссии. Первые три года войны (1915–1917) прошли под знаком строгого и бессмысленного отношения генштаба к собственным солдатам: была распространена практика децимации. Архивные данные говорят о 350 000 судебных дел во время войны; дисциплина была такой жесткой, что 10 % личного состава армии были причастны к мятежам. До сих пор нет никакого официального акта, который чтит память жертв итальянского генштаба. В 2015 г. обсуждался подобный законопроект, но он не был принят из-за давления армии. Когда в 1960–1970-х гг. память о таких событиях нашла отражение в песнях и в фильме «Люди против» (*Uomini contro*), Министерство обороны препятствовало распространению фильма (то же было и с фильмом «Лев пустыни», о вожде ливийского сопротивления Омар ал-Мухтаре — запрет был снят только в 2009 г.).

Мне очень понравилась книга, изданная в этом году, об итальянцах, которые служили в армии Габсбургов («*Tra due divise*»). Часто их отправляли на Восточный фронт.

Тема Первой мировой войны исследуется, и принимаются также другие подходы: когда я был студентом, работа Алессандры Стадерини о Риме во время Первой мировой войны (образ города, очень далекого от фронта) открыла новые перспективы в исследовании итальянского общества в контексте всеобщей мобилизации. Также Анджело Вентроне опубликовал в 2015 г. интересную работу о роли техники в Великой войне.

А. С. Есть ли в сегодняшней Италии поклонники Муссолини, открыто заявляющие об этом? И как периодически происходящие в итальянской политике сдвиги вправо, связанные среди прочего с закономерной реакцией в обществе на проблему беженцев, сказываются на отношении к Муссолини?

Д. С. Есть, и уже давно происходит некоторая «реабилитация» Муссолини. Последний пример — использование цитаты дуче министром внутренних дел Италии Маттео Сальвини. Эта реабилитация идет с 1990-х, когда политическая система, рожденная после войны, в которой были представлены силы, организовавшие Сопротивление в стране, рухнула.

Сильвио Берлускони победил на выборах 1994 г. в коалиции с двумя силами, которые были аутсайдерами тогдашней политики: Лигой Севера и Национальным альянсом. Тогда это был предвыборный список Итальянского социального движения, партии, которая стала наследницей опыта

Муссолини в 1946 г. Эта коалиция тогда не имела никакой связи (кроме личной у некоторых ее представителей) с предыдущей эпохой, и Берлускони никогда не упускал возможности подчеркнуть это. Причем некоторые заявления Берлускони звучали как оправдание фашистского режима — например, известные «Муссолини отправил оппозиционеров в отпуск» и «Муссолини никого не убивал», прозвучавшие в 2003 г. Историк Серджо Луццатто в памфлете «Кризис антифашизма» (*La crisi dell'antifascismo*, Einaudi, Torino, 2004) очень подробно и полемично проанализировал то, как наследие антифашизма и его ценности начали переживать глубокий кризис в начале XXI в. Стефано Пивато в его работе о памяти и интерпретациях отечественной истории в итальянской политике 1990–2000-х гг. написал о «дефашистизации фашизма», показывая, как была принята стратегия сурового осуждения Холокоста и расовых законов 1938 г. Но одновременно он характеризует образ режима Муссолини как положительный в плане внутренней политики. Таким образом, такие вопросы, как фашистское насилие в 1919–1925 гг., преследования политических оппонентов (от Джакомо Маттеотти до Антонио Грамши), колониальная политика в Ливии и эфиопская война, интервенция в Испанию в период гражданской войны, военные преступления в Югославии и в Греции, — исчезали в том нарративе, где предпринимается попытка реабилитировать фашизм, с типичной фразой «если Муссолини не стал бы союзником Гитлера...».

Сегодня на фоне экономического кризиса такой нарратив даже не пытается больше скрывать расовую политику фашизма, и этим летом впервые за более чем 70 лет министр внутренних дел привел слова Муссолини о том, что «много врагов — много чести», в день рождения диктатора. Именно Лига и его лидер Сальвини достаточно осознанно используют языковые образы и метафоры фашизма.

А.С. Триест хорошо интегрировался в Италию, однако триестская проблема существовала долго, была решена лишь в 1970-е гг. Но кроме Триеста есть еще обширные земли на Адриатике (Истрия, Далмация), которые были тесно привязаны к Италии, считались и во многом были частью итальянского геополитического и культурного пространства. А сегодня есть ли в Италии в каких-то кругах, как во времена Д'Аннунцио с его знаменитой авантюрой по захвату Фиуме (Риеки), ощущение Адриатики как своего рода внутреннего итальянского моря?

Д.С. Адриатический вопрос нужно рассматривать в более широком контексте, ведь то, что сначала ирредентизм, а потом фашизм и его наследники назвали «итальянскими землями», — это были многонациональные, поликонфессиональные, поликультурные окраины Венецианской республики и империи Габсбургов.

Сам город Триест имеет весьма специфическую и интересную историю. С 1382 до 1918 г. этот символ итальянского ирредентизма был

главным портом Габсбургов, будучи частью Erblander, т.е. наследных земель австрийской династии. Анна Мария Винчи во введении к своей книге о фашизме на восточной границе подчеркивает многообразие того региона, который с 1849 г. носил для Вены название Австрийского приморья, для словенцев — Словенского побережья, а для итальянцев — Венеция-Джулия. Это название впервые появилось в 1863 г. в работах лингвиста Грациаджо Исая Асколи, который был родом из Гориции. Но этот регион с X в. до 1799 г. не имел общей истории — побережье Истрии и Далмации находилось под влиянием и управлением Венеции и Рагузы. Но Триест, внутренняя Истрия и Гориция входили в состав Австрии, так что пути развития и идентификации этих земель были весьма разными, особенно в плане того, что в современной историографии называют *multiple loyalties*, возникновение которых типично для многонациональных регионов. Язык городов региона был либо итальянским, либо немецким, а в деревнях были распространены словенский и хорватский. Часто бывало, что крестьянин, который переселился из далматинской деревни в Рагузу (Дубровник) или в Триест, мог начать говорить на итальянском и принять соответствующую идентичность. Но такая хрупкая система баланса, которая существовала в австрийской администрации региона, стала объектом критики и жертвой растущего национализма в крае (как итальянского, так и словенского и хорватского) — и это была «национальная борьба, которая могла выполнять свою задачу только

в плане уничтожения одной из двух рас, которые воют», как написал крайний ирредентист Руджеро Фаусто Тимеус в 1910-х гг.

То, как сегодня рассматривается «Адриатический вопрос» в Италии, — интересная проблема памяти, которая выражается в проблеме «дефашистизации фашизма», потому что потеря этого края была связана с поражением Муссолини. Попробую объяснить подробнее.

Война в Югославии была страшной, Муссолини захватил почти всю Словению и хорватский берег, аннексировал их. Так называемая Люблянская провинция стала центром антифашистского сопротивления. Генералы Марио Роатта и Марио Роботти подписали приказы (самым известным был «3С»), по которым применялось насилие против гражданского населения. Подразумевалось, что каждый словенец мог бы быть сторонником партизан.

В сентябре 1943 г. произошло антифашистское восстание в Истрии, в котором приняли участие и итальянские дезертиры и партизаны — и в течение месяца в регионе происходили жестокие столкновения с немецкими частями, итальянскими фашистами и местными коллаборационистами.

В это время начали использовать огромные ямы для массовых захоронений жертв войны, и уже в 1943 г. были сообщения в фашистской прессе о массовых убийствах итальянцев в регионе, хотя это носило политический, а не национальный характер. Истрийские партиза-

ны освободили 3000 итальянских солдат, которые были отправлены в немецкие концлагеря потому, что не хотели продолжать войну под знаменами Гитлера.

После войны Триестский вопрос стал флагом антикоммунистических сил Италии, от Христианско-демократической партии до неофашистов в Итальянском социальном движении. Использовались именно понятия «исход» и «фоибе» как символ национального жертвования — и часто это была война цифр. Из Истрии и Далмации на самом деле были переселены от 200 до 250 тысяч человек. Но самое интересное, что и те, кто уехал, могли посещать родственников, которые остались. Это можно найти в мемуарах эмигрантов (и это тоже факт — есть итальянская община в Истрии и в Риеке, с газетами, депутатами и пр.).

В 1991 г., когда война в Югославии была в самом разгаре, делегация Итальянского социального движения во главе с ее генеральным секретарем Джанфранко Фини посетила Белград и предложила сербам разделить Хорватию. Существовала целая кампания, в которой использовались плакаты с надписью «Ritorneremo» (вернемся), это было в 1992 г.

В 2004 г. под давлением Национального альянса (бывшее Итальянское социальное движение) был принят закон о «дне памяти» об исходе из Истрии и фоибе. Была определена дата — 10 февраля, т.е. день, когда в 1947 г. Италией был подписан мирный договор с державами-побе-

дительницами в Париже. Мне кажется, это говорит о представлении об итогах войны у некоторых политиков... Сегодня никто не питает таких опасных ирредентистских иллюзий о «возвращении», однако речь идет о еще одной огромной проблеме в формировании исторической памяти в Италии.

А.С. Любой, кто занимается историей мирового коммунистического движения и его идеологией, знает о том, какое место занимает Грамши в марксистской идейной традиции XX в., как и о том, насколько масштабными и влиятельными по мировым меркам левыми политиками были Тольятти и Берлингуэр. Насколько актуально сегодня их наследие в контексте левой итальянской традиции?

Д.С. Существует кризис итальянской левой традиции, и он продолжается уже десятилетия после того, как Итальянская коммунистическая партия в начале 1990-х поменяла название и пережила раскол. Идея «коммунистического возрождения», которую предлагала Рифондационе Комуниста (т.е. Партия коммунистического возрождения), потерпела кризис, потому что колебалась между участием в коалиционных правительствах в регионах и в Риме и созданием альтернативы.

С другой стороны, то большинство, которое в 1990 г. основало Левую демократическую партию (Partito democratico della sinistra), не смогло пережить кризиса идентичности и часто «каялось» в преступлениях коммунизма — и не могло при этом стать социал-демократическим.

В итальянском языке есть очень точный неологизм — «nuovismo» (новизм), который показывает этот бесконечный поиск «нового». Левые демократы решили в 2007 г. создать новую партию с христианскими демократами — Демократическую партию, но она не имеет никакого отношения к богатому прошлому итальянской левой традиции (не только коммунистической, но и социалистической и радикально-демократической). Но влияние, например, Антонио Грамши еще ощущается в некоторых кругах — потому что его инструменты интерпретации общества весьма актуальны (имею в виду его представления о гегемонии и о роли интеллектуалов). Но мне кажется, что это влияние более интеллектуальное; Берлингуэр до сих пор остается для многих символом честной политики, а про Тольятти мало говорят, хотя существуют интересные исследования.

А.С. Память не только о длительном габсбургском господстве над большей частью Северной Италии, но и о сравнительно недавних довольно острых территориальных спорах по Южному Тиролю осложняет ли до сих пор ваши отношения с австрийскими немцами или уже не относится к проявлениям «горячей памяти»?

Д.С. Осложнений в Южном Тироле в последние два десятилетия нет, и мне кажется очень символичным, что провокация Вены, состоящая в том, чтобы давать австрийское гражданство жителям региона, не имела слишком большого резонанса в Больцано. Я называю это провокацией, потому что, как под-

черкнул бывший канцлер Христиан Керн, такие вопросы уже давно можно считать решенными, и Австрия, и Италия состоят в Европейском союзе. Автономия Южного Тироля стала успешным шагом Рима в решении национального вопроса в регионе. Права, которые имеют жители края, очень расширены: например, присутствие трех национальных систем образования на родном языке (итальянский, немецкий и ладинский) для жителей региона. Времена послевоенного конфликта, которые длились до конца 1980-х, кажутся далекими, однако те действия, которые предприняла Вена недавно, могут возыметь последствия.

А.С. Италия стала сильной единой державой довольно поздно и была обделена своими колониями. Попытки позже наверстать упущенное в Ливии и особенно в Эфиопии не были удачными. А что воспринимается сегодня в Италии как символы державного величия и есть ли потребность в таких символах?

Д.С. Тот факт, что именно культурное наследие воспринимается как символ итальянского величия (Италия среди всех стран стоит на первом месте по числу объектов, включенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, — 53 наименования), конечно, радует, хотя и наблюдается рост ксенофобии и шовинистических тенденций в стране. Что касается колониализма, как я уже заметил, этот вопрос до сих пор не отработан в итальянском обществе, и даже в системе образования об этом говорят мало. Могу пересчи-

тать на пальцах университетские курсы об истории итальянского колониализма; образ «итальянцы — хороший народ» (*Italiani brava gente*) до сих пор существует, и так назывался на итальянском совместный италосоветский фильм о войне (на русском — «Они шли на восток»).

А.С. До сих пор сильные региональные различия между выходцами из Северной и Южной Италии проявляются ли в исторической памяти, в различиях исторического опыта?

Д.С. Конфликт памяти начал иметь место с подъемом Лиги Севера в конце 1980-х и сейчас присутствует на Юге. Я уже рассказывал о Гарибальди, но есть и более острые моменты. Летом 2017 г. в региональном совете Апулии была принята резолюция «о дне памяти южных жертв итальянского объединения». Предлагалось назначить дату 13 февраля, в память о капитуляции последней бурбонской крепости в Гаэте.

Итальянское общество исследований современной истории, *SISSCO*, подготовило очень подробный и интересный ответ, в котором призывает к дискуссии. Нужно заметить, что консультантом резолюции был публицист Пино Априле, который совсем не историк, однако Итальянское общество публичной истории также настаивало на от-

крытии научной дискуссии в рамках институций. Но этого не случилось, а жаль: сложная обстановка в стране во время экономического кризиса требует именно более аккуратно-го научного подхода к изучению и к дискуссиям об исторических событиях, их интерпретациях.

А.С. Один их крупных деятелей кино и театра Франко Дзефирелли как-то сказал: я сначала флорентинец, а потом уже итальянец. Память о традициях великого города и очага ренессансной культуры оказалась в случае с ним, наверно, сильнее памяти о Рисорджименто. А насколько сильны сегодня в Италии традиции локальной памяти, насколько разделяют они итальянцев?

Д.С. Италия — страна городов и регионов, и мне кажется, что надо смотреть на это не как на «слабость», а как на ресурс. Полицентризм, присутствие сильных университетов в разных городах, городская традиция, местные диалекты, обычаи и наречия — мне кажется, все это — огромный «плюс» для страны. Использовать эти элементы для противостояния — опасно и глупо, и это значит не понять, как это хорошо, что мы — разные, но при этом объединенные. Пожалуй, да, я тоже поддерживаю высказывание Дзефирелли: я сначала неаполитанец, а потом уже итальянец.

"ITALY IS A COUNTRY OF CITIES AND REGIONS, AND IT SEEMS TO ME THAT IT IS NECESSARY TO LOOK AT THIS NOT AS A "WEAKNESS", BUT AS A RESOURCE".

Interview with Giovanni Savino

Savino Giovanni— PhD, associate Professor of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and the Institute of the foreign languages of Moscow State pedagogical University (Moscow)

Key words: Italy, historical memory, local memory, ancient heritage, Renaissance, Risorgimento, Garibaldi, Mussolini, Gramsci.

Abstract. The conversation with an Italian historian of new generation is focused on a wide range of problems of modern Italian historical memory.

ДУЧЕ, ФАШИЗМ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ИТАЛИИ

Ключевые слова: Итальянский фашизм, Муссолини, политика памяти, итальянская историография.

Аннотация. Авторы статьи рассматривают проблему интерпретации недавнего прошлого современными политическими силами Италии, публицистикой, а также западной историографией. Поводом для постановки проблемы явился выход в 2018 г. на национальные экраны фильма о Б.Муссолини «Я вернулся».

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-207-223

Выпяченная челюсть, бритый череп, кулаки, упертые в бока, черная рубашка, военный френч и сапоги — его легко узнать. Бенито Муссолини собственной персоной на улицах Рима. Ему улыбаются, с ним делают фото и селфи, многие вскидывают правую руку в фашистском «римском приветствии». «Я вернулся» — так назван фильм, снятый итальянским режиссером Лукой Миньеро спустя пару лет после немецкого «Он вернулся» о Гитлере, попавшем в современную Германию. **Эксперты спрашивают: возвращение дуче — шутка или реальная угроза?**

Фильм вышел на экраны страны 1 февраля 2018 г., и за две первые недели он сумел собрать сумму

© Любин В. П., Терехова Н. Г., 2018

Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва); valerij.ljubin@gmail.com

Терехова Наталья Геннадиевна — старший преподаватель, НИУ ВШЭ (Москва); nterekhova@hse.ru

в € 84275,00¹. По мнению некоторых экспертов, режиссеру удалось «обнажить важную проблему: Муссолини не нужно возвращаться, он никогда и не уходил. В отличие от немцев в их отношении к Гитлеру, итальянцы к своему чудовищу испытывают нечто вроде ностальгии, принимают его благодушно. Да, он был диктатором, но не таким плохим. Зря он пошел на поводу у усатого психопата, но при нем поезда приходили точно по расписанию. На самом деле наступил момент рассчитаться с ним, предать его суду истории, прежде чем снова будет слишком поздно» (Starace 2018).

Суд истории вершат тем не менее сами люди, в том числе граждане страны, ставшей родиной фашизма.

Одной из сильных сцен в фильме является та, где пожилая женщина

¹ См.: URL: www.mymovies.it/film/2018/lui-e-tornato/.

несмотря на болезнь Альцгеймера все же узнает Муссолини и обрушивает на него весь гнев, вспоминая свою истребленную в нацистском концлагере семью. Ей 81 год (как и Берлускони, напоминает героиня), ее мать — еврейка, и в детстве она видела, как ее двоюродных братьев депортировали в Освенцим.

Широкомасштабная выставка «Лживость расовой теории: Документы и образчики фашистского расизма и антисемитизма»² прошла во многих городах Италии в 1990-е гг. и вызвала резонанс в обществе. Тема расовой политики в период правления Муссолини, принятия в 1938 г. расовых законов и последующей, уже в последние годы Второй мировой войны, депортации итальянских евреев в нацистские концлагеря долго оставалась в тени.

Одному из авторов статьи довелось присутствовать на открытии той выставки в столице страны в 1996 г. С речами антифашистской направленности на ее открытии выступили придерживавшийся левых взглядов тогдашний мэром Рима Ф. Рутелли (он первенствовал в 2001 г. на выборах мэра, нанеся поражение кандидату от бывшей неонацистской партии Дж. Фини) и видные историки. Но это были времена, когда в Италии еще была сильна победившая в ходе войны и господствовавшая как в обществе, так и в послевоенной итальянской историографии политическая культура антифашизма.

² См. каталог этой выставки: (La menzogna 1994).

Историк Энцо Коллотти и его коллега Давид Бидусса написали для каталога той выставки очерки об антисемитизме в Европе между двумя мировыми войнами (Collotti 1994: 101–112) и об «особых» чертах итальянского антисемитизма (Bidussa 1994: 113–124). Бидусса напоминает, что известный философ и политолог Ханна Арендт, сама будучи еврейкой, вынужденной эмигрировать в США из гитлеровской Германии, еще в 1964 г. писала, что «не существует того, что называют коллективной виной или коллективной невиновностью». Он добавляет, что Муссолини в его напумевшей книге-интервью немецкому писателю Э. Людвигу, изданной в 1932 г., заявил: «Не существует чистой расы. Самое смешное, что никто из сторонников расовой теории о чистой германской расе не является немцем: Гобино — француз, Чемберлен — англичанин, Вольфман — еврей» (Ibid.: 113). Создателям книги-каталога удалось показать, почему при дуче в 1938 г. были приняты расовые законы. Из-за них потом в Освенцим были отправлены тысячи итальянских евреев.

Лишь недавно в рамках осуществляемой в ЕС программы изучения истории Холокоста эту тему стали разрабатывать более глубоко и итальянские исследователи. Свидетельством этого стала научная конференция в 2017 г. в Риме в университете ЛУИСС: «Италия и депортация евреев на оккупированных территориях во время Второй мировой войны, 1939–1945 гг.». На ней среди других с докладом выступила и соавтор данной статьи (см.: Terexhova 2017).

Возвращаясь к фильму о реинкарнации дуче, появившемся в современной Италии, заметим, что он вышел на экраны за два месяца до выборов в парламент 4 марта 2018 г. По мнению режиссера Миньеро, «призраки Муссолини живут в каждой итальянской избирательной кампании». «Нашего Муссолини, который возвращается, — добавляет он, — боятся не потому, что фашизм может вернуться, а потому, что он возвращается в страну, ставшую с помощью средств массовой информации популистской»³.

Антифашистски настроенная часть итальянского населения, разумеется, не приветствует новое наступление неонацистских сил, истоки которого восходят ко времени смятения в обществе после падения Первой республики в 1992 г. Она ушла вместе с коммунистической системой на Востоке Европы, с окончанием доминирования и распадом СССР. Антифашистам непонятно, почему все усилия послевоенных десятилетий, когда передовые, прогрессивные силы так много сделали для того, чтобы в мире понятие «итальянец» перестало отождествляться с понятием «фашист», идут насмарку.

В современном итальянском обществе, по-видимому, забыли, что «возмутитель спокойствия» в послевоенной историографии Р. Де Феличе, написавший восемь толстых томов

биографии Муссолини, изданных в 1960–1990-е гг., начал первый том своей эпопеи под заглавием «Муссолини — революционер, 1883–1920» с цитаты из другого историка, К. Казуччи, заметившего, что «итальянцы в определенный момент стали фашистами, никогда не переставая от этого быть итальянцами, чтобы потом стать или вернуться к тому, чтобы стать демократами», и «задача историографии — провести анализ этого процесса во всей его полноте, без лакун (*senza hiatus*), без “скобок” (*senza “parentesi”*), не отделяя каких-либо его компонентов, а определяя, в чем различие между ними, и постоянно сводя их к единству истории» (цит. по: *De Felice* 1965: XXX).

В XXI в. сформировалось интересное направление на стыке истории и политологии, занимающееся изучением «политики памяти». Первый сборник по этой тематике на русском языке вышел в 2012 г., его составили работы российских и европейских историков (*Миллер, Липман* 2012). Механизмы формирования и использования коллективной памяти, причины и особенности «исторических войн» внутри отдельных государств и в международных отношениях стали предметом анализа авторов из 13 стран. К сожалению, ситуация в Италии не нашла своего отражения в издании, а она, несомненно, представляет немалый интерес и дает богатую пищу для размышлений.

Одна из первых обзорных работ по проблеме реконструкции практик и восстановления памяти

³ URL: www.adnkronos.com/intrattenimento/spettacolo/2018/01/29/miniero-resuscita-mussolini-quello-che-rabbia-che-uno-noi_HR3S11iGarcLLeNq11rrQJ.html?refresh_ce.

о фашистском двадцатилетии вышла в Италии в 2009 г. Авторы поставили в центр повествования так называемые «социальные центры», состоящие из экстремистски настроенных людей, в основном молодежи. Они «ждут нового дуче, у них железные законы, они расползаются по городским окраинам, в Сети, в школьных группах, эти воинственные группы живут далекими мифами и в окружении врагов, которые всегда под рукой» (*Fasanella, Grippo* 2009). Авторы подробно рассказали о ведущей силе этого движения, называющей себя КазаПаунд, о смычке с футбольными фанатами и боксерскими секциями.

О том, что в итальянской «политике памяти» зияют незаполненные бреши и научный поиск историков должен быть продолжен, тем более что во время правления правых во главе с С. Берлускони предпринимались попытки реабилитации фашизма, объективно написал швейцарский автор Арам Маттиоли. Он посвятил свое исследование, вышедшее на немецком языке, «“Да здравствует Муссолини!”. Реабилитация фашизма в Италии Берлускони» (*Mattioli* 2010) интерпретациям деяний фашизма в Италии во время нахождения правых сил у власти. То, что это было сделано не итальянским, а зарубежным историком, по-своему симптоматично.

Ревизионистской политике блока Берлускони в сфере исторической памяти не придавалось особого научного значения, замечал Маттиоли. В 1952 г. в Италии был принят закон о запрете апологии фашизма. В стране доминировали антифа-

шистские идеалы, пик этого пришелся на 1963–1978 гг. Несмотря на то, что Италия стала первой страной Европы, где пришел к власти фашизм, а режим Муссолини просуществовал в два раза дольше, чем режим Гитлера, «свинцовые годы диктатуры в коллективном историческом сознании после 1945 г. играли лишь подчиненную роль» (*Ibid.*: 27–28).

С середины 80-х гг. воздействие мифа об антифашистском Сопротивлении слабело в обществе. Знаменитые деятели Сопротивления уходили со сцены. Поколение политиков, к которым принадлежат С. Берлускони, У. Босси, Дж. Фини, уже не относится к тем, на кого оказали воздействие фашизм и Вторая мировая война. Эти политики видели в антифашизме лишь троянского коня коммунизма. Трещины в антифашистском консенсусе появились уже в период нахождения у власти с 1983 г. правительства Б. Кракси.

Историк Р. Де Феличе дал импульс историческому ревизионизму. Он выставлял фашистский режим как авторитарный, редко прибегавший к насилию, скорее патерналистский, но не тоталитарный и поэтому не сравнимый с нацистской диктатурой. Режим Муссолини освобождался от ответственности за соучастие в преступлениях нацистской Германии и представлялся умеренной диктатурой. В результате возобладания таких подходов преступления фашизма в итальянском общественном мнении замалчивались.

Имелось мало исторических исследований о том, как итальянские

фашисты уничтожили сотни тысяч людей в Африке, на Балканах, на оккупированных ими греческих островах. «Мечта Муссолини о создании второй Римской империи унесла в Африке гораздо больше жизней, чем отличавшаяся немалыми человеческими жертвами испанская гражданская война» (Ibid.: 75). Колониальные преступления в Ливии и на Африканском роге принадлежат к самым темным страницам итальянской истории. Но как только кто-либо в Италии пытался критически оценить колониальное прошлое, тут же звучали возражения, что «мы больше дали колониям, чем от них получили» (Ibid.: 76).

После 1945 г. никто из итальянских военных преступников не ответил перед судом за свои военные преступления, содеянные в Ливии и Эфиопии. Вернувшееся к власти в Эфиопии правительство Хайле Селассие безрезультатно требовало проведения международного трибунала по Италии по примеру Нюрнбергского процесса.

Развернулись дискуссии по поводу значения Сопrotивления в истории Италии, вызванные выходом в свет книг Р. Де Феличе «Красное и черное» (De Felice 1995), Э. Галли Делла Лоджиа «Гибель родины» (Galli Della Loggia 2003) и Дж. Пансы «Кровь побежденных» (Pansa 2003). Де Феличе утверждал, что после полувека ее существования антифашистская интерпретация истории должна быть преодолена. Высказанные в работах трех упомянутых авторов тезисы были приняты сторонниками берлускониевского правого блока и отвергнуты

представителями левых сил. За попытками реабилитации фашистов так называемой Республики Сало (марионеточного государства на оккупированной Германией территории в 1943 г.), по мнению историка К. Павоне, стоит мотив «не примирения, а реванша» (Mattioli 2010: 104–105).

Муссолини стремился создать фашистскую империю, которой наряду с Северной Африкой, Мальтой и частью Южной Франции принадлежал бы Балканский полуостров. Для подавления сопротивления недовольных отправляли в рассеянные по всей «Великой Италии» в 1940–1943 гг. концентрационные лагеря. Фашистский режим держал в них не только антифашистов и «враждебных иностранцев», но и людей, принадлежавших к нежелательным меньшинствам. Рядом с лагерями для евреев и цыган возникали лагеря для славян. Итальянские военные совершили серьезные преступления в Югославии, Албании и Греции.

Преступная политика фашистских оккупационных властей вызывала ненависть к итальянцам. Когда фашистский режим пал, многие югославы из-за допущенной ранее в отношении них несправедливости не делали различия между фашистами и итальянцами. Взятых в плен итальянцев сбрасывали в ущелья (фойбы), где они умирали мучительной смертью. После того как по Парижскому мирному договору бывшие итальянские провинции Пола, Фиуме и Зара, равно как и части областей вокруг Триеста и Гориции, отошли к Югославии, условия

проживания в них итальянцев ухудшились. До 1954 г. 300 тыс. из них покинули родные места и переселились в Италию, где поначалу проживали в 109 временных лагерях.

Точные данные о погибших в фойбах трудно получить, не всех смогли потом поднять из ущелий и захоронить, часть документов отсутствует. Согласно серьезным исследованиям, называется цифра в 5 тыс. человек. Некоторые историки и публицисты доводят эту цифру до 20 тыс. Некорректно выглядят попытки представить эти расправы как «этнические чистки» итальянского населения со стороны югославских коммунистов. Как подчеркивает историк из Любляны М. Верджинелли, «в эти расщелины бросали не только итальянцев, но и немцев, словенцев, хорватов, некоторых еще живыми. Все сражавшиеся стороны использовали те же самые ущелья, то же делали и немецкие войска, и фашистские войска Республики Сало» (Ibid.: 108).

Во времена холодной войны итальянские власти замалчивали эту темную главу истории. Ведь намерение привлечь к суду ответственных за расправы в фойбах могло бы спровоцировать ответное желание привлечь к судебной ответственности тех, кто совершил тяжкие военные преступления в оккупированной Югославии. По соображениям государственной целесообразности, главы правительств не хотели бередить старые раны и портить отношения с соседями.

Скандалный крах итальянской Первой республики привел к «по-

литическому вакууму». Им успешно воспользовался союз правых сил из партий «Вперед, Италия», «Национальный альянс», «Лига Севера». Они начали в своем духе менять политическую культуру. Страна пережила волну исторического ревизионизма. Фашисты Республики Сало и партизаны-антифашисты Сопротивления ставятся правыми на одну доску под предлогом, что и те, и другие сражались за Отечество.

Италия XX в. стала, по наблюдению Маттиоли, «своего рода испытательной лабораторией, где проверялись нехорошие идеи», распространявшиеся затем на другие части света: фашизм, мафия, левый терроризм. К тем же нехорошим идеям относится и искаженная «культура памяти» периода нахождения у власти Берлускони. Маттиоли называет аномалией то, что лишь небольшое меньшинство считает это скандальным явлением.

«За неполные двадцать лет С. Берлускони изменил Италию так, что отцы-основатели послевоенной республики сейчас вряд ли ее узнают. Несомненно, некоторые из них устрашились бы, увидев, в каком состоянии оказалась страна. Коекто призывает противодействовать идеологическому злоупотреблению историей. В конце концов, это злоупотребление опасно для цивилизованного сосуществования», заключил Маттиоли ((Ibid.: 153).

Обвинения швейцарского историка и его критика особенностей «политики памяти» в Италии вызвали должную реакцию. В последние го-

ды итальянские историки создали ряд работ, в которых раскрываются как раз те темные пятна национальной истории (см., напр.: *Del Boca* 2014), на которые указал Маттиоли. Показателен и сам факт, что его книга была быстро переведена на итальянский.

Еще до издания процитированной монографии в статье «Под итальянским сапогом», опубликованной 19 октября 2006 г. в «самой интеллектуальной», по мнению многих, немецкой газете «Die Zeit», А. Маттиоли выдвинул обвинения против итальянских фашистов. Он осуждал их жестокость в оккупированной в 1941–1943 гг. Югославии: «29-месячная оккупация превратилась в одну из самых криминальных глав в истории режима Муссолини» (*Mattioli* 2006).

Сейчас в Италии заметен интерес к проблематике преступлений фашистского режима. Он формируется профессиональными историками, профессорами университетов, сотрудниками архивов. Старательно созданный дипломатией и пропагандой миф о «добрых итальянских военных» постепенно и настойчиво развенчивается. Один из итальянских исследователей — Давиде Конти в недавней работе «Муссолини и его люди» (*Conti* 2017) анализирует деяния 1200 итальянских военных преступников.

Среди более ранних работ этого молодого историка следует упомянуть исследование 2011 г. «Итальянские военные преступники: обвинения, процессы и безнаказанность после Второй мировой войны» (*Conti* 2011).

В этой монографии итальянский историк проследил этапы военного присутствия итальянских войск в Испании, Эфиопии, Албании, Югославии, Греции, СССР, сделав акцент на масштабе и характере военных преступлений. Он перечислил наиболее одиозные фигуры командующих и офицеров, которые так и не были выданы, несмотря на многочисленные запросы, направленные пострадавшими от агрессии Италии странами.

Опираясь на большой массив архивных источников, в главе III «Италия и военные преступления в СССР» (*Ibid.*: 165–191) Конти рассказывает о драматических особенностях итальянской оккупационной политики на советских территориях. Приводя отрывки из донесений итальянских офицеров, историк обращает особое внимание на употребление термина «бандиты»⁴.

«В тех зонах, где итальянские подразделения находили партизанские формирования, военные Королевской армии действовали согласно директивам высшего командования, осуществляя физическое уничтожение лиц, определяемых как *banditi*: “начиная с 14 часов про-

⁴ Отечественный историк И.И. Баринов придерживается другого мнения: «...важно подчеркнуть, что итальянцы всегда использовали термин “partigiani”, тогда как в немецких документах в большинстве случаев употреблялся термин “Banditen”. За этим терминологическим различием кроется фундаментальное отличие в понимании оккупационного режима, который две страны осуществляли на Восточном фронте». И.И. Баринов считает, что «разное понимание и разное восприятие партизан проявилось в принципиальной политике репрессий». См.: (*Баринов* 2011: 10).

водится операция по прочесыванию лесистой местности Высокий с целью обнаружения бандитов, о присутствии которых ранее была получена соответствующая информация. Руководит операцией капитан Казини...». На следующий день другой офицер, капитан Джузеппе Стефанелли, докладывал: «операция по прочесыванию территории от бандитов, начатая вчера, была закончена сегодня в сумерки. Зачищен весь лес в окрестностях Высокий. Имели место боестолкновения с бандитами, в результате которых шестеро из них были уничтожены, один офицер взят в плен. Наши потери: 6 военных ранены». Итальянский исследователь цитирует также донесение полковника Джузеппе Массайоли о том, что в зоне села Лысенково «убиты 4 бандита, из которых трое — офицеры», и далее «двое ранены, двое взяты в плен, с нашей стороны потерь нет» (Conti 2011: 171).

По мнению Конти, насилие в отношении местного сельского населения объяснялось воздействием созданного фашистской пропагандой негативного образа врага, который поддерживался итальянским командованием во время военных операций: «Все население было представлено как сочувствующее советским партизанам, что вписывалось в антикоммунистическую идеологическую установку, толкавшую оккупантов на проведение превентивных репрессивных мер по отношению к местным жителям» (Ibid.: 176).

Новую страницу в итальянской историографии удалось открыть благодаря усилиям профессора совре-

менной истории Университета Сиены Филиппо Фокарди. Несколько лет назад был опубликован его труд «Плохие немцы и хорошие итальянцы. Замалчивание вины за Вторую мировую войну» (Focardi 2013).

Переложить на немцев всю ответственность за развязывание и преступное ведение войны, подняв в то же время на общенациональный, эпический уровень движение Сопротивления — «таким образом, — пишет Фокарди, в Италии, как и в других странах, была смоделирована историческая память о военном конфликте, которая подтверждала невиновность итальянского народа»⁵. Однако, замечает историк, «в случае Италии есть некоторые особенности, которые выделяют ее в европейском контексте. Речь идет о стране, породившей — и это печальное первенство не может быть оспорено — фашизм. О стране, которая с середины 30-х гг., с агрессии против Эфиопии и далее, — выступала совместно с нацистской Германией... Желая играть роль великой державы, стремясь заложить “новый средиземноморский порядок”, монархо-фашистская Италия начиная с 1935 г. постоянно предпринимала военные усилия: агрессия против Эфиопии (1935–1936 гг.), массированное вмешательство в гражданскую войну в Испании на стороне Франко (1936–1939 гг.), оккупация Албании (апрель 1939 г.). Затем, после краткого периода “неучастия в военных действиях”, в июне 1940 г. Муссолини с согласия короля вовлек страну во второй

⁵ Здесь и далее до конца абзаца все цитаты по: (Focardi 2013: VIII).

мировой конфликт в качестве главного союзника Рейха». Историк напоминает, что Италия, послушная дуче, оккупировала Южную Францию, а с помощью гитлеровского вермахта — большую часть Греции и Югославии; приняла участие в нападении нацистов на Советский Союз, а также в течение трех лет проводила интенсивные боевые действия в Северной Африке.

Заметен вклад в изучение названных вопросов не только итальянской историографии. Так, в Германии в 2014 и 2016 гг. появились два серьезных труда о Муссолини и фашизме, их авторы — Вольфганг Шидер и Ханс Воллер⁶.

Историкам не дает покоя вопрос о том, кто из двух диктаторов — Гитлер или Муссолини — «доминировал» в германо-итальянских отношениях и кому больше надо приписывать вину за агрессивную политику развязывания Второй мировой войны. Вместе с тем историки ищут причины поражения в ней двух тоталитарных режимов. Хотя, казалось бы, в историографии этот вопрос давно решен, и историки сходятся во мнениях, что Муссолини действовал под диктовку своего более сильного в военном и экономическом отношении партнера — нацистской Германии, ориентацию на которую он взял с середины 1930-х гг., тем не менее существуют нюансы в интерпретациях исследователей.

В оставшейся, к сожалению, неопубликованной рецензии одного

из авторов данной статьи на книгу немецкого автора М. Кенига «Сотрудничество как борьба соперников за власть. Фашистская ось Берлин — Рим в военных действиях 1940–1941 гг.» (König 2007) отмечалось, что монография этого историка — Мальте Кенига — посвящена выяснению вопроса о состоянии германо-итальянских отношений, определявшихся заключенным между Гитлером и Муссолини договором, названным «Стальным пактом», в годы войны, конкретно в 1940–1941 гг. Вслед за интерпретациями таких авторов, как Мак Грегор Кнокс или Брунелло Монтелли, полагающих, что Италия из-за ее провалившихся военных кампаний на Балканах и в Греции к 1941 г. фактически являлась сателлитом Германии, Кениг доказывал, что после вступления фашистского режима в войну к зиме 1940–1941 гг. Италия при всех своих лучших побуждениях уже не была равноправным партнером. Причем, по мнению автора, заметную роль в неэффективности этого партнерства сыграло несходство характеров и внешнеполитических целей Муссолини и Гитлера.

Уже в предисловии автор дает характеристику источников и историографии вопроса. Он напоминает, что в одном из разговоров, записанных Борманом в феврале 1945 г., Гитлер назвал итальянское нападение на Грецию «идиотским походом» и в связи с этим заявил, что «союз с Италией, очевидно, помог больше нашим врагам, чем послужил на благо нам самим». Соблюдение преданности этому союзу, согласно фюреру, было ошибкой,

⁶ См. двоянную рецензию на эти книги: (Любин 2016).

ведь вместо того, чтобы помогать, союзник только стоял поперек пути. Разочарование Гитлера, некогда приверженца фашистской Италии, дошло до того, что он прибегнул к прямому обвинению: «Я часто высказывался в том смысле, что где Италия, там и победа, но лучше было бы сказать, что там, где достигалась победа, Италия ей только мешала» (Hitlers politisches 1981; цит. по: König 2007: 6).

«Блиц-наступление» итальянцев в Греции, начавшись в октябре 1940 г., захлебнулось уже через несколько дней и, благодаря сопротивлению греков, превратилось в затяжную, потребовавшую немалого напряжения сил зимнюю войну. Эти события решительно изменили представление немцев об Италии. Горькие поражения союзника по «Стальной оси» сначала на Балканах, а потом и в Северной Африке вызвали перемену в немецко-итальянских отношениях и привели к тому, что на рубеже 1940–1941 гг. итальянский фашистский режим был вынужден подчиниться более сильному союзнику (Ibid.: 7).

Начало Второй мировой войны явилось испытанием на прочность германо-итальянского союза. Еще во время конфликта в Абиссинии стало ясно, что идеологическая близость режимов, позволившая им заключить договор о «Стальном пакте», вовсе не гарантирует, что в сфере внешней политики между ними существует полное согласие. Заключение «Стального пакта», подписание двустороннего культурного соглашения, принятие законов против евреев в Италии в 1938 г. бы-

ли вехами процесса сближения двух государств. Воздержание фашистской Италии от вступления в мировую войну, ее политика балансирования не могли длиться долго. И в марте 1940 г. Муссолини сделал окончательный выбор, поставив на «Стальной пакт», проверкой на прочность которого могла стать лишь война. Дальнейший нейтралитет был для его правительства более рискован, чем вступление в войну, утверждал Кениг (Ibid.: 11).

В заключение монографии немецкий автор отмечал, что уже к осени 1940 г. было ясно, какое соотношение сил существует между этими двумя партнерами. Встреча двух диктаторов в Бергхофе в январе 1941 г. подтвердила подчиненное положение Италии. Так как итальянское правительство не было готово к такой подчиненной роли в рамках «Стального пакта», в 1941–1943 гг. трения между сторонами продолжались. Об этом свидетельствовали, например, напряженные отношения между двумя союзниками в совместно оккупированных зонах Греции и Хорватии, они были там скорее конкурентами, чем партнерами (Ibid.: 332).

Хотя Германия, как показывается в книге на конкретных статистических данных, была главной страной — поставщиком сырья и продуктов в Италию, возможности такой поддержки своего партнера (а в Италии уже к концу 1941 г. выявился недостаток продуктов питания) в плане снабжения необходимыми материалами и сырьем были не безграничны. Уже в 1942 г. немецкое влияние на игравшего

подчиненную роль союзника стало утрачиваться. В начале 1943 г. расхождения между германским рейхом и Италией представлялись неустраняемыми. Хотя в начале 40-х гг. в Германии работали десятки тысяч итальянцев, все более выявлявшаяся финансово-экономическая разруха вынуждала Италию возвращать свою рабочую силу из Германии. То немногое, что оставалось от бывшего сотрудничества, постепенно исчезало. Война и «Стальной пакт» были для Италии уже невыносимы, крушение «Оси» стало лишь вопросом времени (Ibid.: 336).

Нет ничего удивительного, что в современной Италии и других странах интерес к фигуре Муссолини и к фашистскому десятилетию не пропадает. Выходящие в свет книги или фильмы, наподобие «Он вернулся», постоянно его подогревают. Это стало действительно заметным в последнее десятилетие.

В конце 2010 г., накануне Рождества, пика продаж достигла книга успешного писателя А. Пеннакки «Канал Муссолини» (Penacchi 2010), получившая престижную литературную премию Стрега. Тогда ее купили около полумиллиона итальянцев. В романе воспроизведена эпопея создания в 1920–1930-е гг. на месте осушенных Понтийских болот близ Рима нового города, символа нового фашистского строя, получившего первоначально название Литториа, а потом переименованного в город Латина. «На эту совершен-

но новую землю, истощенную амбициозными проектами дуче и заполненную недавно созданными городами, с севера страны прибыли тысячи людей», — пишет Пеннакки. Он сам потомок этих переселенцев, живущий в более чем стотысячном городе Латина, построенном при фашизме на месте маленькой деревушки. Позже был снят фильм по его книге⁷.

В 2015 г. вышла вторая часть романа «Канал Муссолини», нашедшая такой же отклик у итальянских читателей. Опираясь на прошлое собственной семьи, автор скрупулезно описывает историю переселившейся в город Литториа семьи Перуцци. А фоном для этой саги служат штрихи к истории Италии и Европы того времени: создание и гибель Республики Сало, отношения Муссолини с Гитлером, любовные отношения дуче и К. Петаччи.

Писатель сказал, что он опустошен после окончания второй части романа, она забрала у него все силы. В одном из интервью Пеннакки охарактеризовал свое видение фашистского двадцатилетия и высказался так об отношениях Муссолини с влюбленной в него Клареттой Петаччи: «Рассказывать о двадцатилетии фашизма просто. Там есть ключевые моменты, которые надо иметь в виду. А потом, когда вы знакомитесь с перепиской между Клареттой и Муссолини... перед вами предстает великая история любви. Она искала смерти вместе с ним». «Ужасный, но исторически

⁷ См.: URL: www.ansa.it/web/notizie/rubriche/spettacolo/2010/10/01/visualizza_new.html_1756786371.html.

предопределенный конец», который стал «для всех нас чем-то вроде крещения», — заявил Пеннаки (*Nicci* 2015). Конечно, взгляды писателя разделяет лишь часть итальянцев. Но, судя по популярности его романа у читателей, их немало. Это надо учитывать тем, кто хотел бы знать, в каком состоянии находится нынешнее итальянское общество.

Действительно, недавно на итальянской литературной сцене появились и были быстро раскуплены «Дневник Муссолини»⁸, а затем «Дневники» его любовницы Клары Петаччи (*Petacci* 2011), расстрелянной партизанами вместе с дуче 28 апреля 1945 г. при попытке их бегства из Италии в Швейцарию.

В доказательство подлинности «Дневника» К. Петаччи автор предисловия ко второй части этого издания Миммо Францинелли приводит высказывание генерального инспектора государственных архивов Эмилио Ре. Он написал после ознакомления с этим источником в своем докладе в Министерство внутренних дел 15 октября 1950 г.: «Идет поиск дневников Муссолини... но я, не колеблясь, заявляю, что *настоящими и наиболее важными дневниками Муссолини являются именно дневники Петаччи*, в которых диктатор предстает обычным человеком... В них представлена не только сентиментальная жизнь диктатора, но и жизнь политическая и, следовательно, жизнь самой страны, и прежде всего, в ее наиболее решающие моменты» (*Ibid.*: 12).

⁸ См., напр.: URL: www.ilgiornale.it/news/cultura/ecco-ho-trovato-diario-inedito-duce-1145661.html?mobile_detect=false.

Ранее издавались «Дневники» министра иностранных дел Г. Чиано, зятя Муссолини, расстрелянного в январе 1944 г. в Республике Сало за предательство фашистского режима⁹. Они много используются в историографии.

Хотя серьезные историки сочли, по крайней мере, «Дневники Муссолини» фальшивкой (а многие считают таковой и «Дневники Петаччи»), все это снова всколыхнуло в обществе интерес к фашистскому прошлому и вызвало новые острые дискуссии, затрагивающие политику памяти.

Обращаясь вновь к современности, напомним, что в 2017 г. партия Новая сила (НС) распространила в сети призыв выйти на «марш патриотов» против «нелегитимного правительства, чтобы сказать — нет — закону, предоставляющему гражданство детям иммигрантов, родившимся на итальянской территории, и чтобы остановить насилие со стороны иммигрантов, совершивших нападение на нашу Родину». Инициатива крайне правой партии была приурочена к дате 28 октября. В этот день в 1922 г. по улицам итальянской столицы прошли 25 тыс. чернорубашечников из Национальной фашистской партии. НС связала свое выступление с 95-летием «марша на Рим». Призывы НС запастись «флагами, растяжками, подгонять автобусы и автомобили» были размещены

⁹ Законченный в декабре 1943 г. в тюрьме в Вероне, дневник Чиано вышел впервые в Нью-Йорке в 1946 г. и не раз был переиздан в Италии. См.: (*Ciano* 1980). Выходил и за рубежом, в том числе на русском языке: (*Чиано* 2010).

в Фейсбуке и набрали много одобряющих «лайков».

Демократическая партия (ДП), Итальянская Левая, Партия Возможностей официально обратились к министру внутренних дел с требованием не допустить заявленное мероприятие. Мэр Рима Вирджиния Раджи написала в Твиттере: «Марш на Рим не может и не должен повториться». Политики и депутаты, осудившие намерение НС провести этот «марш», говорили о прямом нарушении Конституции, закона Шельбы, принятого в 1957 г., который запрещает апологию фашизма, а также закона Манчино 1993 г., который осуждает жесты, действия и лозунги, имеющие отношение к фашизму. Они настаивали на запрете «марша» и на роспуске партии Новая сила.

Депутат от ДП Эмануэле Фиано, поддержанный 45 коллегами, выразил серьезную обеспокоенность нарушением общественного порядка, оскорбительным к памяти тех, кто пожертвовал жизнью, защищая Республику. В письме министру внутренних дел депутаты ДП обратили внимание на то, что идея провести такой марш — «не первая провокация Новой силы по отношению к столице и к истории». Они привели факты о действиях крайне правых в отношении мигрантов, угрозах священникам в регионах, назвали случай в римском районе Тибуртино-3, когда население ввели в заблуждение, чтобы вызвать гнев против мигрантов.

Фиано и его единомышленники уверены в том, что подобный марш

недопустим в городе, где «помнят о Фоссе Ардеатине¹⁰, о депортации евреев в концентрационные лагеря и о благородных страницах Сопrotивления, которое подарило нам Свободу». Этот депутат стал инициатором нового закона. 16 октября 2017 г. он был принят, теперь он известен как «закон Фиано», согласно которому пропаганда фашистского и наци-фашистского режима считается преступлением и наказывается заключением от 6 месяцев до 2 лет.

На принятие этого закона откликнулось Общество SISSCO, объединяющее историков, занимающихся исследованиями по новейшей истории. Это общество призвало исключить возможные запреты или санкции к тем, кто занимается научными исследованиями этого периода, а также какие-либо препятствия в распространении результатов исследований согласно практике, принятой в других европейских странах. SISSCO предупреждает о том, что вероятен риск ограничения свободы слова (*libertà di espressione*), особенно если границы поведения, попадающего под эту статью, точно не определены. По мнению членов Общества, средством противодействия остаются образование, свободный обмен знаниями, обсуждение острых проблем и убеждение.

27 января 2017 г., в день освобождения Красной армией узников

¹⁰ Ардеатинские пещеры — место в Риме, где в ответ на нападение на немецких оккупантов солдаты вермахта устроили 24 марта 1944 г. массовую казнь партизан и заложников, убив 335 человек в возрасте от 14 до 74 лет. В настоящее время там находится Национальный мемориал, посвященный движению Сопrotивления.

Освенцима, в Италии, как и в других странах Европы, отмечался День памяти. Синьора Сегре, последняя из оставшихся в живых после депортации итальянских евреев, по решению президента Итальянской Республики Серджио Маттарелла стала членом Сената. Он заявил при этом: «Серьезным заблуждением является утверждение, что у фашизма есть заслуги и что он совершил лишь две ошибки, приняв расовые законы и вступив в войну». «Расизм и война не были отклонением или эпизодами, это прямые и неизбежные проявления доктрины фашизма»¹¹.

Лидер партии Лига Севера (Lega Nord, в ноябре 2017 г. название партии было изменено) Маттео Сальвини не согласен с президентом Италии. Он стал после формирования нового правительства министром внутренних дел. Линия его партии в этом отношении резко отличается. Острая полемика между левыми и правыми по поводу исторического наследия страны и отношения к фашистскому прошлому продолжается.

Отрицательное отношение к упомянутому фильму «Я вернулся» выразила Карла Неспולי, президент Национальной ассоциации партизан Италии (ANPI). Ее недоумение вызвали итальянцы, показанные в фильме как неучи, праздно проводящие время и ностальгирующие по дуче.

А внучке диктатора Алессандре Муссолини фильм понравился: «Он меня растрогал, огорчил, разозлил», — заявила она. «Я ждала, что это будет

комедия, но фильм трагичный, молодец актер, исполняющий главную роль, ничего карикатурного, его выдуманный Муссолини — более настоящий, чем тот, которого порой представляет историография...» (Mastrantonio 2018).

В конце 2016 г. большой резонанс вызвал случай с двумя итальянскими полицейскими, которые выложили в социальных сетях свои фото с фашистским римским приветствием. По стечению обстоятельств они попали под пристальное внимание журналистов в связи с тем, что накануне им удалось ликвидировать на вокзале в Милане террориста, устроившего взрыв в Берлине. Но всеобщее восхищение и признательность сменились разочарованием, т.к. на фото один из полицейских вскидывает руку в римском приветствии. После этого правительство ФРГ объявило о намерении отозвать благодарность.

В 2016–2017 гг. развернулась полемика по поводу сохранения обелиска в Риме, на котором четко и крупно выбито: Mussolini Dux. Левые предлагали сбить эту надпись, чтобы не пропагандировать и не восхвалять дуче и фашизм (Fiano 2017). Депутата от ДП Фиано еще раньше поддержала бывший председатель Палаты депутатов итальянского парламента Лаура Больдрини, заявившая, что остающиеся памятники фашистского периода оскорбляют партизан, сражавшихся против фашизма (Boldrini). Но обелиск до сих пор стоит нетронутым.

Идет в стране и дискуссия о музее, посвященном жизни и деятель-

¹¹ ANSA. Roma, 25.01.2018.

ности дуче, в его родном городке Предапшио, который посещают многочисленные туристы, интересующиеся жизнью и деяниями правителя фашистской Италии. Известно, что создание музея обошлось в значительную сумму 5 млн евро (*Giubilei* 2016). Часть средств — 2 млн удалось получить из государственных фондов.

Споры в Италии о том, как надо относиться к фашистскому прошлому и к дуче, продолжают. Хватит ли сил у тех, кому их восхваление кажется недопустимым, противостоять этим тенденциям, покажет время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баринов 2011 — *Баринов И.И.* Итальянские войска на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН, серия История России. 2011. № 4.

Любин 2016 — *Любин В.П.* Schieder W. Benito Mussolini. München: C.H. Beck, 2014. Woller H. Mussolini. Der erste Faschist. Eine Biografie. München: C.H. Beck, 2016. URL: www.perspectivianet/publikationen/rencensio-moskau/2017-8.

Миллер, Липман 2012 — *Миллер А., Липман М.* (под ред.). Историческая политика в XXI веке. М., 2012.

Чиано 2010 — *Чиано Г.* Дневник фашиста, 1939–1943. М., 2010.

Bidussa 1994 — *Bidussa D.* I caratteri “propri” dell’antisemitismo // La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell’antisemitismo fascista. Bologna, 1994.

Boldrini — *Boldrini.* “I monumenti fascisti offendono chi ha liberato il nostro Paese”. URL: www.ilgiornale.it/news/politica/

boldrini-i-monumenti-fascisti-offendonochi-ha-liberato-1418820.html.

Ciano 1980 — *Ciano G.* Diario, 1937–1943 a cura di R. De Felice. Milano: Rizzoli, 1980.

Collotti 1994 — *Collotti E.* L’antisemitismo tra due guerre in Europa // La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell’antisemitismo fascista. Bologna, 1994.

Conti 2011 — *Conti D.* Criminali di Guerra italiani. Accuse, processi e impunit nel secondo dopoguerra. Milano, 2011.

Conti 2017 — *Conti D.* Gli uomini di Mussolini. Torino, Einaudi, 2017.

De Felice 1965 — *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Introduzione. Torino, 1965.

De Felice 1995 — *De Felice R.* Rosso e nero. Milano, 1995.

Del Boca 2014 — *Del Boca A.* Italiani, brava gente? Vicenza, 2014.

Fasanella, Grippo 2009 — *Fasanella G., Grippo A.* L’orda nera. Milano, 2009.

Fiano 2017 — *Fiano (PD).* “Giusto togliere scritte fasciste da monumenti”. La destra insorge: “Una pagliacciata” // Dire. Agenzia di stampa nazionale. 12 settembre 2017.

Focardi 2013 — *Focardi F.* Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale. Roma, 2013.

Galli Della Loggia 2003 — *Galli Della Loggia E.* La morte della patria. La crisi dell’idea di nazione tra Resistenza, antifascismo e Repubblica. Roma-Bari, 2003.

Giubilei 2016 — *Giubilei F.* Arrivano i fondi dell’Ue per il museo del fascismo // Stampa. Torino, 22.12.2016.

Hitlers politisches 1981 — *Hitlers politisches Testament.* Die Bormann-Diktate vom Februar und April 1945, mit einem Essay v. Hugh R. Trevor-Roper u. einem Nachwort v. Andre Francois-Poncet. Hamburg, 1981.

König 2007 — *König M.* Kooperation als Machtkampf. Das faschistische Achsenbündnis Berlin-Rom im Krieg 1940–41. Köln, 2007.

La menzogna 1994 — La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista. Bologna, 1994.

Mastrantonio 2018 — *Mastrantonio L.* Il fantasma Mussolini. Il ritorno del Duce: minaccia o burla? // Corriere della Sera. Milano, 2 febbraio 2018.

Mattioli 2006 — *Mattioli A.* Unter Italiens Stiefel // Die Zeit. Hamburg, 2006. № 43, 19. Okt.

Mattioli 2010 — *Mattioli A.* „Viva Mussolini!“ Die Aufwertung des Faschismus im Italien Berlusconi. Paderborn, 2010.

Nucci 2015 — *Nucci M.* La fatica di scrivere: Antonio Pennacchi e la seconda parte di “Canale Mussolini” // *minima&moralia*. Un blog di approfondimento culturale, 8.12.2015. URL: www.minimaetmoralia.it/wp/la-fatica-di-scrivere-antonio-pennacchi-e-la-seconda-parte-di-canale-mussolini/.

Pansa 2003 — *Pansa G.* Il sangue dei vinti. Quello che accadde in Italia dopo il 25 aprile. Milano, 2003.

Penacchi 2010 — *Penacchi A.* Canale Mussolini. Milano: Mondadori, 2010. URL: www.ansa.it/sito/notizie/cultura/unlibroalgiorno/2015/12/17/pennacchi-canale-mussolini-parte-ii_437a6342-1a40-4f76-ba6e-dcde1570284b.html.

Petacci 2011 — *Petacci C.* Verso il disastro. Mussolini in Guerra — Diari 1939–1940. A cura di M. Franzinelli. Postfazione di F. Petacci. Milano: Rizzoli, 2011.

Starace 2018 — *Starace A.* Sono tornato. La rimozione dell'imperdonabile, 1 febbraio, 2018. URL: www.instagram.com/alestarace/.

Terekhova 2017 — *Terekhova N.* La politica degli occupanti italiani nell'Urss nei confronti delle popolazioni ebraiche // L'Italia e la deportazione degli ebrei nei territori occupati durante la Seconda Guerra Mondiale: 1939–1945. Roma, LUISS, 11–12 maggio 2017.

DUCE, FASCISM AND HISTORICAL MEMORY IN ITALY

Ljubin Valerij P. — doctor of historical Sciences, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) (Moscow)

Terekhova Natalia G. — senior lecturer, HSE (Moscow)

Key words: Italian Fascism, Mussolini, Politics of the Past, Italian Historiography.

Abstract. The authors consider the problem of interpreting the recent past by modern Italian political forces, Western historiography and journalism. The reason for posing the problem was the release on the National screens of the film about Mussolini "I returned" in early 2018.

REFERENCES

Barinov I.I. Ital'ianskie voiska na okkupirovannykh territoriiakh SSSR v 1941–1944 gg. *Vestnik RUDN*, seriia Istoriia Rossii, 2011, no. 4.

Bidussa D. I caratteri “propri” dell'antisemitismo. *La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista*. Bologna, 1994.

Boldrini. "I monumenti fascisti offendono chi ha liberato il nostro Paese". URL: www.

ilgiornale.it/news/politica/boldrini-i-monumenti-fascisti-offendono-chi-ha-liberato-1418820.html.

Ciano G. *Diario, 1937–1943 a cura di R. De Felice*. Milano: Rizzoli, 1980.

Ciano G. *Dnevnik fashista, 1939–1943*. Moscow, 2010.

Collotti E. L'antisemitismo tra due guerre in Europa. *La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista*. Bologna, 1994.

Conti D. *Criminali di Guerra italiani. Accuse, processi e impunità nel secondo dopoguerra*. Milano, 2011.

Conti D. *Gli uomini di Mussolini*. Torino, Einaudi, 2017.

De Felice R. *Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Introduzione*. Torino, 1965.

De Felice R. *Rosso e nero*. Milano, 1995.

Del Boca A. *Italiani, brava gente?* Vicenza, 2014.

Fasanella G., Grippo A. *Lorda nera*. Milano, 2009.

Fiano (PD). “Giusto togliere scritte fasciste da monumenti”. La destra insorge: “Una pagliacciata”. *Dire. Agenzia di stampa nazionale*. 12 settembre 2017.

Focardi F. *Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale*. Roma, 2013.

Galli Della Loggia E. *La morte della patria. La crisi dell'idea di nazione tra Resistenza, antifascismo e Repubblica*. Roma-Bari, 2003.

Giubilei F. Arrivano i fondi dell'Ue per il museo del fascismo. *Stampa*. Torino, 22.12.2016.

Hitlers politisches Testament. Die Bormann-Diktate vom Februar und April 1945, mit einem Essay v. Hugh R. Trevor-Roper u. einem Nachwort v. Andre Francois-Poncet. Hamburg, 1981.

König M. *Kooperation als Machtkampf. Das faschistische Achsenbündnis Berlin-Rom im Krieg 1940–41*. Köln, 2007.

La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista. Bologna, 1994.

Ljubin V.P. *Schieder W. Benito Mussolini. München: S. N. Beck, 2014. Woller H. Mussolini. Der erste Faschist. Eine Biografie. München: C. H. Beck, 2016*. URL: www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2017-8.

Mastrantonio L. Il fantasma Mussolini. Il ritorno del Duce: minaccia o burla? *Corriere della Sera*. Milano, 2 febbraio 2018.

Mattioli A. Unter Italiens Stiefel. *Die Zeit*. Hamburg, 2006, no. 43, 19. Okt.

Mattioli A. „Viva Mussolini!“. *Die Aufwertung des Faschismus im Italien Berlusconi*. Paderborn, 2010.

Miller A., Lipman M. (pod red.). *Istoricheskaia politika v XXI veke*. Moscow, 2012.

Nucci M. La fatica di scrivere: Antonio Pennacchi e la seconda parte di “Canale Mussolini”. *minima&moralia*. Un blog di approfondimento culturale, 8.12.2015. URL: www.minimaetmoralia.it/wp/la-fatica-di-scrivere-antonio-pennacchi-e-la-seconda-parte-di-canale-mussolini/.

Pansa G. *Il sangue dei vinti. Quello che accadde in Italia dopo il 25 aprile*. Milano, 2003.

Penacchi A. *Canale Mussolini*. Milano: Mondadori, 2010. URL: www.ansa.it/sito/notizie/cultura/unlibroalgiorno/2015/12/17/pennacchi-canale-mussolini-parte-ii_437a6342-1a40-4f76-ba6e-dcde1570284b.html.

Petacci C. *Verso il disastro. Mussolini in Guerra – Diari 1939–1940. A cura di M. Franzinelli. Postfazione di F. Petacci*. Miano: Rizzoli, 2011.

Starace A. *Sono tornato. La rimozione dell'imperdonabile*, 1 febbraio, 2018. URL: www.instagram.com/alestarace/.

Terekhova N. La politica degli occupanti italiani nell'Urss nei confronti delle popolazioni ebraiche. *L'Italia e la deportazione degli ebrei nei territori occupati durante la Seconda Guerra Mondiale: 1939–1945*. Roma, LUISS, 11–12 maggio 2017.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРЖЕНИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Вторая мировая война, страны Оси, операция Барбаросса, отступление из России, итальянские нарративы войны, итальянская память о войне, векторы памяти, нарративные шаблоны, комплекс жертвы, героическое поражение, «хорошие итальянцы» (Italiani Brava Gente), самооправдание.

Аннотация. Несмотря на то, что Италия активно участвовала в нападении на Советский Союз, после Второй мировой войны воспоминания об этой и других военных кампаниях фашистского режима были отнесены на край национальной памяти. Тем не менее среди этих пренебрегаемых сюжетов истории Второй мировой войны Восточному фронту уделялось наибольшее внимание. Он часто становился как предметом политических дискуссий в годы холодной войны, так и темой литературных произведений. При этом описания этой кампании были особенно пристрастными и некритичными. Они структурировались вокруг понятий, присущих католической культуре, сосредотачивались на опыте военного поражения. Память о войне на стороне стран Оси воплощалась для итальянцев в серии мифов самооправдания, скрывающих истинные факты их участия во Второй мировой войне. Большое число исторических работ, вышедших в последние десятилетия, демонстрируют ограниченность данного дискурса памяти и могут проложить дорогу для обновления итальянской памяти о «русской кампании».
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-224-241

Гвидо Бартолини¹ (Guido Bartolini), кандидат на получение PhD по теме итальянских исследований, приглашенный преподаватель Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета. В своей докторской диссертации он рассма-

тривает, каким образом военные действия стран Оси были представлены в итальянском нарративе в 1944–1974 гг. и как они соотносились с итальянской коллективной памятью о Второй мировой войне. Используя подходы теорий памяти, нарратологии, тематической критики и исследований фашизма, автор стремится показать, каким образом произведения культуры вносят вклад в распространение

© Бартолини Г., 2018

Бартолини Гвидо – приглашенный преподаватель Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета (Италия); Guido.Bartolini.2014@live.rhul.ac.uk

памяти о прошлом. В центре его изучения находится итальянская культура XX в. и наследие фашистского прошлого. Обучался в университетах Флоренции, Бристоля и Оксфорда, где занимался исследовани-

Летом 1941 г. три итальянских дивизии, насчитывавшие 62 тыс. солдат, присоединились к вооруженным силам Оси, чтобы участвовать в операции Барбаросса, которая ознаменовала начало нацистского вторжения в Советский Союз. Зимой 1941–1942 гг. войска Оси были остановлены, после чего Гитлер решил, что на Восточном фронте необходимо развернуть дополнительные силы. В результате летом 1942 г. в Советский Союз были отправлены еще шесть дивизий, которые присоединились к прежде небольшому итальянскому контингенту, составив таким образом «Итальянскую армию в России» (ARMIR) общей численностью 230 тыс. человек (Corni 2011: 258; Rochat 2005: 378).

Для фашистской Италии Восточный фронт никогда не являлся ни основным по количеству вовлеченных сил театром военных действий, ни имеющим ведущее стратегическое значение. Действительно, гораздо больше итальянских войск участвовали во вторжении в Грецию, вместе с тем Североафриканский фронт играл ключевую роль в мечтах Муссолини установить итальянский контроль над Средиземным морем¹. Тем не менее

ем итальянского фашизма и взаимодействием современной культуры с наследием античности. Автор книги: *Lo Spirito di Paideia: Educazione classica e cultura moderna*. Arezzo: Helicon, 2015.

военное вторжение в Советский Союз имело большое значение для фашистского режима. Это доказывает тот, что туда были направлены элитные части, которые в целом снабжались лучше, чем итальянские войска, действовавшие на других фронтах (Schlemmer 2008: 218–219). Эта кампания рассматривалась фашистским руководством как необходимый шаг для тотального доминирования стран Оси в Европе. Кроме того, участие в операции Барбаросса должно было засвидетельствовать лояльность Италии в отношении нацистской Германии и укрепить союз двух фашистских диктатур.

Главные причины, заставлявшие Муссолини верить в необходимость участия в завоевании Советского Союза, обнаруживаются как на символическом уровне, так и в том идеологическом значении, которое придавалось этой операции. Война с Советским Союзом рассматривалась как необходимая борьба, в ходе которой Италия ради ценностей христианской цивилизации должна была освободить мир, включая Россию, от чумы коммунизма и идеологии, принуждающей народ отвергнуть веру в Бога. Таким образом, эта война приобретала

¹ Итальянские войска в Греции насчитывали более 500 тысяч. См.: (Rochat 1997: 350). О стратегических целях Италии в годы

Второй мировой войны см.: (MacGregor Knox 1982: 286).

религиозные черты крестового похода, который должен был доказать превосходство фашизма над коммунизмом, что постоянно подчеркивалось пропагандой режима (Schlemmer 2009: 11–12).

За полтора года, проведенных на Восточном фронте, итальянские войска принимали участие как в военных, так и в антипартизанских операциях. Итальянская администрация, имевшая право выносить смертные приговоры, распространялась на обширные территории. В число ее полномочий входила экономическая эксплуатация многих районов, оккупированных силами Оси. Во время осады Сталинграда итальянская армия находилась в арьергарде вдоль течения Дона и контролировала пространство протяженностью более 270 км от Павловска до устья реки Хопер (Ibid.: 123).

В ходе операции Малый Сатурн, начавшейся 16 декабря 1942 г., Красная армия преодолела сопротивление итальянцев. Прорыв советских войск к Дону ознаменовал начало поражения войск Оси на Восточном фронте и привел к трагическому и хаотичному отступлению. С середины декабря 1942 до конца января 1943 г. итальянцы вместе с немецкими, румынскими и венгерскими частями были вынуждены отступать через снега, находясь под угрозой окружения Красной армией. К концу отступления 85 тыс. итальянцев либо погибли, либо попали в плен. Только 10 тыс. из них пережили войну и советские лагеря (Rochat 2005: 395; Ceva 1999: 323; см. также: Hamilton 2011).

Нападение на Советский Союз и в целом участие в войне на стороне стран Оси является непростым наследием для итальянской коллективной памяти послевоенного периода. Итальянская память о Второй мировой войне была основательно изменена под влиянием событий последних двух лет войны. В июле 1943 г. фашистский режим пал, в сентябре того же года Королевство Италия сперва заключило перемирие с союзниками, а потом перешло на их сторону в войне против Германии. В результате центр и север страны были охвачены гражданской войной между сторонниками фашистов и антифашистскими силами, которая продолжалась до весны 1945 г., когда Муссолини был захвачен и казнен. После войны в Италии в результате референдума была провозглашена республика и антифашистские движения, которые являлись движущей силой гражданской войны, пришли к власти.

Эти события оказали сильное влияние на конструирование памяти о Второй мировой войне. В послевоенный период активная оппозиция фашистам и германским нацистам со стороны небольшой, но существенной части итальянского народа привела к широко распространенному представлению, что итальянцы сами освободили себя от фашизма (Fogu 2006: 149; Thomassen, Forlenza 2013: 139)². Итальянские политики использовали это убеждение, чтобы представить окончание Второй мировой войны

² О культурной истории послевоенных лет и о том как различные группы относились к фашистскому прошлому см.: (Zunino 2003).

как момент полного возрождения нации, который отделяет демократическую Италию от фашистского прошлого (*Forlenza, Thomassen* 2016: 179–180). В результате такой формулировки, преследовавшей, помимо прочего, цель избавить страну от слишком тяжелых условий мирного договора с союзниками, агрессивные войны, которые вела фашистская диктатура, в послевоенные годы были низведены в разряд незначительных событий, которые не имеют отношения к демократической Италии (*Focardi* 2013: 3–4; 45–46). Итальянские политики, интеллектуалы и другие лидеры общественного мнения представляли эти войны как события, ответственность за которые должна быть возложена исключительно на злую волю Муссолини и других фашистских лидеров.

В противоположность этому Сопротивление фашизму и нацизму в ходе гражданской войны стало важным событием для идентичности и памяти новой демократической страны. Антифашистская борьба якобы обнаружила истинную сущность итальянцев и явила полный разрыв с прошлым. В течение десятилетий, несмотря на споры и дискуссии, антифашистское Сопротивление являлось центральным элементом итальянской памяти о Второй мировой войне. В 1960-е гг. оно приобрело мифологический статус, превратившись, по выражению Стивена Гандла (*Stephen Gundle*), в «гражданскую религию» итальянского государства (*Gundle* 2000: 113)³.

В то время как итальянская коллективная память была сконструирована вокруг антифашистского Сопротивления, память о войне на стороне стран Оси находилась на периферии публичных дискурсов о Второй мировой войне, представляя собой то, что Джорджи Роша (*Giorgio Rochat*) назвал «слабой памятью» (*Rochat* 1997: 347). Эта война почти не обсуждалась в публичном пространстве, и лишь незначительные сведения о ней передавались от поколения к поколению. Периферийный статус внутри дискурса о Второй мировой войне не означает, что война на стороне стран Оси была забыта полностью. Для определенных групп итальянского населения, например, тех, кто потерял родственников на этой войне, она оставалась значимым событием. Это особенно справедливо для ассоциаций ветеранов, которые оставались одними из немногих публичных акторов, заинтересованных в сохранении памяти об этих событиях (*Schwarz* 2010: 178).

Но даже для этих групп война на стороне стран Оси не являлась событием, которое легко прославлять и вспоминать. Прежде всего она происходила за пределами и часто очень далеко от итальянских границ в неизвестных местах, поэтому не обладала такими свойствами, как близость и конкретность, присущими событиям гражданской войны в Италии. Гораздо важнее, что эта война планировалась и велась политической системой фашизма, которая была свергнута и от причастности к которой демократическая Италия хотела себя полностью отделить. Кроме того, итальянские

³ О наследии итальянского Сопротивления см.: (*Focardi* 2005; *Chiarini* 2005; *Cooke* 2011).

кампании в годы Второй мировой войны, даже против такой слабой страны, как Греция, большей частью завершались поражениями и неудачами. Таким образом, война на стороне стран Оси порождала смущающую и мучительную память. Вместо того чтобы способствовать росту национальной гордости, она ставила тревожащие вопросы о необоснованном стремлении Италии к мировому господству, откровенно демонстрировала несостоятельность итальянского правящего класса, отсутствие способностей у военного истеблишмента и неразвитость итальянской промышленности.

Хотя война на стороне стран Оси оставалась противоречивой и непростой темой, которая никогда не попадала в центр итальянской культуры памяти, тем не менее в послевоенные годы она приобрела свои особые очертания. Консервативные политики сыграли особенно важную роль в конструировании этого дискурса памяти. Прежде всего, в 1950-е гг. консервативные группы затрагивали память о войне на стороне стран Оси с двойной целью: расширить политический консенсус за счет поддержки ветеранов и попытаться уменьшить значение памяти о Сопротивлении, которая была важным источником легитимации левых (Ibid.: 189–197).

Одна из самых известных попыток капитализировать память о войне на стороне стран Оси для политических целей была предпринята в ходе выборов 18 апреля 1948 г. Это судьбоносная дата для современной

итальянской истории⁴. Действительно, это было не только первое голосование, не считая конституционного референдума 1946 г., когда итальянцы после более чем двадцати лет диктатуры свободно голосовали на основе всеобщего избирательного права, но эти выборы справедливо воспринимались как решающий момент для будущего страны. Голоса избирателей тогда разделились между консервативными силами во главе с Христианско-демократической партией и прогрессивным блоком, предводительствуемым коммунистами. Эти движения не только выступали за разные подходы к внутренней политике. Их позиции относительно внешней политики также диаметрально различались, первые были склонны ориентироваться на США и НАТО, вторые — на Советский Союз⁵.

Итальянское голосование концентрировалось вокруг ядра противоречий холодной войны, поэтому неудивительно, что избирательная кампания была жестокой, с обеих сторон широко применялись агрессивные лозунги и распространялись панические слухи (см.: *Ventrone* 2006; *Chiarini* 2013: 221–227). В визуальной пропаганде христианских демократов и других сил, тяготевших к консервативной повестке, можно обнаружить несколько отсылок к войне на стороне стран Оси

⁴ Об избирательной кампании 1948 года см.: (*Cavazza* 2002: 204–214).

⁵ Христианские демократы добились преимущества, став основной партией итальянской политической системы, которая, благодаря различным альянсам, оставалась у власти более сорока лет.

и особенно к «русской кампании», как в Италии было принято называть нападение на Советский Союз. Эти предвыборные плакаты представляются особенно важными, т. к. они демонстрировали итальянцам первый визуальный нарратив этой войны в послевоенные годы.

На одном из плакатов на переднем плане изображена пожилая грустная женщина в одежде, традиционно отождествляемой с трауром, которая смотрит вниз, забывшись в воспоминаниях. В верхней части плаката изображен падающий навзничь солдат, сраженный на бегу пулей. Подпись на плакате гласит: «Мать, если бы ты могла голосовать, у нас бы не было войны», приглашая голосовать за христианских демократов — единственную партию, способную гарантировать мир. Это изображение содержит отсылки к католической иконографии Девы Марии и рассматривает войну на стороне стран Оси, с точки зрения семей павших, как бессмысленное кровопролитие, которого можно было избежать и которое привело к неоправданной гибели множества солдат⁶.

Другой знаменитый политический плакат того времени отсылает к русской кампании сходным образом. На рисунке изображен скелет, который стоит позади заграждения из колючей проволоки и указывает на серп и молот. Надпись в верхней части плаката напоминает о тысячах итальянских военнопленных, погибших в плену, надпись с правой

стороны призывает: «Мама, голосуй против них ради меня». И здесь война представляется через горе матерей, потерявших своих детей в войне против Советского Союза, поэтому итальянская компартия, которая ассоциировалась с советскими коммунистами, представляется как организация, ответственная за их гибель⁷.

Эти плакаты полностью игнорируют политический и исторический контекст, который привел итальянцев к этой войне, остается только горе семей, потерявших своих детей во время службы нации. Таким образом итальянские солдаты, вторгавшиеся в другие страны в составе вооруженных сил Оси, представляются главными, в сравнении с остальными, кто страдал и погиб в годы войны, жертвами. Такое изображение объяснялось не только тенденциозным упрощением, свойственным политической пропаганде, оно имело глубокие связи с итальянской культурой послевоенных лет. В самом деле можно заметить несколько соответствий между этими простыми плакатами и более сложными описаниями войны на стороне стран Оси, развернутыми, например, на поле итальянской литературы.

Вопреки маргинальной роли, которая отводилась войне на стороне

⁷ Этот плакат был создан Джованини Гварески (Giovannino Guareschi), журналистом, писателем, карикатуристом, одним из наиболее популярных и признанных консервативных интеллектуалов послевоенных лет, автором многих остроумных антикоммунистических плакатов, посвященных выборам 1948 г. Плакат был опубликован в *Candido*, 12 (20th March 1948). См. URL: www.giovaninoguareschi.com/1948-e-dintorni.pdf.

⁶ См. репродукцию плаката и его интерпретацию в связи с христианской иконографией: (Leonardi 2014: 472).

стран Оси в государственных церемониях, в публичном дискурсе о Второй мировой войне и в памяти последующих поколений, она часто становилась объектом литературного осмысления. Эта литературная продукция насчитывает сотни книг, включая как художественные описания, так и множество военных мемуаров, написанных ветеранами⁸. Этот массив текстов чрезвычайно важен для понимания итальянской памяти о войне на стороне стран Оси не только потому, что рассказываемые ими истории воспроизводят многие нарративные структуры, которые использовались итальянцами в разное время для воспоминаний и рассказов об этой войне, но также потому, что они играли решающую роль при передаче ее образов итальянским гражданам⁹.

Исследование этой продукции показывает, что итальянской культуре свойственно чрезвычайно неравномерное и несбалансированное повествование о войне на стороне Оси. Прежде всего стоит отметить, что не все театры боевых действий, на которых воевала Италия, привлекают равное внимание. Действительно, в то время как греческая кампания и оккупация Балкан представлены всего несколькими дюжинами книг, опыт войны в Северной Африке и особенно в Советском Союзе привлекал гораздо большее внимание. Большинство книг о вой-

не на стороне стран Оси посвящены этим двум фронтам, особенно последнему¹⁰.

Историк Марио Инсеньи (Mario Isnenghi) уже писал, почему именно русская кампания стала наиболее вспоминаемым событием в целом пренебрегаемой войны на стороне стран Оси, несмотря на то, что в ней было задействовано не самое большое число солдат. Он утверждает, что это произошло прежде всего благодаря мифической ауре, которую итальянцы приписывают России (Isnenghi 2005: 254). Действительно, со времен Октябрьской революции 1917 г. Россия была наиболее обсуждаемой страной в итальянских медиа. Пугающая консерваторов, ругаемая фашистами, расхваливаемая коммунистами как новый рай для всего человечества, Россия поселилась в воображении итальянцев XX в. Кроме того, очарование этой страны усиливалось восхищением именами гениев ее национальной литературы, прежде всего Пушкиным, Чеховым, Толстым и Достоевским. В результате идея войны в бескрайней России, которая была обогащена мемуарами о походе Наполеона, пропущенными через фильтр «Войны и мира», привлекала и мотивировала итальянскую аудиторию. Необходимо также принять во внимание тот факт, что в сравнении с другими поражениями, которые Италия потерпела в годы Второй мировой войны, поражение на Восточном фронте воспринималось как наи-

⁸ Обзор этой культурной продукции см.: (Mondini 2014: 67–89).

⁹ О роли, которую эта культурная продукция играет в конструировании памяти, и о том, как литературные тексты могут исследоваться с этой точки зрения, см.: (Erll 2011).

¹⁰ О количестве мемуаров, посвященных русской и греческой кампаниям, см.: (Rochat 2005: 397; 1997: 351). О мемуарах об африканском фронте см.: (Ceva 1982: 264).

менее спорное, которое легче принять и объяснить, учитывая разницу сил Италии и Советского Союза.

В то время как большинство книг о русской кампании, написанных неизвестными солдатами, не обладали литературными достоинствами и не вызывали большого интереса со стороны публики и критики, некоторые из них имели большой издательский успех. Таковы, например, поэтические военные мемуары Марио Ригони Стерна (Mario Rigoni Stern) «Сержант в снегах» («*Il sergente nella neve*»), ужасающий и эпический военный роман Джулио Бедески (Giulio Bedeschi) «Сто тысяч ящиков льда» («*Centomila gavette di ghiaccio*») и в меньшей степени книги Нутто Ревелли (Nuto Revelli) (Rigoni 1953; 1973; Revelli 1962; 1966; Bedeschi 1963)¹¹. Эти тексты были популярны не только в свое время. Их продолжают покупать и читать новые поколения. В результате они играют определяющую роль в передаче памяти о русской кампании, формируя один из самых важных «векторов памяти» в итальянской культуре о войне на стороне стран Оси¹².

Представление войны в этих и других текстах о походе в Россию вызывает ряд вопросов. Одного взгляда на сюжет, о котором предпочитают рассказывать большинство авторов этих книг, достаточно для

¹¹ Огромный успех этих авторов — роман Бедески долгое время был самой продаваемой итальянской книгой — может рассматриваться как знак того, что итальянская публика стремилась узнать ту часть национальной истории, которая мало обсуждалась в публичной сфере.

¹² О концепте «векторов памяти» см.: (Wood 1999: 2).

понимания того, что итальянские представления о вторжении в Советский Союз были подвержены «дезинфекции» и тщательному отбору. Действительно, главное событие, о котором говорится в большинстве этих книг, — это та часть войны, когда итальянские войска отступали от Дона. Как подчеркивает Инсенги, эти нарративы войны движутся с востока на запад, они сосредотачиваются на завершении русской кампании, не задерживаясь на том, что происходило в первой фазе войны (Isnenghi 2005: 255; также см.: Corni 2011: 259).

Вспоминая трагические дни отступления, когда многие солдаты умирали от голода и мороза, эти тексты указывают на негативные обстоятельства, повлиявшие на неудачу фашистского вторжения в Советский Союз, такие как недостатки организации, малое число автомобилей, обмундирование, неподходящее для русской зимы, плохое вооружение. Более того, эти книги демонстрируют все недостатки сил Оси, показывая, как борьба за выживание при низких температурах приводила во многих случаях к плохому взаимодействию и часто прямому противостоянию итальянцев и немцев. В итоге, уделяя основное внимание жутким страданиям, которые испытали итальянцы, и ужасам, с которыми они столкнулись, стремясь вернуться домой, литература о походе в Россию представляет собой твердое и непреклонное осуждение войны и косвенную защиту ценностей мира, что часто отмечалось рядом итальянских критиков (см., напр.: Motta 1983: 20; Pullini 1961: 153; Pullini 1961: 180).

Тот факт, что отступление от Дона стало главным «местом памяти» о русской кампании, приводит к искажению повествования об этом событии, давая чрезвычайно неполное представление о том, какие последствия повлекло участие итальянцев в войне на Восточном фронте. Сосредотачиваясь на ужасных и хаотических днях отступления, которое завершилось разгромом итальянской армии в России, эти тексты показывают итальянцев как солдат, потерпевших поражение, которые сражаются за сохранение своих жизней в отчаянной попытке выжить и вернуться домой. Такое описание опирается на «комплекс жертвы», согласно которому итальянцы никогда не совершали военных преступлений, но — подобно изображениям на вышерассмотренных политических плакатах — были только жертвами войны¹³. В то же время история отступления представляла прекрасный контекст для восхваления выносливости и чрезвычайной устойчивости итальянского солдата, который, даже потерпев поражение в войне, способен к героическим поступкам, чтобы спасти свою жизнь и жизни своих товарищей, как повествуется во многих книгах об отступлении (*Mondini* 2008: 178; *Corni* 2012: 19, 64–67; 131–134; см. также: *Mondini* 2013b: 25–28).

¹³ Томас Шлеммер (Thomas Schlemmer) был среди первых исследователей, указавших на искажения, порождавшиеся таким способом повествования о прошлом. В своей знаковой работе об участии Италии во вторжении в Советский Союз он подчеркнул, что итальянцы должны рассматриваться как захватчики, а не как жертвы. См.: (*Schlemmer* 2009).

«Комплекс жертвы» и патриотическое восхваление героизма итальянцев, которые, несмотря на поражение и очевидные недостатки боевой подготовки, отважно борются за выживание, представляют собой две основных характеристики повествований о русской кампании в итальянской культуре¹⁴. Идея о том, что отступление из России было разновидностью «героического поражения», повторялась во множестве книг, т. е. вновь и вновь, используя техническое определение Астрид Эрл (*Astrid Erll*), воспроизводилась (*re-mediated*) в процессе повествования. Она стала наиболее привычным способом повествования и воспоминания о русской кампании, сформировав то, что Марко Мондини (*Marco Mondini*), используя термин Жана-Франсуа Лиотара, назвал «итальянским большим нарративом» (*Mondini* 2008: xii; см. также: *Mondini* 2013a: 140).

Чтобы объяснить формирование этого мастер-нарратива, необходимо обратиться к другим теориям. Например, психолог Джеймс Верч доказывает, что повествование об исторических событиях всегда опирается на культурный капитал данного общества, предоставляющий «схематические нарративные шаблоны» — серии концептов, ценностей, образов и нарративных структур, — посредством которых отдельное событие воспроизводится как осмысленная история (*Wertsch* 2002: 87–117). В случае итальянских нарративов об отступ-

¹⁴ Героизм и жертвенность также выступали главной темой послевоенных итальянских фильмов о войне. См.: (*Fantoni* 2018).

лении из Советского Союза можно заметить, насколько эти повествования были насыщены католическими символами, которыми была наполнена итальянская культура послевоенных лет. В их числе идеи мученичества, жертвоприношения и искупления, которые формировали общепринятые способы говорить об этом событии (Forlenza 2012: 76–78; Schwarz 2010: 252; Focardi 2013: xvii).

Иной подход демонстрирует историк культуры Вольфганг Шивельбуш (Wolfgang Schivelbusch) в своем исследовании нарративов, которые развивают страны, прошедшие через военное поражение. Он обращает внимание на психологические эффекты, порожденные этим поражением, и на то, каким образом этот опыт преобразует способы изображения и воспоминания войны (Schivelbusch 2006: 16–21). В итальянских повествованиях о войне на стороне стран Оси могут быть обнаружены некоторые из черт, обнаруженных Шивельбушем в иных культурных контекстах, в том числе утверждение о превосходстве противника и стремление найти козла отпущения, роль которого в итальянском случае отводится немецким союзникам¹⁵.

Какое бы объяснение ни приводилось, но повествование, представляющее войну с Советским Союзом в качестве опыта страданий и невыразимых ужасов, среди которых храбрые итальянцы занимали исключительно позицию жертв,

представляется несостоятельным. Не отрицая и не преуменьшая страданий, которые тогда выпали на долю итальянских солдат, необходимо подчеркнуть, что подобное повествование не только фальсифицирует историческую реальность, но, кроме того, работает как нарратив самооправдания, который игнорирует ответственность итальянцев за Вторую мировую войну, т. к. не позволяет признать преступления, совершенные итальянцами в годы правления фашистов¹⁶.

Стремление избежать ответственности усматривается также в распространении другого самооправдывающего предубеждения относительно участия Италии в войне на стороне стран Оси. Речь идет о так называемом мифе о «хороших итальянцах» (*Italiani brava gente*). Согласно этому стереотипу, у итальянцев во время Второй мировой войны отсутствовала жажда крови, поэтому они не зверствовали, но всегда вели себя порядочно по отношению к противнику и местному населению оккупированных территорий. Этот стереотип, порожденный итальянской колониальной пропагандой XIX в., был возрожден для колониальных целей в годы фашистского режима и в послевоенные годы стал типичным представлением о поведении итальянцев в годы

¹⁶ «Самоизвиняющие» нарративы свойственны не только повествованиям о Восточном фронте, но и в целом итальянской памяти о войне на стороне стран Оси. Многие повествования об африканском фронте, греческом фронте и оккупации Балкан изображают итальянцев как жертв, скрывая их участие в военных преступлениях.

¹⁵ О роли, которую немцы играли в итальянской памяти о Второй мировой войне, см.: (Focardi 2013).

Второй мировой войны (*Del Boca* 2005: 47–48; см. также: *Fogu* 2006: 147; *Patriarca* 2010: 208–218; *Forlenza* 2012: 83).

Литература о русской кампании также глубоко подвержена влиянию этого стереотипа, и несколько авторов подчеркивают, что итальянцы были чужды насилию и никогда не совершали жестоких преступлений, подобных тем, которые творили немцы. Убеждение в добросердечии итальянских солдат породило другой стереотип о дружеских отношениях с местным населением во время оккупации. Согласно нескольким текстам, итальянцы и русские были в одинаковой мере скромными и трудолюбивыми крестьянами, привычными к простой жизни, поэтому и у одних, и у других существовали сходные черты, такие как природное великодушие и сильная привязанность к семье (*Corni* 2012: 37–48). В результате этой душевной близости у итальянцев и русских якобы возникли взаимопонимание и взаимное уважение, которые нашли свое выражение в гуманном поведении итальянцев во время оккупации и в той поддержке, которую русские семьи оказывали итальянским солдатам в ходе отступления¹⁷.

¹⁷ Этот предрассудок был поддержан пропагандой Коммунистической партии Италии, которая использовала имидж якобы хороших отношений между итальянцами и русскими в годы Второй мировой войны как аргумент в пользу возможного сотрудничества между демократической Италией и Советским Союзом. Примером этого является советско-итальянский фильм «*Italiani brava gente*», военная драма режиссера Джузеппе Де Сантиса (*Giuseppe De Santis*) 1963 г., получившая в советском прокате название «Они шли на Восток».

Основные черты итальянской памяти, такие как миф о «хороших итальянцах», истории о добрых отношениях с местным населением, рассказы об ужасных страданиях в ходе убийственного отступления и сообщения о примерах храброго поведения многих итальянских солдат нельзя назвать полностью сфабрированными, они во многом отражают и реальный военный опыт итальянцев, и то, как они воспринимали его впоследствии. Фабрикацией тем не менее является предположение, что эти элементы представляют собой весь опыт участия итальянцев во Второй мировой войне. В действительности этот нарратив оставляет в стороне или сознательно игнорирует те случаи, когда итальянцы совершали зверские преступления, сопоставимые с теми, которые совершали немцы¹⁸. Развивая данный нарратив, итальянцы полностью «дезинфицируют» память о своем участии во Второй мировой войне и отрицают свою роль как участников агрессивной армии вторжения.

Итальянская память о вторжении в Советский Союз и в целом о войне на стороне стран Оси структурирована вокруг серии самооправдывающих идей, которые отодвигают на задний план преступления, совершенные итальянцами во время Второй мировой войны, и поэтому не способствуют тому, чтобы итальянцы испытывали чувство ответственности за военные преступления своих сограждан. Долгие годы

¹⁸ Об итальянских военных преступлениях на разных театрах военных действий см.: (*Del Boca* 2005; *Oliva* 2007).

никто не оспаривал эти «самоизвиняющие» идеи, но в последние десятилетия ситуация стала изменяться. Новое поколение историков, опираясь на опыт исследований Анджело дель Бока (Angelo Del Boca) об ответственности Италии за свое колониальное прошлое, рассматривает историю войны на стороне стран Оси без какого-либо лицемерия. Такие ученые, как Давиде Родоньо (Davide Rodogno), Константино ди Санте (Costantino Di Sante), Карло Спартако Капогреко (Carlo Spartaco Capogreco), Лидия Сантарелли (Lidia Santarelli), Эрик Гобетти (Eric Gobetti) и Давиде Конти (Davide Conti), посвятили свои исследования участию Италии в оккупации других стран в годы Второй мировой войны, репрессиям против гражданского населения, созданию концентрационных лагерей для военнопленных и для тех, кто сопротивлялся оккупантам (Rodogno 2003; Di Sante 2004; Capogreco 2004; Gobetti 2007; Conti 2008)¹⁹. Такие историки, как Миммо Франзинелли (Mimmo Franzinelli), Микеле Баттини (Michele Battini), Луиджи Боргоманери (Luigi Borgomaneri) и Филиппо Фокарди (Filippo Focardi), работают над историей военных преступлений Италии и тем, как эти преступления удалялись из итальянского публичного дискурса в послевоенные годы (Franzinelli 2002; Battini 2003; Borgomaneri 2006; Focardi 2008).

¹⁹ Эти сюжеты разрабатываются не только итальянскими историками, кроме упомянутой выше работы Томаса Шлеммера (Thomas Schlemmer) см. также (Ferenc 1999; Burgwyn 2005).

Эти работы демонстрируют, что итальянские историки стремятся изучать самые темные страницы национальной истории в годы Второй мировой войны, которые игнорировались долгие годы. Еще рано рассуждать о том, сможет ли этот массив исторических исследований изменить коллективные нарративы о войне на стороне стран Оси и сделать достоянием широкой общественности сведения о преступлениях, которые тогда совершили итальянцы. Тем не менее нарастающее внимание итальянских исследователей к проблеме национальной ответственности за фашистское прошлое может наметить пути к реформатированию итальянской памяти о Второй мировой войне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Battini 2003 — *Battini M. Peccati di memoria: la mancata Norimberga italiana*. Rome: Laterza, 2003.

Bedeschi 1963 — *Bedeschi G. Centomila gavelle di ghiaccio*. Milan: Mursia, 1963.

Borgomaneri 2006 — *Borgomaneri L. Crimini di guerra: il mito del bravo Italiano tra repressione del ribellismo e guerra ai civili nei territori occupati*. Milan: Angelo Guerini, 2006.

Burgwyn 2005 — *Burgwyn J.H. Empire on the Adriatic: Mussolini's Conquest of Yugoslavia 1941–1943*. New York: Enigma, 2005.

Capogreco 2004 — *Capogreco C.S. I campi del duce: l'internamento civile nell'Italia fascista 1940–1943*. Turin: Einaudi, 2004.

Cavazza 2002 — *Cavazza S. 'Comunicazione di massa e simbologia politica nelle campagne elettorali del secondo dopoguerra' // Ballini P.L., Ridolfi M., eds. Storia delle campagne elettorali in Italia*. Milan: Bruno Mondadori, 2002. P. 204–214.

Ceva 1982 — *Ceva*. Africa Settentrionale: negli studi e nella letteratura. Rome: Bonacci, 1982.

Ceva 1999 — *Ceva L.* Storia delle forze armate. Turin: Utet, 1999.

Chiarini 2005 — *Chiarini R.* 25 aprile: la competizione politica sulla memoria. Venezia: Marsilio, 2005.

Chiarini 2013 — *Chiarini*. Alle origini di una strana Repubblica: perché la cultura politica è di sinistra e il paese è di destra. Venice: Marsilio, 2013.

Conti 2008 — *Conti D.* L'occupazione Italiana dei Balcani: crimini di guerra e mito della 'brava gente' 1940–1943. Rome: Odradek, 2008.

Cooke 2011 — *Cooke P.* The Legacy of the Italian Resistance. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

Corni 2011 — *Corni G.* 'Italy after 1945: War and Peace, Defeat and Liberation' // Kettenacker L., Riotte T., eds. The Legacies of Two World Wars: European Societies in the Twentieth Century. New York: Berghahn, 2011.

Corni 2012 — *Corni*. Raccontare la guerra: la memoria organizzata. Milan: Bruno Mondadori, 2012.

Del Boca 2005 — *Del Boca A.* Italiani, brava gente?: un mito duro a morire. Vicenza: Neri Pozza, 2005.

Di Sante 2004 — *Di Sante C.*, ed. Italiani senza onore: i crimini in Jugoslavia e i processi negati 1941–1951. Verona: Ombre Corte, 2004.

Erl 2011 — *Erl A.* Memory in Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Fantoni 2018 — *Fantoni G.* 'Brotherhood of Arms: Patriotism, Atlanticism and Sublimation of War in 1950s Italian War Movies' // Cragin T., Salsini L. Resistance, Heroism, Loss: World War II in Italian Literature and Film. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2018.

Ferenc 1999 — *Ferenc T.* Si ammazza troppo poco: condannati a morte, ostaggi, passa-

ti per le armi nella provincia di Lubiana 1941–1943. Ljubljana: Istituto per la storia moderna, 1999.

Focardi 2005 — *Focardi*. La guerra della memoria: la Resistenza nel dibattito politico italiano dal 1945 a oggi. Rome: Laterza, 2005.

Focardi 2008 — *Focardi*. Criminali di guerra in libertà: un accordo segreto tra Italia e Germania federale 1949–55. Rome: Carocci, 2008.

Focardi 2013 — *Focardi F.* Il cattivo tedesco e il bravo italiano: la rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale. Rome; Bari: Laterza, 2013.

Fogu 2006 — *Fogu C.* 'Italiani brava gente: The Legacy of Fascist Historical Culture on Italian Politics of Memory' // Lebow R. N., Kansteiner W., Fogu C., eds. The Politics of Memory in Postwar Europe. Durham N.C.; London: Duke University Press, 2006.

Forlenza 2012 — *Forlenza*. 'Sacrificial Memory and Political Legitimacy in Postwar Italy: Reliving and Remembering World War II' // History and Memory. 24.2 (2012). P. 73–116.

Forlenza, Thomassen 2016 — *Forlenza R., Thomassen B.* Italian Modernities: Competing Narratives of Nationhood. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

Franzinelli 2002 — *Franzinelli M.* Le stragi nascoste: l'armadio della vergogna: impunità e rimozione dei crimini di guerra nazifascisti 1943–2001. Milan: Mondadori, 2002.

Gobetti 2007 — *Gobetti E.* L'occupazione allegra: gli italiani in Jugoslavia 1941–1943. Rome: Carocci, 2007.

Gundle 2000 — *Gundle S.* 'The "Civic Religion" of the Resistance in Post-War Italy' // Modern Italy, 5.2 (2000). P. 113–132.

Hamilton 2011 — *Hamilton H.* Sacrifice on the Steppe: The Italian Alpine Corps in the Stalingrad Campaign 1942–1943. Havertown, Pa; Newbury: Casemate, 2011.

Isnenghi 2005 — *Isnenghi*. Le guerre degli Italiani: parole, immagini, ricordi 1848–1945. Milan: Mondadori, 1989; repr. Bologna: Il Mulino, 2005.

Langella 2000 — *Langella G.* 'Ecce Homo: qualche conclusione sulla letteratura alpina di gesta' // *Ardizzone M.*, ed. Scrittori in divisa: memoria epica e valori umani: atti del convegno in occasione della 73esima adunata dell'Associazione Nazionale Alpini. Brescia: Grafo, 2000.

Leonardi 2014 — *Leonardi R.* 'Il sacro come strumento politico: le elezioni del 1948, la Democrazia Cristiana e i manifesti elettorali' // *California Italian Studies*. 5.1 (2014). P. 457–485. URL: escholarship.org/uc/item/5xc8172d.

MacGregor Knox 1982 — *MacGregor Knox*. Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Mondini 2008 — *Mondini*. Alpini: parole e immagini di un mito guerriero. Rome, Laterza, 2008.

Mondini 2013 — *Mondini*. 'Manly Heroes and Innocent Victims: Italian Representations of Warfare after Defeat 1945–1961' // *Tame P., Jeannerod D., Bragança M.*, eds. Mnemosyne and Mars: Artistic and Cultural Representations of Twentieth-Century Europe at War. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.

Mondini 2013 — *Mondini*. 'Narrated Wars: Literary and Iconographic Stereotypes in Historical Accounts of Armed Conflict' // *Mondini, Rospoche M.*, eds., Narrating War: Early Modern and Contemporary Perspectives. Bologna: Il Mulino; Berlin: Ducker & Humblot, 2013.

Mondini 2014 — *Mondini M.* 'Il racconto della sconfitta: stagioni e mappe tematiche nella letteratura di guerra dell'Italia Repubblicana' // *G. Mariani*, ed. Fictions: Narrazioni della distruzione: scrivere la seconda guerra mondiale. Pisa; Rome: Fabrizio Serra, 2014. P. 67–89.

Motta 1983 — *Motta A.* Mario Rigoni Stern. Florence: La Nuova Italia, 1983.

Oliva 2007 — *Oliva G.* Si ammazza troppo poco. Milan: Mondadori, 2007.

Patriarca 2010 — *Patriarca S.* Italianit : la costruzione del carattere nazionale. Rome; Bari: Laterza, 2010.

Pullini 1961 — *Pullini G.* Il romanzo italiano del dopoguerra 1940–1960. Milan: Schwarz, 1961.

Revelli 1962 — *Revelli N.* La guerra dei poveri. Turin: Einaudi, 1962.

Revelli 1966 — *Revelli*. La strada del Davai. Turin: Einaudi, 1966.

Rigoni 1953 — *Rigoni Stern M.* Il sergente nella neve. Turin: Einaudi, 1953.

Rigoni 1973 — *Rigoni Stern*. Ritorno sul Don. Turin: Einaudi, 1973.

Rochat 1997 — *Rochat*. 'La guerra di Grecia' // *M. Isnenghi*, ed., I Luoghi della memoria: strutture ed eventi dell'Italia Unita. Rome; Bari: Laterza, 1997.

Rochat 2005 — *Rochat G.* Le guerre italiane 1935–1943: Dall'impero d'Etiopia alla disfatta. Turin: Einaudi, 2005.

Rodogno 2003 — *Rodogno D.* Il nuovo ordine mediterraneo: le politiche di occupazione dell'Italia fascista in Europa, 1940–1943. Turin: Bollati Boringhieri, 2003.

Schivelbusch 2006 — *Schivelbusch W.* La cultura dei vinti. Bologna: Il Mulino, 2006.

Schlemmer 2008 — *Schlemmer T.* 'L'esercito italiano in guerra contro l'Unione Sovietica' // *Isnenghi*. Gli italiani in guerra: Conflitti, identità, memorie dal Risorgimento ai nostri giorni, 5 vols. Turin: Einaudi, 2008, iv, tome 2.

Schlemmer 2009 — *Schlemmer*. Invasori, non vittime: la campagna italiana di Russia 1941–1943. Rome; Bari: Laterza, 2009.

Schwarz 2010 — *Schwarz*. Tu mi devi seppellire: riti funebri e culto nazionale alle origini della Repubblica. Turin: Utet, 2010.

Thomassen, Forlenza 2013 — *Thomassen B., Forlenza R.* 'The Pasts of the Present:

World War II Memories and the Construction of Political Legitimacy in Post-Cold War Italy' // Karner C., Mertens B., eds. Use and Abuse of Memory: Interpreting World War II in Contemporary European Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 2013.

Ventrone 2006 – Ventrone A. 'Il nemico interno e le sue rappresentazioni nell'Italia del Novecento', in Ventrone, ed. // L'ossessione del nemico: memorie divise nella storia della Repubblica. Rome: Donzelli, 2006.

Wertsch 2002 – Wertsch J. Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Wood 1999 – Wood N. Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe. Oxford: Berg, 1999.

Zunino 2003 – Zunino P. G. La Repubblica e il suo passato: il fascismo dopo il fascismo, il comunismo, la democrazia: le origini dell'Italia contemporanea. Bologna: Il Mulino, 2003.

THE ITALIAN MEMORY OF THE INVASION OF THE SOVIET UNION DURING THE SECOND WORLD WAR

Bartolini Guido – visiting Professor at Royal Holloway College, University of London (Italy)

Key words: World War II, Axis War, Operation Barbarossa, Retreat from Russia, Italian War narratives, Italian War Memory, Collective Memory, Vectors of Memory, 'Schematic narrative templates', Self-Victimisation, Heroic Defeat, 'Italiani Brava Gente', Self-absolution.

Abstract. Despite the fact that Italy's contribution to the attack of the Soviet Union was significant, after World War II the Italian memory of this and other war campaigns fought by the Fascist Regime was marginalised in the national memory culture. Among these neglected war theatres the Eastern Front has been the one that received more attention: it constituted a matter of political disputes during the Cold War era and it has often been the subject of literary depiction. Yet the representation of this war campaign that was developed by postwar Italian culture was particular biased and uncritical. Structured around concepts that were drawn from Catholic culture and that were affected by the experience of defeat in the war, the memory of the Axis War conveyed to the Italians a series of self-absolving myths about their participation in World War II. A great number of historical works published in the last decade have exposed the limits of this memory discourse and might have paved the way to a renovation of the Italian memory of the 'Russian campaign'.

REFERENCES

Battini M. *Peccati di memoria: la mancata Norimberga italiana*. Rome: Laterza, 2003.

Bedeschi G. *Centomila gavette di ghiaccio*. Milan: Mursia, 1963.

Borgomaneri L. *Crimini di guerra: il mito del bravo Italiano tra repressione del ribellismo e guerra ai civili nei territori occupati*. Milan: Angelo Guerini, 2006.

- Burgwyn J. H. *Empire on the Adriatic: Mussolini's Conquest of Yugoslavia 1941–1943*. New York: Enigma, 2005.
- Capogreco C. S. *I campi del duce: l'internamento civile nell'Italia fascista 1940–1943*. Turin: Einaudi, 2004.
- Cavazza S. 'Comunicazione di massa e simbologia politica nelle campagne elettorali del secondo dopoguerra'. Ballini P. L., Riboldi M., eds. *Storia delle campagne elettorali in Italia*. Milan: Bruno Mondadori, 2002, pp. 204–214.
- Ceva L. *Storia delle forze armate*. Turin: Utet, 1999.
- Ceva. *Africa Settentrionale: negli studi e nella letteratura*. Rome: Bonacci, 1982.
- Chiarini R. *25 aprile: la competizione politica sulla memoria*. Venezia: Marsilio, 2005.
- Chiarini. *Alle origini di una strana Repubblica: perché la cultura politica di sinistra e il paese è di destra*. Venice: Marsilio, 2013.
- Conti D. *L'occupazione Italiana dei Balcani: crimini di guerra e mito della 'brava gente' 1940–1943*. Rome: Odradek, 2008.
- Cooke P. *The Legacy of the Italian Resistance*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Corni G. 'Italy after 1945: War and Peace, Defeat and Liberation'. Kettenacker L., Riotte T., eds. *The Legacies of Two World Wars: European Societies in the Twentieth Century*. New York: Berghahn, 2011.
- Corni. *Raccontare la guerra: la memoria organizzata*. Milan: Bruno Mondadori, 2012.
- Del Boca A. *Italiani, brava gente?: un mito duro a morire*. Vicenza: Neri Pozza, 2005.
- Di Sante C., ed. *Italiani senza onore: i crimini in Jugoslavia e i processi negati 1941–1951*. Verona: Ombre Corte, 2004.
- Erlil A. *Memory in Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Fantoni G. 'Brotherhood of Arms: Patriotism, Atlanticism and Sublimation of War in 1950s Italian War Movies'. Cragin T., Salsini L. *Resistance, Heroism, Loss: World War II in Italian Literature and Film*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press, 2018.
- Ferenc T. *Si ammazza troppo poco: condannati a morte, ostaggi, passati per le armi nella provincia di Lubiana 1941–1943*. Ljubljana: Istituto per la storia moderna, 1999.
- Focardi F. *Il cattivo tedesco e il bravo italiano: la rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale*. Rome; Bari: Laterza, 2013.
- Focardi. *Criminali di guerra in libert: un accordo segreto tra Italia e Germania federale 1949–55*. Rome: Carocci, 2008.
- Focardi. *La guerra della memoria: la Resistenza nel dibattito politico italiano dal 1945 a oggi*. Rome: Laterza, 2005.
- Fogu C. 'Italiani brava gente: The Legacy of Fascist Historical Culture on Italian Politics of Memory'. Lebow R. N., Kansteiner W., Fogu C., eds. *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham N.C; London: Duke University Press, 2006.
- Forlenza R., Thomassen B. *Italian Modernities: Competing Narratives of Nationhood*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Forlenza. 'Sacrificial Memory and Political Legitimacy in Postwar Italy: Reliving and Remembering World War II'. *History and Memory*, 24.2 (2012), pp. 73–116.
- Franzinelli M. *Le stragi nascoste: l'armadio della vergogna: impuniti e rimozione dei crimini di guerra nazifascisti 1943–2001*. Milan: Mondadori, 2002.
- Gobetti E. *L'occupazione allegra: gli italiani in Jugoslavia 1941–1943*. Rome: Carocci, 2007.
- Gundle S. 'The "Civic Religion" of the Resistance in Post-War Italy'. *Modern Italy*, 5.2 (2000), pp. 113–132.
- Hamilton H. *Sacrifice on the Steppe: The Italian Alpine Corps in the Stalingrad Campaign 1942–1943*. Havertown, Pa; Newbury: Casemate, 2011.
- Isnenghi. *Le guerre degli Italiani: parole, immagini, ricordi 1848–1945*. Milan: Mondadori, 1989; repr. Bologna: Il Mulino, 2005.
- Langella G. 'Ecce Homo: qualche conclusione sulla letteratura alpina di gesta'. Ardizzone M., ed. *Scrittori in divisa:*

- memoria epica e valori umani: atti del convegno in occasione della 73esima adunata dell'Associazione Nazionale Alpini*. Brescia: Grafo, 2000.
- Leonardi R. 'Il sacro come strumento politico: le elezioni del 1948, la Democrazia Cristiana e i manifesti elettorali'. *California Italian Studies*, 5.1 (2014), pp. 457–485. URL: escholarship.org/uc/item/5xc8172d.
- MacGregor Knox. *Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Mondini M. 'Il racconto della sconfitta: stagioni e mappe tematiche nella letteratura di guerra dell'Italia Repubblicana'. G. Mariani, ed. *Fictions: Narrazioni della distruzione: scrivere la seconda guerra mondiale*. Pisa; Rome: Fabrizio Serra, 2014, pp. 67–89.
- Mondini. *Alpini: parole e immagini di un mito guerriero*. Rome, Laterza, 2008.
- Mondini. 'Manly Heroes and Innocent Victims: Italian Representations of Warfare after Defeat 1945–1961'. Tame P., Jennerod D., Bragança M., eds. *Mnemosyne and Mars: Artistic and Cultural Representations of Twentieth-Century Europe at War*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Mondini. 'Narrated Wars: Literary and Iconographic Stereotypes in Historical Accounts of Armed Conflict'. Mondini, Rospocher M., eds., *Narrating War: Early Modern and Contemporary Perspectives*. Bologna: Il Mulino; Berlin: Ducker & Humblot, 2013.
- Motta A. *Mario Rigoni Stern*. Florence: La Nuova Italia, 1983.
- Oliva G. *Si ammazza troppo poco*. Milan: Mondadori, 2007.
- Patriarca S. *Italianità: la costruzione del carattere nazionale*. Rome; Bari: Laterza, 2010.
- Pullini G. *Il romanzo italiano del dopoguerra 1940–1960*. Milan: Schwarz, 1961.
- Revelli N. *La guerra dei poveri*. Turin: Einaudi, 1962.
- Revelli. *La strada del Davai*. Turin: Einaudi, 1966.
- Rigoni Stern M. *Il sergente nella neve*. Turin: Einaudi, 1953.
- Rigoni Stern. *Ritorno sul Don*. Turin: Einaudi, 1973.
- Rochat G. *Le guerre italiane 1935–1943: Dall'impero d'Etiopia alla disfatta*. Turin: Einaudi, 2005.
- Rochat. 'La guerra di Grecia'. M. Isnenghi, ed., *I Luoghi della memoria: strutture ed eventi dell'Italia Unita*. Rome; Bari: Laterza, 1997.
- Rodogno D. *Il nuovo ordine mediterraneo: le politiche di occupazione dell'Italia fascista in Europa, 1940–1943*. Turin: Bollati Boringhieri, 2003.
- Schivelbusch W. *La cultura dei vinti*. Bologna: Il Mulino, 2006.
- Schlemmer T. 'L'esercito italiano in guerra contro l'Unione Sovietica' // Isnenghi. *Gli italiani in guerra: Conflitti, identità, memorie dal Risorgimento ai nostri giorni*, 5 vols. Turin: Einaudi, 2008, iv, tome 2.
- Schlemmer. *Invasori, non vittime: la campagna italiana di Russia 1941–1943*. Rome; Bari: Laterza, 2009.
- Schwarz. *Tu mi devi seppelli: riti funebri e culto nazionale alle origini della Repubblica*. Turin: Utet, 2010.
- Thomassen B., Forlenza R. 'The Pasts of the Present: World War II Memories and the Construction of Political Legitimacy in Post-Cold War Italy'. Karner C., Mertens B., eds. *Use and Abuse of Memory: Interpreting World War II in Contemporary European Politics*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2013.
- Ventrone A. 'Il nemico interno e le sue rappresentazioni nell'Italia del Novecento', in Ventrone, ed. *L'ossessione del nemico: memorie divise nella storia della Repubblica*. Rome: Donzelli, 2006.

Wertsch J. *Voices of Collective Remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Wood N. *Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe*. Oxford: Berg, 1999.

Zunino P.G. *La Repubblica e il suo passato: il fascismo dopo il fascismo, il comunismo, la democrazia: le origini dell'Italia contemporanea*. Bologna: Il Mulino, 2003.

В. А. Шнирельман

ИСТОРИЯ РОССИИ ДЛЯ НАРОДА — 2: Выставки в Московском манеже о советском и постсоветском времени

Ключевые слова: история СССР, история новой России, выставки, церковь, историческая политика.

Аннотация. В статье анализируются две выставки по истории СССР и России, показанные в Московском манеже в ноябре 2015 и ноябре 2016 г. Они продолжали цикл «Россия — моя история» и, как и прежде, проходили под эгидой Русской православной церкви. Первая из них была посвящена истории XX в. вплоть до 1945 г., а вторая — последующей истории, доведенной до 2016 г. В подготовке выставок принимали участие профессиональные историки, и поэтому они были сделаны более добротнее, чем более ранние. Откровенных ошибок здесь было меньше, и главными методами прочтения истории были, во-первых, умолчание, а во-вторых, отсутствие сколько-нибудь серьезного анализа. В целом выставки страдали эклектикой, где смешивались имперский, советский и постсоветский подходы к истории, причем в ряде случаев это создавало противоречивую картину. Россия изображалась исключительно русской и православной страной, образ которой давно вынашивают многие русские этнонационалисты. Постоянным для всех выставок было подозрительное и неприязненное отношение к Западу и приверженность теории заговора.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-242-272

ГЕРОИКА И РЕПРЕССИИ

Успех выставок 2013 и 2014 гг. окрылил их организаторов и породил

© Шнирельман В. А., 2018

Шнирельман Виктор Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва); shnirv@mail.ru

у них желание продолжить эту деятельность, создав полный нарратив по отечественной истории вплоть до современности. Эту задачу и решали выставки 2015–2016 гг., посвященные истории XX — начала XXI в.

XIV выставка-форум «Православная Русь. Моя история. От великих по-

трясений к Великой Победе, 1914–1945» проходила в Москве 4–22 ноября 2015 г. Она была подготовлена Патриаршим советом по культуре при поддержке Правительства Москвы, Фонда Василия Великого и Фонда гуманитарных проектов. Во главе Фонда Василия Великого стоит известный православный бизнесмен В.В. Бойко-Великий. А Фонд гуманитарных проектов (ФГП) был создан в мае 2013 г. по инициативе бывшего главного юрисконсультанта ОАО «Газпромнефть» и бизнесмена И.В. Есина прежде всего для организации выставок «Россия — моя история»¹. Этот фонд опирается на поддержку Администрации Президента РФ, Минкульта, правительства Москвы и правительства Санкт-Петербурга. Экспертный совет ФГП возглавляет епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов)² (рис. 1), и, как указано на сайте фонда, в совет входят множество ведущих историков России (Что такое Фонд 2017). Известно, что речь идет, в частности, о сотрудниках Института российской истории РАН, но их имена, как и со-

Рис. 1. Тихон Шевкунов на выставке

став экспертного совета в целом, остаются тайной.

Как и прежде, выставка получила благословение от открывшего ее патриарха Кирилла. В этом торжественном мероприятии принимал участие и президент Путин. Примечательно, что в своих приветственных речах ни тот, ни другой даже не упомянули СССР: для Путина страна ассоциировалась с исторической Россией, а патриарх Кирилл говорил о Святой Руси. В результате история страны в XX в. приватизировалась Российской Федерацией, и это отразилось в экспозиции, где о других народах, кроме русского, речи почти не было. И это при том, что почти половину из технического персонала, занимавшегося подготовкой выставки, составляли выходцы из стран СНГ.

¹ При подготовке выставок было нарушено положение о конкурсах. Требующийся по закону тендер фактически не проводился, и работы начались задолго до завершения аукционной процедуры и подписания контракта. Дело поручили подрядчику, никогда не занимавшемуся устройством исторических выставок, но связанному со «Сколково». По сути, речь шла о расходовании крупных государственных средств в обход законодательства о выставочной деятельности. См.: (Конкурсы — не царское дело 2014). ФГП до сих пор занимается исключительно историческими парками в продолжение работы по проекту «Моя история». Других проектов у него нет.

² В мае 2018 г. Тихон был назначен главой Псковской митрополии.

Рис. 2. Поклонение иконе Божией Матери «Державная»

У входа на выставку посетителей ожидала чудотворная икона Божией Матери «Державная» из храма во имя Казанской иконы Божией Матери в Коломенском (рис.2). По церковному преданию, она намеренно явилась на свет в день отречения Николая II от престола ((Болотин 1990: 3; Сказание о явлении 1991: 12; Воронов, Соколова 1993: 48–49; Платонов 2001: 442–444; Меркулов, Бобровник 2003: 300; Бабкин 2007: 348–351; Мирек 2011: 260; Мультатули 2013: 392–393; Осипов, Ченурная 2018; Hagemester 2016: 24–25) и с тех пор, как убеждают православные фундаменталисты, олицетворяла защиту страны самой Богоматерью, взявшей на себя функцию «удерживающего». Богомольцы, включая некоторых деятелей Церкви, верят, что с этой иконой связано возрождение России (см., напр.: (Служения Архипастыря 2017; Вахромеев 2018)). Помимо иконы, посетители выставки снова встреча-

ли рекламу строительства храмов в Москве и знакомились с деталями этой обширной программы.

В подготовке выставки принимали участие профессиональные историки из Института российской истории РАН, и поэтому она была сделана более добротной, чем более ранние. Откровенных ошибок здесь было меньше, и главными методами весьма своеобразного прочтения истории были, во-первых, умолчание, а во-вторых, отсутствие сколько-нибудь серьезного анализа. Наспех подготовленные экскурсоводы исправить эти упущения были не в состоянии.

Экспозиция открывалась схемой, демонстрирующей достижения царской России в начале XX в. Как и на предыдущих выставках, к ним относились прежде всего рост населения и увеличение территории государства, а экономика определя-

лась главным образом сырьевым направлением. Но если наука и культура были представлены галереей многочисленных портретов, то этого нельзя было сказать об экономике и финансах. Поэтому о том, какие именно люди поднимали экономику страны, узнать не удавалось. Говорилось о росте ВВП и бюджета страны, но не объяснялось, как эти средства расходовались и кто в основном получал от них выгоду. Иными словами, вопрос об ужасающем социальном и имущественном неравенстве оставался без обсуждения.

Зато посетитель знакомился с высказыванием монархиста Льва Тихомирова о непреходящей ценности авторитарной власти (рис. 3). В то же время авторы экспозиции скрыли от зрителя весьма неодобрительное отношение Тихомирова к правящему монарху. В экспозиции милитаризация приписывалась исключительно Западному миру, тогда как Россия рисовалась страной, пытавшейся остановить гонку вооружений.

Одной из бед начала XX в. в экспозиции выступала «борьба с религией», причем к этой борьбе совершенно неосновательно причислялись богостроительство и богоискательство³. В то же время умалчивалось о вине самой официальной Церкви за отход от нее масс населения (включая заметную часть семинаристов⁴), а также о реформаторских настроениях в церковной среде, которые проявили себя в особенности

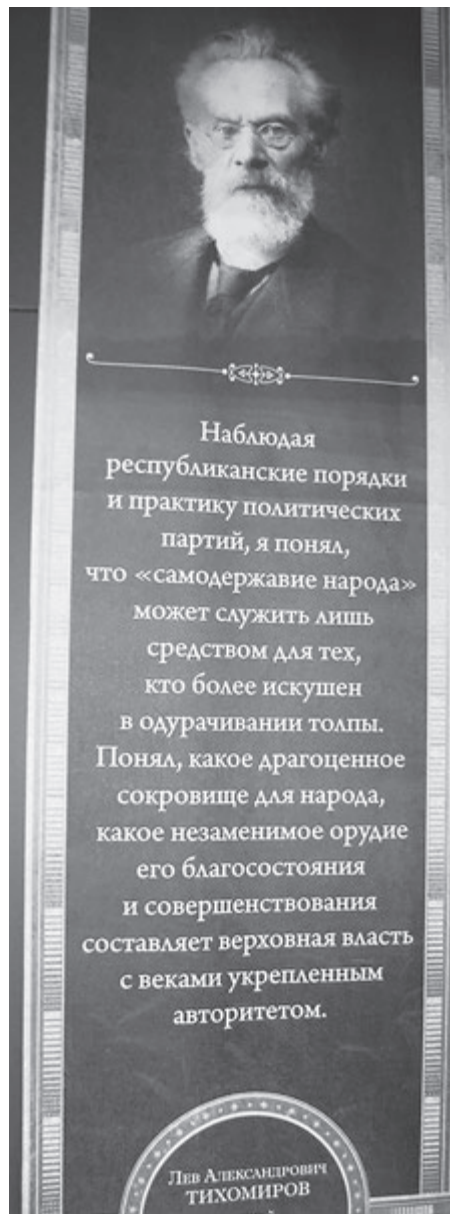

Рис. 3. Лев Тихомиров о ценности авторитарной власти

в период революции 1905–1907 гг. (Бабкин 2011: 67–97). И, вопреки авторам экспозиции, поэма А. Блока «Возмездие» не имела никакого отношения к теме борьбы с религией.

³ Подробно о них см.: (Элбакян 1996).

⁴ См., напр.: (Протоиерей В. Цытин 2007: 315–316; Бабкин 2011: 144–145).

В ней скорее отражались предчувствия символистов о наступлении новой эпохи, чему способствовали популярные у них эзотерические представления. А плазменный экран, осуждавший «борьбу с инакомыслием», тщательно скрывал тот факт, что в начале XX в. Церковь принимала в этой борьбе живейшее участие.

Выражая церковный взгляд на историю России, экспозиция, на удивление, вовсе обходила вопрос о широком обсуждении церковных реформ, в чем участвовали известные архиереи, многие из которых стояли за введение патриаршества (Фирсов 2002). И уж вовсе за скобки выносилась деятельность Религиозно-философского собрания 1901–1903 гг. и Религиозно-философского общества 1907–1916 гг., где широко и многосторонне обсуждались проблемы «нового религиозного сознания».

Зато, прославляя «жизненность Святой Руси», создатели экспозиции почему-то выбрали цитату из второстепенного философа В.Н. Муравьева, известного своими склонностями к «имяславчеству» и «русскому космизму»⁵, которые отвергаются официальной Церковью. В то же время были проигнорированы взгляды гораздо более авторитетного религиозного философа Е.Н. Трубецкого.

Первый раздел экспозиции завершился подборкой пророчеств ряда известных русских священников, предсказывавших России «великую смуту», «страдания и мучения», по-

⁵ О нем см.: (Относясь сочувственно... 2003).

сле чего должно было наступить спасительное возрождение (рис. 4). Выразившееся в этих пророчествах полное бессилие Церкви перед силами хаоса и распада резко контрастировало с общим настроением выставок, призванных показать значительную созидательную роль Церкви в истории России.

Освещая нерешенные проблемы и вызовы, стоявшие перед царской империей, авторы экспозиции выделяют национальный вопрос, но почему-то сводят его исключительно к «еврейскому вопросу». На самом же деле речь должна была идти о преодолении дискриминационной политики в отношении многих нерусских народов, что детально освещено в научной литературе. Что же касается «еврейского вопроса», то авторы обошли своим вниманием как интенсивную черносотенную пропаганду, так и волну чудовищных погромов осени 1905 г. А в дальнейшем оставался неосвещенным и вопрос о волне еврейских погромов в эпоху Гражданской войны. Не узнавал посетитель и о том, что в 1881–1894 гг. было принято 65 законов, направленных на дискриминацию евреев, а в 1894–1914 гг. к ним были добавлены еще 50 таких законов (Фирсов 2017: 324). Кстати, описывая репрессии против галицийских русинов в Австро-Венгрии в сентябре 1914 г., экспозиция замалчивала массовое насильственное выселение евреев из прифронтовой полосы летом 1915 г., осуществленное царскими генералами. Между тем именно это более всего настроило еврейские массы против царизма и способствовало росту у них оппозиционных настроений.

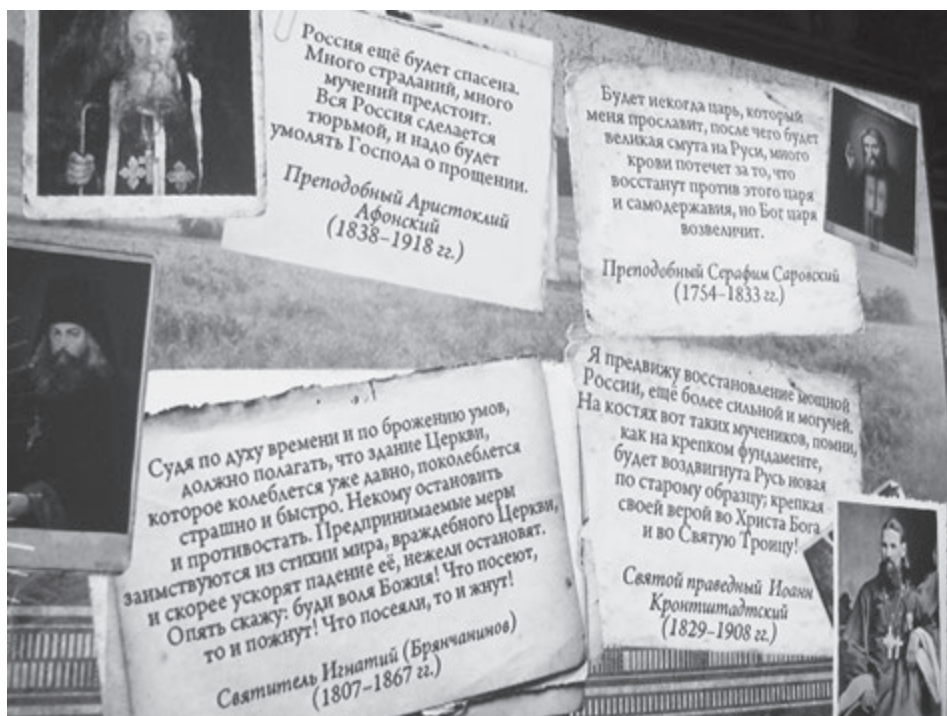

Рис. 4. Пророчества

Обсуждая причины и цели Первой мировой войны, авторы экспозиции детально освещали политику участвовавших в ней держав, показывая их империалистические амбиции и захватнические планы. Якобы только Россия выступала с мирными инициативами, причем, по словам Николая II, вступая в войну, она желала лишь «оградить честь и достоинство». О давней мечте России овладеть проливами говорилось вскользь, а о ее претензиях на Константинополь и, по возможности, на некоторые другие земли Османской империи не сообщалось вовсе.

К чести создателей экспозиции, говоря о революции, они обошлись без отсылки к «ритуальному убийству». Тем не менее на плазменных

экранах идея заговора сохранилась, в частности, упоминались германские деньги для «партийных радикалов» и сознательное содействие Германии переезду русских революционеров из Швейцарии в Россию. Более детально эта идея присутствовала в закадровом тексте к фильмам. Там давалось своеобразное объяснение Февральской революции. Со ссылкой на осведомленных участников событий справедливо подчеркивалось, что все интеллектуалы-оппозиционеры были за границей и не могли готовить переворот. Но, как узнавали посетители, Г.Е. Львов, А.И. Гучков, М.В. Родзянко и некоторые другие, кто ведал военными поставками, получили в 1916 г. огромные суммы, львиная доля которых оказалась на их личных счетах

за рубежом. Ими занялись следователи, и, чтобы избежать разоблачений, они-то и устроили революцию. Причем за этим якобы также стояли зарубежные заговорщики в лице Англии. Иными словами, речь шла о пресловутом «заговоре Гучкова»⁶, который, по словам как хорошо осведомленных современников, так и современных специалистов, скорее находился в области слухов, был прекрасно известен досужей публике и ограничивался пустыми разговорами⁷.

В то же время никакого глубокого анализа причин, по которым царь полностью потерял какую-либо поддержку в обществе (даже у своих титулованных родственников), экспозиция не содержала. А ведь это невозможно было объяснить ни заговором, ни «страстями и амбициями элит».

Разумеется, не обошлось и без «масонов», причем к ним ошибочно был причислен октябрист Гучков⁸. В свою очередь А. Ф. Керенский был назван «масоном высокого уровня посвящения», главой ложи «Великий Восток народов России». Утверждалось, что якобы в течение всего 1916 г. он «усиливал свое влияние в кулуарах российской политики», хотя, как хорошо известно, с конца 1915 г. и до лета 1916 г. он тяжело болел и политикой заниматься не мог (Федюк 2009: 69). Не упоминался

и тот факт, что названная ложа, избегавшая масонских ритуалов, отличалась большим своеобразием, по сути, являясь полулегальной политической организацией оппозиционеров, придерживавшихся самых разных политических взглядов. Правда, в дальнейшем Керенский выступал в экспозиции как эсер и его «масонское прошлое» оказывалось прочно забытым.

Мелодия теории заговора продолжала звучать и в связи с биографией Троцкого, которая почему-то давалась со ссылкой на известного американского конспиролога, экономиста Э. Саттона, не пользующегося доверием профессиональных историков. Речь шла прежде всего о тесных связях Троцкого с ведущими американскими финансистами, включая Я. Шиффа⁹. Кроме того, Троцкого обвиняли и в связях с сербами, убившими эрцгерцога Франца-Фердинанда. Всем этим экспозиция как бы подтверждала теорию заговора против России, в котором рука об руку действовали революционеры, финансовые воротилы и правительства ряда ведущих стран Запада, причем как со стороны Антанты, так и со стороны Германии. Сомнительность этой версии более чем очевидна.

Нельзя не отметить определенное стремление создателей экспозиции отказаться от монологичности и представить полифонию взглядов на Февральскую революцию — от ее поддержки некоторыми священниками (архиепископ Арсений), ин-

⁶ Это мнение и ныне разделяет епископ Тихон (Шевкунов). См.: (Городова 2015).

⁷ См., напр.: (Шубин 2014: 101–109; Фирсов 2017: 397–398; Миллюков 1991: 464; Чернов 2007: 75–76).

⁸ О том, что Гучков не был масоном см.: (Серков 2009: 207).

⁹ Между тем, хорошо известно, что Шифф был противником большевиков. См.: (Лакер 1991: 127–128, 159–160).

теллектуалами (М. Осоргин) и даже потомственными аристократами (великий князь Кирилл Владимирович) до сделанных впоследствии покаянных замечаний Гучкова, Милокова и Пуришкевича, сожалевших о случившемся. Однако такие нарративы выбивались из общего тона экспозиции.

Говорилось о Поместном Соборе и восстановлении патриаршества, но в целом отношение Церкви к революции было освещено слабо. В частности, посетитель оставался в неведении о том, что, узнав об отказе великого князя Михаила взойти на трон, Церковь уже в начале марта 1917 г. присягнула Временному правительству и в дальнейшем не оказала никакой поддержки свергнутому царю (Бабкин 2007: 145–147). А вскоре священники-монархисты подверглись гонениям со стороны высших иерархов.

В следующем зале посетители знакомились с событиями времен Гражданской войны. Здесь говорилось об обороне Царицына под руководством Сталина, но замалчивались его грубые ошибки, приведшие к его отстранению от военного руководства в дальнейшем.

Многочисленные материалы, представленные в этом зале, должны были демонстрировать кровожадность большевиков (красный террор, рассказывание, введение трудовой армии и лагерей, вскрытие святых мощей, убийство царской семьи), что резко контрастировало с былым советским нарративом, обвинявшим во всех бедах контрреволюционеров и царских генера-

лов. В особенности делался акцент на высказываниях Ленина, одобрявшего и поощрявшего террор¹⁰. Фоном для этого служило известное изображение «доброты деда Ленина» в окружении детей, призванное ужаснуть посетителей (рис. 5). Взгляды Ленина на террор дополнялись цитатами из Троцкого и Ладиса, причем Троцкому приписывалось согласие на гибель 90 % русских ради построения коммунизма (рис. 6)¹¹. Иными словами, большевики изображались абсолютными злодеями в духе белогвардейской пропаганды. Правда, это уравновешивалось материалами о белом терроре и зверствах колчаковцев в Сибири, а также о бесчинствах казаков атаманов Семенова и Дутова.

Было показано, что Октябрьская революция привела к распаду страны и возникновению множества местных правительств, в том числе выступавших от лица этнических националистов. Однако оставался в тени тот факт, что этого не случилось после Февральской революции, а ведь это требовало бы странного объяснения.

В зале Гражданской войны противопоставлялись две силы — с одной стороны, бывшие царские офицеры, ставшие на защиту демократии, а с другой — большевистские

¹⁰ О сомнительности приведенной на выставке цитате, приписываемой Ленину, см.: (В Перми на выставке 2017).

¹¹ Эта цитата взята из воспоминаний секретаря Распутина. См.: (Симапович 1922). Впервые в постсоветское время к ней обратился поэт В. Хатюшин. См.: (Хатюшин 1991: 55). Примечательно, что князь Жевахов приписывал эту цитату Ленину. См.: (Воспоминания 1928: 206).

Рис. 5. Ленин, дети и террор

военачальники, действовавшие от имени коммунизма. И те, и другие выступали в окружении своих лозунгов, но почему-то белые связывались прежде всего с лозунгом «Умрем за Родину», тогда как следовало бы упомянуть «Единую и Неделимую». Обращает на себя внимание и тот факт, что лозунги белых провозглашали готовность умереть, тогда как красные обещали счастливое будущее, и это во много объясняет исход Гражданской войны.

Следующий зал, посвященный 1920-м гг., открывался пространными списками членов ВЦИК, Совнаркома и Политбюро ЦК РКП(б), составленными достаточно бессистемно. Лишь для некоторых из их состава были даны сведения об их этническом происхождении и о женах, а для других — нет. Жены здесь

фигурировали явно для подтверждения мифа о «еврейских женах», распространенного в националистических кругах, где царило (и до сих пор царит) убеждение в том, что эти жены активно руководили политической деятельностью своих мужей¹². Кроме того, только в этих списках раскрывались псевдонимы политических деятелей и обсуждалось их этническое происхождение. Ничего подобного в других случаях — будь то списки членов Временного правительства, репрессированных священников или царских офицеров — не делалось (например, почему в таком случае не обсуждалось этническое происхождение Колчака, Каппеля, барона фон Унгерна или атамана Семенова?). К этому добавлялось

¹² Об этом см.: (Митрохин 2002).

то, что в разделах о Гражданской войне и 1920-х гг. больше всего говорилось о Троцком. Авторам явно хотелось показать «нерусский» характер революции. Но это не удалось — революция оказалась делом интернационалистов, не придававших значения этничности, что и раньше было хорошо известно.

Были показаны известная высылка интеллектуалов на «философском пароходе» и учреждение печально знаменитого Соловецкого лагеря. Большое внимание уделялось и голоду начала 1920-х гг. Лейтмотивом этого зала служили гонения на Церковь и священников: изъятие церковных ценностей, репрессии против священников, закрытие и разрушение храмов, антирелигиозная пропаганда, отмена традиционных праздников, включая запреты на елку, танцы и джаз, и преследование сказки. Также было показано участие государства в церковных расколах, призванных подорвать единство Церкви. Однако, на удивление, страничка о гонениях на другие религии, которые были не менее интенсивными, осталась незаполненной, и посетитель уходил с уверенностью в том, что репрессиям подвергались исключительно православные. В этом его особенно убеждал зал, посвященный «новомученикам и исповедникам Земли русской» с его откровенной пропагандой православия.

Так что попытка дать сбалансированное представление о 1920-х гг., выраженная большим панно, показывающим НЭП, первое в мире социальное государство и эксперимент по созданию нового человека,

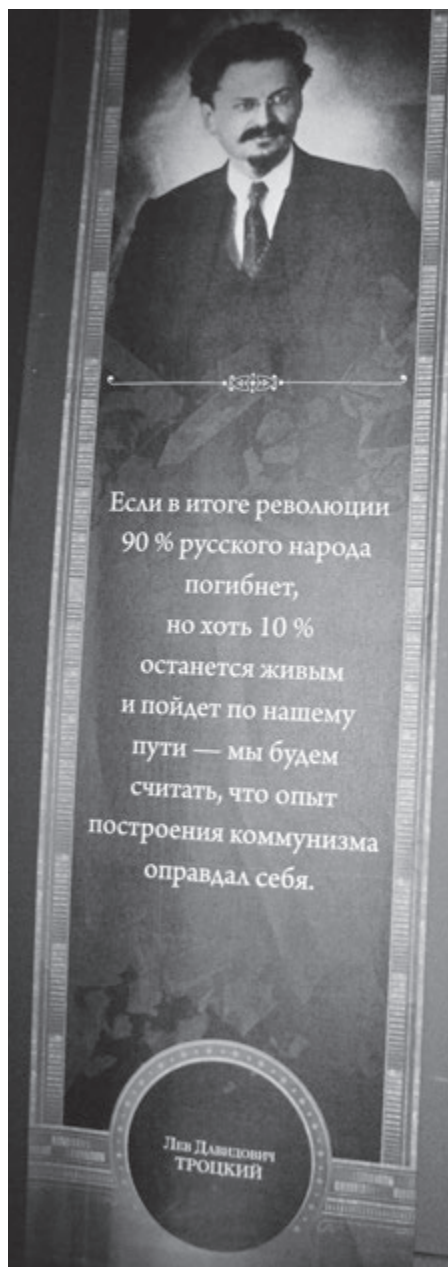

Рис. 6. Троцкий о коммунизме и судьбе русских

не вполне удалась. Ведь внимание больше уделялось разрушению, а не созиданию. Между тем это время было полно экспериментов в науке

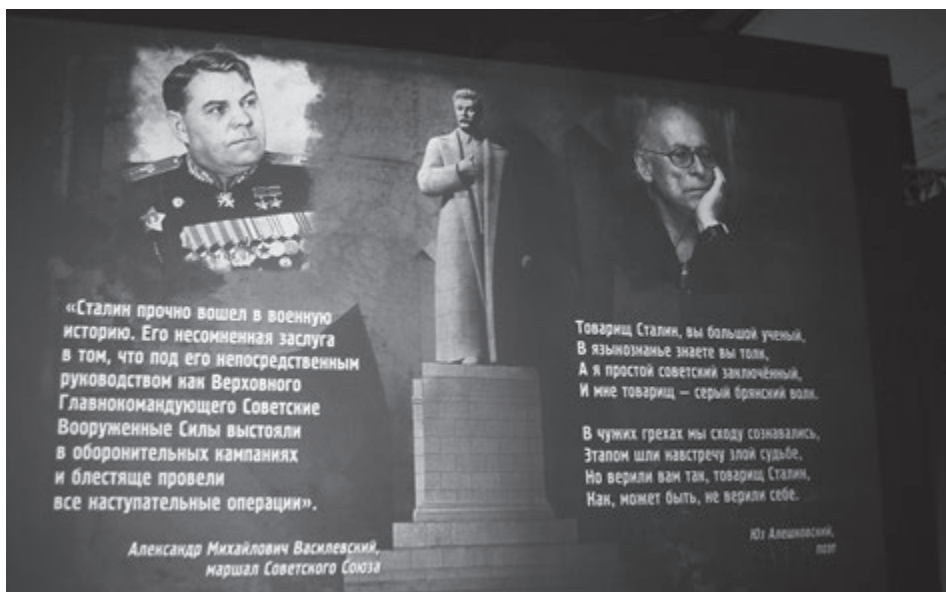

Рис. 7. Маршал А.М. Василевский и поэт Юз Алешковский о Сталине

и искусстве, причем в некоторых областях СССР находился тогда на переднем краю мирового прогресса, давая пример, позднее подхваченный в других странах.

Центральный зал-панорама был посвящен «народу», и приведенные здесь высказывания известных мыслителей объясняли, что речь идет исключительно о русском народе. Но это контрастировало с галереей многочисленных портретов деятелей культуры, ученых, конструкторов, военных и т. д., среди которых обнаруживались далеко не только русские. Между тем в этом зале этническое происхождение людей не обсуждалось. И делалось все для того, чтобы посетители отождествляли Россию только с русскими. Это вытекало из техзадания, где говорилось, что главным Героем выставки должен стать русский народ¹³.

¹³ См.: (Конкурсы – не царское дело 2014).

Следующий зал был посвящен индустриализации и коллективизации, но, по сути, речь шла о гораздо более разнообразной проблематике, связанной с историей первой половины 1930-х гг., включая и международные события. Зал открывался нарративом о Сталине, чему служили плавающие окна с оценками, дававшими как соотечественниками, так и зарубежными деятелями. Оценки эти были весьма разнообразными, от полного неприятия и осуждения до восхищения и оправдания. Примечательно, что первое было свойственно соотечественникам, а второе — зарубежным политическим деятелям. Тем самым делалась попытка дать сбалансированную оценку Сталина путем сравнения диаметрально противоположных высказываний разных людей (рис. 7). Но, по сути, баланс нарушался, и речь шла о его оправдании, что особенно обнаруживалось в фильмах, а также в словах экскурсоводов.

Здесь же приводились и высказывания Сталина, причем достаточно актуальные и даже злободневные для нашего времени. Речь шла о массах, требующих «твердого руководства», а также о необходимости сделать решительный рывок — «иначе нас сомнут». Стоит ли говорить об очевидных параллелях с нынешней обстановкой, что, как и прежде, заставляет видеть в данной экспозиции пример целенаправленной «исторической политики»?

В этом зале посетитель также узнавал об обстоятельствах и последствиях этого решительного рывка — о возникновении ГУЛАГа, о массовом голоде 1932–1933 гг. и о появлении паспортной системы в целях контроля над гражданами и ограничения их передвижения. Речь шла прежде всего о крестьянах, не получавших паспортов, что препятствовало их выезду из деревни. Начало массовых репрессий здесь связывалось с убийством С. М. Кирова в 1934 г., однако посетитель оставался в неведении о волнах «борьбы с национализмом», накатывавших на страну начиная с 1923–1924 гг. и приводивших к гонениям на местную интеллигенцию нерусского происхождения. Экспозиция создавала впечатление, что репрессиям подвергались лишь русские люди и священники.

Это впечатление лишь укреплялось в зале № 10, повествующем о Большом терроре, где история репрессий была представлена достаточно детально. Там посетитель встречал несколько подробных карт, показывавших систему ГУЛАГа и ее

развитие в 1930–1940-х гг., а также дававших детальную статистику репрессий за 1921–1953 гг. На плазменных экранах он узнавал об истории ГУЛАГа, о составе и численности заключенных, о производственных задачах, которые решались их трудом, а также о работе ГУЛАГа во время войны. Здесь можно было познакомиться с некоторыми заключенными и их биографиями. При этом обращалось особое внимание на преследования священников, однако о разгроме Академии наук и о репрессиях против национальной интеллигенции умалчивалось.

Экспозиция о репрессиях по сути была частью зала № 9 о «сталинском социализме», завершавшего довоенную историю СССР. Картина оказывалась весьма противоречивой, от стахановцев и грандиозных строек до жестоких гонений на фоне весьма тревожной международной обстановки (война в Испании, Аншлюс, столкновения СССР с Японией и пр.). Говорилось и о противоречивости Конституции 1936 г., не отражавшей реалии советской жизни. В целом же отмечалось, что в 1930-х гг. народ вернулся к корням и вновь стал строить сильную империю. И создавалось впечатление, что такой поворот оправдывал жестокую борьбу с «врагами».

Не обошлось без неверных утверждений и умолчаний. Так, вопреки создателям экспозиции, результаты переписи 1937 г. не были полностью уничтожены, и сравнительно недавно они были опубликованы (Всесоюзная перепись 2009). Ряд плазменных экранов, призванных

освещать наиболее острые проблемы истории (гонения на неправославные религии, Мюнхенский договор, оккупация Судетской области Германией, смещение Н. И. Ежова и замена его Л. П. Берией, договор о ненападении между СССР и Германией, пакт Молотова – Риббентропа), остались незаполненными. Говорилось об успехах науки, но это касалось исключительно естественных наук, в особенности связанных с производством вооружения. В то же время, как показывала экспозиция, многие знаменитые советские проекты осуществлялись с привлечением иностранных специалистов. О состоянии гуманитарных наук, которые тогда переживали далеко не лучшие времена, создатели экспозиции стыдливо умалчивали.

Только в этом зале посетитель, наконец, узнавал о федеративном характере государства, наглядно представленного картой с обозначением 16 союзных республик. Сведения о каждой из них можно было увидеть на плазменном экране, однако они ограничивались скудными формальными, главным образом экономическими данными. Об отдельных этнических группах, их языках и культурах никакой информации не давалось.

Экспозиция завершалась залами о Великой Отечественной войне и Победе. О начале войны сообщались лишь самые общие хорошо известные сведения, и причины поражения в начале войны всерьез не обсуждались. Разумеется, ни о какой вине в этом Сталина не говорилось. Зал открывался панно с описанием целей нацистской Германии, главная

из которых заключалась в «порабощении русского народа». Об участии евреев авторы вспоминали только в связи с их массовым расстрелом в Бабьем Яру. Но даже на специально посвященном этому экране львиная доля информации приходилась на планы нацистов по «ослаблению русского народа». И тема Холокоста оставалась практически не освещенной. Даже не говорилось об освобождении Освенцима Красной армией. Посетители ничего не узнавали и о депортации народов в 1943–1944 гг. Вопрос о коллаборационизме также полностью обходился. Иными словами, воспроизводилась версия войны, известная по советским школьным учебникам, а сложные и неоднозначные проблемы замалчивались, очевидно, чтобы не омрачать радость победы. Зато не была забыта историческая встреча Сталина с митрополитами, положившая начало возрождению Церкви. Специальный стенд был посвящен роли Церкви в дни войны, но о сложной картине взаимоотношений Церкви с оккупационными властями там узнать не удавалось.

К чести авторов экспозиции они упомянули о поддержке СССР со стороны Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля и о большой роли поставок по ленд-лизу.

Последний зал, посвященный Победе, отдавал должное советским воинам, но в нем снова прославлялся исключительно русский народ и якобы присущее ему великодержавие.

Таким образом, данная экспозиция представляла прежде всего исто-

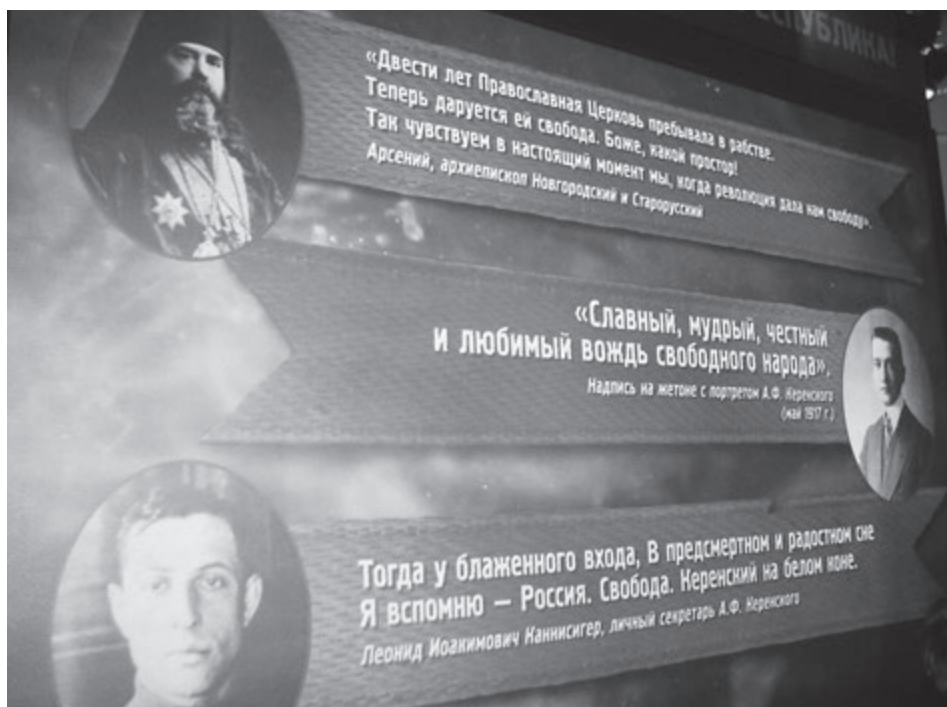

Рис. 8. Высказывания о Керенском и свободе

рию Церкви и русского народа. Значительную ее часть занимал нарратив о гонениях на Церковь и преследовании священников. О других репрессиях говорилось много меньше. Иных народов, кроме русского, посетитель в залах практически не встречал. Этому способствовало, в частности, то, что создатели этой и всех других экспозиций неверно переводили термин Russian как «русское», тогда как в контексте западного дискурса он означает «российское», т.е. речь должна идти не об этничности, а о гражданстве. Лишь упоминалось о возникновении СССР и входивших в него республиках, но ни слова не говорилось об этнических проблемах.

Не обошлось и без обидных опечаток и откровенных ошибок: так,

в зале № 3 автором цитаты о Керенском значился Каннисигер вместо Каннегисера (рис. 8), а в центральном зале фотографию Николая Гумилева сопровождала цитата из его сына Льва Гумилева.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ, КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИИ

Цикл завершился выставкой «Россия — моя история 1945–2016», состоявшейся 4–22 ноября 2016 г., причем ей предшествовало торжественное открытие памятника князю Владимиру на Боровицкой площади. На этот раз у входа посетителей встречала Владимирская икона Пресвятой Богородицы. Руководителем экспертной группы по подготовке выставки был исполняющий

обязанности ректора РГГУ историк А. Б. Безбородов, специалист по истории ВПК и диссидентского движения. Поэтому в создании экспозиции активно участвовали сотрудники РГГУ.

Выставка открывалась залом о геополитике, где посетителю предлагалось трепетать от ужаса, знакомясь с планами США по уничтожению СССР. Однако в американских документах речь шла вовсе не об этом, а о борьбе с экспансией коммунизма, угроза которой во второй половине 1940-х гг. казалась американцам вполне реальной в связи с опытом, полученным тогда государствами Восточной Европы, и происходившим тогда же распадом колониальной системы. Кстати, в приведенном там же высказывании Г. Киссинджера говорилось о том, что «Трумэн столкнулся со сталинским экспансионизмом».

Разумеется, планы войны с СССР разрабатывались в военных ведомствах ряда западных держав, но разве в СССР не имелось подобных же планов?¹⁴ Выставка много выиграла бы, если бы здесь для сравнения были приведены и советские планы. Только тогда посетитель смог бы реально ощутить опасность ядерной войны, перед которой мир стоял в конце 1940-х гг. Кстати, вскоре корейская война показала, насколько реальной была эта опасность. Примечательно, что американские планы по достижению мирового господства демонстрировались на фоне рассуждений конспиролога Э. Саттона, полюбившегося устрой-

телям рассматриваемых выставок, что несколько не повышает его авторитет в глазах профессиональных историков, относящихся к его построениям с высокой долей скептицизма.

Что же касается страха перед коммунизмом, отражавшемся в американской пропаганде против СССР, то ведь американцам уже был известен опыт советского государственного террора и ГУЛАГа, расцвет которого, как показывала экспозиция, приходился на послевоенные годы. Стоит ли удивляться тому, что они не испытывали симпатий к коммунизму? Зато можно только удивляться тому, что организаторы экспозиции отнесли к антисоветской пропаганде невинные объявления о Перестройке в СССР.

Кстати, в этом зале имелось огромное панно «Предыстория», призванное продемонстрировать якобы имманентно свойственную Западу вековую вражду к России. Между тем внимательно ознакомление с приведенными там данными лишней раз доказывало экспансионистскую политику сперва московских государей, а затем и российских императоров. Причем авторы экспозиции умышленно подчеркивали верность всех правителей формуле «Москва — Третий Рим», хотя на самом деле роль этой идеи вплоть до второй половины XIX в. была в российской политике далеко не определяющей (Кириллов 1914; Ульянов 1994: 150–162; Синицына 1998; Иванов 2009).

В зале о послевоенном восстановлении доминировали две темы —

¹⁴ См., напр.: (Gaddis 2005; Млечин 2018).

культ личности Сталина и массовые политические репрессии. Здесь посетитель вновь возвращался к теме ГУЛАГа, и его убеждали в том, что репрессии были направлены на ликвидацию «потенциальной пятой колонны». Но о какой «пятой колонне» могла идти речь, если огромную массу заключенных составляли рабочие и крестьяне, далекие от политики? Да и постановочный характер многих политических процессов вряд ли сегодня нужно доказывать. Иными словами, репрессиям давалось некорректное объяснение. Кроме того, лишь упоминались «национальные операции» НКВД, но суть их не раскрывалась, т. е. посетитель так и не узнавал о волнах беспрецедентных гонений, обрушивавшихся на национальную интеллигенцию практически во всех республиках (см., напр.: Большевицкий порядок 2015).

О национальном факторе говорилось лишь в разделе о депортированных народах. Этот раздел чрезвычайно важен, т. к. сегодня тема депортации почти не представлена в школьных учебниках и нередко даже замалчивается властями соответствующих республик. Но, на удивление, в этом разделе депортированные народы даже не были названы по именам; не говорилось ни об обстоятельствах, ни о последствиях депортации. Не сообщалось о массовой гибели людей в ходе нее и о лишениях (включая погромы), которые они были вынуждены терпеть в местах нового поселения. Зато издевательски подчеркивалось, что депортированные сохраняли членство в ВКП(б) и ВЛКСМ и не лишались избирательных прав. Упо-

миналось, что заключенным было запрещено покидать места ссылки, но не говорилось, что изданный 26 ноября 1948 г. Указ объявлял депортацию вечной. Иными словами, хорошо, что тема была поднята, но она была освещена не вполне корректно.

Вовсе не было речи о других национальных гонениях конца 1940-х — начала 1950-х гг.: о кампании против народных эпосов, о разгромной критике учебников по истории отдельных республик и преследовании их авторов, о «мингрельском деле», о борьбе с «сионизмом» и т. д. Что касается «еврейского вопроса», то он вовсе всерьез не обсуждался: была лишь упомянута кампания борьбы с «космополитами», но не было речи о «деле врачей» и тем более о планах по депортации всех евреев на Дальний Восток. Не было речи и о международном эхе этих кампаний — например, посетитель не узнавал ничего о «деле Сланского».

Эпоха, начавшаяся после смерти Сталина, получила на выставке название «романтического социализма». Этот раздел тоже был не свободен от некорректных замечаний. Так, можно ли верить утверждению о том, что при Сталине «признавалась государствообразующая роль русского народа»? Каким образом она признавалась, в чем это выразилось, было ли это закреплено нормативными актами? Ответа на эти вопросы посетитель не находил. Столь же сомнительным было отождествление естественного стремления республик федеративного государства к большей самостоятельности с «сепаратизмом».

Сомнения вызывает и следующая формулировка: «вместо призыва к штурму новых высот народу была предложена дискуссия о правильности предшествующего периода развития...». Неужели авторы отрицают ценность критической проработки прежнего негативного опыта? И как можно штурмовать новые высоты без обсуждения и признания былых ошибок, без отказа от прошлой преступной политики? И уж совсем неуместным кажется утверждение о том, что «десталинизация» якобы началась в последние сталинские годы, отмеченные новыми волнами репрессий.

Большое место в этом разделе занимала антирелигиозная кампания. Однако, как и прежде, речь шла только о гонениях на православие; о том, что эта кампания больно ударила и по другим религиям, не сообщалось. Зато утверждалось, что без участия Церкви духовное развитие общества оказывалось невозможным. Якобы это вело только к разложению и «заимствованию несвойственных России западных ценностей». На чем основывается такое мнение, остается только гадать. Ясно лишь, что, призывая к научности, создатели экспозиции в ряде случаев сами нарушали этот принцип и отдавались на волю эмоций.

Авторы экспозиции упрекали Хрущева в перекраивании границ республик. Но ведь то же самое происходило и при Сталине! Поэтому речь должна была идти об одной из постоянных особенностей советской внутренней политики¹⁵. В этом

разделе упоминался вопрос о принадлежности Крыма, но почему-то полностью игнорировалось крымско-татарское население, которое даже не упоминалось как много более других пострадавшее от депортации. Не говорилось и о том, что массовое заселение Крыма русскими происходило лишь в послевоенные годы, причем по инициативе центральной власти, т.е. это было частью сталинской национальной политики.

Эти странности не ограничивались освещением внутренней политики. Скажем, корректно ли называть события в Венгрии 1956 г. «нацистским мятежом»? И можно ли оправдывать ввод туда советских войск «просьбой руководства страны»?

Говорилось о событиях в Берлине 1958 г., приведших к строительству Берлинской стены, но умалчивалось об июньских волнениях в ГДР в 1953 г., возникших в ответ на советизацию, приведшую к резкому ухудшению благосостояния народа. Не сообщалось, что это восстание тоже было подавлено советскими танками.

Следующий зал носил название «Расцвет и начало кризиса». Но вопрос о том, следует ли эпоху Брежнева связывать с расцветом, остается на совести авторов. Ведь, как выясняется, все экономические успехи определялись лишь созданием мощной энергосистемы и добычей нефти, что в конечном итоге и подкосило СССР.

Значительную часть этого раздела составляла история диссидентско-

¹⁵ Подробно см.: (Cornell 1999: 185–196).

го движения, но почему-то едва ли не главным авторитетом по этой теме выступал начальник 5-го Управления КГБ Ф.Д. Бобков, который более всего и занимался борьбой с диссидентами. По его словам, диссиденты выступали «против существовавшего конституционного строя», но на самом деле, как явствует из данного там же объяснения, они требовали «исполнения норм советской конституции». Похоже, создатели экспозиции никакого противоречия здесь не усмотрели. Таким же диссонансом звучало утверждение Бобкова о том, что его сотрудники не занимались «инакомыслием», и помещенное здесь же объяснение, что в их обязанность входило изучение «идеологических диверсий». Как это совмещается, остается неясным. Скажем, следует ли считать закрытие в 1974 г. патриотического журнала «Вече» и арест его редактора В. Осипова борьбой с «инакомыслием» или борьбой с «идеологическими диверсиями»? То же самое относится к преследованиям писателей-диссидентов и художников-неформалов. И как быть с волнами арестов правозащитников по надуманным предлогам? Об использовании против диссидентов судебной психиатрии лишь упоминалось, но это никак не комментировалось.

Зато создатели экспозиции делали акцент на использовании диссидентов западными спецслужбами, создавая у посетителя неприязненное отношение к диссидентскому движению. При этом претензии диссидентов к советской власти и их справедливость оставались без обсуждения. Вовсе не говорилось

о государственном антисемитизме и о движении «отказников», служившем тогда важным фактором международной политики. Кроме того, хотя наличие среди диссидентов русских националистов отмечалось, их деятельность никак не освещалась, и об их позиции и требованиях посетителю оставалось только догадываться.

Часть этого раздела составляло обсуждение войны в Афганистане. Однако, на удивление, она оказалась обезличенной. Кроме генерала Б. Громова не было названо ни одного имени, включая афганских лидеров — Тараки, Х. Амина и Бабрака Кармаля. Не говорилось и о том, что фактически в 1979 г. советские спецподразделения произвели военный переворот в суверенном государстве. Не упоминался и руководитель афганского сопротивления Ахмад Шах Масуд. Иными словами, представление об этой войне оставалось урезанным и страдало недоумками.

Раздел о «расцвете и начале кризиса» заключался словами Вилли Брандта, назвавшего Брежнева «консервативно настроенным управляющим огромной державы». И с этим нельзя не согласиться.

Следующий зал был посвящен перестройке и распаду СССР. На большом панно были названы разнообразные причины этого, однако не обсуждалась их сравнительная важность (рис. 9). Скажем, посетителю трудно было понять, что сырьевая экономика оказывалась под ударом от падения цен на нефть. Ведь ранее его убеждали

Рис. 9. Причины развала СССР

в небывалых экономических успехах СССР и в прочности его экономической основы. В этом контексте плохо воспринималось совершенно правильное утверждение о губительном участии в гонке вооружений, что в значительной мере и подкосило СССР. На фоне экономического провала такие факторы, как «кризис коммунистической идеологии» и «информационная война» со стороны США, выглядели второстепенными и дополнительными. Кстати, неясно, почему «вращивание международного терроризма» следует относить к «информационной войне».

Эта часть экспозиции создавала впечатление, что значительную роль в развале СССР сыграли западные спецслужбы. На самом же деле распад СССР был большой и не вполне приятной неожиданностью

для западных экспертов, надеявшихся на его реформирование, а не на распад. В этом отношении радикальные взгляды З. Бжезинского стояли особняком, и организаторам экспозиции вряд ли следовало представлять его главным западным авторитетом по вопросу об СССР, тем более по несколько раз воспроизводить одни и те же его высказывания.

В рассматриваемом разделе главное место было уделено межнациональным конфликтам и возрождению Церкви. Вряд ли можно согласиться с тем, что с установлением советской власти межнациональные конфликты были «заморожены» (известная теория «спящей царевны»). Детальное изучение этой проблемы показывает, что напряженность сохранялась из-за серьезных просчетов советской на-

циональной политики, не только не упразднявшей, но порой и поддерживавшей дискриминацию¹⁶. При всей справедливости приведенных здесь суждений американских авторов о силе советской идентичности, они упускали из виду действенность этнического фактора, обусловленную, в частности, этническим характером советского федерализма. Поэтому суждение о «размораживании конфликтов» нельзя признать корректным, равно как и то, что конфликты раздувались «умышленными провокациями». Никакого глубокого анализа конфликтов и их причин посетителям предложено не было.

Другим важным сюжетом являлось празднование тысячелетия крещения Руси и изменение государственной политики в отношении Церкви. Здесь также встречались недомолвки и умолчания, в частности, касавшиеся тесной связи иерархов Церкви с КГБ.

Еще больше недомолвок содержалось в кратком разделе, освещавшем деятельность ГКЧП. И хотя создатели экспозиции утверждают, что они пользовались закрытыми архивами и впервые ввели в оборот некоторые архивные материалы, в данном разделе ничего подобного не обнаруживалось. Ничего нового о закулисной стороне августовских событий посетители так и не узнавали. Не было даже уже известной информации об отношении руководства союзных и автономных республик к ГКЧП. Не узнавал посе-

титель и о позиции российских депутатов-коммунистов, требовавших введения в РСФСР институтов (Российской компартии и Академии наук), параллельных общесоветским, что ослабляло СССР. И по-прежнему остается загадкой, как без поражения в войне могло так быстро и радикально распасться могучее государство, что отметил Г. Киссинджер.

Отдельный раздел был посвящен национализму и сепаратизму. Однако там речь шла только об отделении союзных республик от СССР и о требованиях автономных республик о повышении своего статуса. Упоминалась и «русофобия», но умалчивалось о позиции русского населения республик, по большей части поддержавшего движение за демократию. Полностью обходился вопрос о русском национализме. Не обсуждалась проблема гиперцентрализации власти, вызывавшей недовольство на местах и, по сути, тормозившей развитие страны, что и делало привлекательными лозунги децентрализации. Говорилось о попытке Горбачева спасти единство страны путем заключения нового Союзного договора, но умалчивалось о том, что этот план был сорван именно действиями ГКЧП.

Определенный интерес вызывал зал, посвященный «воспоминаниям об СССР». Там показывались уникальные советские плакаты, а также давалось представление об экономическом состоянии отдельных республик. Это демонстрировало непревзойденную мощь РСФСР, но не объяснялось, что ее

¹⁶ Об этом см., напр.: (Шнифельман 2003; 2006).

могущество достигалось главным образом за счет громадных запасов нефти и газа. В то же время среди экономических лидеров значились прибалтийские республики, экономика которых была устроена иначе и не зависела от сырьевых запасов. Зато Азербайджан, питавшийся сырьевой экономикой, значительно от них отставал. А по потреблению одно из первых мест занимала Грузия, экономика которой не могла похвастаться большими достижениями. Все это вызывало интерес, но не получало внятных объяснений.

1990-е были представлены панорамой весьма неоднозначных процессов, причем позитивные из них выступали на синем фоне, а негативные — на красном. Правда, оставалось неясным, почему авторы отнесли отмену цензуры к негативным процессам. В особенности недоумение вызывает их стремление связать «упадок духовности» у молодежи с отменой цензуры. Остается неясным, с каким именно периодом они связывали взлет духовности — неужели с брежневским? И совершенно неверно, что открытость миру якобы привела к «вытеснению российской культуры западной». Ведь взаимовлияние культур и их синтез происходили всегда, и само становление видов и жанров русской профессиональной культуры (литературы, живописи, музыки) еще в XVII–XVIII вв. происходило под большим влиянием западных традиций. Ничего необычного, тем более губительного в этом не было. Также не следовало представлять молодежные субкультуры исключительно в негативном свете. Это

касается и использования термина «тоталитарные секты», который не принят профессиональными религиоведами.

Свобода слова подавалась на вышке только в негативных тонах; не сообщалось об открытии архивов и лавине новой непривычной информации, ломавшей прежние догмы, сформированные советской идеологией. Но зато говорилось о «глумлении над историческим прошлым», хотя и не объяснялось, в чем оно заключалось. Не обсуждалось становление новой свободной журналистики, и акцент делался на журналистах-конъюнктурщиках, презревших какие-либо этические нормы во имя личной выгоды. Не объяснялось, что либеральные реформы, не успев начаться, были прерваны, что и привело к перекосам и кризису в экономике. Не была внятно показана роль прежнего чиновничьего аппарата, который не претерпел больших изменений и умело приспособился к новой ситуации, используя ее в своих интересах. В частности, обходилась проблема коррупции, корни которой уходили в последние советские годы.

Здесь снова большой акцент делался на национальном вопросе и региональных процессах. Однако показывались лишь текущие события, причины и предпосылки которых оставались за скобками. Это равным образом относилось как к войне в Чечне, так и к волнениям в Татарстане, которые якобы возникли беспричинно и объяснялись лишь некой иррациональной «русофобией» (рис. 10).

Рис. 10. Татарстан за независимость

Иногда авторы экспозиции искусственно создавали превратное представление путем неаккуратного использования терминов. Скажем, когда Бжезинский говорил о России, он имел в виду СССР. А когда авторы сетовали на ослабление позиции России в мире, они говорили о постсоветской России, т.е. о совершенно другом государстве с несравненно более ограниченными возможностями. Поэтому не следовало совмещать это на одном панно, вводя посетителя в заблуждение.

Проблема возрождения православия подавалась лишь в восторженных тонах. Ничего не говорилось о борьбе течений внутри Русской православной церкви, в частности, о православном фундаментализме. Полностью обходился и вопрос

о русском национализме, прежде всего, о его течениях, тесно связанных с православием. Давалось искаженное представление о законе 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ведь, вопреки авторам, речь там шла не столько об «уважении к христианству, исламу, буддизму и иудаизму и другим религиям», сколько о закреплении лишь за христианством, исламом, буддизмом и иудаизмом статуса «традиционных религий». Это вело к дискриминации других религий, против чего возражали правозащитники и что имеет сегодня весьма печальные последствия.

Итоги 1990-х гг. выглядели плачевными — рост преступности, падение уровня жизни и рост бедности, демографический спад, резкое сокращение производства

(причем почему-то это касалось только ВПК), ухудшения в сфере образования и науки и пр. Все это так, но, во-первых, сравнение данных 1990 г. с 2000 г. давалось некорректно — ведь сравнивались данные СССР и современной России, возникшей на основе РСФСР; во-вторых, сокращение армии и ВПК вряд ли следовало однозначно считать негативным моментом — ведь речь шла о резком снижении мировой напряженности и исчезновении угрозы мировой войны; наконец, в-третьих, вовсе не освещались позитивные стороны происходивших тогда процессов, которых также было немало — утверждение демократически свобод (свобода слова, свобода совести и пр.), становление независимых СМИ, поощрение предпринимательства и частной инициативы, рост зарубежных инвестиций и кредитов, значительное расширение ассортимента продуктов, падение железного занавеса и открытость миру, включая свободное перемещение людей через границу, и т.д. Что касается научной деятельности, то, с одной стороны, обеспеченность науки финансами действительно резко снизилась, но с другой — отечественным ученым стали доступны международные гранты, много легче стало участвовать в международных конференциях, многократно усилилось общение с зарубежными коллегами и возрос обмен научной информацией. Кроме того, не говорилось о низкой эффективности советской науки. Примечательно, что проблема коррупции в чиновничьей среде вовсе среди негативных факторов не значилась. Иными словами, подведение итогов 1990-х проводилось

достаточно некорректно, чтобы подтвердить расхожее выражение о «лихих девяностых».

Последний зал имел откровенно пропагандистский смысл. Он был посвящен текущему периоду в жизни России, и, разумеется, сколько-нибудь объективной картины от него ожидать не приходилось. Все содержавшиеся там оценки исходили из заявлений и настроений нынешней власти. Примечательно, что, хотя начиная с 2000 г. в России сменилось несколько правительств, об этом не было сказано ни слова. И единственным современным российским политиком выступал В.В. Путин, а другие политики вовсе не упоминались. Даже материалы о финансовом кризисе 2008–2009 гг. заканчивались цитатой из Путина как «президента РФ», хотя в те годы президентом был Д.А. Медведев. Не было здесь и раздела «Лица эпохи», представленного на других выставках.

Показательно, что если на выставке о Романовых Путин помещался между философами, а в зале-панораме — в компании с писателями, то в этом зале он фигурировал в нескольких группах-тройках (вместе с Шойгу и Кудриным и вместе с Александром III и Клаузевицем), а также с лидерами БРИКС и Евразийского экономического союза. Тем самым отмечались его государственная мудрость, военные успехи и международный вес. Это подчеркивалось и обильными цитатами из его речей 2012 г. Правда, не все сказанное соответствовало политическим реалиям. Скажем, его слова о том, что «мы не должны действо-

вать путем запретов и ограничений», резко расходятся с тем, что на самом деле происходит в последние годы.

О политических партиях и их руководителях экспозиция хранила молчание. Политическая оппозиция рисовалась силой, подрывающей государственные основы и действующей при поддержке мифического «единого Центра». И возникал вопрос о том, какую же роль играют КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», объявляющие себя политической оппозицией. Не объяснялось и то, что экономические успехи первого десятилетия XXI в. были достигнуты вовсе не за счет развития производства или повышения производительности труда, а за счет интенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов и благоприятной конъюнктуры, связанной с ценами на нефть и газ. Организаторы выставки избегали сравнения экономики и уровня жизни населения России (включая зарплаты и пенсии) с другими странами, на фоне которых картина выглядела весьма безрадостной. И если в разделе о 1990-х гг. большое внимание уделялось олигархам, то здесь эта тема полностью исчезла. И проблема коррупции тоже не обсуждалась. На удивление, информации о религии, в частности об РПЦ, в данном зале было немного.

Примечательно, что авторы с придыханием говорили о формировании в России «новой государственной идеологии», причем признавая, что это происходит несмотря на конституционный запрет. Тем самым они фактически одобряли

нарушение Конституции и призывали к этому, хотя ранее осуждали регионы за отход от конституционных норм.

О жизни страны и ее регионов посетитель почти ничего не узнавал. Речь шла о неустанной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и преступностью, причем с достаточно скромными успехами — ни с терроризмом, ни с преступностью, ни с наркомафией кардинально покончить так и не удалось, а борьба с сепаратизмом фактически привела к тому, что федеративное устройство государства в значительной мере утратило свой смысл. При этом посетителя запугивали реальной угрозой распада, якобы стоявшей перед Россией в конце 1990-х гг., что выглядело явным преувеличением.

В список терактов был включен взрыв на Черкизовском рынке в Москве в 2006 г., но не объяснялось его резкое отличие от всех других тем, что он был устроен русскими правыми радикалами. Об их противоправной деятельности, как и о деятельности скинхедов в России¹⁷, посетитель ничего не узнавал, т.к. это резко противоречило основному тезису о «международном терроризме», об угрозе извне и о народном единстве. Но и многие другие фигурировавшие в списке теракты совершались отнюдь не «международными террористами» — это следовало, в частности, из списка террористов, большинство из которых были российскими гражданами, но это никак не объяснялось.

¹⁷ Об этом см.: (Шнифельман 2010).

Кстати, включенный в список Аслан Масхадов не имел никакого отношения к терактам.

Не узнавал посетитель и об особенностях массовой миграции в Россию, представленной беженцами в 1990-х гг. и трудовыми мигрантами в 2000-х гг. Не обсуждались вопросы нещадной эксплуатации мигрантов, их дискриминации и направленной против них ксенофобии, приобретшей со временем все черты нового «культурного» расизма¹⁸.

На огромных панно приводились статистические выкладки, призванные показать успехи, но их внимательное изучение только порождало вопросы. Так, бросались в глаза расхождения приведенных данных о доверии политическим институтам (причем было неясно, кто именно проводил соцопрос) с данными Левада-Центра. Якобы в 2015 г. доверие президенту составляло 85 %, тогда как по данным Левада-Центра¹⁹ — 80 %; доверие правительству — 59 % против 45 %; доверие Госдуме — 50 % против 40 %; доверие судебной власти — 29 % против 29 %; доверие органам внутренних дел — 29 % против 29 %. Иными словами, уровень доверия к высшим органам власти был создателями экспозиции искусственно завышен, причем это касалось особенно правительства и Госдумы.

В этом зале обсуждались и события на Украине в конце 2013 — начале 2014 г. причем в версии, которая да-

ется этому российской властью. Разумеется, ничего не говорилось ни об активном участии российского спецназа в «возвращении Крыма», ни о действиях российских военных на востоке Украины. Упомянулись лишь «добровольцы, имеющие опыт работы в вооруженных силах». Но не сообщалось, по чьей воле они там находились, как им удавалось переходить государственную границу и кто именно ими руководил. В частности, обличая «украинских националистов», организаторы экспозиции стыдливо умалчивали о том, что на стороне сепаратистов выступало немало русских националистов. Не признавалась и вина российских «добровольцев» за гибель малайзийского Боинга, хотя сегодня она уже вполне очевидна²⁰.

Экспозиция завершалась рассуждениями о высокой роли вооруженных сил и об их участии в войне в Сирии. Причем из приведенных здесь рассуждений Путина вытекало, что речь шла об удобном полигоне для «оттачивания военного мастерства» (Девяткина 2018).

Итоги отечественной истории подводились высказываниями многочисленных мыслителей, политических деятелей, писателей и ученых, как отечественных, так и зарубежных. Среди них были и рассуждения И. П. Павлова, говорившего, что гордость Отечеством означает гордость «его великими людьми, т. е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене». Но таких людей, связанных

¹⁸ Детально об этом см.: (Шнирельман 2011).

¹⁹ Данные Левада-Центра см.: (Институциональное доверие 2016).

²⁰ О результатах работы Международной следственной группы см.: (Последние данные 2018).

с нынешним этапом истории России, устроители экспозиции нам не показали.

Обе рассмотренные выставки привлекли большое общественное внимание: первую посетили более 270 тыс. чел., а вторую — до 200 тыс. чел. И это заставляет задуматься о том, какое влияние оказал представленный на выставках исторический нарратив на посетителей.

ВЫВОДЫ

Главные организаторы выставок были специалистами по визуальным эффектам, но весьма далекими от исторической науки. Поэтому если внедрение новых мультимедийных технологий им успешно удалось, то этого нельзя сказать о содержании экспозиций. В принципе они были готовы заполнить панно и экраны любым содержанием и поэтому безропотно выполняли волю заказчика в лице РПЦ. Но последней было важно не столько показать сложные и противоречивые исторические реалии, сколько отразить свое заинтересованное отношение к истории, где на первом плане должна была выступать РПЦ в ее взаимодействии с государством. Именно поэтому, если в технологическом отношении выставки стояли на уровне XXI в., то по своему содержанию они возрождали давно отброшенные профессионалами принципы и подходы XIX в. Выставки получились весьма тенденциозными, содержали многочисленные лакуны и грешили сомнительными утверждениями. Это в особенности касалось объясни-

тельной матрицы, которая сплошь и рядом скатывалась к пресловутой теории заговора.

Главными героями выставок выступали Церковь, государство и русский народ. При этом народу отводилась весьма своеобразная роль — он либо безмолвствовал, либо восторженно поклонялся правителям, либо безропотно шел на какому-либо торгу. Всякое сопротивление беззаконию и произволу объявлялось «подрывом устоев» и связывалось со зловредным влиянием каких-то внешних агентов. Иными словами, народ выступал в роли объекта, а не субъекта; он должен был бездумно верить, но самостоятельно рассуждать ему не позволялось. Все это относилось к русскому народу, тогда как другие народы, населяющие Россию, на выставке вообще не фигурировали. Не было здесь и иных религий, кроме православия. Тем самым Россия изображалась исключительно русской и православной страной, образ которой давно вынашивают многие русские этнонационалисты.

Другой особенностью выставок был царивший там патриархальный дух: в представлении создателей экспозиций, в российских научной и культурной сферах безраздельно господствовали мужчины. Здесь было не найти ни Софьи Ковалевской, ни Натальи Гончаровой, ни Галины Серебряковой, ни Беллы Ахмадулиной, ни Майи Плисецкой. Несколько женщин обнаруживались лишь на стенде, посвященном науке и культуре в годы Великой Отечественной войны, но ни А. Ахматовой, ни М. Цветаевой, ни Ольги

Берггольц там не было. Если в советских разделах женщины и фигурировали, то лишь как певицы и балерины. Не было даже почти никого из известных киноактрис. Женщины выступали в основном женами партийно-правительственных чиновников. А в разделах о современной России сведения о людях науки и культуры вообще блистательно отсутствовали.

Хотя в своих интервью создатели экспозиции утверждали, что пользовались архивами, на деле многие из приведенных ими рассуждений были взяты с веб-сайтов. Не убеждают и рассуждения организаторов выставок о «научной обоснованности» экспозиции и о предоставлении «максимально объективного материала». В целом все четыре выставки страдали эклектикой, где смешивались имперский, советский и постсоветский подходы к истории, причем в ряде случаев это создавало противоречивую картину, и зрителю оставалось гадать, что же этим хотели сказать создатели экспозиции. Что оставалось постоянным для всех четырех выставок, так это подозрительное и неприязненное отношение к Западу и приверженность теории заговора.

Организаторы выставок утверждают, что зияющие исторические лакуны заполнялись «региональным компонентом» на местах, где уже открыто 18 исторических парков. Действительно, в региональных центрах такая работа проводилась и имела весьма обнадеживающие результаты. Однако жителям Москвы и Санкт-Петербурга, где отмечался особенно большой наплыв

посетителей, как местных, так и приезжих, этот «региональный компонент» остается недоступным.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Болотин 1990 — *Болотин Л.* Возможно ли восстановление монархии в России? // *Царь-колокол.* 1990. № 1.

В Перми на выставке 2017 — В Перми на выставке «Россия моя история» найдена фальшивая цитата Ленина // *ИА Красная Весна.* 25 декабря 2017. URL: rossaprimavera.ru/news/8e67c6c1?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

Вахромеев 2018 — *Вахромеев Г.* Дьявольский подлог // *Русский Вестник.* 4 июля 2018. URL: www.rv.ru/content.php3?id=12611.

Городова 2015 — *Городова М.* «Действия элит бездумно вели Россию к Февральскому перевороту». Беседа с епископом Егорьевским Тихоном (Шевкуновым) // *Российская газета.* 19 ноября 2015. URL: www.pravoslavie.ru/87886.html.

Девяткина 2018 — *Девяткина М.* Власти отчитались об «обкатке» российских вооружений в Сирии // *РБК,* 17 декабря 2018. URL: www.rbc.ru/politics/17/12/2018/5c174d629a7947252b9e4efe2from=newsfeed.

Иванов 2009 — *Иванов С.А.* Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании // *Полит.ру.* 14 апреля 2009. URL: polit.ru/article/2009/04/14/vizant/.

Институциональное доверие 2016 — Институциональное доверие // *Левада-Центр.* 13 октября 2016. URL: www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/.

Конкурсы — не царское дело 2014 — Конкурсы — не царское дело. Нашумевшие патриотические выставки «Романовы» и «Рюриковичи» проводятся по стран-

ному государственному контракту // Общая газета. 6 ноября 2014. URL: www.og.ru/articles/2014/11/06/35622.shtml.

Млечин 2018 — *Млечин Л.* «Нужно честно сказать — мы проиграли». Ракеты средней дальности не укрепили, а подорвали безопасность СССР // Новая газета. 24 октября 2018. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/24/78330-nuzhno-chestno-skazat-my-proigrali?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

Осинов, Чепурная 2018 — *Осинов В., Чепурная И.* Скорбь и надежда // Русский вестник. 27 июля 2018. URL: www.rv.ru/content.php3?id=12652.

Последние данные 2018 — Последние данные уголовного расследования катастрофы авиалайнера Boeing-777 рейса MH17 // 24 mei 2018 — Landelijk Parket. URL: www.om.nl/actueel/nieuwsberichten/@103184/boeing-777-17/.

Сказание о явлении 1991 — Сказание о явлении державной иконы Казанской Божией Матери // Русский вестник. 1991. № 26.

Служения Архипастыря 2017 — Служения Архипастыря // Псковская епархия. 5 июля 2017. URL: pskov-eparhiya.ru/article/1047.

Хатюшин 1991 — *Хатюшин В.* Рабочий скот для европейского подворья // Молодая гвардия. 1991. № 8.

Что такое Фонд 2017 — Что такое Фонд гуманитарных проектов // Коммерсант-Власть. 11 февраля 2017. № 5. URL: www.kommersant.ru/doc/3214624.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкин 2007 — *Бабкин М. А.* Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2007.

Бабкин 2011 — *Бабкин М. А.* Священство и царство. М.: Индрик, 2011.

Большевицкий порядок 2015 — Большевицкий порядок в Грузии. Т. 1. Большой террор в маленькой кавказской республике / сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч. М.: АИРО-XXI, 2015.

Воронов, Соколова 1993 — *Воронов А. А., Соколова Е. Г.* Чудотворные иконы Богоматери. М., 1993.

Воспоминания 1928 — Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 2. Март 1917 — январь 1920. Нови-Сад, 1928.

Всесоюзная перепись 2009 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2009.

Кириллов 1914 — *Кириллов И.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М.: тип. И. М. Машистова, 1914.

Лакер 1991 — *Лакер У.* Россия и Германия. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991.

Меркулов, Бобровник 2003 — *Меркулов Д. Н., Бобровник В. М.* Контрреволюция и национальная идея России. М.: Российский писатель, 2003.

Миллюков 1991 — *Миллюков П. Н.* Воспоминания. М.: Изд. полит. лит., 1991.

Мирек 2011 — *Мирек А.* Император Николай II и судьба православной России. М.: Духовное просвещение, 2011.

Митрохин 2002 — *Митрохин Н.* Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате // Отечественные записки. 2002. № 3.

Мультатули 2013 — *Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергли монархию в России. М.: Вече, 2013.

Относясь сочувственно... 2003 — «Относясь сочувственно к существующему строю...» Следственное дело 1929 г. философа-космиста В. Н. Муравьева // Отечественные архивы. 2003. № 1. URL: ricolor.org/history/rs/dokument/1/.

Платонов 2001 — Платонов О. Терновый венец России. История царевубийства. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001.

Протоиерей В. Цыпин 2007 — Протоиерей В. Цыпин. История русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

Серков 2009 — Серков А. И. История русского масонства XX века. СПб.: изд-во Н. И. Новикова, 2009. Т. 1.

Симанович 1922 — Симанович А. О. Распутин и евреи. Воспоминания секретаря Григория Распутина. Рига, 1922.

Синицына 1998 — Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.

Ульянов 1994 — Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 150–162.

Федюк 2009 — Федюк В. П. Керенский. М.: Молодая гвардия, 2009.

Фирсов 2017 — Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2017.

Фирсов 2002 — Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002.

Чернов 2007 — Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007.

Шнирельман 2006 — Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.

Шнирельман 2003 — Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003.

Шнирельман 2011 — Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М.: НЛО, 2011. Т. 1–2.

Шнирельман 2010 — Шнирельман В. А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Academia, 2010.

Шубин 2014 — Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина-Медиа, 2014.

Элбакян 1996 — Элбакян Е. С. Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX вв. М.: РОССПЭН, 1996.

Cornell 1999 — Cornell S. E. The devaluation of the concept of autonomy: national minorities in the former Soviet Union // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18. No. 2. P. 185–196.

Gaddis 2005 — Gaddis J. L. The Cold War. London: Penguin, 2005.

Hagemester 2016 — Hagemester M. “Bereit für die Endzeit”: Neobyzantinismus im postsowjetischen Russland // Osteuropa. 2016. Bd. 66. No. 11–12.

RUSSIAN HISTORY FOR THE PEOPLE-2.
EXHIBITIONS IN THE MOSCOW MANEGE ABOUT THE SOVIET AND POST-SOVIET TIME

Shnirelman Victor A. — doctor of sciences (History), chief researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology N. N. Miklukho-Maklai, RAS (Moscow)

Key words: history of the USSR, history of contemporary Russia, exhibitions, church, historical politics.

Abstract. The article analyzes two exhibitions on history of the USSR and Russia, which were demonstrated in the Moscow Manezh hall in November 2015 and November 2016. They were displayed within the project „Russia – my history“ and, as earlier, took part under the auspices of the Russian Orthodox Church. The first of them focused on history of the 20th century up to 1945, and the second one – on the following history up to 2016 r. In this case, professional historians took part in their organization, which resulted in less errors than earlier. Yet, the main approaches to a presentation of the past were, first, omissions and, second, an avoidance of any analysis. In general, exhibitions suffered of an eclectic bias, which blended imperial, Soviet and post-Soviet paradigms that caused controversies. Russia was presented as an exclusively ethnic Russian and Russian Orthodox country, as it was imagined by the Russian ethnic nationalists for long. All the exhibitions demonstrated a suspicious and hostile attitude towards the West and a fascination with a theory of conspiracy.

REFERENCES

- Babkin M. A. *Dukhovenstvo russkoi pravoslavnoi tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX u – konets 1917 g.)*. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2007.
- Babkin M. A. *Sviashchenstvo i tsarstvo*. Moscow: Indrik, 2011.
- Bol'shevistskii poriadok v Gruzii*. Vol. 1. Bol'shoi terror v malen'koi kavkazskoi respublike, sost. Mark Iunge, Bernd Bonvech. Moscow: AIRO-XXI, 2015.
- Chernov V. *Velikaia russkaia revoliutsiia. Vospominaniia predsedatelia Uchreditel'nogo sobraniia 1905–1920*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007.
- Cornell S. E. The devaluation of the concept of autonomy: national minorities in the former Soviet Union. *Central Asian Survey*, 1999, vol. 18, no. 2, pp. 185–196.
- Elbakian E. S. *Religiia v soznanii rossiiskoi intelligentsii XIX – nachala XX vv.* Moscow: ROSSPEN, 1996.
- Fediuk V. P. *Kerenskii*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2009.
- Firsov S. L. *Nikolai II. Plennik samodержaviiia*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2017.
- Firsov S. L. *Russkaia tserkov' nakanune perein (konets 1890-kh – 1918 gg.)*. Moscow: Dukhovnaia biblioteka, 2002.
- Gaddis J. L. *The Cold War*. London: Penguin, 2005.
- Hagemester M. “Bereit für die Endzeit”: Neobyzantinismus im postsowjetischen Russland. *Ostevropa*, 2016, bd. 66, no. 11–12.
- Kirillov I. *Tretii Rim. Ocherk istoricheskogo razvitiia idei russkogo messianizma*. Moscow: tip. I. M. Mashistova, 1914.
- Laker U. *Rossiiia i Germaniia*. Vashington: Problemy Vostochnoi Evropy, 1991.
- Merkulov D. N., Bobrovnik V. M. *Kontrrevoliutsiia i natsional'naia ideia Rossii*. Moscow: Rossiiskii pisatel', 2003.
- Miliukov P. N. *Vospominaniia*. Moscow: Izd. polit. lit., 1991.
- Mirek A. *Imperator Nikolai II i sud'ba pravoslavnoi Rossii*. Moscow: Dukhovnoe prosveshchenie, 2011.
- Mitrokhin N. Etnonatsionalisticheskaia mifologiia v sovetskom partiino-gosudarstvennom apparate. *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 3.
- Mul'tatuli P. V. *Imperator Nikolai II i zagovor 17-go goda. Kak svergali monarkhiuu v Rossii*. Moscow: Veche. 2013.
- "Otnosias' sochuvstvenno k sushchestviui-shchemu stroiu... ' Sledstvennoe delo 1929 g. filosofa-kosmista V. N. Murav'eva. *Otechestvennye arkhivy*, 2003, no. 1. URL: ricolor.org/history/rs/dokument/1/.
- Platonov O. *Ternovyi venets Rossii. Istoriia tsareubiistva*. Moscow: Entsiklopediia russkoi tsivilizatsii, 2001.

Protoierei V. Tsypin. *Istoriia russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sinodal'nyi i noveishii periody (1700–2005)*. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2007.

Serkov A.I. *Istoriia russkogo masonstva XX veka*. St. Petersburg: izd-vo N.I. Novikova, 2009. Vol. 1.

Shnirel'man V.A. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke*. Moscow: NLO, 2006.

Shnirel'man V.A. *"Chistil'shchiki moskovskikh ulits': skinkhedy, SMI i obshchestvennoe mnenie. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe*. Moscow: Academia, 2010.

Shnirel'man V.A. *"Porog tolerantnosti': Ideologiya i praktika novogo rasizma*. Moscow: NLO, 2011. Vol. 1–2.

Shnirel'man V.A. *Voiny pamiaty: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e*. Moscow: IKTs Akademkniga, 2003.

Shubin A. V. *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: ot Fevralia k Oktiabriu 1917 goda*. Moscow: Rodina-Media, 2014.

Simanovich A. O. *Rasputin i evrei. Vospominaniia sekretaria Grigoriia Rasputina*. Riga, 1922.

Sinitsyna N.V. *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)*. Moscow: Indrik, 1998.

Ul'ianov N. Kompleks Filofeia. *Voprosy istorii*, 1994, no. 4, pp. 150–162.

Voronov A.A., Sokolova E. G. *Chudotvornye ikony Bogomateri*. Moscow, 1993.

Vospominaniia tovarishcha ober-prokurora Su Sinoda kniazia N. D. Zhevakhova. Vol. 2. Mart 1917 – ianvar' 1920. Novi-Sad, 1928.

Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda: obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov. Moscow: ROSSPEN, 2009.

ОДНА РОССИЯ — ДВЕ ИСТОРИИ. Неожиданные впечатления от исторического парка «Россия — моя история» в Ростове-на-Дону

Ключевые слова: Россия — моя история, историческая политика, историческая память, локальная история, преодоление прошлого.

Аннотация. В статье представлен обзор регионального компонента исторического парка «Россия — моя история» в Ростове-на-Дону. В отличие от федерального компонента, региональный компонент ростовского парка представляет неидеологизированную историю местных событий, вписанных в общероссийский контекст. Эта история по существу отличается от этатистского нарратива федерального компонента. Хотя в региональном компоненте наблюдается определенный нарративный шаблон, позволяющий «мирно» вписать местную историю в национальную канву, способ разговора о прошлом в региональном компоненте скорее можно назвать антиэтатистским.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-273-282

14 октября 2018 г. в Ростове-на-Дону открылся исторический парк «Россия — моя история», став восемнадцатым по счету среди ему подобных по всей России. Сейчас уже нет необходимости писать о «федеральном компоненте» экспозиции — он обстоятельно разобран в докладе Вольного исторического общества¹ и в нескольких публикациях в первом

номере «Исторической экспертизы» за 2018 г. В концентрированном виде предлагаемый нарратив национальной истории (здесь и дальше я буду использовать это неоднозначное определение за неимением более удобного) выразил губернатор Ростовской области Василий Голубев на открытии ростовского парка:

«Очень здорово, что можно углубиться в древнюю Русь, в средневековье. Из века в век видеть то, как происходили события на нашей родине, и как в итоге появилось могучее государство Россия, и сколько в нее было вложено судеб, и как

© Гросс А. А., 2018

Гросс Андрей Александрович — студент Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону); andrey.gross.1@mail.ru

¹ URL: volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediyh-parkah-rossiya-moya-istoriya.

Россия вставала с колен, когда ей было трудно»².

Суммируя то, что было сказано учеными и губернатором: экспозиция посвящена долгой жизни «российского государства», расширению его территорий и сопротивлению различным внешним и внутренним врагам. Тем более интересно было идти в ростовский парк за «локальным компонентом», т.е. репрезентацией региональной истории. Выражаясь современным языком, Область Войска Донского, чей орел и большую часть территории унаследовала современная Ростовская область, в прошлом являлась в определенном смысле наиболее «экстремистским» регионом России. Поэтому было интересно, как создатели парка впишут в этатистский нарратив всех местных «сепаратистов» и борцов с «российской государственностью»: «смутьянов» Ивана Заруцкого и Ивана Болотникова; «бунтарей» Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева; выделявшиеся своей активностью в рамках всей России местные ячейки анархистов и большевиков начала XX в.; Донскую республику 1918–1920 гг. атамана Краснова, ведшего дипломатическую переписку с германским кайзером; донских казаков, пытавшихся получить административно-хозяйственную автономию области в 1991 г. под предлогом незаконности упразднения большевиками Донской республики в 1920 г. Другой вопрос: будут ли составители экспозиции удревянять «нашу» историю, следуя по пу-

ти Д.И. Иловайского, чьи цитаты периодически мелькают в «федеральном компоненте»? Ведь как раз здесь жили те самые «кочевые племена» скифов и сарматов, которых знаменитый историк в свое время объявил предками славян. Сюда же можно вставить и очередной афоризм полюбившегося создателям парка Льва Гумилева, а подытожить цитатой из Блока: «Да, скифы — мы!» С такими вопросами и ожиданиями идешь анализировать экспозицию, перед этим начитавшись нелестных оценок о «федеральном компоненте» и умеренных, хотя зачастую тоже не положительных отзывов о «региональных компонентах» парков в разных городах.

Ростовская экспозиция быстро развеивает худшие ожидания. В отличие, например, от петербургского парка, «региональный компонент» здесь не располагается на отдельном этаже или в отдельном помещении. Региональная история здесь сопутствует национальной истории. Почти в каждой части экспозиции, посвященной определенному периоду национальной истории, имеется сенсорный терминал с информацией по темам с общими названиями «Страницы истории нижнего Дона и Приазовья», «Страницы истории Донской земли», «Страницы истории донского казачества». Внешне это такие же терминалы, как и те, что рассказывают об общенациональной истории. Однако информативность и язык содержимого резко контрастируют с «федеральным компонентом».

Статьи о региональной истории написаны академическим языком,

² См. видео, URL: rg.ru/2018/10/15/reg-ufo/v-rostove-otkrytsia-istoricheskij-park-rossiia-moia-istoriia.html.

все они насыщены иллюстрациями археологических находок, реконструкциями внешности людей, картинами и фотографиями. В терминалах, посвященных средним векам, политическая история перемежается с хозяйственной и с историей культуры. В одном абзаце Святослав захватывает Саркел, а в следующем говорится о том, чем занимались его жители и в каких жилищах они жили. Следующая статья о славянах на нижнем Дону почти полностью посвящена их культуре и быту. Основная часть раннесредневековой истории региона отведена кочевникам: хазарам, печенегам и половцам. Образ «степного врага» никак не обыгрывается. Терминалы не подсвечиваются красным, как это делается в «федеральном компоненте» с кочевниками. Статья об огузах начинается как статья из энциклопедии: «торки-огузы — крупный племенной союз кочевников эпохи раннего Средневековья...»; далее следует информация об особенностях их погребального обряда. Вообще, древняя и средневековая части «регионального компонента» привлекают своей культурологической направленностью и «мультикультурным» посылом. Региональная история периода монгольского завоевания Руси не отброшена за отсутствием здесь «российского государства». Заголовок статьи о золотоордынском городе Азаке на месте современного Азова кончается словами об этнокультурном диалоге Европы и Азии. Информации о «зверствах язычников», опять-таки любезно подсвеченной красным цветом авторами основной экспозиции, здесь нет. Еще одна статья посвящена итальянским колониям на нижнем Дону.

В разделе «Лица эпохи» можно прочитать о Тамерлане, арабском путешественнике XIV в. Ибн Баттуте и венецианском дипломате XV в. Иоасафате Барбаро.

Региональная история продолжается в части экспозиции, посвященной XVI в. Наверное, здесь больше всего чувствуешь отличие «федеральной» части экспозиции от «региональной». С одной стороны — стенд про информационные войны и санкции Запада против России, с другой — статья про образование Войска Донского, начинающаяся следующими словами:

«Образование русского централизованного государства и усиление гнета в середине XVI века привели к бегству простого люда на просторы южнорусских степей...»

Что-то подобное скорее ожидаешь прочитать, когда открываешь книги Платонова, Ключевского, Мавродина или Скрынникова. На самом же деле, все «региональные» статьи в экспозиции ростовского парка написаны в рамках подобного квазисоветского академического дискурса, лишённого идеологической напыщенности и явных бинарных оппозиций. У казаков здесь нет ни стигмы вечных бунтарей-экстремистов, ни ореола «рыцарей самодержавия» или «пламенных революционеров». Значительная часть текста об образовании Войска Донского в конце XVI в. посвящена «казачьей демократии»:

«Свою жизнь и быт казаки строили на основе народных традиций

и свободных выборов, на принципах справедливости, равноправия и народовластия...»

Все проявления неповиновения Москве донских казаков попадают в ту же рациональную академическую рамку. В Смуту казаки поддержали «интервентов», потому что были недовольны политикой Бориса Годунова и верили в спасение царевича Дмитрия; причины восстания Степана Разина не названы, но исходя из его характеристики как знающего «положение и нужды народа» и благодаря обороту «Крестьянская война Степана Разина» можно сделать вывод, что восстание не было прообразом «цветных революций». Восстание Булавина или «Война казаков за независимость», как сказано в заголовке статьи, объясняется «искоренением казачьих вольностей» Петром I. Восстание Пугачева, так же как и восстание Разина, названо «крестьянской войной», выставляющих в плохом свете Пугачева цитат Екатерины II здесь нет. Вся история с постепенной потерей донскими казаками независимости и их встраиванием в военно-административную систему России подается как намеренная политика Москвы и череда промахов восставших.

Отход от нейтрально-дескриптивного подхода, однако, заметен уже в разделе про Смутное время. Здесь подбор названия («Роль донских казаков в возведении на престол Михаила Романова») и содержания (ничего не сказано о движениях Болотникова и Заруцкого, кроме того, что они были, зато в подробностях рассказано об участии ка-

заков в Земском соборе и о последующем благоволении им государя) явно связан со следованием определенному нарративному шаблону, который будет проявляться далее вплоть до конца XX в. Коротко его можно выразить формулой «провинились – реабилитировались – инкорпорировались». Казаки сначала проявляют неповиновение центру («государству»), затем «разбираются в политической обстановке», как сказано в статье, а после встраиваются в государственную систему.

Поскольку меня интересует вопрос встраивания «неоднозначных» с точки зрения этатистского нарратива эпизодов региональной истории, я позволю себе пропустить весь период со второй половины XVIII по конец XIX в. Разговор об этом времени выстраивается вокруг традиционных для истории донского казачества и городов Ростовской области тем: участие в войнах, строительство храмов и учреждение епархий, появление новых городских учреждений, приезд государей и т. д.

В очередной раз советский академический язык встречается в статьях про революционные события начала XX в. Материал про знаменитую стачку 1902 г. («Первую политическую стачку в России») начинается с предыстории рабочего движения в Ростове. Красным цветом здесь подсвечено лишь изображение памятного значка «80 лет Ростовской стачки 1902 года» с двумя бравыми рабочими на нем. Текст статьи вообще напоминает какую-нибудь популярную брошюру советских времен о местном парткоме РСДРП.

Под фотографиями членов Донского парткома, возглавивших стачку, подпись:

«Стачку возглавили члены Донкома С.И. Гусев и И.И. Ставский. Они сумели направить стачку по верному пути, убедив рабочих в необходимости предъявления не только экономических, но и политических (sic! — А.Г.) требований».

За ней следует цитата из воззвания Донкома к рабочим:

«Стачка объявлена — теперь мы ни на одну минуту не должны забывать, что от нас зависит успех ее. Борьба началась. Отступление невозможно. Докажем всем притеснителям, что мы умеем твердо стоять за наше право».

Будут ли дальше цитаты Ильина или Бердяева, осуждающие бессмысленный и беспощадный «русский бунт»? Нет, статья заканчивается словами о важности ростовской стачки для «формирования революционного движения рабочего класса в России» и цитатой Ленина (sic!) о ростовских событиях.

Смысл соседней статьи о декабрьском восстании 1905 г. в Ростове передает вступительный абзац:

«9 января 1905 года в России началась первая русская революция (1905–1907), в которой пролетариат, широкие слои крестьянских масс под руководством Российской социал-демократической рабочей партии большевиков выступили против самодержавия, социального и национального гнета. Вооружен-

ное восстание в Ростове-на-Дону в декабре 1905 года стало одной из самых ярких и героических страниц революционной истории».

Как я уже сказал, говорить о реинкарнации советского идеологии здесь не приходится. Выбор фразеологических оборотов и «правильных» цитат явно обусловлен советским опытом авторов «регионального компонента». При этом борьба «власти» и «общества» лишена какого бы то ни было идеологического подтекста. Смысл советского дискурса выхолощен: здесь нет ни «кровавого царизма», ни противопоставления капитализма и социализма («старого» мира «новому»); без знакомства с «федеральным компонентом» невозможно понять, что значит «выступили против самодержавия, социального и национального гнета», учитывая, что статьи «регионального компонента» представляют собой пересказ локальных событий в хронологическом порядке. Как раз здесь проявляется одно из главных достоинств «регионального компонента»: детальное описание местных событий и их участников оставляет за скобками какие бы то ни было идеологии и гранд-нарративы. Логика повествования скорее укладывается в простую схему сопротивления пассивной власти активному обществу (без указания того, кто прав, но с непременным объяснением мотивов последнего).

В части экспозиции, посвященной революции 1917 г. и Гражданской войне, впервые появляется злощипый красный цвет. Тем не менее статья «Эпоха великих потрясений

на Дону» написана в духе всех предыдущих: это безоценочный пересказ местных событий. Единственным индикатором отношения авторов к революции служит цитата из воззвания временного атамана Е.А. Волошинова от 26 мая 1917 г.:

«Россия переживает трудные дни. Анархия растет. И казаки должны властно сказать: анархия была, но анархии не будет... Мы пойдем по пути спасения Родины, как шли в “смутные дни”, как шли в 1812 году. История снова возложила на нас великую честь — спасти Родину».

Из контекста статьи вряд ли можно понять, что значит «спасение Родины»: рассказ о местных революционных событиях укладывается в обычную схему политической борьбы между казаками и «объединенной демократией», как сказано в тексте. Ни одна из сторон не объявляется легитимной властью или абсолютным добром. Как я уже сказал, это скорее весьма подробная историческая справка с большим количеством портретов, рисунков и фотографий, а также биографиями лидеров обеих сторон. Такая же логика сохраняется в следующей статье о маневре белых в сторону Кубани («Ледяной поход»):

«После Октябрьской революции 1917 года на Дону стали собираться активные противники большевиков, которые считали необходимым вести вооруженную борьбу с ними».

Без особых герменевтических усилий можно сделать вывод, что автор текста не отрицает легитимность революции, но и не подвер-

гает сомнению легальность сопротивления ей белых («считали необходимым...»). Факт возникновения «казачьего государства» атамана Краснова весной 1918 г. вообще не встраивается в этатистский нарративный шаблон, в котором оно бы оказалось сепаратистским «антиконституционным» образованием. Донская республика и Добровольческая армия Деникина просто «были», как «были» большевики в Москве. В этом историческом дискурсе нет той «Родины», которую бы перетягивали на себя как одеяло «красные» и «белые» (и их современные инкарнации) ради получения политических очков и оправдания всех своих действий. Отсутствие «истинных» представителей «Родины» или некой «легитимной власти» иллюстрирует выдержка из сообщения Казачьего отдела ВЦИК осени 1918 г.:

«Молодые же казаки, особенно из бедняков, ругают всех: и Краснова, и своих станичников-богатеев, и Советы, и не знают, где правда...»

Таким образом, именно в «региональном компоненте», по-моему, удастся достичь того самого «примирения» (хотя бы и дискурсивного), под знаком которого проводится сегодня государственная политика в области исторической памяти.

Важной с точки зрения местной исторической памяти является тема большевистской политики рассказывания. В той же статье о ходе Гражданской войны на Дону приводится цитата из циркуляра ЦК РКП(б) «Об отношении к казакам» от 24 января 1919 г.:

«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью».

Расказначиванию также посвящена отдельная тематическая справка с изображением циркуляра и цитатой Якова Свердлова о «поголовном истреблении» казаков. Любопытно, что соседняя справка посвящена съезду «красного» казачества в Москве в марте 1920 г. Выдержка из резолюции съезда явно укладывается в этатистский нарратив:

«Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России... не может быть и речи».

Примечательно, что в следующем терминале, посвященном 1920-м гг., приводится ответный жест доброжелательности со стороны «государства»:

«Недопустимым признавалось применение насильственных мер к искоренению казачьих традиций. Учет казачьих особенностей был объявлен важнейшим делом».

Таким образом и локальная, и государственная памяти оказываются удовлетворены. Казаки удовлетворяются признанием своих жертв и традиций, а государство лишается лишней локальной

идентичности, основанной на «сепаратистской» памяти. Работает все тот же нарративный шаблон «провинились — реабилитировались — инкорпорировались».

Советская история в «региональном компоненте» наследует традициям советской пропаганды достижений промышленности, сельского хозяйства, культуры и спорта. Можно смириться с отсутствием специальной статьи о репрессиях в Ростове и области в 1930-е гг., однако сложно представить региональную историю без голода начала 1930-х гг. и коллаборационистских формирований периода Великой Отечественной войны. Оказалось, что специальных статей об этих темах нет. Важный вопрос заключается в том, является ли это решением местных работников или первым, судя по моим ощущениям, случаем вмешательства московских цензоров в «региональный компонент» ростовской экспозиции.

Репрезентация Великой Отечественной войны вообще страдает «идеологической» непоследовательностью. Кроме трех статей о военных событиях в терминале, посвященном ВОВ, имеется статья «Холокост в Ростовской области». Тема Холокоста в Ростове сегодня сталкивает между собой двух агентов памяти: местную еврейскую общину и администрацию города с «русскими» экспертами. В 2012 г. с мемориала в Змиевской балке, где в августе 1942 г. были расстреляны около 17 тысяч евреев, городское управление культуры сняло доску с указанием еврейских жертв и определением места в качестве

«самого крупного в России мемориала Холокоста». Взамен была поставлена мемориальная доска с информацией о двадцати семи тысячах жертв среди «мирных советских граждан разных национальностей». Компромисс, к которому пришли стороны в 2014 г., вылился лишь в возвращение на доску упоминания о евреях. Холокост как космополитический нарратив о войне, противоположный официальному мифу о победе, не нашел на ней места по понятным причинам. Местные власти, провластные «общественники» и националистически настроенные ростовчане в Интернете вплоть до настоящего времени проводили работу по изменению смысла мемориала: с места памяти Холокоста на место памяти убитых нацистами «мирных советских граждан разных национальностей». Каким образом Холокост попал в часть экспозиции, повествующую о ратных подвигах Красной армии и не рассказывающую о коллаборационизме, непонятно. Сам материал составлен в духе предыдущих статей: довольно подробный пересказ событий с выдержкой из воспоминаний современника, фотографией оккупированного города, листовки СС и фото советской газеты. По моему мнению, материалы «регионального компонента» в ростовском парке выигрывают у «федерального» даже в части визуальной привлекательности.

Последнее, что бросается в глаза в статье о Холокосте, это короткое ритуальное заключение в конце:

«В период оккупации города в Змиевской балке расстреливали и тех,

кто оказывал сопротивление оккупационным властям, пленных красноармейцев и душевнобольных».

Учитывая то, что автор обходит стороной факты участия коллаборационистов в расстреле евреев и замешанность бывших соседей евреев («мирных советских граждан») в обнаружении уцелевших, можно подумать, что эта статья также написана со своеобразным «примиренческим» подтекстом (мы не отрицаем вашу трагедию, но давайте забудем «наших» предателей и будем помнить «наших» жертв).

Важная страница местной истории — Новочеркасский расстрел 1962 г. — представлена на четырех страницах терминала. Это обстоятельный рассказ, выдержанный в нейтральном стиле и объясняющий мотивы забастовщиков:

«На фоне невысокого жизненного уровня очередное снижение зарплат и повышение цен вызвали возмущение многих рабочих завода...»

Позволю себе привести выдержки из разных частей статьи, чтобы стал ясен общий смысл:

«Утром 2 июня большое количество людей с портретами В.И. Ленина направилось к центру города... часть митингующих остановилась возле городского отдела милиции... завязалась рукопашная схватка, прозвучали выстрелы, началась паника, появились первые убитые... в результате непосредственно на площади, по официальным данным, погибло 17 человек и было ранено 87 человек... оста-

ется окончательно невыясненным вопрос о том, кто отдал приказ открыть огонь по невооруженным людям... места захоронений погибших на площади, умерших от полученных ран в больницах Новочеркаска тщательно скрывали даже от родственников. Через несколько дней в городе начались аресты...»

В конце собственно исторической части статьи приводится фото из следственного дела токаря С.С. Сотникова, приговоренного к расстрелу. За ней идет информация о реабилитации осужденных в 1991–1992 гг. Завершает текст цитата губернатора Голубева:

«Случившееся в Новочеркасске 50 лет назад показывает, к каким страшным последствиям может привести неумение и нежелание власти вести диалог с людьми».

В очередной раз складывается образ неадекватной власти, отвечающей на легальные действия граждан стрельбой и арестами.

Последним интересным с точки зрения встраивания в этатистский нарратив сюжетом является история с «возрождением казачества» в Ростовской области в начале 1990-х гг. Этот малоизвестный в рамках истории современной России локальный эпизод довольно сложно интегрируется в нарратив «федерального компонента». Созданный в ноябре 1990 г. «Союз казаков Области Войска Донского» сначала провозгласил себя правопреемником дореволюционной Области Войска Донского, а затем, в 1991 г., правопреемником уже упоминав-

шейся «Донской республики» атамана Краснова (с соответствующими претензиями к «федеральному центру»). Авторы экспозиции ограничились констатацией факта создания «Союза» и провозглашения им себя преемником Войска Донского. Общая оценка деятельности донского казачества в течение 1990-х — начале 2000-х гг. выражена во вступительном абзаце:

«Донское казачество проявило себя как массовая созидательная и в целом конструктивная социальная сила».

Половина материала отведена процессу «огосударствления» казаков во второй половине 1990-х гг. В конце статьи вставлена ритуальная цитата Владимира Путина от 20 февраля 2012 г.:

«Особо хочу сказать о казачестве... Исторически казаки находились на службе у Российского государства, защищали его границы, участвовали в боевых походах Русской Армии. Задача государства — всячески помогать казакам, привлекать их к несению военной службы и военно-патриотическому воспитанию молодежи».

Работает все тот же паттерн: мы отказываемся от автономистской («сепаратистской») идентичности, а «государство» дает нам привилегии и признание.

Какие впечатления остаются после окончания знакомства с «региональным компонентом» ростовского парка? Главное: это совершенно другой способ разговора о прошлом,

другая история. Начиная с античности до XVII в. «региональный компонент» почти исключительно посвящен культуре (материальной культуре, религиозным представлениям, социальным и политическим институтам) местных народов. Здесь очень мало «Родины» или «России», интересами которой объяснялись бы местные события. Соответственно, в «региональном» нарративе не прослеживается шкалы патриотизма, в соответствии с которой оценивались бы исторические акторы. История социальных движений как XVII–XVIII вв., так и XX в. написана со стороны общества, а не государства. Обезличенное реактивное государство всегда неадекватно реагирует на протест

общества, вызванный действиями самого же государства. Тем не менее авторы экспозиции не создали образ «донской вольницы» или «казачьей республики», подавляемой Москвой. Этатистский дискурс «федерального компонента» также не затронул материалы экспозиции. Выбранный нарратив политической истории региона («провинились – реабилитировались – инкорпорировались»), отчасти построенный на «диалогическом забвении» взаимных обид, а отчасти на их взаимной артикуляции, лично мне представляется наиболее нейтральным и исторически корректным. Хотя нельзя исключать, что к его конструированию приложили руку московские «цензоры».

ONE RUSSIA — TWO HISTORIES.

Unexpected impressions of the Historical Park “Russia is my history” in Rostov-on-Don

Gross Andrey A. — student of the Institute of history and international relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Key words: Russia – my history, historical policy, historical memory, local history, working through the past.

Abstract. This is the review of the “regional part” of the “Russia – my history” historical park in Rostov-on-Don. In contrary to the “federal part”, the “regional part” presents ideologyless history of local events in the national history context. This history essentially differs from the etatist narrative of the “federal part” of the exhibition. Although the “regional part” is structured by certain narrative pattern, the way of speaking about the past in the “regional part” may rather be called anti-etatist.

В. С. Стаф, В. А. Яковенко

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ В МУЗЕЯХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Гражданская война в России 1918–1920 гг., Юг России, Белое движение, казачество, Белая эмиграция, А. И. Деникин, исторические музеи.

Аннотация. Обзор дает представление об отражении в экспозиции ряда исторических музеев Ростовской области событий Гражданской войны 1918–1920 гг. Хотя эта земля стала одним из главных очагов зарождения антибольшевистского сопротивления в России, представленные экспозиции не отвечают современному уровню научного осмысления Гражданской войны.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-283-292

Тема Гражданской войны фигурирует в большинстве отечественных исторических и краеведческих музеев, которые стали массово открываться в советских городах начиная с 1920-х гг., т. е. практически сразу после ее окончания. Однако ее представление в музеях сильно

менялось на протяжении десятилетий. Если в 1930-х гг. Гражданскую войну показывали как борьбу Красной армии с врагами и иностранными захватчиками, рассказывали об ужасах белого террора, как, например, это было сделано в музее на острове Мудьюг в Архангельской области, обходя при этом подробности террора красных, то в постсоветские годы в связи с появлением новых исследований исторический нарратив изменился, события Гражданской войны с обеих сторон стали рассматриваться менее предвзято. Во многом сказывался и западный опыт, на основании которого на войну стали больше смотреть через жизни простых людей,

© Стаф В. С., Яковенко В. А., 2018

Стаф Владислав Сергеевич — аспирант школы исторических наук НИУ ВШЭ (Москва); stafvlad@gmail.com

Яковенко Владислав Алексеевич — магистрант факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва); v0395@yandex.ru,

Статья написана по результатам школы «Донская земля в эпоху войн и революций», проходившей с 13 по 22 сентября 2017 г. в Ростове-на-Дону, Новочеркасске и станице Старочеркасской в рамках проекта НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново».

а музеи начали уделять больше внимания архивным данным (см.: *Черкаева* 2015: 554–565).

После распада СССР, с открытием ранее недоступных архивных фондов, стали выходить новые книги об истории Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн, в которых проводились взгляды, отличные от принятых в советское время оценок этих конфликтов. Это не могло не отразиться и на экспозициях: многие отечественные музеи стали менять свои выставки, добавляя в них новую информацию о войнах XX в. на основе новейших изысканий историков. Тем не менее музейный «интенсивный поиск идей и принципов их реновации нельзя назвать завершенным, поскольку он еще продолжается» (*Мастеница* 2015: 103). Исследования Гражданской войны не прекращаются, и многие музеи одновременно отражают в своих экспозициях как старые, так и новые взгляды на ключевые события XX в. Иногда это приводит к отражению исторических реалий в весьма необычном ключе.

Репрезентация Гражданской войны сложна во многом тем, что о ней существует несколько нарративов. Так, помимо противоположных нарративов красных и белых, существуют еще, например, взгляды на проблему сторонников зеленых, эсеров и национальных движений. Эта особенность совсем недавно стала приниматься во внимание отечественными исследователями и музейными работниками.

Известно, что историография Гражданской войны в России, ведущая свое начало с появления в 1920-е гг. первых исследований как в СССР, так и в белоэмигрантском зарубежье, с момента своего зарождения отличалась сильной степенью предвзятости. Это было связано с тем, что авторы чаще всего являлись непосредственными участниками событий, которые они пытались анализировать. В случае с советскими историками к этому добавлялись ярко выраженная классовая риторика в работах и обезличивание противников большевиков. Это обезличивание проявилось и в самих названиях вражеских режимов «колчаковщина», «деникинщина» и т. д. К тому же отсутствовали работы по красному террору, рассказыванию и ряду других тем, которые не вписывались в официальную риторику советской власти. Но, несмотря на это, были предприняты попытки действительно научного анализа. Так, например, работа советского историка Д. Кина «Деникинщина», несмотря на сугубо марксистский взгляд, отражает многие основные черты Белого движения на Юге России (*Кин* 1927). Сюда же можно отнести и работу Г. Покровского с таким же названием. Примером удачного эмигрантского исследования можно назвать книгу А. А. Зайцова «1918: Очерки по истории русской Гражданской войны» (*Зайцов* 2015). Зайцов одним из первых отметил тесную связь Гражданской и Первой мировой войн. Одна из первых работ по красному террору вышла из-под пера эмигранта С. П. Мельгунова. 1930-е гг. в СССР были ознаменованы ужесточением идеологического контроля, еще

большим ограничением свобод для историков в трактовке темы. Так продолжалось в сущности вплоть до конца 1970-х гг., когда была опубликована работа Г.З. Йоффе «Крах российской монархической контрреволюции» (Йоффе 1977). Автор соблюдал «ритуальные» партийные постулаты, но предлагал более взвешенный взгляд на Белое движение. В частности, им анализировалась деникинская политика «непредрешенчества». В 1980-х гг. наблюдалось продолжение этой тенденции. Хотя историки по-прежнему изучали Гражданскую войну на основе классового подхода, его ограниченность ими вполне осознавалась и ссылки на партийные догмы становились все более формальными.

На этот же период пришлось и ключевые исследования Гражданской войны в западной историографии. Среди важнейших работ можно назвать исследование У. Розенберга о партии кадетов в Русской революции и Гражданской войне, двухтомник о Белом движении на Юге России П. Кенеза и долгое время являвшуюся чуть ли не единственной хорошей обобщающей работой по этому периоду книгу И. Модсли «Гражданская война в России». Это, впрочем, не означало, что ранее за рубежом на этот счет ничего не писали. Так, нельзя не упомянуть, например, ключевую работу О. Рэдки об эсерах, вышедшую в 1961 г. Тем не менее данная проблематика вряд ли может считаться ключевой для тогдашней исторической науки на Западе.

Переломным моментом в исследованиях по Гражданской войне

стал развал СССР, когда с открытием архивов и исчезновением партийных догм как российские, так и зарубежные историки смогли обратить свое внимание на многие проблемы, которые ранее изучить не представлялось возможным. Стали появляться более взвешенные работы по красному террору, более тщательно были изучены Белое движение, эсеровские и национальные правительства. В 1990-е и первой половине 2000-х гг. количество исследований по Гражданской войне составило не один десяток. Среди них можно выделить ставшую классической работу Дж. Смита о Белом движении в Сибири, книгу канадского историка А. Процик «Русский национализм и Украина», обобщающее исследование А. Литвина про красный и белый террор, книгу В.Д. Зиминой о политических режимах антибольшевистского лагеря, многочисленные работы В.Ж. Цветкова. Начали появляться биографические исследования о лидерах Белого движения.

Вместе с тем проявилась тенденция к изучению отдельных, ранее малоизученных аспектов Гражданской войны и функционирования белых режимов. К примеру, появились работы А.С. Пученкова «Национальная политика генерала Деникина», классическая книга О.В. Будницкого «Российские евреи между красными и белыми». Начал оформляться и другой исследовательский тренд – внимание к региональному измерению Гражданской войны. В русле этого подхода написаны, например, исследование А.С. Пученкова «Украина и Крым», недавно вышедшая работа В.Б. Лобанова

про Северный Кавказ. Сюда можно отнести и работу П. Холквиста, который рассматривал период 1914–1921 гг. в качестве единого кризиса на материалах Дона. Пиком этой же тенденции, пожалуй, стала обобщающая работа Дж. Смита «Гражданские войны в России 1916–1926», рассматривающая Гражданскую войну как череду разнородных конфликтов от Средней Азии в 1916 г. и вплоть до последних столкновений в середине 1920-х (Смит 2015). В связи с этим же подходом появились также книги, сфокусированные на жизни отдельно взятых городов. Примерами этого могут быть названы книга Д. Рейли про Саратов и исследование Б. Мерфи про Ростов-на-Дону.

Несмотря на массивную научную историографию и множество сохранившихся источников, Гражданская война до сих пор крайне неполно представлена в отечественных музеях с учетом специфики отдельных регионов, где события складывались по-разному. В Ростовской области для репрезентации Гражданской войны на Юге России особенно показательны экспозиции музеев Ростова-на-Дону (Ростовский областной музей краеведения), Новочеркаска (Музей истории Донского казачества) и станицы Старочеркасской (Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник). Как известно, данная территория была одним из очагов зарождения антибольшевистского сопротивления в России. Соответственно, местные музеи имеют большой потенциал для составления экспозиций по Гражданской войне, к тому же геогра-

фическая близость музеев и их подчинение Министерству культуры Ростовской области позволяют расценивать их в качестве единой музейной системы.

Ростовский областной музей краеведения открылся еще в 1910 г., однако его здание было разрушено, а его материалы были уничтожены во время Второй мировой войны. Только в 1957 г. музей снова открылся для посетителей, и вплоть до его реконструкции (Сайт Ростовского областного музея 2017) в 2002 г. в нем ничего не менялось. Гражданская война занимает в музее половину зала, где идет одновременно описание Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Важно отметить, что Ростовский областной музей краеведения в своей новой экспозиции рассказывает об обеих сторонах конфликта, но при этом, что удивительно, почти не уделяет внимания местной специфике Гражданской войны: в экспозиции ничего не сказано про противоречия между казачеством и Белым движением, как и о конфликте между А. И. Деникиным и П. Н. Красновым. Никак не упомянут и атаман Всевеликого Войска Донского А. П. Богаевский.

Поскольку экспозиция зала посвящена развитию событий с 1914 по 1920 г., она хорошо передает общий хаос, который происходил в России начиная с 1917 г. Но при этом не показывается динамика Первой мировой и Гражданской войн — нет ни побед, ни поражений. Экспозиция обрывается окончанием Гражданской войны. Рядом

Илл. 1. Ростовский областной музей краеведения. Экспозиция по Гражданской войне

имеется стенд про русскую эмиграцию, экспонаты которого никак не откомментированы. Ничего не сказано о дальнейшей судьбе Белого движения в эмиграции, несмотря на то, что на выставке представлены эмигрантские артефакты. Не сказано и о дальнейшей судьбе казаков — их рассказывании. Таким образом, данная экспозиция описывает только последовательность действий, охватывая период с начала Первой мировой войны до конца Гражданской, однако непропорционально малое внимание уделяется конфликту между красными и белыми, стержневого для всего периода 1917–1922 гг.

Новочеркасский музей истории казачества имеет сегодня небольшую

экспозицию о Гражданской войне. Сам музей также был открыт еще до революции, в 1899 г., как Донской музей. В 1941 г. он был преобразован в Музей истории Донского казачества (Сайт Музея истории Донского казачества 2017). Сегодня Гражданская война показана в зале «Россия и Дон на сломе эпох». Там также представлена история Первой мировой войны и русской революции. Однако история Гражданской войны представлена наиболее слабо, чуть ли не единственным экспонатом — саблей генерала К. К. Мамонтова. При этом нет разъяснений, кем был генерал Мамонтов, какова была его роль в Гражданской войне на Юге России. Как и в случае с Ростовским музеем, должным образом не показаны ни местная

Илл. 2. Новочеркасский музей истории казачества. Экспозиция по Первой мировой и Гражданской войнам

специфика Гражданской войны, ни внутренние противоречия антибольшевистского лагеря.

Новочеркасск и Ростов-на-Дону были ключевыми местами в противостоянии сил в рассматриваемом регионе, тем не менее в местных музеях не уделяется необходимого внимания судьбе этих городов в период 1917–1922 гг. Нет ничего и про повседневную жизнь россиян в это время. Новочеркасский музей истории казачества имеет схожее с Ростовским построение экспозиции: в одном зале представлена история Первой мировой и Гражданской войн, но при этом почти нет разъяснений, кто такие красные, белые и в чем была причина их конфликта.

Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник находится в станице Старочеркасской недалеко от Ростова-на-Дону. Это единственный из трех музеев, основанный уже после революции, в 1921 г. С 1970 г. он перестал быть филиалом Музея истории Донского казачества и стал самостоятельной организацией (Сайт Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника 2017). В начале 2000-х гг. этот музей также обновил экспозицию, а к 2017 г. там появились два стенда о Гражданской войне. Интересно, что это единственный музей, где четко показаны две основные стороны конфликта. С другой стороны, в музее вообще не представлены какие-либо артефакты 1917–1922 гг.,

Илл. 3. Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник. Экспозиция по Гражданской войне

а весь стенд о белых посвящен исключительно генералу Деникину. О белоэмиграции также рассказывается исключительно на его примере. Красная сторона представлена биографией военачальника А.Е. Снесарева, которого едва ли можно назвать человеком, чья биография отражала особенности Гражданской войны на Юге и на Дону в частности (бросается в глаза и разномасштабность фигур, персонифицирующих ту и другую стороны). В экспозиции также отсутствует какая-либо информация о динамике Гражданской войны от побед белых до побед красных, а также необходимые пояснения именно о местной специфике конфликта. Ничего не сказано и про рассказывание с наступлением советской власти. Уникальна эта экспозиция и тем, что она рассма-

тривает Гражданскую войну вне контекста Первой мировой войны.

Итак, несмотря на большое количество новых исследований об истории Гражданской войны на Юге России, все описанные выше музеи Ростовской области не дают сколько-нибудь четкой картины происходившего. Прежде всего бросается в глаза отсутствие каких-либо пояснений о причинах, этапах и последствиях Гражданской войны как для белых, так и для красных. Ни в одном из музеев нет и ссылок на архивные источники, которые могли бы стать частью экспозиций. Выставки в каждом из музеев наглядно демонстрируют общий хаос времен Первой мировой войны, русской революции и Гражданской войны. Однако это не позволяет вычленить какие-либо конкретные

сюжеты, объяснить причины поражения белых, показать дальнейшие судьбы участников конфликта. Ни в одном из трех музеев нет какого-либо сопроводительного текста, описывающего события 1917–1922 гг., что оставляет посетителей наедине с отдельными артефактами и фрагментами текстов, из которых не складывается общая картина истории Гражданской войны.

Пожалуй, можно выделить две основные причины неудовлетворительного положения дел с освещением в музеях Ростовской области рассматриваемой нами тематики. Первая из них заключается в том, что Ростов-на-Дону и область были дважды оккупированы во время Великой Отечественной войны и сильно пострадали в ходе боевых действий, что уничтожило большое количество артефактов, имевших отношение к событиям Гражданской войны. Многие из артефактов были вывезены в эмиграцию и утеряны там. Вторая причина состоит в том, что после распада Советского Союза музейное реформирование в соответствии с новыми запросами идет крайне медленно и советский нарратив описания Гражданской войны еще не до конца ушел в прошлое. Этим и объясняется стремление показать общий хаос войны, не так сильно вдаваясь в подробности, кем были белые и кем были красные, откуда и те, и другие взялись и что из себя представляли. Как пишет в своей статье Е. Н. Мастеница, «исторические музеи с конца 1980-х годов в большей степени, чем другие, оказались в сложном поиске самоопределения и обретения новых методоло-

гических ориентиров <...> и поиск идей и принципов их реновации <...> нельзя назвать завершенным» (Мастеница 2015: 103). Частично эта проблема сохраняется до сих пор, мешая включать в экспозицию новую информацию на основе исследований, написанных о Гражданской войне за последние годы.

Представление двух основных сторон конфликта в его динамике требует более подробного описания красных и белых. Причем не только представления их лидеров, но описания армий, которые принимали участие в Гражданской войне. Это попытались сделать организаторы выставки в Старочеркасском историко-архитектурном музее, четко разделив стенды на «красные» и «белые», но при этом не охарактеризовав на уровне современного исторического знания ни одну из сторон. Представленные биографии людей из противостоявших лагерей лишь в очень небольшой степени отражают реальную картину Гражданской войны. Из-за того, что в концепциях музейной экспозиции не выработана четкая позиция по отношению ни к красным, ни к белым, чаще используется применяемый и в музейном деле так называемый метод синтагматики, когда события просто пересказываются в хронологическом порядке, при этом можно обойтись достаточно поверхностным описанием участников конфликта.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Сайт Ростовского областного музея 2017 – Сайт Ростовского областного музея краеведения. URL: www.историческаяэкспертиза.ростов-на-дону.рф

rostovmuseum.ru/ (дата обращения: 19.10.2017).

Сайт Музея истории Донского казачества 2017 – Сайт Музея истории Донского казачества. URL: novochmuseum.ru/ (дата обращения: 10.10.2017).

Сайт Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника 2017 – Сайт Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. URL: siazmz-go.ru/ (дата обращения: 20.10.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зайцов 2015 – Зайцов А. А. 1918: Очерки по истории русской Гражданской войны. М.: Икс-Хистори, 2015. 368 с.

Йоффе 1977 – Йоффе Г. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 420 с.

Кин 1927 – Кин Д. Деникинщина / ИСТ-ПАРТ ЦК ВКП(б). Л.: Прибой, 1927. 275 с.

Мастеница 2015 – Мастеница Е. Н. История в музее: методология познания и репрезентации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2015. С. 102–117.

Смил 2015 – Смил Дж. Д. «Российские» гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир. Лондон: Хурст и компания, 2015. 432 с.

Черкаева 2015 – Черкаева О. Е. Исторический музей как информационный центр и центр документации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки. М.: Этерна, 2015. С. 554–565.

REPRESENTATION OF THE CIVIL WAR IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE MUSEUMS OF THE ROSTOV REGION

Staf Vladislav S. – doctoral school in historical Sciences of the Higher school of Economics (Moscow)

Yakovenko Vladislav A. – the student of faculty of Humanities, Higher school of Economics (Moscow)

Key words: Civil war in Russia in 1918–1920, South of Russia, White movement, Cossacks, White emigration, A. I. Denikin, historical museums.

Abstract. The reflection of the events of the Civil War of 1918–1920 in the exposition of a number of historical museums of the Rostov Region is reviewed. Although this land has become one of the main centers of the emergence of anti-Bolshevik resistance in Russia, the expositions presented do not meet the contemporary level of analyze of the Civil War.

REFERENCES

Cherkaeva O. E. Istoricheskii muzei kak informatsionnyi tsentr i tsentr dokumentatsii. *Rol' muzeev v informatsionnom obespe-*

chenii istoricheskoi nauki. Moscow: Eterna, 2015, pp. 554–565.

Ioffe G. *Krakh rossiiskoi monarkhicheskoi kontrevoliutsii.* Moscow: Nauka, 1977, 420 p.

Kin D. *Denikinschchina*, ISTEPART TsK VKP(b). Leningrad: Priboi, 1927, 275 p.

Mastenitsa E. N. *Istoriia v muzee: metodologiiia poznaniia i reprezentatsi. Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki*. Moscow: Eterna, 2015, pp. 102–117.

Smil Dzh.D. *"Rossiiskie' grazhdanskiie voiny, 1916–1926. Desiat' let, kotorye potriasli mir*. London: Khurst i kompaniia, 2015, 432 p.

Zaitsov A. A. *1918: Ocherki po istorii russkoi Grazhdanskoi voiny*. Moscow: Iks-Khitori, 2015, 368 p.

С. А. Панарин

ИГРА В ЧЕТЫРЕ РУКИ, ИЛИ ТВОРЧЕСТВО, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, БЮРОКРАТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: пьеса в двух актах с открытым финалом

Ключевые слова: Ульяновская область, В. А. Каррик, Л. Н. Лазарев, фотопроект «Люди земли Симбирской», бюрократия, творчество, историческая память.

Аннотация. Вдохновленный предшественником — В. А. Карриком, снимавшим в XIX в. народные типы в Симбирской губернии, современный московский фотохудожник Л. Н. Лазарев создал, используя язык фотопортрета, новый «Симбирский цикл». Однако реализованный им в Ульяновской области фотопроект не получил там финансовой поддержки, необходимой для его завершения. Статья представляет собой попытку разобраться в том, как в пространстве отдельно взятого региона бюрократическая машина работает в области культуротворчества и как историческая память, точнее, беспамятство влияет на реализацию творческого проекта; существует ли на деле запрос на проекты, формирующие региональную идентичность и нужно ли вообще чиновникам от культуры и местному «экспертному сообществу» настоящее искусство.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-293-312

История, о которой пойдет речь, на первый взгляд типична для нашего времени: реализация интересного творческого проекта на последнем ее этапе приостановилась из-за

отсутствия финансирования, а чем закончилось обращение за помощью к власти, гласит всем знакомый мем «денег нет, но вы держитесь». Тем не менее она привлекла мое внимание, отчасти даже удивила и поразила своей символичностью: в ней ярко проявилось столкновение столичности и провинциальности, профессионализма и непрофессионализма, творческого взгляда

© Панарин С. А., 2018

Панарин Сергей Алексеевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва); sergranar@mail.ru

Илл. 1. Юрий Гагарин. Внуково
14 апреля 1961 г. Фотография Леонида
Лазарева

на мир и взгляда шаблонного, подлинной исторической памяти и показного патриотизма, основанного якобы на традициях; и победили в этом столкновении бюрократическая несуразность, духовная нищета и историческое беспамятство.

Еще одно обстоятельство, заставившее меня преобразовать свое удивление в текст, — участие в этой истории человека, к творчеству которого я отношусь с величайшим уважением и восхищением, — легендарного советского и российского фотохудожника Леонида Николаевича Лазарева. Его работы вошли в золотой фонд советской фотографии, находятся в ведущих музеях России и мира, включая Третьяков-

ку. Часто появлявшиеся на страницах журналов «Кругозор» и «Советская женщина»¹, они были известны достаточно широко — пусть даже при этом люди и не знали, кто находился по ту сторону объектива. Лазарева называют одним из первых стрит-фотографов Советского Союза, человеком, создавшим жанр фотофильма². Его своеобразной визитной карточкой стала фотография Юрия Гагарина, сделанная во Внуково 14 апреля 1961 г.

На языке науки то, о чем я пишу, может быть интерпретировано как история местнической блокировки благородного усилия по актуализации, посредством авторского фотопроекта, исторического пространства памяти на региональном уровне. Но равным образом можно говорить и о пьесе в двух актах и с открытым — надеюсь! — финалом. Пьеса эта — смешанного жанра, т. к. в ней присутствуют и трагизм, и комизм, точнее, элементы фарса. Главный герой пьесы — совокупный чиновник регионального министер-

¹ «Кругозор» — выходивший в 1964–1992 гг. ежемесячный иллюстрированный литературно-музыкальный и общественно-политический журнал с аудиоприложениями в виде гибких грампластинок. Максимальный тираж — 500 тыс. в 1983 г. «Советская женщина» — иллюстрированный общественно-политический и литературно-художественный журнал, основанный в 1945 г. Комитетом советских женщин. С 1945 по 1954 г. выходил раз в два месяца, с 1954 по 1991 г. — ежемесячно. Помимо русского, издавался на английском, немецком, французском (с 1945 г.), испанском, китайском (с 1950 г.), корейском (с 1955 г.), японском (с 1956 г.), хинди (с 1957 г.), венгерском (с 1960 г.), бенгали (с 1973 г.), арабском (с 1974 г.), португальском и др. языках. С 1991 г. получил название «Мир женщины».

² См.: (Новости культуры 2017).

ства культуры; также участвуют: столичный фотохудожник с именем и вдохновивший его на замысел нового фотопроекта предшественник. Место действия — Ульяновская область, время действия — наши дни.

АКТ ПЕРВЫЙ: ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФОТОПОЗИТИВ

Истоки этой истории — в 1870-х гг., когда один из основателей русской школы этнографической фотографии британский подданный шотландец Вильям Каррик (1827–1878), большую часть жизни проведенный в России, где его называли Василием Андреевичем, создал Симбирский цикл фотографий. Этот цикл вошел в большое собрание фотографа «Русские типы», принесшее ему мировую славу. Как отмечал анонимный автор заметки в издании «Всемирная иллюстрация»³, уже в Петербурге, снимая на улицах, Вильям Каррик создал коллекцию, «не имеющую себе равных по художественности и осмысленности». А в 1871 и 1875 гг. он снял «множество превосходных типов и видов Симбирской губернии, где провел несколько недель у одного помещика» (В.А. Каррик 1879: 219–220). Только за время первого пребывания в Симбирской губернии он сделал во время пахоты и покосов, на ярмарках и деревенских праздниках более 200 фотографий крестьян — представителей разных

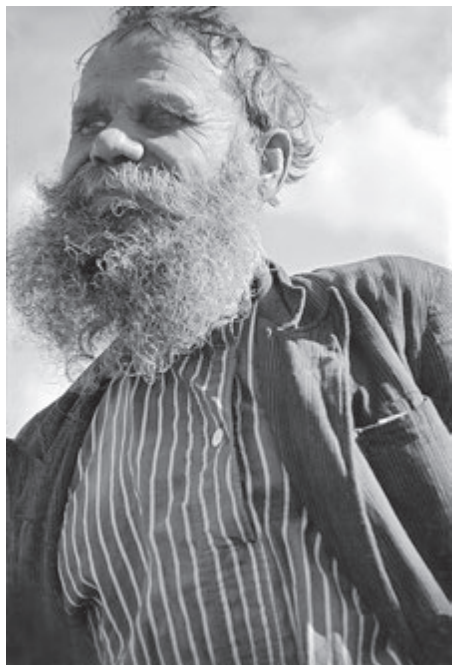
народов многонационального края. «Я взял свои симбирские снимки, — писал Каррик сестре Джесси-Мэри в сентябре 1871 г., — чтобы показать их старому Брюллову⁴, и как он восхищался ими! Он даже надел две пары очков и время от времени отдыхал — ведь это не шутка посмотреть, как знатоку, 200 карточек кабинетного⁵ размера!» (Джиби 1976: 100–102). Симбирский цикл Каррика открыл миру подлинную российскую провинцию; запечатленные им люди стали воплощением народного духа освобожденной от крепостничества России; снимки мастера из фотоателье на Малой Морской улице Петербурга вошли в золотой фонд российской и мировой фотографии.

Спустя 145 лет родилась идея историко-художественного фотопроекта с первоначальным названием «Автофотоэкспедиция: по следам Вильяма Каррика», посвященного потомкам героев знаменитой «фотосессии» русского шотландца. Мыслился он как символ преемственности между историей и сегодняшним днем, между ушедшей в прошлое Симбирской губернией и современной Ульяновской областью, которую Лазарев неоднократно называл местом своего творческого рождения (Залесский 2018).

⁴ Брюллов Александр Павлович (1798–1877) — русский художник и архитектор, профессор архитектуры Императорской Академии художеств. Старший брат Карла Брюллова.

⁵ Кабинетный размер фотографии (CabinetPortrait) — размер бланка 108×166 мм или 110×170 мм, размер фотографии 100×137 мм. См. в качестве образца: (Фотографический 1891).

³ «Всемирная иллюстрация» — еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал, издававшийся в Петербурге в книгоиздательстве Германа Гюппе с 1869 по 1898 г., объемом в 2 п. л. и тиражом до 10 000 экз.

Илл. 2. Волгарь. 1957 г. Фотография Леонида Лазарева

«В 1958 г. Л. Н. Лазарев впервые приехал в Ульяновск. Тогда его карьера только начиналась. Накануне поездки в город на Волге молодой человек выполняет задание для газеты «Спутник», выходящей при советском павильоне на международной выставке в Брюсселе, и принимает предложение стать сотрудником солидного центрального журнала «Советская женщина». Его отпускают в Ульяновск навестить родственников — артистов циркового аттракциона «Мотогонки по вертикальной стене», которые находились в городе на гастролях. Ему поручают подготовить новый материал для газеты, и при этом дают право снимать по собственному усмотрению. В областной центр он приехал заряженный интересом и энергией, в состоя-

нии душевного подъема, отчасти вызванного успешным началом карьеры и радостью от встречи с близкими людьми. К тому же он очень боялся подвести редакцию с выполнением задания и был готов «свернуть горы», чтобы доказать свою профессиональную пригодность» (Зубова 2015: 67). Кадры тех лет, в том числе и из поволжского города, среди которых выделяются портреты «Старик» и «Волгарь», и открыли ему ворота в большую фотографию. Уже в 1962 г. Лазарев за сделанные им фото-портреты был назван в числе лучших фотографов мира по версии «Photography YearBook». Впоследствии Лазарев бывал в Ульяновске в 1969, 1970, 1979 гг. В 2014 г. он снова оказался в городе на Волге уже в статусе современного классика фотографии.

Так «встретились» два признанных мастера отечественной фотографии, разделенные временем жизни, но соединенные одной идеей. За 60 лет творческой фотокарьеры Лазарев буквально прочувствовал изменения, произошедшие в жизни людей за полтора века, отделяющие его героев от героев Вильяма Каррика. Люди на фотографиях Вильяма Каррика безымянны, восстановить их имена, фамилии, судьбы уже невозможно. Напротив, благодаря исследовательской части проекта герои фоторабот Лазарева известны и поражают удивительными, порою даже фантастическими пересечениями их личных судеб с перипетиями времени, в котором им довелось жить. А сам фотохудожник обнаружил в своей судьбе множество точек соприкоснове-

ния с жизненным путем фотографа XIX в. По творческим замыслам они единомышленники, а по духу современники.

Итак, у московского фотомастера родилась идея пройти путем предшественника, но не просто повторить его, а изобразительным языком XXI в. рассказать о людях ульяновской земли, увековечить их лица. Проект реализовывался совместными усилиями его автора, НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина⁶ и Ульяновским государственным университетом. В 2015 г. были представлены первые результаты – 20 фотопортретов (*Юхтанов* 2015:13; *Школьная* 2015: 13), получивших высокую оценку (*Липатова* 2015: 4):

«Это не просто портреты – это срез современной России: представители разных народов, возрастов, профессий, социальных групп. Это хранительницы традиций и носители мудрости – счастливые мамы, умудренные опытом и убежденные седины старики, молодые люди, только вступающие в сознательную жизнь, и их наставники. Всех героев объединяет особый взгляд, в котором живет любовь к жизни, к родной земле. Среди людей на портретах нет тех, кто является объектом внимания значительной части фотографов – гламурной и тусовочной молодежи, фотомоделей, бомонда и звезд. Это портреты тех, на чьих плечах, как на плечах атлантов, держится Россия, кто своим

каждодневным трудом и самой жизнью ежечасно преобразует мир вокруг себя».

Работа над проектом, в окончательном варианте названном «Люди земли Симбирской: по следам Вильяма Каррика», длилась два года – 2015 и 2016. Фотопортреты были сделаны в Ульяновске, в Карсунском (в р.п. Карсун и с. Горенки, Кадышево, Татарская Гольшевка, Беловодье), Инзенском (в с. Коржевском), Сурском (в с. Кирзять и р.п. Сурское), Сенгилеевском (в г. Сенгилей и с. Алешкино) и Ульяновском (в с. Тютюшское) районах Ульяновской области. Был сделан выезд и на территорию бывшего Курмышского уезда, ныне относящуюся к Нижегородской области, – там некогда находился хутор Нагорный, где Вильям Каррик проживал в имении жены своего друга помещика Симбирской губернии Николая Михайловича Соковнина; здесь съемка велась в р.п. Пильна и в селах Бокшандино, Каменка, Медяны. На сайте «Краеведческий компас» Центра истории и культуры региона приводится следующая статистика проекта: «4000 км преодолено с фотоаппаратом в руках; 20 населенных пунктов Ульяновской области стали точками маршрута; 298 км между хутором Нагорный, где останавливался В. Каррик, и Симбирском; обработано и изучено 500 архивных страниц и фотографий; собрано более 50 устных свидетельств о самых сложных и неоднозначных событиях в истории XX века в нашем крае; создано более 60 высокохудожественных фотопортретов жителей Ульяновской области» (Занимательная статистика 2018).

⁶ С 2017 г. – Центр истории и культуры региона в составе Центра стратегических исследований Ульяновской области.

Илл. 3. Фотовыставка в с. Кадышево Карсунского района Ульяновской области

Фрагменты этой работы были представлены на скромных местных передвижных выставках, что немаловажно: герои новой исторической «фотосессии», включая и тех, кто вскоре после съемок ушел из жизни, стали по-новому узнаваемы социальным окружением. Теперь едва ли не каждый из живущих рядом с ними воспринимает их не только как соседа Василия или Андрея, соседку Нину или Людмилу, а как персонажей истории своей страны, еще и увековеченных тем самым фотографом, «который снимал Гагарина

и Жукова». В целом же, благодаря просветительской составляющей проекта — рассказу о Вильяме Каррике, Леониде Лазареве, о самих портретах и жизни отображенных на них людей, — то, что на чиновничьем языке называется «социально значимым мероприятием», превратилось в более значимое дело, чем нечто, сделанное сугубо «для галочки». Проект способствовал формированию региональной идентичности, актуализации исторической памяти, появлению нового места памяти — мест съемок «Симбирского цикла» XXI в.

Илл. 4. Герои фотопортрета. Выставка в р.п. Сурское Сурского района Ульяновской области

АКТ ВТОРОЙ: РЕГИОНАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ НЕГАТИВ

У него тоже есть своя предыстория. За работу над проектом Лазарев был по представлению НИИ награжден благодарственным письмом губернатора Ульяновской области С.И. Морозова, которому лично представил результат своего творчества в виде предварительного ма-

кета книги⁷. Именно это событие, казалось бы, благоприятствовавшее продолжению и завершению проекта, стало отправной точкой сложившейся неблагоприятной ситуации.

⁷ Мне удалось посмотреть это единственное не фрагментарное, а полное собрание почти 60 работ, представленных вместе с портретами Вильяма Каррика. Именно этот макет и был позднее передан в Совет по книгоизданию.

Илл. 5. Л. Н. Лазарев представляет выставку С. И. Морозову, губернатору Ульяновской области. 2017 г.

Ульяновское руководство позиционирует свою область во всей полноте отражающей жизнь современной нестоличной России – многонациональным и поликонфессиональным регионом, где представители более 120 народов проживают в мире и согласии, что не является преувеличением, т.к. уровень конфликтности на национальной почве в области действительно держится на уровне около нуля. При этом власть активно демонстрирует четкое понимание принципа «как корабль назовешь, так он и поплывет» и реализует его в наименованиях проектов областных учреждений, в официальных слоганах⁸. Здесь существует не просто региональное Министерство культуры, а Министерство искусства и культурной по-

⁸ Подробнее о культурных инициативах региональной власти см.: (Липатова 2017).

литики⁹; имеется и Агентство человеческого потенциала и трудовых ресурсов – переименованная структура, занимающаяся вопросами трудоустройства населения, потому как люди – главный капитал региона. Провозглашена амбициозная цель: добиться, чтобы талантливые люди во всех сферах деятельности стремились творить в Ульяновской области и на ее благо, превратились в креативный класс – драйвер областной экономики. «Сегодня мы идем по пути ускоренного развития: в регионе строятся предприятия, реализуются новые проекты,

⁹ Почему в наименовании Министерства искусства и культурной политики слово искусство используется в единственном числе, пытались несколько раз выяснить на страницах местных интернет-порталов. Ульяновский поэт и писатель Николай Полотнянко даже писал главе области об ошибке в наименовании учреждения. См.: (Письма 2017; Полотнянко 2018).

улучшается инфраструктура, формируются кластеры федерального и международного уровня. Это позволяет нам выйти на новый этап, когда приоритетом должен стать наш главный ресурс — человеческий потенциал», — заявляет губернатор Сергей Морозов (В Ульяновской области 2014). В Ленинском Мемориале в фойе крупнейшего концертного зала с 2007 г. существует Галерея знаменитых земляков. Это 80 портретов государственных и общественных деятелей, ученых, просветителей, заслуженных работников культуры, спортсменов, достигших высоких результатов в различных видах спорта, — земляков и тех россиян, что жили в Симбирске-Ульяновске и оставили след в истории края и страны. В области утверждена Концепция областной целевой программы по увековечению памяти знаменитых земляков с ежегодным финансированием в 2009–2013 гг. в 30–40 млн рублей (Концепция 2009). На эти средства возводятся памятники, изготавливаются памятные доски и т.д. Знаменитые имена превращаются в охранные грамоты для библиотек (имени М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова), школ, спортивных объектов. А во время последнего чемпионата мира по футболу губернатор Морозов выступил с инициативой присвоения стадиону «Труд» имени Льва Яшина (Ульяновский стадион 2018). В детском возрасте будущий прославленный вратарь непродолжительное время проживал в эвакуации вместе с родителями в Ульяновске, и этого оказалось достаточно, чтобы признать его человеком, имеющим непосред-

ственное отношение к областному центру.

Казалось бы, что в таком контексте у описанного выше проекта были все шансы попасть в логику власти, завершиться итоговой книгой, профессиональной музейной выставкой и, возможно, появлением портрета Вильяма Каррика в галерее. Благо потенциально эффект от проекта способствовал бы улучшению имиджа региона как в России, так и на международном уровне (к чему тоже стремится областное руководство). Однако к 2017 г. обстоятельства изменились. НИИ истории и культуры стал одним из структурных подразделений нового Центра стратегических исследований и поэтому лишился права самостоятельно распоряжаться бюджетом, а значит, и возможности издать книгу. Попытка обратиться в областной Совет по книгоизданию оказалась безрезультатной¹⁰. Не удалось получить и грант на выставку: в нем было отказано на том основании, что «выставками должны заниматься не исследовательские учреждения, а структуры, имеющие подобный опыт, т.е. музеи». В таких условиях Лазарев, стремясь сохранить свое детище, решил написать письмо С.И. Морозову¹¹:

Уважаемый Сергей Иванович!

Я хочу поблагодарить Вас за Благодарственное письмо, публично врученное мне в июле 2017 года

¹⁰ В официальном ответе Л.Н. Лазареву упоминается это обращение.

¹¹ Тексты этого письма и официального ответа на него предоставлены автору Л.Н. Лазаревым.

на берегу Суры. В ответном слове я сказал, что готовлю книгу и выставку о людях Ульяновской области.

Я пишу к Вам с надеждой, поскольку Вы высоко оценили макет книги и саму идею фотохудожественного и исследовательского проекта «Люди земли Симбирской», работа над которым шла в течение трех лет.

В этом году Ульяновская область отмечает 75 лет со дня ее образования, а город Ульяновск — 370 лет с момента основания. Книга «Люди земли Симбирской» могла бы стать достойным подарком к этим двум юбилейным датам, а также она может использоваться Вами и официальными делегациями области в российских и зарубежных контактах в качестве подарков от главы региона. Я просмотрел в Интернете сюжеты об участии главы области в переговорах с зарубежными партнерами и обратил внимание, что Вы, как человек высоко ценящий книгу, часто используете в качестве подарка именно книги, изданные на высоком полиграфическом уровне.

Мне как фотохудожнику и творцу этого проекта «Люди земли Симбирской», конечно, хочется, чтобы книга вышла, но не только в этом дело. Я запомнил Ваши слова после того, как Вы просмотрели портреты, о том, что книгу надо издавать, что люди — это гордость Ульяновской области.

Сейчас книга в высокой степени готовности. Обращаюсь к Вам с надеждой, так как мне кажется, что именно только от Вас зависит из-

дание фотохудожественной книги «Люди земли Симбирской», которая может способствовать и новому прочтению Ульяновской области, в том числе и в международном пространстве. Книга может сослужить добрую службу Ульяновской области. Со своей стороны, подтверждаю, что отказываюсь от гонорара. Это мой подарок области.

Фотохудожник

Леонид Николаевич Лазарев

Стоит еще раз подчеркнуть: подарок этот делается человеком, чье рождение как фотохудожника состоялось именно в Ульяновске и чье творчество востребовано до настоящего времени¹². И это в буквальном смысле слова дорогой подарок — если оценивать его с помощью языка цифр, более понятного чиновникам, чем разные возвышенные лозунги. Увы, те, в чьи руки попало задание написать ответ на письмо Лазарева, не заинтересовались, как его имя измеряется в принятом в их мире денежном эквиваленте. Только один факт: работы Леонида Лазарева часто продаются аукционным домом «Shapiro Auctions», единственным в США специализирующимся на русском искусстве от классики до современности. Его учредитель и президент Евгений Шапиро всегда подчеркивает важность тщательного отбора предметов коллекционирования для своего дома: «На аукцион берем треть из того, что предлагают» (*Вафолы* 2017). Работы Лазарева неизменно присутствуют в этой самой трети,

¹² Так, в 2016 г. Лазарев проводил большую съемку для юбилейной книги, посвященной Дербенту.

в чем можно убедиться, зайдя на его персональную страницу¹³. (Правда, точные данные об их стоимости доступны лишь подписчикам.) Топ продаж его работ, по данным сайта ARTinvestment.RU¹⁴, составляют шесть фотографий (Лазарев 2018): портрет Галины Улановой, «Зимний вечер. Москва. 3-й Лесной переулок», портрет Юрия Гагарина, «У памятника Пушкину» и «Как снег на голову». Кстати, последняя из них была сделана в Ульяновской области в 1958 г. Это фотография праздника животноводов Богдашкинского района в райцентре Большое Ногаткино¹⁵.

Даже беглое знакомство с этими сопутствующими дару обстоятельствами должно было убедить руководство областного минкульту: области выгодно приобрести фотоколлекцию для областного художественного музея, выгодно сделать вложение в будущее музея посредством создания книги или каталога выставки,

¹³ URL: www.shapiroauctions.com/auctions/international-fine-decorative-art-auction-2018-03-07/305-leonid-lazarev-russian-b-1937 (дата обращения: 14.06.2018).

¹⁴ ARTinvestment.RU — интернет-проект рынка русского искусства, адресован коллекционерам, галереям, инвесторам и аналитикам. На сайте приведены данные с аукционов США, Великобритании, Франции, Германии, Швеции, Дании, Финляндии, Австрии, России и Израиля с 2000 г. по наши дни, особенно полна статистика продаж за 2006–2016 гг.

¹⁵ Как пишет И.Л. Зубова: «Внешний вид сельских жителей напоминал молодому фотографу времена дореволюционной России. Многие сельчане впервые увидели затяжной прыжок с высоты 1500 метров парашютиста Кирилина. Один из парашютистов стал отклоняться от заданных параметров приземления, что вызвало большой переполох» (Симбирский 2016: 255)

которую сам фотохудожник и будет продвигать. (Чтобы убедиться, насколько успешно он это делает, достаточно посмотреть перечень его выставок за последние десять лет¹⁶.) Если бы сотрудники министерства и подведомственных учреждений подошли бы к своему заданию ответственно, то и ответ на письмо Лазарева был бы другим. А так он сначала получил краткое уведомление о том, что его обращение будет рассмотрено, а 7 мая 2018 г. из Министерства искусства и культурной политики пришло официальное письмо с итогами «рассмотрения». Но прежде чем сообщить их читателю, хотелось бы напомнить, что в 2016 г. был принят Кодекс профессиональной этики сотрудников правительства и исполнительных органов государственной власти Ульяновской области (Кодекс 2018). Начинается он обращением губернатора Морозова:

¹⁶ 2008 г. — персональная фотовыставка в галерее «ФотоСоюз»; 2010 г. — персональная фотовыставка в Артфонде ОРЕНЗАНЦ в Нью-Йорке; 2011 г., фотовыставка Леонида Лазарева в Конгрессе США. В 2013 г. фотографии Л.Н. Лазарева представлены в Русском музее; в 2013 и 2014 г. — в Пензенской картинной галерее им. Савицкого; в 2014 г. — в Арт-галерее университета штата Аризона в США; в 2015 г. — в Музее Оскара Нимейера (Бразилия). В 2016 г. состоялась персональная фотовыставка Л.Н. Лазарева в Колумбийском университете в США и в Музее г. Москвы; в 2018 г. — в Галерее классической фотографии в столице России. Информация получена на основе материалов персональных страниц фотографа в Википедии URL: ru.wikipedia.org/wiki/Лазарев,_Леонид_Николаевич (дата обращения: 14.06.2018) и на сайте проекта «Антология русской фотографии XX века» Центра фотографии братьев Люмьер URL: www.lumiere.ru/gallery/photographers/id-56/ (дата обращения: 14.06.2018).

«Дорогие коллеги!

В качестве профессиональной деятельности мы с вами выбрали службу Отечеству и родному краю, взяли на себя ответственность за настоящее и будущее этой земли, благополучие тысяч граждан. Это не просто работа — это посвящение своих сил, талантов, способностей, знаний развитию территории, на которой мы живем, которую горячо любим, которой дорожим и гордимся. Вы прекрасно знаете, какой самоотдачи требует наша служба, как высока цена ошибки, как строго смотрят на нас земляки, как многого ждут. Чтобы отвечать этим ожиданиям, недостаточно быть просто профессионалом или специалистом в какой-либо области. Нужно быть еще и патриотом, достойным гражданином, уважающим общечеловеческие ценности, следовать высоким стандартам культуры поведения. Такие понятия лежат за пределами законов, регламентов и инструкций. Это наши внутренние убеждения, единые для всех, формирующие нас в команду, профессиональное сообщество, сплоченный коллектив».

В Кодексе принципами чиновничьей этики провозглашаются профессионализм — глубокое знание своей специальности, своевременное и качественное выполнение поставленных задач, постоянное совершенствование профессиональных знаний и умений; служение государству и общественным интересам, уважение личности — уважение чести и достоинства человека, его деловой репутации; преемственность — уважение к труду и опыту старших поколений, эффективное

использование института наставничества. Согласно Кодексу, чиновник должен знать истинное положение дел на вверенном ему участке работы, воспринимать и решать проблемы людей как свои собственные.

Что же было написано в ответном письме министерства? Следуя сложившейся практике, министр О.Н. Мезина скорее всего лишь подписала бумагу, не вникая в ее содержание, тогда как непосредственные исполнители М.В. Веркова и С.В. Глухова составили нижеследующий текст.

Обращу внимание на один из абзацев данного ответа, очень похожий на комментарий к снимкам начинающего фотографа, не имеющего понятия ни о композиции, ни о том, что такое портрет или художественный прием: *«В представленных портретах затуманен фон, в них не отражено время, эпоха, фотографии не доносят до зрителя социальные реалии, особенности жизни изображенных на фото людей; фотографии однообразны, использован один и тот же художественный прием, отсутствует отбор окружающих предметов, нет проработанной композиции»*. Он явно не вписывается в упомянутый выше Кодекс — как минимум не отвечает требованию, что «чиновник должен глубоко знать свою специальность, уважать честь и достоинство человека, его деловую репутацию, а также знать истинное положение дел на вверенном участке работы» (Кодекс 2018).

Не будем обольщаться: во все административные эпохи энциклопедисты среди чиновников попадались исключительно редко — во все

**Министерство искусства
и культурной политики
Ульяновской области**

ул. Спасская, д.10, г. Ульяновск, 432011
тел (8422) 73-70-37, факс (8422) 73-70-31
E-mail: mail@ulmincul.ru
ОКПО 00089827, ОГРН 1027301185724
ИНН/КПП 7303002440/732501001

04.05.2018 № 33-0078-04-01/1108мех

На № _____ от _____

Л.Н.Лазареву

г. Москва.

Уважаемый Леонид Николаевич!

Министерством искусства и культурной политики Ульяновской области Ваше обращение в Правительство Ульяновской области по вопросу издания книги «Люди земли Симбирской» рассмотрено.

Вопрос об издании книги «Люди земли Симбирской» (раннее название «по следам Вильяма Каррика») был вынесен на обсуждение Совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания в Ульяновской области на основании обращения О.В.Асмуса к Губернатору Ульяновской области С.И.Морозову. После обсуждения было вынесено решение не включать издание фотоальбома в областную программу книгоиздания на 2018 год (протокол заседания рабочей группы Совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания в Ульяновской области № 2 от 10.11.2017).

Основания, по которым было принято данное решение, следующие:

– все книги, изданные по областной программе, направляются в библиотеки области, представленное издание более подходит для презентационной функции;

– в представленных портретах затуманен фон, в них не отражено время, эпоха, фотографии не доносят до зрителя социальные реалии, особенности жизни изображённых на фото людей; фотографии однообразны, использован один и тот же художественный приём, отсутствует отбор окружающих предметов, нет проработанной композиции.

Ваше предложение об издании книги было направлено в Управление культуры и организации досуга населения администрации города Ульяновска. Вопрос издания книги будет рассмотрен на заседании оргкомитета по празднованию юбилея города Ульяновска, о результатах решения оргкомитета Вам сообщим дополнительно.

Министр

О.Н.Мезина

Веркова Марина Владимировна
(8422)
Глухова Светлана Викторовна
(8422)

времена бюрократии требовалось мнение экспертов. Кто же эти эксперты в разбираемом случае, кто судьи, откуда взялось столь категоричное мнение? Его «исходник» — в протоколе заседания рабочей группы Совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания в Ульяновской области от 10 ноября 2017 г. (Кстати, членом этой группы является один из исполнителей письменного ответа Лазареву — М. В. Веркова¹⁷.) Его я обнаружил на сайте Дворца книги — областной библиотеки (Протокол 2017). На заседании рассматривался тот же экземпляр предварительного макета, что был представлен губернатору С. И. Морозову. Протокол оставляет не менее удручающее впечатление, чем и составленный на его основе ответ. Оставим в стороне прозвучавший в одном из выступлений банальный мотив «не пущать чужака», дабы в условиях дефицита средств на книгоиздание продвинуть «свое» учреждение. В наше время это почти норма. Куда более печально иное — читая протокол, мы слышим не записных бюрократов, а вроде бы людей творческих, которые, если судить по материалам сайтов, формируют информационное пространство культуры региона и пользуются в области немалым авторитетом в общественных и околоставных кругах:

Ж. Б. Миндубаев¹⁸. Фотографии Каррика показывают социаль-

¹⁷ Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Ульяновского государственного технического университета. См. о ней: (Веркова 2018).

¹⁸ Публицист, поэт и писатель, активно присутствующий в информационном

ный срез общества. А портреты Лазарева — это просто лица с затуманенным фоном. В них не отражено время. Они не доносят социальные реалии, особенности современной жизни этих людей.

Л. П. Баюра¹⁹. Первое: фотографии Л. Н. Лазарева однообразные, с использованием одного художественного приема. Второе: если внимательно присмотреться, то нет отбора окружающих предметов, отсутствует проработанная композиция.

Г. И. Андреева²⁰ отметила, что у области есть прекрасные фотографии, которые тоже могут пройти по следам Каррика.

А вот заслуженный деятель искусств РФ, кинооператор, профессор, лауреат Ленинской премии Сергей Медынский не только не усомнился в способности Лазарева достигать композиционной гармонии в портретной фотографии, но и оценил ее как уникальную (Лазарев 2015: 14):

«...человек, нажимающий кнопку камеры, не всегда отдает себе отчет, что у него в руках чудесный инструмент, позволяющий сохранить и осмыслить прошлое слова с боль-

пространстве Ульяновской области. См.: (Миндубаев 2018).

¹⁹ Кандидат искусствоведения, заместитель директора по науке и развитию Ульяновского областного художественного (курсив мой. — С. П.) музея. О ней см.: (Баюра 2018).

²⁰ Бывший директор партийного архива, ныне Государственный архив новейшей истории Ульяновской области, председатель комиссии по подготовке Книги памяти «Детство, опаленное войной». Подробнее см.: (Андреева 2018).

шой буквы. Чтобы мертвый бездушный механизм стал подлинной машиной времени, ему нужно оказаться в руках такого человека, как Леонид Николаевич Лазарев. Фотокамера стала продолжением его души и может реагировать на возникшую ситуацию, оценить значение детали, вдумчиво взглянуть в сущность человеческого характера. <...> Автор прекрасно понимает, что не всегда главное в портретном снимке — мимика снимаемого человека, как бы выразительно она не проявлялась. В изобразительных средствах Лазарева — и позы, и жестикация снимаемых людей, и предметы, с которыми они взаимодействуют, и фон, на котором они появляются. Это выгодное отличие Лазарева от других признанных мастеров портретной фотографии прошлых лет».

Что касается художественного приема, в котором его упрекнули участники обсуждения, а с их подачи и чиновники, готовившие ответ, то сам фотохудожник сказал о нем следующее (Узрютова 2017):

«...Я видел работы Каррика, которые были сняты постановочным методом на черно-белый материал. Технологически у Каррика была очень сложная задача — перед съемкой он должен был в темноте поливать стеклянные пластинки эмульсией. И когда подходил этап съемки, то на солнечном свете выдержка должна была быть одна минута. И проблема была в том, чтобы заставить людей не двигаться минуту! Потом после съемки он парами ртути проявлял эти пластинки. В магазинах никаких фотоматериа-

лов не продавалось, не было никаких инструкций о том, как этого нужно было делать. Были какие-то основы, но каждый добивался своих результатов...

У меня другая ситуация — полные возможности, любая съемка. Мне показалось стыдно заниматься компиляцией и повторять путь Вильяма Каррика — делать черно-белые фотографии. В его время это было на пике достижений. В мое время на пике достижений были цветные решения, правда, в приглушенном виде. Я не пользовался реалистическим изображением, я гасил цветность, гасил какие-то ненужные детали. Мне казалось, что я вижу души людей, которые жили когда-то в этих местах. Поскольку это были «наследники» тех людей, которых снимал Каррик, то я нашел технологический способ — показывать их через легкую нерезкую дымку. Мне казалось, что это единственно правильный путь».

В те же весенние дни, когда Лазареву пришло возмутительное — иначе не назовешь! — послание из ульяновского минкульта, 27 апреля 2018 г. в Москве в Галерее классической фотографии оторвалась его выставка «Живу дважды», о чем тогда же вышел сюжет на канале «Культура»²¹. Выставка проработала до конца августа 2018 г. А в июле 2018 г., в день рождения фотохудожника, главный чиновник столичного города прислал совсем иное по содержанию послание²²:

²¹ См.: URL: tvkultura.ru/article/show/article_id/247765/ (дата обращения: 17.07.2018).

²² Текст письма предоставлен Л. Н. Лазаревым.

Уважаемый Леонид Николаевич!

От всей души поздравляю Вас с днем рождения! Спасибо за Ваш труд. Спасибо за все, что Вы сделали для страны и для города. Спасибо, что Вы есть.

Желаю Вам доброго здоровья, тепла, уюта и долгих лет жизни.

Я с Вами,

Ваш мэр С. Собянин.

Добавлю, что мэрия Москвы издала увесистый фолиант «Москва многонациональная», где фотохудожником был Лазарев, и что книга его фотопортретов «Без пудры и грима» вышла в 2015 г. тоже по издательской программе города Москвы. В ней представлено более сотни снимков, сделанных Лазаревым за полвека творческой деятельности, «каждый из которых раскрывает образ снимаемого человека, все они являются гордостью народа и государства. Это не только люди известные, заслуженные и именитые, но и крестьяне, солдаты, рабочие, лица которых отражают время...». Среди тех, чьи портреты представлены в книге: Леонид Утесов (1964), Лилия Брик (1968), Георгий Жуков (1970), Евгений Евтушенко, Ольга Берггольц (1973), Майя Плисецкая, Татьяна Тарасова (1978), авиаконструктор О. Антонов (1979) и др. Предисловие к книге написал народный артист России композитор Геннадий Гладков, сравнивший фотопортреты Лазарева с музыкой (*Лазарев* 2015: 8):

«Для меня — профессионального музыканта — первое впечатление

от фоторабот Леонида Лазарева было сродни впечатлению от великих музыкальных произведений. В его работах я нашел аналоги мелодии, гармонии, ритму, ярким динамическим контрастам, полифонии: я увидел разнообразие оркестровок — то прозрачных, воздушных, почти нереальных, то очень плотных, нарочито документальных, пронзительно-бытовых...»

Фотография владеет языком эмоций и благодаря этому проникает в душу зрителю, может вызывать в ней бурю чувств. Языком фотографии можно рассказать историю и одного человека, и целой страны. Фотография показывает нам мир таким, каким его видел фотограф. Это не зеркальное отображение мира, значение имеют и ракурс съемки, и свет, и уловленное мгновение. Технические средства фотографии упростили задачу сделать изображение похожим на действительность. Именно на этой стадии развития фотографии Каррик переквалифицировался из профессионального рисовальщика в фотографа. Однако позднее задача просто передать реальность перестала быть актуальной, сейчас ее может решить любой фотоаппарат и даже фотокабинка. А вот создать *фотообраз*, дать возможность зрителю увидеть не воспроизведение реальных, а их глубинную сущность — через тень и свет, резкость и размытку — это уже задача фотохудожника, а не фотографа. Леонид Лазарев пришел в фотографию именно на той стадии, когда задача эта стала заключаться в создании художественной интерпре-

тации, а не в элементарной фотофиксации. Хотя и художественная фотография остается источником, обладает такими характеристиками, как документальность, подлинность, реальность.

Сам Леонид Николаевич говорит, что его связь с Карриком очень глубокая и что отчасти его творческий путь созвучен пути Каррика, поэтому, наверное, и не удастся ему пока достучаться до власти имущих именно с этим проектом. Ведь и Каррика в России оценить по достоинству сразу не смогли. «Может быть и потому, что не удавалось видеть всю богатую коллекцию вместе, а она имеет особенное значение только во всем ее объеме. Так только заметна вся полнота ее, все, чего искала душа Каррика — простая честная жизнь...» (*Вильям Каррик* 2010: 31). С проектом Лазарева та же ситуация — он тоже наиболее сильное впечатление производит портретной галереей, а ту пока можно увидеть только в нескольких экземплярах предварительного макета будущего издания.

Счастье — ключевое слово к творчеству Леонида Николаевича Лазарева. Тема счастья рефреном звучит в работах маэстро, рожденных энергией поиска и ожидания этого состояния души. Жизнь прекрасна, в ней много удивительного и неповторимого. В умелых руках фотокамера становится машиной времени, фотографии — атрибутами времени. Фотограф же становится волшебником, оживляющим светописные картинки прошлого и превращающим минувшее в вечно дрящущееся «теперь» (*Зубова* 2017:

5). Остается надеяться, что сила творчества победит и блестящий проект увенчается в нашей пьесе позитивным финалом.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Андреева 2016 — Андреева Галина Ивановна // ГАНИ УО. Биографические зарисовки. URL: gani73.ru/page.php?id=56 (дата обращения: 17.07.2018).

Баюра 2018 — Баюра Луиза Петровна // Краеведы Симбирско-Ульяновского края. Персоналии. URL: simblet.uonb.ru/?page_id=680 (дата обращения: 17.07.2018).

В Ульяновской области 2014 — В Ульяновской области будет разработана стратегия развития человеческого потенциала // Губернатор и Правительство Ульяновской области. Официальный сайт. 24.06.2014. URL: ulgov.ru/news/gubernator/2014.06.24/34254/ (дата обращения: 12.07.2018).

Вароли 2017 — Вароли Дж. Президент Shapiro Auctions: «На аукцион берем треть из того, что предлагают» // Artand Houses. 12.05.2017. URL: artand-houses.ru/2017/05/12/prezident-shapiro-auctions-na-auktion-berem-tret-iz-togo-chto-predlagayut/ (дата обращения: 14.06.2018).

Веркова 2018 — Веркова Марина Владимировна // УлГТУ. Гуманитарный факультет. URL: gf.ulstu.ru/verkova_m_v.html (дата обращения: 17.07.2018).

Залесский 2018 — Залесский В. Леонид Лазарев: «Как фотохудожник я родился в Ульяновске...» / [Интервью с Л.Н. Лазаревым] // Дыхание земли. 17.01.2018. // URL: dihaniezemli.ru/leonid-lazarev-%C2%ABkak-fotoхудожник-ya-rodilsya-v-ulyanovske%E2%80%A6%C2%BB.html (дата обращения: 17.07.2018).

Кодекс 2018 — Кодекс профессиональной этики сотрудников Правительства

Ульяновской области и исполнительных органов государственной власти Ульяновской области. URL: daig.ulregion.ru/attfiles/kodeksprofetiki_0.pdf (дата обращения: 16.07.2018).

Концепция 2009 – Концепция областной целевой программы «Увековечение памяти знаменитых земляков Ульяновской области» на 2009–2012 годы. URL: www.ja.grazhdanin.uglov.ru/attfiles/оср_uvekovechenie.doc (дата обращения: 16.07.2018).

Лазарев 2018 – Лазарев Леонид Николаевич. Топ продаж художника // ARTinvestment.RU. URL: artinvestment.ru/auctions/162660 (дата обращения: 14.06.2018).

Липатова 2015 – Липатова Н. Часть сердца России // Вестник. Ульяновск. 14.08.2015.

Миндубаев 2018 – Миндубаев Жан Абдулбареевич. Автобиография // Литературная карта Ульяновской области. URL: litmap.uonb.ru/?page_id=1798(дата обращения: 12.07.2018).

Новости культуры 2017 – Новости культуры. Эфир от 14.07.2017 (10:00). Фотограф Леонид Лазарев отмечает 80-летие. URL: tvkultura.ru/article/show/article_id/182685 (дата обращения: 16.07.2018).

Письма 2017 – Письма из литературного подполья. №3. URL: www.stihi.ru/2017/08/24/4260 (дата обращения: 12.07.2018).

Полотнянко 2018 – Полотнянко Н. О культуре подлинной и мнимой. Вместо послесловия к роману «Бесстыжий остров». URL: ulpressa.ru/post-source/literatyr(дата обращения: 12.07.2018).

Протокол 2017 – Протокол заседания рабочей группы Совета по продвижению чтения и поддержке книгоиздания в Ульяновской области от 10 ноября 2017 г. URL: uonb.ru/images/stories/knigoizdanie/protokol10112017.pdf (дата обращения: 17.07.2018).

Узрютова 2017 – Узрютова Ю. Спустя 150 лет. Создали портреты людей земли Симбирской по следам Вильяма Каррика. Интервью с фотографом Леонидом Лазаревым 11 августа 2017 // Ульяновск – город новостей. URL: ulgrad.ru/?p=160441 (дата обращения: 18.07.2018.)

Ульяновский стадион 2018 – Ульяновский стадион «Труд» назовут именем легендарного вратаря Льва Яшина // ulpravda.ru. URL: ulpravda.ru/rubrics/sport/ulianovskii-stadion-trud-nazovut-imenem-legendarnogo-vrataria-lva-iashina (дата обращения: 18.07.2018.)

Школьная 2015 – Школьная А. Миф о русской душе // Симбирский курьер. 08.08.2015.

Юхтанов 2015 – Юхтанов А. Леонид Лазарев: вдохновленный Карриком // Аргументы и факты. Ульяновск. 12-18.08.2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

В. А. Каррик 1879 – В. А. Каррик, известный фотограф // Всемирная иллюстрация. Т. XXI. 1879. № 531. С. 219–220.

Вильям Каррик 2010 – Вильям Каррик. Картины русской жизни. Каталог выставки. РОСФОТО. СПб.: СПбОО «А-Я», 2010.

Занимательная статистика 2018 – Занимательная статистика историко-культурного проекта «Люди земли Симбирской: по следам Вильяма Каррика» // Краеведческий компас. URL: 73history.ru/news/655-260717-5 (дата обращения: 17.07.2018).

Зубова 2015 – Зубова И. Л. Динамизм образа Симбирска-Ульяновска в фото работах Леонида Лазарева // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сыгинские чтения. Материалы междунауч.-практич. конф., посвящ. памяти историка С. Л. Сыгина. Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Н. В. Липатова. Ульяновск: Изд-во «Кор-

порация технологий продвижения», 2015.

Зубова 2017 – Зубова И.Л. Светопись в рукописи. Предисловие к книге Лазарева «Пуля для Такумара». М.: Альфа-дизайн, 2017.

Лазарев 2015 – Лазарев Л.Н. Без пудры и грима. М.: Планета, 2015.

Липатова 2017 – Липатова Н. Культурные инициативы региональной власти: от замысла к реализации (на примере Ульяновской области) // Русская провинция: PRO ET CONTRA. Колл. монография / М. Валери, А.Э. Визинони, В. Глушкова и др.; под ред. У. Перси,

А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 111–120.

Симбирский 2016 – Симбирский-Ульяновский край в ритмах XX века. Очерки истории / Обл. гос. бюджетное учреждение Научно-исслед. ин-т истории и культуры Ульяновской обл. им. Н.М. Карамзина. Под ред. Н.В. Липатовой. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2016.

Фотографический 1891 – Фотографический календарь на 1891 год / сост. И.И. Карпов. СПб.: Паровая скоропеч. А.В. Пожаровой, 1891. 144 с.

Эшби 1976 – Эшби Ф. Фотограф с Малой Морской // Юность. 1976. №7.

GAME IN FOUR HANDS OR CREATIVITY, PROFESSIONALISM, BUREAUCRACY AND HISTORICAL MEMORY: PIECE IN TWO ACTS WITH OPEN FINAL

Panarin Sergey A. – candidate in historical sciences, Head of the Center for Study of Common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: Ul'ianovsk oblast', William Carrick, Leonid Lazarev, photo project "People from the Land of Simbirsk", bureaucracy, creation, historical memory.

Abstract. In 19th century, William Carrick – the famous Petersburg photographer of Scottish origin – realized a unique project on portraying the ordinary inhabitants of the then Simbirsk gubernia. Being inspired by his famous predecessor, the contemporary celebrated Moscow photographer Leonid Lazarev produced in the same genre of photo portrait, but using the artistic means and techniques of nowadays, a new series of expressive people types from exactly those places in Ul'ianovsk oblast' where Carrick photographed the first series. Unfortunately, the project by Lazarev did not win a financial support which was indispensable for it to be completed from the Ul'ianovsk officials who are responsible for culture there. The author of the article tries to understand how the regional bureaucratic mechanisms expose themselves in the realm of cultural projecting and creating, and what is an impact of the local bureaucracy historical memory (or, better to say, its ignorance) upon the process of realization of brilliant creative project. Simultaneously, the author wonders is there among the local officials assigned to the task of culture promotion an actual request for projects which would help to form a regional identity, as well as the analogous request for authentic art within the community of the local so called experts in the field of art.

REFERENCES

- Eshbi F. Fotograf s Maloi Morskoi. *Iunost'*, 1976, no. 7.
- Fotograficheskii kalendar' na 1891 god*, sost. I. I. Karpov. St. Petersburg: Parovaia skoropech. A. V. Pozharovoi, 1891. 144 p.
- Lazarev L. N. *Bez pudry i grima*. Moscow: Planeta, 2015.
- Lipatova N. Kul'turnye initsiativy regional'noi vlasti: ot zamysla k realizatsii (na primere Ul'ianovskoi oblasti). *Russkaia provintsii: PRO ET CONTRA*. Koll. monografiia, M. Valeri, A. E. Vizinoni, V. Glushkovai dr.; pod red. U. Persi, A. V. Polonskogo. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «Bel-GU», 2017, pp. 111–120.
- Simbirskii-Ul'ianovskii krai v ritmakh XX veka. Ocherki istorii*, Obl. gos. biudzhethnoe uchrezhdenie Nauchno-issled. in-t istorii i kultury Ul'ianovskoi obl. im. N. M. Karamzina, pod red. N. V. Lipatovoi. Ul'ianovsk: Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia, 2016.
- V. A. Karrik, izvestnyi fotograf. *Vsemirnaia illiustratsiia*, vol. XXI, 1879, no. 531, pp. 219–220.
- Vil'iam Karrik. Kartiny russkoi zhizni*. Katalog vystavki. ROSFOTO. St. Petersburg: SPbOO "A-Ia", 2010.
- Zanimatel'naia statistika istoriko-kul'turnogo proekta "Liudi zemli Simbirskoi: po sledam Vil'iam Karrika". *Kraevedcheskii kompas*. URL: 73history.ru/news/655-260717-5 (data obrashcheniia: 17.07.2018).
- Zubova I. L. Dinamizm obraza Simbirskaja-Ul'ianovskaja v fotorabotakh Leonida Lazareva. *Regional'naia identichnost' v isto-richeskom i kul'turnom prostranstve Rossii*. VIII Sytinskie chteniia. Materialy mezhd. nauch.-praktich. konf., posviashch. Pamiati istorika S. L. Sytina. Ul'ianovsk, 25–26 sentiabria 2014 g. Chast' I, red.-sost. Lipatova N. V. Ul'ianovsk: Izd-vo "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia", 2015.
- Zubova I. L. *Svetopis' v rukopisi. Predislovie k knige Lazareva "Puliadlia Takumara"*. Moscow: Al'fa-dizain, 2017.

Е. А. Нестеров

СТАРОСТИХА ВАСИЛИСА: ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИФА ИЗ ЭПОХИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., старостиха Василиса, формирование патриотического мифа, историческая и культурная память, историография.

Аннотация. В статье впервые в отечественной литературе предпринято историографическое исследование локальной темы, связанной с исторической и культурной памятью об Отечественной войне 1812 г., — о легендарной старостихе Василисе. Предметно показано, как проходил процесс формирования и мифологизации этого образа в первое столетие по окончании войны. Автор приходит к выводу, что старостиха Василиса — это собирательный и мифологизированный образ народной героини-защитницы Отечества, созданный публицистами и литераторами и широко используемый в пропаганде официально-патриотической концепции войны 1812 г.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-313-331

Отечественная война 1812 г. как крупнейшее событие не только российской, но и мировой истории XIX в. была и остается, особенно в юбилейные годы, одной из самых популярных тем в российской историографии. При этом для со-

временной литературы характерно усиление внимания к различным аспектам социальной истории войны, ее человеческому измерению. Вышли биографии известных военачальников той эпохи, которых авторы стремятся показать живыми людьми во всей их противоречивости, уточняя и порой исправляя отдельные, нередко мифологизированные детали этих биографий (Шейн 2013; и др.). Но в войне

© Нестеров Е. А., 2018

Нестеров Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет (Санкт-Петербург)

1812 г. действовала и масса рядовых участников тех или иных событий. В данной связи несомненный интерес представляет фигура старостихи Василисы, бывшей долгое время хрестоматийным персонажем в работах, где рассматривалась тема народной войны с Наполеоном. Не столь часто, но упоминается она и в современной литературе о войне 1812 г. Причем устойчивой стала формулировка, что все свои подвиги она осуществила «под пером советских авторов» (Попов 2004: 351; Гречена 2012: 233–234; и др.). Между тем процесс формирования и трансформации героического образа старостихи Василисы в исторической (и не только) литературе имеет гораздо более длительную историю, в которой оказались тесно переплетены историографические и источниковедческие сюжеты, сказывалось влияние различных внешних факторов. Поэтому будет небезынтересно попытаться обобщить, что накоплено в отечественной историографии по данной теме, которая еще не была предметом специального исследования, и есть ли перспективы ее дальнейшего изучения.

Первым и долгое время единственным источником сведений о старостихе Василисе являлся анекдот о ней, опубликованный в петербургском журнале «Сын отечества» в конце декабря 1812 г. (Под анекдотом в начале XIX в. понимался небольшой устный рассказ о необычном, заслуживающем внимания случае.) К данному источнику нам еще предстоит обращаться, поэтому имеет смысл привести его полностью: «Один здешний купец, ездивший

недавно из любопытства в Москву и ее окрестности, рассказывает следующий анекдот, которого он был свидетелем. Староста одной деревни Сычевского уезда повел партию пленных в город. В его отсутствие крестьяне привели еще несколько человек французов, захваченных ими, и отдали их старостихе своей, Василисе, для отправления куда следует. Василиса собрала крестьян, села верхом на лошадь, взяла в руки косу и, разбегая вокруг пленных, кричала важным голосом: ну, злодеи французы! во фронт! ступай, марш! – Один из пленных офицеров, раздражен будучи, что женщина вздумала повелевать им, не послушался ее. Василиса немедленно удавила его кося по голове; он упал мертвой к ногам ее, и она вскричала: “Всем вам, ворам, собакам, будет тоже, кто чуть, чуть зашевелится! уж я двадцати семи таким вашим озорникам сорвала головы! Марш в город”» (Известия 1812: 225).

Сегодня нетрудно заметить в приведенном тексте определенные несообразности. В редакционном изложении получается, что петербургский купец пересказал услышанный им в Москве рассказ о необычном случае в Сычевском уезде Смоленской губернии. Но очень сомнительно знание женщиной-крестьянкой армейских команд. Явно фантастично также озвученное Василисой количество убитых ею французов. Несообразности эти не были случайными. В 1992 г., в статье А. А. Ильина-Томича в журнале «Родина» были введены в научный оборот архивные материалы, из которых следовало, что некоторые сообщения «Сына отечества», в том числе и о старостихе Василисе, были попросту выдуманы в самой редакции, чтобы «ободрить дух наро-

да» (Ильин-Томич 1992: 127). После чего многие авторы посчитали, что на данном сюжете можно поставить точку. Но прежде всего следует напомнить, что анекдот о старостихе наглядно иллюстрирует уже утвердившуюся к началу XIX в. в русской литературе историко-беллетристическую разновидность жанра анекдота, в которой исторический материал подвергается литературной обработке. При этом историческая достоверность становится необязательной, используются такие художественные приемы, как введение в повествование зачастую вымышленной прямой речи, драматизация событий и т. д. (Никанорова 1984).

К тому же правомерен вопрос: а что, собственно, придумали в редакции в анекдоте о Василисе? Одно дело — полный вымысел, как в случае с «русским Сцеволой». Но не меньше оснований полагать, что имела место «литературная обработка» реального случая. До наших дней дошло немало источников, свидетельствующих о фактах непосредственного участия крестьянок в вооруженной борьбе с противником и убийствах ими французских солдат в Смоленской, Московской и Калужской губерниях. Среди них дневниковые записи, частные письма (Глинка 1814: 43–44; Письмо Сергея Мизина 2012: 62). Соответствующие сведения стекались и в Главную квартиру (штаб главнокомандующего), откуда редакция «Сына отечества» регулярно получала информацию. В частности, М. И. Михайловский-Данилевский, в 1812 г. адъютант в штабе М. И. Кутузова, в своем мемуарном очерке, основываясь на сообщениях кре-

стьян Калужской и Московской губерний, указывал, что «некоторые из жен их не скрывались в лесах, а ходили с мужьями своими в сражения; другие препровождали пленных, взятых партизанами» (Михайловский-Данилевский 1817: 141). Причем «допросы» этих крестьян он осуществлял по приказанию и в присутствии Кутузова. Об этой реалии войны Кутузов тоже счел необходимым упомянуть в своей реляции от 24 октября 1812 г. императору Александру I: «Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертью их покушения» (М. И. Кутузов 1955: 203). И в манифесте Александра I от 3 ноября 1812 г. об изъявлении благодарности российскому народу за спасение Отечества также отмечалось, что многие тысячи врагов были истреблены и взяты в плен крестьянами «и даже руками женщин» (Манифест... 1830: 451).

Сразу же по окончании войны 1812 г. анекдоты о ней были опубликованы в виде сборников, в которые был включен и анекдот о Василисе (см. Ушаков 1813: 64–65; и др.), причем в сборнике С. И. Ушакова в журнальный текст были внесены некоторые изменения. Теперь Василиса уже собрала и возглавила «небольшой конвой из ребят», а для французов добавила недостающую команду «стройся». Еще в двух сборниках деликатно сократили фразу «ударил его по голове», не уточняя — чем.

Образ старостихи Василисы получил отражение также в серии карикатур и сатирических картинок, созданных городскими художниками

в стиле народного лубка, в основном в качестве иллюстраций к антифранцузским анекдотам. По подсчетам автора, всего женщинам-крестьянкам, лихо расправляющимся с жалкими французами, посвящены 8 картинок из издания «Русские народные картинки» Д.А. Ровинского, героиней трех из них является Василиса, а на одной геройствует даже ее дочь (*Ровинский* 1881а: 200–204; *Клепиков* 1963: 219, 249, 269, 298). Все картинки, изображающие Василису и ее дочь, были выпущены в Санкт-Петербурге в начале 1813 г. Наиболее известна карикатура А.Г. Венецианова «Французы голодные крысы, в Команде у Старостихи Василисы» (орфография и пунктуация надписей сохранены), где пожилая и неказистая старостиха сидит верхом на кляче, в одной руке — коса, другой она грозит трем мародерам, которых привела на веревочке другая пожилая баба; обе бабы разразились стихотворными нотациями в их адрес. В карикатуре «Наполеонова гвардия под конвоем старостихи Василисы» Венецианов повторил прежнее изображение старостихи, но здесь уже шестерых пленных французов привели два крестьянина. А на картинке неизвестного художника героически-плакатного вида молодая и статная крестьянка подпирает дверь сарая с набившимися туда французами: «Естьли французы не скакали / так как крысы то не попали бы в мышеловку / к Василисы». Обе эти картинки будут повторены в миниатюрной книжке-азбуке «Подарок детям в память о событиях 1812 года» (СПб., 1814). Причем азбучный вариант картинки с «мышеловкой» сопровождают другие стихи, рас-

крывающие дальнейшие намерения Василисы: «Французов как мышей словили в западню / Небудь их дух в Руси я всех предам огню». Как видим, на уровне сатирических картинок старостиха Василиса уже начинает отделяться от «первоисточника» (анекдота) и приобретать черты обобщенного образа народной героини, становиться чуть ли не именем нарицательным.

Уже в 1814 г. старостиха Василиса выйдет даже на театральную сцену, став одним из действующих лиц оперы-водевиля «Крестьяне, или Встреча незваных» князя А.А. Шаховского. При этом автор явно использовал — в названии водевиля и в призыве Василисы к бабам — некоторые слова (по меньшей мере был вдохновлен ими) из стихотворного обращения пожилой бабы к мародерам на упоминаемой выше карикатуре Венецианова: о том, как сурово на Руси встречают незваных гостей — грабителей и бусурманов. Возраст старостихи и наличие у нее дочери — тоже из сатирических картинок. Но и сам Шаховской вносит новые штрихи в образ старостихи. Собственно, она присутствует на сцене лишь в последних явлениях обоих действий, а в основе водевиля — любовная история ее дочери Вари, развивающаяся на фоне борьбы крестьян с захватчиками. В первом действии Василиса организует и увлекает за собой крестьянок: «Докажем бусурманам, каковы русские бабы», а во втором, на свадьбе Вари, обращается к приехавшему в спасенную деревню помещику: «Дозволь, батюшка, на нашей радости и пленных покормить... да и приодеть немало, вишь, время холодное, а они

оборвались. ...пока дрались, так как жись зубом бы съела; а как покорились, так будто и жалко стало» (*Шаховской* 1815: 60). Это уже совершенно новая грань образа Василисы, также отражающая реалии войны 1812 г.: факты милосердного отношения простолюдинок к пленным тоже имели место. Отмеченные новации водевиля Шаховского относительно старостиhi Василисы в свою очередь также окажут определенное влияние на творческую фантазию беллетристов, которые в последующем обратятся к данной теме.

Таким образом, в историческом сознании современников, главным образом в рамках просвещенного общества и поначалу на уровне художественного восприятия минувшей войны, начал формироваться обобщенный мифологизированный образ народной героини-воительницы Василисы. Создаваемый в русле широко пропагандируемой идеи общенародного характера войны и, безусловно, отражая ее реалии, этот образ приобрел усилиями столичной творческой интеллигенции определенную цельность. Такова была «источниковая база» сюжета о старостихе Василисе, когда к теме войны 1812 г. обратились первые исследователи-историки.

Своего рода переходной ступенью от историко-беллетристического восприятия войны 1812 г. к ее собственно историческому исследованию стала книга военного писателя А.А. Писарева, соединившая в себе военные записки самого автора-участника войны и сведения из всевозможных публикаций. Он тоже произвел «литературную обработ-

ку» анекдота о Василисе, расширив масштабы ее деятельности. Теперь она «с ребятами и бабами» «то и дело что провожала из ближайших сел пленных французов в город Сычевки», а в инциденте с убийством офицера строила уже «несколько десятков бродяг» (*Писарев* 1817: 146–147).

В первых обобщающих работах о войне 1812 г. лишь мельком упоминалось об участии в народной войне женщин. А вот в первом полномасштабном труде по истории войны, выполненном по «высочайшему повелению» военным историком А.И. Михайловским-Данилевским, старостиха Василиса будет даже названа персонально. Иллюстрируя официальную концепцию общенародного характера войны, автор указал и на участие в ней крестьянок: «Случалось, что женщины, в отсутствие отцов, мужей и братьев, нападали на мародеров и брали их в плен. С косами и вилами сопровождали они партии пленных... Из них сделалась известнее других, по своему ожесточению против неприятеля, старостиха Василиса, дородная женщина с длинною французскою саблею, повешенною через плечо сверх французской шинели» (*Михайловский-Данилевский* 1839: 123). Что касается образа старостиhi Василисы, то Михайловский-Данилевский, кроме известного анекдота, опирался также на воспоминания А.А. Шаховского, на которых необходимо остановиться подробнее, т.к. они являются первым и практически единственным мемуарным источником по теме.

Эти воспоминания были написаны Шаховским спустя более 20 лет

после 1812 г. по просьбе Михайловского-Данилевского. Эпизод о Василисе, по Шаховскому, ему рассказал московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин, который якобы «встретил кучу неприятельских мародеров, веденных вооруженными их же оружием мужиками под предводительством дородной бабы, гордо выступавшей с длинной саблей, повешенной через плечо, сверх французской шинели» (Петров 1889: 59). В обстоятельный ответ Василисы на вопрос Ростопчина, «много ли они привели басурманской саранчи», Шаховской уместил всю эволюцию позиции крестьян по отношению к французским мародерам. Нетрудно заметить, что все, изложенное Шаховским в «рассказе Ростопчина», кроме живописного внешнего вида пешей Василисы (да и тот, похоже, был навеян анекдотом о «храброй россиянке Прасковье»), уже встречалось в различных публикациях предыдущих лет, включая «бусурман» из водевиля самого Шаховского. Кроме того, Ростопчин, и сам активно пропагандировавший патриотические настроения в простонародье, наверняка рассказал бы об этом случае своему хорошему знакомому и единомышленнику, издателю журнала «Русский вестник» С. Н. Глинке, который всегда публиковал такого рода материалы. Между тем ни в журнале, ни в воспоминаниях Ростопчина и Глинки о войне 1812 г. нет ни слова о чем-то подобном. То есть мало оснований сомневаться, что сюжет о Василисе в воспоминаниях Шаховского — не более чем художественный вымысел уже немолодого драматурга, развивающий образ народной героини-защитницы Отече-

ства. Тем не менее данный сюжет, из контекста которого вытекало, что Василиса являлась старостихой в качестве должностного лица, а не жены занятого чем-то другим старосты, и что описываемые события происходили где-то в Московской губернии, получит дальнейшее развитие в творчестве последующих беллетристов и даже историков.

4-томное сочинение А. И. Михайловского-Данилевского стало первой и последней официальной историей войны 1812 г. в досоветский период, где говорилось о старостихе. В новой официальной истории войны М. И. Богдановича об участии женщин-крестьянок в вооруженной борьбе вообще не упоминалось. И в дальнейшем авторы капитальных обобщающих исследований о войне 1812 г. будут избегать этой темы.

Вместе с тем героический образ старостихи Василисы в контексте темы войны 1812 г. найдет продолжение и дальнейшее развитие в отдельных произведениях художественной литературы и в большинстве разного рода публикаций историко-беллетристического плана, издание которых в основном было рассчитано на читательскую аудиторию с низким образовательным уровнем. Выпуск этой литературы «для народа» значительно активизируется в эпоху либеральных реформ Александра II. Старостиху Василису в исторических очерках такого рода начнут упоминать с 1870-х гг. Кроме того, информация о ней впервые появится в опубликованных в эти годы мемуарных источниках: воспоминания А. А. Шаховского трижды

публиковались в исторических журналах (Материалы... 1864: 98; Двенадцатый год 1886: 397–398; Петров 1889: 59). Любопытно, что в тексте двух первых публикаций воспоминаний говорилось, что Ростопчин рассказал «виденный им случай русского сводедия» (так был охарактеризован эпизод о старостихе Василисе); из текста последней публикации, обычно и используемой исследователями, словосочетание «русское сводедие» исчезло.

Число популярных очерков о войне 1812 г., вышедших в период с 1870-х гг. до 100-летнего юбилея войны, было невелико – менее десятка, из них в шести упоминалась старостиха Василиса. Но при этом некоторые из них неоднократно переиздавались и в большинстве своем они предназначались для аудиторного чтения, так что охват читателей и слушателей был достаточно существенен. В данном отношении особенно показателен 11 раз переиздававшийся очерк составителя книг для «народного чтения» А.Н. Яхонтова (Яхонтов 1883: 84). Причем начиная с третьего издания в этой книге для организации чтений будут предлагаться и наглядные пособия – световые картины, в том числе картина «Старостиха Василиса и пленные французы». Интересно, что Яхонтов предварил сюжет о Василисе замечанием, что указанный случай «может показаться неправдоподобным», и объяснил его крайней степенью изнеможения и деморализации отступавших французов. Начиная с четвертого издания очерка издатели сочли целесообразным приводить лишь краткое описание данного случая:

«Старостиха собрала крестьян, села верхом на лошадей, взяла в руки косу и повела пленных куда было приказано» (Яхонтов 1893: 93). Д.И. Троицкий тоже ограничился краткой констатацией: «...знаменитая, например, старостиха Василиса доставила однажды в Сычевки целую партию пленных неприятелей» (Троицкий 1990: 225). То есть похоже, что к концу XIX в. у отдельных авторов даже популярных очерков появились определенные сомнения в полной достоверности анекдота о Василисе. Особого внимания заслуживает также «Очерк царствования Александра I». Это первая публикация, в которой получило развитие утверждение Л.Н. Толстого о старостихе (о нем речь пойдет ниже) и был запущен маховик патриотического пафоса и фантазий беллетристов: «Никогда не умрет имя старостихи Василисы, которая с французскою саблею, повешенною через плечо сверх французской шинели, истребляла целые отряды французов или захватывала их в плен» (см. Очерк... 1877: 72, 73, 75). Здесь, кроме того, впервые в отечественной литературе была помещена репродукция гравюры под названием «Пленные французы под конвоем старостихи Василисы».

Отдельный вопрос – Василиса и литература о войне 1812 г., посвященная непосредственно Смоленской губернии. Примечательно, что в данных изданиях (а это четыре документальных очерка) вплоть до 100-летнего юбилея войны 1812 г. старостиха Василиса вообще не упоминалась, хотя Сычевскому уезду было уделено самое пристальное

внимание (Преданность... 1826; *Слезскийский* 1900; и др.). Собственно, авторы очерков следовали архивным документам — прежде всего рапортам уездного предводителя дворянства Н. М. Нахимова о вооруженной борьбе крестьян уезда против неприятеля.

Старостиха Василиса фигурировала и в некоторых капитальных исследованиях, вышедших на рубеже веков. В частности, в переизданном сочинении А. И. Михайловского-Данилевского (Отечественная война... 1899: 311). Упомянул ее в своем труде, написанном в начале XX в. на французском языке в Париже, известный польский историк К. Валишевский: «Наибольшая стихийность проявлялась у крестьянских ватаг, действовавших вокруг Москвы под предводительством Герасима Курина и старостихи Василисы» (*Валишевский* 2010: 118). Впервые получил освещение художественно-изобразительный аспект рассматриваемой темы (*Ровинский* 1881а: 200–204; 1881б: 110–113). С конца XIX в. о ней говорится даже в учебной литературе по отечественной истории, где затрагивалась тема народной войны в 1812 г.: в учебнике для военных училищ (*Лев* 1893: 227) и в отдельных учебниках для общеобразовательных учебных заведений (*Скворцов* 1907: 530; *Боргман* 1913: 307; *Гартвиг, Крюков* 1914: 259; и др.).

Не меньше, чем популярные исторические очерки, воздействие на восприятие современниками и последующими поколениями образа старостихи Василисы оказали некоторые произведения ху-

дожественной литературы о войне 1812 г., авторы которых обратились и к данному персонажу, включив его в общую канву повествования или даже посвятив ему отдельное произведение. В отличие от исторических очерков здесь творческую фантазию литераторов совершенно не стесняло строгое соответствие исторической достоверности, к тому же они изображали Василису более подробно и образно-эмоционально, что, несомненно, привлекало читательскую аудиторию, особенно если автором произведения был известный, популярный писатель. И порой художественный вымысел в дальнейшем переключивал в издания историко-публицистического характера и даже в капитальные исследования.

Первым после водевиля А. А. Шаховского художественным произведением, в котором фигурировала старостиха Василиса, стал рассказ заурядного беллетриста В. И. Савинова (*Савинов* 1850). Его «быль», вопреки названию, повествовала о том, как подмосковный помещик храбро организовал защиту своей усадьбы от французских мародеров, а «дородная и румяная» старостиха «Василиса Лукьяновна», призвав деревенских баб дать отпор «гостям незванным», в самом конце повествования помогла в этом барину. И в описании этой помощи явно прослеживаются мотивы водевиля Шаховского и сатирических картинок 1813 г. Подобный же рассказ лубочного автора, писавшего по заказам «народных» издателей, В. А. Лунина, опубликованный отдельной брошюрой (*Лунин* 1897), завершит художественное освоение темы в XIX в.

В данном рассказе, в котором Василиса впервые станет центральной фигурой повествования, автор использовал некоторые сюжеты своих предшественников и усилил элементы «документальности». Явно отразилось на рассказе и русско-французское сближение в конце XIX в. Не случайно сам образ Василисы стал чуть ли не благостным, хотя при этом она в изображении Лунина была «бой-баба», которую почему-то постоянно тянуло из дома в «военную дорогу». В нее она обычно отправлялась, «одетая в костюм французского солдата и перепоясанная саблей», сначала с целью разведки, но чаще в таком виде она сопровождала пленных. В рассказе нигде не говорится, что она убивала вражеских солдат, к пленным же проявляла добросердечное милосердие. Даже с наступлением зимы Василиса вновь отправилась в «военную дорогу» и после невообразимых приключений следовала уже с русской армией до Вильно, на чем и закончилась ее военная эпопея. В общем, буйная фантазия Лунина создала этакую «кавалерист-девицу» Надежду Дурову в пехотно-крестьянском варианте.

Если эти лубочные творения вряд ли оставили сколько-нибудь заметный след в восприятии современников, то гораздо большее влияние на общественное сознание окажет всего одна строчка о старостихе Василисе в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Рассуждая в IV томе романа, вышедшем в 1868 г., о «дубине народной войны» и роли партизанской войны в разгроме армии Наполеона, Толстой перечисляет различные типы партизанских от-

рядов («партий», по терминологии 1812 г.) — от армейских до мужицких, — упомянув при этом некоторых вожаков крестьян: «Был дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов» (Толстой 1940: 124). Надо сказать, изображение Толстым основных событий войны 1812 г. сразу же вызвало критику со стороны военных историков и еще живых участников войны, указывавших на фактические ошибки и неточности, допущенные в романе. Как видим, под пером Толстого и старостиха Василиса, которую писатель называет в одном ряду с дьячком Василием Рагузиным, чья деятельность документально подтверждена, стала уже предводительницей партизанского отряда. Этот художественный вымысел (или, возможно, некритическое отношение к воспоминаниям кого-то из своих собеседников, бывших участников войны 1812 г.) авторитетнейшего писателя стал важной ступенью в процессе мифологизации образа старостихи Василисы.

Особняком в художественном осмыслении образа старостихи Василисы (и не только в литературе XIX в.) находится краткий сюжет о ней в многократно переиздававшейся повести «Рассказ старушки о двенадцатом годе» (Толычева 1878: 12) писательницы Е.В. Новосильцевой (псевдоним Т. Толычева). На деле «старушка» лишь пересказала со своеобразными изменениями и прокомментировала в русле религиозно-этических воззрений самой Новосильцевой известный анекдот о Василисе. Отмечая храбрость

старостиhi, «старушка» у писательницы основное внимание обращает на другое — что с порученными ей надзору пленными она обращалась «не по-христиански», забыв о милосердии и сострадании к поверженному врагу. Это было первое и единственное в художественной (и в исторической тоже) литературе моральное осуждение Василисы за ее отношение к пленным. Отсюда — и описание пресловутого инцидента: после ругани и удара кулаком одного из пленных за его попытку обороняться Василиса «выстрелила в упор в него из ружья» (в дальнейшем у некоторых авторов она будет стрелять из пистолета).

Широко и пышно отмечавшийся в Российской империи 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. явился важной вехой и в освещении образа старостиhi Василисы, уже ставшей к этому времени своего рода персонифицированным символом русского патриотизма и единения народа вокруг трона в 1812 г. Указанная тема, тем более в условиях роста оппозиционных настроений в российском обществе в 1910-е гг., была для власти особенно востребована и нашла самое широкое отражение в проправительственных изданиях.

В капитальных монографических исследованиях об эпохе 1812 г., вышедших в связи с юбилеем, об участии женщин в народной войне с Наполеоном вообще не упоминалось. Лишь в переизданном в очередной раз, теперь в качестве очерка, сочинении А.И. Михайловского-Данилевского о старостиhi сообщала уже цитируемая строчка

(Отечественная война... 1912: 268). Данное сочинение было также издано как юбилейное подарочное издание в сокращенном виде, а в отношении Василисы — с некоторыми редакционными изменениями, усиливающими масштабность происходящего (*Михайловский-Данилевский* 1911: 130). Мельком и в прежнем описательно-иллюстративном плане говорилось о старостиhi Василисе в нескольких статьях юбилейного многотомного издания «Отечественная война и русское общество» (*Алексеев* 1912: 233; *Сидоров* 1912: 147; *Бродский* 1912: 190; *Кузьминский* 1912: 218). Фигурировала она и в книгах-альбомах, посвященных карикатурам 1812 г. (*Верецагин* 1911; *Мускатблит* 1912).

Все же юбилейный 1912 г. был отмечен главным образом выходом огромной массы популярных очерков о войне 1812 г. в целом, изданных, кроме Петербурга и Москвы, еще более чем в двадцати российских городах. Поэтому автор, учитывая характер подобного рода изданий предыдущих лет, при выявлении литературы счел возможным использовать метод в целом случайной выборки. В то же время внимание обращалось на представительство городов, объем страниц, некоторые другие характеристики, рассмотрены все без исключения издания, посвященные народной борьбе. В результате было выявлено более 20 очерков, где фигурировала старостиha Василиса, — в несколько раз больше, чем за все предшествующие годы. Даже в брошюрах, не упоминающих ее в самом тексте, одновременно рекламировались световые картинки и имелись иллю-

страции на тему «Старостиха Василиса конвоирует пленных французов» (*Романовский* 1912: 135; и др.).

Василиса и ее деятельность нашли освещение в самых различных изданиях — от многостраничных и роскошно изданных книг (*Коновницын* 1912: 326–327; *Богданович* 1912: 112) до дешевой 16-страничной брошюрки (*Русский народ...* 1912: 9). О ней шла речь даже в книжке, построенной на разъяснении карикатур из эпохи 1812 г. и предназначенной в первую очередь для детей (*Булгаковский* 1912: 24–26). Круг авторов этих юбилейных очерков был тоже весьма широк: от профессоров-историков (*Елманинов* 1912: 22; *Иванов* 1912: 85) до инженера-железнодорожника из Тифлиса (*Соломка* 1912: 160, 174). Уступили атмосфере юбилея, упомянув старостиху в своих популярных очерках о войне 1812 г., даже такие известные историки, как П.А. Ниве и К.А. Военский (*Ниве* 1912: 101; *Военский* 1912: 148; см. также: *Михневич* 1912: 53). В то же время из пяти женщин — авторов очерков о войне 1812 г. лишь одна вскользь упоминает о героической старостихе (*Васенко* 1912: 63).

Необходимо отметить, что в этих очерках сюжеты о старостихе Василисе в большинстве своем, как и в предыдущие годы, были однотипны, компилятивны. Из всей этой литературы определенный интерес представляет лишь книга А.И. Коновницына, который, говоря о старостихе Василисе, похоже, использовал и какие-то местные предания, включив в пересказ анекдота новые любопытные детали. В частности, старостиха, «по уличному прозва-

нию “Сычиха”», группу пленных для отправки в город собирала в селе Курдюмово (такая деревня действительно была в Вяземском уезде Смоленской губернии), и один из пленных — уже не офицер, а сержант, — оказавшийся не связанным, сбил башлык с головы Василисы и попытался бежать, за что старостиха и снесла ему голову (*Коновницын* 1912: 326–327, см. также: *Добрынин* 1912: 216–218; *Черемухин* 1912: 9–11). В большинстве же очерков авторы ограничивались ставшим традиционным упоминанием имени «знаменитой старостихи Василисы» (*Васенко* 1911: 125; *Толкушин* 1912: 123; и др.).

Праздничная атмосфера юбилейных торжеств и мероприятий, в том числе переименование одной из железнодорожных станций в Гжатском уезде Смоленской губернии Александровской железной дороги в честь старостихи в Василисино (*Иллюстрированный путеводитель...* 1912: 140) как зримый символ единения царя и народа, подействовала и на авторов-смолян. В двух многостраничных юбилейных очерках о войне 1812 г. в Смоленской губернии в сюжете о борьбе партизан Сычевского уезда впервые и достаточно подробно, на основе компиляций из соответствующих изданий, говорилось не только о старостихе Василисе, но и о храброй Прасковье (*Грачев* 1912: 104; *Вороновский* 1912: 277). Впрочем, одновременно в Смоленске были также изданы два документальных сборника о деятельности смоленских партизан, в которых об участии женщин в вооруженной борьбе не было ни слова

(Смоленская старина 1912; Смоленские партизаны... 1912).

Зато новым взлетом творческой фантазии в этом аспекте оказалась отмечена художественная литература. В 1912 г. вышел сборник очерков и рассказов прозаика и журналиста А. Е. Зарина, впервые посвященный женщинам-героиням 1812 г., который открывал рассказ «Старостиха Василиса», некоторые сюжеты из которого переключаются в советскую литературу, привлекут внимание и в постсоветской. Используя отдельные идеи предшествующих изданий, Зарин во многом по-новому построил свое повествование. В духе репортажа указаны точные время и место начала событий, и далее — логическая цепочка. После убийства французскими фуражерами мужа-старосты мужики избирают на его место Василису и под ее руководством сжигают заживо вновь пожаловавших в село фуражиров, вслед за чем она отказывается от должности: «Дело мое мстить». Вскоре ее отряд воюет уже трофейным оружием, лишь Василиса продолжает действовать своими вилами, которые «работали с такой силой, что от одного удара падала мертвой лошадь». Кульминационный эпизод в рассказе Зарина — встреча Василисы с Кутузовым. «К нему привели огромного роста женщину в высоких валеных сапогах, в короткой юбке и полущубке, с вилами в руках» (Зарин 1912: 15). Отвечая на расспросы офицеров, Василиса сообщила, что в плен она забрала «може, тысячу, а може, и больше», а прикончила «вот этими вилами всего двадцать семь нехристей. Только теперь я их

не трогаю... Такие горемычные». Как видим, образ Василисы приобрел в изображении Зарина, в отличие от работ других литераторов, определенную цельность, динамику и «монументальность», но вместе с тем — и некоторые карикатурные черты.

И совсем монстром выглядит старостиха в небольшом эпизоде в исторической повести «В боях 12-го года» В. П. Лебедева (Лебедев 1912: 109–111). Чего стоит описание внешнего вида старостихи «Василисы Игнатьевны», возглавлявшей нападение крестьян на французский обоз: пожилая дородная баба «ростом с дюжего мужика», «ручищи, что оглобли», «нож за красным кушаком», которая подошла к офицерам и поблагодарила за помощь, «в пояс кланяясь, держа в руке окровавленный топор». Под стать и ее команды мужикам: «Добивай их, православные! Бей их, сердечных... Чего им на морозе мучиться...» Кроме того, мельком упомянул Василису в своей исторической повести В. П. Авенариус, в которой Кутузов ей «Егория пожаловал» (Авенариус 1912: 151). Нетрудно заметить, что, несмотря на отмеченные различия в художественном изображении образа Василисы, в целом данная фигура трактовалась литераторами однозначно — как могучий символ патриотического служения Отечеству.

В череде юбилейных мероприятий имя Василисы прозвучало и по другим поводам. Она стала одним из действующих лиц немого кинофильма «1812 год», пользовавшегося большой популярностью у зрите-

лей даже в захолустных российских городах, ей также была посвящена «драматическая пьеса» под названием «Старостиха Василиса, или Герой-Баба 1812 г.», рекомендованная «для народного и солдатского театра» (Великий Киноемо 2002: 112; 1812 [Фильм]; Косовец 1912: 44).

Главным же, на наш взгляд, событием юбилейного года в связи с рассматриваемой темой стало представление в экспозиции юбилейной выставки в Москве двух старинных живописных портретов из собрания известного коллекционера П. И. Щукина. Малограмотные надписи углем на обратной стороне обоих холстов сообщали, что на них соответственно изображены вожаки крестьянских отрядов Герасим Курин и Василиса Кожина с характеристикой их заслуг. Надпись на обороте женского портрета, в частности, гласила: «Партизан 1812 г. Василиса Кожина Большую зделала России Пользу, награжд. 500 руб. Имидаль с 1812. Поза. Писан Портр. Поручика Орлова» (Москва 1812 г. 1912: 72; Выставка 1812 года 1913: 120, 288). (По мнению искусствоведов Н. Н. Гончаровой и Н. А. Перевезенцевой, оба портрета были написаны и подписаны в 1813 г. художником-самоучкой Александром Смирновым по заказу партизана поручика Орлова (*Гончарова, Перевезенцева* 1985: 55–57).) Данные надписи были опубликованы полностью в каталоге и альбоме, изданных по окончании выставки, в альбоме имелась также репродукция портрета Кожиной. Причем в описание этого портрета издатель внесли свое уточнение: «Кожина, Василиса, знаменитая “баба Ва-

силиса”, партизанка 1812 г.». То есть столетие спустя после войны 1812 г. российской общественности и научному сообществу был представлен новый исторический источник, впервые свидетельствующий (точнее — утверждающий), что в 1812 г. существовала реальная, конкретная женщина, внешний облик которой тоже стал известным, — партизанка Василиса, по фамилии Кожина, и этот историографический факт ставил перед исследователями новые задачи.

Итак, проанализировав всю совокупность печатной продукции, вышедшей за первое столетие по окончании войны 1812 г. и имеющей отношение к рассматриваемой нами теме, нетрудно убедиться, что старостиха Василиса — это собирательный и мифологизированный образ народной героини — защитницы Отечества, созданный публицистами и литераторами. Что, разумеется, не исключает существования в 1812 г. ее конкретных прототипов, заслуги которых были гораздо скромнее. Анекдот о Василесе и другие подобные антифранцузские анекдоты, сочиненные журналистами, были в 1812 г. важным компонентом военной пропаганды, но конкретно данный анекдот в то же время отражал и реальные факты участия женщин в вооруженной борьбе крестьян с захватчиками, вторгшимися в пределы Отечества. Факты, о которых свидетельствовали единичные, разрозненные и чаще неконкретные письменные источники, были тоже скорее единичными, исключительными, чем и поражали воображение современников. Поэтому авторы

капитальных исторических исследований о войне 1812 г., как правило, вообще не затрагивали данный сюжет. Зато эта тема в образе героической старостиhi Василисы с 1870-х гг. все чаще появляется в популярных изданиях о войне, старостиhu начинают упоминать даже в учебной литературе. Все это свидетельствовало об утверждении в общественном сознании убеждения в реальности данной фигуры. В рамках официально-патриотической концепции войны 1812 г. старостиha Василиса стала персонализированным символом русского патриотизма и единения народа вокруг трона. Ее героический образ использовался во всем имевшемся тогда спектре пропагандистско-идеологического воздействия. Процесс формирования и мифологизации образа старостиhi Василисы, начатый в антифранцузском анекдоте с описания локального случая, получил развитие в трудах главным образом литераторов, в частности А.А. Писарева, А.А. Шаховского, Л.Н. Толстого. В дальнейшем авторы популярных очерков и художественных произведений о войне 1812 г. в основном лишь повторяли или конкретизировали своих авторитетных предшественников.

Юбилейная литература 1912 г. фактически подвела итог всему досоветскому периоду отечественной историографии в освещении рассматриваемой нами темы, более отчетливо высветила нерешенные вопросы. Среди них следует отметить накопившуюся «разноголосицу» в публикациях — от «биографических данных» до характера и даже самого ареала деятельности

старостиhi. Сам локальный сюжет о старостиhe Василисе в рамках темы народной войны так и не привлек более углубленного внимания историков-профессионалов, оставаясь предметом творчества беллетристов и дилетантов-любителей. И для работ историков также были характерны иллюстративно-описательный подход в освещении этого сюжета, абсолютизация и некритическое отношение к источникам, особенно мемуарным, хотя отечественное источниковедение еще в конце XIX в. решило данные проблемы. Отсутствовала даже постановка вопроса относительно всех этих моментов. Представление в юбилейном 1912 г. широкой общественности нового исторического источника — портрета партизанки Василисы Кожиной — казалось бы, открывало определенные перспективы для дальнейшего, более углубленного изучения темы старостиhi Василисы и, повторим, ставило перед исследователями — как искусствоведами, так и историками — новые задачи. Но после столь круглого юбилея интерес к истории войны 1812 г. в целом угас (хотя выходили отдельные работы, в которых упоминалась старостиha (*Джигелегов* 1915: 227)), а последовавшие затем глобальные потрясения и общественно-политические изменения в стране на долгие годы снимут с повестки дня вопрос об изучении данной темы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

1812 [Фильм] — 1812 [Фильм к столетию Отечественной войны]. URL: www.youtube.com/watch?v=CAMFt-vrgP0 (дата обращения: 02.10.2018).

Авенариус 1912 – *Авенариус В. П.* Среди врагов. Историческая повесть. СПб., 1912.

Булгаковский 1912 – *Булгаковский Ф. А.* Наши ополченцы и партизаны в Отечественную войну. СПб., 1912.

Великий Киномо 2002 – Великий Киномо: Каталог. М., 2002.

Выставка 1812 года 1913 – Выставка 1812 года. Иллюстрированное издание / под ред. В. Божовского. М., 1913.

Глинка 1814 – *Глинка Ф.* Письма русского офицера // Русский вестник. 1814. № 6.

Двенадцатый год 1886 – Двенадцатый год. Воспоминания князя А. А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11.

Зарин 1912 – *Зарин А. Е.* Старостиха Василиса // *Зарин А. Е.* Женщины-героини в 1812 году. М., 1912.

Известия 1812 – Известия, замечания и проч. // Сын отечества. 1812. № 11.

Иллюстрированный путеводитель 1912 – Иллюстрированный путеводитель по Александровской железной дороге. М., 1912.

Косовец 1912 – *Косовец М.* «Старостиха Василиса», или «Герой-Баба 1812 г.». СПб., 1912 // Выставка 1812 года. Каталог. М., 1912. Ч. 2.

Лебедев 1912 – *Лебедев В. П.* В боях 12-го года. Историческая повесть. М., 1912.

Лунин 1897 – *Лунин В. А.* Старостиха Василиса. М., 1897.

М. И. Кутузов 1955 – М. И. Кутузов: сб. документов / под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955. Т. IV, ч. 2.

Манифест... 1830 – Манифест о изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества... // ПСЗ Российской империи. СПб., 1830. Т. 32.

Материалы... 1864 – Материалы для истории 1812 года (Из записок князя А. А. Шаховского) // Военный сборник. 1864. № 5.

Михайловский-Данилевский 1817 – *Михайловский-Данилевский А. И.* Два отрывка

из истории 1812 года // Вестник Европы. 1817. № 22.

Москва 1812 г. 1912 – Москва 1812 г. // Выставка 1812 года. Каталог. М., 1912. Ч. 1.

Отечественная война 1870 – Отечественная война 1812 года. СПб., 1870.

Отечественная война... 1899 – Отечественная война. Описание войны 1812–1815 гг., составленное по сочинению А. И. Михайловского-Данилевского. СПб.: Издание А. А. Каспары, 1899.

Отечественная война... 1912 – Отечественная война. Исторический очерк... СПб.: Издание А. А. Каспары, 1912.

Очерк... 1877 – Очерк царствования Александра I // Досуг и дело. 1877. Вып. 6.

Петров 1889 – *Петров А. Н.* Первые дни в сожженной Москве... Письмо князя А. А. Шаховского 1836 г. к А. И. Михайловскому-Данилевскому // Русская старина. 1889. № 10.

Письмо Сергея Мизина 2012 – Письмо Сергея Мизина, 2 октября 1812 года // *Щукин П. И.* Бумаги Отечественной войны 1812 года. Кн. 1. Ч. 1. Репринтное издание [1897 г.]. СПб., 2012.

Преданность... 1826 – Преданность к своим Государям и Отечеству жителей Смоленской губернии... // Отечественные записки. 1826. № 71.

Ровинский 1881a – *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 2.

Ровинский 1881b – *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки: атлас. СПб., 1881. Т. 2.

Савинов 1850 – *Савинов В. И.* Старостиха Василиса. Быль 1812 года // Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. 1, кн. 1.

Слезкинский 1900 – *Слезкинский А. Г.* Смоленские партизаны в 1812 году // Русская старина. 1900. Сентябрь.

Соломка 1912 — *Соломка А. А.* Отечественная война 1812 года // Вестник Закавказской железной дороги. 1912. № 8.

Толстой 1940 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1940. Т. 12.

Тольчева 1878 — *Тольчева Т.* Рассказ старушки о двенадцатом годе. М., 1878.

Троицкий 1900 — *Троицкий Д. И.* Двенадцатый год. Очерки и рассказы из истории Отечественной войны. СПб., 1900.

Ушаков 1813 — *Ушаков С. И.* Анекдоты достопамятной войны россиян с французами... СПб., 1813. Ч. 1.

Шаховской 1815 — *Шаховской А. А.* Крестьяне, или Встреча незваных. Новая опера-водевиль в 2 действиях. СПб., 1815.

Яхонтов 1883 — *Яхонтов А. Н.* Народная война 1812 г. СПб., 1883.

Яхонтов 1893 — *Яхонтов А. Н.* Народная война 1812 г. Изд. 4-е. СПб., 1893.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 1912 — *Алексеев В. П.* Народная война // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4.

Богданович 1912 — *Богданович Е. В.* 1812 год. СПб., 1912.

Боргман 1913 — *Боргман А. И.* Русская история. СПб., 1913. Ч. 2.

Бродский 1912 — *Бродский Н. Л.* Театр и драма в Отечественную войну // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5.

Валишевский 2010 — *Валишевский К.* Александр I: История царствования: В 3 т. / пер. с фр. СПб., 2010. Т. 2.

Васенко 1911 — *Васенко П. Г.* Двенадцатый год. СПб., 1911.

Васенко 1912 — *Васенко С. В.* Год великого испытания. 2-е изд. СПб., 1912.

Верещагин 1911 — *Верещагин В. А.* Русская карикатура. Отечественная война. СПб., 1911. Т. 2.

Военский 1912 — *Военский К. А.* Година бед — година славы // Вестник Русского собрания. 1912. № 2.

Вороновский 1912 — *Вороновский В. М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912.

Гартвиг, Крюков 1914 — *Гартвиг А. Ф., Крюков Н. Т.* Учебник русской истории. М., 1914.

Гончарова, Перевезенцева 1985 — *Гончарова Н. Н., Перевезенцева Н. А.* Народный бытовой портрет // Художник. 1985. № 1.

Грачев 1912 — *Грачев В. И.* Смоленск и его губерния в 1812 году. Смоленск, 1912.

Гречена 2012 — *Гречена Е.* Война 1812 года в рублях, предательствах, скандалах. М., 2012.

Дживелегов 1915 — *Дживелегов А. К.* Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915.

Добрынин 1912 — *Добрынин К. И.* Памятный год (1812). М., 1912.

Елчанинов 1912 — *Елчанинов А. Г.* Народная война и герои из народа в 1812 г. М., 1912.

Иванов 1912 — *Иванов И. И.* Отечественная война. Исторический очерк. Киев, 1912.

Ильин-Томич 1992 — *Ильин-Томич А. А.* Кто придумал русского Сцеволу? К истории патриотического мифа // Родина. 1992. № 6–7.

Клепиков 1963 — *Клепиков С. А.* Сатирические листы 1812–1813 годов // Труды ГБЛ. М., 1963. Т. 7.

Коновницын 1912 — *Коновницын А. И.* Подвиги славных предков в годину Отечественной войны. СПб., 1912.

Кузьминский 1912 — *Кузьминский К. С.* Отечественная война в живописи // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5.

Леер 1893 — *Леер Г. А.* Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Изд. 2-е. СПб., 1893. Ч. 1.

Михайловский-Данилевский 1839 – Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. III.

Михайловский-Данилевский 1911 – Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. Юбилейное издание. 1812–1912. СПб., 1911.

Михневич 1912 – Михневич Н. П. 1812-й год на Руси. М., 1912.

Мускатблит 1912 – Мускатблит Ф. Г. 1812 год в карикатуре. М., 1912.

Ниве 1912 – Ниве П. А. Великая отечественная война: 1812 год. М., 1912.

Никанорова 1984 – Никанорова Е. К. Малые жанры историко-повествовательной прозы в русской литературе XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Писарев 1817 – Писарев А. А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году... М., 1817. Ч. 1.

Попов 2004 – Попов А. И. Кожина Василиса // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004.

Романовский 1912 – Романовский В. Е. Отечественная война 1812 года. М., 1912.

Русский народ... 1912 – Русский народ в Отечественную войну. М., 1912.

Сидоров 1912 – Сидоров Н. П. Отголоски 12-го года в русской повести и романе // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5.

Скворцов 1907 – Скворцов И. Л. Русская история. СПб., 1907.

Смоленская старина 1912 – Смоленская старина. Вып. 2. Смоленск, 1912.

Смоленские партизаны... 1912 – Смоленские партизаны в 1812 году. Смоленск, 1912.

Толжушин 1912 – Толжушин Б. В. Летопись славы. 1812. Изд. 2-е, доп. Одесса, 1912.

Черемухин 1912 – Черемухин В. Старостиха Василиса и другие герои народной войны 1812 г. М., 1912.

Шейн 2013 – Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.

“STAROSTIKHA VASILISA”: THE FORMATION OF A PATRIOTIC MYTH FROM THE AGE OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Nesterov Evgeny A. – candidate of historical Sciences, associate Professor, St. Petersburg State marine technical University (St. Petersburg)

Key words: Patriotic War of 1812, old-age Vasilisa, the formation of a patriotic myth, historical and cultural memory, historiography.

Abstract. The article for the first time in the Russian scientific literature gives the historiographical review of the problem connected with the historical and cultural memory of the Patriotic War of 1812. It is devoted to legendary “Starostikha (the wife of the village headman) Vasilisa”. The article shows in details formation and mythologization of this image over the first century after the end of the War. The author comes to the conclusion that the “Starostikha Vasilisa” is a collective mythologized image of the national heroine, the defender of the Fatherland. This image was created by publicists and writers and used widely in the propaganda of the official-patriotic concept of the War of 1812.

REFERENCES

- Alekseev V.P. Narodnaia voina. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo*. Moscow, 1912, vol. 4.
- Bogdanovich E.V. *1812 god*. St. Petersburg, 1912.
- Borgman A.I. *Russkaia istoriia*. St. Petersburg, 1913. Ch. 2.
- Brodskii N.L. Teatr i drama v Otechestvennuiu voinu. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo*. Moscow, 1912, vol. 5.
- Cheremukhin V. *Starostikha Vasilisa i drugie geroi narodnoi voiny 1812 g.* Moscow, 1912.
- Dobrynin K.I. *Pamiatnyi god (1812)*. Moscow, 1912.
- Dzhivelegov A.K. *Aleksandr I i Napoleon. Istoricheskie ocherki*. Moscow, 1915.
- Elchaninov A.G. *Nardnaia voina i geroi iz naroda v 1812 g.* Moscow, 1912.
- Gartvig A.F., Kriukov N.T. *Uchebnik russkoi istorii*. Moscow, 1914.
- Goncharova N.N., Perevezentseva N.A. Narodnyi bytovoii portret. *Khudozhnik*, 1985, no. 1.
- Grachev V.I. *Smolensk i ego guberniia v 1812 godu*. Smolensk, 1912.
- Grechena E. *Voina 1812 goda v rubliakh, predatel'stvakh, skandalakh*. Moscow, 2012.
- Il'in-Tomich A.A. Kto pridumal russkogo Stevolu? K istorii patrioticheskogo mifa. *Rodina*, 1992, no. 6–7.
- Ivanov I.I. *Otechestvennaia voina. Istoricheskie ocherki*. Kiev, 1912.
- Klepikov S.A. Satiricheskie listy 1812–1813 godov. *Trudy GBL*. Moscow, 1963, vol. 7.
- Konovnitsyn A.I. *Podvigi slavnykh predkov v godinu Otechestvennoi voiny*. St. Petersburg, 1912.
- Kuz'minskii K.S. Otechestvennaia voina v zhivopisi. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo*. Moscow, 1912, vol. 5.
- Leer G.A. *Obzor voim Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dnei*. Izd. 2-e. St. Petersburg, 1893. Ch. 1.
- Mikhailovskii-Danilevskii A.I. *Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu*. St. Petersburg, 1839. Ch. III.
- Mikhailovskii-Danilevskii A.I. *Otechestvennaia voina. Iubileinoe izdanie. 1812–1912*. St. Petersburg, 1911.
- Mikhnevich N.P. *1812-i god na Rusi*. Moscow, 1912.
- Muskatblit F.G. *1812 god v karikature*. Moscow, 1912.
- Nikanorova E.K. *Malye zhanry istoriko-vestvovatel'noi prozy v russkoi literature XVIII veka*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1984.
- Nive P.A. *Velikaia otechestvennaia voina: 1812 god*. Moscow, 1912.
- Pisarev A.A. *Voennye pis'ma i zamechaniia, naibolee otnosiashchiesia k nezabvennomu 1812 godu...* Moscow, 1817. Ch. 1.
- Popov A.I. *Kozhina Vasilisa. Otechestvennaia voina 1812 goda: entsiklopediia*. Moscow, 2004.
- Romanovskii V.E. *Otechestvennaia voina 1812 goda*. Moscow, 1912.
- Russkii narod v Otechestvennuiu voinu*. Moscow, 1912.
- Shein I.A. *Voina 1812 goda v otechestvennoi istoriografii*. Moscow, 2013.
- Sidorov N.P. Otgoloski 12-go goda v russkoi povesti i romane. *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo*. Moscow, 1912, vol. 5.
- Skvortsov I.L. *Russkaia istoriia*. St. Petersburg, 1907.
- Smolenskaia starina*. Vyp. 2. Smolensk, 1912.
- Smolenskie partizany v 1812 godu*. Smolensk, 1912.
- Tolkushin B.V. *Letopis' slavy. 1812*. Izd. 2-e, dop. Odessa, 1912.
- Valishevskii K. *Aleksandr I: Istoriia tsarstvovaniia*: V 3 t., per. s fr. St. Petersburg, 2010, vol. 2.
- Vasenko P.G. *Dvenadtsati god*. St. Petersburg, 1911.

Vasenko S. V. *God velikogo ispytaniia*. 2-e izd. St. Petersburg, 1912.

Vereshchagin V. A. *Ruskaia karikatura. Otechestvennaia voina*. St. Petersburg, 1911, vol. 2.

Voenskii K. A. *Godina bed — godina slavy. Vestnik Russkogo sobraniia*. 1912, no. 2.

Voronovskii V. M. *Otechestvennaia voina 1812 g. v predelakh Smolenskoï gubernii*. St. Petersburg, 1912.

И. Е. Кочедыков

ИНЫЕ ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА

Рец.: Колеров М. Тоталитаризм. Русская программа для западной доктрины М.: Издание книжного магазина Циолковский, 2018. 152 с.

Ключевые слова: тоталитаризм, советская система, русская эмиграция, холодная война, либертарианские теории.

Аннотация. Рецензируется исследование интеллектуальных истоков доктрины тоталитаризма в споре с некоторыми западными концепциями. DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-332-335

Тоталитаризм. Такова одна из ведущих интерпретаций советского политического режима. Если читатель обратится к англоязычной Википедии, чтобы понять, что же это такое, то он увидит сонм западных политологов, философов, которые толкуют это понятие, — Арендт, Армстронг, Берхольц, Боркенау, Мизес, Шапиро, Фуко, Бжезинский, Фридрих и т.д.¹ Авторство же термина англоязычная Википедия приписывает Джованни Амендоле, а идею тоталитаризма как диктатуры одной партии — Фридриху и Бжезинскому. В своей новой книге плодовитый Модест Колеров исследует интеллектуальные истоки доктрины тоталитаризма, споря с такими атрибуциями.

Главными вопросами книги, заявленными на обложке, являются: почему и как тотальность, тотальная волна, социальный контроль и биополитика индустриального капитализма превратились в клеймо, инструмент политической пропаганды под именем тоталитаризма, который по-прежнему сопровождает исследование диктатур Германии, Италии и СССР. В первой главе автор обращается к двум видам критики сталинского режима, которые до сих пор являются основными координатами, внутри которых идет спор о природе СССР. Первая — это внутренняя критика (т.е. критика меньшевистская или троцкистская). Вторая критика — со стороны либертарианцев. Первая критика, источниками которой были бывшие партийные функционеры, сосредотачивалась на внутриквартирных спорах о Коминтерне, репрессиях

© Кочедыков И. Е., 2018

Кочедыков Иван Евгеньевич — ученая степень, должность РАНГХиС (Москва); kocsedykov.ivan@gmail.com

¹ URL: en.wikipedia.org/wiki/Totalitarianism.

против элит, а не на красном терроре и коллективизации (хотя последние как раз и были выражением коммунистической тотальности).

Либертарианская критика имела иные интеллектуальные и партийные истоки; она писалась в основном еврейскими эмигрантами из Германии и Австро-Венгрии (Хайек, Арндт, Поппер, Мизес). Они принесли с собой панический страх перед социализмом, который выглядел в их глазах как начало тоталитаризма. Эти авторы вступили на американскую почву с отвращением к столетнему немецкому опыту государственного регулирования и социализма, который на их глазах превратился в нацизм и антисемитизм. Потому они и выступили против любого вмешательства государства в экономику. Более того, они понимали любую форму коллективизма как синоним тоталитаризма, а также строили связи взаимозависимости между историзмом, сциентизмом, социализмом и тоталитаризмом.

Согласно их исторической схеме, тотальная война и тоталитаризм были естественным отклонением европейской цивилизации от утраченного рая свободной торговли. Они объявили всякий уход от этих принципов в пользу политики протекционизма грехом, неизбежно ведущим к тоталитаризму и тотальной войне. Например, Мизес любое участие государства в экономике связывает с национализмом, который в свою очередь обвиняется в агрессивных наклонностях и провоцировании войны. Также в этой же главе Колеров показывает

политико-исторические этапы обращения к критике тоталитаризма как политическому оружию холодной войны. Во второй главе Колеров обращается к более позитивной и продуктивной форме исследования феномена тоталитаризма, которая, как он считает, фокусируется на критике тоталитаризма представителями русской эмиграции.

По мнению автора книги, русская эмиграция более всего сделала для целостного анализа предпосылок и характеристик большевистской диктатуры, помещая ее в глубокий исторический и широкий социально-политический контекст. Ключевым в этом анализе было неприятие большинством русских интеллектуалов капитализма как вершины человеческого развития. Кроме того, высокое качество подготовки, русская школа мысли позволяли видеть реальные механизмы социальной жизни и политико-экономической власти в России за лесом риторики и пропаганды. Например, П. Новгородцев описывал, как партийная диктатура стала личной диктатурой партийных вождей, властвующих и над партией, и над народом при помощи демагогии и тирании. Б. Вышеславцев опровергал коммунизм как развитие капитализма: «... капитализм отнимает орудия производства у многих и сосредотачивает в немногих кругах, коммунизм отнимает орудия производства у всех и сосредотачивает в единых руках. Капитализм уничтожает в значительной степени быт, религию, семью, — коммунизм отрицает быт, религию, семью совсем. Коммунизм есть монополярный суверенный капитализм, в котором права новых

хозяев бесконечно увеличились, а права рабочих бесконечно уменьшились». Вышеславцев видел в промышленной технократии главного носителя тоталитарных претензий. Собственно, коммунистическая идеология и угроза отходят на второй план перед логикой всеобщего индустриального уклада. Тоталитарная технократическая олигархия и технократическая диктатура поражают всякий политический и экономический режим в рамках индустриализма. При этом Бердяев уподоблял тоталитарность только целостному мирозерцанию и идеографии. Иван Ильин видел главное преступление большевизма не в его тотальных претензиях, а именно в его партийности, т. е. в монополии. Ильин пытался показать партийную диктатуру в СССР как главную институциональную характеристику, но впадал в противоречия, описывая управленческий хаос, господствовавший в СССР.

Однако подобные взгляды на индустриализм, капитализм, партийность не подходили для западной доктрины в контексте холодной войны. Потому логичен переход Колерова к третьей части книги, а именно соединению западной и русской доктрин тоталитарности.

Он находит истоки такого соединения в журнале меньшевиков «Социалистический вестник», который издавался сначала во Франции, а потом в США. Понятие «тотальный» (тоталитарный) они применяли к описанию общественной реальности в развитии давней традиции, восходящей к понятию «total» (цельный, всеобщий, целост-

ный.) Оно было хорошо понятно в рамках специфически русской традиции исследования вселенского. Круг «Социалистического вестника» стал кадровым резервом для ЦРУ наряду с либертарианцами. Они явились центральным субъектом критики и прикладного анализа сталинского СССР.

Редактор журнала Б. Николаевский в своей теории тоталитаризма прежде всего отстаивал в качестве главной характеристики пункт, который был для меньшевиков основным политическим обвинением — центральное положение партии в системе тоталитаризма. Партия, по его словам, вездесуща и всемогуща, едина и является носителем власти в стране. Партия — организатор тотальной целостности хозяйства. Хотя в реальной истории после партийных чисток 30-х гг., Великой Отечественной войны партия была институтом, подчиненным диктатуре Сталина, в реальности партийный шаблон проникал в прессу и риторику, а также политическую науку на Западе. На фоне этой работы «Социалистического вестника» и либертарианской критики государственного вмешательства работа Фридриха и Бжезинского, по мнению Колерова, была банальной и несамостоятельной. Однако именно она стала классической и была потом перенесена в Россию в 90-е гг. как некое откровение.

В целом Колеров написал добротное исследование, в очередной раз показав, что история идей и реальная интеллектуальная история, которая есть борьба, — это несколько

разные вещи. И есть еще один момент. Колеров дает понять, насколько разнообразна наша политическая традиция мышления, насколько

ко по-разному пытались выработать политический язык наши философы и социологи в эмиграции.

OTHER ORIGINS OF TOTALITARIANISM

Rev.: Kolerov M. Totalitarizm. Russkaia programma dlia zapadnoi doktriny Moscow: Izdanie knizhnogo magazina Tsiolkovskii, 2018. 152 p.

Kochedykov Ivan E. — Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Key words: totalitarianism, the Soviet system, Russian emigration, the Cold War, libertarian theories.

Abstract. The study of the intellectual origins of the doctrine of totalitarianism in a dispute with some Western concepts is reviewed.

ИСКУССТВО НЕПОНИМАНИЯ

Рец.: Балакин А. Ю. Близко к тексту: разыскания и предположения: [статьи 1997–2017 годов]. СПб.: ООО «Издательство Пальмира», 2017. 357 с.

Ключевые слова: Пушкин, А. Воейков, Достоевский, Юрий Казаков, журналистика, полемика.

Аннотация. В настоящей рецензии рассматривается монография А. Балакина «Близко к тексту», посвященная русской литературе и журналистике XIX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-336-340

Книга Алексея Балакина «Близко к тексту» представляет собой сборник статей, что, собственно, и заявлено в авторском предисловии. Однако статьи эти, как в любом качественном сборнике (а перед нами именно такой), объединены общей идеей, методом, жанром. Жанр этот заявлен в том же предисловии и назван, вслед за Б. Я. Бухштабом, «литературоведческим расследованием» или «научным детективом». Сам автор, не без доли самоиронии, которая, однако, лишь подтверждает состоятельность его метода, называет себя «лейтенантом Коломбо от филологии, которому нужно прояснить все детали, все на первый взгляд несущественные мелочи, чтобы свести концы с концами и прояснить картину преступления, которая в итоге оказывается

совершенно другой, чем представлялась не первый взгляд».

Что касается самого этого метода, то он также заявлен во введении и обозначен при упоминании фразы В. Шкловского «Моя специальность — не понимать» как «искусство непонимания». Действительно, филологу и историку, любому исследователю для того, чтобы в чем-либо разобраться, необходимо напрягать, как выражался другой знаменитый [ис]следователь Эркюль Пуаро, «маленькие серые клеточки», до тех пор пока неясная и запутанная картина не станет понятной. Но для начала необходимо признаться самому себе, что в предмете, находящемся перед твоим взором, ты мало что понимаешь, и отказаться от быстрых решений, подсказанных окружающими и собственным первым впечатлением. Как кажется, именно так написаны статьи сборника «Близко к тексту».

© Готовцева А. Г., 2018

Готовцева Анастасия Геннадиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ (Москва); brunhilda@yandex.ru

Сборник состоит из двух частей. Первая вполне ожидаемо посвящена Пушкину. Автор — один из самых тонких современных текстологов произведений поэта, ученый секретарь Пушкинской комиссии ИРЛИ РАН, один из неперменных составителей томов нового академического полного собрания сочинений. В этой части можно прочитать о том, как и почему стало и останется пушкинским по сути псевдопушкинское стихотворение из школьных хрестоматий под названием «Вишня», как причудливо переплелись в «крымском тексте» русской литературы поэтические произведения Пушкина и «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, почему в пушкинской библиотеке оказалось два экземпляра стихотворения графа Д. И. Хвостова «Прощание поэта с землею» и много других весьма занимательных сюжетов.

Вторая часть более пестрая — как по тематике, так и по хронологии. Один из главных ее героев — А. Ф. Воейков, старший современник Пушкина, свойственник Жуковского, известный литератор и журналист. Воейков в истории отечественной литературы и журналистики — персонаж весьма любопытный. Имеющий неблагоприятную, часто скандальную репутацию, мастер литературной мистификации, он как нельзя лучше подходит в качестве объекта исследования для «литературного Коломбо». Здесь можно прочитать, например, о том, зачем Воейков приписал Батюшкову свое собственное стихотворение, как драматург А. А. Шаховской стал героем его поэмы «Дом сумасшедших», а также о том, почему

поэма «Искусства и науки», которой сам Воейков предавал важное значение, не только не стала знаком его творчества, но зачастую вообще не упоминается в библиографических статьях о нем и преамбулах к публикациям его произведений.

Однако не только пушкинская эпоха отражена в сборнике, не только действующие ее лица 1820–1840-х гг. — Воейков, Жуковский, Вяземский. Полевой, Греч, Сенковский, Булгарин, Ростопчин, Хвостов, Языков, Плетнев, издатель «Невского альманаха» Егор Аладьин, Рылеев, Бестужев, С. С. Уваров и другие — проходят перед мысленным взором читателя. Есть в книге и хронологически более поздние периоды.

Немного особняком во второй части стоит статья «И, может быть, проснется Шарш», вводящая читателя в творческую лабораторию автора, разыскания которого на этот раз обратились от пушкинской к, если можно так выразиться, «некрасовской» эпохе русской поэзии. И вдруг вместо безликого псевдонима, упомянутого Некрасовым в его «Послании поэту-старожилу», перед нами возникает вполне зримый образ поэта и прозаика Петра Якимовича Шаршавого.

Знакомясь с книгой дальше, переходим к Ф. М. Достоевскому, которому посвящено две статьи. Они погружают нас в начало 1860-е гг. Первая из них посвящена истории журнальной полемики, нашедшей отголосок в «Записках из мертвого дома», другая — атрибуции приписываемой Достоевскому статьи о выставке в Академии художеств, большую часть ее

занимает разбор известной картины В.И. Якоби «Привал арестантов». Как удалось установить автору — лишь фрагмент разбора на самом деле принадлежит Достоевскому.

И, наконец, несколько неожиданным завершением второй части, а вместе с ней и всего сборника, служит большая статья о «Северном дневнике» советского писателя и переводчика Ю.П. Казакова. И здесь перед нами уже не столько исследование текстологическое, книжное, не «литературоведческий детектив», а документальный, почти журналистский очерк. Автор ведет рассказ о том, как побывав в Мезенском районе Архангельской области, «пользуясь “Северным дневником” как путеводителем», разыскивая сведения о его героях, создавал к нему реальный комментарий. Перед читателем — мир Русского Севера шестидесятых годов прошлого столетия, трудный, порой жестокий, но столь притягательный для писательского гения Казакова.

Как любая хорошая книга, сборник «Близко к тексту» призывает читателя к своеобразному «закадровому» диалогу с автором в рамках овладения «искусством непонимания». Позволю себе несколько реплик.

В статье «Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка», говоря о стихотворении «К ней» В.Л. Пушкина, посвященном памяти собственной сестры Анны Львовны, автор пишет: «В первой половине 1820-х годов большинство плодов своей музы Василий Львович от-

дает в московский “Дамский журнал”, выпускавшийся его ближайшим другом и единомышленником П.И. Шаликовым, и это послание уместнее всего смотрелось бы именно здесь. Но по каким-то причинам оно было опубликовано совсем в другом месте — в модном петербургском издании, на страницах которого в окружении стихов и прозы младших современников из совсем другого литературного круга выглядело как чужеродный элемент. Мы имеем в виду легендарный альманах А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева “Полярная звезда”» (с. 48).

«Причины», по которым сочинение В.Л. Пушкина попало в альманах Рылеева — Бестужева, на самом деле более очевидны, чем это представлено автором книги. «Полярная звезда» вовсе не была исключительно собранием «стихов и прозы младших современников». Самым старшим автором ее был вовсе не В.Л. Пушкин, а маститый поэт и государственный деятель И.И. Дмитриев. Кроме этого, послание «К ней» было не первой публикацией В.Л. Пушкина в альманахе. В «Полярной звезде» на 1824 г. была опубликована его басня «Малиновка». Можно также сделать предположение и о путях попадания произведения Василия Львовича в рылеевско-бестужевское издание. Видимо, его произведениями, как и произведениями Дмитриева и Жуковского, молодых литераторов снабжал П.А. Вяземский, ставший активным их помощником при составлении альманаха². Это

² См. об этом: (Готовцева, Киянская 2013: 11–33).

лишь маленький штрих к интереснейшей статье, может быть, и не слишком значительный, однако уточняющий некоторые детали литературно-журнальных перипетий эпохи.

Можно также попытаться внести некоторое уточнение в статью о Пушкине и книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Подробно восстанавливая историю публикации книги, фактически законченной в 1820 г., однако вышедшей лишь тремя годами позднее, Балакин цитирует написанное Муравьевым-Апостолом предуведомление к изданию: «Сочинение сие, конечно, появилось бы в свет еще в 1821-м, когда бы не воспрепятствовали тому обстоятельства, от меня не зависящие». «Мы не знаем, какие обстоятельства не позволили Муравьеву-Апостолу опубликовать тогда же (в 1821 г. вместе с вышедшим в свет обширным фрагментом под названием “Ольвия: Отрывок из Путешествия в Тавриду в 1820 году”. — А. Г.) “Путешествие по Тавриде” целиком. Возможно этому препятствовало то, что в эти годы он жил на юге, вдали от столиц, и опасался отдавать судьбу своей книги в чужие руки» (с. 25).

Данное объяснение не кажется вполне убедительным. В том же 1821 г., когда предполагалось к выпуску «Путешествие», в Петербурге в типографии Н. И. Греча вышла более чем трехсотстраничная комедия Аристофана «Облака», перевод которой И. М. Муравьев-Апостол закончил летом 1819 г., уже два года проживая в полтавском имении

Хомуец. Кроме того, бывший дипломат имел в обеих столицах многочисленные знакомства. Гораздо более убедительным кажется другое объяснение. Видимо, на какое-то время Муравьева-Апостола отвлекли от творческой деятельности обстоятельства, связанные с его сыном Сергеем, замешанным в знаменитой Семеновской истории. Переписка с полтавским соседом, поэтом В. В. Капнистом (хранящаяся в отделе рукописей Центральной национальной библиотеки Академии наук Украины и в настоящее время, к сожалению, малодоступная) раскрывает подробности переживаний Ивана Матвеевича за судьбу «Сережи» (Эйдельман 1993: 363–365). Из этой же переписки можно сделать и осторожный вывод о времени возвращения Муравьева-Апостола к своему тексту. С Капнистом, посетившим Крым на год раньше, в 1819 г., Иван Матвеевич обсуждал в письмах темы крымских древностей, помогая своему корреспонденту, не владевшему древними языками, с переводами с латыни и греческого. Переписка была довольно доверительной, и легко предположить, что Капнист был едва ли не первым читателем полного текста «Путешествия по Тавриде», рукопись которого была отослана ему лишь в 1823 г., и только после прочтения им Муравьев-Апостол решился «отпустить Путешествие мое путешествовать с верным человеком» (Там же: 362; Громова 1974: 111–113).

Читая сборник «Близко к тесту», перелистывая его страницы,

внимательно наблюдая за ходом авторской мысли, погружаясь в разные эпохи, состоявшийся филолог, исследователь-любитель или молодой ученый, только делающий первые робкие шаги в науке, несомненно, не пожалует ни о потраченном времени, ни о новых знаниях, а изысканное наслаждение неожиданными открытиями поможет овладеть в совершенстве «искусством непонимания/понимания».

THE ART OF MISUNDERSTANDING

Rev.: Balakin A.Iu. Blizko k tekstu: razyskaniia i predpolozheniia: [stat'i 1997–2017 godov]. St. Petersburg: OOO "Izdatel'stvo Pal'mira", 2017. 357 p.

Gotovtseva Anastasia G. — doctor of philological Sciences, Professor of the Department of literary criticism, Russian State University for Humanities (Moscow)

Key words: Pushkin, Voeikov, Dostoevsky, Yuri Kazakov, journalism, controversy.

Abstract. The review examines A. Balakin's monograph paper "Close to text", devoted to the Russian XIX-th century literature and journalism.

REFERENCES

Eidel'man N.Ia. K biografii Sergeia Ivanovich Murav'eva-Apostola. *Iz potaennoi istorii Rossii XVIII–XIX vekov*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1993.

Gotovtseva A. G., Kiiianskaia O. I. "Vremennye zasedateli Parnasa": K istorii al'ma-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Готовцева, Киянская 2013 — Готовцева А. Г., Киянская О. И. «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда» // Вестник РГГУ. 2013. № 12 (113). С. 11–33.

Громова 1974 — Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола с В. В. Капнистом // Русская литература. 1974. № 1.

Эйдельман 1993 — Эйдельман Н. Я. К биографии Сергея Иванович Муравьева-Апостола // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1993 (Перв. публ.: И сторические записки. 1975. Т. 96).

nakha "Poliarnaia zvezda". *Vestnik RGGU*, 2013, no. 12 (113), pp. 11–33.

Gromova T. N. Literaturnye vzaimootnosheniia I. M. Murav'eva-Apostola s V. V. Kapnistom. *Russkaia literatura*, 1974, no. 1.

А. Г. Ложкин

Рец.: Дедков Н.И., Бордюгов Г.А., Щербакова Е.И. и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / под ред. А. Д. Некипелова и С. Н. Катырина. М.: АИРО-XXI, 2016–2018. Т. 1. 928 с. Т. 2. 1056 с., с илл.

Ключевые слова: учебные пособия по истории, экономический фактор в истории, Россия в мировой истории, природный фактор в истории, Россия в канун Первой мировой войны, Великая депрессия, колониальный вопрос.

Аннотация. Рецензируется новый учебник по истории для российских студентов экономических специальностей.
DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-341-347

Учебный комплекс с мультимедийным сопровождением «История для экономистов» призван дать представление об истории студентам экономических специальностей и вообще экономистам. Основная идея заключается в том, что «история есть полная совокупность опыта, накопленного человечеством за время своего существования» (т. 1, с. 6). Как отмечают авторы, «отнюдь не редкими являются экономические проблемы, которые порождаются незнанием, непониманием или игнорированием религиозно-культурных и социально-политических факторов» (т. 2, с. 10). И здесь как раз и может прийти на помощь история. Экономические аспекты истории излагаются начиная с цивилизаций Древнего Египта и Месопотамии и кончая 1991 г., годом распада СССР и конца коммунизма в Восточной Европе, охватывая более 6000 лет истории человечества.

В то же время история рассматривается как полезный инструмент для будущего экономиста. При этом вполне разумно указывается, что невозможно объять необъятное: «Поскольку всеобъемлющее постижение культурно-исторических особенностей жизни и развития всех регионов, стран и народов планеты находится за пределами человеческих способностей, приходится добровольно накладывать определенные ограничения на свою страсть к познанию» (т. 1, с. 11–12). Основные вопросы, на которые пытаются дать ответы авторы учебника, это не «когда?», «где?» и «кто?», а в первую очередь — «каким образом?» и «почему?», чтобы дать студентам ключ к пониманию и изучению истории.

На примере Российской революции 1917 г. в рецензируемом двухтомнике демонстрируется, что свержение Временного правительства вызывает самые разные интерпретации и объяснения: «Один может увидеть в Октябре 1917-го этап в развитии русской цивилизации, другой — ее

© Ложкин А. Г., 2018

Ложкин Анатолий Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент МПГУ (Москва); ag@lozhkin.pro

крах, третий – начало социалистической революции, четвертый – заурядный государственный переворот... Соответственно, разными в каждом случае будут и объяснения причин, и оценки последствий» (т. 1, с. 15–16). Это предполагает, что должны быть приведены альтернативные объяснения главных исторических событий, пусть и с упором на экономическую составляющую. Однако на практике это оказывается вряд ли возможным в полном объеме, что и демонстрирует опыт рецензируемого труда. Если по какому-то вопросу приводятся альтернативные теории или объяснения, их общее число, как правило, не превышает двух. Например, по поводу Великой депрессии 1929–1933 гг. говорится буквально следующее: «Экономисты до сих пор не могут прийти к единому мнению по поводу причин возникновения “Великой депрессии”. Однако можно выделить ряд объяснений, которые в совокупности позволяют понять, почему экономика процветающей страны вдруг начала разваливаться и тянуть за собой весь остальной мир. По мнению либеральных экспертов, кризис вызвали нехватка денежной массы (из-за привязки денег к золотому запасу) и многократный рост товарной массы. Это повлекло за собой дефляцию – падение цен, банкротство предприятий и невозврат кредитов. Приверженцы левых идей видят причину в сверхмонополизации производства и перепроизводстве, присущем капитализму» (т. 2, с. 748). Однако теорий, объясняющих Великую депрессию, существует гораздо больше. В частности, можно указать, что фактическая невыплата гранди-

озных, в 10 млрд долларов, военных долгов Америке делала банкротство ряда американских банков практически неизбежным.

Авторы учебного комплекса разбирают достоинства хронологического, цивилизационного и формационного подходов, что опять-таки предполагает их сочетание в тексте при объяснении исторических явлений. Было бы полезно, например, к каждой главе или разделу приложить краткую таблицу основных событий. Однако таких таблиц в учебнике нет, а ряд дат размещен непосредственно в основном тексте. Но проблемы хронологии, особенно применительно к древней истории, авторы учебника затрагивают довольно подробно. На практике они стремятся сочетать в изложении формационный и цивилизационный подходы и делают это достаточно удачно. Но главное: предпринята сложная попытка интегрировать в едином комплексе всемирную, отечественную и экономическую историю.

Рассматривая тему «История и экономика», авторы в плане изучения экономической истории почему-то исключительное значение придают клиометрике, изобретенной американскими нобелевскими лауреатами по экономике Робертом Фогелем и Дугласом Нортон. Вслед за Сэмюэлем Уильямсоном клиометрика определяется как «применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития». Очевидно, авторы соглашаются и с мыслью американского

ученого о том, что «клиометристы часто используют обширные массивы данных, которые историки считали непригодными к использованию, неинтересными или не относящимися к описанию прошлого» (т. 1, с. 65). Здесь необходимо оговориться, что все методы экономической истории (можно припомнить, например, факторный анализ, разновидностью которого клиометрика по сути является) отнюдь не сводятся к клиометрике. К тому же достоверная экономическая и демографическая статистика по античной древности и Средневековью крайне скудна, а по ряду периодов и регионов вообще отсутствует. Но даже и применительно к XX в. статистика часто бывает не только не полной, но зачастую и сознательно недостоверной, поскольку отражает интересы тех или иных лиц и социальных групп, причем выяснение степени ее достоверности нередко требует специального исследования. Следовательно, клиометрика оказывается перед той же проблемой, что и факторный анализ, фактически выделяя роль только одного фактора в наступлении того или иного исторического события — точно так же как в рамках факторного анализа мы чаще всего оказываемся не в состоянии взвесить роль различных факторов в том или ином историческом событии.

При рассмотрении истории древних государств большое внимание уделяется природному фактору. Так, решающее значение придается регулированию стока Нила для развития земледелия в Древнем Египте и возникновению государства: «Для

того чтобы жить и заниматься земледелием в долине Нила, самоорганизации небольших сообществ людей было недостаточно. Сама природа подталкивала к овладению Нилом на всем протяжении его течения, а это было под силу только централизованному государству, способному координировать и направлять усилия больших масс людей на огромных территориях» (т. 1, с. 77).

Привлекает стремление авторов избегать однозначных и идеологизированных оценок тех или иных исторических явлений. Например, колониальная система, сложившаяся к концу XIX в., оценивается в учебнике достаточно неоднозначно. С одной стороны, огромная прибыль извлекалась на захваченных территориях не только с помощью экономических методов, но и различными внеэкономическими способами, что обрекало коренное население на нищету, голод, болезни, вымирание. Но, с другой стороны, даже при однобоком развитии экономики колонисты вынуждены были вкладывать капитал в создание и развитие коммуникаций — таких как связь, железные дороги, электричество, а также в обучение местной рабочей силы и обеспечение медицинской помощи, что становилось предпосылкой будущей модернизации. Востоковеды давно обратили внимание на то, что наименее развитыми оказались те страны Азии и Африки, которым удалось отстоять свою независимость, или те владения, где власть колонизаторов была ограниченной (т. 2, с. 546–547). Также подчеркивается, что после распада колониальной

системы обнаружилась интересная закономерность: страны, которые потеряли свои колонии в результате войны или практически не имели их еще до ее начала (Германия, Япония, Италия, Испания, а также США), развивались, как правило, гораздо быстрее, чем страны, имевшие обширные колониальные империи, постепенно сошедшие на нет в 1947–1962 гг. (Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия). Исторический опыт доказал, что совершенно не обязательно обладать территориями с большими запасами полезных ископаемых как своими колониями. Оказалось, что вполне достаточно иметь финансовые ресурсы и научный и производственный потенциал, обладать передовыми технологиями и производить нужные товары. Доходы от экспорта этих товаров и технологий позволяли не только закупать сырье и топливо в бывших колониях, причем по устраивавшим бывшие метрополии ценам, но и получать прибыль, продавая готовые изделия и технологии. Колонии превратились в обузу, и от них поспешили избавиться, в том числе и для того, чтобы не тратиться на борьбу с национально-освободительными движениями. Траты старых колониальных держав на содержание колоний замедляли их экономический рост (т. 2, с. 925).

Если же обратиться к XX в., то, как полагают авторы, Россия к началу Первой мировой войны находилась в относительно благоприятном экономическом положении. Завершение в основных чертах промышленной революции уже

к первым годам царствования Николая II привело к началу относительно быстрой индустриализации страны. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства за 1901–1913 гг. составили 3,2%, оставаясь одними из самых высоких в мире. По объему промышленного производства Россия в 1913 г. занимала 5-е место в мире, уступая только США, Германии, Англии и Франции и лишь слегка опережая идущую следом Италию. При этом валовая продукция земледелия и животноводства в 1913 г. была в 1,5 раза больше валовой продукции промышленности. Но при этом по уровню национального дохода и стоимости промышленной продукции в пересчете на душу населения Россия значительно уступала не только перечисленным державам, но также и Австро-Венгрии, из великих держав опережая только Японию (т. 2, с. 588–589). Тем не менее, несмотря на все успехи индустриализации и начатую премьер-министром Петром Столыпиным аграрную реформу, Российская империя не выдержала испытания Первой мировой войной. Самую общую причину этого авторы учебника видят в том, что Россия не была подготовлена к войне как в военно-техническом, так и в организационном отношении и страдала от чрезвычайной бедности большинства населения, которая уменьшалась слишком медленно (т. 2, с. 615).

Еще одну из причин авторы видят в том, что в 1914 г. был введен «сухой закон», резко ограничивший потребление спиртного в большинстве российских губерний. В ре-

зультате В 1916 г. винная монополия принесла в казну всего 51 млн рублей, что составляло лишь порядка 1,5 % бюджета, тогда как в 1913 г. винная монополия обеспечивала 26 % бюджета. Однако этим неприятности государства от «сухого закона» не ограничились. Крестьяне стали меньше продавать зерно, т.к. использовали его для производства самогона. По той же причине из свободной продажи практически пропал сахар. В результате уже в 1916 г. в России возник продовольственный кризис, т.к. государство было не в состоянии покупать у крестьян хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию по ценам, которые их устраивали. Тогда в ряде крупных городов были введены карточки на хлеб, мясо и сахар. В ноябре 1916 г. правительство ввело на территории 31 губернии принудительное изъятие продовольствия, в первую очередь зерна, у крестьян по твердым ценам. Однако продрозверстка провалилась и собрать необходимое количество продовольствия не удалось. Так, хлеба собрали только 350 млн пудов из запланированных 700. Это вызвало резкий дефицит продовольствия и огромные очереди за ним в крупных городах, что и привело к Революции 1917 г. (т. 2, с. 616–618). Подчеркивается, что к продовольственному кризису добавился транспортный кризис. Поскольку все силы были брошены на производство вооружения и боеприпасов, не производилось необходимого количества рельс, паровозов и вагонов, что и вызвало в начале 1917 г. паралич железных дорог. Из-за этого невозможно было доставить достаточно продо-

вольствия в столицы, и это спровоцировало революцию.

Касаясь периода Второй мировой и Великой Отечественной войны, можно согласиться с выводом авторов двухтомника о том, что для победы над нацистской Германией Сталину пришлось позволить народу «развернуться во всю мощь, а уже потом, на исходе войны выдавить из пространства власти всех лишних людей, не соответствовавших требованиям системы» (т. 2, с. 839).

К одной из немногочисленных фактических ошибок в учебнике можно отнести утверждение, что, согласно Портсмутскому миру 1905 г., Россия уступила Японии Южный Сахалин и Курильские острова (т. 2, с. 571) В действительности Курильские острова были уступлены Россией Японии еще в 1875 г. в обмен на отказ Токио от претензий на Сахалин. Как минимум дискуссионно утверждение о том, что после смерти Ленина усилиями «триумvirата», т.е. Иосифа Сталина, Григория Зиновьева и Льва Каменева, их главный противник Лев Троцкий «был снят с постов председателя Революционного военного совета и Наркомвоенмора» (т. 2, с. 743). На самом деле, Троцкий сам настаивал на своем скорейшем смещении с этих постов, чтобы пресечь всякие разговоры о своем «бонапартизме» и сосредоточиться на борьбе за контроль над партией. Действительно, в конце 1923 г. ряд руководителей Красной армии, включая Николая Муралова и Владимира Антонова-Овсеенко, предложили Троцкому осуществить военный переворот, чтобы устранить

«триумvirат» от власти и расстрелять Сталина и Зиновьева. Троцкий эту идею категорически отверг и сразу после смерти Ленина стал добиваться своего перемещения с военных постов, о чем писал и в мемуарах (см.: *Коломнин* 2009).

Также вряд ли справедливо утверждение, будто план «объединенной оппозиции» предусматривал усиление налогового пресса на крестьянство, перекачку средств из деревни в город путем повышения цен на промышленную продукцию, чтобы затем получаемые средства направить на нужды индустриализации (т. 2, с. 743). Если обратиться к главному документу «Объединенной оппозиции» Троцкого и Зиновьева, «Проекту платформы большевиков-ленинцев к XV съезду ВКП(б)» (сентябрь 1927 г.), то там предлагалось лишь перераспределить налоговое бремя среди крестьян, увеличив налог на кулаков и уменьшив на середняков и бедняков, а также сократить величину косвенных налогов и уменьшить ножницы цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией и между оптовыми и розничными ценами: «Ножницы сельскохозяйственных и промышленных цен еще более раздвинулись за последние полтора года. За свои продукты крестьянин выручал не более 1,25 довоенной цены, а за промышленные товары платил не менее, как в 2,2 раза дороже, чем до войны. Переплата крестьянства, опять-таки преимущественно низших его слоев, на ножницах, составившая за последний год сумму около миллиарда рублей, ведет

не только к усилению противоречия между сельским хозяйством и промышленностью, но и крайне обостряет дифференциацию деревни» (Архив Троцкого 1990: 109–174). Это был проект усреднения крестьянства, но никак не его ограбления для нужд индустриализации. Последнюю же предлагалось развивать за счет концессий и иностранных кредитов (неслучайно Троцкий, уйдя из председателей Реввоенсовета, стал председателем Главного концессионного комитета).

К безусловным положительным чертам учебного комплекса надо отнести то, что он хорошо иллюстрирован – портретами видных исторических деятелей и экономистов, картами, картинами и фотографиями, запечатлевшими важнейшие события истории, а также особенности различных моделей экономики в пространстве прошлого. Мультимедийное сопровождение комплекса (задания к семинарам, документы, тексты, киноролики и др.) размещено на портале Московской школы экономики (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова и доступно всем студентам и интересующимся историей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив Троцкого 1990 – Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 4. М., 1990.

Коломнин 2009 – *Коломнин С.* Солдат революции, так и не ставший маршалом // *Братиска*. 2009. № 3. URL: www.bratishka.ru/archiv/2009/3/2009_3_13.php.

Rev.: Dedkov N. I., Bordiugov G. A., Shcherbakova E. I. i dr. Istoriia dlia ekonomistov. Integrirrovannii uchebnyi kompleks dlia studentov ekonomicheskikh spetsial'nostei vuzov Rossiiskoi Federatsii, pod red. A. D. Nekipelova i S. N. Katyrina. Moscow: AIRO-XXI, 2016–2018. Vol. 1. 928 p. Vol. 2. 1056 p., s ill.

Lozhkin Anatoly G. — candidate of historical Sciences, associate Professor, Moscow State pedagogical University (Moscow)

Key words: textbooks on history, the economic factor in the history of Russia, Russia in the world history, the natural factor in the history, Russia on the Eve Of the World War I, the Great depression, the colonial question.

Abstract. A new history textbook for Russian students in economics is reviewed.

REFERENCES

Arkhiv Trotskogo. Kommunisticheskaia oppozitsiia v SSSR. 1923–1927. Vol. 4. Moscow, 1990.

Kolomnin S. Soldat revoliutsii, tak i ne stavshii marshalom. *Bratishka*, 2009, no. 3. URL: www.bratishka.ru/archiv/2009/3/2009_3_13.php.

А. Р. Томилин

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ РОССИИ

Рец.: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга // Русский Сборник. Т. XXVI. М., 2018.

Ключевые слова: Российская империя, русская армия, внешняя политика России, политика России на Востоке, военные реформы в России.

Аннотация. Рецензируется сборник статей, посвященный юбилею видного американского специалиста по истории русской армии Брюса Меннинга. DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-348-352

Осенью 2018 г. вышел XXVI том альманаха «Русский сборник», посвященный 75-летию юбилею одного из редакторов издания, профессора¹ Командно-штабного колледжа Сухопутных войск США (Форт Ливенворт, штат Канзас) Брюса В. Меннинга, одного из видных зарубежных специалистов по истории русской армии. Свидетельством этому являются его многочисленные труды о военном планировании (*Меннинг* 2002: 65–92) и стратегии (*Меннинг* 2004: 15–37), разведке (*Меннинг* 2008; 2018: 93–161) и полководцах (*Меннинг* 2009: 74–102; 2010: 155–170). Результатом этих штудий стал обобщающий труд об истории русской армии от Крымской до Первой мировой войны «Пуля и штык» (*Меннинг*

2016). В нем Б. Меннинг проследил эволюцию русской армии от реформ 1860-х и до августа 1914 г. как военного института, который пытался приспособиться под суровые требования эпохи, взяв все факторы, оказывавшие влияние на этот институт, — вооружение, тактику, стратегию войны и военный опыт, личности полководцев (Там же: 7). Путь к этому труду был непрост ввиду того, что военная история считалась в американской исторической науке предметом не самым важным (*Купн* 2018: 48). Учитывая обстановку холодной войны 1960-х и любовь ученого к военной истории, можно понять, почему эти факторы органично подталкивали его к изучению России и ее армии. Работа в советских архивах и служба в вооруженных силах США стали фундаментом для становления Б. Меннинга как ученого. Его заслуга перед наукой заключается в том, что он смог построить свою оригиналь-

© Томилин А. Р., 2018

Томилин Александр Русланович — аспирант исторического факультета Московского Государственного университета (Москва); alexgranjer1894@gmail.com

ную концепцию истории русской армии, в результате чего его труды стали настоящим прорывом. Сборник в его честь стал еще и тематическим, получив название «Россия и Война» как дань уважения к научным изысканиям ученого.

Первая часть сборника включает статьи отечественных и зарубежных авторов о самом юбиляре и его творчестве. Его коллеги, с которыми он начинал свой научный путь, специалисты, сотрудничавшие с ним, его ученики делятся с читателем своими впечатлениями о личности исследователя и о его научных работах. Эти заметки носят одновременно и мемуарный, и научный характер. С одной стороны, это воспоминания о личности ученого, из которых можно узнать о его любимой спортивной команде и манере разговаривать, с другой — рассуждения о месте его трудов в исторической науке Запада и России. Влияние работ Б. Меннинга отразилось и на российской военно-исторической науке, над которой довлел авторитет трудов П.А. Зайончковского о русской армии. Труд Б. Меннинга позволил российским историкам по-новому взглянуть на события внешней политики России XIX — начала XX в., а личное знакомство с ученым — еще и наладить весьма плодотворное научное сотрудничество между историками России и США.

Вторая часть издания состоит из статей о внешней политике России и ее армии. Разнообразие и редкость сюжетов, освещаемых в них, новизна тем, взглядов и вводимых в научный оборот источников делают этот сборник украшением

библиотеки любого человека, кому небезразлична история России XIX — начала XX в. Русские генералы — победители Наполеона и их психология, планы похода русской армии в Индию в начале XX в., битвы Первой мировой войны, белоэмигранты-генштабисты — эти и другие яркие сюжеты привлекут внимание читателей. Особенно учитывая, что авторы статей впервые вводят в научный оборот большой объем архивных источников. К примеру, в статье О.Е. Алпеева о планах похода в Индию и Афганистан впервые в научный оборот вводятся докладные записки о планах войны с Великобританией в Индии и Афганистане известного военного деятеля, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина. Исследователям известны фрагменты его дневников за начало XX в., но его дневники более раннего времени остались не введенными в научный оборот.

Многие сюжеты сборника затрагивают внешнюю политику России на Востоке, а именно в Афганистане, Турции, Китае, Персии, Египте, Эфиопии. Широко отражен в сборнике исследовательский интерес Б. Меннинга к истории военного планирования. Упомянутая выше статья О.Е. Алпеева о планах похода в Индию и Афганистан, статья А.А. Кривопалова о вероятности войны России и Австрии в 1855 г., в разгар Крымской войны, статья Д.Ю. Козлова о планах Балтийского флота накануне Первой мировой и статья Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе о целях России в Первой мировой войне — все они воздали дань этой сфере интересов юбиляра.

Нельзя пройти мимо сюжетов о более ранних годах Российской империи, которым Б. Меннинг в свое время воздал должное, написав работы о Суворове, Потемкине, армии Екатерины Великой и Павла I, а если вспомнить, что его дипломная работа посвящена донскому казачеству до Николая I, то статьи Пола Бушковича о петровском времени, Р.Н. Рахимова о башкирских формированиях в русской армии вполне органично вписываются в концепцию сборника. Поэтому вторая часть оригинальна не только по своей новизне, но и по своей концепции, не только отражает сюжеты, изучавшиеся Б. Меннингом, но и показывает их под оригинальным углом зрения, привнося в эту тему что-то новое.

Однако сборник рассматривает не только сугубо военно-политические сюжеты, он затронул и гражданскую историю — вопросы женского образования в России, взаимоотношений общественности и власти в годы Первой мировой войны. Интересны публикации о внешнеполитических проектах философа П.Б. Струве, о писателе Б.Л. Пастернаке и его романе «Доктор Живаго». По словам учеников Б. Меннинга, он сам настоятельно рекомендовал им посещать все курсы по русской истории и культуре, а обширные познания в сфере русской жизни и культуры являлись для ученого настоящим подспорьем (Маркс 2018: 38–39).

Таким образом, этот тематический сборник не только открывает для читателя фигуру одного из крупных военных историков современ-

ности, но и охватывает различные аспекты истории России, главным образом ее военно-политической истории. Ибо во многом история России есть история ее войн и внешней политики. Перед нами новое издание, оригинальное по содержанию и весьма ценное для науки, написанное умным и понятным языком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Kunn 2018 — *Kunn* Д. Брюс Меннинг: становление специалиста по русской военной истории // Русский Сборник. Т. XXVI. М., 2018.

Маркс 2018 — *Маркс* С.Г. Брюс Меннинг как наставник: воспоминания и маргиналии из конца 1970-х // Русский сборник. Т. XXVI. М., 2018. С. 38–39.

Меннинг 2002 — *Меннинг* Б.У. Фрагменты одной загадки: Ю.Н. Данилов и М.В. Алексеев в русском военном планировании в период, предшествующий Первой мировой войне // Последняя война императорской России: сб. статей под ред. о. Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2002. С. 65–92.

Меннинг 2004 — *Меннинг* Б.У. Ни Мольке, ни Мэхэн: стратегия в русско-японской войне // Русско-Японская война 1904–1905. Взгляд через столетие / под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. С. 15–37.

Меннинг 2008 — *Меннинг* Б.У. Просчеты в оценке врага: военная разведка России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эмонс]; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, ист. фак-т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Меннинг 2009 — *Меннинг* Б.У. А.И. Чернышев: русский Ликург // Русский

Сборник. Исследования по истории России. Т. VII. М.: Модест Колеров, 2009. С. 74–102.

Меннинг 2010 — Меннинг Б. У. Тяжело в учении — легко в походе: наследие А. В. Суворова и его «наука побеждать» // Русский Сборник. Исследования по истории России Т. IX. М.: Модест Колеров. 2010. С. 155–170.

Меннинг 2016 — Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914 / авторизированный перевод Н. Эдеймана под науч. ред. О. Р. Айрапетова. М.: Модест Колеров, 2016. (SELECTIA XIII).

Меннинг 2018 — Меннинг Б. У. Русская военная разведка в июле 1914 г.: как в Петербурге представляли себе ситуацию и какое это имело значение // История. научное обозрение. OSTKRAFT. № 3. М.: Модест Колеров, 2018. (www.ostkraft.ru). С. 93–161.

Меннинг 2018 — Меннинг Б. У. Русская военная разведка в июле 1914 г.: как в Петербурге представляли себе ситуацию и какое это имело значение // История. научное обозрение. OSTKRAFT. № 3. М.: Модест Колеров, 2018. (www.ostkraft.ru). С. 93–161.

A NEW LOOK AT THE MILITARY-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Rev.: Rossiia i Voina: Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik v chest' 75-letii Briusa Menninga. Russkii Sbornik. Vol. XXVI. Moscow, 2018.

Tomilin Alexander R. — post-graduate student of the faculty of history of Moscow State University (Moscow)

Key words: Russian Empire, Russian army, Russian foreign policy, Russian policy in the East, military reforms in Russia.

Abstract. The collection of articles on the anniversary of Bruce Manning, a prominent American specialist in the history of the Russian army is reviewed.

REFERENCES

Kipp D. Brius Menning: stanovlenie spetsialista po russkoi voennoi istorii. *Russkii Sbornik*, vol. XXVI. Moscow, 2018.

Marks S. G. Brius Menning kak nastavnik: vospominaniia i marginalii iz kontsa 1970-kh. *Russkii sbornik*, vol. XXVI. Moscow, 2018, pp. 38–39.

Menning B. U. A. I. Chernyshev: russkii Likurg. *Russkii Sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, vol. VII. Moscow: Modest Kolerov, 2009, pp. 74–102.

Menning B. U. Fragmentsy odnoi zagadki: Iu. N. Danilov i M. V. Alekseev v russkom voennom planirovanii v period, predshestvuiushchii Pervoi mirovoi voine. *Posledniaia voina imperatorskoi Rossii*: sb. statei

pod red. o. R. Airapetova. Moscow: Tri kvadrata, 2002, pp. 65–92.

Menning B. U. Ni Mol'tke, ni Mekhen: strategii v russko-iaponskoi voine. *Russko-Iaponskaia voina 1904–1905. Vzgliaid cherez stoletie*, pod red. O. R. Airapetova. Moscow: Modest Kolerov i "Tri kvadrata", 2004, pp. 15–37.

Menning B. U. Proschety v otsenke vraga: voennaia razvedka Rossii nakanune russko-iaponskoi voiny 1904–1905 gg. *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiiu istorika*, [sost. L. G. Zakharova, S. V. Mironenko, T. Emons]; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, ist. fak-t. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2008.

Menning B. U. *Pulia i shtyk. Armiia Rossiiskoi imperii 1861–1914*, avtorizirovannyi

perevod N. Edeimana pod nauch. red. O.R. Airapetova. Moscow: Modest Kolerov, 2016. (SELECTIA XIII).

Menning B. U. Russkaia voennaia razvedka v iiule 1914 g.: kak v Peterburge predstaviali sebe situatsiiu i kakoe eto imelo znachenie. *Istoriia. nauchnoe obozrenie. OST-*

KRAFT, no. 3. Moscow: Modest Kolerov, 2018. (www.ostkraft.ru), pp. 93–161.

Menning B. U. Tiazhelo v uchen'i — legko v pokhode: nasledie A.V. Suvorova i ego "nauka pobezhdat". *Russkii Sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, vol. IX. Moscow: Modest Kolerov. 2010, pp. 155–170.

Б. С. Новосельцев

Рец.: *Пивоваренко А. А.* Хорватия. История, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М., 2018.

Ключевые слова: Хорватия, А. С. Пивоваренко, Ф. Туджман, формирование государственности.

Аннотация. Рецензия посвящена монографии молодого ученого-балканиста А. А. Пивоваренко «Хорватия. История, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века», вышедшей в начале 2018 г. Она представляет собой часть новой тенденции в развитии отечественной югославистики — переход от проблемного к страноведческому подходу в изучении истории региона. Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-353-357

Монография А. А. Пивоваренко «Хорватия. История, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века» является частью новой тенденции в российской балканистике. В недалеком прошлом в историографии доминировал проблемный подход к событиям на территории бывшей Югославии в конце прошлого столетия. Исследовались главным образом распад СФРЮ и военные конфликты на руинах этой страны. Сейчас все больше внимания привлекают к себе вопросы создания новых государств в регионе. Подобный страноведческий подход представляется весьма актуальным. Образовавшиеся после распада Югославии независимые

государства прошли уже довольно длительный путь в своем развитии. Основные его тенденции и особенности требуют своего беспристрастного исследователя со взвешенной позицией: учитывая политическое звучание темы, в оценках хорватских, сербских, европейских или американских ученых нередко присутствует определенная тенденциозность. А. А. Пивоваренко подходит к заявленной проблематике подчеркнуто объективно, критически относясь к штампам той или иной национальной историографии.

Сильной стороной монографии является разнообразие и богатство источников, многие из которых впервые вводятся автором в научный оборот. Традиционно исследования по новейшей истории страдают от недостатка архивных материа-

© Новосельцев Б. С., 2018

Новосельцев Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); bnovosetsev@yandex.ru

лов: в большинство фондов, в которых они хранятся, доступ исследователям закрыт. А. А. Пивоваренко превратил этот недостаток в достоинство, используя не только опубликованные источники, периодику, мемуары или данные статистики, но и личные интервью с участниками и очевидцами событий, многочисленные интернет-источники, в том числе видеозаписи выступлений и интервью хорватских лидеров и прочее, тем самым открывая эти ценные материалы и для других исследователей.

Представляет большой интерес и, безусловно, будет полезна для широкого круга читателей первая глава исследования, в которой автор, рисуя широкое полотно хорватской истории в рамках социалистической Югославии, обращается к предпосылкам выхода Хорватии из СФРЮ. Среди них он выделяет изменение облика югославской федерации и постепенное расширение автономных прав республик и краев, справедливо называя здесь ключевым событием Конституцию СФРЮ 1974 г., придавшую конфедеративный характер устройству страны; развитие хорватского национального движения, которое он разделяет на левое и «республиканское», т. е. националистическое, направления, а также подчеркивает существенную роль эмиграции; разочарование в социалистической идеологии в конце 1980-х гг.; экономический кризис. Отдельно упоминается о роли личности лидера хорватского движения Франьо Туджмана и возглавляемой им партии Хорватское демократическое содружество (ХДС).

В современной российской историографии сравнительно невелико число исследований, посвященных развитию государственности современной Хорватии. Это провоцирует автора максимально широко подойти к освещаемому кругу вопросов, стремясь затронуть самые разные, недостаточно освещенные аспекты. Вторая глава работы затрагивает важнейшую проблему, неразрывно связанную со всей дальнейшей историей хорватского государства. Речь идет о механизмах достижения Хорватией независимости в конце 1980-х — начале 1990-х гг. А. А. Пивоваренко подчеркивает, что в условиях кризиса СФРЮ был взят курс на создание нового отдельного хорватского государства, в котором «национальное в европейском понимании было заменено этническим» (Пономарева 2007: 135). Этим автор объясняет усиление ирредентистских настроений и межнациональной напряженности, особенно в условиях опасений в связи с «великосербскими тенденциями», проявлявшимися в политике Слободана Милошевича. Довольно убедительную победу ХДС на выборах 1990 г. А. А. Пивоваренко связывает с особенностями избирательного закона в Хорватии, указывая, что если исключить Загреб, то в целом по стране эта партия получила бы примерно столько же голосов, сколько хорватские коммунисты. При этом делается парадоксальное на первый взгляд заключение, что «именно левые силы, являвшиеся цементом югославской государственности, открыли дорогу к ее разрушению» (с. 110).

Здесь же автор довольно подробно разбирает современные концеп-

ции в хорватской историографии, сводящиеся к «непрерывности» истории национального государства, которое никогда не исчезало, но периодически «перерождалось» в новых формах. Историческая наука играет важнейшую политическую и идеологическую роль в современной Хорватии, являясь обоснованием политического курса и важнейшей составляющей частью хорватской национальной идеи. Заложённая в Конституции Хорватии, эта концепция, по сути, представляет собой легитимацию концепции ее государственности в существующих границах.

Говоря о складывании хорватской государственности и политической системы в 1990-е гг., А. А. Пивоваренко подчеркивает, что это происходило в военное время и в условиях преобладания партии ХДС. Причем ее гегемония в Саборе не была пропорциональна числу избирателей, голосовавших за нее. Вообще говоря, отдельного лестного упоминания заслуживает детально описанный автором механизм, с помощью которого ХДС, не имевшая поддержки большинства избирателей, в течение длительного времени сохраняла за собой практически все рычаги власти в государстве. Можно отчасти согласиться с оценкой сложившейся после выборов 1990 г. системы, превратившей многопартийность в «плюрализм национальных партий» (Deklaracije 2000: 147–149).

Далее автором дается краткая характеристика основных политических партий Хорватии в начале 1990-х гг. Отмечается, что все крупнейшие

силы, даже оппозиционная Социал-демократическая партия (СДП), приветствовали создание независимого государства и использовали, особенно после начала вооруженного противостояния, милитаристскую и антисербскую риторику. Отдельно автор останавливается на региональных движениях — истрийском, далматинском и сербском, оговаривая, что в последнем случае корректнее называть его все же национальным, за исключением Сербской народной партии, выступавшей за деятельность в хорватском политическом поле. Учитывая географическую и этническую неоднородность региона, а также разные исторические условия, в которых развивались отдельные его части, при декларируемом хорватском национальном единстве и тенденциях руководства ХДС к унитаризму, на деятельность региональных сил обращалось особое внимание, предпринимались меры ограничительного характера.

После обретения Хорватией международного признания и прекращения боевых действий на границах с тогдашней Югославией необходимость в консолидации правящей и оппозиционных партий отпала, что привело к росту влияния последних. ХДС подвергалась критике в связи с ее позицией по ситуации в Боснии и Герцеговине, а также с экономическим кризисом в стране. Выход из правящей коалиции таких сильных фигур, как Йосип Манолитч и Стипе Месич, и переход последнего в лагерь оппозиции еще больше способствовали нараставшему плюрализму в хорватской политике.

Говоря об экономическом развитии в первой половине 1990-х гг., А. А. Пивоваренко называет три основные его задачи: «переход к рынку любой ценой»; установление контроля над экономикой узкой прослойки бизнесменов, тесно связанных с политическим центром, и привлечение иностранного капитала (с. 238–240). Последнее было особенно актуально, учитывая возникшие серьезные проблемы, связанные с выходом страны из СФРЮ, участием в боевых действиях, потерей части территорий, инфляцией, безработицей и ростом национального долга.

Окончание войны и оформление единого унитарного хорватского государства в 1995 г. выдвигали на передний план внутривнутриполитическую проблематику — демократизацию политической системы и развитие экономики страны. Именно эти вопросы А. А. Пивоваренко называет важнейшими для Хорватии во второй половине 1990-х гг. Предвестником демократизации системы в начале 2000 г., которую автор связывает с поражением на парламентских выборах партии ХДС, стал т. н. Загребский кризис (1995–1997 гг.), возникший по причине отказа президента Ф. Туджмана утвердить на посту мэра Загреба кандидата от оппозиции. В дальнейшем интриги и коррупционные скандалы в правящей партии, непростая ситуация в экономике, а также смерть Ф. Туджмана и консолидация оппозиционных сил приведут к поражению ХДС на выборах 2000 г. Следствием этого станет создание парламентской республики и проведение комплекса политических

реформ, необходимых для последующего вступления в НАТО и ЕС.

С этого момента, учитывая также бомбардировки Югославии и падение режима С. Милошевича, по мнению автора, следует говорить о новом этапе в развитии региона — «евроатлантизации государственности». Насколько сбудется такой прогноз в отношении Сербии — покажет время, но относительно Хорватии выделение подобного периода представляется правомерным.

Последняя часть монографии посвящена политическому, организационному и законодательному оформлению хорватской армии, которая из разношерстных и плохо вооруженных формирований постепенно превратилась сначала в самодостаточную и нацеленную далеко не только на оборону военную силу, а затем — в региональный элемент НАТО. Указывается, что среди главных нелегальных поставщиков оружия в Хорватию в 1990–1991 гг. были Венгрия, Франция, ФРГ и некоторые другие страны, в том числе Россия/СССР. Помощь в вооружении Хорватии и создании ее армии оказывали и США. Автор пытается проследить последовательность событий по мере развития балканского кризиса и реакцию противоположной стороны, прежде всего Югославской народной армии. Период 1992–1999 гг. А. А. Пивоваренко считает пиком возможностей хорватской армии, связывая это с резким ростом ее значения и авторитета. В 1992–1993 гг. были осуществлены закупки оружия на сумму 600–660 млн долларов. Начавшие-

ся в 1994 г. акции протеста против присутствия в стране миротворческих сил свидетельствовали: Хорватия перестала быть обороняющейся стороной. В то же время наращивание военной силы ложилось тяжелым бременем на бюджет страны (в 1995 г. до трети ВВП). Прекращение боевых действий и успешное для Хорватии международное регулирование спорных вопросов в 1995 г., а также курс на вступление в НАТО, взятый в начале 2000-х гг., означали новый этап в развитии вооруженных сил страны, который

автор называет термином «натоизация». Это позволило серьезно сократить расходы на армию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Пономарева 2007 — Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007.

Deklaracije 2000 — Deklaracije prve konvencije stranke demokratskih promjena (03.11.1990) // Deset godina Socijaldemokratske partije Hrvatske (1990–2000). Dokumenti. Zagreb, 2000.

Rev.: Pivovarenko A. A. Khorvatiia. Istoriiia, politika, ideologiiia. Konets XX — nachalo XXI veka. Moscow, 2018.

Novoseltsev Boris S. — candidate historical Sciences, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Croatia, A. S. Pivovarenko, F. Tudjman, the formation of statehood.

Abstract. The review is devoted to the monography of a young Balkanist scholar A. A. Pivovarenko “Croatia. History, politics, ideology. The end of XX — the beginning of the XXI century”, published in 2018. It is a part of a new trend in the russian yugoslav studies — the transition from the problematic to the regional geographic approach to the study of the history of the region. The book will be of interest not only to specialists, but also to a wide circle of readers.

REFERENCES

Deklaracije prve konvencije stranke demokratskih promjena (03.11.1990). Deset

godina Socijaldemokratske partije Hrvatske (1990–2000). Dokumenti. Zagreb, 2000.

Ponomareva E. G. Politicheskoe razvitie post"iugoslavskogo prostranstva (vnutrennie i vneshnie faktory). Moscow, 2007.

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ ОДНОЙ ЦЕРКВИ

Рец.: *Popa Ion. The Romanian Orthodox Church and the Holocaust.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017, xi + 239 p.

Ключевые слова: Румыния, преследование евреев, Вторая мировая война, Румынская православная церковь, общественное сознание, миф.

Аннотация. В центре внимания Иона Попы находятся две взаимосвязанные проблемы: во-первых, послужной список Румынской православной церкви в период, когда румынские правительства проводили политику преследования евреев, т. е. в 1938–1944 гг., и во-вторых, успешные маневры церковного руководства после Второй мировой войны по обелению этого списка и укоренению фальшивого нарратива о роли церкви в общественной памяти. Автор показывает, что в 1938–1944 гг. церковь поддерживала антисемитскую политику и ни разу не осудила применение смертоносного насилия против евреев, которых церковь считала агентами «жидокоммунизма». После войны церковное руководство умело использовало стремление коммунистического режима заручиться поддержкой церкви для укрепления своего шаткого положения с целью создания и укоренения в румынском общественном сознании мифа о неизменно толерантной и гостеприимной церкви, которой не за что каяться о своих грехах, потому что она их не совершала. После падения коммунизма, церковное руководство извлекает выгоду из укрепления румынского национализма, который, как и церковь, противится попыткам честного разговора о национальном прошлом, для того, чтобы не допустить пересмотра этого мифа. DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-258-367

Потребность в этой книге назрела давно. Она посвящена теме, имеющей большое значение как для ру-

мынского общества, так и для международного научного сообщества, изучающего культуры памяти Холокоста, сведения моральных счетов с прошлым и возмещения материального ущерба жертвам в странах, где разворачивалась эта трагедия. Не секрет, что среди европейских наций, переживших Холокост, нет ни одной, которой удалось бы без чрезвычайных усилий покаяться в содеянном и включить этот опыт в мастер-нарратив национальной истории.

© Солонарь В. А., 2018

Солонарь Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.solonari@ucf.edu

Источник первой публикации: *Vladimir Solonari. One Church's Moral Failure. Ion Popa, The Romanian Orthodox Church and the Holocaust.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 2017, xi + 239 pp // *Yad Vashem Studies.* Vol. 46, No 1. Pp. 207–216.

Наиболее болезненно этот процесс протекал в странах Центральной и Восточной Европы. Тому были две причины. Во-первых, после войны коммунистические власти формировали исторические нарративы, согласно которым истребление евреев растворялось среди общенационального страдания, причиненного нацистскими оккупантами и их союзниками. Стирающие различия нарративы общих страданий, борьбы и освобождения от угнетателей преследовали цель узаконить и нормализовать коммунистическое правление. В результате история Холокоста маргинализировалась как нечто протекавшее за пределами национального сообщества и поэтому не имеющее отношения к его моральной самооценке. Во-вторых, обращение к истории истребления евреев на соответствующей национальной территории, ставшее возможным после падения коммунизма, неизбежно сопровождалось оглашением сведений об участии в этих преступлениях граждан-неевреев, иногда даже соседей и бывших друзей жертв. Также становилось ясным, что большая часть соотечественников не сумела прийти на помощь жертвам. В связи с этим традиционные исторические дискурсы, которые подчеркивали жертвенный статус соответствующих национальных сообществ, сохраняли популярность, по-прежнему затемняя уникальный трагизм положения евреев в годы войны. Все это свидетельствовало о нежелании взять на себя моральную ответственность за катастрофу еврейства. Страх подорвать «комфортабельность» подобных нарративов препятствовал чест-

ным расчетам с прошлым. Националистические и ксенофобские СМИ характеризовали любые попытки честного разговора о прошлом как проявление антипатриотических настроений. Особенно примечательны случаи Венгрии и Польши, где первоначальные попытки честной переоценки истории и признания ответственности за соучастие в Холокосте сменились сползанием к привычным клише нарциссистского сострадания исключительно к «своим», наделяющим свою нацию статусом жертвы и снимающим с нее какую-либо ответственность.

Сочетание нескольких факторов сделало ситуацию в румынском обществе особенно сложной. Румынские антисемитские движения фашистского типа межвоенного периода своим размахом уступали только нацистской Германии, что привело к небывалым масштабам насилия над евреями в 1940–1941 гг. Военная диктатура Иона Антонеску, который управлял страной с 4 сентября 1940 до 23 августа 1944 г. (в период с 14 сентября 1940 до 21 января 1941 г. в союзе с фашистской партией Железная гвардия), проводила политику репрессий против евреев и цыган. От 250 до 380 тысяч евреев пали жертвами антисемитского озверения. В этом смысле суверенный «вклад» Румынии в истребление европейского еврейства уступает только нацистской Германии¹.

¹ Хотя в Венгрии (включая Северную Трансильванию и другие приобретенные в ходе войны территории, находившиеся под венгерской юрисдикцией) в период с апреля по август 1944 г. было депортировано в концлагеря огромное количество евреев и, согласно новейшим исследованиям, 420–450 тыс. евреев в общей сложности стало за годы

После Второй мировой войны румынский коммунистический режим вступил в собственную националистическую фазу (1974–1989), когда диктатор Николае Чаушеску счел приемлемыми многие риторические фигуры из межвоенного дискурса крайне правых. Он также способствовал реабилитации интеллектуалов и политиков межвоенного периода, отличавшихся профашистскими и антисемитскими взглядами. Ответственность Румынии за страдания евреев или замалчивалась, или активно отрицалась, путем возложения всей ответственности на нацистскую Германию.

Узколобый ксенофобский национализм эпохи Чаушеску ворвался в центр национальной политики 1990-х, временами ставя под угрозу межэтнический мир и политическую стабильность. В начале 2000-х, несмотря на усилия крохотной еврейской общины Румынии поставить пересмотр антисемитского прошлого в повестку дня, складывалось впечатление, что стратегии нормализации, отрицания и банализации румынского участия в Холокосте будут в обозримом будущем доминировать и в публичном пространстве, и в академическом сообществе.

Однако стремление Румынии вступить в престижные клубы западных демократий, а именно в НАТО и в ЕС, поставило ее под международное давление, включавшее осуждение официальной терпимости

войны жертвами венгерского Холокоста, следует иметь в виду, что в условиях германской оккупации начиная с 19 марта 1944 г. венгерская власть обладала гораздо меньшей самостоятельностью, чем румынская.

и поощрения дискурсов отрицания Холокоста. Уступая этому давлению, президент Ион Илиеску в октябре 2003 г., накануне вступления Румынии в НАТО, учредил Международную комиссию по изучению Холокоста в Румынии под руководством узника нацистских лагерей, лауреата Нобелевской премии Эли Визеля, в которую вошли ученые из Румынии, Израиля, стран Европы и Соединенных Штатов. Свой окончательный доклад комиссия представила в ноябре 2004 г. Тогда же президент Илиеску «принял» этот доклад, тем самым определив, что отныне его содержание составляет основу официальной памяти о Холокосте. После этого открытое отрицание румынского участия в Холокосте становится практически невозможным в академических кругах.

В 2005 г. в Бухаресте был учрежден Национальный институт по изучению Холокоста имени Эли Визеля и введено обязательное преподавание истории Холокоста в румынских школах. Казалось, что в Румынии началась новая эра коммеморации Холокоста и сознания своей ответственности за судьбу евреев. Действительно, опросы общественного мнения свидетельствовали о некотором росте уровня знаний о Холокосте и осведомленности румынского общества об ответственности Румынии за судьбу евреев (р. 162–163). Однако другие исследования свидетельствуют, что «альтернативная память», упорно воспроизводящая тропы отрицания фактов Холокоста и самооправдания, все еще вездесуща

в частной сфере и в социальных сетях.

Книга Иона Попы убедительно демонстрирует, что Румынская православная церковь явилась тем институтом, который вышел практически невредимым из всех передраг послевоенных десятилетий. Правда, сразу после войны церковь подвергалась атакам за поддержку диктатуры Антонеску, войны против СССР, а также расовых законов, дискриминации и преследований на расовой почве. Однако уже в начале 1946 г. интенсивность этих атак утасла. После смерти второго румынского патриарха Никодима (Мунтяну) в 1948 г., случившейся при подозрительных, как считают некоторые, обстоятельствах, коммунистические власти получили возможность выдвигать на патриарший престол покорных им церковников, которые поддерживали политику партии во всех важных политических вопросах. Этот факт послужил для коммунистических властей дополнительным стимулом для прекращения критики роли церкви в период преследования евреев.

В период коммунистического правления церкви удалось сохранить большую часть своего имущества, включая церковные здания, монастыри, учебные заведения, а также свое влияние на повседневную жизнь румынского народа. Православная церковь стала главным приобретателем выгоды от ликвидации коммунистическим режимом в 1948 г. Униатской греко-католической церкви, поскольку большая часть ее имущества отошла к Румынской православной церкви.

Апеллируя к византийской традиции симфонии, понимаемой как доверительные отношения духовной и светской властей, церковь добровольно участвовала в проектах, которые были важны для коммунистического режима, включая установление религиозного и межэтнического мира и гармонии, а также международные пропагандистские кампании вроде «борьбы за мир». Оказывая услуги режиму, православное духовенство добилось правительственной поддержки в деле обеления своей весьма постыдной деятельности в конце 1930-х — начале 1940-х гг., когда церковь терпимо относилась и даже содействовала продвижению антисемитизма и расовой ненависти и была близка к тому, чтобы подстрекать к насилию на почве антисемитизма. Избранная церковью стратегия в сочетании с изрядной долей везения принесла свои плоды: хотя режим расследовал участие служителей церкви низших рангов в антисемитских насильственных актах и в деятельности Железной гвардии, он воздержался от разоблачения роли, которую высшие иерархи сыграли в принятии антисемитских законов и в осуществлении антиеврейской пропаганды. Политика последних лет режима Чаушеску включала замалчивание роли румынского государства и румынских граждан в преследовании евреев, что содействовало укреплению имиджа православной церкви как терпимой и великодушной духовной институции.

Даже в начале 2000-х гг., когда официальный нарратив недавней национальной истории был изменен,

чтобы признать ответственность правительства Иона Антонеску за судьбу румынских евреев, деятельность церкви в тот же период не была пересмотрена. Окончательный доклад Международной комиссии Эли Визеля по расследованию румынского Холокоста не уделил особого внимания роли церкви. До недавних пор только израильский историк румынского происхождения Жан Анчел включил в свою книгу о Транснистрии главу, где рассматривается отношение Румынской православной церкви к преследованиям евреев. Анчел отметил безразличие румынских православных священников, направленных в оккупированную Транснистрию с миссией «рехристианизации», к страданиям еврейских узников концентрационных лагерей и гетто данной провинции. Он удачно назвал это поведение «едва ли не шизофреническим».

Беспрецедентно высокий моральный авторитет церкви в румынском обществе (согласно опросам, это единственный институт, которому доверяет большая часть, от 60 до 80 %, населения) свидетельствует не только о том, что усилия церкви обелить свой имидж увенчались успехом, но также о трудностях, ожидающих тех исследователей, которые посмеют придать огласке тщательно охраняемые церковные тайны. Отказ церкви допустить в свои архивы светских профессиональных историков служит дополнительным, и весьма существенным, препятствием на пути честного расчета с прошлым.

Книга Иона Попа состоит из девяти глав, посвященных трем различ-

ным периодам. В первых двух главах рассматривается отношение церкви к правительственным преследованиям евреев накануне (первая глава) и во время (вторая глава) Второй мировой войны. Три последующих главы посвящены различным аспектам церковной истории между 1945 и 1948 гг., в особенности отношениям с еврейской общиной, усилиям по обелению своего прошлого и отношениям с коммунистическими властями. В шестой и седьмой главах исследуются взаимоотношения церкви и еврейской общины на протяжении 1989 г. В них описывается, как церковь наживала социальный капитал на официальной политике «религиозной гармонии» и хороших отношений с Израилем, которые Румыния, единственная из социалистических стран, подерживала после «Шестидневной войны» 1967 г. Все это позволяло укрепить публичный имидж толерантной церкви, никоим образом не ответственной за ужасы Холокоста. Заключительные восьмая и девятая главы показывают, как атмосфера национализма и характерный для господствующего в Румынии идентитарного дискурса образ церкви как воплощения национальных духовных ценностей позволяют ей до сих пор избегать откровенного разговора о малопочтенных аспектах своего прошлого.

Попа опирается, прежде всего, на опубликованные источники, в особенности на официальную церковную периодику. Узость источниковой базы ни в коем случае не может быть поставлена ему в вину, поскольку церковные архивы, как уже упоминалось, до сих пор за-

крыты для историков, независимых от церковной иерархии. Тем не менее ему удалось обнаружить материалы, которые проливают новый свет на ранее малоизвестные аспекты церковной истории накануне и во время преследований евреев, а также в последующие десятилетия. Так, Попа представляет новые свидетельства об участии церкви в антисемитской пропаганде. Он также показывает, как церковные иерархи в годы войны систематически объясняли преступления советского коммунистического режима его «еврейской природой».

Учитывая, что эти высказывания составляли пропагандистскую рутину церкви на самом пике преследования и уничтожения евреев, осуществлявшегося армией, полицией, жандармерией и другими агентами румынского государства, неизбежно приходишь к выводу, что церковь одобряла эти действия и, по сути, подстрекала к участию в этих преступлениях. На этом фоне Попа скептически оценивает свидетельства о том, что некоторые церковные иерархи в ряде случаев протягивали руку помощи отдельным евреям или выступали в их защиту. Он считает, что эти свидетельства неубедительны. Если такие попытки и предпринимались, то лишь изредка, и не приводили к существенным последствиям. Церковь ни разу открыто не выступила против преследований евреев со стороны государства. Если церковные лидеры и предпринимали действия по помощи евреям, то они оставались «непоследовательными» («inconsistent», р. 60), говорит Попа

Я, однако, не уверен, что определение «непоследовательный» адекватно описывает природу действий иерархов и их мотивацию. Нет сомнений, что поведение церкви в период государственных преследований евреев было отвратительным с моральной точки зрения и что церковь как институт может считаться соучастником в преступлениях. Это, однако, не означает, что все священники неизменно поддерживали политику депортации и истребления всех, даже крещеных, евреев. Патриарх Никодим, к которому Попа обращает выше процитированный упрек в «непоследовательности», например, известен тем, что осторожно ходатайствовал за некоторых крещеных евреев. Служители церкви, которые проявляли такие акты сочувствия и солидарности со страдающими евреями, не обязательно должны быть удостоены титула Праведников народов мира, поскольку предоставление такого титула требует свидетельств того, что помощь евреям оказывалась бескорыстно, несмотря на угрозу собственной жизни и безопасности своей семьи. На этом основании, например, Яд Вашем отказал Митрополиту Буковинскому Титу Смереде в предоставлении этого титула, хотя этот иерарх действительно способствовал облегчению участи отдельных евреев. И все же, даже робкие жесты несогласия с отдельными аспектами антисемитской политики Антонеску заслуживают более серьезного обсуждения. Необходимо исследовать не столько степень, в какой действия тех или иных священников были «последовательны» или нет, сколько источники этой

«непоследовательности», мотивы, которые двигали церковными деятелями.

Обратимся к одному из наиболее удивительных документов, цитируемых в книге Попы. 12 апреля 1942 г. митрополит Трансильванский Николае Бэлан обратился к главе Министерства образования, культуры и культов генералу Раду Росетти с протестом по поводу Закона-декрета № 711 (опубликован 21 марта 1942 г.), запрещающего крестить евреев. Как объясняет Попа, это письмо не раз цитировалось историками, апологетически настроенными по отношению к Румынской православной церкви. Они отмечали, как сурово, апеллируя к евангельской благой вести о спасении «всех народов» (Мат. 28:19), митрополит осуждал государственное вмешательство в дела церкви, заявляя, что «право церкви крестить не может быть изъято у нее государственными законами» (Приложение). Однако, отмечает Попа, когда мы читаем полный текст письма, которое он обнаружил в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне (USHMM RG-25.021M reel 100 ff. 35-37), то «наступает своего рода шок».

Несмотря на грозное напоминание о церковной ответственности и свободе действий в вопросах веры, содержание письма доказывает, что Бэлан «не был озабочен судьбой евреев» (р. 55). Вместо этого митрополит недвусмысленно заявлял о националистических заслугах церкви. Он убеждал правительство, что цель «чистоты нации» могла быть достигнута путем законодательного запрета межрасовых

браков и что запрет на крещение евреев излишен. Он напоминал своему адресату, что в Трансильвании межэтнические браки отсутствовали, несмотря на то, что такого законодательного запрета не было. Причиной тому были неустанные заботы церкви о воспитании этнических румын в духе этнического национализма.

Таким образом, убеждая правительство отменить упомянутый закон-декрет (министр Росетти отклонил это предложение), Бэлан использовал два взаимоисключающих дискурса для достижения своей цели. С одной стороны, он утверждал, что универсалистская миссия церкви не может быть отменена ни при каких условиях. С другой стороны, он подчеркивал, что у правительства нет оснований подозревать церковь в недостатке национализма и что оно должно содействовать церкви в достижении цели «национальной чистоты», которую она вполне разделяла с правительством, согласно ее собственным правилам.

Бэлан дал понять, что он разделял замысел закона-декрета, направленного на предупреждение расового смешения. Однако в действительности закон-декрет был направлен не против межрасовых браков, а против крещения евреев. В период его издания некоторые евреи прибегали к крещению как способу избежать депортации. Хотя власти часто игнорировали такое «запоздалое» крещение, оно все же предоставляло, пусть и слабую, надежду на спасение. Запрещая крещение, правительство преследовало зловещую цель устранить эту лазейку.

Так какие же цели преследовал Бэлан, посылая такое письмо? Помочь евреям избежать депортации и смерти? Указать правительству более эффективный способ достичь «национальной чистоты»? Или способствовать укреплению идентичности православной церкви в Трансильвании, как он ее понимал, т.е. одновременно универсалистской и националистической? Еще важнее то обстоятельство, что, вне зависимости от того, какие цели преследовал Бэлан (я склонен считать, что последнюю из перечисленных), если бы правительство прислушалось к нему, это могло бы облегчить положение некоторых евреев. Такое прочтение, разумеется, не делает Бэлана образцом гражданской доблести, но оно помогает выявлять сложности ситуации, в которой оказались служители церкви. Оно также помогает историкам различать оттенки в серой зоне между полным моральным разложением и моральной стойкостью. Тот факт, что, как показывает Попа, Синод румынской церкви занял соглашательскую позицию по отношению к этому закону-декрету и рекомендовал священникам следовать его положениям, свидетельствует о том, что внутри церкви существовали расхождения по этому вопросу. Это еще более осложняет исторический контекст, к которому принадлежит этот эпизод, а равно его понимание.

Хотя я не занимался специально историей церкви, румынская история военного периода находится в центре моих исследований. Должен отметить, что автор не использовал ряд опубликованных источников, относящихся к этому периоду,

в частности, автобиографию Паулиана Лекки, который во время войны был послушником в одном из румынских монастырей, а впоследствии дошел до должности архимандрита. Во время войны Лекка по своей инициативе отправился в Транснистрию как православный миссионер, предварительно получив на это неохотное благословение своего игумена. Большая часть автобиографии Лекки посвящена его злоключениям в Транснистрии, в которой он обнаружил вездесущую коррупцию и многочисленные злоупотребления со стороны священников Румынской православной миссии и монахов (с *lug ri*). Одна из наиболее возмутительных историй, рассказанных Леккой, посвящена румынскому священнику отцу Гурие, который рутинно совращал еврейских женщин из местного гетто. Этот священник заявлял, что поскольку они некрещеные, то простой молитвы Богородице будет достаточно, чтобы получить отпущение грехов.

Также Попа не использовал румынскую прессу оккупационного периода, которая в значительной мере была посвящена политике «рехристианизации» Транснистрии. Освещение этой темы гармонично соседствовало с буйной антисемитской пропагандой.

К наиболее важным находкам Попы относятся программные статьи, опубликованные в официальной церковной периодике в 1945 г. Столкнувшись с угрозой преследований, которая тогда была вполне реальна, церковные пропагандисты разработали дискурс толерант-

ной и доброжелательной церкви, поддерживавшей евреев в тяжелые годы. Апологеты цинично игнорировали такие широко известные факты, как деятельность правительства во главе с патриархом Мироном Кристей (10 февраля – 31 марта 1938 г.), которое продолжило антисемитскую политику, начатую фашистским правительством Октавиана Гоги и Александра Кузы (29 декабря 1937 – 10 февраля 1938 г.), по лишению многих евреев румынского гражданства. Также были проигнорированы многочисленные декларации ведущих церковных деятелей, которые в годы войны уравнивали большевизм с еврейством и возбуждали ненависть к евреям. Взамен пропагандисты выпячивали устные истории о том, как патриарх Никодим частным образом выражал сочувствие страданиям отдельных евреев. Как установил Попа, они «отбирали только благоприятные для церкви исторические факты, избегая обсуждать противоречивые аспекты, относящиеся к Холокосту, переписывая и освещая историю таким образом, чтобы утвердить нарратив церкви, спасающей евреев. Эта мифологизированная история до сих пор является нарративом Румынской православной церкви» (р. 95).

Этот нарратив, основанный на откровенной лжи, до сих пор практически не оспаривается в Румынии и только изредка критикуется из-за рубежа как несоответствующий действительности, как моральный скандал, требующий основательного пересмотра. Попа показывает, что до конца коммунистического периода церковь старательно избе-

гала дискуссии по вопросам, относящимся к Холокосту. Единственное исключение связано с принятием Вторым ватиканским собором декларации о нехристианских религиях (Nostra Aetate). Тогда официальный журнал Румынской патриархии проинформировал своих читателей о заседаниях Собора, включая дебаты по поводу проекта декларации и последующую ее доработку авторитетными католическими деятелями. В отличие от католиков, снявших с евреев обвинение в богоубийстве, апологеты Румынской православной церкви, так же как другие православные лидеры того времени, отказались пересмотреть традиционную доктрину ответственности евреев за муки Христовы. Более того, они использовали признание католиками своей вины перед евреями, чтобы вновь заявить, что православные христиане неповинны в несправедливостях по отношению к евреям, и поэтому-де им не в чем каяться. Отсюда следовал вывод о моральном превосходстве православных над западными христианами.

Профессор теологии Бухарестского университета Емилиан Василеску в статье, опубликованной в 1971 г. в журнале «Ортодоксии», пошел еще дальше в разработке мифа об исключительной терпимости православия, обнаружив свидетельства такой терпимости в византийском периоде. Он заявил, что в отличие от западных христиан православные никогда не крестили евреев насильно и что антисемитизм был принесен в Византию крестоносцами. Как отмечает Попа, Василеску «забыл откровенно антисемитскую риторику» восточных отцов цер-

кви, которые жили задолго до крестовых походов (р. 141). Таким образом, Румынская православная церковь ответила на дебаты среди западных христиан об ответственности за Холокост, ужесточив свой лживый дискурс о собственной исключительной толерантности.

В последней главе книги читатель найдет содержательное обсуждение того, как церковь маневрирует между влиятельным националистическим лобби, которое представляет значительную часть ее последователей, с одной стороны, и крошечной, но символически важной еврейской общиной, западным давлением и государством Израиль – с другой. Не отступая ни

на йоту от официального мифа о толерантной и спасающей евреев церкви, православные иерархи до сих пор успешно избегают вовлечения в публичные дискуссии о роли Румынской православной церкви в Холокосте и о какой-либо ее ответственности за судьбу евреев.

Книга Попы представляет первый и важный шаг в исследовании этой малоизученной и малоизвестной страницы истории Румынии и румынского Холокоста. Ее влияние было бы еще больше, если бы исследователь проявил больше внимания к нюансам. Книга представляет чрезвычайный интерес как для профессиональной аудитории, так и для широкой публики.

THE MORAL DILEMMAS OF ONE CHURCH

Solonari Vladimir A. – PhD, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

Key words: Romania, Persecution of Jews, World War II, Romanian Orthodox Church, public memory, false narrative.

Abstract. Ion Popa's book focuses on the attitude of Romanian Orthodox Church towards the policy of persecution of Jews pursued by the Romanian governments in 1938-1944 as well as on the post-World War II successful efforts of the Church to have their less than honorable record expunged from public memory. The author shows that the Church largely supported anti-Semitic policy and never condemned violence against Jews whom they considered agents of "Judeo-communism." After the war, benefitting from the communist regime's willingness to close their eyes on the Church's complicity in crimes against Jews in exchange for extending its support to the regime, the Church hierarchy succeeded in creating and spreading the false narrative of tolerant and welcoming Church in no need for atonement for the sins it did not commit. In the post-communist Romania, the Church relies on the resurgence of Romanian nationalism with whom it shares aversion to honest reckoning with painful national past to protect this false narrative from public scrutiny.

А. С. Шешнёв

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЛАНДШАФТОМ

Рец.: *Зайцев М. В.* Саратовская дума (1871–1917). Саратов: Техно-Декор, 2017. 408 с.: ил.

Ключевые слова: Саратовская городская дума, городской ландшафт, местное самоуправление.

Аннотация. Согласно Городовому положению 1870 г., в функции местной администрации передан комплекс хозяйственных вопросов, в том числе по благоустройству города. К концу XIX в. Саратов как один из самых динамично развивающихся городов Российской империи столкнулся с массой санитарно-гигиенических проблем. Вниманию читателей предлагается отклик географа на книгу о деятельности Саратовской городской думы. DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-368-373

Формирование и история развития городского ландшафта воспринимается в первую очередь как сфера интересов специалистов в области наук о Земле и экологии. В течение последних десятилетий географы и специалисты смежных областей стали заниматься вопросами не только природных ландшафтов, но и городских, или урбандшаф-

тов. Городской ландшафт включает в себя два основных компонента: природный — подстилающие горные породы и почвы, рельеф, подземные и поверхностные воды, атмосферный воздух, растительность и животный мир; техногенный — искусственно созданные объекты городской инфраструктуры. При создании среды жизни человека неизбежно трансформируются все элементы природного ландшафта, в том числе такие консервативные, как рельеф и верхняя часть геологического разреза. Зачастую в условиях нерационального при-

© Шешнёв А. С., 2018

Шешнёв Александр Сергеевич — кандидат географических наук, заведующий лабораторией геоэкологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов); sheshnev@inbox.ru

родопользования возникают геоэкологические проблемы — от спрощенных деятельностью человека оползней и подтопления до химического загрязнения компонентов ландшафта. Эти вопросы не часто поднимаются историками, хотя их значение в развитии городов более чем очевидно. Подобный комплекс проблем остро проявился в Саратове во второй половине XIX в. и тогда же попал в поле зрения местной администрации.

В отечественной науке тематика исторического формирования городского ландшафта наиболее детально разработана для Москвы (см., напр., работы Э.А. Лихачевой (Лихачева 1990; 2007; Лихачева, Смирнова 1994)). Саратов на рубеже XIX–XX вв. занимал третье место в границах современной России по численности населения и переживал фазу бурного роста всех сфер экономики, в связи с чем в публицистике нередко именовался «столицей Поволжья». Тем важнее детальное изучение города этого периода и введение в научный оборот новых источников. В связи с этим большого внимания заслуживает монография М. В. Зайцева, посвященная деятельности Саратовской городской думы в течение 1871–1917 гг. (Зайцев 2017). В ее основу легли материалы Государственного архива Саратовской области, а также массив опубликованных источников. Отметим, что монография продолжает исследования, посвященные истории города Саратова и затрагивающие междисциплинарные темы (Местное самоуправление Саратова 2006; Гусакова 2012; Мезин, Ступина 2005 и др.).

Центральная роль в решении комплекса проблем управления городским ландшафтом принадлежала органу местного самоуправления — Саратовской городской думе. Данной теме посвящена значительная часть монографии М. В. Зайцева. Интерес географа к рецензируемой книге не случаен: комплекс вопросов, в которые входят обращение городских земель и работа предприятий, благоустройство города, санитарные мероприятия, представляет собой профессиональную сферу интересов рецензента.

Временные рамки монографии вписываются в пореформенный период, когда инициированные правительством реформы вызвали существенные изменения в работе местного самоуправления. Процесс урбанизации и роль городов в социально-экономической политике существенно возрастают. В связи с этим впервые выполненное полномасштабное исследование функционирования Саратовской городской думы представляет несомненный интерес.

Первая («Формирование и структура органов городского самоуправления Саратова в 1871–1917 гг.») и вторая («Городские головы Саратова») главы посвящены составу, структуре и функциям городской думы, биографической характеристике ее руководителей. Из них читателю становится понятной законодательная база, сфера компетенций и особенности функционирования местных органов власти. Очерки о персоналиях — городских головах — позволяют оценить их личный вклад в развитие местного хозяйства.

Четыре последующие главы сосредотачивают внимание на практической деятельности городской думы в разных сферах — от формирования бюджета и развития промышленности до благоустройства и здравоохранения. Значительный объем фактического материала из архивных и других источников впервые вводится в научный оборот.

Третья глава дает представление о финансово-хозяйственной деятельности городского самоуправления. Доходы, получаемые городом от эксплуатации земельного фонда, составляли значительную часть местного бюджета и являлись «главным богатством, доставшимся в начале 1870-х гг. Саратовской городской думе от дореформенного самоуправления» (с. 158). Определение границ города, типов и способов использования земельных и лесных угодий, вопросы захвата участков, размещения различных хозяйственных объектов решались на местном уровне. Многие вопросы природопользования происходили на территории, ныне занятой разросшимся городом.

В четвертой главе рассказывается о благоустройстве города. Следует отметить, что автор не просто воспроизводит затраты и объемы произведенных работ, но и глубоко анализирует причины возникновения городских проблем, способы, методы и эффективность их решения. Читатель лучше понимает повседневную жизнь города в ландшафте, осознание проблем и рост санитарно-гигиенической и экологической культуры. С целью благо-

устройства городскому самоуправлению «допускалась возможность издавать обязательные для жителей города постановления, регламентирующие разные стороны городского быта» (с. 185).

Большая часть разделов данной главы связаны с проблематикой создания комфортной для проживания населения городской среды. Рассмотрены актуальные вопросы в нескольких сферах.

— *водопровод*: поиск источников водоснабжения в окрестностях города, способов очистки и доставки воды; территориальное развитие водопроводной сети;

— *ассенизация и канализация*: запрет на вывоз ассенизаторами зимой отходов на лед реки Волги у города; повышение внимания к загрязнению почв, подземных и поверхностных вод, накоплению отходов внутри города; создание в числе нескольких крупнейших городов России организованной системы канализации в начале 1910-х гг.;

— *замоещение и озеленение улиц*: поиск материала для замощения; организация технических элементов отвода стока;

— *городской транспорт и упорядочение торговли*: выделение в городской черте функциональных зон; проектирование общественных пространств.

Показано, как при решении вопросов благоустройства городские власти начинают осознавать важность мер по улучшению санитарно-гиги-

нической обстановки. Вместе с тем в силу нехватки средств и бюрократических проволочек основной объем мероприятий проводился в центральной части города. Автор приводит цитаты из мемуаров и публичных выступлений видных городских деятелей о необходимости внимания к окраинам Саратова, где малообеспеченное население проживало в сложных условиях. Например, мостовые работы «охватывали лишь центральную часть города, тогда как окраины буквально тонули в грязи» (с. 207).

Пятая глава книги дает представление о развитии системы образования и культурно-просветительских учреждений. Отмечается влияние территориального фактора на социальную дифференциацию в сфере образования в начале XX в.: в связи с неравномерным распределением начальных училищ по территории Саратова ученики, проживавшие вне центра города, тратили на путь к месту учебы существенно больше времени.

Шестая глава иллюстрирует городское здравоохранение и благотворительность. Помимо общих вопросов медицинской помощи населению, в конце XIX в. городское самоуправление начинает заботиться о санитарных мероприятиях. Организован санитарный надзор, на постоянную службу приглашены санитарные врачи. В связи с возникшими холерными эпидемиями и другими болезнями врачи начали разрабатывать и пытаться реализовать профилактические мероприятия. Особое внимание уделено традиционным зонам санитарного

неблагополучия — береговой зоне Волги и городским оврагам. В книге показаны многочисленные дискуссии и попытки выселения жителей из оврагов с планами организации в долинах садов, железнодорожной линии или других форм использования. Но ни один из планов за многие десятилетия в этом направлении не был реализован.

В сфере санитарного благоустройства и, говоря современным языком, обеспечения экологической комфортности проживания населения санитарными врачами проведена колоссальная работа. По результатам санитарных обследований благоустроены многие рынки, объекты сферы услуг и предприятия. Перенесен из городской черты ряд вредных для окружающей среды промышленных предприятий, а некоторые закрыты (например, костеобжигательный завод). Примечательно, что в сравнении с другими направлениями практической деятельности Саратовской городской думы едва ли не наибольших успехов удалось добиться «в благоустройстве, где создавались жизненно важные для города системы водоснабжения и канализации, совершенствовались городское производство» (с. 360).

Издание снабжено информационно-справочным материалом: полные списки гласных Саратовской городской думы, данные о численности населения и бюджете города, фотоиллюстрации и прочее.

Необходимо отметить, что многие современные проблемы состояния окружающей среды городов носят

унаследованный характер и являются результатом принятия соответствующих решений в прошлом. Шлейф ряда градостроительных проблем на территории Саратова тянется с XIX в. и остается актуальным ныне, например, вопросы использования застроенных земель и прибрежной полосы Волгоградского водохранилища.

Исследование достаточно подробно отражает взаимодействие центральных, региональных и местных властей между собой, а также с представителями гражданского общества и специалистами при решении вопросов управления городским ландшафтом. Монография М. В. Зайцева и содержащийся в ней справочный аппарат, несомненно, будут полезны не только историкам, но и специалистам в области экологии и географии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гусакова 2012 — Гусакова З. Е. О тех, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста. Саратов: Наука, 2012. 351 с.

Зайцев 2017 — Зайцев М. В. Саратовская дума (1871–1917). Саратов: Техно-Декор, 2017. 408 с.

Лихачева 1990 — Лихачева Э. А. О семи холмах Москвы. М.: Наука, 1990. 144 с.

Лихачева 2007 — Лихачева Э. А. Экологические хроники Москвы. М.: Медиа-ПРЕСС, 2007. 304 с.

Лихачева, Смирнова 1994 — Лихачева Э. А., Смирнова Е. Б. Экологические проблемы Москвы за 150 лет. Вологда: Полиграфист, 1994. 248 с.

Мезин, Ступина 2005 — Мезин С. А., Ступина А. С. Старый Саратов в воспоминаниях деятелей культуры. Саратов: Бенефит, 2005. 64 с.

Местное самоуправление Саратова 2006 — Местное самоуправление Саратова: история и современность / под ред. В. Н. Данилова. Саратов: Архитектор, 2006. 274 с.

ACTIVITIES OF THE SARATOV CITY DUMA IN THE FIELD OF LANDSCAPE MANAGEMENT

Rev.: Zaitsev M. V. Saratovskaia дума (1871–1917). Saratov: Tekhno-Dekor, 2017. 408 p.: il.

Sheshnev Alexander S. — candidate of geographical Sciences, head of the laboratory of Geocology, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

Key words: Saratov City Duma, urban landscape, local government.

Abstract. The complex of economic issues, including the improvement of the city, was transferred to the functions of the local administration according to the City Statute of 1870. By the end of the XIX century Saratov as one of the most dynamically developing cities of the Russian Empire faced a lot of sanitary and hygienic problems. The geographer's response to the book on the activities of the Saratov City Duma is offered to the attention of readers.

REFERENCES

Gusakova Z. E. *O tekh, kto zhil, o tom, chto bylo. Zametki arkhivista*. Saratov: Nauka, 2012, 351 p.

Likhacheva E. A. *Ekologicheskie khroniki Moskvy*. Moscow: Media-PRESS, 2007, 304 p.

Likhacheva E. A. *O semi kholmakh Moskvy*. Moscow: Nauka, 1990, 144 p.

Likhacheva E. A., Smirnova E. B. *Ekologicheskie problemy Moskvy za 150 let*. Vologda: Poligrafist, 1994, 248 p.

Mestnoe samoupravlenie Saratova: istoriia i sovremenost', pod red. V. N. Danilova. Saratov: Arkhitektor, 2006, 274 p.

Mezin S. A., Stupina A. S. *Staryi Saratov v vospominaniakh deiatelei kul'tury*. Saratov: Benefit, 2005, 64 p.

Zaitsev M. V. *Saratovskaia дума (1871–1917)*. Saratov: Tekhno-Dekor, 2017, 408 p.

М. В. Батшев

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО «ЭКСПАТА» КОНЦА XVIII ВЕКА

Рец.: «У меня в Москве есть повод быть довольным». Переписка Христиана фон Шлецера с семьей. Жизненные миры университетариев, трансфер знаний и культуры в России начала XIX века / введение комментариев, общая редакция А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 576 с.: ил. (Серия «История науки»).

Ключевые слова: письма, русско-немецкие отношения, источниковедение, Московский университет.

Аннотация. Рецензируется издание переписки немецкого юриста и экономиста Христиана фон Шлецера, профессора Московского университета. DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-374-377

Издательство «Новое литературное обозрение» публикует эго-документы не только в известной и любимой многими серии «Россия в мемуарах», но и в других. В серии «История науки» недавно вышла переписка знаменитого профессора Христиана фон Шлецера с семьей. Вошедшие в публикацию письма относятся к периоду 1796–1824 гг. Кроме писем в издании представлены и другие документы, связанные с различными обстоятельствами жизни Христиана Шлецера.

Публикации предшествует написанное составителем и автором

© Батшев М. В., 2018

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Москва); bmv@list.ru

комментария А. Каплуновским обстоятельное предисловие, название которого своим многословием перекликается, на мой взгляд, с традицией многословных названий книг XVIII – начала XIX в.: «Я в России во всех отношениях выиграл»: жизненные миры ученых и культурный трансфер в России начала XIX века в частной переписке Христиана (фон) Шлецера с семьей». Предисловие довольно обширное и занимает в издании с 14 по 103 страницу. А объем всего издания 576 с.

Предисловие разбито Каплуновским на 11 глав, для каждой из которых автором подобрано название в виде цитаты из писем. Мне хотелось бы остановиться на последней главе «См. Архив Христиана»: археографические пояснения и техника публикации документов в настоящем издании». Составитель

подробно рассказывает об особенностях своей работы с архивными документами при подготовке данного издания. Пишет и о трудностях, с которыми столкнулся: «В силу обстоятельств семейной истории архив, оставшийся от Христиана Шлецера, хранится в двух разных местах: в архиве ганзейского города Любека и в Нижнесаксонской государственной и университетской библиотеке в Геттингене. Если Геттингенское собрание документов Христиана (MS Schlozer-Stiftung IV A 1–42, IV B 43–68) в составе семейного фонда Шлецев в целом хорошо описано, то часть фонда в Любекском городском архиве, принадлежавшая Христиану и состоящая практически полностью из его писем (Familienarchiv von Schlozer 5.5.1–5), лишь грубо разложена хронологически по пяти папкам» (с. 97). Указав на недостаточную обработанность личных документов Шлецев, составитель упоминает и про трудности их прочтения: «Почерк оказался крайне неразборчив или почти вовсе не поддавался прочтению, а бумага сильно повреждена» (с. 98). Упомянув о трудностях текстологических, с которыми он столкнулся, Каплуновский затрагивает и еще одну проблему: «Когда удалось частично расшифровать содержание этих текстов, выяснилось, что документы, хранящиеся в Любеке (Familienarchiv von Schlozer 5.5–5), представляют собой фрагменты подготовительных материалов для написанной Христианом Шлецером биографии его отца» (с. 99).

В процессе работы над книгой составителем продемонстрированы

оригинальные публикаторские приемы. Авторская самобытность проявилась, в частности, в передаче некоторых текстологических особенностей писем Шлецера. Имеются в виду отметки о сделанных Шлецером вставках в текст писем. Каплуновский передает эти вставки в виде квадратных скобок [], в которых написано — «вставка над строкой» и «конец вставки». Сам текст авторской вставки приводится публикатором между этими отметками без скобок.

Кроме неординарного отмечания вставок в оригинальной рукописи составитель предлагает и другое новшество — знаком П он отмечает окончание страницы. Не понятно, какой смысл в отмечании окончания страницы в переводе, если не представлены тексты писем на языке оригинала?

В предисловии Каплуновский упоминает о своем намерении показать исторические контексты, в каких писались и бытовали тексты «Семейной переписки Шлецев». Однако, как только мы обращаемся к текстам конкретных писем Шлецера, это стремление автора реконструировать контекст их написания куда-то пропадает. Примером этого может служить комментарий к письму из Гамбурга от 5–7 августа 1796 г. Рассказывая отцу о своей поездке, Христиан Шлецер упоминает, что между его попутчиками начался разговор о Дитцеле. Это не самая, как представляется, известная персона немецкой культуры XVIII в., и было бы любопытно узнать о нем из комментария составителя. Каплуновский сообщает о нем в комментарии

следующее: «Речь идет об известном судебном процессе Августа Людвига Шлецера против главного почтмейстера города Норгейм Дитцеля в 1793 году, который стал поводом для временного введения цензуры и прекращения в 1794 году издания журнала *Statsanzeigen*, выпускавшегося А. Шлецером» (с. 109), Как нам кажется, здесь было бы важнее написать, в каком из многочисленных немецких государств того времени происходил процесс, как это повлияло на введение цензуры и чего же хотел почтенный почтмейстер от профессора, т.е. следовало дать в комментарии тот самый контекст, о котором писал в предисловии составитель. Вместо этого он отсылает нас к монографии другого автора.

Рассказывая в предисловии о биографии Шлецера, составитель упоминает о взаимоотношениях автора писем с попечителем Московского учебного округа М.Н. Муравьевым (с. 78). При этом, повествуя об их отношениях, он ссылается на письмо Шлецера к Муравьеву, хранящееся в известном только ему архиве РГАЯЛ, который в словаре сокращений, имеющемся в данном издании, расшифровывается как Российский государственный архив языка и литературы (с. 529). На него же дается ссылка в списке использованных источников (с. 533). Непонятно только, почему, кроме уважаемого составителя, про этот архив никто больше не слышал.

Перейдем теперь к текстам эпистоляриев Шлецера.

События, зафиксированные в текстах самих опубликованных писем,

начинаются с путешествия Шлецера в Россию. Целью его приезда в Россию было получение места профессора в Московском университете. В финале публикации речь идет о его возвращении в Германию в конце жизни. Публикуемые письма представляют собой взгляд экспата рубежа XVIII–XIX вв. на Россию.

Знакомство автора писем с новым местом жительства происходит не напрямую, а через уже существовавшие к концу XVIII в. многочисленные немецкоязычные «анклавы» в Санкт-Петербурге, Москве и Прибалтике. Главную информационную ценность в письмах Шлецера представляют содержащиеся в них подробности повседневной жизни различных членов университетской корпорации, а также немецких общин Москвы и Санкт-Петербурга.

Москва очень понравилась Шлецеру. В одном из писем родителям он с восхищением пишет: «Москва — один из главных городов мира, изобилующий великолепными дворцами и чистыми улицами, несколько не уступающий богатством и роскошью какому-нибудь Лондону или Парижу» (с. 217). Описывая жизнь немецкой общины в Москве, Шлецер приводит подробности, связанные с загородными усадьбами московских немцев, которые не часто можно встретить в других источниках. Он подробно описывает загородную усадьбу врача Андреаса фон Фрезе, которая находилась на территории современных подмосковных Химок (с. 225–230).

Большой интерес представляет и подробное описание путешествия Шлецера из Москвы в Прибалтику, которое содержится в статье «Россия около 1801 года» (с. 431–485). Ставя перед собой цель рассказать европейским читателям правду о России, Шлецер пишет: «Пожалуй, ни об одной другой стране у остальной Европы нет таких ошибочных понятий, как о России. Причины этого не надо долго искать. Мало кто из путешественников приезжает в эту страну с намерением наблюдать. Поэтому существует вообще мало книг, описывающих путешествия [в Россию], а среди них редко попадаются такие, кото-

рые могли бы дать читателю наглядное представление о ней» (с. 431). В данной статье автор описывает не просто свою поездку в Россию, а путешествие из Москвы в Дерпт и Ригу, предпринятое им в конце 1800 – начале 1801 г. с целью выяснения перспективы педагогической деятельности в Дерптском университете.

Информационное богатство представленных в данной публикации источников должно быть осмыслено исследователями, она должна занять свое место среди других публикаций нарративных источников о России рубежа XVIII–XIX вв.

RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE GERMAN EXPAT OF THE LATE 18TH CENTURY

Rev.: "U menia v Moskve est' povod byt' dovol'nym". Peregiska Khristiana fon Shletsera s sem'ei. Zhiznennye miry universitariy, transfer znaniy i kul'tury v Rossii nachala XIX veka, vvedenie kommentarii, obshchaia redaktsiia A. Kaplunovskogo; per. s nem. K. Levinsona. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 576 p.: il. (Seriiia "Istoriia nauki")

Batshev Maxim V. – researcher of the Department of documentation of heritage and information technologies of the D.S. Likhachev Russian research Institute for cultural and natural heritage (Moscow)

Key words: correspondence, Russian-German cultural ties, source studies, Moscow University.

Abstract. The edition of correspondence of Christian von Schler, German expert in law and economics, professor of the Moscow University is reviewed.

В. А. Китаев

Рец.: Российский либерализм: Идеи и люди. 3-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Т. 1 (XVIII–XIX вв.). Т. 2 (XX в.). М.: Новое издательство, 2018.

Ключевые слова: Россия, либерализм, христианский либерализм, консерватизм, социализм, революция.

Аннотация. Рецензируется двухтомное издание, содержащее портреты видных деятелей российского либерализма XVIII–XX вв.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-378-388

У двухтомника, о котором пойдет речь, есть предыстория. Первое, однотомное издание книги об «идеях и людях» российского либерализма под редакцией А.А. Кара-Мурзы увидело свет в 2004 г. Прошло всего три года, и читатель получил второй, существенно расширенный вариант портретной галереи видных отечественных либералов XVIII–XX вв. (46 уже имевшихся текстов были дополнены 50 новыми очерками). Увеличился формат книги.

Готовя второе издание, инициатор и руководитель проекта А.А. Кара-Мурза вдохновлялся «позитивными» явлениями, которые он находил в общественной жизни современной России. Его обнадеживал тот факт, что не только в столице, но и в провинции возрождается интерес к истории отечественного либерализма. А главное — «постепенно приходит стойкое сознание того, что

либерализм в России — это не поверхностное заимствование, якобы чуждое русской “цивилизационной матрице”, а, напротив, важнейший и неустранимый элемент национальной традиции» (2-е изд., с. 17).

В предисловии к 3-му изданию бесценный составитель и редактор демонстрирует тот же, что и десять лет тому назад, оптимизм, когда говорит о профессиональном и общественном интересе к отечественной либеральной традиции. У него нет сомнений в том, что этот интерес «существенно вырос» (т. 1, с. 9). Думается все-таки, что А.А. Кара-Мурза приукрашивает ситуацию. Третий вариант книги пришел к читателю в тот момент, когда маятник идеологических предпочтений большинства российского общества заметно двинулся в сторону, прямо противоположную либерализму. И тем не менее не один, а два внушительных по своему объему тома биографических очерков о русских либералах (680 и 948 с., 130 имен) благополучно увидели свет. Издание вряд ли оказалось бы таким жизнеспособным, если бы за ним с самого начала не стоял фонд «Либеральная миссия». Сейчас к не-

© Китаев В. А., 2018

Китаев Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород); vlakit2@mail.ru

му присоединился «Фонд Кудрина по поддержке гражданских инициатив». Немаловажно отметить и тот факт, что А.А. Кара-Мурза является не только известным исследователем истории русской политической мысли. Он — член Совета Фонда «Либеральная миссия», который решает задачу выработки либеральной идеологии и обоснования либеральной политической платформы в условиях современной России. Ему принадлежит авторство «Российского Либерального Манифеста», являвшегося на протяжении десяти лет программой Союза правых сил. Конечно же, возникает вопрос: повлияла ли как-то политическая вовлеченность составителя на полученный результат? Попытаться ответить на него будет, наверно, уместнее в конце этих заметок.

Рецензенту антологии, в которой приняли участие 45 авторов, не под силу, конечно, оценить вклад каждого в отдельности. Выходы на персональный диалог будут носить неизбежно избирательный характер. Если же попытаться в общем оценить выполненную работу, то надо отметить ее несомненно высокий научный уровень. Подавляющее большинство очеркистов давно «в теме». Многие апробировали свои материалы в энциклопедии «Российский либерализм середины XVIII — начала XX века» (2010 г.). Мои замечания, таким образом, будут адресоваться преимущественно редактору-составителю, «диспетчеру», как он себя называет. Впрочем, А.А. Кара-Мурза выступает здесь и как автор более десятка очерков, демонстрируя завидную широту исследовательского диапазона.

Реагируя на критические замечания рецензентов первого издания книги (в их числе был и автор этих строк (Кутаев 2007)), А.А. Кара-Мурза на подступах ко второму заметно изменил стратегию формирования «либерального» списка. Книга открывается теперь очерками о дворянских конституционалистах рубежа XVIII XIX вв. Появился портрет Н.И. Новикова. Нашли свое законное место выдающиеся деятели декабристского движения (Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьев, М.С. Лунин и др.). Ряд либеральных бюрократов эпохи реформ Александра II пополнился такими именами, как Н.А. и Д.А. Милютины, М.Х. Рейтерн, Е.И. Ламанский и др. Существенно обогатилась кадетская группировка. Рядом с ключевыми фигурами, представлявшими партию «народной свободы», встали либеральные октябристы. По этим линиям в основном осуществлялось персональное пополнение третьего издания.

Впрочем, надо сказать об одном существенном изменении в позиции редактора, которое нельзя не заметить, сопоставляя между собой персоналии первого и следующих изданий. Знакома читателя с принципами отбора персонажей в 2004 г., А.А. Кара-Мурза отмечал, что «идейно-политический диапазон, представленный в книге как “либеральный”, при всей своей широте, конечно же, не безразмерен». «Так, например, за рамки книги, — писал он, — сознательно выведены как либералы, приверженные левому радикализму, так и, напротив, те, кто одно время тяготел к либерализму, в ответственный момент резко выступили против основных

его принципов» (1-е изд., с. 10–11). Но совсем скоро проблема соблюдения «чистоты рядов» уступила место проблеме расширения пространства истории либеральной традиции.

Уже в 2007 г. редактор уведомлял читателей: «Мы <...> сочли содержательно оправданным включение в новое издание персонажей, которые, будучи одно время либералами *по преимуществу* (иногда даже лидерами либерального лагеря), при изменении общественной обстановки отошли от либеральных принципов. Имеются в виду в первую очередь очерки о кн. П.А. Вяземском, М.Н. Каткове, А.И. Герцене, Н.Х. Бунге. На наш взгляд, ошибкой было бы как раз обратное — полное отлучение этих важнейших фигур от истории отечественного либерализма» (2-е изд., с. 17). В этом перечне нет еще Н.М. Карамзина — его фигура встанет в один ряд с бесспорными русскими либералами только в последнем издании.

Именно портретом Карамзина открывается ряд текстов, с которыми А.А. Кара-Мурза выступает уже в качестве автора. По его собственному признанию, решение включить фигуру с устоявшейся, казалось бы, навсегда репутацией «очевидного консерватора» в когорту либералов далось не без труда (*Кара-Мурза* 2016). И все-таки оно было принято, и произошло это не без влияния аргументов в пользу карамзинского либерализма, найденных в работах П.Б. Струве, В.В. Леонтовича и Б.Ф. Егорова. Особенно убедительными показались Кара-Мурзе идеи последнего (*Егоров* 1996). Ав-

тор очерка о Карамзине соглашается тем, как известный российский литературовед понимает сущность либерализма («идеологический комплекс, аксиологической вершиной которого является свободная личность»). Что же касается видения Б.Ф. Егоровым места Карамзина в отечественной либеральной традиции («от молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века»), то Кара-Мурза снимает это возрастное ограничение. Он и в позднем Карамзине видит «одного из русских зачинателей “христианского либерализма”» (т. 1, с. 147).

Представляется все-таки, что в новой попытке поменять идеологическую «прописку» Карамзина есть очевидная натяжка. Ведь как бы высоко он ни ценил внутреннюю свободу человека, в то же самое время им игнорировалась проблема ее политико-правовых гарантий. А для полноценного либерализма, как известно, эта внешняя грань свободы имела принципиальное значение в его доктринальном самоопределении, противостоянии консерватизму.

Если следовать логике Кара-Мурзы, то придется признать, что еще она ключевая фигура русской культуры XIX в. имеет право претендовать на место в истории русского либерализма. Это «наше все» — А.С. Пушкин. Разве идейная направленность «Деревни» и «Вольности», дружба с деятелями раннего декабризма, финальный в его биографии гимн внутренней, творческой свободе человека в «Из Пиндемонти» не являются свидетельствами той же не-

исчерпаемой, совсем как это было увидено Кара-Мурзой в случае Карамзина, либеральности его политических взглядов? Однако что-то все же его остановило.

Кара-Мурзе принадлежит еще одна попытка репутационной переоценки. Теперь речь идет — ни много ни мало — об А. И. Герцене. Он, убежден автор, один из первых в ряду тех, кто нуждается в «интеллектуальной реабилитации» как жертва ленинско-сталинского большевизма. Свою задачу Кара-Мурза видит в том, чтобы вернуть герценовское идейное наследие, фальсифицированное большевистскими пропагандистами в корыстных интересах, в единственно органичную для него либеральную стихию. Доказательная логика обескураживающе проста. Если Герцен никогда не расставался с самой главной для него нравственной и интеллектуальной ценностью «свободы лица» (с этим спорить не приходится), то его «русский социализм» следует рассматривать как единственно возможный путь к ее осуществлению, в то время как Европа, породившая социалистический идеал, начала свое отступление от свободы. При таком взгляде Герцен оказывается самым что ни на есть безупречным либералом. Правда, Кара-Мурза все-таки вынужден в конце концов признать, что «герценовский расчет на общинное самоуправление как прообраз будущего *общенационального гражданского общества* оказался несостоятельным» (т. 1, с. 278).

мый уровень упрощения проблемы «Герцен и либерализм». Абсолютно проигнорирован вопрос о взаимоотношениях одного из издателей «Колокола» с русскими либералами 50–60-х гг. XIX в. Не учтены оценки исторической роли герценовского социализма как русскими либералами XX в., так и современными авторитетными специалистами в этой теме. Приведем только два мнения, на которые стоило реагировать. Одно из них принадлежит П. Б. Струве, который в 1908 г. утверждал: «Герцен был сам свобода» (Струве 1997: 290). Но прошло десять лет после Октябрьской революции, и его взгляд заметно усложнился. «<...> Именно Герцен с русской стороны есть все-таки один из творцов злобной и ложной легенды об исторической России, в течение десятилетий отравлявшей сознание русской интеллигенции и, быть может, более, чем что-либо другое, повинной в великом несчастье и позоре русской революции, утвердившей безбожное и жестокое иго коммунистической черни над русским народом. Это суждение не посягает на большую и положительную роль Герцена в истории русской гражданственности (в данном случае, конечно же, либеральную. — В. К.), ту роль, которая <...> ставит имя редактора “Колокола” рядом с именем Александра II, Царя-Освободителя и Преобразователя» (Струве 2004: 347). Между прочим, стоит только поменять местами плюсы и минусы в этой характеристике, и перед глазами встанут до боли знакомые ленинские оценки.

А вот мнение авторитетного американского русиста Мартина Малиа.

№4 2018 Какими бы благими намерениями предложенное решение ни питалось, оно демонстрирует недопусти-

Герцен, говорится в его книге о родоначальнике «русского социализма», «пользуется двусмысленной репутацией в русской истории: несмотря на свое народничество, к концу века вполне правомерно было провозгласить его предшественником русских либералов, не менее чем русских социалистов, так как достоинство и свобода личности или проблема гражданских прав всегда вдохновляла его политические проекты. Однако либеральный образ Герцена является вторичным, а основным образом является образ революционного народника...» (Малица 2010: 564).

Политическая биография М. Н. Каткова дает, конечно, несравненно более материала, чем в случае Карамзина и Герцена, для того, чтобы числить этого деятеля (при всей очевидности финального консерватизма в его взглядах) и по либеральному разряду. Действительно, русский либерализм эпохи подготовки и проведения первых реформ Александра II невозможно представить без катковского «Русского вестника». На содержании его программы и делает основной акцент В. К. Кантор, предлагая немало интересных и верных наблюдений об особенностях либерализма Каткова. Но рисуемый им портрет убедителен все-таки не во всех деталях.

Во-первых, ошибочно утверждение, будто Катков являлся противником общинного начала. «Мы стоим за русскую сельскую общину не только в политическом или административном отношении, но и в отношении экономическом», — было прямо заявлено М. Н. Катковым

и П. М. Леонтьевым в сентябрьском номере журнала за 1858 г. (Китаев 1972: 190). Жаль, что В. К. Кантор не обратил внимания на такой немаловажный компонент политической позиции Каткова, каким был его продворянский конституционализм в 1863–1865 гг. Думается, что начало политической активизации Каткова было бы правильнее отсчитывать не с 1863, а с 1861 г. Именно тогда он вступает в непримиримую борьбу с «партией» «Современника», нигилистами и Герценом.

К сожалению, В. К. Кантор уходит от ответа на вопрос о времени оставления Катковым либерального лагеря. Поначалу утверждается, что он «перестает верить в просветительскую силу либеральных слов и институтов» после гибели Александра II. Но вслед за этим говорится о его надежде на «жесткую самодержавную власть», в руки которой вручается «спасение элементов либерально-европейской цивилизации в России» (т. 1, с. 307). Из этих слов следует, что Катков до конца своих дней остается ревнителем последней, т. е. либералом.

Скорее всего, следует все-таки говорить о достаточно длительном, не лишенном внутренней противоречивости периоде изживания Катковым своего либерализма, который начался в 1863 г. и завершился к началу 80-х гг.

Что же касается его приверженности «элементам либерально-европейской цивилизации в России», то ее невозможно совместить с исповедовавшейся им в 80-е гг. идеологией контрреформ. Антилибе-

ральный характер политических устремлений Каткова в этот период не требует доказательств.

Первейшим из вопросов, на которые предстояло ответить составителю, был, конечно, вопрос о том, кем открывать портретную галерею русских либералов. Ведь совершенно очевидно, что либеральная доктрина оформилась в России не в одночасье, ее генезис должен был занять определенное время. Истории либерализма как более или менее полноценной системы взглядов должна была предшествовать его предыстория. Кого же наделяет правом быть вписанным в ее контекст А.А. Кара-Мурза?

В первом издании книги М.М. Сперанский и А.И. Тургенев предшествуют западнику Т.Н. Грановскому, а западничество 1840-х гг. названо автором очерка о нем А.А. Левандовским «младенчеством русского либерализма» (1-е изд., с. 34). Авангардные позиции во втором и третьем изданиях заняты уже «видными конституционалистами» второй половины XVIII — начала XIX в. (Н.И. Панин, А.Р. Воронцов, А.А. Чарторыйский), «крупнейшими либеральными деятелями того же периода» (от Д.И. Фонвизина и Н.И. Новикова до Н.С. Мордвинова). Годы правления Екатерины II и Александра I названы «периодом генезиса русского либерализма» (т. 1, с. 10).

Признаюсь, я искал следы реакции редактора-составителя на ту схему генезиса российского либерализма, которая была предложена в свое время А.А. Кизеветтером.

Она и сегодня заслуживает, по моему мнению, внимательного рассмотрения. В своей лекции «Из истории русского либерализма. Иван Петрович Пнин. 1773–1805 гг.» он привел весьма убедительные аргументы в пользу того, чтобы назвать «первым теоретиком русского либерализма» В.Н. Татищева. «Зародыши либеральной доктрины» находились им и в идейном наследии М.М. Щербатова. Наконец, в лице А.Н. Радищева явился ниспровергатель сословно-дворянского либерализма, и либеральная теория под его пером поднялась до признания гражданского равенства как необходимой предпосылки истинной свободы. Из радищевского кружка вышел И.П. Пнин (*Кизеветтер* 2006: 74–85). Ни одно из этих имен не удостоилось портретирования в книге. Неплохо было бы объяснить эти исключения любознательному читателю.

Статья об И.П. Пнине, кстати, есть в энциклопедии «Российский либерализм середины XVIII — начала XX века», и принадлежит она Н.В. Коршуновой. Она же выступает автором большинства материалов по второй половине XVIII в. в новейшей антологии. Так почему же не нашлось здесь места поэту, издателю «Петербургского журнала», создателю «Опыта о просвещении относительно России», в произведениях которого, как отмечал А.А. Кизеветтер, «нашли выражение принципы русского либерализма второй, так сказать, радищевской формации»? (Там же: 100).

Более всего, наверно, отпугивал составителя Радищев, либеральная

программа которого сопрягалась с идеей революции. Соглашусь, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность» компрометировал либерализм своим политическим радикализмом, но его революционность, как известно, оказалась преходящей. Однако и в ней не стоит видеть ничего порочащего либеральную теорию. Либерализму надо было исторически пережить искушение революционным насилием, чтобы уже навсегда породниться с реформизмом. А досоциалистический Радищев все-таки ближе к либералам, чем «русский социалист» Герцен, портрет которого получил место в либеральной галерее.

Позиции декабристов были заметно укреплены уже во втором издании. И сделано это было для того, чтобы на примерах деятелей умеренного толка высветить «собственно *либеральный* элемент декабризма — как программно-политический, так и этический» (2-е изд., с. 16). Но тщетно искать среди портретов «людей 14 декабря» изображение П.И. Пестеля. Строннику тактики военной революции не могло найтись места среди тех, кто принимал только постепенные социально-политические преобразования. Повторялась, в сущности, радищевская история. Тактический выбор, делавшийся одним из вождей декабризма, отсекает его — так наверняка рассуждал составитель — от либерально-реформистской традиции.

К сожалению, не учитывается в данном случае тот несомненный факт, что в идеологическом конструкте

главенствующим является все-таки целеполагание, а не выбор средств для достижения цели. Если же говорить о программных устремлениях Пестеля, то они представляют собой уникальный для своего времени сплав бесспорно либеральной доминанты с элементами социализации либерализма. В этом автор «Русской Правды» предвосхитил идейные искания русских либералов пореформенной эпохи, а предложенный им способ решения национального вопроса в России, как и расположенность к культурному архаизму, свидетельствовал об открытости Пестеля для диалога с националистами-консерваторами.

Как мы уже знаем, А.А. Кара-Мурза принял «либеральную» трактовку идейного наследия Карамзина, предложенную В.В. Леонтовичем. Но есть еще одно решение автора «Истории либерализма в России», которое, как кажется, предполагало его реакцию. Первым российским либералом названа здесь Екатерина II. Ей, а затем и Александру I посвящены специальные главы. «Эпоха великих реформ» Александра II занимает центральное место в книге Леонтовича. Как составитель относится к этому ряду либералов уже на российском престоле, имеют ли они, по его мнению, право претендовать на место в его либеральной галерее? Единственным представителем царствующего дома среди персонажей книги оказался вел. кн. Константин Николаевич. Так, может быть, и вел. кн. Елена Павловна могла претендовать на соседство со своим родственником? Если нашлось место для представителей правительственного либерализма

XIX в., то почему эта линия не заканчивается, скажем, С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным? Эти вопросы, к сожалению, остаются без ответа.

Есть одна видная фигура, помещение которой в либеральный ряд опять-таки вызывает возражения. Это И.С. Аксаков. Он встроен был туда еще в первом издании книги. В моем отклике на очерк Д.И. Олейникова о завершителе классического славянофильства это решение было названо «заблуждением». Разумеется, выставлялись, как казалось, веские контраргументы. В третьем издании аксаковский портрет, принадлежащий тому же автору, воспроизводится в редакции 2004 г. Такому «консерватизму» в отношении Аксакова со стороны автора и составителя невозможно найти оправдание. Ведь во временном промежутке 2004–2018 гг. в аксаковской историографии произошли серьезные сдвиги.

В самом конце 2010 г. журнал «Политические исследования (Полис)» провел круглый стол на тему «Российский либерализм и христианские ценности», в ходе которого не раз звучало имя И.С. Аксакова (Полис 2011: 122–140). В 2011 г. появилась книга А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой «Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (Кара-Мурза, Жукова 2011), где Аксакову отведена специальная глава и он фигурирует как основоположник этого течения в русском либерализме. Наконец, увидела свет написанная А.А. Теслей первая биография И.С. Аксакова (Тесля 2015), еще раз заострившая проблему его

отношения к либерализму и вызвавшая неоднозначные отклики (Китаев 2015).

Здесь не место обсуждать степень убедительности доводов А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой в пользу обновления взгляда на либерализм Ивана Аксакова. Единственное, что хотелось бы знать: почему целая линейка «христианских либералов» (от В.А. Караулова и М.А. Стаховича до В.В. Вейдле и Г.П. Федотова), выстраивающаяся в книге, не имеет начала в лице Аксакова? В очерке Д.И. Олейникова ни слова не сказано о религиозном компоненте в его идейной позиции.

В ходе круглого стола в «Полисе» В.К. Кантор, оппонируя А.А. Кара-Мурзе, уверенно связал начало христианского либерализма в России с творчеством В.С. Соловьева (Кантор 2011). Это мнение представляется более близким к истине, если помнить о факте активного участия мыслителя в либеральном «Вестнике Европы» 1890-х гг. Но очерку о Соловьеве почему-то вообще не нашлось места в двухтомнике.

Мои прежние сомнения относительно либеральной «прописки» не только И.С. Аксакова, но и А.В. Никитенко, А.А. Краевского, В.О. Ключевского, портреты которых воспроизводятся в третьем издании, остаются непоколебленными. С большим основанием на их места могли бы претендовать, как мне кажется, П.В. Анненков, видные либеральные публицисты 1870–1890 гг. Л.А. Полонский, Ю.А. Россель, Л.З. Слонимский. Была возможность расширить круг

эмигрантских персоналий включением в него М. М. Карповича и А. Д. Шмемана.

Решение такой сложной задачи, как персонификация истории российского либерализма, требовало от руководителя проекта выработки четких критериев, соответствие которым давало мыслителю или политику место в портретной галерее, ее предысторической и собственно исторической частях. Одновременно могли быть оговорены исключения, принимавшиеся по тем или иным соображениям. Но ни в одном из трех кратких предисловий А. А. Кара-Мурза не высказался на этот счет. Сделай он это — сразу бы исчезла значительная часть причин полемизировать с ним.

Нужна была, конечно, и концептуализация богатейшего, но все-таки не связанного в достаточной мере «эмпирического» материала. Она придала бы биографической мозаике необходимую цельность. Читатель, независимо от степени его подготовленности, был бы благодарен составителю за пусть в чем-то гипотетическую периодизацию истории либерализма в России, характеристику тех качественных изменений, которые претерпела отечественная либеральная мысль в процессе своего развития. Словом, вступительная статья просилась в начало двухтомника. Кстати, в ней могло найтись место поразмышлять над причинами очевидной интеллектуальной и политической слабости либерализма в России рубежа XX–XXI вв. Сколь бы значимы и привлекательны ни были сами по себе фигуры А. Д. Саха-

рова и Ю. А. Левады, которыми завершается портретный ряд, видеть в их идеях и деятельности самые последние страницы истории российского либерализма — позиция весьма спорная.

Как же уживаются между собой три ипостаси А. А. Кара-Мурзы — автор-исследователь, политик-идеолог либеральной ориентации и редактор-составитель антологии? Уже было отмечено, что между вторым и третьим изданиями книги он совершал исследовательский и идейный разворот в сторону консервативного и христианского либерализма, все более убеждаясь в том, что именно этот тип мышления и деятельности единственно органичен и перспективен для современной России. Отсюда особый интерес к М. А. Стаховичу и В. А. Караулову. Но примечательно и то, что статьи о двух других значительных христианских (по версии Кара-Мурзы) либералах — И. С. Аксакове и П. Б. Струве — написаны авторами, в которых невозможно рассмотреть треть полных идейных союзников составителя. Таким образом, можно говорить о терпимости Кара-Мурзы к иному, нежели свое собственное, видению тех или иных проблем истории русского либерализма. Это свойство его редакторской позиции и позволило, как мне кажется, собрать в проекте большую группу ведущих исследователей российской политической мысли.

Почти трехкратное увеличение населенности третьего издания (в сравнении с первым), появление в либеральной галерее таких хрестоматийных для истории об-

щественной мысли в России фигур, как Карамзин и Герцен, — факты, смысл которых трудно уложить в сугубо научный контекст. В этом количественном росте определенно проглядывает желание идеолога и пропагандиста А.А. Кара-Мурзы сделать либеральную традицию более весомой и привлекательной в глазах читателя, находящегося перед идейным выбором. Сохранить в данной ситуации научную безупречность вряд ли возможно.

Сколь бы ни были спорны те или иные решения, предложенные в этой книге, она займет место в одном ряду с новейшей отечественной энциклопедией по истории русского либерализма, будет востребованным пособием в изучении этого направления общественной мысли в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Егоров 1996 — *Егоров Б. Ф.* Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996 («Языки русской культуры»).

Кантор 2011 — *Кантор В. К.* Христианский либерализм и народное двоеверие // Российский либерализм и христианские ценности (материалы круглого стола) // Политические исследования (Полис). 2011. № 3.

Кара-Мурза, Жукова 2011 — *Кара-Мурза А. А., Жукова О. А.* Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011.

Кара-Мурза 2016 — *Кара-Мурза А. А.* Был ли Карамзин либералом? (К 250-летию со дня рождения) // Политическая концептология. 2016. № 3.

Кизеветтер 2006 — *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 2006.

Китаев 1972 — *Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972.

Китаев 2007 — *Китаев В. А.* Сколько лиц у русского либерализма? // Освободительное движение в России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 22. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007.

Китаев 2015 — *Китаев В. А.* Рец. на кн.: Тесля А. А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015 // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3).

Малиа 2010 — *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010.

Полис 2011 — *Полис.* 2011. № 3. С. 122–140.

Струве 1997 — *Струве П. Б.* Patriotika: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

Струве 2004 — *Струве П. Б.* Дневник политика (1925–1935). М., 2004.

Тесля 2015 — *Тесля А. А.* Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

Rev: Rossiiskii liberalizm: Idei i liudi, 3-e izd., ispr. i dop., pod obshch. red. A. A. Kara-Murzy. Vol. 1 (XVIII–XIX vv.). T. 2 (XX v.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2018.

Kitaev Vladimir A. — doctor of historical sciences, professor of the Department of Information Technologies in the Humanities, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod)

Key words: Russia, liberalism, Christian liberalism, conservatism, socialism, revolution.

Abstract. The two-volume edition containing portraits of prominent figures of Russian liberalism of the XVIII – XX centuries is reviewed.

REFERENCES

- Egorov B. F. Evoliutsiia russkogo liberalizma v XIX veke: ot Karamzina do Chicherina. *Iz istorii russkoi kul'tury*, vol. V (XIX vek). Moscow, 1996 ("Iazyki russkoi kul'tury").
- Kantor V. K. Khristianskii liberalizm i narodnoe dvoeverie. Rossiiskii liberalizm i khristianskie tsennosti (materialy kruglogo stola). *Politicheskie issledovaniia (Polis)*, 2011, no. 3.
- Kara-Murza A. A., Zhukova O. A. *Svoboda i Vera. Khristianskii liberalizm v rossiiskoi politicheskoi kul'ture*. Moscow, 2011.
- Kara-Murza A. A. Byl li Karamzin liberalom? (K 250-letiiu so dnia rozhdeniia). *Politicheskaia kontseptologiya*, 2016, no. 3.
- Kitaev V. A. *Ot frondy k okhranitel'stvu. Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50–60-kh godov XIX veka*. Moscow, 1972.
- Kitaev V. A. Skol'ko lits u russkogo liberalizma? *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 22. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2007.
- Kitaev V. A. Rets. na kn.: Teslia A. A. *Poslednii iz "ottsov": biografiia Ivana Aksakova*. St. Petersburg, 2015. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no. 2 (3).
- Kizevetter A. A. *Istoricheskie ocherki*. Moscow, 2006.
- Malia M. *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855*. Moscow, 2010.
- Polis*, 2011, no. 3, pp. 122–140.
- Struve P. B. *Patriotika: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm*. Moscow, 1997.
- Struve P. B. *Dnevnik politika (1925–1935)*. Moscow, 2004.
- Teslia A. A. *Poslednii iz "ottsov": Biografiia Ivana Aksakova*. St. Petersburg, 2015.

М. Ю. Немцев

ИЗ КУХНИ НА ПЛОЩАДЬ

Рец.: *Вессье С.* За нашу и вашу свободу. Диссидентское движение в России / пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой. Н. Мавлевич. М.: НЛО, 2015.

Ключевые слова: Диссиденты, диссидентское движение в СССР, советская интеллигенция, этика сопротивления, Александр Солженицын.

Аннотация. Рецензируемая книга посвящена истории диссидентского движения в СССР, охватывая почти исключительно события в жизни «пролиберальной» и правозащитной части движения, сосредоточенной в Москве. В рецензии рассмотрены особенности избранного Вессье подхода и особенно его методические ограничения.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-389-402

Диссидентское движение в СССР давно уже стало обычной темой для исторических исследований, документальных фильмов и даже школьных занятий. Оно упоминается в школьных учебных курсах, а имена выдающихся диссидентов получили массовую известность. И в то же время, хотя «История советского диссидентства была издана в 1984 году», она «не написана до сих пор». С этих слов Глеб Морев (*Морев* 2017: 8) начал предисловие к сборнику интервью с важнейшими представителями движения. Довольно

интересно было бы понять, почему эта история до сих пор не написана, и как именно стоило бы ее писать.

Хотя книга Сесиль Вессье не может восполнить эту нехватку, она представляет собой хорошее популярное изложение этой истории для тех, кто интересуется советским обществом. Вессье не скрывает свое взволнованное, романтическое отношение к тем, о ком она пишет. И это придает книге ощутимую личную интонацию.

Перед нами подробное целостное изложение всей истории диссидентского движения (ниже я буду писать просто «движения»), от его формирования в годы ранней оттепели и до фактического завершения в годы высшего подъема

© Историческая Экспертиза, 2018

Немцев Михаил Юрьевич — историк, кандидат философских наук (Вашингтон, США); nemtsev.m@gmail.com

Оригинальное название книги: *Vaïssiè C.* Pour votre liberté et pour la nôtre: Le combat des dissidents de Russie. Paris, 1999.

Перестройки. Книгу можно рекомендовать для чтения старшеклассникам и студентам. В рецензии речь пойдет о некоторых особенностях избранного Сесиль Вессье подхода к изложению этой истории.

Уже само название книги четко указывает: под каким углом, в какой тональности в ней будет представлено диссидентское движение. Лозунг польских патриотов, ставший главным лозунгом знаменитой «демонстрации семерых» в августе 1968 г., отсылает к образу диссидентского движения как движения освободительного (либерального, или, в более широком смысле, эмансипаторного). Самим названием книги заявлен подход к советским диссидентам как продолжателям освободительной борьбы народов Европы и мира против собственных авторитарных правительств. Этот подход уходит в старую добрую традицию европейского свободомыслия. Он состоит в том, что такие правительства не способны ни следовать собственным законам, ни даже достичь морального авторитета без применения насилия (причем все более избыточного, все менее эффективного). В итоге они постепенно теряют влияние и авторитет, потому что под более или менее последовательным воздействием личного жертвенного примера участников этого движения граждане постепенно осознают ценность свободы. Когда с началом перестройки ценности гласности и свободомыслия (плюрализма) получают всеобщее распространение и поддержку средств массовой информации, это фактически становится исторической победой диссидентского движения. Книга вполне

последовательно раскрывает эту логику становления диссидентства именно как борьбы за вашу и нашу свободу, «одного из самых благородных человеческих деяний XX века» (с. 14). Активное политическое и духовное самоосвобождение в противостоянии государству — основной сюжет книги. Такой взгляд на советских диссидентов воспроизводит, пожалуй, восприятие многими из них своего жизненного пути. Жизнь прежде всего состоит из поступков, а не дискуссий. Однако если этот подход берется за основу при написании истории, то ряд сложных тем остается как бы «за кадром». Особенно это касается дискуссий о целях борьбы, о предполагаемом общественном идеале и об альтернативах общественного развития, всего того, что нужно специально реконструировать через сравнение текстов и воссоздание контекста их написания.

В этой книге все повествование выстраивается вокруг одной темы: диссиденты (как движение в целом) обладают моральной правотой и разоблачают неправоту власти (всей в целом). Заменить ложную, «мифологическую» и потому неадекватную картину происходящего в стране подлинной, адекватной и основанной на проверенной информации картиной — вот задача диссидентов; подать личный пример «жизни не по лжи» и самопожертвования — такова их тактика; разрушить тем самым монополию власти на умы и совесть подвластного ей населения — вот цель. Вокруг этого сюжета и строит Вессье свое повествование.

Введение озаглавлено «Из кухни на площадь». Оно начинается с дра-

матической и фарсовой истории ареста и экстренной высылки (точнее сказать, транспортировки) академика Андрея Сахарова в Нижний Новгород в январе 1980 г. «История с депортацией Сахарова показывает, насколько несоразмерные, неадекватные меры принимались в СССР против инакомыслящих» (с. 8). Автор задается вопросом: чем эта немногочисленная группа (ее немногочисленность неоднократно подчеркивается в книге) могла бы навредить «одной из двух мощнейших мировых держав», так что держава столь сурово на них реагировала? И «почему голоса этих немногих так живо интересуют общественность на Западе, что под их влиянием в корне меняются взгляды на Советский Союз»? (Там же). Ответ в принципе ясен с самого начала книги: советской власти была невыносима открытая борьба за неотъемлемые права личности и прежде всего такой самой первичной формы общественной борьбы за них, как открытое публичное обсуждение этих нарушений. Принципы диссидентов – уважение к закону, отказ от насилия, прозрачность (с. 11). Они – как бы на сцене. За их противостоянием государству наблюдает, с одной стороны, Запад, а с другой – молчаливое большинство русского народа (точнее было бы говорить о «советском»). В конце концов, диссиденты приближают Перестройку. Во всяком случае, имеют возможность ретроспективно считать себя приближавшими Перестройку.

Первая глава озаглавлена «Вашим голосом заговорила сама немота». В ней рассказывается, как в период

после смерти Сталина разные люди самостоятельно приходили к необходимости не только использовать все возможности пользоваться правом на свободу мысли и ее публичное выражение, но и отстаивать эту свободу. В это время даже публичное чтение стихов было политическим выступлением, и поэтому «важным явлением стали публичные выступления поэтов на площади Маяковского» (с. 28) после открытия на ней памятника в 1958 г. Тогда же начинаются первые аресты, но важен прецедент. В этот же период происходит публичное осмысление сталинизма. Публикуются первые художественные (Солженицын) и исторические (Рой Медведев, Александр Некрич) работы о нем.

Эта глава посвящена периоду становления диссидентского движения как такового. Поэтому она ожидается завершается описанием знаменитой манифестации на Красной площади 25 августа 1968 г. В этот период советское государство уже перешло к стратегии постепенного сворачивания «оттепельных» свобод. Но диссидентское движение уже сформировалось. Весье отмечает, что его составили представители двух поколений. Первое – молодые люди, «кто еще не нашел свое место в жизни. Власти лишили их такой возможности, заперев в тюрьмы, лагеря и психушки...». К ним примкнули люди уже зрелые, которые пережили войну и успели побыть убежденными сторонниками коммунистической идеологии. Для них присоединение к движению стало результатом интенсивной переоценки своих убеждений и взглядов.

Характерно, что в этой главе не упомянута группа, сформированная историком Львом Краснопевцевым и его друзьями в 1956 г. в Москве (хотя она упоминается в «хронологии: 1956–1987» в приложении). А ведь уже в 1957 г. они не просто практиковали свободу дискуссий, но распространили листовки, прямо обращаясь к населению, и фактически предвосхитили деятельность активистов «движения». Конечно, эта группа, которая очень рано сформировалась именно как узнаваемо-диссидентская, занимает особое место в истории диссидентского движения в России (Сергеев 2012). Однако она не была совершенно уникальным явлением, и можно ожидать, что «ранние» группы, возникшие в период сразу же после XX съезда, будут хотя бы упомянуты в любой обобщающей работе по истории диссидентского движения в СССР. Само выделение «России» не вполне целесообразно, все-таки актуальным для советских диссидентов пространством действия и масштабом был именно СССР, а не РСФСР. Хотелось бы увидеть и упоминание политических арестов и судов 1957 г. Тот факт, что Вессье в своей книге проходит мимо них, указывает на важнейшее методическое ограничение используемого ею способа «рассказывать историю» диссидентского движения: это история преимущественно лишь части движения. И к тому же локализованной почти исключительно в Москве. Речь идет не обо всех диссидентах, но лишь о тех, кто субъективно и объективно представлял собой «интеллектуальную и нравственную элиту общества» (с. 145). По понятным

причинам, эта группа всегда на виду. И все-таки отождествить все диссидентское движение с этой элитарной группой — значит заведомо сузить границы этого явления, свети «диссидентство» к движению столичных интеллектуалов из среднего класса.

Можно вспомнить, что свое фактически единственное (до публикации этого перевода книги Вессье) опубликованное на русском языке обобщающее историческое исследование о диссидентском движении Людмила Алексеева начала с национальных движений как наиболее широких и возникших раньше других (Алексеева 2012: 6). В книге Вессье национальным движениям не находится места. Кроме еврейского движения (тоже почти исключительно столичного). Вероятно, потому, что они мало в чем стыковались с «интеллектуальной и нравственной элитой общества», отстаивая прежде всего цели национального освобождения. Это было для них принципиально важнее, чем разоблачение лжи советской власти и ловля ее на противоречиях самой себе. Может быть, дело еще и в том, что основные события национальных и национально-освободительных движений происходили на окраинах, а не в Москве. Играет роль еще и собственный особый интерес автора в первую очередь к активизму некоторых ярких фигур, символизирующих всю «нравственную элиту».

Движение конца 1960-х, а особенно 1970-х представляло собой совокупность разветвленных социальных сетей. Ее центр, несомненно, был

в Москве. Но только событиями в Москве и ее окрестностях историю диссидентского движения теперь уже ограничивать невозможно.

Тактика противостояния советской власти рассматривается во второй главе. Главный принцип — это гражданские права. Требование соблюдения прав, оспаривание их нарушения. Советский Союз имел свои законы и подписывал многочисленные международные соглашения; «Диссиденты вынуждают власть сбросить маску и обнаружить свое истинное отношение» (с. 93) ко всему этому. Другой важнейший принцип — ненасилие, отказ от кровопролития и вообще любого насилия. В этом сходятся такие политически почти противоположные люди, как Александр Солженицын и Андрей Сахаров. Третий принцип — гласность (точнее было бы сказать, публичность). Эти три принципа представлены как стихийно сформировавшиеся стратегические условия самого движения.

Четвертым важнейшим стратегическим условием стала борьба за право публичного распространения информации. Иметь свое частное мнение советским гражданам не запрещалось, но его публичное выражение (публикация) — совсем другое дело. Тем более если речь шла о протесте против действий власти. И чтобы реализовать свое формально гарантированное законами право на свободу слова, диссиденты потратили огромные усилия. Один из нескольких примеров этой борьбы — история «Хроники текущих событий», созданной Натальей Горбаневской.

Диссиденты настаивали на своем праве не только сообщать гражданам своей страны информацию о происходящем, но и обращаться к ним на своем языке. На языке живого человеческого общения, а не официальной казенщины. Вессье приводит интересные примеры иронии и юмора в общении диссидентов с властью. Конечно, они не ожидали, что на их шуточные обращения к власти кто-то станет всерьез отвечать. Они демонстрировали, что так, на равных, с ней тоже вполне можно говорить. Это было важно для сохранения человеческого достоинства перед лицом жестокого государства — знать, что хотя бы кто-то может обращаться к нему вот так.

Третья глава начинается с подглавки с тревожным названием «Становится ясно: лагеря по-прежнему существуют». Эта глава посвящена отношениям политических заключенных и тех, кто (временно?) оставался на свободе. В России почти всегда те, кто стремится рассказать о своих воззрениях на то, как идут дела в этом государстве, должны соотносить это свое желание со стремлением государства держать подобные разговоры в некоторых пределах, ограниченных тюрьмой. И в истории диссидентского движения отношения воли и неволи — это, безусловно, важнейшая тема. В книге приводится много примеров солидарности и эффективной взаимопомощи диссидентов. Огромную роль сыграла «Хроника текущих событий». В работе Вессье, как в античных «параллельных жизнеописаниях», представлены истории политических антиподов,

но — по ряду вопросов — стратегических союзников, Сахарова и Солженицына. Рассказывается об истории «Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям», более известного как «Фонд Солженицына». Особое внимание уделено истории борьбы за права политических заключенных, помещенных на принудительное психиатрическое лечение. Это один из самых позорных моментов в истории советского государства, и одновременно — одна из тех немногих областей, где действительно удалось организовать результативное внешнее давление на него. В 1977 г. на Всемирном психиатрическом конгрессе удалось распространить собранную в СССР подробную и доказанную информацию о злоупотреблениях психиатрией, о пытках пациентов и о существе применяемых тюремными психиатрами против политических заключенных методов. Советская делегация неожиданно для себя подверглась жесткой критике (с. 220–221). В 1983 г. СССР пришлось самому выйти из Всемирной психиатрической ассоциации, чтобы избежать исключения. Подробное и четкое описание этой борьбы внутри страны и вне ее относится к лучшим страницам книги. Именно в описании борьбы за права заключенных и помощи им, где «диванные» идейные разногласия отходили на второй план, а важнейшую роль играли личные организаторские способности, избранный Вессье подход очень эффективен.

Четвертая глава посвящена идеям и ценностям диссидентского движения. Это, вероятно, сложнейшая

для историографии диссидентского движения тема. С одной стороны, раскрытие внутренних противоречий внутри оппозиционных движений имеет ключевое значение для интеллектуальной истории всего движения. С другой стороны, предусматривает критическое отношение к нему — тогда как избранный автором подход, по существу, не критичен. При этом Вессье уделяет специальное внимание нескольким направлениям развития идеологии движения. Прежде всего, это русский национализм, деятельность таких интеллектуалов, как Владимир Осипов и Игорь Шафаревич. Возрождение православия «снизу» (Глеб Якунин и другие молодые священники). Возрождение еврейского национального сознания рассмотрено на примере истории журнала «Евреи в СССР». Говорится и о еврейском культурном возрождении в процессе борьбы за право выезда. Сказано и о попытках взаимодействия еврейских и русских националистов. Примером этого стал опыт Михаила Агурского (с. 271–272), от серьезного диалога с которым отказался консервативно-националистический журнал «Вече». Этическая близость диссидентов и еврейских активистов осложнялась государственным антисемитизмом, который повлиял на по крайней мере некоторых диссидентов.

Отдельный сюжет — это борьба диссидентов за мир и разоружение. Главной ее фигурой предстает Андрей Сахаров. Здесь Вессье характеризует формирование его взглядов и особое внимание уделяет полемике Сахарова и Солженицына. Расхождения между ними Вессье объяс-

няет во многом психологическими различиями и тем, что важнейшими внутривнутриполитическими изменениями для Сахарова стали бы демократизация и либерализация, тогда как для Солженицына — отказ от государственной поддержки идеологии марксизма-ленинизма.

В книге описано, как Сахаров в апреле 1974 г. вступает в полемику с Солженицыным, оспаривая ключевые положения солженицынской мысли, в первую очередь — суждение о том, что «Россия якобы не дозрела до демократии» (с. 289). Он также отрицает характеристику марксизма как «западного учения»; для него, ученого, нет западных или незападных идей, но лишь верные — либо неверные. На эту критическую статью Солженицын отвечает в ноябре 1974 г., уже после высылки из СССР. Он указывает на сближение их позиций, но обозначает и расхождения. На его взгляд, Сахаров преуменьшил роль марксистской идеологии в жизни советских людей. Кроме того, на самом деле Солженицын не отбрасывал идею демократии, как его неверно понял Сахаров, но выражал сомнение в возможности ее введения «в нынешнем СССР». Он также полностью отвергает обвинения в национализме. Эта полемика частично была продолжена и в сборнике «Из-под глыб» того же 1974 г., где Солженицын призывает к общенациональному покаянию, а для него «путь покаяния и защита гражданских прав... противостоят друг другу» (с. 292). Ту же полемику «косвенным образом» Сахаров продолжил в большом эссе «О стране и мире» 1975 г., где, уточнив, что «не видит

поводов для продолжения дискуссии», он все-таки подчеркивает, что спасение России из ее бедственного состояния немислимо вне спасения всего мира. Резюмируя, Вессье отмечает, что оба дискуссанта «выступают за свободу мысли и слова» (с. 294), но при этом серьезно расходятся в представлениях о возможностях изменить ситуацию. В этой полемике приняли участие и другие диссиденты. И хотя выявилось ощутимое несовпадение взглядов, к расколу движения она не привела.

Заочная дискуссия Сахарова и Солженицына — практически единственный пример интеллектуальных дискуссий в движении, приводимый в книге. Характеризуя взгляды отдельных ярких его представителей и отдельные значимые работы, она почти не уделяет внимания именно интеллектуальному содержанию движения — дискуссиям о теоретическом осмыслении происходящего в СССР, столкновению социальных и этических концепций, философским и религиозным дискуссиям. Интеллектуальная жизнь движения представлена в книге почти исключительно в двух разрезах: мнения ее представителей о ситуации в СССР и их же мнения о движении и его возможностях и перспективах.

Кажется, это естественный результат избранного подхода к диссидентству как истории коллективного действия. Такой подход отдает предпочтение «делам» перед словами, тем более перед мыслями, часто выраженными малопонятным сегодня языком. Вессье с восхищением пишет о людях, совершающих

бескорыстные поступки. Их напряженная интеллектуальная работа при этом оказывается как бы вторичной по отношению к этим поступкам, хотя они и стали возможны благодаря ей.

Скажем, в книге упоминается деятельность председателя советской секции Международной амнистии, физика и правозащитника Валентина Турчина. Дважды кратко пересказывается его книга «Инерция страха» (с. 319, затем без точной ссылки с. 328), но пересказывается лишь ее первая часть, с антитоталитарной критикой советского строя. Причем из этого изложения невозможно увидеть, что целью работы Турчина было обновление советского общества через обогащение политэкономии социализма методами новейшего системного анализа и кибернетики (*Турчин 1977*). Вся его серьезная (не важно, имевшая хоть какую-нибудь перспективу или нет) теоретическая работа по преодолению тоталитарных тенденций в советском социализме осталась без внимания, читатель о ней не узнает.

Отдельно рассмотрено отношение диссидентов к политике. Вессье подчеркивает, что большинство диссидентов не считало, что они занимаются политикой. Полагая политику занятием государственных властей, многие из них считали, что интеллигенция не должна заниматься этим «грязным делом» (как назвал ее Александр Даниэль, цит. на с. 365). И в то же время были те, кто считал себя именно политиком и оспаривал это интеллигентское воздержание от борьбы за власть.

Например — Владимир Буковский. Представив несколько мнений об отношении движения к власти, Вессье солидаризируется с теми, кто считал этот *отказ от политизации* одной из причин кризиса движения к началу 1980-х.

Указывать в рецензии на книгу на то, о чем в ней не написано, хотя могло бы быть, — довольно глупое занятие. Однако здесь я подхожу к принципиальному моменту, касающемуся принципов историописания диссидентского движения в СССР. Можно вспомнить вопрос, поставленный в самом начале: почему до сих пор не написана его подробная история? Один из ответов состоит в том, что его история во многом до сих пор *деинтеллектуализована*. Демонстрации, яркие процессы, героизм под следствием — к этому повседневность движения отнюдь не сводилась. Но именно это «внутреннее измерение» публичных событий требует большой предварительной аналитической работы. Ее аналитическим обобщениям фактически еще только предстоит появиться. В частности, сравнительно мало исследована история «левой», или просоциалистической, части движения — этих «диссидентов среди диссидентов», как удачно названа недавняя книга о них (*Будрайтскис 2017*), см. также известную статью Сергея Ушакина (*Ушакин 2001/2012*)).

Пятая глава, под названием «А король-то голый!», посвящена отношению диссидентов к советской социально-политической системе. Они ее «в общем и целом оценивают отрицательно — здесь все ясно и понятно» (с. 310), но заслуживают внимания индивидуальные истории

формирования этого отношения. Здесь есть важные нюансы. Вессье использует «поколение» в качестве основной аналитической категории. Полагая, что ядро движения составили люди двух поколений и поколенческие различия важны для понимания их отношений (об этом говорится уже на первых страницах введения), автор в этой главе говорит и о третьем поколении. Это люди, рожденные в первое послевоенное десятилетие, которые поддерживают преемственность внутри движения. В конце 1970-х появляется и четвертое поколение, чьи представители уже «с известной вольностью относятся к изначально сложившейся этике диссидентства» (с. 312). Принадлежность к поколению во многом определяет ключевое для персонажей этой главы отношение к марксизму (так в тексте, точнее было бы — к марксизму-ленинизму как компоненту официальной идеологии). Диссиденты второго поколения в целом разделяли ценности социализма как основу идеологии власти. Их критическое отношение к ней выросло из понимания ее несоответствия собственной идеологии, особенно — из возмущения явственным возрождением сталинизма. В отличие от них, диссиденты первого поколения пришли в движение юными и никогда и не были сторонниками коммунизма. Примерами становятся Владимир Буковский, один из центральных героев всей книги, и Вадим Делоне. К этим поколениям позже «присоединяются» третье и четвертое, и они продолжают споры о социализме и его перспективах. В середине 1970-х уже масса диссидентов отворачивается

от поисков «лучшего социализма», среди них — генерал Петр Григоренко; после 1982 г. среди диссидентов, за некоторыми исключениями, не остается сторонников социализма (с. 323). При этом они превращаются не в антисоветчиков, т.е. в борцов с советской властью, но в сторонников иной общественной модели. Постепенно в качестве такой модели утверждается концепция «правового государства».

Сами же диссиденты эффектно раскрыли невнятность термина «антисоветский», избранного властью для идентификации своих противников. Вессье рассматривает различные виды протеста против произвола советской власти, от выходов из формально добровольных, но фактически обязательных для лиц той или иной сферы деятельности организаций (Союз писателей и т.д.) до обращений в суд с требованием защиты нарушенных государством прав.

С помощью таких жестов сопротивления «Диссиденты разоблачают миф системы» (как озаглавлен подраздел на с. 335). Но перед кем? Кто адресат этого разоблачения ничтожности советской пропаганды? Обобщенный «Запад»? Видимо, да, он. Ему и адресованы многие из их обращений. Во всяком случае, разоблачения перед обобщенным «Западом» советская власть боится больше, чем какой-либо внутренней антисоветской «агитации и пропаганды», за которую до определенного периода и преследуют несистематично (и к этой небрежности диссиденты, конечно, привлекают внимание).

Важнейший из этих мифов — это миф о вечности советского строя. При этом период, в течение которого советский строй подойдет к окончательному крушению, многим представлялся весьма долгим. Важнее всего была, однако, сама способность представить себе советскую власть как исторически конечную и даже уже обреченную.

При этом разоблачение мифов как-то влияет и на ситуацию в самом советском обществе. Но это влияние заметно меньше интересует Вессье, чем восприятие подразумеваемым главным адресатом — диссидентов, а ими — самих себя.

Не могу не пожалеть, что в этой схеме, к сожалению, не нашлось места одному из наиболее интересных, на мой взгляд, антисоветских мыслителей — Аркадию Белинкову. По возрасту относясь к старшему, «второму» поколению, он тем не менее никогда не был сторонником коммунизма в какой-либо его форме. Он был писателем и литературным критиком и «на самом себе» сурово анализировал условия существования писателя в Советском Союзе. Не принадлежа к числу активных участников диссидентского движения, он был одним из тех, кто последовательно отстаивал свою творческую свободу от цензурных устремлений советской власти, был подвергнут за это наказанию, но не останавливался ни перед прямым столкновением с властью, ни перед изгнанием. В этом смысле его «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» — это важнейший и в своем роде единственный текст именно для понимания отношений

советской «творческой интеллигенции» и советской власти. А интеллектуальная биография Аркадия Белинкова могла бы стать образцом именно творческой биографии интеллектуала-борца (Белинков, Белликова 2008). Если кто и был действительно убежденным «антисоветчиком», то это был Белинков. Не отвлекаясь на «разоблачение мифов системы», он целенаправленно разоблачал саму эту систему, отрицая само ее право на существование (в отличие от многих в своем поколении, искавших, как это показывает Вессье, пути ее улучшения, «очеловечивания»). Он строил этику духовного самоосвобождения, по необходимости связанную с борьбой против этой системы.

Возможно, неупоминание Белинкова в книге Вессье связано с авторским *предпочтением дел — словам*: одинокий мыслитель Аркадий Белинков не прославился ни в качестве организатора подписных кампаний, ни как участник демонстраций, да и в эмиграции он не успел выполнить задуманный им проект по объединению сил сопротивления. Может быть, в основном поэтому он и теперь мало известен. А между тем его деятельность заслуживает специального внимания — и особенно там, где речь идет об этике движения.

Глава завершается на тревожной ноте: к началу 1980-х гг. в движении назревают противоречия. На смену нравственному вызову приходит эгоистический «расчет», о котором «не принято говорить вслух» (из размышлений Михаила Гефтера в 1979 г. (с. 372)). Даже появляется опасность распространения симпа-

тий к терроризму, который полностью отвергало все движение. И вот в это-то время власть переходит в последнее наступление.

Шестая глава посвящена последнему периоду истории советского диссидентства: периоду его раскола и стратегического поражения. Обстоятельства этого периода как-то заслонены Перестройкой и наименее известны даже тем, кто интересуется историей диссидентства в России. Тем более что история эта совершенно безрадостна, как вообще история упадка и поражения. И при этом сама названная глава производит впечатление самой целостной и «собранной» части книги.

В этот период советское государство перестало публично дискредитировать диссидентов и перешло к полному умолчанию о самом их существовании. Его главным оружием стало требование публичного покаяния, ведь «диссидент, признавая, что совершил антисоветское деяние, признает и разделяет этику власти. Для власти это важная моральная победа... устное или письменное признание вины оказывается низведением преступника до уровня нашкодившего ребенка» (с. 383–384).

Эта стратегия оказалась удивительно успешной, когда во время публичного процесса 1973 г. Петр Якир и Виктор Красин полностью признали свою вину. Через два года произошел менее резонансный суд над писателем Владимиром Мараминым. В июне 1980 г. популярный, авторитетный священник отец Дмитрий Дудко публично кается

по телевидению, «Известия» публикуют его «весьма жалкое письмо» (с. 393), а в сентябре 1980 г. покаяния и сотрудничества добиваются от других активистов христианского движения, Льва Регельсона и Виктора Капитанчука. К признавшим свою вину власть относится очень снисходительно. Но их признания бьют по тем, кто продолжает сопротивляться давлению следователей. Те, кто «покаялся», теряют свой авторитет и оказываются навсегда травмированы этим поражением, выходя из рядов активных диссидентов.

После 1982 г. власть начинает еще активнее и грубее применять этот эффективный метод. Здесь же среди тех, кто поддался давлению следствия, упомянут арестованный в 1982 г. Глеб Павловский (здесь можно поправить Вессье, которая пишет, что «осудили его только на пять лет условно» (с. 402), хотя Павловский получил три года вполне «реальной» ссылки¹). Приведены поучительные примеры вариантов жестокого шантажа, к которому прибегали следователи, вымогая признания и раскаяния.

В сентябре 1983 г. в Уголовный кодекс была введена новая статья

¹ Об обстоятельствах «идейного» признания и сотрудничества со следствием Г. О. Павловского см. в его автобиографической книге (*Крестев, Павловский* 2018). Удивительно увидеть в книге Вессье фразу в жанре «тонкого намека на толстые обстоятельства», вызывающего в памяти приводимые ею же цитаты из официальных советских публикаций, порочивших диссидентов: «Спустя много времени он оказывается в команде президента Путина, что наводит на некоторые размышления по поводу его связей и дальнейшей эволюции» (с. 402).

188–3, облегчившая добавление срока. Она значительно упростила добавление срока тем, кто уже находился в заключении². Настаивавшие на своей правоте политзаключенные теперь рисковали, что им придется оставаться за решеткой неопределенно долго.

Вскоре к власти пришел Михаил Горбачев. Требование освободить политических заключенных диссидентов, звучавшее изнутри и, главное, извне страны, отлично доходило до нового генерального секретаря, но послушно последовать ему он не хотел. Однако «проблема Сахарова», ставшего символом политических преследований в СССР, требовала решения, и особенно в новых условиях контролируемой демократизации.

Принципиальное решение об этом было принято еще в конце 1986 г., но это было решение не о безусловном освобождении. Диссиденты должны были просить о помиловании. И это письменное обращение с признанием своей вины (сколь угодно формальным и небрежным, но все-таки письменно оформленным и переданным тюремному начальству) стало последним средством лишения диссидентов достоинства и чувства морального превосходства. Приближаясь к собственному бесславному концу, советская власть заставила многих представителей уже расколотого

² Речь идет об Уголовном кодексе РСФСР. Этого уточнения в книге нет, так же как не указано и название самой статьи 188–3, а его стоит здесь привести: «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения».

движения капитулировать. Некоторые сумели отказаться, но «сотни людей, осужденных за то, что они отказывались жить не по лжи, официально так и остались преступниками. И хотя дело их, казалось бы, восторжествовало, они сами навсегда или надолго замолчали» (с. 433). Эта полная деморализация стала одной из важных причин того, что диссидентское движение в период, казалось бы, достижения своей цели – прогрессивной перестройки и либерализации советского общества – не смогло реорганизоваться в новое массовое движение. Идеи диссидентов победили, но были перехвачены и перетолкованы властью, и эта победа стала фактическим концом всего движения.

В Заключении Сесиль Вессье подводит историософский итог истории всего движения. Что это было? «Диссиденты... не ставили себе цели разрушить режим; они хотели показать, что этот режим – миф» (с. 439). Эта формула, кстати, означает, что те, кто ставил перед собой цель разрушить режим, диссидентами не были. Действительно, в книге подчеркивается, что Солженицын, который такую цель перед собой, безусловно, ставил, *de facto* не был диссидентом. Но и любые националисты тоже оказываются исключены из их числа. Диссиденты способствовали саморазoblачению режима; некоторые из них считали, что они подтолкнули его к «смягчению» (с. 442), к плавному отказу от советской идеологии. Получается, что диссидентское движение было движением городских интеллектуалов с моралистической и поэтому весьма ограниченной

программой. Эти интеллектуалы наследовали русской интеллигенции, хотя уже значительно отличались от нее. Интеллигентский миф о «народе», который нужно учить, был не актуален для людей, исповедовавших личную инициативу, поступок и заменивших, как пишет Вессье, традиционный треугольник отношений «власть — интеллигенция — народ бинарным отношением власть — мыслящий индивидуум» (с. 448). Явное противоречие можно увидеть в том, что эти «мыслящие индивидуумы» тем не менее ведь создали политическое движение. Поэтому действительно последовательные индивидуалисты, прямо противопоставляющие себя советскому государству без посредничества каких-либо «общих идей», оказываются вне поля зрения и автора, и читателя. Такие, например, как упомянутый выше и не упомянутый в книге Аркадий Белинков или упомянутый в ней лишь вскользь Александр Зиновьев³. Они — слишком диссиденты даже среди диссидентов.

Кроме того, это движение опиралось на разветвленную социальную сеть с сложной самоорганизацией и поддерживающей ее инфраструктурой. Эта инфраструктура — самиздат, тамиздат, сети сочувствующих журналистов, кружки и квартиры, где эти кружки собираются, фи-

³ Интересно, что упомянут он как автор книги о «Номо soveticus», но не как автор принципиально важного для понимания жизни и этоса советских интеллектуалов анти-антисоветского романа «Зияющие высоты». Вероятно потому, что в «Зияющих высотах» многократно и уничтожающе высмеян пафос «жизни не по лжи», столь важный для Вессье.

нансовое обеспечение жизнедеятельности диссидентов и их семей — в книге, конечно, упоминается. Но специального внимания ей не уделено, она как бы вынесена за кадр. Между тем она во многом определяла образ жизни и образ мысли диссидентов, формируя поле возможностей, в которых они ориентировались и действовали. Без внимания к инфраструктуре история диссидентского движения остается историей содержания без формы — поучительной и местами очень вдохновляющей легендой.

Книга Вессье вышла в 1999 г., хотя в примечании указано, что для русского издания в нее внесены изменения и дополнения. Заключение заканчивается событиями начала 2010-х гг., и оно тревожно: не возвращаются ли вновь те же времена? Если да, то такой опыт предыдущих поколений может неожиданно оказаться не только интересным, но и жизненно необходимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева 2012 — *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. 3-е изд., стер. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012.

Белинков, Белинкова 2008 — *Белинков А., Белинкова Н.* Распря с веком (В два голоса). М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Будрайтскис 2017 — *Будрайтскис И.* Диссиденты среди диссидентов. М.: Свободное марксистское издательство, 2017.

Крастев, Павловский 2018 — *Крастев И., Павловский Г. О.* Экспериментальная Родина. Разговор с Г. Павловским. М.: Европа, 2018.

Морев 2017 — Морев Г. Диссиденты. М.: АСТ, 2017.

Сергеев 2012 — Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева — Ренделя // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 98–103.

Турчин 1977 — Турчин В. Инерция страха. Нью-Йорк: Хроника пресс, 1977.

Ушакин 2001/2012 — Ушакин С. Ужасающая мимикрия самиздата // Онлайн-журнал «ГЕФТЕР». URL: gefter.ru/archive/6204 (дата обращения: 19.02.2012).

FROM THE KITCHEN TO THE SQUARE

Rev.: Vess'e S. Za nashu i vashu svobodu. Dissidentskoe dvizhenie v Rossii, per. s frants. E. Baevskoi, N. Kislovoi. N. Mavlevich. Moscow: NLO, 2015.

Nemtsev Mikhail Yu. — PhD, historian (Washington, USA)

Key words: Dissidents, Dissident movement in the USSR, Human Rights activism in the USSR, Soviet Intelligentsia, ethics of citizen resistance, Alexander Solzhenitsyn.

Abstract. This book describes history of the dissident movement in the USSR, concentrating primarily on events and personal stories of its 'pro-liberal' and pro-Human rights fractions. In the review, special attention paid to the specificity and limitation of the author's approach.

REFERENCES

Alekseeva L. M. *Istoriia inakomyслиia v SSSR: noveishii period*. 3-e izd., ster. Moscow: Moskovskaia Khel'sinskaia gruppa, 2012.

Belinkov A., Belinkova N. *Raspria s vekom (V dva golosa)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.

Budraitskis I. *Dissidenty sredi dissidentov*. Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2017.

Krastev I., Pavlovskii G. O. *Eksp'erimental'naiia Rodina. Razgovor s G. Pavlovskim*. Moscow: Evropa, 2018.

Morev G. *Dissidenty*. Moscow: AST, 2017.

Sergeev V.N. K voprosu ob ideologii gruppy Krasnopevtseva — Rendelia. *Vestnik MGOU. Seriiia "Istoriia i politicheskie nauki"*, 2012, no. 3, pp. 98–103.

Turchin V. *Inertsiiia strakha*. New York: Khronika press, 1977.

Ushakin S. Uzhasaiushchaia mimikriia samizdata. *Onlain-zhurnal "GEFTER"*. URL: gefter.ru/archive/6204 (data obrashcheniia: 19.02.2012).

«ХОЧЕТСЯ СТРУКТУРИРОВАТЬ ПОЛЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, ЧТОБЫ ПРОИСХОДИЛО НЕ ПРОСТО АККУМУЛИРОВАНИЕ БЕСКОНЕЧНОГО ЧИСЛА ЭМПИРИЧЕСКИХ КЕЙСОВ, НО И ОБСУЖДЕНИЕ РАЗНЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ».

Интервью с М. Е. Габовичем

Ключевые слова: история, социология, военные мемориалы, памятники, память, коммеморация, постсоциализм; сравнительная история.

Аннотация. Михаил Габович, историк и социолог, рассказывает о своей академической карьере и текущих исследовательских проектах, посвященных советским воинским мемориалам, коммеморативным практикам, а также истории одной деревни на юго-востоке Беларуси. Он также говорит о деятельности рабочей группы по постсоциалистическим и сравнительным исследованиям памяти, функционирующей в рамках Ассоциации изучения памяти, и в том числе о ее планах в связи с проведением конгресса этой ассоциации в 2019 г. в Мадриде.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-403-410

Михаил Евгеньевич Габович, социолог и историк, научный сотрудник

© Историческая Экспертиза, 2018

Габович Михаил Евгеньевич – социолог и историк, научный сотрудник Эйнштейновского форума в Потсдаме (Германия); mischa.gabowitsch@einsteinforum.de

Эйнштейновского форума в Потсдаме. В прошлом – редактор журналов «Неприкосновенный запас» и *Laboratorium*, член научных советов электронного журнала *Kultura* и Берлинских коллоквиумов по современной истории. Преподавал

в Принстонском университете, Берлинском университете им. Гумбольдта и Европейском университете Виадрины во Франкфурте-на-Одере. Исследует историю советских военных памятников, а также коммеморативные практики и другие формы коллективных действий. Автор или составитель книг: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа (2-е, исправленное и расширенное издание). М.: Новое литературное обозрение (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»), 2005. 782 с.; Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin:

Suhrkamp, 2013. 442 p.; Protest in Putin's Russia. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2016. 332 p.; Kriegsgedenken als Event. Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa. Mit Cordula Gdaniec und Ekaterina Makhotina. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. 345 p.; Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities. Basingstoke: Palgrave, 2017. 353 p.; Памятник и праздник: этнография Дня Победы. М.: Новое литературное обозрение (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»), в печати.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Первый вопрос традиционный: расскажите немного о себе, о вашей академической карьере.

М. Г. Я учился в Оксфордском университете, затем в Париже — сначала в Высшей нормальной школе, а после этого в аспирантуре в Высшей школе социальных исследований, возникшей из Школы Анналов. Там всегда культивировался диалог между разными отраслями социальных наук, а на тот момент он был особенно интенсивным. Моими учителями были, с одной стороны, такие историки, как Ютта Шеррер и Жак Ревель, а, с другой стороны — социологи Ален Турен и Лоран Тевено. В своей работе я постоянно перемещаюсь из одной области в другую, пытаюсь их как-то совмещать, искать пути сотрудничества и диалога. Сейчас я работаю научным сотрудником Эйнштейновского форума в Потсдаме, в Германии. Это совсем небольшое заведе-

ние, которое, с одной стороны, занимается организацией публичных междисциплинарных мероприятий (воркшопы, конференции, лекции), а с другой — работает как исследовательский институт. Совместно с Гамбургским институтом социальных исследований мы в течение нескольких лет устраивали Берлинские коллоквиумы по современной (или новейшей) истории — закрытые двухдневные встречи, на которых вообще без докладов 15–20 человек интенсивно обсуждали ту или иную тему, опираясь на заранее прочитанные тексты.

С. Э. У меня как человека советской закалки такой вопрос: как вам удалось попасть в Оксфорд, а потом в Париж? В какие это были годы? Ведь ваша семья из России?

М. Г. Да, я родился в Москве, но эмигрировал с родителями

еще в 1980-е гг. и вырос в германо-французском пограничье. Учился в многоязычной Европейской школе, а после нее подал документы в Оксфорд, обучение на тот момент было еще бесплатным. Туда меня приняли на основании собеседования и школьных оценок. А в Париж я попал необычным образом: как британский студент по обмену, причем по программе, которая была предназначена не для студентов, а для аспирантов, к тому же специализирующихся в области французской литературы. Но я на авось подал туда документы, и поскольку желающих в том году не было, меня после получения оксфордского диплома отправили в Париж. А уже в Париже я стал ходить на семинары в Высшей школе социальных исследований, там мне понравилось, и я зацепился.

С. Э. Это были 1990-е гг.?

М. Г. Да, середина — конец 1990-х.

С. Э. Как получилось, что вы стали заниматься исследованиями исторической памяти?

М. Г. Эта тематика очень активно обсуждалась в рамках семинара Ютты Шеррер, моей научной руководительницы, и играла определенную роль в моей диссертации, посвященной трансформации советских представлений о фашизме в позднесоветских и постсоветских антифашистских движениях. А уже в первой половине 2000-х, когда я был шеф-редактором московского журнала «Неприкосновенный запас», возникла идея к 60-летию окончания Второй мировой войны

сделать очередной (уже второй) совместный тематический номер двух журналов: нашего и берлинского журнала *Osteuropa*. Первый такой совместный номер вышел в 2003 г. А готовясь к 2005 г., мы решили сначала провести большую конференцию в Москве, посвященную памяти о войне в Германии и России, а потом составить из ее материалов и многих других статей специальный номер. Он вышел параллельно на двух языках, а русская версия пользовалась таким спросом, что я потом сделал из нее расширенное издание в виде книги. С тех пор эта тема меня не отпускает — я стал заниматься исследованием «мемориальных» сюжетов как в постсоветском, так и в более широком географическом контексте и втянулся. В отличие от многих других специалистов по памяти, меня на нее натолкнули не биографические мотивы, а чисто академический интерес.

Когда я начинал осваивать эту тему, я исходил из определенного либерального канона — крайне критического отношения к сталинско-брежневскому мифу Великой Отечественной войны. Но чем больше я ей занимаюсь, тем больше понимаю, что все гораздо сложнее и интереснее. Например, история о том, что Сталин «отменил» День Победы, требует больших оговорок и нюансирования. Военные памятники строили не только по приказу сверху, но зачастую и по инициативе воинских частей, а то и просто местных жителей, и большую роль в этом процессе играли патрон-клиентские сети вокруг конкретных руководителей — вроде Климента Ворошилова, Петра Машерова,

председателей обкомов, а то и директоров заводов. Представление о том, что существовало некое монолитное тоталитарное государство, которое бюрократическим путем распоряжалось, что вот здесь будет такой памятник, а там — такой, источниками не подтверждается. Здесь почти непаханое поле, и в архивах я нахожу массу интересного — того, о чем раньше не подозревал.

В каком-то смысле это оказалось увлекательнее, чем другие темы, которыми я занимался — вроде протеста в современной России, о котором я написал книгу на немецком, а потом почти полностью переписал ее для публикации на английском. Мне интереснее всего подходить к этой тематике с неожиданных ракурсов: сравнивать, например, протестные движения, такие как «Стратегия-31», с «Бессмертным полком». Вообще, для меня важно в дальнейшем изучении феномена памяти отойти, наконец, от идеологизированного подхода, когда разговор о памяти сводится к спору «патриотов» с «либералами». Хочется перейти к разработке новых вопросов и эмпирическому изучению. А оно зачастую никого не интересует — ведь все уже «все знают» и совершенно не интересуются фактурой, архивными источниками, эмпирическими материалами, которые не вписываются в готовые концепции.

С.Э. Как возникла идея того, что вы назвали постсоциалистической памятью? Что вы под ней понимаете? Имеется в виду только память о социалистическом пе-

риоде или вообще память о своей истории в странах, которые прошли через социализм?

М.Г. Безусловно, и то, и другое. Очень долгое время феномены памяти в «нашем» регионе изучались в национальных рамках. Говорили о российских вопросах, польских и т.д. Важной вехой стал большой кембриджский проект *Memory at war*, которым руководил Александр Эткин. Это было в 2010–2013 гг. Речь там шла о «войнах памяти» — память рассматривалась в сравнительной перспективе и с точки зрения взаимодействия таких стран, как Россия, Украина и Польша. Эти рамки, как мне кажется, надо расширить еще больше. Самое интересное из того, что я читал о постсоциалистической памяти в последние годы, касалось бывшей Югославии или Вьетнама. У этих стран свой опыт социализма, но он во многом отличается от советского. Разница между Македонией и Россией или между Вьетнамом и Кубой гораздо существеннее, чем между Польшей и Украиной. Поэтому их сравнение может открыть нам глаза на самые неожиданные явления — как параллели, так и различия. Так что постсоциалистическую память я понимаю в самом широком смысле: с одной стороны, как память о социализме в бывших (и не только бывших) социалистических странах, да и в других, и, с другой стороны, как все феномены исторической памяти в странах бывшего социалистического мира.

С.Э. Какие страны мы включаем в этот список? Включается ли туда Лаос, Камбоджа? Еще были

страны, которые объявляли, что строят социализм, но не факт, что это делали — например, Алжир. То есть что считать социалистическими странами?

М.Г. Вот это как раз и интересно. На уровне пропаганды социализм был единым явлением, но реальность могла от этой пропаганды сильно отличаться. С другой стороны, было то, что в социологии называется изоморфизмом — например, Китай перенимал какие-то институты у Советского Союза. Когда я стал заниматься историей военных памятников, то обнаружил, что в Северной Корее существует художественная студия, которая до сих пор отвечает за создание памятников и национальных кладбищ там, да и в ряде других стран. Она была создана человеком, который в 1950-е гг. учился в Москве. Сегодня к странам, в которых продолжают строить памятники и национальные кладбища в советском стиле, в стиле соцреализма, можно отнести Намибию, Зимбабве, Сенегал, Египет, Сирию и упомянутый вами Лаос, где активно и успешно работает эта северокорейская студия. Так что определение, действительно, должно быть очень широким — есть институциональные и личные связи, которые исторически прослеживаются, и можно вместе обсуждать, что понимается под общей рамкой социализма в разных географических контекстах. На следующем конгрессе Ассоциации исследователей памяти в Мадриде мы планируем секцию по глобальному сравнению постсоциалистической памяти. Это идея Ксении Роббе. Она африканист по образованию, специалист по ЮАР и другим стра-

нам Южной Африки. Она обратила внимание на то, что существуют интересные параллели между этими странами и государствами бывшего Советского Союза.

С.Э. В Европе тоже было немалое число социалистов у власти на протяжении долгого времени (например, в Швеции). Эти страны будут включаться в ваше исследование?

М.Г. Да, конечно! Так же как и коммунистические движения Италии, Франции, Испании... У нас же нет готовой команды, которая куда-то поедет и будет это исследовать. Есть просто предложение к научному сообществу. Допустим, есть люди, которые занимаются похожими проблемами в разных географических контекстах. В Италии, например, исследуют память о коммунистическом движении (вообще, в последние год-два стало очень модным изучать память социальных движений и память о социальных движениях). Мы предлагаем: давайте соберемся и попробуем поговорить о том, что объединяет нас и объекты наших исследований, а в чем есть различия. Посмотрим, кто отзовется.

С.Э. Интересная идея, и очень широкая. Она может получить развитие. Расскажите, пожалуйста, о конференции, которая будет проходить в Мадриде. Там панели по постсоциалистической памяти будут идти одна за другой? Это называется «стрим». Какие будут секции?

М.Г. Об этом можно будет точно говорить только тогда, когда

наши предложения будут приняты. Но могу рассказать, как возникла идея нашей рабочей группы.

Мне видится важным продолжение той работы по структурированию исследовательского сообщества, которая была начата в свое время Александром Эткингом и его командой. Хочется создать общую площадку для исследователей, которые занимаются темой постсоциалистической памяти — вместо того, чтобы в каждой статье изобретать велосипед и все время воспроизводить в научном дискурсе какие-то политические баталии. Это нужно сделать, чтобы выявить те или иные спорные точки, например, роль понятия травмы, которое разные исследователи понимают по-разному, а кто-то отвергает вообще. Или рассмотреть разные взгляды на международный контекст политики памяти в России — тут есть интересные расхождения, например, между Алексеем Миллером и Николаем Копосовым, которые имеет смысл открыто обсуждать. Хочется структурировать поле, объединяющее исследователей постсоциалистической памяти, составить библиографию работ, которые уже вышли, и регулярно собирать вместе специалистов по этой тематике, чтобы происходило не просто аккумулятивное бесконечного числа эмпирических кейсов, но и обсуждение разных научных подходов, возможностей для междисциплинарного диалога. Ну а говоря еще более прагматически, то идея рабочей группы заключается в том, чтобы разные секции по нашей тематике проходили не параллельно, а подряд, в виде мини-симпозиума —

чтобы люди, которые интересуются вопросами постсоциализма, могли приехать на конгресс и участвовать в разных секциях, не разрываясь между ними.

С. Э. Наверное, не будет большой тайной сказать о том, какие планируются секции...

М. Г. Планируется секция по политике памяти на постсоветском пространстве, там ожидаются доклады о юбилее 1917 г. в прошлом году, о международном контексте российской политики памяти и о наднациональных рамках политики памяти в постсоветских странах. Другая секция посвящена памяти о революциях и Гражданской войне. Еще будет упомянутая мной секция, посвященная сравнению разных постсоциалистических стран. Одна панель будет про детские воспоминания о 1990-х гг., т.е. взгляд на 1990-е гг. глазами тогдашних детей. Будет и секция по новым литературным жанрам памяти в постсоветских странах, и другая — по музеям, посвященным сталинизму.

Планируется также секция о материальности памятников. Это моя идея. Дело в том, что сегодня часто о памятниках пишут так, как будто это просто своего рода знаки, тексты, и изучать их можно так же, как и политическую речь или труды историков. Меня же интересуют материальные аспекты памятника: условия создания, политэкономия использования тех или иных строительных материалов, взаимодействие литейных мастерских с заказчиками, роль памятника как материального объекта в простран-

стве. Так что я хочу собрать коллег, которые тоже занимаются этими вещами.

Еще одна секция будет посвящена транснациональным коммеморативным движениям. В качестве примеров таких движений можно назвать «Бессмертный полк», распространившийся далеко за пределы России, или движение поисковиков, которое удивительным образом взаимодействует поверх границ. Я уже несколько лет (в последнее время — совместно с Гулжан Егер, этнологом из Казахстана) изучаю в Берлине кейс небольшой организации, созданной выходцем из Таджикистана, которая занимается, с одной стороны, поиском, а с другой — восстановлением и преобразованием советских военных кладбищ, и не только советских. У этих движений контакты — от Хабаровского края до Франкфурта-на-Одере. Никто пока не занимался такими явлениями как транснациональными, все рассматривают поисковые движения только в национальных контекстах.

Это те секции, которые мы уже предложили, но т.к. заявки еще принимаются, то я очень надеюсь, что кто-то еще подаст заявку на целую секцию, и мы включим ее в наш план.

С.Э. Традиционный вопрос о творческих планах. Чем вы в ближайшее время планируете заниматься помимо организации рабочей группы?

М.Г. Планов довольно много. Самый главный проект, над которым

я работаю уже несколько лет и, наверное, буду еще много лет работать — это история советских военных памятников. Это большой архивный проект, я уже собрал материалы из российских, эстонских, белорусских, украинских, грузинских, германских и польских архивов. Надеюсь написать большую книгу на эту тему, в ближайшее время выходит моя обзорная статья о судьбе советских военных памятников в постсоветское время. Еще я был соруководителем двух социологических проектов по этнографии Дня Победы, когда мы в разных странах наблюдали за тем, что происходит девятого мая, что конкретно люди делают в этот день. В рамках одного из проектов вышел сборник статей на немецком языке, надеюсь, скоро — с некоторым опозданием — выйдет и сборник по другому проекту на русском. К тому же я собрал довольно большой архив газетных статей из разных регионов СССР о военно-коммеморативных мероприятиях в 1945–1964 гг., когда якобы День Победы не отмечали. Если хватит времени и сил, к следующему юбилею, к 75-летию конца войны, планирую написать на эту тему небольшую книгу на английском.

Еще совершенно неожиданно у меня возник такой проект: история одной небольшой деревни на юго-востоке Беларуси. Она была создана в конце XIX в. вольными украинскими крестьянами. Во время войны ее сожгли немцы, потом ее восстановили, а в 1986 г. она была эвакуирована после чернобыльской катастрофы. Совершенно случайно, работая в Гомельском государственном архиве,

я наткнулся на историю этой деревни, написанную ее бывшим жителем, сельским учителем Акимом Старохатним. Он подробнейшим образом описывает всю историю деревни с конца XIX в. и до 1986 г. А потом, к своему изумлению, я обнаружил, что этот удивительный человек еще жив. Ему 92 года, он живет в Гродно. Я два раза ездил к нему, брал у него интервью и, самое главное, работал с его личным архивом. Он очень активно всю жизнь вел самые разные дневники — политические, о погоде, о снах, по удою молока, по пчеловодству — и очень многие из них сохранились. Он и его дети дали мне почитать и сфотографировать несколько сундуков его дневников и писем. Это совершенно уникально — мне не известен ни один другой случай, когда рядо-

вой житель позднесоветской деревни — не начальник, не председатель колхоза — сам написал бы историю своего села, а к тому же произвел такое количество эго-документов. А Аким Михайлович был еще, можно сказать, диссидентом. Его отец был раскулачен и погиб в лагере. Он всю жизнь слушал «Радио Свобода», был достаточно критически настроен, так что здесь помимо гигантского обилия материала мы имеем еще неожиданную перспективу — критическую, рефлексирующую. Вот по этим источникам я со временем тоже хочу сделать книгу или какую-нибудь другую публикацию.

С.Э. Очень интересные и многообещающие проекты! Я желаю вам успехов в их реализации! Спасибо за интервью.

“IT WOULD BE DESIRABLE TO STRUCTURE THE FIELD UNITING RESEARCHERS OF THE POSTSOCIALIST MEMORY, WHICH WOULD ALLOW NOT ONLY THE ACCUMULATION OF AN INFINITE NUMBER OF EMPIRICAL CASES, BUT ALSO DISCUSSIONS REGARDING DIFFERENT RESEARCH APPROACHES”. Interview with Mikhail E. Gabovich

Gabovich Mikhail E. — sociologist and historian, Einstein forum (Potsdam, Germany)

Key words: history, sociology, war memorials, monuments, commemoration, memory, post-socialism, comparative history.

Abstract. Mischa Gabowitsch, historian and sociologist, talks about his academic career and current research projects on Soviet war memorials, commemorative practices, and the history of a village in South-Eastern Belarus. He also discusses the Working Group on Post-Socialist and Comparative Memory Studies within the Memory Studies Association and its plans for the MSA's 2019 convention in Madrid and beyond.

Н. П. Таньшина

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА!*

О Школе молодых ученых в ГАУГН (3–7 сентября 2018 г., Москва, ГАУГН-ИВИ РАН)

Ключевые слова: Школа молодых ученых, Государственный академический университет гуманитарных наук, Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Французская революция, Наполеоновские войны.

Аннотация. В статье анализируется деятельность международной Школы молодых ученых, проходившей 3–7 сентября 2018 г. в Москве под эгидой ГАУГН – ИВИ РАН. В центре внимания статьи – анализ важнейших проблем, связанных с проблематикой Французской революции, революционных и Наполеоновских войн, поднятых в рамках лекций ведущих российских и зарубежных историков, выступлений студентов, а также в ходе работы круглого стола «Война и революция в 1775–1918 гг.». DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-411-421

Начало сентября. Начало учебного года и нового образовательно-по-

© Таньшина Н. П., 2018

Таньшина Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); nata.tanshina@mail.ru

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

знавательно-увлекательного научного марафона. В Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН) учебный год открылся пятидневной Школой молодых ученых «Эпоха революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье». Школа имеет международный характер, и ее учредителями, помимо ГАУГН, являются ИВИ РАН и Кардиффский университет (Уэльс, Великобритания).

Главным организатором Школы стала Лаборатория западноевропейских и средиземноморских исследований ГАУГН (руководитель лаборатории – почетный профессор Йоркского университета, вице-президент Международной комиссии

по истории Французской революции Алан Форрест; заместитель руководителя — д.и.н., заведующий кафедрой исторического регионоведения исторического факультета ГАУГН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, главный редактор международного научного издания «Французский ежегодник» А. В. Чудинов). Лаборатория была создана в 2018 г. для реализации проекта «Методы утверждения либеральных ценностей в регионах традиционной культуры в «Новое время» по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и тех-

нологий» на 2013–2020 гг. (договор № 14.Z50.31.0045). Лаборатория специализируется на изучении политических, социальных и социокультурных процессов, происходивших в странах Западной Европы и Средиземноморского бассейна в Новое время, делая в своей работе акцент на следующих направлениях: изучение взаимных представлений народов друг о друге; социальные механизмы массовых протестных движений в XVIII–XIX вв.; политические и культурные контакты в Средиземноморском регионе в XVIII–XIX вв.; поиск и публикация новых источников по истории Французской революции и Наполеоновских войн; историография Французской революции и Наполеоновских войн.

«Молодые ученые» — это не преподаватели или лекторы Школы, хотя среди них тоже есть специалисты, которым еще весьма далеко до пенсионного возраста, даже в его дореформенном варианте (как отметил один из преподавателей школы, д.и.н., профессор А. В. Гладышев, «нам всем на пять лет продлили молодость!»). «Молодые ученые» — это студенты, бакалавры и магистранты, аспиранты, а также их уже остепененные молодые коллеги. Школа — это что такое? Работа в классе и дома. Домашнее задание и работа на уроке. Именно так и формировалась программа Школы. Еще летом «молодые ученые» должны были подготовить научные доклады. По результатам конкурсного отбора была сформирована команда. Ребята получили тексты докладов своих коллег для изучения с целью их последующего обсуждения уже в рамках Школы.

География Школы весьма обширна; говоря словами Шарля де Голля, «от Атлантики до Урала», и даже шире! Свои доклады прислали ребята из Москвы (МГУ, ГАУГН, РАНХиГС), Волгоградского государственного университета, Сибирского федерального университета, Уральского федерального университета, Уральского государственного педагогического университета, Северного (Арктического) федерального университета, Белоруссии.

Не менее внушительна и география, говоря канцелярским языком, «профессорско-преподавательского состава». Модератором обсуждения научных работ участников Школы стал д.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического

факультета МГУ, ведущий научный сотрудник ГАУГН Д. Ю. Бовыкин. С лекциями для студентов выступили, помимо уже названных А. Форреста и А. В. Чудинова, преподаватель Новой истории Европы в Школе истории, археологии и религии Кардиффского университета, старший научный сотрудник ГАУГН Г. Мюррей-Миллер; д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС, ведущий научный сотрудник ГАУГН Н. П. Таньшина; преподаватель Новой истории Европы в Школе истории, археологии и религии Кардиффского университета Дж. Райан; д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории, заведующий кафедрой региональной истории и музееведения Саратовского государственного университета А. В. Гладышев.

В наше время беспрестанных инноваций и непонятно-невнятных реформ работа Школы была организована по классической схеме: утром (не подумайте, не стулья!) — лекция преподавателя Школы, потом обсуждение докладов слушателей.

Началась работа Школы с лекции Алана Форреста, посвященной Французской революции и Наполеоновским войнам в исторической памяти во Франции XIX в. («Remembering the Revolutionary and Napoleonic Wars in Nineteenth-century France»). Главный вывод докладчика: в долгосрочной перспективе Франция ничего не выиграла от революции и Наполеоновских войн, и французы еще должны провести «работу над ошибками». В то же время А. Форрест поставил такой вопрос: несмотря на то, что победы

гораздо легче вписать в канву исторической памяти, стоит ли французам ими гордиться? Анализируя легенду о Наполеоновских войнах и личности самого императора, историк сделал вывод о том, что Наполеон — жестокий лидер и скверный политик, но для солдат его армии воспоминания о войне стали самыми светлыми впечатлениями их жизни. Если рядовой француз редко когда покидал пределы своей деревни, то солдаты повидали десятки городов в разных странах. Эти воспоминания добавляли блеска суровой реальности. Вместе с тем, подчеркнув профессор Форрест, рассуждая о проблемах поствоенного времени, историки еще очень мало знают о психологическом здоровье солдат. В завершении своего выступления он отметил, что Франция, вероятно, является одной из первых стран в Западной Европе, сформировавших свою национальную идентичность, но того же нельзя сказать об идентичности политической.

Продолжая линию А. Форреста, А.В. Чудинов посвятил свою лекцию восприятию Французской революции в наше время («Французская революция: взгляд из XXI века»). Свое выступление он начал с упоминания о несколько провокационном вопросе известного советского франковеда А.З. Манфреда, заданном еще в 1976 г.: если Французская революция — это уже седая старина, казалось бы, досконально изученная, то стоит ли посвящать ей все новые исследования? Отвечая на этот давний вопрос, докладчик на ряде конкретных примеров показал, что Французская революция была матрицей всех последующих революций и отчасти — их

виновницей. Само понятие «революция» в современном понимании возникло именно во время революции XVIII в. До этого революцией именовали либо астрономические явления, либо любой переворот или поворот. Характерно, что с тех пор термин «революция» имеет исключительно положительную коннотацию. По общему выражению А.В. Чудинова, «предпринимая любые антиконституционные действия, вам достаточно сказать заветные слова “А у нас тут революция”, и западная общественность немедленно расплывется в счастливой улыбке». Выводы, к которым приходит докладчик, во многом перекликаются с суждениями А. Форреста: от революции выиграла горстка людей, пострадало же огромное большинство. Число погибших во Франции за годы революции и Наполеоновских войн сопоставимо с потерями этой страны в годы Первой мировой войны. Французская революция привнесла также в политическую культуру современности такое явление, как террор — средство достижения политических целей посредством запугивания масс, для которого масштаб репрессий не столь важен: гораздо больше пугает их непредсказуемость, когда никто не знает, кто и за что может следующим попасть под нож гильотины. Если А.З. Манфреду казалось, что история Французской революции всесторонне изучена, то А.В. Чудинов подчеркивает, что существовавшие до последнего времени представления о революции являлись, как показали новейшие исследования международного сообщества историков, собранием мифов и аксиоматичных, но ошибочных суждений. К таковым, в частности, принадлежали миф

о системном кризисе старого порядка; мифы о «народном» и о «буржуазном» характере революции. Однако поскольку вся система ценностей Третьей, Четвертой и Пятой республик восходит к Французской революции, позволить поставить под сомнение освященную временем картину ее событий для многих французских историков оказывается довольно сложно.

Лекция Г. Мюррей-Миллера была посвящена географии и идеологии радикализма как одного из основополагающих принципов революций («Geographies of Radicalism: Rethinking The Bounds of Global Solidarity in the Nineteenth Century»). Главным радикалом эпохи докладчик назвал Карла Маркса. В центре внимания Г. Мюррей-Миллера — вопрос о том, что либеральные принципы, идея естественных прав человека, равенства граждан перед законом могли реализовываться радикальными методами. Сравнивая Французскую революцию конца XVIII в. и Войну за независимость североамериканских колоний Великобритании, докладчик отметил их общую, на его взгляд, корневую основу, а именно радикальную идеологию. Рассуждая о специфике американского опыта, Г. Мюррей-Миллер отметил прагматичный подход Т. Джефферсона, который не признал республику Сан-Доминго под управлением бывших рабов. Что касается географии радикальных ценностей в Европе, то докладчик отметил широкое распространение радикализма в Восточной Европе, от Польши до Украины. Из русских радикалов Г. Мюррей-Миллер особо выделил М. Бакунина.

Лекция Н.П. Таньшиной была посвящена феномену русофобии на примере взаимоотношений России и Франции в Новое время («Феномен русофобии в век войн и революций»). В центре лекции были следующие вопросы: что такое русофобия, когда она появляется и с какими событиями это связано? Каков был взгляд на Россию во времена Петра I и Екатерины II? Кроме того, рассматривались и такие проблемы, как Французская революция и представления об «ужасных казаках»; император Николай I как «новый Атилла», а русские «новые гунны»; маркиз А. де Кюстин и «журнальные войны» между Россией и Францией. Н.П. Таньшина подчеркнула, что русофобию можно рассматривать двояко: просто как проявление нелюбви к русским или же как целостную идеологию, имеющую свои истоки, причины и формы проявления. Своими корнями русофобия уходит в XVI в., в эпоху Ливонской войны, первого масштабного столкновения России с коалицией иностранных держав. Именно тогда, во многом усилиями поляков, начал формироваться негативный имидж Московии и «черный миф» об Иване Грозном. Некоторые исследователи видят истоки русофобии еще и в противостоянии Востока и Запада и расколе церквей, когда Русь, принявшая христианство по восточному образцу, приняла на себя и весь тот негатив, что Рим изливал на Византию. Говоря об идеологемах антирусского образа, докладчик подчеркнула, что они хорошо известны и за столетия мало изменились: «рабская» психология народа и его «неспособность» к самоуправлению; «тира-

ния» и абсолютная власть; стремление к территориальной экспансии и завоеваниям. Запад воспринимает Россию сквозь призму бинарных оппозиций: Россия нужна ему для его собственной идентификации. При этом, как в сказке Добру обязательно противостоит Зло, так и в жизни Россия воспринималась как своеобразная «антимодель» Европы. Несмотря на горячую любовь русского человека ко всему, связанному с Францией, ее культурой, можно сказать, что это, как правило, была безответная любовь. Страх и презрение — именно эти чувства, по мнению французских исследователей, французы на протяжении долгого времени испытывали по отношению к России. Полюбили же французы Россию и русских только после поражения Франции в войне с Пруссией, когда Россия стала для Франции жизненно необходима. То есть это не Россия изменилась (а если изменилась, то не настолько), а изменилось отношение к ней. Однако Октябрьская революция разрушила франко-русский союз, который французы очень быстро из «брака по расчету» превратили в «союз по любви». В то же время, по мнению лектора, русофобия — это в большей степени явление политического порядка, и ее всплески связаны, как правило, с политическими событиями. Однако политика — политикой, а люди остаются людьми. И, несмотря на порой весьма непростые двусторонние отношения, политическое, а еще больше культурное взаимное притяжение России и Франции непреходяще.

В 1814 г. у французов появилась уникальная возможность познако-

миться с русским характером в непосредственной близости. Взаимодействию русских и французов была посвящена лекция А.В. Гладышева «Интервенция и оккупация с точки зрения исторической антропологии». С позиции восприятия Другого докладчик анализирует впечатления, оставшиеся у французов от их первых контактов с военнослужащими русской армии в 1814 г. Французское общество рассматривало Россию как полуварварскую державу, не входившую в число цивилизованных государств. При этом большую роль в критериях «цивилизованности» играли внешний вид, манера разговаривать, «любезность в общении». Внешний облик пришельцев, одежда казаков, черты лиц, казачьи крики, говор, песни и прочие издаваемые ими звуки — все это казалось французским обывателям необычным и надолго сохранилось в их памяти. Исходя из французской системы цивилизационных координат, казаки были обречены при первом контакте получить больше «минусов», чем «плюсов».

Русская тема прозвучала и в лекции Джеймса Райана, посвященной сравнительному анализу Октябрьской революции в России и ирландского восстания 1916 г. («War, violence, and revolutionary identities: Some reflections from the Russian and Irish revolutions»). Если в России борьба носила классовый характер, то в Ирландии — национальный. В качестве центральной темы Дж. Райан поставил проблему террора и насилия в революции. Анализируя события в Ирландии, докладчик делает вывод, что туда направлялись не регулярные английские войска,

а карательные отряды, совершавшие часто акты жестокости, сжигая деревни и даже небольшие города. Размышляя о системе государственного насилия в России, Дж. Райан подчеркнул, что если красный террор 1918 г. был открытым, то террор 1937 г. — тайным. Открытость большевиков в применении насилия проистекала из их убеждения в правильности революции: они верили, что насилие не является постоянным спутником революции и вскоре необходимость в терроре отпадет. Однако к началу 1930-х гг. общественное обсуждение кампаний большевистского насилия становится более скрытым, а язык — более осторожным и неявным. Главная цель репрессий — социальная трансформация общества с целью предотвращения социальных беспорядков и массовая мобилизация

населения для борьбы с классовым врагом. Тайный характер репрессий 1937 г. Дж. Райан аргументирует тем, что власть не могла признать, что репрессии продолжаются, в противном случае, если бы информация была опубликована, могло сформироваться мнение, что власть слаба.

Программа Школы оказалась необыкновенно насыщенной: это был настоящий пятидневный научный марафон. В ходе работы стало ясно, что лето для молодых участников Школы прошло в творческой обстановке детального изучения текстов коллег. Слушая выступления учащихся при обсуждении докладов, я поняла, что у российской науки, по крайней мере у российского франковедения, есть будущее, и оно куется здесь, в настоящем. Поразила смелость, с которой ребята анализировали доклады своих коллег. Откровенность, предельное внимание к тексту, умение четко аргументировать свою позицию. Отсутствие страха перед научными авторитетами, и при этом научная дружба. Проблематика докладов — необычайно широка. Вандейская война, социальная философия Н. М. Карамзина, наследие европейских революций в культуре Беларуси, защита культурных ценностей. Что особенно важно — молодые ученые работали непосредственно с источниками, такими, как, например, мемуары маркизы де Ларошжаклен о Вандейском восстании, воспоминания Мишеля Мулена о нормандской шуанрии, письма и дневники английских солдат, прибывших освобождать Португалию от наполеоновской оккупации. Даже во время торже-

ственного ужина продолжалось бурное обсуждение научных проблем.

Круглый стол под названием «Война и революция в 1775–1918 гг.» состоялся, говоря студенческим языком, на экваторе Школы, в зале «Под сводами» всеми нами любимой Исторической библиотеки. Направление дискуссии задал Алан Форрест, предложив обсудить такие проблемы:

– Революция как причина войны: может ли революция остаться в мире с монархическими и империалистическими соседями?

– Революция и характер войны: чем революционная война отличается (если отличается) от обычных способов ведения военных действий?

– Революционные армии: обязательно ли армии революционных режимов должны отличаться от армий обычных государств по способам своего пополнения, структуре командования и дисциплине?

– Война и характер революции: каким образом вступление в войну меняет (если меняет) приоритеты и идеологию самой революции?

Круглый стол, на мой взгляд, получился очень плодотворным. Вопросы, с одной стороны, весьма широкие, с другой – специальные. Но обсуждение получилось живым, эмоциональным, в том числе благодаря усилиям модераторов А. В. Гладышева и А. В. Чудинова. В работе круглого стола приняли участие члены организационного комитета Школы Н. В. Промыслов (к.и.н.,

проректор ГАУГН), Е. А. Прусская (к.и.н., доцент ГАУГН, старший научный сотрудник ИВИ РАН), В. С. Болт (секретарь проекта, научный сотрудник ГАУГН), к.и.н. М. А. Чепурина и к.и.н. А. А. Митрофанов (старшие научные сотрудники ГАУГН), а также д.и.н., профессор Академии гражданской защиты МЧС России А. А. Куреньшев.

Учебник истории обязательно имеет раздел по культуре. Но если обычно в учебнике этот раздел стоит в самом конце, то в рамках Школы все было совсем наоборот. Начало работы Школы стало настоящим праздником французской культуры и франко-российской дружбы: участники Школы и первокурсники ГАУГН встречали в стенах РАН легендарную французскую певицу Мирей Матье, вошедшую в зал в сопровождении президента ИВИ РАН ак. А. О. Чубарьяна. Мадемуазель Матье была избрана почетным профессором ГАУГН и выступила с небольшой, но яркой лекцией, а потом любезно ответила на вопросы собравшихся. Необыкновенно обаятельная, по-французски привлекательная, настоящая француженка, одним словом. Рассказала, что сама училась в школе плохо, но студентам пожелала учиться, идти к своей цели и... мечтать! На актуальный для первокурсников вопрос, как преодолевать страх перед аудиторией, Мирей Матье с обескураживающей улыбкой ответила, что страх – это нормальная реакция организма и что чувство страха только аккумулирует внутреннюю энергетику организма, которая и выражается в творчестве. А сама она, по ее словам, с каждым выступлением

испытывает это чувство все больше и больше.

На закрытии Школы выступили директор ИВИ РАН М.А. Липкин и ректор ГАУГН Д.В. Фомин-Нилов.

Подводя итог, можно сказать, что состоявшаяся Школа молодых ученых — это не только прекрасная возможность приобщиться к науке и набраться опыта для студентов и аспирантов. Это пример плодотворного сотрудничества российской и зарубежной науки, интеграции российской науки в науку мировую. По крайней мере, российским историкам Французской революции это успешно удастся.

Как известно, как новый год встретишь, так его и проведешь (тем более раньше он и начинался в сентябре!). Ученики и преподаватели Школы встретили начало нового учебного года весьма плодотворно. Уверена, что энергетический заряд, полученный за прошедшую неделю учениками, преподавателями, гостями школы, станет импульсом для активной работы в течение всего года. Сейчас поймала себя на мысли, что, наверное, впервые в жизни жду: когда же снова в школу? (По законам интернет-жанра, здесь должны быть смайлики!) Школа будет ровно через год, в сентябре. Приходите, дорогие ученики, Школа молодых ученых вас ждет!

HELLO, SCHOOL!

About the School of Young Scientists in GAUGN (September 3–7, 2018, Moscow, GAUGN — IVI RAN)

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History) professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: School of Young Scientists, State Academic University for the Humanities, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, French Revolution, Napoleonic Wars.

Abstract. The article analyzes the activities of the International School of Young Scientists, which was held on September 3–7, 2018 in Moscow under the auspices of the State Academic University for the Humanities — Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. The article focuses on the analysis of the most important problems of the French Revolution, the revolutionary and Napoleonic wars, raised in the framework of lectures by leading Russian and foreign historians, students' speeches, as well as the round table "War and Revolution in 1775–1918" debates.

«ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК СЧИТАЕТ, ЧТО ДЛЯ ЕГО СТРАНЫ ПРИНЦИПИАЛЬНО ВАЖНО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ “ЧУЖАКОВ”, ТО В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ ОН ПРИМИРЯЕТСЯ С ЖЕСТОКОСТЬЮ НА ПУТИ К ЭТОЙ ЦЕЛИ».

Интервью с В.А. Солонарем

Ключевые слова: распад СССР, Советская Молдавия, Республика Молдова, приднестровский конфликт, национализм, межэтнические противоречия, этнические чистки, американская университетская жизнь.

Аннотация. Историк из Молдовы, уже длительное время работающий в одном из американских университетов, делится своим жизненным, политическим и исследовательским опытом, рассказывает о своих творческих планах.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-422-439

Владимир Анатольевич Солонарь, профессор Университета Центральной Флориды, автор книг: *Purifying the Nation: Population Exchange and Ethnic Cleansing in Nazi-Allied Ro-*

mania. By Vladimir Solonari. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. Pp. xxxii+451; *Purificarea națiunii. Dislocări forțate de populație și epurări etnice în România lui Ion Antonescu, 1940–1944.* București: Editura Polirom, 2015. 422 p.

© Историческая Экспертиза, 2018

Солонарь Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орlando, США); Vladimir.solonari@ucf.edu

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Почему вы решили стать историком? Кто повлиял на вас?

В.С. Я не знаю, почему я решил стать историком, но я знаю, что с детства любил историю. Когда заходил вопрос об играх — во что будем играть? — мой ответ был: «В старину». Большую роль сыграли книги. В раннем детстве я прочитал книгу «Водители фрегат» Николая Чуковского, она на меня произвела очень сильное впечатление. Уже потом был Дюма («Три мушкетера»), Гюго, Бальзак, Стендаль. Вальтер Скотт, правда, не очень у меня пошел. Так что я всегда любил историю. Я мечтал стать историком, а вокруг все мне говорили: «Да что такое эта история, она не прокормит, кому это надо. Нужно становиться инженером или кем-то в этом духе». Но потом папа мне сказал: «Знаешь, я тоже всегда любил историю. Становись историком, потому что я не хочу, чтобы ты был, как я: когда я писал диссертацию по химии, у меня на столе были воспоминания Витте. Я их открывал и читал для души, вместо статей по химии. Я не хочу, чтоб с тобой так было». Вот так я решил стать историком.

Конечно, тогда, в советское время, история была пакостной дисциплиной — она была страшно идеологизированной и превращалась скорее в патриотическое воспитание. Но меня интересовали как раз те вещи, которые были наименее идеологизированы, например, античная история. Когда я был студентом, я влюбился в историю Древнего Востока. Первое желание было — стать

исследователем Древнего Востока. Но какая история Древнего Востока, если я жил и рос в Кишиневе? Я, кстати, хотел поехать в Москву, но родители меня непустили, да к тому же я боялся, что не поступлю в МГУ и меня загребут в армию. В итоге решил поступать в Кишиневе. Конкурс был большой, но я его прошел. Учеба в Кишиневском университете — это, конечно, было «что-то особенного». Я прошел через два скандала с преподавателями. Во-первых, за время моего обучения уволили Михаила Израилевича Володарского, которого я не успел послушать. Мнение о нем среди других профессоров было такое, как я потом узнал, что человек он был, скажем так, не очень хороший, но преподаватель классный. Не знаю точно, за что его выгнали. Ах, нет, вспомнил: он писал анонимные письма «наверх» с протестами по поводу интервенции 1968 г. в Чехословакию и других безобразий. Его гэбэшники вычислили. Во всяком случае, так говорили. А потом была еще большая трагедия: уволили Анатолия Морицевича Миркинда, который блестяще читал нам курс по новой истории, но ему не дали дочитать его. Кажется, его Володарский как-то выдал во время допроса в КГБ, какие-то архивные копии он ему передал. В точности не знаю, об этом нельзя было говорить.

С.Э. Расскажите о нем поподробней, пожалуйста.

В.С. Миркинд был самым интересным человеком на факультете. Во-первых, он знал иностранные

языки — очень хорошо знал немецкий, еще французский и, кажется, английский. Был он человеком странным, ходил какой-то замурзанный, покупал овощи и клал себе в карман — хвостики морковки торчали из кармана... Но лекции читал очень вдохновенно: садился, смотрел в потолок и рассказывал. Студенты ждали его лекций как откровения. Это было на третьем курсе. Его выгнали из университета. Уже потом, годы спустя, я попал в больницу и в коридоре там его встретил. Он тоже там лежал. Он был как прокаженный: выгнали из университета, никто с ним не общался... Ему было очень тяжело. Мы поговорили с ним и очень подружились. Он приглашал меня к себе. В его библиотеке были очень редкие книги, например, протоколы X съезда партии (1921 г.). Для того времени это был чуть ли не самиздат. Он говорил, что все эти книги перейдут ко мне — а я не понимал, о чем он. Потом я уехал в Москву, вернулся — и узнал, что он покончил с собой. Это был для меня такой шок! Я до сих пор не оправился.

С.Э. Он ведь был военным переводчиком.

В.С. Да, был переводчиком в Германии. Во время ли войны или после — не знаю. Его книжка называлась «Под знаменем коммуны: германская социал-демократия против реакции и милитаризма, 1871–1875 гг.». По-моему, книжка была прекрасная. На общем фоне он очень выделялся. Другого такого преподавателя не было. Его кем-то заменили — но пошла какая-то дрянь... После этого я чуть не со-

рвался. Я тогда потерял ко всему интерес. Каждый день стал по пивным мотаться. Потом появился Александр Константинович Мошану. Он тоже был интересным человеком, хотел как-то обновить кафедру. Он ведь тоже подвергался преследованиям при советской власти — причем по причинам, которые сейчас кажутся абсолютно абсурдными. Как он мне рассказывал, после Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. (это было последнее мероприятие такого рода) был принят какой-то компромиссный документ. В нем содержалась такая фраза: «Успехи всех социалистических стран — это успехи социалистического сотрудничества в целом». Газета «Молдова социалистэ» заказала тогда Мошану статью по поводу некоей годовщины, кажется, так называемого Августовского восстания, а на самом деле переворота 23 августа 1944 г., когда Румыния вышла из союза с Гитлером и присоединилась к антигитлеровской коалиции. Мошану вставил в статью эту цитату из документов Межпартийного совещания. Гэбэшники в Москве делали обзор реакций советской прессы на это совещание и обнаружили, что ни в одной другой советской газете этой фразы не содержалось. Им это показалось странным, они обратились в ЦК Коммунистической партии Молдавии. Мошану вызвали в ЦК, оскорбляли, чуть не плевали. Он говорит: «Да я же это процитировал». Его чуть не затоптали. Он ушел из академии... Как вообще такая бредятина могла произойти? Вот объясните мне, как? В общем, он после этого стал работать в университете, со временем

стал зав. кафедрой Новой и Новейшей истории. Это была чистая случайность, которая повлияла на мою жизнь. Как говорят по-английски — serendipity, счастливая случайность. Пошло обновление кадров. Мошану выбрал меня как хорошего студента для обучения в аспирантуре, хотя я к тому времени уже особенно не учился. Я старался, но первоначального рвения уже не было. Он предложил мне пойти в аспирантуру. Я не поверил этому. Но вдруг это получилось — и я стал аспирантом МГУ на кафедре Новой и Новейшей истории. Моя дипломная работа в Кишиневском университете была по истории коммунистической партии Великобритании. У нас тогда были две специализации — история СССР и всеобщая история. Я не хотел никакой истории СССР именно из-за этой самой идеологизации. Всеобщая история давала надежду заглянуть в другой мир. Но источников в Кишиневе не было. Так что тема дипломной определялась доступностью источников — скудных, но все же оригинальных. Наверное, моя работа выделялась на фоне дипломных работ Кишиневского университета того времени, которые ведь просто жевали партийную жвачку (не все, но очень многие). Я использовал англоязычные источники, что само по себе было событием. Кроме того, еще я заметил, что во время Второй мировой войны и в первые годы после нее британские коммунисты говорили одно, но начиная с 1947 г., с переходом к холодной войне — прямо противоположное. Сейчас это кажется банальным, но в то время это было, как бы сказать, маленьким открытием, по крайней мере для меня. Я на-

писал об этом в дипломной работе. На защите Сергей Кузьмич Брысякин пытался меня ущучить. Вместо принятого на истфаке КГУ им. Ленина обозначения «Библиография» у меня было написано «Литература». Он спросил: «Что, Ленин для вас тоже литература?» А потом: «А что у вас тут программа на английском, а тут на русском?» Я ответил: «На английском вариант программы, не переведенный на русский». Вот таков был уровень критических замечаний кишиневской профессуры того времени.

В общем, я приехал в Москву, сначала страшно волновался: провинциал... Ну, вы сами через это проходили. Но они меня приняли хорошо. Прошел экзамены...

С.Э. Какой это был год?

В.С. 1981-й. Разгар застоя. После вступительных экзаменов надо было выбрать тему диссертации. Я сказал, что не хочу писать про британскую компартию. Меня спросили: «А что тогда?» Сошлись на лейбористах. Это в то время уже было окно в другой мир. Но английский мой был еще не на уровне, вначале мне было очень трудно читать.

С.Э. А в библиотеке были документы Лейбористской партии?

В.С. Архивных не было, но были публикации. Я получил доступ в спецхран и в Ленинке, и в ИНИОНе. Конечно, все это было дикостью — что секретного могло быть в брошюрах и в журналах Лейбористской партии? Но это все равно ощущалось как прорыв. Прорыв

произошел и в английском языке — через несколько месяцев я понял, что легко прочитываю 50–70 страниц в день, стало понятно, что на уровне чтения я английским владею. Диссертацию по теме «Борьба в Лейбористской партии Великобритании по программным вопросам в конце 1960–1970-х годов» я защитил в 1986 г.

С.Э. Кто был вашим научным руководителем?

В.С. Руководителем был Олег Стефанович Сороко-Цюпа. Он был специалистом по Канаде, а я хотел писать по Великобритании. Почему-то у меня было внутреннее сопротивление против того, чтобы писать по Америке. Существовал целый институт — Институт США и Канады, и на нашей кафедре почти все специализировались по истории США. Мне это не понравилось, я понимал, что я буду одним из многих. И вообще я как-то не испытывал интереса к истории Штатов. По большому счету я и историю Англии не очень любил, но у меня не было другого иностранного языка. Итак, в 1986 г. я защитился.

С.Э. Расскажите немного о вашей диссертации.

В.С. В конце 1960-х — начале 1970-х у лейбористов был кризис, партия тогда едва не развалилась. И это совпало с проблемой присоединения к Евросоюзу — ныне популярная тема. Если исходить из тех, тогдашних критериев, я хорошо сделал свое дело. Но в 1986 г. уже началась перестройка. Я сразу вернулся в Кишиневский университет — таково

было условие моего обучения в московской аспирантуре. Я был начинающим преподавателем, и вдруг весь мой ученый капитал обнулился: все, что для меня было важным до этого, стало вдруг неважным. Я перестал заниматься историей Великобритании и Лейбористской партии. В принципе, я не жалею. Когда я начинал ей заниматься, я просто хотел уйти от всего, что имело отношение к советской истории, истории КПСС, научного коммунизма и т.д. Это было мне глубоко отвратительно. И, в принципе, я добился своего — я читал то, что другие люди не могли читать. Когда я был в Москве, там циркулировали книги самиздата и тамиздата — Оруэлл, Солженицын — я тогда много чего прочитал...

С.Э. Расскажите об этом, это очень интересно.

В.С. Ну, был такой Владимир Прибыловский, может быть, знаете. Он недавно умер. Он издавал газету «Панорама». Известный был человек в интеллигентских кругах. Он передавал нам эти книги.

С.Э. Это было достаточно свободно?

В.С. Как свободно? Ничего не свободно. Все боялись...

С.Э. Боялись, но тем не менее...

В.С. Ничего не «тем не менее». Это было очень опасно. У нас был такой ныне известный Константин Затулин. Он тоже был аспирантом. Его все называли «товарищ майор». Все боялись. Я жил в МГУ, в высотке:

две комнатки, санузел общий. Условия были хорошие: малюсенькая комнатка, но мебель хорошо подобрана, такая тверденькая, возможно, немцы делали, военнопленные. Окно выходило на Ленинские горы, соловьи пели по ночам. Так вот, когда запрещенные книжки давали, я закрывал двери. Но свет-то горит. В двери было матовое стекло. Я не хотел, чтобы знали, что я читаю. Поэтому я забирался под одеяло... Вдруг Затулин или еще кто зайдет.

С.Э. Он в прямом смысле ходил и проверял?

В.С. Ко мне он не заходил, я от него подальше держался. Мы знали про Затулина, что он стучит, но я же никогда не знал, кто еще это может делать. Где-то в 1977 г. меня пытались вербовать в КГБ, у нас на курсе в Кишиневском университете. Это тоже была такая шоковая терапия, как говорится: вдруг вызывают в деканат и говорят: «Такого-то числа в такое время нужно быть в военно-учетном столе». Что это значит? И вот я прихожу, там такой человек в штатском с запоминающейся фамилией Тертяк, как потом представился, майор КГБ, и он начинает меня вербовать. Я говорю: «Дайте день на размышление». Он отвечает: «Хорошо». На следующий день я прихожу, а он в полной уверенности, что я соглашусь. Я говорю: «Нет». Он отвечает: «Ты понимаешь, что ты делаешь? Мы тебе жизнь ломаем», то-се. А мне 18 лет. В общем, я отказался. Он сказал: «Ты даже не знаешь, сколько людей хотели бы оказаться на твоём месте. Ты даже не знаешь, как мы тебя проверяли, прежде чем это пред-

ложить, сколько людей о тебе давали показания!» Я подумал: мама миа! Так что на этом фоне я боялся. Я серьезно это говорю.

С.Э. Прибыловский, который давал вам эти книги, тоже был аспирантом?

В.С. Не знаю. Мой тогдашний друг Саша Скогарев знал его. Этот Саша был таким отчаянным типом, он эти книги приносил чуть ли не тоннами и раздавал. Но опять же — кто такой Саша Скогарев? Не было понятно, кто из них на кого работает. Выглядело это странно, тем более что все, действительно, раздавалось почти открыто. Нет, конечно, теперь мне стыдно, что я тогда в этих людях сомневался. Но вот опять же, когда я приехал в Москву, как раз выгнали из аспирантуры Андрея Фадына. Его посадили. Был там еще Б. Кагарлицкий, который работал в ИМЭМО, Институте мировой экономики и международных отношений, он тоже сидел.

С.Э. Получается, весь «комплект» самиздатовской литературы вы прочли, будучи в аспирантуре?

В.С. Не весь конечно, но много. «Архипелаг ГУЛАГ», Померанца, Оруэлла, Конквиста... В общем, я был уже начитан. А потом началась перестройка и все это полилось открыто. Было ощущение, что я моментально «устарел».

С.Э. В начале перестройки вы были преподавателем Кишиневского университета, а потом вы ушли в политику. Как это произошло и когда?

В.С. Это был 1989 г. Было такое движение «Единство»... Когда я был в Москве, я познакомился с Виорелом Чиботару. Он был тоже аспирантом в каком-то математическом институте АН. Была еще Ира Лапина, она сейчас в Тирасполе преподает. Она тогда еще была... Слушайте, ведь это уже история!

С.Э. И это интересно!

В.С. Я отдаю себе отчет, что я видел что-то, что считаю своим долгом донести.

С.Э. Я беру не первое интервью у историков, которые имели политический опыт. Возможно, для историка это в каком-то смысле естественно...

В.С. Да, в каком-то смысле. И так, Ира Лапина, моя давняя знакомая, училась одновременно со мной в Москве, она жила в одном общежитии с Виорелом Чиботару, и через нее я с ним познакомился. Это было одно из первых моих знакомств с молдаванином, который, не скрывая, придерживался антирусских взглядов. Это было шоком для меня, до того я не думал, что такое может существовать. Вернее, я чувствовал, что такое существует, но он был первым для меня, кто это артикулировал. Сейчас я смотрю на свою политическую деятельность и думаю: зачем я это делал? А потом я вспоминаю наши эмоции того времени. Вот тот же Николай Дабижа — советский поэт, идейный комсомолец, который вдруг вспомнил во время перестройки, что он румын. Как он нас всех оскорблял в своей газете! Это же был ужас!

С.Э. Да-да, я это помню!

В.С. У меня было ощущение: так нельзя, мы же тоже люди, с нами надо считаться! Оно меня и привело в политику. Но в «Единстве» мне было тоже тяжело, там оказались такие люди — сталинисты, держиморды...

С.Э. Вы говорите про «Интерфронт»?

В.С. Это было движение «Единство». Слово «Интерфронт» к нему присобачили оппоненты, чтобы это звучало оскорбительно.

С.Э. А до этого было «Демократическое движение»?

В.С. Нет, «Демократическое движение» — это было начало Народного фронта. Там был Виорел Чиботару. Мы с ним разговаривали, я пытался его переубедить: «Вы понимаете, что вы делаете?» Доказывал, что сталинизм — это одно, но не все русские — сталинисты. Потом я понял, что не собою их с пути этнического национализма. Нас собрал один из журналистов, который, наверно, получил задание от ЦК КПМ. Его фамилия была Павленко, не помню имени. Мы собрались в Доме печати, это было началом Интердвижения Единство, которое задумывалось как альтернатива Демократическому движению. К сожалению, там присутствовали в большом количестве какие-то сумасшедшие, русские националисты, Андрей Сафонов со своими бреднями. Я же всегда занимал в «Единстве» умеренную позицию. Я думаю, они меня ценили, потому что я мог что-то

артикулировать. Но они меня не любили и мне не доверяли из-за этой умеренной позиции. Например, по вопросу о двух государственных языках я всегда говорил — этого не будет, этого нельзя требовать. Нужен просто более длительный период перехода, нужен компромисс. Не следует стремиться сохранить главенствующее положение русского языка, достаточно просто признание его как второго по важности после молдавского.

С.Э. В каком году вы ушли из университета?

В.С. В 1990-м. В университете была жуткая атмосфера. Да и зарплата стала такая, что невозможно было на нее жить. Появилось ощущение, что это все никому не нужно. Молдавские студенты на меня смотрели с некоторой враждебностью.

С.Э. Я помню, что те борцы за русский народ, типа Сафонова, когда в Кишиневе стало опасно, переехали в Тирасполь. А вы остались.

В.С. Я тоже попытался туда переехать, но когда увидел людей там, я вернулся обратно. Я надеялся, что Тирасполь не доведет дело до полного разрыва с Кишиневом, что он будет вести переговоры, строить автономию, федерацию... Но они меня не слушали. И там преобладали такие же радикальные настроения.

С.Э. В какой-то момент вы остались единственным, кто в парламенте выступал в защиту русскоязычного населения, остальные, получается, сбежали.

В.С. Одно время так и было. В мае 1990 г., вы, возможно, помните, что творилось: толпы отвратных мобилизованных юношей избивали депутатов, засовывали их в канализацию. Это безумие и спровоцировало Приднестровье. Потом молдавские лидеры, в частности, президент Мирча Снегур, говорили: «Приднестровье — это результат русского вмешательства!» Простите, но вы вели себя как полные подлецы. Эти люди [русские] с вами долгое время жили, работали, и вдруг они все стали плохими, стали негодьями?! Сейчас тогдашние молдавские радикалы не хотят этого признать. Все виноваты, кроме них. Да и политики: только и демонстрировали свою враждебность к приднестровцам, провоцируя их на разрыв. Было твердое убеждение, что с молдавскими националистами не договориться.

С.Э. Во всем винили «руку Москвы»...

В.С. Да, рука Москвы, «Интерфронт», из которого сделали какое-то пугало. Несколько лет назад тот же Дабижа написал какую-то статью о том, как КГБ хотело его убить и как я принимал участие в этом заговоре. Я прочитал ее в Интернете. Придумал какой-то заговор... Кому он был нужен со своими бреднями и со своими стихами? Эти комсомольцы, ставшие в одночасье националистами, были непримиримыми, жестокими, провоцирующими насилие.

С.Э. Да, они же избивали приднестровских депутатов...

В.С. Я пришел тогда домой и просто рыдал: когда идешь через эту

толпу, а они в тебя плюют, оскорбляют, щипают, толкают, пинают — а полиция ничего не делает... Это ужасное ощущение.

С.Э. Но вы проявили мужество, в отличие от всех остальных.

В.С. Я бы так не сказал. Они уехали... Я остался. В чем тут мужество?

С.Э. Думаю, что многие тогда в Молдавии с восхищением отметили этот факт.

В.С. У меня характер такой: когда давят, я становлюсь неуступчивым. Но когда ситуация успокоилась, я вернулся к более умеренной позиции. Люди просто ее не видели, но я так себя воспринимал всегда. Сейчас пишут иногда обо мне: «идеолог Интерфронта». Какой идеолог Интерфронта, если меня никто не слушал в самом этом движении? Я старался артикулировать позицию помягче. Всегда настаивал на переговорах, компромиссе. Но националисты не провели с нами никаких переговоров. Единственное, чего мы добились — компромиссный вариант с законом о языке, в 1989 г., еще до избрания первого парламента. Когда в 1994 г. придали ему почти конституционный характер — это была моя идея, я как раз был в составе конституционной комиссии. И в тексте конституции русский язык упомянут отдельно: «русский и другие языки». Меня тогда поддержал Петр Кириллович Лучинский. Сейчас все это хотят вычеркнуть. Тогда более миллиона человек вообще говорили только по-русски, и вдруг они почувствовали себя людьми второго сорта — их

называли мигрантами, манкуртами, полулюдьми. И те, кто так делал, говорили о себе как о демократах. Какие вы демократы? Вы просто националисты крайне правого толка, экстремисты. Причем за этим экстремизмом стоял простой шкурный оппортунизм, циничные расчеты — выдвинуться, занять пост повыше. Как и желание почувствовать себя героем, борцом. С тех пор все, что связано с национализмом, для меня отвратительно.

А потом я пытался выкроить какое-то пространство для идей, которые были бы сформулированы и не в провокационно-пророссийском, и не в националистическом ключе. Из этого особо ничего не получилось. Ну может, что-то и удалось сделать, но после того, как я ушел из политики, все это кажется таким незначительным. Думаешь: зачем я потратил на политику столько лет?

С.Э. Вы ведь больше десяти лет были в политике?

В.С. Да, до 2001 г. Я считал, что делал то, что было правильно. Возможно, где-то я ошибался. Но ошибка — это одно, а цинизм — это другое, надеюсь, я до этого не дошел. Сейчас я смотрю на все и думаю: зачем все это было нужно? А в тот момент я не мог оставаться в стороне от этого хамства по отношению к русскоязычным, которое тогда проявилось. Я думаю, люди, которые этого не пережили и не видели, не могут это понять. Должен, однако, признать, что многие молдаване справедливо считали, что они подвергались унижению в советской

системе. Русскоязычные обычно с такой постановкой не соглашались. Но ведь это было — молдаванам навязывали очень узкое, примитивное знание своей культуры, графику, которая оторвала их от изданий в Румынии и которую они воспринимали как чуждую и уродливую. Им постоянно говорили, что они должны быть благодарны великому русскому народу, заставляли общаться на русском языке. Поскольку у русскоязычных уровень владения русским был выше, чем у молдаван, этот факт сам по себе заставлял молдаван чувствовать себя ущемленными в своей республике. Я думаю, материально им было в целом неплохо, даже хорошо, был большой прогресс во всех сферах в республике, но психологически они чувствовали себя униженными. Я иногда чувствую себя виноватым за то, что жил с ними бок о бок и не удосужился эту ситуацию прочувствовать. Хотя бы в конце перестройки, но у меня не было опыта, который бы позволил это сделать.

С.Э. Расскажите, как от политики вы решили вернуться к истории?

В.С. Когда я оказался не у дел в молдавской политике (2001), я решил, что не буду пытаться возвращаться в политику. Решил, что попытаюсь вернуться в историческую науку. Во время короткого пребывания в Америке я обнаружил обширные коллекции об истреблении бессарабских евреев в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне. Написал туда заявку на стипендию, приехал и стал работать. Коллекции, конечно, богатые, документы жуткого содержания. Эмоциональ-

но это ужасно. Вначале я хотел написать про Буковину и Бессарабию. Потом понял, что про это не получается написать. Нужно писать про Румынию: как румынский национализм стал в какой-то момент таким людоедским и к чему это привело. Так вот я и написал «Purifying the Nation».

С.Э. Давайте поговорим подробнее об этой книге, вызвавшей большой резонанс в академическом сообществе и переведенной на румынский язык. Надеюсь, что наше издательство сможет подготовить русский перевод. Расскажите русским читателям о теме вашей книги, ведь румынский Холокост вообще находится на периферии историографии и памяти, о нем мало кто знает.

В.С. Действительно, румынский Холокост долгое время был в тени. Получилось так, что после войны на первом плане было наказание военных преступников. Но, как и в других странах, в Румынии власти, преследуя военных преступников, не хотели подчеркивать, что жертвами преступлений были преимущественно евреи. Евреев не любили, власти боялись, что их будут считать (и в действительности считали) агентами евреев — своего рода дань антисемитским предрассудкам. Приняли закон, которому придали обратную силу, о привлечении к суду лиц, виновных в несчастье страны. По этому закону, конечно, можно было привлечь хоть все правительство Антонеску — и привлекали. Виновных в преступлениях против евреев тоже судили, но всегда старались подчеркнуть,

что эти преступники были немецкими ставленниками и предателями интересов румынского народа. Что, конечно, было неправда. Когда Сталин стал проводить антисемитскую политику в СССР, расследование преступлений против евреев в Румынии потихоньку стали сворачивать. Пока советские войска были там — а советские давили на румын, чтобы они продолжали разоблачать преступников, — расследования медленно шли, но наказания давали все менее и менее строгие, да и огласки было все меньше. Когда советские войска ушли — в 1958 г. — преследования полностью прекратились. Тема уничтожения евреев вообще ушла с повестки дня. Чаушеску повернулся к национализму. Это было сделано для легитимизации коммунистического режима в Румынии и для того, чтобы заткнуть рот всем возможным диссидентам. Получилось очень эффективно: если ты критикуешь Чаушеску, то, получается, ты защищаешь Советы, которые были крайне непопулярны в Румынии. Те, кто выступал с ревизионистски-марксистских позиций, вынуждены были замолчать. Ненависть к русским была настолько сильна, что они, румынские интеллектуалы, сами себя цензурировали. Чаушеску подошел очень близко к реабилитации Антонеску. Не реабилитировал, но подошел очень близко.

Другая проблема — об этом написал книжку Ион Попа — Румынская православная церковь очень удачно подстроилась под коммунистический режим и сфальсифицировала свою собственную историю. Церковные апологеты утверждали, что

Церковь никогда не участвовала в преступлениях против евреев, всегда была доброй к ним, даже защищала — и коммунистический режим вскоре после войны прекратил расследовать соучастие клира в антиеврейских акциях и молчаливо принял этот апологетический дискурс. Так продолжается до сих пор: церковные архивы закрыты для историков, если ты хочешь туда попасть, ты должен говорить то, что тебе епископ сказал. На самом деле церковь играла немалую роль в Холокосте. Помимо того, что отдельные священники участвовали в преследовании евреев и поддерживали легионеров, Церковь как институт участвовала в антисемитской пропаганде и закрывала глаза на истребление евреев. Эти факты до сих пор неизвестны широкой румынской общественности. А ведь Церковь — это самый авторитетный общественный институт в Румынии.

Вот так и получилось, что тема Холокоста в Румынии ушла из румынского публичного пространства. Румыны считали, что они тут ни при чем, немцы и венгры виноваты, а они — нет, ну, может быть, единицы, но в целом мы, мол, были хорошими. Тема вернулась в результате давления со стороны Запада. Вы знаете эту историю с публикацией итогового доклада Комиссии Визеля. Вообще-то не дело правительств принимать решение о том, что в стране случилось в прошлом. Это же должны историки делать, а не правительства. Но мы живем в восточно-европейском мире, где правительство создает комиссии, как в России, «по борьбе с фальсифи-

кацией роли России» и т. д. Накануне вступления Румынии в НАТО — а румыны очень хотели туда вступить — президент Илиеску создал комиссию по изучению Холокоста в Румынии, куда вошли румынские и зарубежные историки, и они составили доклад, который изложил в принципе хорошо известные, но долгое время отрицавшиеся в Румынии факты о судьбе евреев Румынии и Транснистрии во время Второй мировой войны и о роли румын в их трагедии. Президент «принял» (a asumat) этот доклад, тем самым сделал его как бы официальной позицией властей. С тех пор ситуация в Румынии поменялась, в особенности в академических кругах. Судя по той конференции, в которой я неделю назад участвовал в Бухаресте, отрицание Холокоста в Румынии уже в прошлом. Поколение историков времен Чаушеску ушло, главный отрицатель Холокоста Георге Бузату умер, его ученики маргинализированы. Ион Кожа, другой отрицатель, воспринимается как маргинал. Так что в академическом мире отрицания Холокоста не существует. Но остался мир за пределами академического сообщества, и он меняется медленно. Я думаю, что сопротивление Церкви тому, чтобы признать свою вину, — это очень важное препятствие. Если бы Церковь эту вину признала, то все пошло бы иначе. Но Церковь...

С.Э. Не готова?

В.С. Можно сказать «не готова», если быть оптимистом. А если смотреть на вещи трезво — то почему мы можем быть уверены, что она вообще это сделает? Так что все неод-

нозначно. Когда я начинал об этом писать, мне было важно выяснить, что произошло в Бессарабии и Буковине. Как я уже сказал, когда я прочитал документы, то понял, что за этим стоял план полного очищения страны от евреев, вообще от всех национальных меньшинств. Это был совершенно безумный план, утопический. Но правительство, эксперты и даже оппозиция приняли его как возможность.

С.Э. Т.е. вся интеллигенция?

В.С. Фактически да. Был консенсус по этой теме. Может быть, я не прав, может быть, я изучил не все источники, но мне показалось, что этот консенсус был, желание от них избавиться «не мытьем, так катаньем» было. Вот об этом я написал книгу. История евреев Бессарабии и Буковины — самая трагическая ее часть. Но мне кажется, что чудовищные преступления, которые с ними произошли, стали возможны только в этом смысловом поле, когда сама идея «очищения» казалась вполне морально допустимой и реалистической. Если человек считает, что для его страны принципиально важно избавиться от «чужаков», то в какой-то момент он примиряется с жестокостью на пути к этой цели.

С.Э. Когда я читал вашу книгу, то соотносил ее с современной Молдавией и обнаруживал в чем-то пугающие сходства: все начинается с малого: сначала запрещают рекламу на русском, потом запрещают писать в русских газетах «Кишинев», надо, оказывается, писать «Кишинэу» и т. д. Вроде ничего страшного. Но для

маленьких стран важен внешний контекст, а когда он меняется, то от мелочей возможен переход к страшным вещам. Как только Гитлер сказал, что можно убивать евреев, так Антонеску сразу начал убивать, причем с таким размахом, что, как вы пишете в своей книге, даже германские нацисты пытались притормозить процесс истребления бессарабских евреев, т.к. это порождало серьезные проблемы для местной промышленности, торговли и медицинской сферы.

В.С. Абсолютно верно. А когда убийства начинаются, никогда не знаешь, где они остановятся. Есть прекрасная книга Кристиана Гёрлаха «Extremely violent societies», он там рассматривает ситуации массового убийства. Мы о них часто не знаем, например, в Индонезии в 1965 г. погибло около миллиона людей. Но памятники стоят там не жертвам, а убийцам! То же самое в Бангладеш: сначала при разделе Индии миллионы перемещались и миллионы были убиты, а потом, в 1970-е гг. — тогда убили сначала одну часть населения, потом другую... Комбинация, кого убивать, все время менялась. В результате страну разрушили так, что она стала одной из беднейших, хотя когда-то это была чуть ли не самая развитая территория Британской Индии.

С.Э. Мы не осветили еще один важный вопрос, он наверняка будет интересен читателям, особенно молодым — как вам удалось стать американским профессором?

В.С. Вы знаете, я сам этого не понимаю. Думаю, что моя история настолько нетипична, что ее ценность для тех, кто хочет повторить мой путь, равна нулю. В 2001 г. я ушел из политики и остался не у дел. В моей жизни было одно job-interview, одно. Когда я ушел из политики, я стал писать резюме. Я понятия не имел, как они пишутся, как составляются. Еще в Московском университете я познакомился с Георгием Дерлугьяном. Он потом уехал переводчиком в Мозамбик, и я потерял его след. Потом я его случайно встретил в Америке, он был преподавателем в Северо-Восточном университете — весьма престижный университет — в Чикаго. Я сказал ему: «Знаешь, я буду пытаться найти работу в Америке». Он ответил: «Ну что тебе сказать? Шансов — ноль». Я писал-писал эти заявления — в ответ было или молчание, или отказ в вежливой форме. И вдруг пишут: «Мы хотим с вами поговорить по телефону». Поговорили по телефону. Когда я положил трубку, я сказал жене: «Это кошмар, я все провалил». Но они пригласили меня на кампус. Тогда я был стипендиатом в Музее Холокоста, только в начале проекта, который впоследствии завершился моей первой книгой. А собеседование на кампусе заключалось в следующем — прочитать лекцию, провести research-presentation и просто посидеть с ними в кафе, чтобы они тебя изучили как потенциального коллегу. Когда я приехал на кампус, мне показалось, что я проявил себя хорошо. Мне сказали: «Вот пройдет неделя, если мы в пятницу не позвоним, то все». Не позвонили. Но позвонили в понедельник, говорят: «Мы вас

отобрали из трех приглашенных кандидатов. У нас были разногласия, но в конце концов решили вас пригласить». Уже потом я говорил в шутку: «Зачем вы меня пригласили? Если бы я был на вашем месте, я бы себя не пригласил».

С.Э. Повлиял ли на их решение тот факт, что вы раньше были депутатом молдавского парламента?

В.С. Едва ли я могу об этом знать. Когда ты уже там, и ты что-то спрашиваешь, то, получается, ты напрашиваешься на комплименты. В этом случае знать, в какой степени это искренне, практически невозможно. Ты уже с ними, ты их коллега, все друг от друга немножко зависят.

С.Э. То есть мотивы свои они вам не сообщили?

В.С. Нет. И потом, состав кафедры уже поменялся. Многие ушли на пенсию, не с кем особенно говорить. Иногда я спрашиваю, но они толком ничего не говорят. Так что я не знаю.

С.Э. В чем отличие в работе американского профессора от работы профессора в России?

В.С. В Америке профессора делятся на две большие статусные группы, между которыми есть промежутки. Первая группа — те, у кого есть *tenure* (несменяемость), вторая — те, у кого ее нет. После того, как ты получаешь *tenure*, у тебя появляется свобода. Ты можешь выбирать темы исследования, ты можешь читать те курсы, которые хочешь. Представляете, насколько

это отличается от наших вузов, где ты должен пройти ученый совет, утвердить тему. Тут ничего этого нет. Более того, когда ты что-то публикуешь, ты не зависишь от своей кафедры, ты зависишь от издательства. Твоя рукопись должна понравиться редактору, который затем пошлет ее рецензентам. Те посмотрят, скажут, считают ли они публикацию целесообразной, иногда скажут, что исправить. Но кафедра к этому не имеет никакого отношения. Их интересует лишь то, публикуешься ли ты в академических изданиях. Что конкретно ты там пишешь — не важно. Считается, что если прошел процедуру отбора — это своего рода знак качества. Еще одно отличие заключается в том, что продвижение по академическим степеням и должностям у нас иногда зависит от наличия ставок. Например, есть ставка доцента — подавай документы, нет — жди, пока откроется. В Америке ничего этого нет. Соответствуешь критериям на полного профессора — подавай. Пройдешь — получишь. С другой стороны, все университеты имеют рейтинг. Наш университет — очень большой, самый большой в Америке, но количество студентов не определяет рейтинг. Он, как и все большие университеты, государственный. Гарвард — это другая история, он очень дорогой. Обучение там могут позволить себе только очень богатые люди. Правда, для очень талантливых людей с низким доходом семей существует стипендия — из того, что накопил университет. Но в целом обучение очень дорогое. Наш университет — не такой дорогой, он попроще. Как у большинства государственных

(штатных) университетов, его миссия — дать возможность людям с умеренными доходами получить высшее образование.

С.Э. Ваш государственный университет тоже платный?

В.С. В Америке все колледжи платные (во всяком случае, мне не известны исключения). Это называется tuition fee [стоимость обучения, плата за обучение]. Она существует практически везде. Но у нас во Флориде существует программа, которая называется Florida Bright Futures — если ты резидент Флориды, учился здесь в школе и показывал неплохие результаты, то ты можешь стать участником этой программы и тебе оплачивают почти все. Но, например, когда назначается список книг для чтения или список учебников, то человек должен сам их покупать. Их нельзя просто взять в библиотеках, там обычно только один экземпляр. Учебники могут быть очень дорогими. Сейчас, правда, их делают электронными, но тем не менее. Поэтому на каждый курс уходят сотни долларов. Плюс tuition, проживание, плата за стоянку — потому что почти все приезжают на автомобиле. За год немало набегаёт. Конечно, можно сэкономить: например, если ты живешь с родителями, то не нужно платить за жилье, плюс еще если быть участником Bright Futures — то не платишь tuition. А если нужно приезжать из другого города, платить за жилье — то все совсем иначе и весьма дорого.

С.Э. Сколько примерно это может стоить?

В.С. Жилье — не меньше \$700 в месяц, даже самая простая комнатуха. Конечно, если снять вместе с другими студентами домик и жить, может быть, \$400. А если комнатку-студию — то \$700.

С.Э. Получается, что даже в государственном университете обучение достаточно дорогое.

В.С. Да. Потом, если ты бросил университет, где ты учился по программе Florida Bright Futures, ты не можешь на нее вернуться. А у многих так и бывает. Вам, наверное, это знакомо: многие молодые люди сидят перед компьютерами с утра до вечера, а когда начинается более самостоятельная жизнь, им приходится работать, следить за оплатой счетов... Это все стрессовые ситуации. Многие слетают с катушек. Кто-то начинает принимать антидепрессанты. Это массовое явление. Соответственно, если у тебя стабильная психика, то все не очень трудно, но у многих молодых людей психика нестабильна, она не выдерживает. Люди приходят с наполеоновскими планами, а потом заканчивается все пшиком.

С.Э. Если сравнивать советских студентов и американских — по тому, каков их уровень культуры, мотивация — в чем сходства и различия?

В.С. Моим студентам во Флориде преподавать в каком-то смысле легче. Они более почтительные и серьезные. В России и Молдавии студенты часто болтают на занятиях, просто поддерживать дисциплину в классах часто уже проблема. Здесь

они обычно сидят спокойно. Все задания, которые они выполняют, — это задания в письменной форме. Бывают, конечно, дискуссии в классе, но в основном все в письменной форме. Оценки выставляются в течение семестра и суммируются исходя из формулы, которую ты сам придумываешь — какие задания сколько процентов от окончательной оценки будут стоить. Соответственно, студенты должны работать весь семестр, чтобы получить хорошую оценку. Естественно, как правило, они работают в начале, потом им надоедает, потом вновь включаются в конце.

Что касается культуры — тут есть разные стороны. Они могут не знать того, что, как нам кажется, они точно должны знать. Европейскую историю они знают неважно. У нас ведь как заложено: мировая история — это европейская история. У них нет такого отношения. Я не могу ожидать, что кто-то будет знать, например, кто такой Гёте. И таких примеров множество. С другой стороны, им прививают критическое мышление, а не зазубривание. Они знают, что должны его проявлять. Вот есть базовые понятия — «факт» и «мнение», и очень важно, что они понимают разницу между ними. Мнения могут быть очень разными, но факты могут быть установлены с полной точностью. Мне также кажется, что категории моральной оценки им понятны больше, чем нашим, которые зачастую считают цинизм нормой политической жизни при всех обстоятельствах.

Думаю, что американские студенты честнее наших. У них нет привычки

списывания, которая у нас повальная. И есть, может быть, не умение, но понимание того, что от них требуется *critical thinking* — критическое мышление. В нашем деле это очень важно. Читают ли они то, что я им назначаю? Бывает по-разному. Иногда на стенку лезешь, а иногда думаешь: о, Боже, как хорошо.

С.Э. В России существует серьезная проблема: письменные задания студенты легко находят в Интернете и списывают. В американских университетах она тоже существует?

В.С. Программы всех моих курсов содержат параграф о плагиате, в котором я объясняю, что такие практики недопустимы и будут наказываться нулями. Я также разъясняю, что все их тексты будут автоматически проверяться на заимствования сайтом turnitin.com, который соединен с нашим университетским порталом. Все работы подаются только в электронном виде, и все они проверяются на заимствования, так что случаев наглого списывания из Интернета немного. И тем не менее есть те, кто так делает, хотя таких случаев очень мало. Я ставлю нули и угрожаю написать рапорт. Если я напишу рапорт, будет разбирательство, вплоть до отчисления. На turnitin.com можно легко подписаться, это может сделать любой университет. Вообще, все эти вещи быстро совершенствуются. Например, я сейчас нахожусь здесь, в Молдавии, но я преподаю целый курс онлайн своим студентам в Америке.

С.Э. Расскажите о ваших творческих планах.

В.С. После «Purifying the Nation» я решил написать книгу про Транснистрию под румынской оккупацией (1941–1944), которая скоро выйдет в издательстве Корнельского университета. Я там анализирую румынскую оккупационную политику, ее различные аспекты; отношение к ней местного населения, сотрудничество местных с оккупантами, их борьбу с ними. Однако в эту и так объемную книгу не вошла информация о судьбе местных евреев и депортированных из Буковины и Бессарабии евреев. Этот сюжет станет основой моей следующей книги. Я хочу переосмыслить эту трагическую тему — и больше этой проблемой не заниматься. Это может выглядеть глупо, что я так много времени посвятил изучению румынского Холокоста, что я перенасыщен ей. Я больше не могу читать и писать о том, как люди друг друга убивают. Это очень тяжело эмоционально, и я не хочу быть человеком одной темы.

Сейчас я пытаюсь найти способы изучить более спокойное время Республики Молдова, к которой меня все равно тянет. Меня интересует проблема индустриализации — история проекта по превращению «России отсталой в передовую», и как коммунисты эту «передовость» понимали как индустриализацию. Для них «индустриализм» и «социализм» в какой-то момент стали равнозначными понятиями. Мы воспринимали это естественно. Сейчас этот термин сохранился, хотя страны, которые стали индустриальными, сейчас занимаются собственной деиндустриализацией. Модерн, индустриализм — это од-

но и то же. Но восхищение и преклонение перед индустриализмом породило очень ограниченное понимание экономики современного времени. Складывался культ машины, рабочего класса. «У нас будет много заводов и всем будет хорошо», — так думали советские. Но вот ты произведешь вещь, а потом ты должен ее продать. Производить ради производства — это бессмыслица. Ты должен производить товар, который люди будут покупать, который будет нравиться. И этот индустриализм приобрел, особенно у нас, бессмысленный характер: индустрии было много, а товара, который люди хотели бы покупать, мало. Производилось все больше того, что люди не хотели покупать. Но в Молдавии была еще одна сторона: здесь создали крупные заводы, которые работали на военную промышленность, но с точки зрения рационального планирования это не имело смысла. Если вы хотите развивать оборонную промышленность, то ее надо создавать не на национальной окраине, а в Сибири, на Урале, чтобы враг не достал. В хрущевское время упор был на сельском хозяйстве, Молдавия специализировалась на вине и овощах. И вдруг все поменялось. Между прочим, это произошло в 1960-е гг. Вот был местный завод «Виброприбор», потом к нему что-то добавили — и вдруг его берет под свой контроль союзное министерство. Меня интересует то, что вначале они, эти заводы, были местного подчинения, а потом их подчинили Москве, кажется, Министерству тяжелого машиностроения. Почему это произошло? Тогда этот завод стал получать больше фондов, получил приоритет

по строительству жилья для своих кадров — но он также требовал завоза специалистов, что возмущало молдаван. Это фактически привело потом ко многим проблемам. С другой стороны, это изменило республику, превратив ее из аграрной в индустриально-аграрную. Меня интересует процесс этого перехода и то, как люди на это реагировали. Это, несомненно, было развитием. Но это развитие стало возможным только потому, что решения принимались не здесь, а там, наверху, в Москве, и мнение местного населения практически не учитывалось. Это развитие в определенном контексте, который мы воспринимали как естественный, но на самом деле он был по-своему уникальным. С одной стороны, есть партия, ко-

торая молится на индустрию, с другой стороны, есть режим, который контролирует ситуацию на месте; с третьей стороны, местные власти делают вид, что все нормально. Тогда одновременно создавали гигантские агрокомплексы, это тоже интересный вопрос. Ведь первый секретарь ЦК КП Молдавии Иван Бодюл стал строить эти комплексы, это было его идеей фикс. Он надеялся, что там он займет людей. То есть — у него была одна стратегия, а ему навязали другую? Или он параллельно инициировал? Я не знаю. Вот этой темой я планирую в скором времени заняться.

С.Э. Спасибо за интересное интервью!

“IF A PERSON BELIEVES THAT IT’S FUNDAMENTALLY IMPORTANT FOR HIS COUNTRY TO GET RID OF “OUTSIDERS”, THEN AT SOME POINT HE RECONCILES HIMSELF TO THE CRUELTY ON THE WAY TO THIS GOAL”. INTERVIEW WITH V. A.SOLONARI

Solonari Vladimir A. — PhD, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

Key words: the collapse of the USSR, Soviet Moldova, the Republic of Moldova, the Transnistrian conflict, nationalism, inter-ethnic contradictions, ethnic cleansing, American university life.

Abstract. Historian from Moldova, who has worked for a long time in one of the American universities, shares his life, political and research experience, and also talks about his creative plans.

«Я СЧИТАЮ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ ОТСЮДА И ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ДОМА В РОССИИ».

Интервью с Ю.Л. Слезкиным

Ключевые слова: советская национальная политика, национализм, межэтнические отношения, еврейский вопрос в СССР, история сталинизма, советская повседневность.

Аннотация. Российский историк, давно работающий в американском университете, рассказывает о своей академической карьере и размышляет о межэтнических отношениях в СССР, опыте советской национальной политики, еврейском вопросе в СССР, повседневной жизни в СССР в эпоху Сталина.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-440-452

Юрий Львович Слезкин, профессор исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США), директор Про-

граммы евразийских и восточно-европейских исследований этого университета. Член Американской академии искусств и наук.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Обычно мы спрашиваем, почему человек решил стать историком, где он учился и так далее. Но в вашем случае ситуация сложнее — ведь вы по первому образованию — переводчик?

Ю. С. Нет, я учился на филфаке МГУ, на русском отделении, а потом поступил на курсы португальского языка, когда они открылись после революции в Португалии.

С. Э. На ваш выбор в пользу гуманитарных наук наверняка повлияла семья? Ваш дед — известный писатель, который общался с Булгаковым, Булгаков его даже увековечил в «Театральном романе». Ваш отец — известный исследователь Латинской Америки и Соединенных Штатов. Расскажите, пожалуйста, как семья повлияла на ваш выбор профессии и затем уже о вашем образовании, карьере, кто были ваши учителя?

Ю. С. До отъезда из Советского Союза я о карьере не задумывался. Атмосфера в семье играла большую роль, но не в профессиональном смысле, а в смысле круга чтения и разговоров. Я не думал, что стану

© Историческая Экспертиза, 2018

Слезкин Юрий Львович — профессор исторического факультета, директор Программы евразийских и Восточноевропейских исследований Калифорнийского университета в Беркли (США); slezkine@berkeley.edu

историком. После МГУ я прожил год в Мозамбике. А на Запад уехал в 1982 г. — чтобы посмотреть мир, а не для того, чтобы делать карьеру. После года жизни в Лиссабоне я решил переехать в Америку. Единственным способом это сделать было поступить в аспирантуру, что я и сделал. Сначала я попал на славянский факультет, потом перевелся на исторический. Так что специального плана не было — хотя мое прошлое и обстановка в семье наверняка повлияли на мои представления о выборе. А уже на истфаке в Техаском университете я оказался в аспирантуре у Шейлы Фицпатрик, о которой до этого ничего не слышал и у которой многому научился.

С.Э. Для Советского человека попасть в Португалию, а затем в Америку было не совсем просто. Расскажите, пожалуйста, как это происходило, хотя бы в общих чертах?

Ю.С. Я уехал, женившись на португальской гражданке. А в Техас попал как аспирант. Начал я на славянском факультете, но быстро сбежал оттуда на исторический (продолжая преподавать русский). Тогда я воспринимал все это как приключение. Я не думал, что стану профессиональным историком: аспирантура была очередным этапом жизни, попыткой открыть новый мир. Но время шло, я писал какие-то эссе, ходил на семинары, участвовал в конференциях и постепенно вошел в ритм академической жизни. Очень постепенно: у Шейлы Фицпатрик было всего два аспиранта по советской истории, школы никакой не было. В этом

смысле моя аспирантская жизнь заметно отличалась от жизни тех, кто учился в университетах с большими программами по русской истории (вроде той, которую Шейла организовала в Чикаго несколько лет спустя, или той, в которой я сейчас преподаю).

С.Э. Но вы сохраняли советское гражданство?

Ю.С. Да. У меня было советское гражданство, которое в какой-то момент истекло. А российское гражданство мне получить не удалось, потому что я — по неведению — пропустил срок, до истечения которого советский паспорт можно было обменять на российский. Очень надеюсь на новый закон, который позволит мне получить российское гражданство.

С.Э. Вы попали в Америку, когда там были еще живы некоторые из тех, кто уехал из России в 1917 г. Может быть, вы встречались с кем-то из известных деятелей русской науки, политики?

Ю.С. Эмигрантов всех трех волн было много. Не помню, чтобы я познакомился с кем-то из эмигрантов первой волны в Техасе и потом в Северной Каролине. Но когда я приехал в Беркли, там была большая община. Сан-Франциско был важным центром первой волны русской эмиграции. Мой старший коллега, Николай Валентинович Рязановский, известный историк, автор стандартного учебника по истории России в Америке, приехал в Америку из Харбина (как принято говорить в их кругу). Харбинцами были

и экономист Григорий Гроссман, и литературовед Семен Карлинский. Незадолго до смерти Николая Валентиновича я съездил в Харбин, где среди прочего сфотографировал школу, в которой он учился. Из Белой эмиграции и моя ближайшая берклийская приятельница Ольга Матич, у которой недавно вышли воспоминания — «Записки русской американки». Кроме того, я нашел каких-то родственников — практически вся семья моего отца, кроме деда, эмигрировала после революции. Все были так или иначе связаны с белыми. В Ницце жила моя двоюродная сестра, которая приехала к нам в гости.

С.Э. Рязановский — ударение на «о»?

Ю.С. Да, по крайней мере, так он себя называл.

С.Э. Для меня этот автор очень значим, потому что когда я поступил в 1991 г. в аспирантуру, мой научный руководитель Алексей Николаевич Цамутали, для того чтобы я учил английский язык, дал мне «Историю России», которую ему «подпольно» подарил Рязановский, поставил автограф, но даже не написал «кому» — чтобы у Цамутали не было неприятностей. Очень хороший учебник. А семья Рязановского переехала в Америку уже после 1945 г.?

Ю.С. Нет, он служил в американской армии во время войны.

С.Э. Можете немного о нем рассказать? Для наших читателей это будет интересно.

Ю.С. Он был замечательный человек и ученый. Его отец был историком права. Его мать написала роман, который вышел по-русски и по-английски в Америке. Он был человеком православным, русским по языку, культуре и самоощущению. Православная пасха у него дома была большим событием и важной традицией: приходили многие его американские коллеги. Он знал невероятное количество русских стихов и очень любил их декламировать — всегда к месту и с большим воодушевлением. Это было тем более замечательно, что человек он был чрезвычайно застенчивый, тихий. Когда я навещал его в последние дни его жизни, он не помнил, кто я, но, завидев меня, улыбался и переходил на русский язык.

С.Э. Он преподавал в университете Беркли?

Ю.С. Да, он был профессором истории. Какое-то время нас было трое, преподававших русскую историю — Рязановский, Реджи Зельник и я. Меня взяли на место Мартина Малиа.

С.Э. Я обратил внимание, что на последней странице своего учебника, который был издан незадолго до перестройки, Рязановский пишет, что, «возможно, изменятся обстоятельства и коммунистический режим в России падет». Когда вы находились в Америке и началась перестройка, было ощущение, что что-то изменится, или думали, что советская власть будет еще долго существовать?

Ю.С. Я точно не помню, когда стало понятно, что все меняется не на

шутку. К началу 1987 г., наверное. Когда я впервые вернулся в Москву в 1989 г., страну было не узнать.

А учебник Рязановского до сих пор переиздается. В свое время к нему присоединился его аспирант Марк Стайнберг, и теперь, после его смерти, он выходит под двумя именами. Я не знаю, что он думал во время перестройки. Я приехал в Беркли в 1992 г., были уже другие времена.

С.Э. Ваша первая книга была о малых народах Севера. Почему вы выбрали эту тему?

Ю.С. Пожалуй, по двум причинам. Когда я жил в Африке, я очень интересовался ее историей и антропологией. Когда я поступил в аспирантуру, я должен был заниматься Россией, чтобы сохранить место преподавателя русского языка. Но моей второй специальностью была история Африки, и я пытался найти в русской истории темы, связанные с моими африканскими интересами.

Кроме того, по приезду в Техас я много ездил по юго-западу США, часто бывал в индейских резервациях, думал о российских аналогиях и в какой-то момент обнаружил, что об этом очень мало написано. И в конце концов решил написать о русской экспансии на Восток и о месте народов Севера в русской истории. Место это с годами сильно менялось, а в двадцатые годы XX в. всерьез обсуждалось создание резерваций. Так что все началось с общего любопытства и интереса к сравнительной колониальной политике, а кончилось книгой, которую несколько лет назад перевели на русский язык.

С.Э. Еще у вас была работа «Коммунальная квартира», о советской национальной политике. Расскажите, пожалуйста, о ней.

Ю.С. Это статья, я не помню уже даже, когда она вышла. Отчасти она связана с темой моей диссертации по народам Севера и моими интересами в области национальной политики в России и Советском Союзе. Я много занимался историей создания СССР и отношением советской власти к полиэтничности. Мне казалось, что большая часть литературы очень односторонне описывает ситуацию. Эта статья была попыткой представить эту картину в новом свете и в другом контексте.

С.Э. У меня вопрос, который я задавал уже не раз. Известно, что большевики ориентировались на образцы Великой французской революции. Поздние статьи Троцкого о термидоре — отголоски этого, Ленин даже по примеру якобинцев хотел привезти царскую семью в Москву, устроить суд, была вначале такая идея. Известно, что французы, когда провели революцию, стали подавлять этническое разнообразие и строить гражданскую нацию. У них была идея: вы все становитесь гражданами, у вас одинаковые права, но этносов не будет, у нас будет одна французская нация. Такая политика проводится во Франции до сих пор. Почему большевики не пошли по этой модели, почему, наоборот, они стали поддерживать этническое разнообразие, а во многих случаях даже конструировать нации, которых

не было? Неужели они не понимают, что это очень опасно?

Ю.С. Вы правы. Главная разница, думаю, в структуре самого государства (гораздо более очевидной многонациональности Российской империи) и в большевистской идеологии, которая считала национальное — формой. Ленин и Сталин исходили из того, что, наращивая форму, они не затрагивают содержание. А после их смерти выяснилось, что форма и есть содержание. Были и инструментальные причины. Ленин (как и многие православные миссионеры в Казани его юности) полагал, что подлинное обращение в новую веру возможно лишь тогда, когда слово истины проповедуется на родном языке новообращенных. Это с одной стороны. А с другой — нужно было реагировать на некоторые неподконтрольные большевикам события, в том числе распад Российской империи по этническому признаку. Поэтому некоторые уступки казались обязательными. Но самое главное заключается в том, что эти уступки не считались опасными. Предполагалось, что проблему «недоверия к великороссам» можно решить посредством чуткости по отношению к обиженным и угнетенным. Чем больше национальной формы, тем больше социалистического содержания. Но получилось по-другому.

С.Э. В этой связи еще второй вопрос. Большевики из конъюнктурных соображений сначала дали крестьянам землю, потом Сталин у крестьян ее отобрал. Отобрать землю, на мой взгляд, труднее, чем этнические автономии. Почему Сталин этого не сделал?

Ю.С. У меня нет определенно-го ответа на этот вопрос. Почему во время первой пятилетки не было революции в сфере национальных отношений? Мне кажется, что Советский Союз как многонациональное государство, завещанное Лениным, устоялся и начал восприниматься как должное. Многонациональность была неизбежным фактом, который (если не считать буржуазного национализма по крайям) не угрожал советской системе. К концу тридцатых годов распространилась идея, что у коренизации есть пределы и что русский язык должен стать обязательным языком общения... Но само существование республик не подвергалось сомнению.

С.Э. А если взять распад Советского Союза по границам национальных республики? Считалось аксиомой, что переход от социализма к рынку был немислим без распада на независимые государства. Как вы считаете, можно было бы перейти к рынку и демократии, сохранив Советский Союз как целое?

Ю.С. Думаю, нет. О некоторых частях Советского Союза не может быть и речи — Прибалтика, Западная Украина... В случае с другими регионами, особенно Белоруссии и Средней Азии, могли быть варианты. Но за время существования Советского Союза этнические элиты и институты настолько окрепли, что союзные республики стали квазинациональными государствами, готовыми к самостоятельному существованию. Более того, с гибелью социализма национализм стал един-

ственной мобилизующей идеологией государственного строительства. Поэтому в России так долго было ощущение смятения и дезориентации, которого не было в республиках, которые определяли себя как моноэтнические государства, освободившиеся от русско-советского ига. Все государства, сформированные после распада СССР и конца коммунизма, являются моноэтническими. Россия — единственное исключение. Это наследие Российской империи, а также советской национальной политики.

С.Э. Мне довелось беседовать с прогрессивными русскими националистами, которые считают, чтобы стать буржуазной нацией, демократическим социальным государством, где соблюдаются права человека, необходимо ввести понятие гражданской нации — все русские, при этом все получают права. Как вы считаете, исходя из того, что в составе Российской Федерации существует множество этнических автономий — есть ли угроза, что Российская Федерация может повторить судьбу СССР? Считаете ли вы возможным перейти на «гражданскую русскую нацию», когда все будут считаться русскими?

Ю.С. Я не знаю, с кем вы об этом говорили. Если говорить не о том, что все русские, а о том, что все — россияне, то речь идет либо о сохранении status quo (все граждане России, независимо от национальности, считаются россиянами), либо об отмене юридически значимой этничности и полном отождествлении гражданства с национальностью.

Все граждане России — россияне, и все — больше ничего нет. В этой идее есть своя привлекательность, но мне кажется, что она политически невозможна. Любая попытка изменить этнический характер существующих автономий привела бы к чрезвычайно неприятным политическим последствиям.

С.Э. То есть политическую составляющую убрать из нынешних этносов невозможно? Они никогда от этого не откажутся?

Ю.С. Не могу сказать «никогда», но сегодня любая попытка лишить Татарстан, Башкортостан, Чечню и другие регионы России этнического статуса кажется мне политически невозможной.

С.Э. А сохраняется ли тогда сценарий распада России по этническим границам?

Ю.С. Их осталось не так много для распада. Можно себе представить, что Кавказ в какой-то момент перестанет быть частью России. Чисто теоретически это можно представить, но геополитически — нельзя. Разговоры об общегражданском, «российском» характере России — не реалистичны, учитывая историю Российской империи, историю XX в. и современную политическую конъюнктуру.

С.Э. Есть такой журнал «Вопросы национализма», его редактор Сергей Сергеев недавно выпустил книгу «История русской нации», на которую много откликов. Он является сторонником идеи, что Россия не стала настоящей буржуазной

страной из-за того, что она сохраняет имперское наследие, прежде всего — бесправие населения. Что нужно создать не этническую русскую нацию, а гражданскую русскую нацию. Это то, что академик Тишков называет «россияне». Но «гражданские националисты» говорят о «русских», им не нравится слово «россияне»...

Ю.С. Они предлагают бурята или татарина называть русским?

С.Э. Да. То есть этничность теряет свою политическую составляющую. В Америке ведь тоже живет много представителей разных этносов, но этничность — лишь милая подробность биографии, политического воплощения она не имеет, по крайней мере, на уровне закона.

Ю.С. В Соединенных Штатах и других государствах, возникших как settler colonies, этничность слабо оформлена юридически. Но она остается очень важной. Раса, являющаяся видом этничности, находится в центре американской политической и социальной жизни.

С.Э. То есть вы считаете, что это нереалистичное направление?

Ю.С. Да, в отношении России мне это очень трудно представить. Одно дело — нации типа американской, канадской, австралийской, бразильской, мексиканской и других, которые являются продуктом массовой миграции из колониальных метрополий и других стран Европы. В России, где большинство населения думает о себе в терминах

этнической принадлежности, где государство так или иначе связано с русскими как нацией и где другие народы традиционно (и не только при советской власти) признавались как таковые, представить себе трансформацию по американскому образцу практически невозможно.

С.Э. Я хочу поговорить о вашей книге, которая получила огромный резонанс, на которую было много откликов и в Америке, и в России. На русском она называется «Эра Меркурия», а в оригинале — «Еврейский век». Почему в русском переводе поменяли название?

Ю.С. Сочли, что слово «еврейский» в названии книги может вызвать неправильные ассоциации, поскольку в России слово «еврейский» не является нейтральным.

С.Э. Ваша концепция очень оригинальна, вы начали с рассказа Шолом-Алейхема о трех дочерях, которые поехали в разные стороны — Палестину, Америку и Россию. Я считаю, это очень интересный поворот. Получается, что евреи мигрировали в Россию после 1917 г.?

Ю.С. Там начинается с другого, с некоторой типологии экономического посредничества, с попытки описать экономическую и символическую роль евреев диаспоры в сравнительно-историческом контексте.

Но советская часть начинается, действительно, с рассказа Шолом-Алейхема. Идея заключается

в том, что в еврейской истории конца XIX – XX в. было не две великих миграции, как принято считать, а три: одна в Палестину (небольшая, но идеологически интенсивная), другая в Америку (большая, но идеологически аморфная) и третья (плохо заметная невооруженным глазом, но сопоставимая с палестинской по идеологической интенсивности и с американской по масштабу) – в города Советского Союза. Эти три эмиграции в каком-то смысле соответствуют трем важнейшим аспектам современной жизни Запада: выбор (не всегда осознанный) между этническим национализмом, либеральным капитализмом и международным коммунизмом. И все три идеологии были в каком-то смысле еврейскими. Риторика современного национализма так или иначе основана на библейском Исходе. Либеральный капитализм возвеличил специальности (предпринимательство, посредничество, медицина, юриспруденция, интерпретация текстов), которыми евреи занимались много веков. И, наконец, коммунизм был, на мой взгляд, главной еврейской верой XX в. и самым радикальным ответом на кризис еврейского общества, последовавший за крахом гетто и черты оседлости. Главными «еврейскими пророками» современности являются идеологи индивидуального и коллективного спасения Фрейд и Маркс. То, что я пытаюсь описать в своей книге – история тех евреев, которые последовали за Марксом в Москву и невероятно преуспели в советском обществе.

С.Э. Мне эту книгу дал почитать покойный Рафаил Шоломович

Ганелин. Ему очень не понравилось, как вы пишете там о составе ЧК, что евреев в ЧК было вроде не так много, но чем выше мы поднимаемся по служебной лестнице, тем их становится больше. Поскольку я сам еврей, я знаю, что моим соплеменникам ближе представление, что евреи были жертвами государственного антисемитизма во время Сталина и до конца СССР, а вот эта тема остается в тени, о ней предпочитают не говорить...

Ю.С. Что же теперь делать, если это правда?! История еврейского социального возвышения в СССР была во многом похожа на социальную мобильность евреев в Европе и в Соединенных Штатах. Но в Советском Союзе этот успех был еще более разительным, потому что старая элита была разрушена почти полностью, причем разрушена умышленно. Конкуренции было относительно мало, а антисемитизма на официальном уровне до конца тридцатых годов не существовало. Результатом была «сверхпредставленность» евреев в сфере образования, в престижных профессиях и, до конца 30-х гг., в партийном и государственном аппарате и в системе ЧК-ОГПУ-НКВД. Можно обижаться на это, но нет ни малейшего сомнения, что это факт. Ситуация изменится в конце 30-х гг., во время войны и, конечно, после войны.

С.Э. Когда после «секретного доклада» Хрущева 1956 г. возник миф о «хорошем» Ленине и «плохом» Сталине, участвовали ли в этом евреи, которые очень многое получили в двадцатые годы

от советской власти, а потом их стали зажимать, отодвигать? Были еврейский вклад в этот миф «дедушка Ленин» — «палач Сталин»?

Ю.С. Трудно сказать. Этот миф был неотъемлемой частью идеологии, риторики и атмосферы оттепели, а в оттепели принимали участие самые разные люди. Неоспоримым кажется сверхпредставленность евреев среди антисоветской и западной части интеллигенции в семидесятые годы, когда «хорошего» Ленина не осталось. К тому времени в еврейских семьях по большей части забыли о коммунистических убеждениях бабушек и воспринимали свое антисоветское западничество как нечто совершенно естественное, мало задумываясь о том, как из таких бабушек получились такие внуки. На эту тему было много шуток, но практически не было рефлексии. Миграция бабушек (в том числе моей собственной) в Москву к Марксу не осознавалась как история, как значимая часть жизни семьи и жизни России.

С.Э. То есть они не занимались, используя модный термин, «проработкой» собственного прошлого. Они на эту тему не размышляли, только шутили над бабушками. А их оппоненты выдвигали какие-то претензии?

Ю.С. В мое время, в 70-е гг., было мало оппонентов с развернутыми историческими концепциями. Они всплыли на поверхность во время перестройки.

С.Э. Вы только что написали книгу о «Доме на набережной». Как

я понял — это антропологическое исследование?

Ю.С. Да, она выйдет через полтора месяца на английском, французском и еще нескольких языках. Я писал ее двадцать лет, с перерывом на евреев («Эра Меркурия» выросла из «Дома на набережной»). Я сейчас занимаюсь русским вариантом, надеюсь, через год он выйдет в России. Это история «Дома на набережной» в Москве, точнее, история революции через историю жителей «Дома на набережной» и их семей.

С.Э. Может быть, вы расскажете, что нового вам открылось, когда вы этой темой занимались? Что интересного вы обнаружили в истории этого дома?

Ю.С. Во-первых, мое повествование начинается до революции, в революционных кружках. Мне важно проследить судьбы этих людей до их въезда в «Дом правительства», чтобы читатель хорошо представлял себе, кто они и как туда попали. Одна вещь, которая бросилась мне в глаза, а потом стала важной структурной частью книги — это идея и риторика веры в коммунизм. Речь шла не о доктрине, а именно о вере. На этом основании я строю некую теорию о большевизме как виде милленаризма (или хилиазма, если угодно). Я предлагаю классификацию милленаристских движений и пишу о месте большевиков в истории этих движений (движений, которые исходят из того, что мир несправедливости и страдания кончатся при жизни нынешнего поколения). К этим движениям относятся христианство, ислам, мормон-

ство, растафарианство, Тайпин, Джим Джонс и многие другие. Таковы марксизм как идеология и большевизм как идеология и практика.

А книга в значительной степени о том, что происходит, когда пророчество не сбывается. Пророчества о конце света никогда не сбываются, но разные движения по-разному относятся к этому факту. Моя книга, в частности, о том, как большевики начали это осознать, об их жизни в двадцатые годы в домах советов в Москве — сначала с ощущением страшного разочарования, а потом с надеждой на исполнение пророчества, которую принесла первая пятилетка. Ну и, наконец, об их жизни в «Доме на набережной» в тридцатые годы, кульминацией которой стал их арест и крах всей жизни. Это одна важная составляющая книги. А вторая — это невероятная важность истории семьи и частной жизни для истории революции. Поскольку любая революция является попыткой радикально перестроить человеческую жизнь, одним из объектов нападков оказывается самый старый, самый иерархичный и самый консервативный общественный институт — семья. Что происходит в семьях этих людей? Как соотносится большевистская вера и представление о социализме с тем, как большевики живут в семьях? Что такое правильная коммунистическая семья? Книга пытается ответить на эти вопросы, заглядывая в окна квартир в доме, который официально назывался Домом правительств.

С. Э. То есть они создали для себя, можно сказать, коммунизм в сво-

ем доме. А были ли у них размышления, имеют ли они право так жить, если остальной народ живет в нищете?

Ю. С. То-то и интересно, что они не построили себе коммунизм. Это был коммунизм в том смысле, что в доме была общая столовая, которой никто не пользовался, клуб с многочисленными кружками, театр, кинотеатр, магазин, парикмахерская, теннисный корт и т. д. В этом смысле была идея общего пространства и некой общей жизни, но это был не дом-коммуна. Он назывался «домом переходного типа» и был разделен на отдельные квартиры. И многим казалось, что в этом есть определенная непоследовательность.

С одной стороны, то, о чем вы говорите — услуги, жилплощадь, уровень жизни, — разительно отличались от того, как советские люди жили за пределами этого дома, за пределами элиты, за пределами Москвы. А с другой стороны, трудно было не замечать противоречия между тем, во что они верили, и тем, как они жили. Многие напряженно и мучительно об этом думали. Тем более напряженно и мучительно, что в коммунизме, в отличие от многих других миллениаристских движений, не было осмысленной попытки привязать семейную жизнь к космологии, к теории предопределения, к осмыслению истории и ее конца. Иисус начал с того, что, обращаясь к своим последователям, сказал: «Если вы не ненавидите свои семьи, вы не можете быть моими учениками». А потом брак стал одним из главных таинств и структурных элементов

христианского общества. Марксисты же исходили из того, что смена экономического базиса автоматически приведет к смене всего остального. Большевики (правоверные, истовые большевики) жили без какого бы то ни было руководства о том, что значит быть коммунистом в кругу семьи, как правильно жениться и праздновать рождение детей, как хоронить близких. Серьезных попыток привязать главные для людей обряды инициации к государственной идеологии не было до самого конца советской власти. В этом смысле коммунисты потерпели поражение.

С.Э. Но никаких терзаний у них не было?

Ю.С. Были терзания! Большевики с рефлексией, которые думали о том, что произошло, которые пытались сохранить веру вопреки всему, которые провели большую часть жизни в ожидании коммунизма, конца старого мира, рождения чего-то совершенно нового и невиданного, — не могли не терзаться и писали об этом в письмах и дневниках. И в тридцатые годы, когда они жили в больших квартирах в окружении жен и детей и бесчисленных бедных и не очень бедных родственников (по сравнению с ними все родственники были бедными), в окружении бесконечного быта, который вступал в противоречие с их верой, — многие терзались. И когда пришло время их ареста, некоторые ощутили облегчение. Некоторым казалось, что их жизнь была в каком-то смысле предательством их идеалов — не в том смысле, который им навязывали следовате-

ли, а в широком смысле — неисполненного пророчества и личного греха.

С.Э. Когда был Большой террор, население этого дома обновилось... Как люди въезжали в эти квартиры в 1936 и 1937 гг., зная, что тут массово расстреливают, их это не пугало?

Ю.С. У меня нет свидетельств, что люди боялись туда въезжать. Это был престижный дом с хорошими, большими квартирами по советским меркам. Поскольку многие люди исходили из того, что сажают виновных, а они невиновны, то, насколько я могу судить, чувства страха у большинства не было. Люди въезжали, выезжали, меняли квартиры внутри дома, высылались из квартир в Кремле и въезжали в «Дом на набережной». Население радикально обновилось уже после войны, после эвакуации всего населения дома и перемены во вкусах советской элиты.

С.Э. Пока это был Дом правительства, там жило много народа, наверное, возникло какое-то сообщество, несмотря на репрессии? Может быть, их дети? Вы с ними общались? У них есть какая-то память об этом?

Ю.С. Безусловно. Сообщества взрослых в тридцатые годы не было. Мужчины практически не жили дома, они все время проводили на работе и приходили домой очень поздно, по сталинскому графику. Приходили под утро, спали, потом шоферы увозили их на работу. Дружить семьями было не приня-

то, в гости внутри дома не ходили. Институт соседства распространен не был, хозяйством занимались домработницы и няни (которые представляли собой некоторое сообщество, но об этом свидетельств почти не осталось). А главным сообществом были дети. Всякий, читавший Трифонова, может себе это представить. Трифонов, среди прочего, летописец этой жизни. Дети Дома правительства жили в своем собственном мире — и в школе, и во дворах: жизнью, которую они будут вспоминать как самое счастливое время их жизни.

С.Э. А после войны они как-то собирались вместе? Или это ушло?

Ю.С. Кто-то из них сохранил дружбу на всю жизнь. Очень многие погибли во время войны. Многие впоследствии эмигрировали. Но кто-то сохранил близость на всю жизнь. Я застал некоторых из них. Главные мои интервью были сделаны в 1997–1998 гг., когда многие были еще живы.

С.Э. У них был какой-то общий момент памяти, например, они ненавидят Сталина, или что-то еще? Есть ли что-то, что их объединяет?

Ю.С. Взгляды людей сильно различаются, но их объединяет ностальгия по потерянному времени и идеология счастливого детства. Их детство кончилось внезапно, драматично, для многих трагично. И тем ярче черта, отделяющая безмятежное детство от того, что за ним последовало — гибель родителей, изгнание из рая. Это идео-

логия памяти. Кроме того, жизнь советской городской элиты тридцатых годов отличалась неимоверной романтической интенсивностью: любовью к чтению, разговорами о книгах, влюбленностью в поэтов, культом любви и дружбы. Память этих людей о детстве является, с одной стороны, функцией жизнестроительства, а с другой — отражением реальных черт истории советской городской элиты тридцатых годов.

С.Э. Вы достаточно часто бываете в России. Чем вы можете объяснить народный сталинизм — тем, что идет пропаганда: фильмы, сериалы и т.д., или есть какие-то другие причины?

Ю.С. Не знаю, у меня нет свидетельств о народном сталинизме, я не знаю работ на эту тему. Но если считать, что это так, то мне это не кажется странным. Советский Союз распался на четырнадцать «племенных государств» и Россию. В остальных странах можно заниматься декоммунизацией и десталинизацией, исходя из того, что все зло было привнесено извне кем-то другим. В России сделать этого нельзя. Здесь есть те, кому важно исключить Сталина из истории, и те, кому важно его в ней оставить. Есть те, кто видит в нем в первую очередь палача, и те, кто видит в нем символ сильного государства. Это естественное поле идеологической брани. Мне это не кажется удивительным.

С.Э. Вопрос о ваших творческих планах: над чем вы собираетесь работать?

Ю.С. На данный момент у меня один план: сделать русский вариант «Дома правительства». Сделать так, чтобы он не был переводом с английского, а жил самостоятельной русской жизнью. О дальнейших планах я начну думать, когда закончу.

С.Э. **То есть это не перевод, а отдельное издание, как у Набокова — «Лолита» на английском и «Лолита» на русском?**

Ю.С. Если угодно. Мне хочется думать о ней как об одной книге в двух ипостасях: одна английская, другая русская. Все остальное — переводы. А эти два — подлинники.

С.Э. **Это замечательно, что вы адресуетесь к русскому читателю, что для вас он важен.**

Ю.С. Да, я считаю себя человеком отсюда и чувствую себя дома в России, в стихии русского языка и в рамках русской культурной традиции. Я живу и работаю в Америке, но мне невероятно важно, чтобы мои здешние коллеги и просто интересующиеся читатели узнали об этой книге и восприняли ее как часть русской научной и литературной жизни.

«I CONSIDER MYSELF A MAN FROM HERE AND FEEL AT HOME IN RUSSIA».
Interview with Yu. L. Slezkin

Slezkin Yuri L. — Professor of the faculty of history, Director of the program of Eurasian and Eastern European studies at the University of California, Berkeley (USA)

Key words: Soviet national policy, nationalism, inter-ethnic relations, the Jewish question in the USSR, the history of Stalinism, the Soviet everyday life.

Abstract. The Russian historian, who has been working for a long time at an American university, talks about his academic career and reflects on inter-ethnic relations in the USSR, the experience of Soviet national politics, the Jewish question in the Soviet Union, and everyday life in the USSR in the Stalin era.

«ВСЕ В МОЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДОВОЛЬНО СЛУЧАЙНО».

Интервью с С.А. Ушакиным

Ключевые слова: историческая и социокультурная антропология, историческая память, травматический опыт, советское прошлое, сталинский период советской истории, чеченские войны, американская университетская жизнь.

Аннотация. Известный специалист по истории культуры и исторической антропологии, долгие годы работающий в одном из американских университетов, рассказывает о своей академической карьере и текущих исследованиях, сравнивая травматический опыт разных поколений советских граждан.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-4-453-471

Сергей Александрович Ушакин, профессор кафедры антропологии и кафедры славянских языков и литератур, директор Программы восточно-европейских, евразийских и российских исследований Принстонского университета. Автор книг: *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia* (Cornell, 2009); *Поле пола*. Вильнюс: ЕГУ, 2007. Редактор-составитель: *Формальный метод*: Антология

русского модернизма. Т. 1–3. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016; *Семейные узы: модели для сборки*. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2004; *О муже(N)ственности*. М.: Новое литературное обозрение, 2002. Соредатор: (совместно с А. Голубевым) *XX век: письма войны*. М.: Новое литературное обозрение, 2016; (совместно с Е. Трубиной) *Травма: Пункты*. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Почему вы решили стать историком, кто были ваши учителя, как вы учились?

© Историческая Экспертиза, 2018
Ушакин Сергей Александрович — профессор кафедры антропологии и кафедры славянских языков и литератур, директор Программы восточно-европейских, евразийских и российских исследований Принстонского университета (США); oushakin@princeton.edu

С.У. Я думаю, все получилось достаточно случайно, хотя и вполне закономерно. Школу я заканчивал в 1983 г., и если ты хотел заниматься гуманитарными науками, то особого-то выбора не было. Я рос в Барнауле, в плане места обучения выбор был очевиден — университет. А там, кроме исторического факультета, как-то меня больше ничего не привлекало. На филологию и экономику я не хотел, на юрфак

мне было неинтересно. Я бы пошел на философский, но философского факультета у нас не было. Поэтому я и стал историком, специализировался на новой и новейшей по кафедре всеобщей истории. Моим руководителем был Анатолий Ефимович Глушков, он занимался в свое время Веймарской и фашистской Германией. Почему-то он очень настаивал, чтобы я писал диплом по американским новым левым и прочей контркультуре в США во время Вьетнамской войны. В смысле — я учил английский язык, так что было понятно, что тема будет связана с источниками на этом языке. Так вот моя ревизионистская жизнь и началась. Я сидел и читал тогда Маркузе и прочих Теодоров Роззаков. Сначала в спецхране в Томске.

С.Э. А Маркузе был в спецхране?

С.У. Не только Маркузе. Там были и The Nation, и US News and World Report, и Time. В общем вся американская «союзпечать»... Предполагалось, что я буду поступать в аспирантуру по всеобщей в Томский университет, и мой руководитель отправил меня туда знакомиться с моим будущим руководителем. Он посмотрел на меня и говорит — тебе могу дать такую: «Колониальная политика США на Филиппинах в 1898–1914 гг.». Я до сих пор это помню. Уже тридцать лет прошло! Какие Филиппины, думал тогда я? Какой 1898–1914? Зачем мне эти древности... А других тем для меня не было. И я туда не пошел.

С.Э. Это была уже аспирантура?

С.У. Я остался на кафедре всеобщей истории и работал ассистентом,

был параллельно в Комитете комсомола, потому что ставки полной не было. А в 1990 г. поступил в аспирантуру на философский в Ленинградский госуниверситет им. Андрея Жданова. Тогда как раз ввели новую специальность — политология — и я поступил на кафедру политологии. До этого она была кафедрой критики современной буржуазной философии. То есть преподаватели знали языки, читали литературу иностранную. Моим руководителем был Валерий Ачкасов, который занимался тогда английскими консерваторами, по-моему... Там я уже и стал писать про университет как политический институт. Тогда и стал читать Фуко и Бурдьё про интеллектуалов, академию, власть. Понятно, что это было продолжение моего диплома в какой-то степени... Но политология тогда давала какую-то свободу, которой в истории не было. От истории у меня остался интерес к историческим материалам, к архивам, документам, но в истории мне не хватало живых людей и современности...

С.Э. А когда у нас появилась антропология? Это было уже после 1991 г.? Сначала ведь была этнография.

С.У. Антропологии не было. Этнография была на истфаках. Она была у нас на первом курсе, параллельно с курсом по истории первобытного общества. Эти две дисциплины так тогда и воспринимались — про что-то совсем уж не от мира сего... К антропологии я шел долго. Защитив кандидатскую, я уехал в 1996-м в Эдмонтон, в Канаду, где собирался писать PhD по философии образования... Там и начал ходить на лек-

ции по психоанализу, теории и истории языка и прочему постмодернизму. Тогда в радикальной педагогике, которой я интересовался, пытались соединять Деррида с Грамши. В общем это было очень любопытно интеллектуально. Но мне мало понравился сам университет и провинция Альберта. Это такая канадская Сибирь. Все далеко. Холодная зима. Пустой город. В Питере я как-то уже привык к другой жизни. В общем, я решил, что это не мой путь в науку, и уехал в Будапешт, в Центрально-Европейский университет.

С Будапештом тоже получилось все довольно случайно. Я хотел поступать на PhD по национализму в Праге (у ЦЕУ тогда было несколько кампусов — в Праге, Варшаве и Будапеште), программу основал Эрнст Геллнер, известный антрополог из Кембриджа. Но Геллнер осенью 1995 г. умер, и программу приостановили. Мне предложили подать документы на MPhil на новую двухгодичную программу — *Gender and Culture*. Так я там и оказался. Там-то, вот, как раз я и начал читать в промышленных масштабах Фрейда, Лакана, Мелани Кляйн, Винникотта... Два года я прожил в Будапеште. И написал исследование *The post-Soviet imaginary: constructing new Russian fantasies* — на основе интервью и опросов, которые я брал у школьников и студентов 1–2-го курсов в Барнауле. Это были 1997–1998 гг., и меня интересовало, как они понимали, что такое «советский», что такое «русский», что такое «новый русский», что такое «постсоветский». И на другом уровне — «Советская Россия», «новая Россия», «Совок». Тогда — на основе этого

материала — и всплыла тема с афазией, о которой я не раз писал.

Оттуда я уже подавал на PhD в американские университеты, про которые я к тому времени стал что-то понимать. Я помню, я рассылал заявки веером на разные дисциплины. И что самое смешное, меня взяли на историю, социологию, политологию и антропологию. В итоге учиться я пошел на антропологию в Колумбийский университет. Я иногда думаю — когда у меня иссякнут исследовательские темы, я сяду писать свою версию романа «Мои университеты». У меня их было очень уж много...

Так вот в Колумбийском и проучился — с 1998 по 2005 г. Тогда на кафедре было три лагеря — «дерридисты», «фукуйщики» и «беньяминовцы». Я был среди «фукуйщиков», но при этом очень интересовался «дерридистами». А вот «беньяминовцы» меня как-то совсем не привлекали. Впрочем, как и сейчас... А свое полевое исследование я делал в Барнауле — с 2001–2003 гг. Это было такое возвращение после 10 лет отсутствия, которые сильно изменили город и страну. Диссертация тогда называлась *The patriotism of despair: Symbolic economies, national memory, and communities of loss in Russia*. На ее основе потом я и сделал свою книгу.

С.Э. Расскажите о вашей книге: почему вы решили говорить о сознании людей, которые пережили 1991 г. и вообще 90-е, в терминах «травмы»?

С.У. Я не планировал этого делать. То есть у меня не было изначально

такой рамки. Да и сама тема возникла, как и все в моей академической жизни, довольно случайно. Я как-то выступал с докладом на конференции в Колумбийском, говорил что-то про «новое русское» потребление, о том, как оно становится предметом фантазий у тех, кто самих «новых русских» собственно не знает. То есть речь шла о том, как виделось в то время «успешное» и «престижное» потребление. Я тогда придумал термин — «количественный стиль», когда важно не *что*, а *сколько*. Мне это казалось очень интересным. Это был 1999 г. Одна из слушательниц вдруг подняла руку и задала мне вопрос: «А почему вы не пишете про Чечню?» Вопрос был неожиданным. Никак не связан с моим докладом. Я что-то тогда промямлил в ответ. Но понял, что у меня — *для меня самого* — ответа на вопрос о том, почему я не пишу про Чечню — не было. Вообще никакого.

Мне показалось, что на этот вопрос надо отвечать, не столько слушательнице, сколько себе самому. И из этого выросла книга про патриотизм отчаяния, про Чеченскую войну и распад СССР, и про травмы, связанные со всеми этими событиями. Так это все началось — с вопроса незнакомой женщины...

Мое полевое исследование в Барнауле началось с интервью ветеранов Первой чеченской войны. Для меня это был совсем другой мир, который с моим очень мало пересекался. У меня не было знакомых среди них. Никто из моих друзей не был в Чечне. В общем — это был такой классический этнографический опыт, когда ты идешь к людям, о которых почти

ничего не знаешь, и пытаешься понять, почему они такие, а не другие. Почему они себя ведут так, хотя могли бы иначе. И как они это все себе своими словами объясняют...

С.Э. Это были солдаты, которых призвали на срочную службу?

С.У. Да, профессионалы появились во Вторую чеченскую. В Первую были призывники. Молодые ребята. Часто — из сел.

Но тема травмы пришла не сразу — уже после, когда я начал работать с материалами, читать все интервью одно за другим, пытаюсь увидеть какие-то общие темы, какие-то повторы и т.п. Я обычно во время полевых исследований стараюсь не писать о том, что я исследую — чтобы не возникала предварительная фильтрация материала, когда ты не столько слушаешь собеседника, сколько пытаешься услышать идеи, которые бы подтвердили уже оформленный аргумент.

Я про травму изначально не думал. Я просто ходил как на работу на эти интервью и слушал собеседников. Одного за другим.

И как это бывает обычно — в какой-то момент вдруг вспыхивает в мозгу сигнальная лампочка. Ты начинаешь понимать — *это* я уже слышал. Потом второй раз. Третий. Так возникает ощущение, что ты нащупал нить. Тему, которая важна твоим собеседникам. Не тебе важна, а им. И начинаешь ее копать глубже, чтобы понять — есть ли там, так сказать, вода. Или это просто — пустая порода риторики. Так тема травмы и ста-

ла постепенно оформляться. Точнее, не столько травмы, сколько утрат.

Поскольку я тогда психоанализа много начитался, у меня была в голове устойчивая нормативная модель травмы, с определенными стадиями ее проживания — вначале отрицание травмы, затем гнев и потом постепенный уход от этой травмы, т. е. переход в посттравматическое состояние, когда понимаешь, что надо учиться жить с травмой, не проживая ее всякий раз заново, а «архивируя», помещая в рамки, которые позволяют начать жизнь, не связанную с травмой.

Так вот, с этой моделью у меня возникли проблемы. То, что я «собрал» в поле, показывало мне совсем другую динамику. Желания *уйти* от травмы я не видел. Так сказать, *посттравматического* состояния в буквальном смысле — т. е. как жизни *после* травмы — не было. Была настойчивая потребность сделать утрату, травматический опыт основой своей повседневной жизни.

Помню, я долго пытался понять, как, например, «солдатские матери», чьи сыновья погибли в армии, видели себе пределы того, что мы называем «мемориализацией» (они это называют «увековечиванием»). Я по наивности ждал, что вот наступит момент, когда они от «политики памятников» — мемориалов, досок, книг памяти и т. п. — перейдут, собственно, к *политике* и потребуют каких-то решений, законов, ответственности... Но этого в Барнауле — не было. Утраты становились делом жизни, вокруг них выстраивались разные сообщества и практики.

У меня как-то было одно интервью с матерью погибшего солдата. Мы несколько часов говорили про сына — как он погиб, как она переживала, как искала информацию о нем, как жизнь без него складывалась. А потом вдруг она мне говорит: «Ой, мне надо домой идти, сыну ужин готовить». Для меня это было неожиданно — то, что у нее есть еще один сын — живой, — но который в рассказе о ее жизни никак не фигурирует. То есть рассказ ее жизни — это рассказ о том, кого не стало, а не о тех, кто рядом.

Я стал наблюдать за этой темой — за тем, как травмы и утраты не только забирают жизни, здоровье, силы, но и генерируют какие-то новые отношения, нарративы, сообщества. Так и возникла эта главная идея книги — о сообществах утраты, т. е. об объединениях людей, которых связывает то, чего у них больше нет. Это мне казалось неожиданным и важным.

С.Э. Вы имеете в виду, что ранее в литературе это не встречалось?

С.У. В литературе эта динамика обычно описывается в терминах меланхолии. Есть меланхолическая схема развития утраты, в которой человек фиксируется не столько на том или тех, кого он потерял, сколько на самом факте утраты. Знаете, это вот как жажда, когда хочется пить, и не очень важно, что это будет — *Нафзан*, *Боржом* или *Святой источник*. Фиксируешься на *отсутствии* жидкости. Но в моем случае меланхолией это было назвать сложно, поскольку вместо традиционной пассивности утрата тут как

раз генерировала отношения, связи и практики. Утрата давала какой-то импульс. Естественно, речь не о том, что без нее этих связей и практик не возникло. Скорее — утрата задавала какой-то вектор движения.

С.Э. Можно сказать, что у матерей в этом появляется смысл жизни?

С.У. Да, в какой-то степени. И дальше эта ситуация начинала приобретать свою логику развития. Уход от этой темы лишал узнаваемой социальной позиции. Я пишу в книжке об одной истории, которую мне рассказала мать, чей сын погиб в Афганистане. Ей надо было выступить на собрании на каком-то заводе (это было в середине 1990-х), а ей все не давали слова. Не пускали к микрофону. Она тогда встала и сказала на весь зал: «Дайте слово матери героя, которого нет в живых!»

Это описание себя как «матери героя, которого нет в живых», для меня показательно. Она идентифицирует себя через состояние утраты, и если его убрать, то остается не очень много. Все ее советские регалии типа «почетный работник» и др. в то время утратили свою семантическую значимость, в них перестали видеть отражение социальной позиционности человека. И такие люди, как она, пытались найти иные, альтернативные социальные маркеры, которые могли бы заставить людей прислушаться к их просьбам. Это страшная, конечно, ситуация, когда самопозиционирование, самописание, самопрезентация опосредуется смертью.

Я в книге прослеживаю несколько моделей вот таких отношений. Одна глава посвящена алтайским социологам. Они тогда — в 1990-е — придумали новое научное направление — «социологию жизненных сил». Такой витализм по-сибирски. Но любопытно вот что — когда я стал разбираться и смотреть, откуда появился интерес к этой витальности, к жизненным силам и т.п., то оказалось, что начиналось все с исследований последствий испытаний ядерного оружия, которые проводились на Семипалатинском полигоне (он там не очень далеко). Иными словами — это чуть иная конфигурация той же темы сообщества утраты — жизнь в тени травмы.

С.Э. Вы считаете, что это русская специфика? Помните титулярного советника Мармеладова: «Ибо сугубо страдать хочу!» Или это всеобщее?

С.У. Я не знаю, русская или нет. Для этого надо производить сравнительные исследования. Мария Тодорова как-то писала о тенденции к самовиктимизации в постсоциалистической Европе, об использовании прошлых страданий для оправдания тех или иных сегодняшних процессов. В Киргизии стали много писать о событиях 1916 г. как о травме, которая может стать формообразующей для нынешней независимой Киргизии. Голодомор на Украине во многом играет такую же роль...

С.Э. Если говорить о евреях, переживших Холокост, то речь идет о том, что они хотят избавиться от этой травмы. А русские — получается — лелеют ее?

С. У. Я не думаю, что русские ее лежуют. Я думаю, они понимают, что с ней делать. Опять же, помню, как одна солдатская мать писала в письме другой: «Человека с человеком сближает горе». Я когда это прочитал, зашнулся: не радость, не общее дело, а такая фундаментальная эмоциональная встряска. «Я знаю, что ты меня поймешь, потому что тебе тоже было плохо». Такая вот версия негативной диалектики, так сказать. Травматическая эмпатия. Я как-то беседовал с одной учительницей из Барнаула. Она проводит ежегодный конкурс детской поэзии, посвященной выпускникам школы, которые погибли в Афганистане и Чечне. Стихи потом печатают сборниками. Так вот, один сборник называется «*Нам этой болью дышат*». И что делать с этой болью, ставшей воздухом, я не очень знаю.

С. Э. Группы, с которыми вы работали, — это ветераны и матери погибших солдат. А может, разница в том, что героический миф в России имеет большое значение? Герои и матери погибших героев чувствуют себя по-другому в сравнении с евреями, которым было стыдно, что они в большинстве случаев не сопротивлялись, когда их гнали на смерть. Может быть, причина в этом? Русские чувствуют, что проявили героизм, сражались, им тяжело, но они хотят этим гордиться.

С. У. Вы знаете, у меня же не только русские были. Я, честно говоря, их национальность-то и не выяснял. Они для меня все — бывшие советские. Но я не очень уверен в такой значимости героизма. У меня было

несколько интервью с матерями, чьи сыновья погибли из-за неуставных отношений в армии. И то, как эти матери «прорабатывают» свою утрату, в принципе, мало чем отличается от других случаев, хотя ситуация абсолютно иная. Одна из матерей мне говорила: «А какая мне разница, из-за чего он погиб? Объясни мне разницу между матерью, сын которой погиб в Чечне, и матерью, у которой сын погиб в Чите из-за неуставных отношений. Мы обе послали в армию живых, они оба вернулись домой в гробах». И ведь нет разницы-то. Потому что общий знаменатель — он не политический, он экзистенциальный. Разговор-то ведется на каком-то совсем базовом уровне — на уровне жизни и смерти.

И потом, в Первую чеченскую мало кто из солдат думал о себе как о героях. Я не помню темы героизма вообще. Почти все из них говорят о том, что было непонятно, что это было и зачем это было нужно. И смысл войны приходил в процессе войны. Кто-то из ветеранов мне говорил: «Когда в Чечне убили моего друга, я стал за него мстить. Появилась цель». Я, кстати, потом много исследований разных войн читал. И это объяснение — классическое, как оказалось...

Любопытно, как матери ушли от проблематичности ситуации, переведя ее в термины родства («солдатские матери»): политическая катастрофа становится семейной катастрофой. «Сестры по горю» — так они себя называли.

С. Э. Ваша гипотеза в том, что у них просто нет другой идентичности

(утраченной с развалом СССР) и поэтому они держатся за подобную виктимность? Эта форма идентичности ими избрана, потому что они не могут найти другой?

С.У. Это так сложилось в тех конкретных социальных условиях — в 1990-х. Возникла определенная матрица поведения, которая потом стала воспроизводиться другими матерями погибших солдат. Но они же не сидели и не думали о том, чтобы выстроить себе идентичность. Они начинали с самого простого: нужно было обустроить кладбище. Я не знал об этом до разговоров с матерями афганцев: в Барнаул из Афганистана привозили и хоронили погибших на разных кладбищах или в разных частях одного и того же кладбища — чтобы не привлекать внимания. А в начале 90-х матери взяли и перезахоронили всех погибших вместе. Перенесли все могилы и сделали аллею общую. Как они ее называют — «Аллею славы». Хотя официально она называется «Аллея памяти». Ну а потом постепенно пришло понимание того, что в этой роли их слышат, им отвечают, их видят.

К вопросу о выборе идентичности: мне кажется, они работали так, как умели. Разговоры про актуализацию «репертуара идентичности» — это не про них все-таки. Они не выбирали роли стратегически. В этом смысле все начиналось очень перформативно — делали, как умели и могли, а уже потом, постепенно это стало превращаться в какие-то традиции, привычки и т. д.

С.Э. Эти две группы, это все-таки люди, которые были на грани

жизни и смерти. Но вы общались и с людьми, у которых были более прозаические проблемы — увольнение с работы и т. п. Как они осмысливали перемену своего положения? Применяли ли они слово «травма», или его привносят ученые?

С.У. Социологи, конечно, употребляли. Я уже говорил, как тема «жизненных сил» возникла в ответ на травму Семипалатинска. В этом плане эта группа социологов была для меня очень показательна: должна быть фундирующая травма, исходная основополагающая, на которую дальше накладываются различные темы, связанные с национальной идентичностью, жизненной неспособностью, рождаемостью, воспроизводством и т. д. Я не знаю, насколько они об этом осознанно думали, но для меня это было интересно в контексте общего исследования: солдатская мать с восьмилетним средним образованием и профессор социологии работали в рамках одной и той же системы координат, отталкиваясь от негативной точки отсчета.

Да, у меня были беседы и с другими категориями, например, с нацболами. Там все уходит не в травму, а в термины: «так быть не должно, мы не понимаем, почему это с нами случилось». Я говорил с одним учителем, он задавался вопросом: «Почему я, здоровый, сильный, работая на пяти работах, все равно не могу прокормить семью? Я не пью, не бездельничаю, что в этой системе не так, что не позволяет мне жить нормально?» Тема фундаментального слома — с моей точки

зрения — это и есть травма. Система не работает, мы видим, что она не работает, а что делать дальше, мы не знаем. Это как оказаться за рулем машины на оживленном перекрестке, где светофоры вдруг перестали работать. Нужно двигаться на ощупь и договариваться со всеми водителями самому...

В одной главе я пишу о теории заговоров, которой пытаются объяснить необъяснимое — почему это происходит. Ведь любопытно, как это люди объясняют о себе: «Это же не может быть случайным. И не работает не потому, что сломалось, а потому, что запланировано не работать».

С.Э. Они ссылаются на некие внешние силы, которые устроили заговор против них?

С.У. И внешние, и внутренние. Но тут другое было интересно — поиск закономерности, уверенность в том, что вот этот весь ужас — он предопределен — Соросом, Чубайсом, НАТО или кем-то еще. Для меня такая фундаментальная тяга к поиску объяснений — «Почему это произошло, и почему мы в этой ситуации находимся?» — была неожиданной.

С.Э. Хочу задать вопрос, особо интересующий меня: я смотрел данные по смертности и рождаемости и в сталинское время, и в 80–90-е гг., и обратил внимание на то, что при Сталине (не считая, разумеется, войны) был единственный период, когда смертность была выше рождаемости — это голод 1932–1933 гг. Все остальное время наблюдался прирост населения,

несмотря на ужасающие условия. Резкая перемена ситуации произошла после 1991 г. Я сложил показатели рождаемости и смертности за 80-е и за 90-е гг., и оказалось, что в 80-е население выросло почти на 7 млн, а в 90-е оно почти на 7 млн уменьшилось. Это без учета миграций. Продолжительность жизни уменьшилась на 7,5 лет до уровня 1954 г., т.е. практически вернулась в сталинские времена. Известный специалист по потерям населения Александр Бобеньшев (псевдоним Сергей Максудов) из Гарварда оценивает потери населения в 90-е гг. в 4 млн для РФ и 8 млн для экс-СССР. Мы понимаем, что все связанные со Сталиным события — война, репрессии, коллективизация — были гораздо более серьезными ударами. Так почему же так тяжело люди восприняли 90-е гг.? Что поменялось? Они стали слабее, или более тонкой стала их организация, чем, скажем, у крестьян при Сталине? Какие факторы сказались на том, что в 90-е потери населения были столь велики?

С.У. Это надо смотреть по демографическим данным. Мне кажется, там есть еще две причины, о которых мы забываем. Во-первых, мы имеем дело с населением, которое вообще малородящее, плюс — рождение детей стали откладывать, т.е. прирост населения негативный. Вторая важная тема — это потребление алкоголя и смертность в связи с этим. Понятно, что ваш вопрос о том, почему стали вдруг пить именно в 90-е?

С.Э. Да, почему они сломались гораздо сильнее, чем сломались при

Сталине? Ясно, что сельские люди не так легко выбиваются из колеи.

С.У. Я думаю, что там и социальные сети другие. Все-таки сельские люди живут и на виду, и большой семьей, и там другая система поддержки. Вы знаете, я заметил кое-что по чеченским войнам. На второй войне — когда стали призывать контрактников — это были, как правило, люди и взрослее, и с профессиями, и часто женатые. Им было куда возвращаться. Их восприятие войны было другим — более взвешенным, более дистанцированным и менее надрывным. А в первой были в основном сельские ребята, у которых еще не было ни профессии, ни социальных сетей, ни семьи своей. Вот для них этот опыт и стал основной травмой их жизни. Я не помню больше такого надлома, который я видел у них. Какая-то жуткая потерянности и ощущение того, что их, как они говорили, — «кинули». Как они мне часто повторяли — «государство с нами не рассчиталось»... Отсюда и ломка, мне кажется... Я полагаю, что нужно все-таки смотреть данные, не хотелось бы это обобщать.

С.Э. Я хотел бы задать еще один вопрос: люди, у которых вы брали интервью, сравнивали ли они свою ситуацию с трагическими событиями российской истории — война, репрессии? Зимой 1991–1992 гг. я был в аспирантуре в Петербурге. Это был действительно непростой период — по несколько дней в магазинах не было хлеба и т.д. Понятно, что это не соответствует действительности, но я помню, как бабушки в очередях говорили, что в блокаду было луч-

ше. А ваши респонденты сравнивали то, что происходит в 90-е гг., с историческими травмами?

С.У. В диалогах не особо, но в письмах это было. Я хорошо помню письмо, которое пишет мать из деревни, сын которой погиб в афганской войне, другой матери. Это был 1992 г., и она извиняется в письме, что, вот, хотела позвонить, но переговорного пункта в деревне больше нет — местную АТС разворовали, в город позвонить теперь нельзя, только письма писать. Она пишет, что «жалко жить»: ей был всего год, когда отца призвали на финскую войну, а потом уже — на Великую Отечественную, с которой он не вернулся. Пропал без вести. Вся надежда была только на мать, которая постоянно болела. Потом отчим появился, тоже не очень здоровый. Только жизнь стала налаживаться — сын погиб в Афганистане.

Ее рассказ — это такая цепь утрат. Если расставить события жизни, которыми она структурирует память о своей жизни, они окажутся негативными. Жизнь как история выживания — вопреки всему... Но вот сравнительного — то, о чем говорите вы, — я не помню. Тенденция рассказывать о жизни как о череде постоянных неудач и драматических моментов — это было. А вот «сравнительно-травмоведения» я не помню.

С.Э. После того, как вы написали книгу, вы приезжали на родину. Что, на ваш взгляд, изменилось в людях по сравнению с 90-ми гг.?

С.У. Сложный вопрос... Чем дальше, тем я больше понимаю, что аб-

солютно не понимаю новое молодое поколение. Мне казалось, что я знал более-менее о постсоветском поколении — людях, которые формировались в 90-е, когда им было 15 лет и больше. А сегодняшние 18–20-летние люди для меня полная загадка, я совершенно не понимаю, как у них «голова устроена», каков их культурный репертуар и что для них значимо. У меня такое ощущение, что у нас абсолютно разные культурные запасы и система ссылок. Это первое. И чем чаще я приезжаю, тем больше это бросается мне в глаза. Я понимаю, что невозможно говорить о каких-то фильмах, которые бы мы вместе смотрели и знали, или о литературе. Для меня они такие же иностранцы, как здесь американцы.

Это стало возникать особенно отчетливо последние года четыре-пять. Я даже стал подумывать, может быть, мне заняться их исследованиями, чтобы понять, что вообще происходит. Меня просто завораживает наличие этих *абсолютно непонятных мне людей*, которые выглядят российскими, но при этом совершенно другие.

А что касается старших, то из того, что я отмечаю — это достаточно резкая (но для меня понятная) тяга к религиозности. Это тоже для меня неожиданно. Я все-таки формировался в советском обществе, и его базовый воинствующий атеизм меня пропитал насквозь. Поэтому для меня резкий всплеск интереса к религии — христианству, мусульманству — удивителен. Понятно, что во многом — это все на уровне ритуала и орнамента, но у меня достаточно друзей, для которых это серьезно. Я не представ-

лял себе, что такое будет возможным. Это та часть опыта, который для меня непонятен. Пожалуй, вот это...

И еще, наверное, ожесточенная настойчивость темы памяти о советском прошлом. Мне интересно наблюдать за тем, как происходит структурирование этой темы — в рамках противопоставления Тераора и Великой Отечественной. Этот спор и не иссякает, и не разрешается. В ответ на «Бессмертный полк» появляется «Бессмертный барак». То есть это какие-то такие структуралистские игры в бинарные оппозиции на историческом материале. Понятно, что это в основном среди интеллигенции. Но постоянство этого спора для меня удивительно.

С.Э. А религиозная идентичность, о которой вы говорите, это в основном у старшего поколения?

С.У. Да, это то, что я наблюдал у старших.

С.Э. Те, кто были коммунистами, сейчас стали религиозными? Может быть, это связано еще с возрастом, когда уход приближается, хочется вспомнить про загробную жизнь и т. д.?

С.У. Наверное, да. Я еще смотрю по своим сверстникам, тем, кто со мной учился в университете — среди них достаточно людей, которые стали ходить в церковь, соблюдать религиозные обряды и т. д.

С.Э. А в церковь они ходят не только на Пасху, но и по воскресеньям, например?

С.У. Есть такие, кто ходит постоянно... Может, вы правы — это возраст так дает о себе знать. Но все равно — непонятно. Почему именно так, а не иначе? Почему, условно говоря, не йога? Мы же говорим о поколении людей, которые достаточно грамотны, чтобы знать, чем себя занять... Я был в Москве этим летом, когда там были выставлены мощи.

С.Э. Да, посетителей было более миллиона человек.

С.У. Я шел мимо, был по другую сторону этих «баррикад», с другой стороны Москва-реки, на Красном Октябре, и оттуда была видна эта огромная очередь. Мне все это, конечно, напомнило другие мощи — мавзолеем Ленина. Т.е. формально какие-то вещи остаются постоянными. Хотя меняются на уровне содержания.

С.Э. То есть это не только на уровне пропаганды про скрепы, но и получает отклик у населения?

С.У. Мне кажется, вся эта тема про скрепы, она не на пустом месте возникла. Потому что скреп хочется. Точнее — хочется ясности в базовых вопросах. Что такое хорошо и почему так плохо? «Скрепы» об этом. Они позволяют четко ориентироваться и не ставить себя всякий раз перед моральным выбором, потому что постоянно такой выбор делать тяжело и малопривлекательно. Апофеоз беспочвенности как стиль жизни — это же невыносимо, хотя безумно интересно. Религия в этом плане дает какую-то предсказуемость. Как в свое время это давала идеология.

Может быть, это реакция на нелиберальную идеологию последних десятилетий? На разочарованность в надежде 90-х на то, что рынок все и всех расставит по местам. Что твой успех — это следствие твоей индивидуальной активности, что успешные люди — это люди, которые знают, как надо жить... А потом выясняется, что успех — нередко дело случайное, итог совпадения ряда обстоятельств...

С.Э. В связи с этим вопрос о росте народного сталинизма, который пошел не с Путина. Где-то с 1995 г. он начал фиксироваться в соц-опросах и продолжает расти. Чем вы это объясняете?

С.У. Мне сложно обобщать, потому что я не делал никаких интервью на эту тему. Было бы очень интересно посмотреть, как люди себе это объясняют. Я могу только спекулировать на эту тему. С одной стороны, мне кажется, это такая скептическая реакция, в том числе и на попытки увязать все неудачи со Сталиным. Когда происходит назначение своего рода одного и главного ответственного за все то, что происходило. Мне кажется, что ситуация сложнее. И когда складывается негативный культ личности, возникает попытка занять обратную позицию. Но я повторюсь — я не знаю, мне нужно пообщаться с такими людьми.

С.Э. А когда вы брали интервью, эта тема вообще не всплывала в разговорах?

С.У. Я не помню такого.

С.Э. То есть для людей это было неактуально?

С.У. Такой сознательной темы я вообще не помню. Для меня 90-е интересны тем, что тема Террора и сталинизма, и даже Великой Отечественной — там как-то ушли на второй и третий план. Той важности, которую история приобрела сейчас, я не помню. В интервью, которые я делал в начале 2000-х, сиюминутный и недавний опыт людей был настолько значим, что списывать все на голод и террор 30-х им не приходило в голову. Причины искали в недавнем. Во многом еще и потому, что помнили, что в 80-е жили в общем-то относительно неплохо. Всем запомнился обвал. Город во тьме. Когда погасли уличные фонари, потому что кто-то обрезал провода и сдал их в скупку металла...

С.Э. Можно сказать, что их причисление себя к сталинистам — это своеобразная реакция протеста? Им говорят, что при Сталине все было ужасно, а они назло утверждают, что все было хорошо. Так?

С.У. Да, у меня есть такое ощущение. Мне напоминает это советскую логику, когда вы нам говорите, что коммунизм — это хорошо, а мы вам будем рассказывать анекдоты про Брежнева. Некая попытка снижения всеобщего пафоса. Здесь, может, примерно то же самое. Помните, как в советское время у некоторых водителей появились на лобовом стекле фотографии со Сталиным — как ответ на его разоблачения? Мне кажется, что мы похожее видим — ритуальный протест доступными средствами. Сопrotивление в виде обряда.

С.Э. Получается, что люди, озабоченные ростом сталинизма, раз-

облачая его — на самом деле его подпитывают.

С.У. Понимаете, цель любых «разоблачений» — продемонстрировать определенную тенденцию. Не показать всю цветущую сложность ситуации, а обозначить вектор определенный. И пока советский период будет оформляться в виде противопоставления, условно говоря, ГОЭЛРО и ГУЛАГа, «лампочки Ильича» и ключей проволоки, ситуация так и будет оставаться патовой.

В психоанализе есть такой термин — расщепление. Мелани Кляйн много писала в свое время о том, что в своем развитии грудные дети движутся от стадии, которую она называла параноидально-шизоидной, к стадии депрессивной. Параноидальная стадия сводилась к тому, что мир воспринимался поделенным на силы тьмы и добра. Есть, как писала Кляйн, «хорошая грудь» — источник тепла, пищи и т.п. И эту «хорошую грудь» ребенок интериоризирует, считает частью себя. Но иногда эта грудь исчезает куда-то. И вот эта исчезающая «грудь» — это «грудь» плохая, она вовне, снаружи, за пределами существования ребенка. Кляйн называла эту операцию «расщеплением», когда хорошее и плохое — географически не совпадают. Выходом — для Кляйн — должна быть ситуация, когда приходит осознание, что, во-первых, «грудь» одна и та же, а во-вторых, что она всегда, так сказать, не твоя. Признание этого факта зависимости от внешнего мира, который существует по своим принципам, и связано у Кляйн с «депрессивной позицией», т.е. с осознанием того, что вот эту ситуацию — не изменить, своей

только хорошей «груди» не вырастет и потому надо привыкать к несовершенству того, что доступно.

Так вот, про Сталина. Расщепление на *плохого Сталина* и *хорошего Сталина* — оно сходно по своей природе, оно аффективно-идентификационное, а не историческое. Вопрос в том, как найти нарративную рамку, которая позволит эти «груди» соединить, поняв при этом, что они — за пределами *нынешней* жизни. Мне кажется, задача в том, чтобы уйти от Сталина как от ключевой метафоры советского периода и говорить о рамках, которые не сводили бы это время (да и любое другое) к какой-то единой поляризующей теме «груди», а объясняли его не только через личности, но и через процессы и институты, практики и ценности.

Мне странно, когда в советской истории пытаются находить только историю сталинизма и террора. Мне кажется, он интересен не только этим, хотя я понимаю, почему об этом хочется говорить опять и опять — уж слишком долго про это молчали. Но... я, когда стал заниматься Чеченской войной, вдруг обнаружил, насколько мало она представлена в повседневной жизни большинства людей, в общественном дискурсе, так сказать... Я помню, что тогда еще подумал, с Террором, видимо, было то же самое — для кого-то он тоже был не главной частью их жизни.

С.Э. Это ваше наблюдение очень интересно! Для многих представителей интеллигенции 90-е гг. были временем возможностей. Вы в Америку смогли поехать. Я бы в советское время никогда в аспи-

рантуру не поступил в антисемитском Кишиневе — это точно. И поэтому казалось, что и у остальных все было нормально. Но ведь если вспомнить, что после Большого террора молодые инженеры становились директорами заводов — это же тоже был взлет для них! И, наверняка, они так же не хотели замечать всего остального. В этом есть некая наша черствость — мы, как интеллигенция в целом, не готовы этим людям сочувствовать.

С.У. Сочувствие это одно. Но тут есть и другое — мы свой собственный опыт начинаем воспринимать за социальную норму. Мое исследования последствий Чеченской войны для меня стало очень важным в том числе и потому, что оно очень хорошо показало, насколько закрытым может быть тот или иной *массовый* опыт.

В войне в Чечне участвовало людей больше, чем в Афганистане. И погибло там больше. А знаем мы про это гораздо меньше. В интервью на «Гэфтере» я недавно говорил о том, что мы продолжаем обсуждать 30-е и 40-е гг., а вот чеченский и афганский опыт остаются мало проговоренными до сих пор. И все это в ситуации, когда люди, которые могут об этом рассказать, они вот тут — рядом. Они живы. Они еще помнят. Но их опыт оказывается почему-то менее важным, менее интересным, менее значимым социально и эстетически, чем опыт людей ушедших. Почему?

С.Э. Это была — как бы — ошибка власти: «Люди погибли, но это было ошибкой, ну и забудем про нее!» В таком ключе?

С. У. Где-то так. В сборнике «Травма: пункты», который я редактировал с Еленой Трубиной, у нас есть любопытная статья Роба Весслинга — про смерть Надсона как гибель Пушкина. Она о том, что получается, когда есть нормативная модель того, как должен умирать большой писатель. О том, что есть образцовый и показательный способ умирать. Афган и Чечня — не образцовые. Не показательные. Наверное, еще и потому, что участвовали в них, как правило, представители социальных групп, которые историческими исследованиями не занимаются. Выбор образцовых травм, видимо, очень зависит от того, кто делает этот выбор.

Кстати, было бы интересно сделать сравнительный анализ травм — какие травмы становятся важными, а какие — нет в современных гуманитарных журналах...

С. Э. То есть раскол между нашей — скажем так — образованной частью общества и остальными связан с тем, что у нас разные травмы? Интеллигенция акцентируется на сталинизме, а остальные на личных переживаниях 90-х?

С. У. Да, видимо, у нас была хорошая жизнь. Как вы говорите — для нас 90-е не стали травмой. Они были временем возможностей. В отличие от многих других. Рефлектировать по поводу собственного опыта нам не очень интересно, поэтому интереснее смотреть на исторические вещи, занимая некую метапозицию отстраненности. А эти люди не могут позволить себе такую роскошь, чтобы, отойдя от собственного опыта, не связывать се-

годняшнего положения с тем, что произошло с ними в 90-е... В одном письме в 2000 г. мать солдата, погибшего в Чечне, пишет о том, что никак не может найти информации о гибели сына, и роняет попутно: «Мне еще детские пособия за него так и не выдали, а его уже нет в живых»... В моей жизни не было таких «пособий». Из моего села не крали АТС. Я не знаю, как это — не иметь возможности позвонить в город. И я думаю, что отсутствие такого опыта во многом определяет оптику моих исследований тоже...

С. Э. А ваши знакомые в Барнауле сейчас чувствуют себя увереннее в сравнении с 90-ми? Или все равно присутствует обида, что держава развалилась? Ресентимент остается, или люди становятся более спокойными?

С. У. Мне кажется, стало поспокойнее, хотя особыми исследованиями я не занимался (я последние 7–8 лет в основном работаю с материалами из Киргизии и Беларуси). Мне кажется, это уже такая общая ситуация, ведь жизнь идет, дети идут в школу, в университет, появились внуки, поэтому как-то примиряешься с жизнью страны. Препрежней страны не стало, появилась другая. Даже в ситуации с Украиной острота разногласий стала снижаться. Стало понятно, что есть разные группы, есть разные взгляды и эти взгляды никогда не сойдутся, и появилось понимание того, что так, скорее всего, будет и дальше.

С. Э. Как вы считаете, чтобы нам преодолеть раскол общества, интеллигенция — те же артисты, писа-

тели, журналисты, историки — должна помогать людям выговориться? Так, чтобы наши современники могли выговорить ту травму, которую они пережили в 90-е, — в виде воспоминаний и интервью, журналистских публикаций и художественных произведений на эту тему. Чтобы общество признало значимость их страданий.

С.У. Но ведь это же не только про значимость. И языков-то таких нет, на которых говорить о 90-х. Тут же борются две темы: либо это все «лихие 90-е», либо это «остров свободы» — т.е. опять некая бинарность. Иного не дано.

Мне кажется, что дихотомии тогда будут менее значимы, если в анализе того периода мы будем выходить на уровень повседневности, на уровень индивидуального человека. Точнее, их будет меньше. Когда люди будут рассказывать о своем опыте в своих деталях, тогда там появятся сцепления и формации, которые не появляются при поляризующем подходе. Я привез из поездки книгу интервью, которую сделали Елена Рачева и Анна Артемьева — «58-я. Неизъятое». Интервью с людьми, которые были в ГУЛАГе — заключенные и их охранники. В книге все это собрано вместе. И это не примирение, а сосуществование тех, кто сидел, и тех, кто их охранял. Это странно читать и видеть вместе, но, мне кажется, это очень нужный шаг к той «депрессивной позиции», о которой я говорил. К пониманию того, что не делится этот период на «хорошую историю» и «плохую историю». История была жуткой. И хорошо то, что она закончилась.

И нужно бы учиться воспринимать ее как историю. Чтобы знать, как говорить с теми, кто был в Чечне, — говорить сейчас, а не когда им будет за 80... Мне кажется, такие книги дают нам гораздо больше, чем бесконечные попытки использовать Сталина в виде консолидирующей негативной и позитивной фигуры. Для меня исторический период интересен не вождями, а людьми, которые в этот период жили. И чем больше мы будем заикливаться, скажем, на «Ельцин-центре» как институции, персонифицирующей период, тем меньше мы будем знать про это время.

С.Э. Мне пришлось как-то просматривать профили «френдов» в социальных сетях. Я был поражен тем, сколько русских гуманитариев работает за рубежом, в том числе и в ведущих западных университетах. Получается, что у нас был не такой плохой уровень образования, раз столько русских востребованы в мире. У меня в связи с этим вопрос о вашем личном антропологическом опыте: вы стали американским профессором в солидном университете, что вы посоветуете молодым людям, которые у нас в стране не могут найти себе применения после того, как оканчивают вузы? Как попасть в Америку, в Европу и стать там профессором?

С.У. Вы знаете, сложно. На один удачный или успешный опыт приходится масса неудачных. Я знаю многих людей, которые, приехав сюда, защитили PhD, но так и не смогли найти работу. Не потому, что они были «неконкурентоспособны».

Во многом потому — что не повезло с рынком труда, с вакансиями работ, со стечением обстоятельств. В этом плане я не хотел бы, чтобы складывалось мнение о том, что все так легко. Во многом это удача, и этого нельзя сбрасывать со счетов.

Академическая система в Америке (я европейскую хуже знаю) работает так, что прийти со стороны и получить здесь работу очень сложно, т.к. на работу принимают людей через личные рекомендации коллег, которые — как предполагается — достаточно знают эту систему, знают ее критерии и стандарты и могут сказать, насколько кандидат соответствует ожиданиям.

И узнать, как работает эта система, можно только пройдя ее изнутри: поварившись здесь, поучившись здесь, показав себя на конференциях и семинарах, увидев других и т.д.

Мне повезло, что я уговорил себя делать PhD здесь. Решился пройти весь этот путь сначала — я был самым старшим в моей когорте аспирантов в Колумбийском. Это было непросто...

Я бы посоветовал тем, кто хочет видеть себя в международной академической среде, начинать думать об этом заранее. Нужно начинать учить язык, думать о своих интеллектуальных интересах. К нам в последнее время стали подавать заявки в аспирантуру больше людей из России, Украины, Белоруссии. Специфика этих потенциальных аспирантов в том, что многие хорошо знают местные архивы. Они предлагают темы, о которых — условно говоря —

американские аспиранты и думать не могут, потому что у них нет глубины знаний этого материала.

Проблема в другом. Она в том, что, как правило, ребята из бывшего СССР не всегда знают, *зачем* этим заниматься и *как* это вписать в те профессиональные дискуссии, которые идут здесь сейчас. Проблема с академией и существованием академии во многом состоит в том, что туда сложно *«прийти с мороза»*, там уже идут какие-то разговоры и надо встраиваться в эти дискуссии, менять их изнутри при помощи своих материалов и взглядов. Вот этого вписывания, на мой взгляд, не происходит. Вместо этого зачастую происходит попытка работать на своей — может быть, и очень замечательной — деланке, но не интегрированной в общий академический процесс. Это особенно видно на международных конференциях, которые я организую в Принстоне. Докладчики из бывшего СССР — это часто такие солисты, не вливающиеся в конференциальный хор. Люди на особицу.

Так вот, я бы посоветовал следить за тем, что происходит, и знать, кому вы интересны своим исследованием. Это сложно, этого нельзя сделать, не участвуя в конференциях, не бывая на Западе, не посещая стажировки. Я это наблюдаю не только с аспирантами, но и с часто приезжающими исследователями, которые нередко выдают массу безумно интересных фактов и материалов, не помогая понять, зачем это нужно, в чем состоит исследовательская интервенция, с кем идет спор и для кого все это говорится.

С.Э. Получается, что у русских больше позитивизма, они считают, что факты говорят сами за себя?

С.У. Наверное. Но мы же знаем — факты сами за себя не говорят.

С.Э. Да, это понятно. Питерские историки часто противопоставляют себя Москве, заявляя, что они работают с фактами, а московские коллеги строят концепции из головы. По понятию «питерских»: «Факты должны говорить сами за себя».

С.У. Тогда пускай ваши факты говорят с моими! А мы пойдем пиво пить.

Мне кажется, исследование в том и состоит, чтобы из фактов сделать картинку, вписывающуюся в дисциплинарное поле. Или ломающую это поле. Задать рамку, а не добавить цифру...

Хотя вопрос не только о фактах, там и теоретизирование бывает любопытное. Иногда уж такое самобытное, что думаешь: «А что с этой хохломой делать?» Т.е. все очень красиво, и завитки, и золото сусальное... А вот есть из этой хохломы нельзя.

Мне кажется, академический процесс — это процесс диалогичный. Доклады и статьи мы делаем для аудитории. Делать вид, что мы работаем для вечности и там потом кто-то нас найдет и прочитает, — мне кажется, это какая-то роскошь. Работать надо с аудиторией, которая есть здесь и сейчас. Трансформировать ее, эпатировать, воспитывать, беря в расчет то, что есть здесь сегодня. Абстрагироваться от этого

мне кажется странным. Хотя мне тоже часто говорят, что я пишу либо совсем ненаучно, либо совсем непонятно. Есть куда развиваться...

С.Э. Пришло время спросить о творческих планах. Чем вы сейчас занимаетесь, что собираетесь сделать?

С.У. Я пишу (и все никак не допишу) свою книгу про постколониализм в Евразии, полевые исследования к которой я делал в Минске и в Бишкеке. Уже несколько лет я пытаюсь ее написать. Получается с переменным успехом. Там несколько интересных тем. Одна из них о том, как быть, когда единственная исторически доступная форма модернизма — это советская, и она начинает восприниматься как колониальная. Во многом для меня это связано с популярностью преמודернистских форм исторического воображения в этих странах — условно говоря, попытка видеть в Великом княжестве Литовском или Киргизском Великодержавии некий источник вдохновения для сегодняшних процессов формирования независимой государственности.

Мне интересно, почему происходит реанимация этого языка о великодержавии в постсоветской ситуации, когда — казалось бы — приоритетами должны стать демократические формы правления, демократическая культура, многообразие, толерантность. Это одна тема.

Второй проект, над которым я работаю, связан с материалом, на который я случайно набрел. В Прин-

стане есть большая коллекция раннесоветских детских книжек. Был такой богатый человек, Ллойд Котсен, который собрал что-то около 2 тысяч книг, 1,5 тысячи из них — раннесоветские (до 1953–1955 гг.). Мне очень долго хотелось, чтобы библиотека начала оцифровку этих книг. И вот, благодаря нашему новому славистскому библиографу, дело сдвинулось с мертвой точки. Уже обработали около 170 книг.

Я никогда не думал, что уйду в эту тему, но стал заниматься и как-то втянулся. В начале 1920-х художественный рынок окончательно рухнул, и массе художников было некуда податься, и государство было единственным, кому они могли продать свои услуги в качестве иллюстраторов советских книжек для детей. Писатели и художники пытались рассказать на доступном детям языке о том, что такое коммунизм, социализм, революция, труд, класс, национальность и т. д. Понятно, что задачи были идеологическими, но и

онтологическими в то же время: важно было объяснить, что такое хорошо и что такое плохо на уровне повседневных формул. Меня в этом случае интересует то, как сложные концепции переводятся на язык изображений. Пока я в начале темы, сделал только пару статей и не очень знаю, что из этого выйдет в итоге. Но продолжаю копать...

Ну и мой «долгоиграющий» проект — сборник «Формальный метод: Антология русского модернизма». В издательстве «Кабинетный ученый» уже вышли три тома, сейчас я начал делать четвертый. Это попытка собрать вместе тексты формалистов и конструктивистов 1920–1940-х гг. Это теоретические тексты, до сих пор не утратившие своей актуальности. Мне кажется, мы еще многому можем научиться у них — и терминологически, и теоретически. Для меня это попытка вернуть интеллектуальный долг, сделав доступным тексты людей, которые очень сильно на меня повлияли.

“EVERYTHING IS RATHER RANDOM IN MY ACADEMIC LIFE”.

Interview with S. A. Ushakin

Ushakin Sergey A. — Professor of Anthropology and Slavic languages and literature, Director of the program of East European, Eurasian and Russian studies at Princeton University (USA)

Key words: historical and socio-cultural anthropology, historical memory, traumatic experience, the Soviet past, the Stalin period of Soviet history, the Chechen wars, American university life.

Abstract. The well-known expert in the history of culture and historical anthropology, who has worked for many years in one of the American universities, talks about his academic career and current research, comparing the traumatic experience of different generations of Soviet citizens.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>